

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ И РЕГИОНАЛИЗАЦИИ:
К НОВОЙ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА**

**Материалы
Международной научной конференции**

**Под редакцией Н. М. Михеевой,
Д. Н. Хальчевского, Н. В. Каледина**

**Санкт-Петербург, СПбГУ
10–11 ноября 2023 года**

Санкт-Петербург
Медиапапир
2024

УДК 327
ББК 66.4
С56

Современные процессы глобализации и регионализации: к новой пространственной организации общества: Материалы Международной научной конференции (Санкт-Петербург, СПбГУ, 10–11 ноября 2023 года) / под редакцией Н. М. Михеевой, Д. Н. Хальчевского, Н. В. Каледина. — СПб.: Медиапир, 2024. — 310 с.

ISBN 978-5-00110-443-8

© Коллектив авторов, 2024

© Медиапир, 2024

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
МАТЕРИАЛЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ.....	10
КОНТУРЫ И ИМПЕРАТИВЫ НОВОЙ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В МЕНЯЮЩЕМСЯ ГЛОБАЛЬНОМ И ЕВРАЗИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ	
Дружинин А.Г.....	10
ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ: СОДЕРЖАНИЕ, ФОРМЫ, ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА (ОПЫТ ЕВРАЗИИ)	
Каледин Н.В., Каледин В.Н.....	15
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	
Елацков А.Б.....	19
ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНИХ СВЯЗЕЙ ПРИДНЕСТРОВЬЯ В УСЛОВИЯХ КАРДИНАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ	
Бурла М.П.	23
РАЗМЫШЛЕНИЯ О РОЛИ КИТАЯ И РОССИИ В ШОС И БРИКС	
Ван Ци, Чэнь Диюй, Ульянова С.Б.....	28
ИЗМЕНЕНИЯ ПОДХОДОВ К ОЦЕНКЕ ИНВЕСТИЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНОВ РОССИИ	
Елеуков М.Ю.....	34
КЛАСТЕРИЗАЦИЯ МЕДИЦИНСКОГО ТУРИЗМА КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ОРГАНИЗАЦИИ ЗДОРОВЬЕСБЕЖЕНИЯ	
Чистобаев А.И., Грудцын Н. А.....	39
МАТЕРИАЛЫ ДОКЛАДОВ НА СЕКЦИЯХ И КРУГЛЫХ СТОЛАХ	43
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БОТОВ В ТУРБИЗНЕСЕ (ПО ИТОГАМ АНАЛИЗА МАТЕРИАЛОВ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, СМИ, БЛОГОВ, КАНАЛОВ МЕССЕНДЖЕРОВ, САЙТОВ ФИРМ, ОКАЗЫВАЮЩИХ УСЛУГИ В СФЕРЕ ТУРБИЗНЕСА)	
Абросимова Н.В.	43
СТРУКТУРА РАССЕЛЕНИЯ БЕЖЕНЦЕВ В ТРАНЗИТНЫХ СТРАНАХ ЕВРОПЫ В ПЕРИОД МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА	
Агафшин М.М., Горохов С.А., Дмитриев Р.В.	48
ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БАССЕЙНА ФИНСКОГО ЗАЛИВА: ТРАНСПОРТНЫЕ СВЯЗИ РОССИИ И ФИНЛЯДИИ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ	

Андреев А.А.	53
КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ УЧАСТИЯ МАЛЫХ ГОСУДАРСТВ В МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ	
Барабаш Б.А.	57
ПРОЦЕССЫ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ИСПАНИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ЦИКЛА 2021–2023 ГГ.)	
Баранов А.В.	64
РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ	
Баранов Н.А.	68
ЕВРАЗИЙСКИЕ КОНТУРЫ БУДУЩЕГО МИРОУСТРОЙСТВА	
Бахтуридзе З.З.	72
ПОЛИТИКА УПРАВЛЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫМИ РЕСУРСАМИ В РЕСПУБЛИКЕ ВЬЕТНАМ	
Богданов В.Л., Малинин В.Э., Динь Тхи Хонг Туен	75
ВАКФ И ЕГО ХАРАКТЕРИСТИКИ КАК ФАКТОР В ОПРЕДЕЛЕНИИ ПРАВ СОБСТВЕННОСТИ И НАЗНАЧЕНИИ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА НА НАЦИОНАЛЬНОМ И МЕЖГОСУДАРСТВЕННОМ УРОВНЯХ	
Бриско А.В.	80
ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ И СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ ПРИДНЕСТРОВЬЯ	
Бурла О.Н.	85
ДИНАМИКА РЕГИОНАЛИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ	
Вардомский Л.Б.	90
СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ МОНИТОРИНГ УСТОЙЧИВОСТИ АРКТИКИ: ФОРМИРОВАНИЕ ПОДХОДОВ И МЕТОДОВ НА ПРИМЕРЕ ПРОБЛЕМ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОЗОБНОВЛЯЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ ЭНЕРГИИ КАК МЕРЫ АДАПТАЦИИ	
Власова Т.К.	94

**ФАКТОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: УГРОЗЫ ИЛИ ВОЗМОЖНОСТИ
РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ВНЕШНИХ ВЫЗОВОВ**

Волошенко К.Ю. 103

**ЭКУМЕНИЗМ И ПРАВОСЛАВИЕ – ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ
АСПЕКТ**

Гнято Р., Медар-Таньга И. 109

**ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ И
ПОСЕЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

Голоухова Д.В. 116

**РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В АРКТИКЕ В
КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОГО ПОРЯДКА**

Грибанова Г.И. 122

**СОВРЕМЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОНЯТИЙ
«РЕГИОНОВЕДЕНИЕ», «РЕГИОНАЛИСТИКА», «РЕГИОНАЛЬНАЯ
ГЕОГРАФИЯ», «СТРАНОВЕДЕНИЕ»**

Горбанёв В.А. 127

**ОСОБЕННОСТИ РАССЕЛЕНИЯ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ
СТРУКТУР НАСЕЛЕНИЯ В ГОРОДАХ СИБИРИ**

Дмитриева Ю.Н. 130

РЕЙТИНГ СТРАН ПО ЭКСПОРТУ ХАЛЯЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ

Дубич В.В., Бриско А.В. 133

**КИТАЙСКО-РОССИЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И КУЛЬТУРНЫЕ
ОБМЕНЫ В РАМКАХ ПРОГРАММЫ «ОДИН ПОЯС-ОДИН ПУТЬ»**

Жэнь Сыцзинь 138

**ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ДИНАМИКА ПЯТИДЕСЯТНИЧЕСТВА В
АФРИКЕ: ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ**

Захаров И.А. 143

**ВОЕННАЯ ОБСТАНОВКА И ВОЕННЫЕ УГРОЗЫ РОССИИ НА
БАЛТИКЕ**

Зверев Ю.М. 147

**ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ В
РАМКАХ УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА**

Кавасоглу М.М. 152

**СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Козлов И.С., Максимов Н.Б.	157
КОНСОЛИДИРОВАННОСТЬ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ ЕВРАЗИИ	
Комаров И.Д., Горбунова М.Л.	161
РАЗВИТИЕ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ ПОЛЯРНЫХ РЕГИОНОВ С НЕАРКТИЧЕСКИМИ СУБЪЕКТАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	
Котов А.В.	170
РАЗВИТИЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	
Кузнецова Е.В.	174
ДОГОВОР ПОСТАВКИ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВАМИ-ЧЛЕНАМИ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА. ЧТО УЧЕСТЬ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ?	
Купцова А.С.	179
ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СТРУКТУРА СОВРЕМЕННОГО ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ	
Логвинов И.А.	183
ПАНТЮРКИЗМ В РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЯХ: ИДЕОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ, ВЛИЯНИЕ НА СОВРЕМЕННОСТЬ	
Мамедова Ш.А.	189
ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ВЗАИМОСВЯЗАННОСТЬ ВЕДУЩИХ СТРАН МАКРОРЕГИОНОВ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА	
Махновский Д.Е.	192
ВОСТОЧНОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ: НОВЫЕ И СТАРЫЕ ПОДХОДЫ	
Михеева Н.М.	198
ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОДЕЙСТВИЕ РОССИИ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В СИРИИ КАК ОСНОВНАЯ ПРИЧИНА ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКО-СИРИЙСКОГО СОЮЗА	
Мищенко Я.А.	204
ФОРМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В БАЛТИЙСКОМ РЕГИОНЕ	
Нельга А.А.	209

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ИЗБИРАТЕЛЕЙ НА ВЫБОРАХ РАЗНЫХ УРОВНЕЙ ПРЕФЕКТУРЫ ТОКИО	
Осипов К.А.....	213
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ТУРИЗМ В АРКТИКЕ КАК ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ РЕГИОНА	
Остапченко П.И.....	217
АНАЛИЗ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ПРИБАЛТИЙСКИХ РЕСПУБЛИКАХ (НА ПРИМЕРЕ ЭСТОНИИ)	
Перышкин М.О.....	222
РЕГИОНАЛИЗМ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: КОНКУРЕНЦИЯ ИЛИ ВЗАИМОДОПОЛНЕНИЕ?	
Погорельская А.М.....	226
РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ КАК ИТОГ ПРОТЕКАНИЯ ЦЕНТР-ПЕРИФЕРИЙНЫХ ПРОЦЕССОВ И ПРОЦЕССОВ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)	
Ридевский Г.В.....	230
ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА ТЕОРИЮ И ПРАКТИКУ ВНУТРИОБЛАСТНОГО (ДРОБНОГО) РАЙОНИРОВАНИЯ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ	
Рогозина Р.Е., Кулаковский Е.С.....	235
ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ЦЕНТРА МАЛОГО ГОРОДА	
Рыков Д.Д.....	239
БЕЛАРУСЬ – МОДЕЛЬ УСПЕШНОГО ВЫПОЛНЕНИЯ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ	
Сдасюк Г.В.....	245
КРИТИЧЕСКОЕ, СИСТЕМНОЕ И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК ВЕДУЩИЕ НАДПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ НАВЫКИ В АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ РОССИИ	
Смирнова Н.С.....	249
КОНЦЕПЦИЯ «МЕЖДУМОРЬЯ», РОССИЯ И ТУРЦИЯ НА ПЕРЕКРЕСТЬЕ СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ И ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИХ ТРЕНДОВ	
Сергунин А.А.....	253

КОНЦЕПЦИЯ SVENSKNET КАК ФАКТОР ПРАВОГО ПОВОРОТА В ПОЛИТИКЕ ШВЕЦИИ

Степаненко А.А., Матвеевская А.С. 2534

ТИПОЛОГИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ РЕГИОНОВ РОССИИ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Федоров Г.М. 258

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТАХ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Тенчиков А.А. 267

РОССИЯ, КИТАЙ И ТУРЦИЯ В СИСТЕМЕ ВНЕШНЕТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ УЗБЕКИСТАНА

Федорко В.Н. 271

РАЗВИТИЕ ГОРОДА КАЗАНЬ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ УРБАНИЗАЦИИ

Федорова В.А., Сафина Г.Р. 279

ЕВРАЗИЙСТВО ВО ВНЕЙШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ТУРЦИИ

Филинцева А. В., Шибков Н.А., Михеева Н.М. 282

КОНФЛИКТОГЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНДИИ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ

Хальчевский Д.Н. 290

НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА СПЕЦИАЛЬНОГО АДМИНИСТРАТИВНОГО РАЙОНА ГОНКОНГ, КИТАЙ

Цзян К.С. 295

ИЗРАИЛЬСКОЕ ЛОББИ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ИЗРАИЛЯ В БОРЬБЕ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ

Шилова Э.В. 299

РОЛЬ РОССИИ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНФИГУРАЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИЦЕНТРИЧНОЙ МИРОВОЙ СИСТЕМЫ

Шумилина М.А, Нефедова К.А., Чирков М.А., Чистяков М.С. 304

SINO-RUSSIAN COOPERATION IN THE ARCTIC IN THE AGE OF GEOPOLITICAL TURBULENCE: PROBLEMS AND OPPORTUNITIES

Sergunin A.A. 307

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемом Вашему вниманию сборнике представлены доклады участников Международной научной конференции «Современные процессы глобализации и регионализации: к новой пространственной организации общества». Конференция была организована и проведена Санкт-Петербургским государственным университетом по инициативе кафедры региональной политики и политической географии на основе университетского гранта 10-11 ноября 2023.

Конференция привлекла внимание широкого круга отечественных и зарубежных учёных, студентов, аспирантов не только представителей географических наук, но и политологов, историков, международных, регионоведов, экономистов, политических практиков. Её актуальность обусловлена не только высокой динамикой и многообразием последствий территориально-политических и геополитических процессов для стран и регионов мира,

В конференции, прошедшей в очном и дистанционном форматах, приняли участие более 200 чел. из России и 10 стран мира: Китай, Казахстана, Белоруссии, Армении, Венгрии, Боснии и Герцеговины, Азербайджана, Турции, Сербии, ДНР, Приднестровья. Из более чем 30 университетов, институтов, исследовательских центров представили результаты своих исследований авторы из России из 12 субъектов РФ.

Структура сборника материалов конференции представлена двумя тематическими блоками докладов. Первый блок включает тексты докладов, представленных на пленарном заседании, во второй блок вошли доклады участников Конференции. В рамках конференции работали восемь секций: «Процессы глобализации и регионализации: исторические формы, современные тенденции и проблемы пространственной организации общества», «Евразийское пространство: факторы, тенденции и перспективы трансформации», «Роль России в меняющемся миропорядке» совместно с кафедрой международных отношений СЗИУ РАНХиГС, «Урбанизация, городское и сельское развитие в меняющемся мире», «Балтийский регион в условиях геополитической трансформации», «Тенденции и проблемы регионального развития России», «Арктика: проблемы и перспективы регионального развития», «Геополитические проблемы стран и регионов» и пять круглых столов: «От «евразийства» к «неоевразийству» и новым геополитическим идеям» (к 95-летию профессора СПбГУ С.Б. Лаврова), «Образование в контексте современных процессов глобализации и регионализации», «Электоральная география и геополитика» совместно с МИМРД МПА СНГ, Центром пространственного анализа МГИМО, «Исламский мир в современных междисциплинарных исследованиях», «Российско-турецкие отношения как фактор трансформации глобальной и региональных систем» совместно с ИНИОН РАН, Центром исследований современной Турции и российско-турецких отношений СПбГУ.

В рамках конференции прошел конкурс научно-исследовательских работ молодых учёных, в котором приняли участие десять человек, работы участников представлены в сборнике. Конкурс научно-исследовательских работ был направлен на выявление творческого и интеллектуального потенциала студентов, аспирантов и молодых ученых, стимулирование их научно-исследовательской деятельности в области политико-географических и геополитических исследований, в сфере проблем регионального развития отдельных стран и регионов.

Редакционная коллегия благодарит авторов докладов-статей, модераторов тематических секций и круглых столов, членов жюри конкурса и всех, кто принял участие в подготовке данного сборника.

Надеемся, что опубликованные в сборнике материалы будут полезны представителям не только общественной географии, но и других научных сфер, а также экспертам-практикам, которые занимаются исследованием проблем пространственного развития, территориально-политической, электоральной и геополитической проблематики современного мира и России.

Редакционная коллегия

МАТЕРИАЛЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

УДК 910.1

КОНТУРЫ И ИМПЕРАТИВЫ НОВОЙ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В МЕНЯЮЩЕМСЯ ГЛОБАЛЬНОМ И ЕВРАЗИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

Дружинин А.Г.^{1,2,3}

¹ Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

² Институт географии РАН, Москва, Россия

³ Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия

Пространственная организация современного российского общества, испытывая всё возрастающее влияние глобальных трендов и евразийских детерминант, нуждается в своей дальнейшей коррекции. В статье рассмотрены важнейшие геополитические и геоэкономические изменения и их вероятностные проекции на российский пространственно. Особый акцент сделан на обусловленных глобальным полицентризмом и регионализмом приоритетах пространственного развития Российской Федерации, к числу которых отнесены: территориализация (в том числе муниципализация) управленческих практик и исследовательских подходов, континуализация собственно самого пространства (достижения эффективной целостности его компонент в рамках множественных ситуационных полимасштабных пространственных дихотомий), обеспечение «взаимоподдерживающего соизвятия» территорий, а также идентификация и выстраивание «больших» российских пространств (Центральная Россия, Большой Юг России, Большая Сибирь, Большой Урал и др.).

Ключевые слова: пространственная организация общества, региональное и муниципальное развитие, Россия, Евразия, евразийство, общественная география

ВВЕДЕНИЕ

Метаморфозы глобального миропорядка (в первых своих проявлениях фиксируемые и осмысливаемые рядом экспертов уже с момента финансового кризиса 2008 года [1, 2]) обрели для современной России (миновавшей с начала СВО своеобразный «геополитический Рубикон») предельно выраженный и фактически безальтернативный, во-многом экзистенциальный характер. Многоаспектные и подчас противоречивые, разновекторные общепланетарные текущие изменения (отождествляемые отечественными экспертами-международниками прежде всего со сдвигом экономической активности и мощи из Евро-Атлантического в Индо-Тихоокеанский регион [3], с национализацией и регионализацией политики и экономики [4] и, соответственно, с «новой версией глобализации», с формированием «многополярного мира» [5]) не только вновь выводят на авансцену вселенского противостояния евразийское пространство (трансформируя его архитектуру, равно к и позиции в ней самой России [6, 7]), но и являясь, по существу, полимасштабными, захватывающими как сферу междивизиационных, межгосударственных отношений, так и вопросы взаимодействия (сопризнённости, иерархии) отдельных территорий на внутрискановом и, даже, региональном (местном) уровнях (что в русле осмысливаемого синергетикой «принципа подобия» [8] предельно актуально именно для Российской Федерации).

Текущая глобальная повестка (прогнозируемая видным политологом С.А. Карагановым на ближайшие полтора-два десятилетия [4]) обретает, в этой связи, свой неотъемлемый (и предельно значимый) общественно-географический аспект, вмещающий ряд фундаментальных вопросов, требующих сфокусированного внимания со стороны нашей профессиональной научной корпорации. В их возможном ряду особым образом выделю следующие: как планетарная и евразийская динамика (в том числе её геополитически ангажированная манифестация) способны повлиять на пространственную организацию российского общества? каковы здесь приоритеты, в чём содержащиеся в превалирующем отечественном дискурсе противоречия? каким образом дискурсивная «заданность» грядущих изменений соотносится с их общественно-географической «данностью»? Изначальная «широта» обозначенной

проблематики, равно как и формат данного текста (материалы научной конференции) ориентируют на тезисную, преимущественно концептуальную попытку их освещения.

Глобальные геополитические и геоэкономические изменения и их основные проекции на российское пространство. Во всей полноте осмыслить последствия глобальных изменений для России пока сложно, но уже сейчас отчасти просматриваются (далеко не всегда негативные!) общественно-географические следствия западных санкций, разрыва былых трансграничных хозяйственных и гуманитарных связей, переориентации приоритетных внешнеэкономических партнёрств, равно как и связанного со СВО на Украине военного противостояния. Магистральный же тренд глобальных изменений инициирует, прежде всего, последовательный **переход от былой «вестернизированности»** (достигшей своего постсоветского апогея к концу 2000-х гг.) к **многовекторности** в конструировании как систем внешней коммуникации страны, так и всей её пространственной структуры. Этот процесс во многом сопряжён с многократно декларируем в последние годы «поворотом на Восток», но, как видится, не должен сводиться исключительно к нему, поскольку у России имеется как минимум ещё три очевидных географических (в логике «ромбового» мышления [9]) вектора пространственного развития: *центробежные* арктический (северный), южный (юго-западный [10]), чьё значение в связи с включением в состав РФ новых территорий резко возросло, и сохраняющийся западный (в логике инерции пространства, но, отчасти, и как результат заведомой долговременности общепланетарного потенциала и статуса «коллективного Запада» как «первого среди равных»). В этом ряду следует учитывать также рассредоточенный по пяти опоясывающим страну бассейнам *морской вектор* [11]) и, наконец, предельно выраженный всё последнее двадцатилетие вектор *центростремительный* – столицеориентированный («москвоцентричный»).

Подобная имеющая место де-факто российская многовекторность в динамике и сопряжённости компонент пространства корреспондирует с реалиями формирующегося (и в ещё активной мере провозглашаемого) **полицентрализма мироустройства**, чью детализированную грядущую траекторию, кстати, пока крайне сложно корректно предсказать, полагая вероятностным лишь рост числа общепланетарных и метарегиональных «центров силы» при обостряющейся их конкуренции и сохраняющейся (динамичной) асимметрии. Потенциал России как одного из ведущих акторов всё более лимитирован, при этом, демографическими и экономическими процессами (в которых у Российской Федерации заведомо не лидерские позиции) и в существенной мере зависит от: 1) интенсивности, широты и эффективности внешнеэкономических коммуникаций (ныне, главным образом, с так называемым «Мировым большинством», что требует не только соответствующих специализаций, логистики, научно-технологического потенциала, но и благоприятно-устойчивых геополитических условий, дополняемых военно-силовыми возможностями нашей страны), 2) способности воссоздать собственное «Большое российское пространство» в русле классических представлений о «Евразии» [7] (реализовать проект мобильности и взаимодействия, который превращал бы Россию и евразийское пространство в «мир» [12]); 3) обеспечить не только пролонгированную резистентность пространственной структуры Российской Федерации к внешним изменениям и вызовам, но и её хозяйственную, а также социальную (социокультурную, социально-экологическую) эффективность, когда взаимодействие территорий, их кооперация, комбинирование, дополняемые разумной концентрацией и задействованием агломерационных эффектов – сами по себе могли бы обеспечить дополнительный темп экономического роста, породить мультипликативные эффекты (в том числе позитивные социодемографические и геополитические экстерналии).

Проблемные ситуации и риски проекции геостратегических реалий и идеологем на российское пространство: некоторые вопросы методологии. При переходе к глобальному полицентризму (равно как и декларированию соответствующей идеологемы в качестве одного из фундаментальных ориентиров нашего государства¹) важно принимать во внимание универсальность эффектов географической полимасштабности (в том числе означающую и неизбежное подобие собственно российской динамики всему общепланетарному тренду), фактическое пространственное «взаимоналожение» основных (особым образом – географически соседствующих, а также доминирующих) «миров/цивилизаций» (часть российских территорий

¹ Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации" https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/

принадлежит, в частности, не только к «Русскому миру», но и к Исламской Умме, к «Тюркскому миру» и т.д.), равно как и сложную, оформившуюся в процессе многовековой эволюции асимметричную пространственную структуру самой Российской Федерации (правы авторы, полагающие, что главная черта эпохи, в который мы входим – внутренняя противоречивость [5], а решающую роль для России играет ныне не обстановка вовне, а состояние дел внутри [13]). В этом контексте утверждающееся (широко озвучиваемое) восприятие (глобальное позиционирование) нашей страны как оплота «противостояния неокOLONиализму, свободного развития цивилизаций, культур» [4] всё рельефнее контрастирует с исторически сложившейся (и резко возросшей после разрушения СССР [14]) неравномерностью социально-экономического развития компонент российского пространства, с укореившейся дифференциацией территорий на привилегированную «центральную зону» (симптоматично, хотя и не бесспорно, было высказывание Б.Б. Родмана о «московской неокOLONиальной волне» [15]) и обширнейшую «периферию», испытывающую депопуляцию, а также дефицит иных ресурсов социально-экономического роста.

Важно также осознавать, что переориентация на «*мировое большинство*» (и апеллирование к его симпатиям, ценностям и, одновременно, рынкам, внешнеполитической поддержке) как логичная, соответствующая евразийской доктрине альтернатива гипертрафированной (до сих пор не преодоленной [4]) «вестернизированности» российского общества – требует внятного (и консенсусного с учётом логики и интересов федеративного многонационального государства) понимания общественно-географических параметров и стратегических ориентиров развития собственно нашего внутреннего «большинства» и, в этой связи, более тщательного и последовательного учёта его потребностей и запросов (никоим образом не игнорируя, при этом, нужды «меньшинств») в системе государственного регулирования пространственного развития, в поведении ведущих корпораций.

Вопрос о «**российском большинстве**» в его общественно-географическом аспекте является, при этом, как видится, предельно сложным, требующим выверенных методологических и взвешенных политических подходов. Должна ли, к примеру, идти речь о «большинстве российских этносов», либо об «этническом большинстве» (собственно русских в России – 80,8 % от всех, кто в ходе последней переписи указал свою национальность, но здесь существенен и региональный аспект, поскольку в 13 «старых» субъектах русские численно не преобладают; аналогичная ситуация, если ориентироваться на всеукраинскую перепись 2001 г., и в наших новых регионах [16]). Можно ли признать «большинством» обитателей «каркасных» городов с населением свыше 100 тыс. жителей (в сумме, без учёта новых территорий, это – почти 83 млн. чел., т.е. более 56 % всех россиян). Либо, ориентируясь на иные экзистенциальные параметры, в качестве специфического «большинства» уместно воспринимать многообразные теряющие населения, в весомой своей части исчезающих сельских поселений (из более чем 153 тыс. имеющихся на территории РФ сельских населённых пунктов лишь 7442 располагают более чем 1000 жителей; 16 % сельских поселений страны в настоящий момент вообще не имеют постоянного населения, ещё в 19 % проживает не более 25 человек). Следует ли (в пространственной политике) ориентироваться на фактическое *большинство экономического* (на первую десятку по объёму хозяйственной активности регионов приходится 54 % всего ВРП страны), либо на существенно больший по своей численности (в том числе локализованного населения) массив территорий, пребывающих в арьергарде хозяйственного развития. Применим ли статус «российского большинства» к региону, доминирующим площадными параметрами (что смещало бы, тем самым, акценты на сибирские и дальневосточные регионы как основное «вместилище» фундаментально значимых для нашего глобального позиционирования российских пространств и естественных ресурсов)? Вопросы эти – отнюдь не риторические; они становятся всё более актуализированными, значимыми для стратегирования пространственного развития, выбора приоритетов.

Приоритеты пространственной организации российского общества в меняющемся глобальном контексте. Наша национальная перспектива (в том числе и в своих пространственных, общественно-географических аспектах) – поливариантна и противоречива. Глобальные тренды предопределяют очевидный акцент на большую *территориальную справедливость* в российском обществе, на приоритет социально-экономического «выравнивания», на противодействие дальнейшему «сжатию» освоенного пространства. Но они же (иной их аспект) требуют ускоренной мобилизации ресурсов (на оборону, научно-технологические «прорывы», крупные «перекраивающие» архитектуру пространства

инфраструктурные просекты и др.), равно как и снижения совокупных издержек (в том числе – на «факторе труд», на экологии), дополняемого отказом государства и корпораций от всего заведомо затратного и «неэффективного». В этих условиях фундаментальная и практически неразрешимая в современной пространственной динамике страны дилемма – «территориальная концентрация, поддержка сильных регионов и муниципалитетов либо, напротив, смещение акцентов на «слабых» (или «середняков» [17]) и, соответственно, рассредоточение социально-экономических возможностей и активности», полагаем, в целом не претерпит существенных перебалансировок, изменений. Стратегический выход здесь следует искать, как видится, ориентируясь на сложную, мозаичную структуру российского пространства, вмещающую многоаспектные пространственные дихотомии («город – село», «море – суша», «центр – периферия», «север – юг», «основной ареал расселения русских – иноэтнические территории» и др.), заключающиеся в них (и пока лишь частично реализованные) возможности.

Устойчивость (столь необходимая в период, несущий человечеству «невиданные перемены, неслыханные мятежи» [4]) предполагает динамизм и эффективность. Важнейшим условием её достижения является, безусловно, придание позитивной ритмики (задействование ресурсного потенциала) максимально возможной части российских территорий (в том числе таковых муниципального, поселенного уровней), что предполагает последовательную **континуализацию пространства** (интеграцию его разнородных компонент). Российские реальные и латентные (гипотетические) «*большие пространства*» (в своей совокупности и связанности как раз-таки и воплощающие столь необходимые ныне «*пространства большинства*») следует в этой связи не только идентифицировать (в чём реальные успехи пока достигнуты лишь применительно к городским агломерациям [18, 19], в последнее время заметно расширяющим свои контуры), но и целевым образом воссоздавать. Наибольшим потенциалом для этого обладает Москва, Московский регион, по ключевым аспектам (согласно оценке [20]) уже оказывающий существенное социально-экономическое влияние как минимум на подавляющую часть всей Европейской России. Характер этого влияния (продуцирующего контур «большой» Центральной России), впрочем, должен быть качественно видоизменён в логике пока лишь отдельных фактами и аспектами просматриваемого *нового москвоцентризма*, отличающегося от ныне преобладающих практик конструктивным партнёрством по отношению к остальным территориям и в целом общей россориентированностью). В числе иных потенциально наиболее значимых «больших» пространств Российской Федерации (межрегиональных, характеризуемых элементами *взаимного пространственного напластования*) назовём Сибирь, Большой Юг России, Большой Урал, Большое Поволжье, Российскую Арктику.

В российской региональной политике акцент на структурах «большинства» должен дополняться сфокусированным вниманием к «меньшинствам» (столичные мегалополисы, иные узловые структуры, обеспечивающие научно-технологический суверенитет, многовекторность, трансграничность, кросс-культурные взаимодействия, территории – адаптеры, регионы – «шерпы» и др.), также обретающим в эпоху турбулентности и геостратегических перемен ключевой характер, обеспечивающий каркас устойчивости и одновременно ресурс инноваций.

Приоритетом пространственной организации российского общества в этой связи становится также смещение когнитивных и регулятивно-деятельностных акцентов (в том числе ориентированных на самоорганизацию) с общедоуправительного на региональный и местный (муниципальный) уровни (**последовательная территориализация, включая муниципализацию**). Условием этому выступает россефильная регионализация (и муниципализация) сознания, отказ от выстраивания жизненных стратегий «поиска счастья» (бизнес-партнёрств, «площадок» для инвестирования и т.п.) исключительно «за бутром» (в том числе в областных центрах, столичных мегалополисах).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Меняющийся геополитический и геоэкономический контекст актуализирует формирование обновлённой (в существенной мере, базирующейся на идеологемах евразийства) географической картины мира, что ставит перед отечественной общественной географией масштабные теоретико-методологические и прикладные задачи дальнейшей геополитизации, экономизации, культуризации и муниципализации научного знания, дополняемые ростом «россеориентированности» его предметно-содержательного и целевого фокуса. Их продуктивное решение сопряжено с конструированием видоизменённой архитектуры российского пространства в рамках трендов его континуализации (достижения эффективной

целостности в рамках ситуационных пространственных дихотомий), обеспечения «взаимоподдерживающего соразвития» территорий, а также выстраивания «больших российских пространств» (полимасштабных, нестатичных, взаимонаслаивающихся, трансграничных).

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00180 «Поливариантность детерминант и трендов экономической динамики муниципальных образований России: концептуализация, идентификация и типологизация в интересах государственного регулирования пространственного развития») в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН

Список источников и литературы

1. Zakaria, F. (2008). Post-American world. London: Allen Lane.
2. Шупер В.А. Россия в глобализованном мире: альтернативы развития // Вопросы философии. 2008. № 12. С. 3-2
3. Тренин Д.В. Кто мы, где мы, за что мы – и почему // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. No. 3. С. 32-42
4. Караганов С.А. От не-Запада к Мировому большинству // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. No. 5. С. 6-18
5. Евстафьев Д.Г. Шагнуть за порог глобального мира // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 2. С. 8–21
6. Дружинин А. Г. Евразийские приоритеты России (взгляд географа-обществоведа). Ростов-на-Дону. Изд-во Южного федерального университета. 2020. 268 с.
7. Дружинин А.Г. Идеи классического евразийства и современность: общественно-географический анализ. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета. 2021. 270 с.
8. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Синергетическое мироведение. М.: ООО «КомКнига», 2005. 240 с.
9. Мартынов В.Л. «Четыре стороны России»: основные тенденции макрорегионального развития // Псковский регионологический журнал. 2018, № 4. С. 3-19
10. Дружинин А.Г. «Южный вектор» геостратегии Российской Федерации в современном глобальном и евразийском контексте: системные факторы актуализации // Научная мысль Кавказа. 2022. № 1. С. 5-16
11. Дружинин А.Г. Опорные базы морского порубежья России: экономическая динамика в условиях геополитической турбулентности // Балтийский регион. 2020, Т. 12, № 3. С. 89-104
12. Энтвина Е.Г. От «отменённой России» к стране-цивилизации // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. No. 5. С. 98-108
13. Лукьянов Ф.А. На коня верхом садясь // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 1. С. 5-8
14. Пространство современной России: возможности и барьеры развития (размышления географов-обществоведов) / Отв. ред. А.Г. Дружинин, В.А. Колосов, В.Е. Шувалов. – Москва: Изд-во «Вузовская книга», 2012. – 336 с.
15. Родоман Б.Б. Страна перманентного колониализма // Трансформация российского пространства: социально-экономические и природно-ресурсные факторы (полимасштабный анализ). – М.: Ин-т географии РАН, 2008, с. 130 – 138
16. Дружинин А.Г. Новые субъекты Российской Федерации: специфика, тренды, потенциал развития // Научная мысль Кавказа. 2022. № 4. С. 62-74
17. Кузнецова О.В. «Вторы» города в государственном регулировании пространственного развития // Terra Eoconomica. 2022. Том. 20, №. 4. С. 129-140
18. Лаппо Г.М. Разнообразие городов как фактор успешного пространственного развития России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2019. № 4. С. 3-23.
19. Антонов Е.В., Махрова А.Г. Крупнейшие городские агломерации и формы расселения наагломерационного уровня в России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2019. № 4. С. 31-45
20. Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой – М. : Новый хронограф, 2016. 504 с.

Дружинин Александр Георгиевич, д. геогр. н., профессор, директор Северо-Кавказского научно-исследовательского института экономических и социальных проблем Южного федерального университета, вед. науч. сотр. Института географии РАН, гл. науч. сотр. Института народнохозяйственного прогнозирования РАН; e-mail: alexdru9@mail.ru

OUTLINES AND IMPERATIVES OF THE NEW SPATIAL ORGANIZATION OF RUSSIAN SOCIETY IN THE CHANGING GLOBAL AND EURASIAN CONTEXT

Druzhinin A.G.^{1,2,3}

¹Southern Federal University, Rostov on Don, Russia

²Institute of Geography RAS, Moscow, Russia

³Institute of economic forecasting RAS, Moscow, Russia

The spatial organization of modern Russian society, experiencing the increasing influence of global trends and Eurasian determinants, needs to be further corrected. The article examines the most important geopolitical and geo-economic changes and their probabilistic projections on the Russian space. Special emphasis is placed on the priorities of spatial development of the Russian Federation due to global polycentrism and regionalism, which include: territorialization (including municipalization) of management practices and research approaches, continualization of space itself (achieving effective integrity of its components within the framework of multiple situational multi-scale spatial dichotomies), ensuring "mutually supportive co-development" of territories, and also, the identification and building of "large" Russian spaces (Central Russia, The Great South of Russia, Great Siberia, the Great Urals, etc.).

Key words: spatial organization of society, regional and municipal development, Russia, Eurasia, Eurasianism, social geography.

Druzhinin Alexander Georgievich, Doctor of Geographical Sciences, Professor, Director of the North Caucasus Research Institute of economic and social problems of the Southern Federal University, Leading Researcher of the Institute of Geography RAS, Leading Researcher of the Institute of economic forecasting RAS; e-mail: alexdr9@mail.ru

УДК 911.3

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ: СОДЕРЖАНИЕ, ФОРМЫ, ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА (ОПЫТ ЕВРАЗИИ)

Каледин Н.В.¹, Каледин В.Н.¹

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

С позиций политико-географической концепции геополитической самоорганизации общества рассмотрены содержание процессов геополитической регионализации, её тренды и геополитические регионы как результаты взаимной адаптации политической деятельности и многообразных условий земного пространства (геопространства) посредством геополитических отношений. Показана специфика исторической динамики геополитической регионализации в Евразии в докапиталистический, капиталистический и современный геополитические периоды, оценена её перспектива. Она связана с цивилизационно-геополитическим трендом и его регионами сотрудничества и инициативами как «геополитическими скрепами» четырёх сопредельных евразийских цивилизаций и совместные усилия их государств-лидеров, ведущие к формированию крупнейшего в мире межцивилизационного геополитического макрорегиона.

Ключевые слова: геополитическая регионализация, геополитические отношения, геополитические регионы, геополитические тренды.

ВВЕДЕНИЕ

Опыт исторического развития человечества убедительно демонстрирует закономерный, объективный характер процессов регионализации – формирование различных по типу, историческим формам и геопространственным масштабам региональных общностей – регионов. Они – один из общественно-географических результатов, форм геопространственной самоорганизации общества, в том числе процессов его геополитической самоорганизации посредством геополитических отношений, обеспечивающих взаимную адаптацию политической деятельности и многообразных условий, факторов геопространства.

Регионобразующие геополитические отношения, связывают политических субъектов-акторов межгосударственных или (и) внутригосударственных процессов в специфические региональные геополитические общности, системы различного типа и масштаба, являющиеся инструментами освоения и контроля субъектами геопространства. При этом региональная целостность, идентичность таких систем обеспечивается не только единством, общностью целей сотрудничества («регионы сотрудничества»), но и конфликтом геополитических интересов, целей и действий субъектов геополитических отношений («конфликтные регионы»). Типологизация геополитических регионов и процессов регионализации возможна как по специфике субъектов-акторов, так и по свойствам геопространства [1; 2; 3].

Историческая динамика геополитической регионализации и регионов задаётся конкретно-исторической спецификой ключевых общественных и геополитических процессов, формирующих исторические типы геополитической самоорганизации общества и

соответствующие им геополитические периоды (докапиталистический, капиталистический, современный) и их внутренние эпохи со специфическими геополитическими регионами «де-факто» и «де-юре» [4, с.70-96].

Рассмотрим с этих позиций наиболее многообразную (в силу общественного и географического разнообразия материка) историческую динамику процессов геополитической регионализации в Евразии, выделив в каждом из периодов основные регионообразующие геополитические тренды и их результаты – разнотипные и разномасштабные геополитические региональные общности.

1) Докapиталистический геополитический период (по XV-XVI вв.).

Главный, наиболее устойчивый тренд ГР – формирование крупными государствами на базе их этно-культурных и религиозных ценностей *государственно-цивилизационно-геополитических регионов* «де-факто» и «де-юре», преимущественно моноцентричных с цетропериферической структурой (например, древнегреческого, хеттского, вавилонского, ассирийского, персидского, индостанского, китайского, римского, западноевропейского, византийского, русско-славянского, монгольского, тюркского и др.).

Второй устойчивый тренд – формирование конфессионально-геополитических регионов и субрегионов «де-факто» (буддистский, индуистский, христианские, исламский и др.).

Третий тренд – возникновение и распад военно-геополитических регионов как кооперационных (в форме союзов, коалиций), так и конфронтационных в периоды войн.

Результат указанных трендов – полицентричная регионально-очаговая геополитическая структура Евразии

2) Капиталистический геополитический период (с XVI в. до Первой мировой войны)

Доминирующий тренд – *колониально-геополитическая регионализация* Евразии. Результат – колониальные регионы «де-юре» и «де-факто», интегрировавшие военными, политическими, экономическими и гуманитарными средствами колонии и полукolonии с державами-метрополиями: Британский, Российский, Французский, Нидерландский, Японский, Германский и др.

Новый, *формационно-геополитический тренд* капитализации государств привел к образованию в Евразии в начале XX в. первого в мире биполярного капиталистического формационно-геополитического региона «де-факто» с тремя субрегионами – Европейским, Российско-евразийским и Японским.

Продолжался и *военно-геополитический тренд* регионализации – союзы ведущих держав как полицентричные коалиционные военно-геополитические регионы «де-юре» (Габсбургский и Антигабсбургский блоки в Тридцатилетней войне, союзы европейских государств против французских коалиций, Антанта и Тройственный союз и др.).

По результатам мирных договоров возникали *последовенные геополитические регионы* «де-факто» с территориально-политическими изменениями в интересах победителей, зафиксированными в мирных договорах (Вестфальском, Венском, Портсмутском и др.).

В периоды военных действий складывались временные *военно-конфронтационные регионы* «де-факто» (англо-французские, российско-шведские, российско-турецкие, японско-китайские, японско-российский и др.). С учётом постоянных войн в различных частях Евразии можно утверждать, что такие регионы были хотя и временными, но наиболее массовыми явлениями.

Результат трендов – полицентричная геополитическая регионализация Евразии, представленная системой разнотипных геополитических регионов «де-факто»: евроцентричными (Британско-евразийский, Франко-евразийский, Германо-евразийский, Нидерландско-евразийский, Португало-евразийский), Российско-евразийским, Турецко-евразийским, Японско-евразийским.

3) Современный геополитический период (после Первой мировой войны)

Он сформировал новые геополитические тренды и регионы Евразии. Особенно ярко они проявились в Версальскую и Потсдамскую геополитические эпохи [4, с. 59-62].

Формационно-геополитический тренд социализации с расширяющимся социалистическим (от Балтики до Тихого океана) и сократившимся капиталистическим макрорегионами («де-факто» и «де-юре») с их внутренними полицентризмом и военно-геополитическими субрегионами: НАТО – Организация Варшавского договора/СЭВ – СЕНТО – СЕАТО – Китай – АЗПАК. Закономерным результатом стал конфронтационный геополитический регион «де-факто» между двумя названными формационными

макрорегионами – «Трансевразийская дуга нестабильности» с вовлечёнными в неё молодыми суверенными государствами. Она имела свои «эпицентры», биполярные конфронтационные субрегионы – германский, китайский, корейский, вьетнамский, лаосский.

Антиколониально-геополитический тренд 1940-х – 1970-х гг. привёл к распаду прежних колониально-геополитических регионов, к появлению нового формационно-геополитического макрорегиона развивающихся стран – «*постколониального*», представленного несколькими дисперсными субрегионами: «прозападным» (Турция, Израиль, Иран до 1979 г., Пакистан, Таиланд, Филиппины, Ю.Корея, члены НАТО, СЕНТО, СЕАТО, АЗПАК, двусторонних договоров с США); «просоциалистическим» (страны социалистической ориентации разного времени – Египет, Сирия, Ирак, Афганистан, Бангладеш, НДРГ и др.); «движения неприсоединения» (Индия, Индонезия, Бирма и др.).

Этно-геополитический тренд в результате процессов сепаратизма и сепаратизма на территории более 50 стран Евразии привёл к формированию (особенно в Беловежскую геополитическую эпоху) многочисленных этноконфликтных геополитических регионов, в том числе с непризнанными государствами различного типа и масштаба [4, с. 223-238; 5].

Регионально-интеграционный тренд: наряду с отмеченными евразийскими формационно-геополитическими интеграционными процессами он усилился интеграцией евразийского постколониального пространства посредством формирования *регионов сотрудничества* в форме региональных организаций развивающихся стран – АСЕАН, ССАГПЗ, СААРК, АРСИО и др.

Цивилизационно-геополитический тренд с «цивилизационно-геополитическими регионами» в контактных зонах, на стыках исторически сложившихся цивилизаций Евразии, имеющий своим результатом «конфликтные межцивилизационные регионы» – Арабо-Израильский, Греко-Турецкий, Кипрский, Западно-Балканский, Иранско-Евро-Атлантический, Афганско-Евро-Атлантический, Индо-Пакистанский, Китайско-Индийский, Южно-Китайского моря, Японско-Российский и др. [6].

Беловежская геополитическая эпоха была ознaменована формационно-геополитическим *трендом десоциализации* и «*вестернизации*» системы постсоциалистических стран, который сформировал биполярный «постсоциалистический» макрорегион (более 30 государств) с двумя векторами интеграции и соответствующими им геополитическими регионами «де-факто» - «просевероатлантическим» (интеграция стран ЦВЕ с НАТО, ЕС) и «российско-евразийским» (интеграция с Россией посредством СНГ, СБР, ОДКБ, ЕАЭС, двухсторонних договоров и др.).

Этно-геополитический тренд в результате процессов сепаратизма и сепаратизма привёл в эту эпоху к формированию системы конфронтационных геополитических регионов «де-факто», в том числе с непризнанными государствами различного типа и масштаба, составивших в совокупности «*постсоциалистическую евразийскую дугу нестабильности*» как дисперсный конфликтный геополитический регион «де-факто» («геополитический разлом») между двумя постсоциалистическими регионами. Она стала западной частью крупнейшего в мире конфликтного геополитического региона «Евразийской дуги нестабильности», сложившейся в контактных зонах евразийских цивилизаций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Обозначенные тренды, геополитические регионы и трансформирующаяся с 2022г. геополитическая структура Евразии позволяют сделать вывод, что потенциал и перспектива дальнейшей геополитической регионализации в Евразии будут связаны с цивилизационно-геополитическим трендом и регионами сотрудничества (в лице СНГ, ОДКБ, ЕАЭС, ШОС, расширяющегося БРИКС и др.) и инициативами («Один пояс-один путь», «Глобальной безопасности» и др.) межцивилизационного характера.

Они могут стать региональными «геополитическими скрепами», опирающимися на взаимодополнение, близость духовных принципов четырёх сопредельных евразийских цивилизаций и на совместные усилия их государств-лидеров (России, КНР, Индии, Турции, Ирана и др.) по формированию межцивилизационных региональных геополитических интеграционных отношений. В результате может сложиться крупнейший в мире межцивилизационный геополитический макрорегион – «Большое Евразийское партнёрство» или «Евразийское цивилизационное сообщество».

Это закономерный геополитический процесс, нарастающий в противовес сложившемуся в Беловежскую эпоху Евроатлантическому геополитическому макрорегиону на западе Евразии,

интегрирующему страны западной цивилизации и её спутников из числа сопредельных с ней восточноевропейских постсоциалистических государств восточно-христианской цивилизации.

Список источников и литературы

1. Каледин Н.В. Политическая география: истоки, проблемы, принципы научной концепции. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. 163 с.
2. Каледин Н.В. Деятельностно-геопространственная методология в общественной географии // Балтийский регион – регион сотрудничества. Регионы в условиях глобальных изменений: материалы IV междунар. науч.-практ. конф. Т. 4, ч. 1. / отв. ред. А.А. Михайлова. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2020. С. 23-31.
3. Каледин Н.В., Каледин В.Н., Гресь Р.А. Геополитические регионы и геополитическая регионализация общества // Современные тенденции пространственного развития и приоритеты общественной географии: материалы Междунар. науч. конф. в рамках IX ежегодной науч. ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов (Барнаул, 12-19 сентября 2018 г.). Т. 2. / отв. ред. Н.И. Быков. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. С. 152–155.
4. Политическая география и геополитика: учебник для вузов / под ред. Н.В. Каледина, Н.М. Михеевой. Москва: Изд-во Юрайт, 2023. 389 с.
5. Попов Ф.А. География сепаратизма в современном мире. М. Новый хронограф, 2012. 672 с.
6. Каледин Н.В. Конфликтогенные регионы постсоветского пространства: опыт политико-географической типологии // Настоящее и будущее России в меняющемся Мире: общественно-географический анализ и прогноз: материалы Междунар. науч. конф. (Ижевск, 13-18 сентября 2021 г.) / А.Г. Дружинин, В.П. Сидоров (ред.). Ижевск: Изд-во УГУ, 2021. С. 94-100.

Каледин Николай Владимирович, к. геогр. н., доцент, старший преподаватель кафедры региональной политики и политической географии, Институт наук о Земле, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: n.kaledin@spbu.ru

Каледин Владимир Николаевич, к. геогр. н., старший преподаватель кафедры страноведения и международного туризма, Институт наук о Земле, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: geoinfo@yandex.ru

GEOPOLITICAL REGIONALIZATION: CONTENT, FORMS, HISTORICAL DYNAMICS (EXPERIENCE OF EURASIA)

Kaledin N.V.¹, Kaledin V.N.¹

¹ St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

From the standpoint of the political-geographical concept of geopolitical self-organization, society considers the content of the processes of geopolitical regionalization, its trends and geopolitical regions as the results of the mutual tendency of political activity and the diverse conditions of the earth's space (geospace) through geopolitical relations. The features of the historical dynamics of geopolitical regionalization in Eurasia in the pre-capitalist, capitalist and modern geopolitical periods are shown, assessed as its prospects. It is associated with the civilizational-geopolitical trend and its regions of cooperation and initiatives as "geopolitical bonds" of four adjacent Eurasian civilizations and the joint efforts of their leading states in the formation of the world's largest intercivilizational geopolitical macroregion.

Key words: geopolitical regionalization, geopolitical relations, geopolitical regions, geopolitical trends.

Kaledin Nikolay Vladimirovich, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Senior Lecturer of the Department of Regional Politics and Political Geography, Institute of Earth Science, St Petersburg State University; e-mail: n.kaledin@spbu.ru

Kaledin Vladimir Nikolaevich, Candidate of Geographical Sciences, Senior Lecturer of the Department of Regional Studies and International Tourism, Institute of Earth Science, St Petersburg State University; e-mail: geoinfo@yandex.ru

УДК 321.011

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

¹ Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Россия

Рассмотрены дискуссионные вопросы о сущности суверенитета: принцип неделимости, соотношение понятий де-юре и де-факто. Выделено шесть типов суверенитета по соотношению атрибутов де-юре и де-факто. Суверенитет можно «атомизировать» на множество суверенных компетенций. На этой основе предложено рассматривать матрицу суверенитета. С точки зрения деятельностно-геопространственного подхода эти компетенции рассматриваются как разновидность геополитических отношений и, соответственно, составная часть геополитического пространства.

Ключевые слова: суверенитет, государственный суверенитет, матрица суверенитета, суверенитет де-факто, геополитика.

ВВЕДЕНИЕ

Долгое время дискуссия о сущности государственного суверенитета велась, по-сути, вокруг понятия «абсолютного» суверенитета. Именно в этом качестве он рассматривался в вестфальской международной системе после 1648 г. Данную идеализированную модель, сформированную в эпоху абсолютизма, почти не отличали от самой политической реальности. В эпоху же начала глобализации, после Второй Мировой войны, на Западе получила популярность и противоположная точка зрения, объявившая суверенитет «анахронизмом» и устаревшим понятием на фоне складывающегося единого мирового сообщества. Однако, на наш взгляд, были во многом правы и те исследователи, которые признавали, что «абсолютного суверенитета никогда не было и не могло быть... Границы суверенитета существовали всегда; они определялись экономическими условиями, развитием международного общения государств и морально-политическими требованиями исторической эпохи» [1, с. 15].

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ

Наиболее распространена и востребована юридическая трактовка суверенитета. Многие авторы трактуют его исключительно с правовой точки зрения, как «право собственности и контроля над некоторой территорией в мире» [2]. Однако суверенитет может рассматриваться с разных дисциплинарных позиций: правовой, геополитической, социологической, политологической, географической. Для анализа реального геополитического пространства правовой подход является ограниченным. Существует, например, школа правового монизма, утверждающая несовместимость суверенитета с международным правом. С этой точки зрения, первично только что-то одно из них. Но реальность с ее сложным переплетением правовых, политических, силовых, географических и культурных отношений оказывается намного сложнее. Однако так же было бы ошибкой считать суверенитет оторванным от права, то есть порождением лишь баланса сил, государственной воли и силового принуждения. Юридический суверенитет не является, в общем случае, «*jus nudum*» (голым правом), а выступает фактором реальной политики. Так, отсутствие международного юридического суверенитета чаще всего резко ограничивает внешний фактический суверенитет – актор лишается части международной дееспособности. Любая же политико-правовая норма складывается, в конечном итоге, как результат борьбы и сотрудничества множества политических сил и отражает их баланс на определенный момент времени. Так и общепризнанный юридический суверенитет над некоторой территорией стабилизирует ее положение, несмотря на изменчивость внешних сил и влияний на фактический суверенитет. Поэтому же юридический суверенитет в общем случае устойчивее фактического и зачастую более ценен. Когда же разрыв между нормой и социально-политической практикой оказывается критическим, она отменяется правовым или же революционным путем. Неудивительно, что часто незаконный с формальной точки зрения акт высшей власти признается фактическим сувереном, если это соответствует его интересам. Новая норма закрепляет новый баланс сил. Так, итогом Гражданской войны в США стало изменение прав и суверенного статуса составляющих их штатов. Поэтому оказывается, что реальная действительность суверенитета зависит от политического влияния, экономической и военной мощи государства. В результате приходится различать две формы суверенитета – формально-правовую («де-юре») и социально-политическую («де-факто»).

Многие общественные явления часто различаются именно в оппозиции «де-юре» и «де-факто». Однако при более пристальном взгляде их соотношение оказывается сложнее [3, с. 152]. На самом деле эти атрибуты явлений не оппозиционны друг другу, а взаимно дополнительны. Кроме «*de jure*» надо бы учитывать и «*extra jus*» (вне права), и «*contra jus*» (против права), а кроме

«de facto» – потенциальность (мнимость) явления или его отсутствие. Но, конечно, в правовых системах разных стран (обозначим эти системы L_i) юридический статус одной и той же территории в некоторых случаях может быть разным. Соответственно, применительно к суверенитету можно выделить шесть его типов (табл. 1). Эту типологию можно дополнить и хронологическими типами: «вновь приобретенным», «устойчивым» и «утерянным» суверенитетом.

Таблица 1. Соотношение категорий суверенитета «де-юре» и «де-факто»

Фактическое наличие	Правовой статус в юр. системе L_i		
	<i>de jure</i>	<i>extra jus</i>	<i>contra jus</i>
<i>de facto</i>	Реальный	Неформальный	Оспариваемый
<i>Мнимый</i>	Заявленный, «Спящий», Неосуществленный	Гипотетический, Возможный	Запрещенный

Другим дискуссионным вопросом являлась возможность разделения суверенитета. Изначально считалось, что суверенитет может быть только полным, поскольку в противном случае его нет вообще, так как верховная власть оказывается не верховной. Однако реальная политическая практика входит в противоречие с этой моделью. Получается, что в глобализированном мире суверенны лишь несколько стран. Для решения подобных вопросов и противоречий в современных условиях отдельными авторами стал применяться перспективный, на наш взгляд, метод выделения в суверенитете тех или иных компетенций, рассматриваемых по отдельности [напр.: 4, p. 66]. Опираясь на этот последовательно проведенный способ анализа, можно сформулировать подход «атомизации», то есть разбиения территориального суверенитета на множество юридически неделимых моментов (суверенных компетенций), совокупность которых, однако, может распределяться между разными внутренними и внешними акторами. Компетенции эти допустимо рассматривать и по функциональным группам. В этом случае выделяются, в частности, «экономический суверенитет», «фискальный суверенитет» (независимость по долговым обязательствам), «информационный суверенитет», «внешний суверенитет», «суверенитет над природными ресурсами», «технологический суверенитет» и т.п. Само же «расщепление» суверенитета на отдельные компетенции политически обеспечивается всей совокупной мощью международного сообщества, подкрепленной правовым статусом международных институтов.

Также надо различать делегирование, уступку, разделение и ограничение суверенитета. Под делегированием (от франц. *déleguer* – поручать, доверять) следует понимать добровольную передачу власти по осуществлению суверенной компетенции другому актору «в пользование». Уступка же предполагает добровольный или принудительный отказ от некоторой суверенной компетенции в пользу другого актора. Это происходит, например, при присоединении одного государства к другому (ГДР к ФРГ) или объединении в федерацию. Многие международные договоры можно рассматривать как особую форму одностороннего или взаимного делегирования или уступки ряда суверенных компетенций. Особый интерес для дискуссий всегда представлял суверенитет в политическом образовании, объединяющем несколько геополитических субъектов в союзное государство. Применение «атомизированного» подхода позволяет решать этот вопрос рационально и многовариантно. Функционирование юридического суверенитета оценивается в категориях принадлежности, делегирования и уступки компетенций «снизу вверх» (союзу от участников) и «сверху вниз» (участникам от союза). Обобщенно можно выделить всего шесть идеализированных процессов, связанных с трансфером (передачей) суверенных компетенций (табл. 2).

Таблица 2. Процессы трансфера суверенитета

Вектор трансфера	Тип трансфера		
	Полная уступка	Частичная уступка	Делегирование
«сверху вниз»	Разделение, сепарация	Федерализация (децентрализующая)	Децентрализация

«снизу вверх»	Унитаризация	Федерализация (централизирующая)	Конфедерализация
---------------	--------------	-------------------------------------	------------------

В РАКУРСЕ ГЕОПОЛИТИКИ

И здесь уместно задействовать инструмент, применяемый нами в политической географии и геополитике. А именно выделение разных форм геополитических отношений (ГПО) как элементарных объектов исследования в рамках деятельности-геопространственного подхода. ГПО выражают элементарные и комплексные связи и отношения между условиями геопространства и политической деятельностью (см.: [3; 5]). В таком ракурсе суверенитет и суверенные компетенции предстают ни чем иным, как разновидностью ГПО или их интегральной совокупностью. Теоретически, каждая точка или участок территории (район) могут иметь разный суверенный статус как де-факто, так и де-юре. Например, государству может быть проблематично осуществлять свой суверенитет над труднодоступными территориями, особенно если их контролируют разного рода оппозиционные силы. Так, в Древнем Риме фактический суверенитет-«империум» сильно зависел от отношений центр-периферия. Суверенитет над разными частями территории страны может различаться и де-юре. Это, например, ограничения по международным договорам или международно-правовые сервитуты (Рейнская демилитаризованная зона до 1936 г. или Зона Панамского канала до 1979 г.). Совокупность всех мировых ГПО суверенитета представляют собой глобальное пространство суверенитета.

А.Н. Пилясов так же отмечает, что кроме юридической нужна и географическая интерпретация понятия суверенитета, которая должна учитывать, что разные участки территории даже одной страны могут иметь разные уровни суверенности [6, с. 281]. «Объем» суверенитета конкретных территорий в таком случае предлагается измерять по степени их освоенности и наличию внешних претензий. Речь здесь, очевидно, идет именно о социально-политическом или фактическом суверенитете, причем указанные показатели можно представить и как формы ГПО. И, тем не менее, в данном случае целесообразнее говорить не об уровне или объеме суверенитета, а о степени его устойчивости и защищенности. Поскольку даже пустынная и неосвоенная территория остается полностью суверенной, если у государства есть возможность осуществлять на ней свои суверенные компетенции в полном объеме.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что некоторый регион (государство, межгосударственный союз, субъект федерации и т.п.) в современном мире обладает сложным суверенитетом, где каждая компетенция может принадлежать разным уровням общественной и территориальной иерархии. Причем это касается не только суверенитета де-юре, но и суверенитета де-факто разной выраженности, в том числе доминантной, например, подчинение неформальному суверенитету лидирующей державы. Суверенитет региона можно представить как совокупность всех суверенных компетенций с привязкой к тем или иным уровням общественной иерархии. Это представление возможно именовать «матрицей суверенитета» региона. В ней суверенные ГПО можно представить, в частности, в следующих вариантах: 1) страна делегирует суверенную компетенцию международной организации, но фактическую оставляет за собой; 2) правовая и фактическая компетенции принадлежат стране; 3) мировое сообщество делегирует компетенцию третьей стране в режиме мандата или опеки; 4) субъект федерации делегирует компетенцию федеральному центру и т.д.

Со второй половины XX в. государственный суверенитет подвергается активной эрозии. В вопросах соблюдения прав человека [7, р. 137], природопользования [8; 9] и некоторых других появилась концепция суверенитета как «ответственности», «баланса прав и обязанностей», «планетарного суверенитета» мирового сообщества перед лицом экологических проблем или «права иметь права» во всё более взаимозависимом мире. В этом случае считается, что именем мирового сообщества все страны вообще или же отдельная страна могут быть лишены некоторых суверенных компетенций («исключение» из суверенитета). Баланс множества властных притязаний и признаний этих притязаний создают первичную основу суверенитета. Он закрепляется и углубляется с помощью взаимных формально-правовых признаний суверенных компетенций соответствующих акторов, превращения этих частных признаний во всеобщие, создания институтов международного и внутривнутриполитической легитимации. В результате складывается «единая общемировая система суверенитета, которая служит основой международного права, благодаря которой возможны международный порядок и мировая

политика» [10, с. 15]. Но система суверенитета структурирована не только по «горизонтали» (по регионам), но и «по вертикали» (по уровням общественной иерархии). Дж.Козн предлагает концепцию «дуалистического» режима суверенитета, то есть единства государственной и надгосударственной его реализаций [4]. Однако, на наш взгляд, в современном мире постепенно складывается четырехуровневая система суверенитета, причем каждый уровень обладает своей качественной спецификой. Ниже приведем их краткую характеристику.

I. Глобальный уровень мирового сообщества в целом. Здесь появляется всё больше признаков отношений с уступкой суверенитета, когда международное сообщество может принудительно ограничивать суверенитет отдельных участников. В частности, к формулированию концепций «планетарного суверенитета» в области геополитической экологии приводит стремление некоторых стран к одностороннему вмешательству в глобальную природную среду [9]. Американский эколог П.Мише обращает внимание на то, что «Земля отказывается признавать суверенитет в нашем понимании» и говорит о «суверенитете Земли» [цит. по: 11, с. 92]. Одним из возможных инструментов глобального регулирования является и разного рода квотирование [12, с. 25]. Но к подобным «экологическим» концепциям надо подходить с осторожностью: не превратится ли их реализация в орудие недобросовестной конкуренции нескольких заинтересованных ведущих держав или ТНК?

II. – наднациональный уровень международных интеграционных проектов. Здесь также преобладают конфедеративные отношения с неформальным доминированием стран-лидеров, то есть с выходом их фактического суверенитета, в рамках отдельных ГПО, за пределы собственной территории. Международные организации воспринимают всё больше делегированного суверенитета своих участников. Фактический же суверенитет, частично распространяемый страной-лидером/патроном на страны-клиенты (союзников и сателлитов, добровольно уступающих часть фактического суверенитета в обмен на поддержку), можно именовать, например, *супер-суверенитетом*. Иногда уступка суверенитета оформляется и юридически. Так, в 1960 году обретение формальной независимости странами Тропической Африки обуславливалось подписанием ими неравноправных договоров с Францией [12], которые позже составили базу неокOLONиальной политики бывшей метрополии.

III. – национальный уровень, представленный традиционными формально равноправными государствами. Взаимное делегирование части суверенных компетенций здесь осуществляется путем двух- и многосторонних договоров между ними. Но будучи втянут одновременно в процессы глобализации и регионализации юридический и фактический суверенитет государства постепенно оказывается всё более «перфорированным» (perforated sovereignty). Государства испытывают «дефицит суверенитета». Однако в современных условиях небольшие государства, не будучи включенными в интеграционные наднациональные объединения, уже не могут успешно развиваться.

IV. – субнациональный уровень. Здесь наблюдается наличие отдельных суверенных компетенций у субъектов федеративных государств, а также процессы интеграции и дезинтеграции, совмещенные с трансфером суверенитета. На стыке национального и субнационального уровней находятся внутренние фактические суверенитеты целого ряда непризнанных государств мира.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом в статье рассмотрены некоторые подходы к интерпретации понятия «государственный суверенитет», рассмотрены типы суверенитета де-юре и де-факто, обозначены преимущества подхода, рассматривающего суверенитет как комплекс суверенных компетенций или, в более широком контексте, геополитических отношений. Обозначены четыре уровня мировой системы суверенитета в условиях глобализации.

Список источников и литературы

7. Левин И.Д. Суверенитет. СПб.: Юр. центр Пресс, 2003. 373 с.
8. Sovereignty // The Routledge Dictionary of Politics / Ed. by D Robertson, 3rd ed. London, 2004. P. 454.
9. Елацков А.Б. Общая геополитика: Вопросы теории и методологии в географической интерпретации. М.: ИНФРА-М, 2017. 251 с.
10. Cohen J.L. Globalization and Sovereignty: Rethinking Legality, Legitimacy, and Constitutionalism. New York: Cambridge University Press, 2012. 456 p.
11. Каледин Н.В. Политическая география: истоки, проблемы, принципы научной концепции. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. 163 с.

12. Пилясов А.Н. Суверенитет как экономико-географический феномен (на примере трендов развития арктической зоны РФ) // Вестник СПбГУ. Науки о Земле. 2017. Т. 62. Вып. 3 С. 280-299
13. Ramesh T. The Responsibility to Protect: Norms, Laws and the Use of Force in International Politics. New York: Routledge, 2011. 232 pp.
14. Schrijver N. Sovereignty over Natural Resources: Balancing Rights and Duties. Cambridge University Press, Cambridge: New York, 1997. 484 p.
2. Surprise K. Geopolitical ecology of solar geoengineering: from a 'logic of multilateralism' to logics of militarization // Journal of Political Ecology. 2020. 27(1). P. 213–235
3. Ильин М.В. Суверенитет: вызревание понятийной категории в условиях глобализации // Политическая наука. 2005. № 4. С. 10–28.
4. Кузьмин Э.Л. О государственном суверенитете в современном мире. – Журнал российского права. 2006. № 3 (111). С. 84–94.
5. Гринин Л.Е. Глобализация и национальный суверенитет // История и современность. 2005. № 1. С. 6–31.
6. Долматова Е.А. Французская Тропическая Африка: от колониальной зависимости к суверенитету // Уч. записки Орловского гос. ун-та. Сер.: Гум. и соц. науки. 2009. № 3. С. 31– 36.

Елацков Алексей Борисович, к. геогр. н., доцент Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте РФ; e-mail: elatskov@mail.ru

STATE SOVEREIGNTY IN A GLOBALIZED WORLD

Elatskov A.B.¹

¹ North-West Institute of Management RANEPА, St. Petersburg, Russia

The article considers the debatable issues about the essence of sovereignty: the principle of indivisibility, the ratio of de jure and de facto concepts. Six types of sovereignty according to the ratio of de jure and de facto attributes are identified. Sovereignty can be "atomised" into a set of sovereign competences. On this basis, it is proposed to consider the matrix of sovereignty. From the point of view of the activity-geospatial approach, these competences are considered as a kind of geopolitical relations and, accordingly, a constituent part of geopolitical space. Four levels of the world system of sovereignty in the conditions of globalisation are outlined.

Key words: sovereignty, state sovereignty, matrix of sovereignty, sovereignty de facto and de jure, geopolitics.

Elatskov Aleksey Borisovich, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor of North-West Institute of Management RANEPА; e-mail: elatskov@mail.ru

УДК 327(478.9)

ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНИХ СВЯЗЕЙ ПРИДНЕСТРОВЬЯ В УСЛОВИЯХ КАРДИНАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ

Бурла М.П.¹

¹ Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, Тирасполь, Молдова

Отражены особенности развития Приднестровской Молдавской Республики (ПМР, Приднестровья) - самопровозглашенного региона с неопределенным международным политико-правовым статусом. Основное внимание уделено анализу особенностей динамики геополитического положения республики в постсоветское время, стратегической ориентации стран-соседей первого порядка. Дана оценка влияния геостратегической ориентации Молдовы и ее влияния на развитие двух регионов. Рассмотрены особенности развития Приднестровья в условиях усложнения геополитического и геоэкономического положения.

Ключевые слова: внешнеэкономические связи, геополитическое положение, межгосударственное соглашение, самопровозглашенная республика, экономический потенциал.

ВВЕДЕНИЕ

Созданию ПМР способствовало обострение межэтнических и языковых отношений в конце 80-х годов XX в., явившимся следствием принятия Парламентом Молдовы «Закона об языках». Он предполагал использование румынского языка в качестве государственного на всей территории ССР Молдова, включая Приднестровье [2].

Впервые Приднестровье было провозглашено как целостное территориальное образование 2 июня 1990 г. на первом съезде депутатов всей урочной. Ссылаясь на Закон СССР «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» от 9 апреля 1990 г., депутаты приняли решение о создании «Приднестровской свободной экономической зоной» в составе Союза ССР.

В качестве самостоятельного политико-территориального образования республика была провозглашена 2 сентября 1990 г. в г. Тирасполе на Втором чрезвычайном съезде депутатов Приднестровья всех уровней. Постановление съезда определило образование Приднестровской Молдавской Советской Социалистической Республики (ПМССР) в составе Союза ССР [2].

После распада СССР (8 декабря 1991 г.) и военно-политического конфликта с Республикой Молдова (март-июль, 1992 г.) руководством Приднестровья принято окончательное стратегическое решение о создании суверенного государства.

Образование ПМР было направлено, в первую очередь, на защиту политических, экономических, языковых, этнических и иных базовых прав населения региона.

В республике созданы все инструменты (атрибуты), характерные для суверенного государства: основной закон – Конституция, институт Президента, представительные, включая законодательные, исполнительные и судебные органы, вооруженные силы, система внутреннего правопорядка и государственной безопасности, банковская и финансовая системы, собственная денежная единица, гимн, флаг, герб, системная нормативно-правовая база, регулирующая все сферы жизнедеятельности [1-5].

ОСНОВНОЙ ТЕКСТ

Приднестровье характеризуется незначительной емкостью внутреннего рынка, высокой степенью открытости экономики и значительной зависимостью от международных экономических отношений. Среди факторов, оказывающих наиболее существенное воздействие на внешнеэкономический обмен республики, следует выделить: а) неопределенность международного политико-правового статуса; б) географическое и геополитическое положение; в) стратегическую ориентацию Приднестровья и стран-соседей.

Международные организации и политические элиты абсолютного большинства государств современного мира относят Приднестровье к «очагам сепаратизма» – регионам, которые самостоятельно, в одностороннем порядке, провозгласили свою независимость. Международный политико-правовой статус ПМР окончательно не определен и является предметом переговоров в формате «5+2», участниками которых являются договаривающиеся стороны - Молдова и Приднестровье, страны-гаранты - Россия, Украина, наблюдатели - США, Европейский Союз (ЕС), ОБСЕ [2; 5]. Следует отметить, что с 2020 г. переговоры по определению международного политико-правового статуса республики прекращены.

Отсутствие окончательного международного политико-правового статуса приводит к значительным ограничениям при осуществлении внешних связей вследствие отсутствия у ПМР международно-признанного внешнеэкономического инструментария. Необходимые реквизиты для осуществления внешнеторговых сделок выдаются экономическим агентам Приднестровья компетентными институциональными органами Молдовы. Являясь «держателем» внешнеэкономического инструментария, Молдова часто навязывала выгодную для себя логистику перемещения товаров, неоднократно вводила разнообразные рестрикции для перемещения товаров и финансов, вплоть до полной блокады.

Географическое и геополитическое положение Приднестровья характеризовалось высокой степенью благоприятности с 1945 г. по 1991 г. Нахождение региона в составе СССР обеспечивало беспрепятственный товарный обмен с союзными республиками, неограниченный доступ к портам и рекреационным ресурсам Черного моря, а также широкое развитие связей по кооперации и взаимному товарообмену со странами Восточной Европы.

Распад СССР, СЭВ, ОВД, вступление Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, Словакии, Чехии в ЕС и НАТО кардинально изменили геополитическое положение Приднестровья.

На современном этапе прямое влияние на геополитическое положение республики оказывают военно-политические события, происходящие на Украине, начиная с 2014 г., ее

проевропейская и проатлантическая ориентация, политическая нестабильность и стратегическая ориентация правящих элит Молдовы.

Резкое ухудшение геополитического и геоэкономического положения Приднестровья произошло с 2022 г. вследствие военно-политических событий на Украине, а также максимального дистанцирования Молдовы от СНГ и России.

Как следствие, существенно ограничили внешнеторговые связи с Украиной, прекращены транзитные операции через ее территорию, осложнилась логистика экспортно-импортных связей и пассажиропотоков с Российской Федерацией, Беларуссией, Казахстаном, закавказскими и среднеазиатскими постсоветскими республиками. Экономические агенты Приднестровья потеряли доступ к черноморским портам.

Экспортно-импортные операции экономических агентов Приднестровья и пассажирские перевозки с Россией, Беларуссией и некоторыми республиками СНГ осуществляются по сложному логистическому пути через Молдову, Румынию, Венгрию, Словакию, Польшу, Литву. В осуществлении пассажирских авиаперевозок существенное место занимают пассажиропотоки, осуществляемые из Кишинева в Россию через Ереван, Египет и Турцию.

Указанные маршруты привели к многократному увеличению времени перевозок, росту транзакционных издержек, включая оплату за фрахт транспортных средств, частому нарушению сроков доставки, минимизации прибыли экономических агентов, а иногда и к финансовым убыткам.

На геополитическое и геоэкономическое положение Приднестровья значительное влияние оказывают решения, принимаемые политическим руководством Молдовы, которое пытается действовать в фарватере глобальных интересов западноевропейских структур и США, часто в ущерб собственного народа. При этом постоянно предпринимаются попытки ограничения присутствия Российской Федерации в регионе и осуществляются разнообразные мероприятия, направленные на ликвидацию Приднестровской государственности.

Особо следует отметить отдаление Республики Молдова от СНГ, выражающегося в денонсации множества соглашений Содружества. 26 июля 2023 г. Президент Молдовы Майя Санду подписала одобренный парламентом закон о денонсации «Конвенции о Межпарламентской ассамблее (МПА) государств – участников СНГ». Молдова денонсировала также множество других соглашений - «О координации отношений между странами СНГ в области электроэнергетики», «Об обеспечении параллельной работы энергетических систем государств-участников СНГ», «О транспортировке энергоресурсов и электроэнергии государств-участников СНГ», «О сотрудничестве в области подготовки специалистов в области радиоэкологии, радиационной безопасности, радиобиологии и смежных наук», «Об основных принципах сотрудничества в области использования атомной энергии в мирных целях», «О взаимодействии в сфере предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных природных и техногенных ситуаций», «О сотрудничестве по формированию общего образовательного пространства СНГ», «О продвижении согласованной политики в области стандартизации, метрологии и сертификации» и др.

В то же время руководство Молдовы не отказывается полностью от некоторых социально-экономических преимуществ пребывания в Содружестве, в частности от соглашений «О безвизовом режиме», «О зоне свободной торговли», «О социальных и иных предпочтениях для трудовых мигрантов».

Почти полностью прекращены связи силовых ведомств Молдовы и стран СНГ, включая Россию. При этом происходит активное взаимодействие оборонных ведомств Молдовы и стран НАТО.

Попытки отказаться от нейтрального статуса и активного сближения с НАТО, выражающегося в проведении совместных учений, подготовке военных кадров в странах НАТО, получении из этих стран военной амуниции и переходе на их военные стандарты.

Согласно конституции, Молдова обладает нейтральным статусом. Однако с 1994 года страна сотрудничает с НАТО в рамках индивидуального плана партнерства. В столице Молдавии действует информационный центр альянса. В то же время по данным опроса Института европейской политики и реформ, более 60% молдаван выступают против присоединения страны к НАТО.

Президент Молдовы Майя Санду в марте 2022 г. подписала заявку о вступлении республики в Евросоюз, отметив, что процесс евроинтеграции необходимо ускорить. Главы

государств и правительств Евросоюза на саммите в Брюсселе 23 июня 2022 года одобрили предоставление Украине и Молдове статуса кандидатов на вступление в ЕС. Еврокомиссия выдвинула Молдове девять условий, которые страна должна выполнить для вступления в объединение.

В последние годы таможенные и пограничные органы Республики Молдова вводят значительное количество ограничений для въезда в республику граждан Российской Федерации. В 2023 г. власти Молдовы приняли решение о радикальном сокращении численности сотрудников посольства России в Молдове. Вследствие этого решения существенно ограничилось возможности оказания заинтересованным гражданам российских консультационных услуг. Особенно это решение затрагивает граждан Российской Федерации, постоянно проживающих в ПМР.

Несмотря на неоднократные недружественные действия органов власти Молдовы по отношению к России, руководство Российской Федерации постоянно ищет механизмы сохранения и развития разнообразных взаимовыгодных связей. Москва призывает Кишинев прислушаться к интересам собственных граждан и настроена иметь дружеские отношения с Молдовой.

Бесспорно, что географическое положение Молдовы предопределяет необходимость интенсивного взаимодействия со странами соседями. Однако проевропейская ориентация не должна осуществляться в ущерб восточного вектора, в частности пророссийского.

Большинство жителей Молдавии выступают за сохранение и развитие экономических, политических и культурных связей с РФ, о чем свидетельствуют данные соцопроса, которые опубликовал в середине марта 2023 года Институт маркетинга и социологических опросов (IMAS) республики. Также опрос показал, что более половины жителей Молдавии выступают против выхода страны из СНГ. Ряд крупнейших организаций, формирующих молдавскую диаспору практически всех федеральных округов России, подготовили официальное обращение на имя президента республики Санду, выразив в нем озабоченность неподобающим поведением официального Кишинева по отношению к России, и осудив процесс выхода республики из соглашений СНГ. Обращение содержит призыв к конструктивному диалогу с руководством Российской Федерации и к возрождению доброй традиционной дружбы и сотрудничества, которые многие века связывали Молдавию и Россию.

Проводимая руководством Молдовы антироссийская политика представляется деструктивной и не имеет эффективных перспектив.

Денонсация соглашений со странами СНГ и ухудшение отношений с Россией существенно ограничит экспорт продукции, в первую очередь агропромышленных продуктов, для которых рынок России является одним из основных рынков сбыта. Рынки стран ЕС являются малопривлекательными для молдавских вин, фруктов и винограда, так как они перенасыщены собственными аналогичными товарами.

Смена стратегических ориентиров Молдовы не сопровождается ростом деловой активности и положительной макроэкономической динамикой, улучшением уровня и качества жизни, ограничением эмиграции населения.

В условиях кризисного состояния экономики власть Молдовы делает ставку на внутренние и внешние заимствования, попадая в еще большую зависимость от финансовых структур Запада. По данным Национального бюро статистики на 1 июля 2023 г. внутренний долг Молдовы превысил 5 млрд. долл. США, а внешний долг - 3,4 млрд. долл. США. При этом данные величины имеют тенденцию к ускоренному росту.

В январе-июне 2023 г. по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года промышленное производство в валовом исчислении снизилось на 7,6%. С начала 2022 г. в Молдове не открылось ни одного крупного или среднего предприятия. Более того, в условиях многократного роста тарифов на газ и электричество многие предприятия вынуждены закрываться из-за низкой рентабельности или убыточности.

В 2022 г. уровень инфляции в Молдавии превысил 30%, тарифы на газ выросли в 7 раз, а электроэнергия подорожала в 3 раза.

Абсолютная численность безработных во втором квартале текущего года составила 35,6 тысячи человек, что существенно выше показателей за аналогичный период 2022 г. (21,6 тысячи человек).

Проводимая в Молдове экономическая политика угрожает национальной безопасности, угнетает предпринимательство, ведет к резкому снижению доходов населения и увеличивает

отток граждан из страны. Она оказывает отрицательное воздействие на социально-экономическое развитие Приднестровья и его взаимодействие с внешним миром.

Социально-экономическое и политическое развитие Приднестровья в значительной степени зависят от взаимоотношений с Российской Федерацией. Население и руководство республики приняло «восточный вектор интеграции», предполагающий стратегическую ориентацию на Россию. Он основан на результатах референдума от 17 сентября 2006 г. и зафиксирован в Указе Президента Приднестровья от 20 ноября 2012 г. № 766 «Об утверждении Концепции внешней политики ПМР». Подпункт е) пункта 3 Указа рассматривает в качестве национальной идеи «...участие Приднестровья в интеграционных процессах на пространстве СНГ, включая вовлечение в Евразийский экономический союз».

От эффективности взаимодействия с Российской Федерацией зависит соблюдение основополагающих прав жителей Приднестровья во всех сферах жизнедеятельности (политической, военной, экономической, социальной, правовой, институциональной).

Реализация выбранного стратегического вектора политического и социально-экономического развития в значительной степени ограничивается отсутствием непосредственных границ с Российской Федерацией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать следующие выводы:

7. экономика Приднестровья относится к малым хозяйственным системам с высокой степенью открытости, эффективное развитие которых максимально зависит от внешнеэкономического обмена;

8. основным фактором, влияющим на экономическую безопасность и эффективность внешнего взаимодействия республики на современном этапе, является геополитическое, геоэкономическое и военно-политическое положение республики;

9. эволюция геополитического положения ПМР характеризуется негативным трендом - от чрезвычайно благоприятного в советский период к благоприятному с отрицательными элементами (1990– 2002 гг.) до неблагоприятного (с начала XXI в. по настоящее время);

10. ухудшение геополитического положения в сочетании с отсутствием международного политико-правового статуса и отсутствием собственного внешнеэкономического инструментария создает опасность жизненно важным интересам жителей республики, институциональных и корпоративных структур. В частности, происходит снижение эффективности бизнеса, интенсивная миграция молодежи и лиц в трудоспособном возрасте, снижение иммиграционной привлекательности и депопуляция региона, старение населения и рост коэффициента демографической нагрузки;

11. перспективное развитие Приднестровья находится в прямой зависимости от военно-политических процессов, происходящих в Молдове и Украине, стратегических векторов их элит, внешней политики Российской Федерации, США, остальных стран НАТО и ЕС;

12. Приднестровье находится в максимальной зависимости от институциональных органов Молдовы, которые выделяются исключительной несамостоятельностью в принятии политических и экономических решений;

13. оптимизация внешнеэкономического обмена, геополитического и геоэкономического положения ПМР возможна только в условиях сохранения мира в регионе. Несмотря на наличие множества проблем во взаимоотношениях ПМР и Молдовы, ПМР и Украины, руководство Приднестровья находит взаимоприемлемые механизмы для обеспечения мирного сосуществования и оптимального взаимодействия сторон;

14. одним из эффективных механизмов, позволяющих частично преодолевать негативные аспекты геополитического положения, является максимальное использование возможностей цифровых технологий (например, в системе образования, научной и рекламной деятельности), а также развитие аутсорсинга, въездного туризма.

Список источников и литературы

1. Галоганов А.П. Об итогах международного круглого стола «политико-правовые основы международного признания независимости Приднестровья» // Политико-правовые основы международного признания независимости Приднестровской Молдавской Республики / Под общ. ред. В.В. Игнатъева. –Тирасполь, 2018. С. 100-103.
2. Государственность Приднестровья: История и современность / Н.В. Бабилунга, Б.Г. Бомешко, П.М. Шорников. –Тирасполь: Полиграфист, 2007. -344 с.

3. Затулин К.Ф. Право на самоопределение Приднестровья носит естественный характер // Политико-правовые основы международного признания независимости Приднестровской Молдавской Республики / Под общ. ред. В.В.Игнатъева. –Тирасполь, 2018. С. 47-50.

4. Красносельский В.Н. Приднестровье – составная часть русского мира: текущая ситуация и перспективы развития // Политико-правовые основы международного признания независимости Приднестровской Молдавской Республики / Под общ. ред. В.В. Игнатъева. –Тирасполь, 2018. С. 9-16.

5. Кузнецов М.Н. Приднестровская Молдавская Республика как полноправный субъект современного международного права: юридический императив ее признания // Политико-правовые основы международного признания независимости Приднестровской Молдавской Республики / Под общ. ред. В.В. Игнатъева. –Тирасполь, 2018. С. 72-89.

Бурла Михаил Порфирович, к. геогр. н., зав. научно-исследовательской лабораторией «Региональные исследования», Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко; e-mail: burla57@list.ru

FEATURES OF TRANSNISTRIA'S FOREIGN RELATIONS IN THE CONTEXT OF A CARDINAL TRANSFORMATION OF THE GEOPOLITICAL POSITION OF THE REPUBLIC

Burla M.P.¹

¹ Shevchenko Transnistrian State University, Tiraspol, Moldova

The features of the development of the Pridnestrovian Moldavian Republic (PMR, Pridnestrovie, Transnistria), a self-proclaimed region with an uncertain international political and legal status, are reflected. The main attention is paid to the analysis of the features of the dynamics of the geopolitical position of the republic in the post-Soviet period, the strategic orientation of the neighboring countries of the first order. The impact of Moldova's geostrategic orientation and its impact on the development of the two regions is assessed. The features of the development of Transnistria in the context of a complicated geopolitical and geo-economic situation are considered.

Key words: foreign economic relations, geopolitical situation, interstate agreement, self-proclaimed republic, economic potential.

Burla Mikhail Porfirovich, Candidate of Geographical Science, Head of the research laboratory "Regional Studies", Shevchenko Transnistrian State University; e-mail: burla57@list.ru

УДК 327(478.9)

РАЗМЫШЛЕНИЯ О РОЛЕ КИТАЯ И РОССИИ В ШОС И БРИКС

Ван Ци¹, Чэнь Диюй¹, Ульянова С.Б.²

¹ Институт стратегического сотрудничества между Китаем и Россией при университете Цинхуа, Пекин, Китай

² Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия

Китай и Россия являются инициаторами создания ШОС и БРИКС, они взяли на себя миссию руководства в этих межгосударственных объединениях. В статье за отправную точку берутся расширения ШОС и БРИКС, основное внимание уделяется анализу геополитических интересов и ценностей Китая и России в этом процессе. В геоэкономическом контексте оцениваются достижения стран ШОС и БРИКС и глобальная роль Китая и России. Подчеркивается, что гуманитарные обмены являются краеугольным камнем содействия реализации геополитических и экономических стратегий стран ШОС и БРИКС.

Ключевые слова: Китай, Россия, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), БРИКС, геополитика, геоэкономика, гуманитарные обмены

Китай и Россия являются инициаторами создания ШОС и БРИКС, и они берут на себя миссию руководства в этих межгосударственных объединениях. Сравнивая ШОС и БРИКС в момент их основания, можно сказать, что первая является почти полностью продуктом китайско-российской геополитики, а вторая – китайско-российской геоэкономики. Рассматривая процессы развития ШОС до настоящего времени, мы можем сказать, что она придерживалась «шанхайского духа» взаимного доверия, взаимной выгоды, равенства, консультаций, уважения различных цивилизаций и стремления к общему развитию с момента своего создания в 2001

году². ШОС прошла путь от «двухколейного привода» безопасности и экономического сотрудничества к созданию взаимосвязанных «четырёх общностей» – здравоохранения, безопасности, развития и гуманизма.

История БРИКС началась со встречи министров иностранных дел четырех стран – Бразилии, России, Индии и Китая – в 2006 году. С момента своего создания эта организация придерживалась духа открытости, терпимости и взаимовыгодного сотрудничества. Начав с «двухколейного экономического и политического развития», пройдя через «трехколейный привод» политической безопасности, экономических, торговых и финансовых, а также гуманитарных обменов БРИКС создала четыре основных партнерства для поддержания мира во всем мире, содействия общему развитию, поощрения многообразия цивилизаций и укрепления глобального экономического управления. Вышесказанное показывает эффективность и важность платформ ШОС и БРИКС в борьбе с беспрецедентными глобальными изменениями прошедшего столетия, а также демонстрирует стратегическое положение и путь Китая и России по совместному продвижению процесса построения многополярного мира.

В настоящей статье отправной точкой является расширение ШОС и БРИКС. Основное внимание уделяется анализу геополитических интересов и ценностей Китая и России в этом процессе.

Вслед за «Хартией Шанхайской организации сотрудничества»³, основным документом периода основания ШОС, были последовательно приняты два значимых документа – «Положение о статусе наблюдателя при Шанхайской организации сотрудничества»⁴ и «Положение о статусе партнера по диалогу Шанхайской организации сотрудничества»⁵. Были созданы две новые модели расширения членства в ШОС – государства-наблюдатели и государства-партнеры. На данный момент полноправными членами ШОС являются Китай, Россия, Таджикистан, Узбекистан, Казахстан, Кыргызстан, Пакистан, Индия и Иран. Государствами-наблюдателями ШОС являются Афганистан, Беларусь и Монголия. Странами-партнерами по диалогу ШОС являются Азербайджан, Армения, Камбоджа, Непал, Турция, Шри-Ланка, Саудовская Аравия, Египет, Катар, Бахрейн, Мальдивы, Объединенные Арабские Эмираты, Кувейт и Мьянма. Эти данные показывают, что ШОС расширила свой состав с первоначальных шести государств-членов до нынешних 26. Важной вехой в развитии ШОС является присоединение Пакистана и Индии, показывающее, что ШОС превратилась из платформы для координации взаимодействия между Китаем и Россией в Центральной Азии в более широкую организацию регионального сотрудничества. По словам Си Цзиньпина, «с началом процесса расширения членского состава круг друзей Шанхайской организации сотрудничества продолжил расширяться, охватывая Центральную Азию, Южную Азию, Западную Азию и Юго-Восточную Азию. Потенциал организационного сотрудничества значительно расширился, а международный статус и влияние продолжали расти»⁶. Вступление Ирана является еще одним важным символом развития ШОС. Оно «выходит за рамки устаревших концепций, таких как конфликт цивилизаций, мышление времен холодной войны и игры с нулевой суммой, и открывает совершенно новую страницу в истории международных отношений»⁷.

Есть два основных вопроса, на которые необходимо обратить внимание в этой связи. Во-первых, геополитическая ориентация ШОС более диверсифицирована. Например, страны Центральной Азии всегда придерживались плюралистической дипломатии, как сказал Нурултан Назарбаев: «Как политик-реалист я отчетливо понимал, что внутриконтинентальное положение Казахстана делает особенно важными взаимовыгодные, дружеские отношения с

² Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества. 15 июня 2001 г. // URL: <http://chn.sectsc.org/documents/20010615/43463.html>

³ Хартия Шанхайской организации сотрудничества. 15 июня 2002 г. // URL: <http://chn.sectsc.org/documents/20020615/43899.html>

⁴ Положение о статусе наблюдателя при Шанхайской организации сотрудничества. 15 июня 2004 г. // URL: <http://chn.sectsc.org/documents/20040615/44474.html>

⁵ Положение о статусе партнера по диалогу Шанхайской организации сотрудничества. 28 августа 2008 г. // URL: <http://chn.sectsc.org/documents/20080828/45668.html>

⁶ Си Цзиньпин опубликовал в узбекской газете "Народное слово" и на сайте Национального информационного агентства Узбекистана авторскую статью под названием "Вместе создать прекрасное будущее китайско-узбекских отношений" // URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2016-06/21/c_129080140.htm

⁷ Си Цзиньпин. Продвижение "шанхайского духа" и построение Сообщества судьбы – речь на 18-м заседании Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества // Жэньминь Жибао. 11 июня 2018 г.

крупнейшими сопредельными государствами – Россией и Китаем, а также с США как сверхдержавой, имеющей влияние на весь мир»⁸. В силу геополитических, исторических и других факторов, хотя страны Центральной Азии и притеряиваются плюралистической дипломатии, они ни в коем случае не равноудалены, и Россия и Китай всегда были для них приоритетным направлением. С другой стороны, Индия часто более тонко подходит к отношениям между «Индо-Тихоокеанской стратегией» США и ШОС, а также к отношениям между Россией и Индией. Во-вторых, процесс расширения ШОС идет параллельно растущей тенденции «антиглобализации». Например, расширение ШОС и «Брексит» Великобритании произошли почти в одно и то же время, что свидетельствует об особенностях расширения ШОС.

С точки зрения стратегического позиционирования расширения ШОС, Китай и Россия сошлись во мнении, то есть создали сообщество интересов, а затем и сообщество судьбы, используя ШОС в качестве платформы для расширения круга друзей и предотвращения действий США, которые постоянно создавали хаос в этом регионе. Есть небольшая разница: Китай фокусируется на развитии экономического сотрудничества в рамках ШОС, а Россия – на сотрудничестве в области геополитической безопасности.

Россия всегда была активным сторонником расширения ШОС. Можно отметить четыре ценностных момента, важных для России применительно к ШОС. Во-первых, это платформа для взаимодействия Китая и России в Центральной Азии и совместной борьбы с «тремя силами» для обеспечения мира и стабильности внешней среды. Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) занимается традиционными вопросами безопасности, и Россия заинтересована в том, чтобы ШОС играла более активную роль в реагировании на нетрадиционные угрозы безопасности. Во-вторых, ШОС возглавляет процесс региональной экономической интеграции. В центре внимания российского экономического сотрудничества находится Евразийский экономический союз, поэтому экономические и торговые инвестиции в ШОС обусловлены постоянным повышением уровня евразийской экономической интеграции. В-третьих, Китай и Россия используют ШОС в качестве платформы для высказывания своих мнений. Эта платформа позволяет высказываться по глобальным стратегическим вопросам безопасности, затрагивающим интересы государств – членов ШОС; поддерживать основные дипломатические действия России; помогает России поддерживать стабильность в Евразийском регионе и предотвращать иностранное вмешательство и т. д. В-четвертых, ШОС связана с поддержкой Россией стратегии Большой Евразии. России необходимо использовать ШОС для построения большего евразийского партнерства, то есть для формирования внутренних потребностей в области безопасности и экономического симбиоза на более широком Евразийском континенте, включая Китай, Юго-Восточную Азию, Южную Азию и Западную Азию. Это совпадает с созданием сообщества судьбы, за которое выступает Китай.

В отличие от России Китай когда-то твердо верил, что развитию ШОС в большей степени способствовало бы предварительное укрепление организации, отсутствие торопливости в ее расширении. Китай отдает предпочтение первой международной организации, названной в честь Шанхая – китайского города, рассматривая ее как платформу для борьбы с «тремя силами», поддержания безопасности региона и западного Китая, а также осуществления экономического сотрудничества и содействия общему развитию. Считалось, что, если расширение ШОС будет успешным, это неизбежно повлияет на эффективность принятия решений и действий ШОС. Однако с драматическими изменениями в международном ландшафте, особенно с растущим распространением односторонности и травли, поощряемых США, и постоянными проблемами, причиняемыми периферии Китая, Китай начал осознавать, что самая большая угроза региональному миру и стабильности заключается в том, что США и Запад не соблюдают международные правила и применяют двойные стандарты в отношении функционирования механизмов ООН и т.п. Лучший способ справиться с этой ситуацией – побудить ШОС активно участвовать в глобальном управлении, распространять и продвигать новую концепцию своего развития, новую концепцию безопасности, новую концепцию цивилизации и общие ценности всего человечества, обуздать бессмысленную односторонность и сделать систему глобального управления более справедливой и разумной. Как подчеркнул Председатель КНР Си Цзиньпин в своем выступлении на 23-м заседании Совета глав государств – членов ШОС, «прием на заседании Исламской Республики Иран как полноправного члена Организации, подписание Меморандума об обязательствах Республики Беларусь для получения статуса члена ШОС будут

⁸ Назарбаев Н. А. Эра независимости. Астана, 2017. С. 92.

демонстрировать энергию и жизненную силу большой шосовской семье». Китайский лидер подчеркнул: «Мы стоим на страже международной справедливости, выступаем против гегемонии, деспотизма и травмы, расширяем «круг друзей» ШОС, формируем отношения диалога и партнерства, несущие неконфронтационный и внеблоковый характер, что значительно способствует росту прогрессивных сил в защиту мира и стабильности во всем мире»⁹.

Как видно, через ШОС Китай и Россия в определенной степени успешно реализовали свои геополитические и стратегические интересы. ШОС прояснила свои позиции по многим региональным и международным вопросам, таким как обеспечение региональной безопасности, содействие процессу многополярности мира, сдерживание расширения западного влияния в Центральной Азии, реформа ООН, войны в Ираке и Афганистане и т.д. ШОС постепенно стала частью мировой политики и даже стимулом для реализации Китаем и Россией своих геополитических стратегий.

Расширение БРИКС тесно связано со следующими знаковыми историческими фактами. В сентябре 2006 г. министры иностранных дел Китая, России, Бразилии и Индии провели свою первую встречу, положившую начало сотрудничеству в рамках БРИК. В июне 2009 г. в Екатеринбурге состоялся первый саммит лидеров стран БРИК, и был официально запущен механизм сотрудничества. В декабре 2010 г. к нему присоединилась Южная Африка, и объединение БРИК (BRIC) было преобразовано в БРИКС (BRICS). В июле 2015 г. Новый банк развития стран БРИКС обосновался в Шанхае и официально начал свою деятельность. В сентябре 2017 г. в китайском городе Сяэне проходила 9-я встреча лидеров стран БРИКС. Китай предложил механизм сотрудничества «БРИКС+», чтобы открыть двери для стран с формирующимся рынком и развивающихся стран для интеграции в платформу БРИКС. В июне 2022 г. лидеры стран БРИКС договорились активно продвигать процесс расширения объединения и продвигать механизм БРИКС для дальнейшего углубления, укрепления и продвижения вперед. В августе 2023 г. на специальной пресс-конференции, посвященной пятнадцатой встрече лидеров стран БРИКС, было объявлено, что Саудовская Аравия, Египет, Объединенные Арабские Эмираты, Аргентина, Иран и Эфиопия официально приглашены стать членами семьи БРИКС. В интервью информационному агентству «Синьхуа» посол Китая в Южной Африке Чэнь Сяодун заявил, что «расширение» механизма сотрудничества БРИКС стало предметом пристального внимания международного сообщества. Более 40 стран выразили готовность присоединиться к механизму сотрудничества БРИКС, из которых более 20 стран подали официальные заявки¹⁰. «Все больше и больше стран надеются поступать в "дверь БРИКС" и принять участие в сотрудничестве БРИКС, чтобы в полной мере продемонстрировать сильную жизнеспособность и влияние механизма сотрудничества БРИКС»¹¹. «Нынешнее расширение носит исторический характер и отражает решимость государств-членов БРИКС сотрудничать с развивающимися странами. Это расширение является историческим и отражает решимость стран БРИКС объединяться и сотрудничать с развивающимися странами. Это соответствует ожиданиям международного сообщества и общим интересам стран с формирующимся рынком и развивающихся стран. Это расширение также является новой отправной точкой для сотрудничества БРИКС, которое придаст новую жизненную силу механизму сотрудничества БРИКС и еще больше укрепит силу мира и развития во всем мире»¹².

Следует подчеркнуть, что экспансия стран БРИКС является результатом столкновения старого и нового глобального порядка, и это еще один стимул для Китая и России реализовать свои геополитические стратегии. Корень проблемы кроется в том, что для поддержания своего статуса независимой глобальной сверхдержавы США постоянно создают воображаемых врагов и никогда не позволят какой-либо стране угрожать своей глобальной гегемонии. В результате

⁹ Си Цзиньпин. Помня о первоначальной миссии, упорствуя в единстве и сотрудничестве для достижения большего развития. Выступление на 23-м заседании Совета глав государств - членов Шанхайской организации сотрудничества. 4 июля 2023 г. URL: http://www.news.cn/politics/leaders/2023-07/04/c_1129732074.htm

¹⁰ «Расширение» БРИКС в центре внимания, развивающиеся страны решительно настроены присоединиться. Интервью с послом Китая в Южной Африке Чэнь Сяодуном. URL: http://www.news.cn/2023-08/22/c_1129816363.htm

¹¹ Си Цзиньпин опубликовал авторскую статью под названием «Плавание гигантского корабля китайско-южноафриканской дружбы и сотрудничества к большому успеху» в газетах The Star, Cape Times, The Mercury и Independent Online. URL: http://www.news.cn/politics/leaders/2023-08/21/c_1129813967.htm

¹² Си Цзиньпин принял участие в специальной пресс-конференции пятнадцатой встречи лидеров БРИКС и подчеркнул, что расширение членства в БРИКС является новой отправной точкой для сотрудничества БРИКС и придаст новую жизненную силу механизму сотрудничества БРИКС. URL: http://www.news.cn/2023-08/24/c_1129820978.htm

они реализовали «расширение НАТО на Восток» против России и «Индо-Тихоокеанскую стратегию» сдерживания Китая. Кризис на Украине также заставил Китай и Россию глубоко осознать, что Китаю и России никогда не будет места в американской гегемонистской системе. Только путем решительного отпора и содействия формированию многополярной модели в мире и созданию сообщества человеческих судеб глобальное устойчивое развитие может продвигаться вперед в справедливом и разумном направлении.

Итак, каких геоэкономических и стратегических достижений добились Китай и Россия благодаря ШОС и БРИКС?

С ускорением процесса расширения ШОС, особенно присоединения арабских стран, многостороннее экономическое и торговое сотрудничество между странами ШОС в области энергетики, взаимосвязей, торговли и других областях в рамках ШОС достигло и будет достигать замечательных результатов. Что касается энергетического сотрудничества, то в 2021 году, по случаю 20-й годовщины создания ШОС, энергетическое сотрудничество ШОС вступило в институционализированную стадию. Запасы нефти и ее добыча в государствах – членах ШОС и странах-наблюдателях составляют около 1/4 мирового объема, а мощности по переработке составляют 30 % мирового объема; запасы природного газа составляют около 44 % мирового объема, а добыча составляет 30 % мирового объема; добыча урана составляет почти 60 % мировой атомной энергетики; Китай, Индия, Россия и другие страны также занимают лидирующие позиции в мире по установленной мощности возобновляемых источников энергии. С присоединением арабских стран основные страны-энергопроизводители и страны-энергопотребители в Евразии будут географически связаны в рамках ШОС, и практическое сотрудничество между многочисленными сторонами в области традиционной энергетики и новой энергетики будет многообещающим. Что касается создания инфраструктуры, то на протяжении многих лет один за другим были завершены проекты двустороннего и многостороннего сотрудничества, такие как нефтегазопровод Китай-Россия, газопровод Китай-Центральная Азия, нефтепровод Китай-Казахстан, железнодорожный транспортный коридор Китай-Казахстан-Турция-Иран, шоссе Шуанси, туннель Камчик и т. д. Уровень взаимосвязи между странами ШОС значительно улучшился, о чем свидетельствуют, например, более 15 000 железнодорожных рейсов между Китаем и Европой в 2021 году. С добавлением Ирана и стран Ближнего Востока, которые играют роль «транзитных мостов», транспортные коридоры юг – север и восток – запад всего Евразийского континента будут полностью соединены. Что касается торговли, соответствующие статистические данные показывают, что в 2021 году ВВП ШОС составил около 23,3 трлн долл. США., что составляет 1/4 мирового ВВП, при общей численности населения в 3,2 миллиарда человек, что составляет около 44 % от общей численности населения мира, и она обладает широким рыночным пространством. В 2021 г. общий объем товарооборота между государствами-членами ШОС превысил 7 776 млрд. долл. США¹³. Среди них роль Китая становится все более заметной. Объем торговли между Китаем и другими государствами – членами ШОС в том году достиг 343,3 млрд. долл. США., увеличившись на 40 % в годовом исчислении и в 28 раз превысив объем торговли ШОС в начале ее создания в 2001 году¹⁴. Согласно российской статистике, с 2015 по 2022 год общий товарооборот стран – членов ШОС вырос почти в два раза и составил 30 трлн рублей, а доля этих государств в общем товарообороте РФ за тот же период увеличилась с 18 до 31,5 %¹⁵.

Площадь суши стран БРИКС составляет 26,46 % от общей территории мира, а численность населения составляет 41,93 % от общей численности населения земного шара. В 2022 году ВВП стран БРИКС составил 25,91 трлн долл. США., что составляет 1/4 мирового, а ежегодные темпы роста превысят показатели стран с развитой экономикой в 11 раз, став важным двигателем мирового экономического роста. Согласно китайской таможенной статистике, импорт и экспорт Китая в другие страны БРИКС в 2022 г. составил 3,69 трлн юаней, увеличившись на 17 %¹⁶. После расширения БРИКС совокупная площадь стран объединения составляет 48,4 млн кв. км, что составляет 32 % от общей площади земной суши. Это более чем вдвое больше, чем у стран G7. Совокупное население стран БРИКС – 3,6 миллиарда человек – это 45 % численности мирового населения. Внешнеторговый оборот стран БРИКС, включая новых членов, в 2022 г.

¹³ Economic Daily. 19 сентября 2022 г.

¹⁴ <https://www.chinanews.com.cn/gj/2023/07-06/10037832.html>

¹⁵ <https://rg.ru/2023/07/10/reg-urfo/rossiia-mozhet-uvlechit-eksport-v-strany-shos-eshe-na-23-trilliona-rublej.html?ysclid=lo2sf6gwy925174505>

¹⁶ <https://www.chinanews.com/gj/2023/08-24/10066316.shtml>

составил 12,4 трлн долл. США., это 1/5 объема мировой торговли. Кроме того, на организацию приходится 45 % мировых запасов нефти¹⁷. Согласно российской статистике, объем взаимной торговли между Китаем и Россией в 2022 году достиг 190 млрд. долл. США. Объем торговли между Россией и Китаем в первом полугодии 2023 года продолжил это расширение и также вырос на 20 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. В период с апреля 2022 г. по февраль 2023 г. объем торговли между Индией и Россией достиг рекордных 45 млрд. долл. США. Объем торговли между Бразилией и Россией к концу 2022 г. достиг рекордной отметки – около 10 млрд. долл. США. Двусторонний товарооборот между ЮАР и Россией в 2022 г. увеличился на 16,4 % по сравнению с предыдущим годом и достиг 1,3 млрд. долл. США¹⁸. Следует отметить, что Россия ценит важную роль стран БРИКС в содействии их собственному экономическому развитию и участию на международном рынке и готова активно способствовать экономическому и торговому сотрудничеству стран БРИКС. Президент РФ В. В. Путин подчеркнул, что, несмотря на все проблемы и трудности, деловые круги БРИКС последовательно расширяют взаимовыгодные связи в торговой, финансовой и инвестиционной сферах¹⁹. «Россия активно переориентирует торговые потоки и внешнеэкономические контакты на надежных международных партнеров, и в первую очередь на страны БРИКС».²⁰

БРИКС и ШОС добились плодотворных результатов с момента своего создания и стали живой силой в развитии мировой политики, особенно мировой экономики. После третьего промышленного перехода в Китай, после десятилетий развития, Китай стал страной с самым большим положительным торговым сальдо в мировой экономике с формирующейся рыночной экономикой и даже в мировой экономике, обеспечивая глобальное потребление сырьевых товаров, в то время как страны с формирующейся рыночной экономикой в основном являются странами-экспортерами ресурсов. Производственные мощности всей промышленной цепочки Китая потребляют большое количество ресурсов из стран, ориентированных на ресурсы, и постепенно сосуществует и развивается в гармонии с ними. Геоструктурная инфраструктура БРИКС и ШОС уже сформировалась. Основная линия железной дороги полуострова Индокитай в Юго-Восточную Азию и Китайско-европейский экспресс функционируют хорошо. Экономическая структурная взаимодополняемость является основной чертой развивающихся экономик, обладающих высокой внутренней жизнеспособностью и сопротивляемостью. Ядром экономического развития являются финансы, и развитие механизма отрицательной энтропии денежной экономики является предпосылкой для экономического развития товарной экономики, экономики услуг и экономики капитала. В настоящее время из-за внешнего вмешательства доллара обменный курс продолжает колебаться. БРИКС и ШОС активно развивают дедолларизацию и в целом приняли систему обмена валюты. Однако в валютных свопах наблюдается наложение кумулятивных факторов риска, и потенциальные риски постепенно проявляются. Вот-вот появятся юани БРИКС и юань ШОС. Решение проблемы обеспечения стабильности обменного курса с помощью модели «мостовой валюты» стабилизирует валюту и укрепит стратегическое сотрудничество между странами БРИКС и ШОС в форме взаимной помощи по всей производственной цепочке, тем самым еще больше укрепляя их роли в формировании полицентричного миропорядка. Одним словом, будущие тенденции БРИКС и ШОС зависят от логики их стратегий развития, наличия у них полного механизма отрицательной энтропии, их структуры, работоспособности, устойчивости, эксклюзивности, дальновидности, культурной и идеологической интеграции, постоянной инерции реализации политики и другой устойчивости к развитию.

Следует также подчеркнуть, что страны ШОС и БРИКС являются представителями различных цивилизаций. Укрепление гуманитарных обменов является красной нитью взаимодействия реализации геополитических и экономических стратегий стран ШОС и БРИКС. Обмен странами заключается в любви народа друг к другу, а любовь народа друг к другу заключается в духовной связи. В этой связи Китай и Россия уже задали модель для нового типа отношений великих держав и будут призывать страны ШОС и БРИКС создать платформу для гуманитарных обменов, чтобы в полной мере проявить очарование «ШОС» и «БРИКС».

¹⁷ <https://ria.ru/20230824/briks-1892036476.html?ysclid=lo2nvv03x9145306263>

¹⁸ <https://www.russia-briefing.com/news/torgovlya-i-razvitiye-rossii-s-briks-analiz-i-vozmozhnosti.html/>

¹⁹ <https://tass.ru/ekonomika/14998997?ysclid=lo5h0ceopx745827375>

²⁰ <https://tass.ru/ekonomika/15001357?ysclid=lo5i89rp26758075065>

Ван Ци, исполнительный директор Института стратегического сотрудничества между Китаем и Россией при университете Цинхуа (ИССКР), PhD, профессор; e-mail: wq@tsinghua.edu.cn
Чэнь Динюй, ученый секретарь Института стратегического сотрудничества между Китаем и Россией при университете Цинхуа (ИССКР), PhD; e-mail: cdy21@mails.tsinghua.edu.cn
Ульянова Светлана Борисовна, д. ист. н., профессор Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого; e-mail: ulyanova_sb@spbstu.ru

THOUGHTS ON THE ROLE OF CHINA AND RUSSIA IN THE SCO AND BRICS COUNTRIES

Wang Qi¹, Chen Diyu¹, Ulyanova S.B.²

¹ Institute for Strategic Cooperation between China and Russia at the University of Tsinghua (ISSCR), Beijing, China,

² Peter the First St. Petersburg Polytechnic University, St Petersburg, Russia

China and Russia are the initiators of the creation of the SCO and the BRICS, they have assumed the leadership mission in these interstate associations. The article takes the expansion of the SCO and BRICS as a starting point, focusing on the analysis of the geopolitical interests and values of China and Russia in this process. The achievements of the SCO and BRICS countries and the global role of China and Russia are evaluated in the geo-economic context. It is emphasized that humanitarian exchanges are the cornerstone of promoting the implementation of the geopolitical and economic strategies of the SCO and BRICS countries.

Key words: China, Russia, Shanghai Cooperation Organization (SCO), BRICS, geopolitics, geo-economics, humanitarian exchanges.

Wang Qi, PhD, Professor, Director of the Institute for Strategic Cooperation between China and Russia at the University of Tsinghua (ISSCR), e-mail: wq@tsinghua.edu.cn

Chen Diyu, PhD, Scientific Secretary of the Institute for Strategic Cooperation between China and Russia at the University of Tsinghua (ISSCR), e-mail: cdy21@mails.tsinghua.edu.cn

Ulyanova Svetlana Borisovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Peter the First St. Petersburg Polytechnic University; e-mail: ulyanova_sb@spbstu.ru

УДК. 332.12, 332.142

ИЗМЕНЕНИЯ ПОДХОДОВ К ОЦЕНКЕ ИНВЕСТИЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНОВ РОССИИ

Елсуков М.Ю.¹

¹ Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Россия

Рассматриваются вопросы необходимости рассмотрения инвестиционной привлекательности национальной экономики и экономики регионов России с позиции интересов социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности. Дан ретроспективный обзор исследований, посвященных изучению условий инвестирования в России. Сопоставляются традиционный и эталонный подходы к оценке инвестиционного потенциала регионов. Определяются направления совершенствования и детализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации.

Ключевые слова: инвестиционный потенциал, инвестиционная привлекательность, инвестиционные риски, инвестиционный климат, подход, рейтинг.

ВВЕДЕНИЕ

Важнейшей задачей рыночных реформ являлось привлечение частных инвестиций к решению вопросов обеспечения социально-экономического развития, а также создание условий для интеграции российской экономики в систему международных экономических связей. Как следствие возник интерес к теме оценки инвестиционной привлекательности экономики России. Положение государства в международных рейтингах открытости для инвестиций в нашей стране органами власти воспринималось в качестве объективной оценки эффективности инвестиционной политики [10]. Так, указом Президента России от 07 мая 2012 года был

установлен целевой показатель в виде достижения Российской Федерацией к 2018 году 20-го места в рейтинге Всемирного банка по условиям ведения бизнеса [2].

В 2014 году была развернута компания санкционного давления на экономику России со стороны США и их союзников в связи с позицией, которая была занята Российской Федерацией по поводу государственного переворота на Украине. Со стороны государств традиционных партнеров в реализации многих инвестиционных проектов сотрудничество было приостановлено.

Ответными мерами был запрещен доступ на российский рынок отдельных товаров, производимых в странах, проводящих недружественную политику. Стали реализовываться меры по импортозамещению и развитию экономических связей с теми странами, которые не присоединились к антироссийской политике.

Противостояние достигло еще большего накала после начала Специальной военной операции в 2022 году. В настоящее время экономическая политика России в целом и инвестиционная политика в частности нуждаются в обновлении, большем учете принципов защиты суверенитета и обеспечения национальной безопасности.

Возникшие в начале рыночных реформ подходы к оценке инвестиционной привлекательности российской экономики уже не в полной мере соответствуют актуальным целям и задачам социально-экономического развития Российской Федерации. Не вызывают доверия результаты присвоения международных рейтингов оценки возможностей для инвестирования в России. Актуальной является проблема применения новых подходов к оценке состояния условий инвестирования в России, адаптированных к потребностям новой реальности.

Оценка инвестиционной привлекательности экономики в мировой практике исследований предполагает изучение потенциала определенной территории для привлечения инвестиций, определение рисков реализации инвестиционных проектов. Сопоставление потенциала и рисков позволяет формировать обобщающие рейтинги.

Составление рейтингов предполагает упорядочение массивов исходной информации относительно максимальных и минимальных значений, средних показателей по выбранным критериям. Но существует и другой подход, в соответствии с которым оценка осуществляется в результате сопоставления данных с эталонными значениями.

Особенности функционирования национальных экономик столь специфичны, что в мировой практике справедливо считается, некорректным формирование единых инвестиционных рейтингов регионов, которые входят в состав различных национальных экономических систем. Таким образом, происходит формирование рейтингов государств и национальные рейтинги инвестиционной привлекательности регионов. Вместе с тем признается, что совокупная оценка состояния национальной экономики складывается из характеристик инвестиционной привлекательности регионов.

На результаты оценок оказывает влияние изначальная постановка вопросов о том, в чьих интересах проводится исследования. Традиционным является подход, при котором заинтересованной стороной выступает исключительно инвестор, для которого важна информация о перспективах вложения средств с точки зрения получения им разнообразных выгод. В данном случае в результате рейтингования определяются государства и регионы, которые больше и меньше соответствуют ожиданиям предпринимателей. Располагая этой информацией, они могут предпринять меры по повышению надежности осуществления инвестиций, приобрести больше уверенности возврата вложенных средств и получения прибыли.

Опыт последних лет показывает, что интересы инвесторов и государства далеко не всегда совпадают. К сожалению, в практике проводимых исследований реже просматривается постановка вопроса об оценке состояния инвестиционной сферы, при которой интересы бизнеса рассматриваются в комплексе с интересами социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности государства. Целями такого изучения могут выступать выгоды, которые определяются полнотой использования имеющихся возможностей экономического роста и социального развития. Отправной точкой исследования в данном случае выступает характеристика инвестиционного потенциала, а в качестве критериев оценки выступают показатели полноты его использования.

Подход, ориентирующий на оценку полноты использования потенциала, в настоящее время в России имеет больше перспектив по сравнению с традиционным. Является актуальной

работа по определению перспективных направлений развития отраслей и производств, способных внести свой вклад в решение вопросов импортозамещения и обеспечения национальной безопасности. В случае установления этих направлений возможно формирование эталонных критериев, в соответствии с которыми возможно предположить несколько иное рассмотрение вопросов состояния инвестиционной сферы.

Содержание исследований, а также подходы и методы оценки инвестиционной привлекательности изменялись вместе с преобразованиями экономики России. Можно выделить несколько этапов, принимая во внимание условия, ресурсные возможности, цели и задачи государственного регулирования.

Первый этап приходится на 90-е годы XX-го века и связан с рыночными реформами, направленными на интеграцию российской экономики в систему международных экономических связей. Незрелость отечественных институтов, без которых не представляется возможной полноценная организация инвестиционной деятельности, незавершенные и крайне противоречивые процессы приватизации, отсутствие крупных отечественных игроков на российском рынке, заинтересованных в реализации масштабных проектов сформировали условия, при которых иностранные инвестиции рассматривались, зачастую как единственный возможный источник финансирования процессов социально-экономического развития, а поэтому заслуживают привилегированного положения. Исследования этого периода [7; 8; 12; 16; 17 и др.] рассматривается в традиционном для данной тематике ключе и ориентированы на потребности инвестора в определении потенциала и рисков реализации инвестиционных проектов [11].

Второй этап охватывает временной интервал с 2000 по 2014 годы. В это время наблюдается стабилизация политической системы и положительная динамика экономического роста России. Благоприятная конъюнктура на мировом рынке углеводородов позволила не только укрепить финансово-экономическое положение, но реализовывать крупные социально-значимые и инфраструктурные проекты. Упрочились позиции российского бизнеса. Рейтинги становятся все более разнообразными и разрабатываются со все большим учетом интересов не только зарубежных, но и отечественных игроков [6; 15 и др.]. Увеличилось количество исследований представителей научного сообщества [13; 14 и др.]. Для органов власти появилась возможность реализации инвестиционной политики для обеспечения трансфера технологий и локализации производств не имеющих аналогов в России. Характеристики инвестиционной привлекательности все чаще рассматриваются в качестве критериев оценки эффективности работы органов государственной власти. В 2011 году была Правительством Российской Федерации инициирована работа по ведению Национального рейтинга состояния инвестиционного климата в регионах Российской Федерации. Для этого распоряжением Правительства была создана Автономная некоммерческая организация «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов» [4].

Агентство сосредоточилось на отслеживании лучших практик работы с инвестором и, фиксируя наиболее успешные примеры был сформирован Региональный инвестиционный стандарт, который, в свою очередь решением заседания Государственного совета Российской Федерации по вопросу о повышении инвестиционной привлекательности регионов в 2012 году [3] стал обязателен для внедрения. Органам исполнительной власти регионов было рекомендовано разработать соответствующие стратегии и планы, а также предусмотреть регулярные отчеты о ходе их реализации. После принятия в 2014 году закона о стратегическом планировании [1] инвестиционные стратегии стали составной частью утвержденных Стратегий социально-экономического развития субъектов Российской Федерации.

Третий этап связан с развертыванием антироссийских санкций. После 2014 года по нарастающей идут процессы свертывания крупных инвестиционных проектов с иностранным участием. Для российской экономики становится актуальной реализация политики импортозамещения, необходимо решать проблемы реформирования внешних экономических связей, обеспечения экономической безопасности. Становится актуальной оценка состояния региональной экономики и ее привлекательности для инвестирования с позиций готовности регионов к работе по достижению стратегических целей социально-экономического развития, решения вопросов импортозамещения, обеспечения национальной безопасности и защиты суверенитета государства. Наблюдается смена состава потенциальных участников инвестиционной деятельности. Особое место заняли государственные корпорации,

отечественные инвесторы, вовлеченные в процессы импортозамещения, зарубежные партнеры из стран, проводящих независимую внешнюю экономическую политику.

Опыт составления инвестиционных рейтингов последних десятилетий доказывает невозможность преодоления разрыва положения экономически развитых и ресурсообеспеченных регионов и тех регионов, которые изначально располагали ограниченными возможностями по привлечению инвестиций. Показательно, что изменения положения регионов в рейтингах касаются, главным образом вместе со снижениями рисков, которые происходят вместе с активизацией работы региональных органов власти по улучшению условий работы инвесторов.

На изучении этой составляющей оказалось сосредоточено внимание Агентства стратегических инициатив. Следует признать, что работа, проводимая им в этом направлении, способна сформировать эталонные стандарты деятельности региональных властей по устранению рисков реализации инвестиционных проектов. Необходимо отметить непрерывность совершенствования методологии, следует приветствовать ее изменения, направленные на повышение объективности наблюдений и привлечения фактических статистических показателей.

На этом фоне работ, посвященных совершенствованию методологии оценки инвестиционного потенциала, проводится меньшее количество. Принципиально они мало отличаются от возникших ранее. Рейтинговыми агентствами и отдельными исследователями предлагаются новые наборы критериев и показателей, обосновывается необходимость их включения в связи с изменениями конъюнктуры и государственной политики. Последующий мониторинг развития ситуации свидетельствует о том, что изначальные различия потенциала регионов, пусть даже оцененных по новым критериям, предполагают сохранение в дальнейшем изначально заданной иерархии регионов в, казалось бы, обновленных рейтингах.

В настоящее время является актуальным установление эталонных ориентиров оценки инвестиционного потенциала регионов. При определении этих ориентиров и постановке задач оценки следует учесть географическое разнообразие и возможности органов власти по управлению инвестиционным потенциалом. Так, бессмысленно ставить задачи наращивания природно-ресурсного или финансового потенциалов равным образом для регионов Крайнего Севера и столичных регионов. Очевидно, что они изначально находятся в разном положении и преодолеть разрывы по этим параметрам не смогут никогда.

Является актуальной оценка потенциала территорий для решения общегосударственных задач, определение своеобразного «государственного заказа» к привлечению инвестиций в стратегически важные отрасли и сферы экономики регионов. На региональном уровне является важным иметь наиболее полные представления о том, работа по каким направлениям реализации инвестиционной политики будет иметь поддержку федерального центра. Очевидно, что перед каждым регионом при такой постановке вопросов будут установлены свои цели и ориентиры. А достижение этих целей дает основание утверждать о полноте реализации имеющегося инвестиционного потенциала.

Традиционный подход ориентирован на рейтингование регионов. С точки зрения региональной политики рейтингование, является грубым и неточным инструментом оценки эффективности государственного регулирования, реализации потенциала и минимизации рисков инвестиционной деятельности. Рейтингование инициирует соревновательные мотивы деятельности региональных властей, возникновение ненужных стимулов конкуренции при решении вопросов территориальной организации народного хозяйства и разделения труда.

Такой подход имеет на определенном этапе положительные результаты, но мешает конструктивной работе, ориентированной на длительную перспективу, так как стимулирует региональные органы власти к деятельности по занятию более высоких мест в рейтингах не за счет полноты использования имеющихся возможностей, а за счет опережения прочих регионов, которые рассматриваются в качестве конкурентов. Подход оценки инвестиционного потенциала на основе эталонного сравнения предполагает состоятельность не между регионами, а между эффективностью ранее предпринимаемых мер по привлечению инвестиций и теми мерами, которые реализуются региональными властями в текущее время.

Для подготовки эталонных образцов оценки инвестиционного потенциала регионов требуется в адресном порядке определить перспективы действующих и планируемых к развитию отраслей региональных экономик, исходя из имеющихся возможностей территорий, могут внести свой вклад в достижение стратегически значимых целей, с сопутствующим

разъяснением мер поддержки инвесторов, действующих в интересах реализации политики по обеспечению национальной безопасности и защиты суверенитета государства.

Эталонный подход к оценке инвестиционного потенциала требует проведения масштабных системных работ. И они в некотором смысле уже начались. В соответствии с требованиями закона о стратегическом планировании разработана Стратегия пространственного развития [5], в которой определены отрасли перспективной специализации регионов. Документальное закрепление этих отраслей позволяет приобрести основу для понимания существующего и перспективного территориального разделения труда.

Положения этого документа пока еще в полной мере реализованы, требуют более подробной детализации [9]. В настоящем виде отрасли специализации сгруппированы в документе по видам экономической деятельности, что не позволяет должным образом сформулировать запрос на реализацию инвестиционного потенциала регионов. Требуется большая конкретизация, необходимы согласования видения перспектив развития отраслей между региональными и федеральными органами государственной власти, сопоставления интересов бизнеса, обстоятельств меняющейся рыночной конъюнктуры и мер государственной поддержки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В условиях санкционного давления, перенастройки системы внешнеэкономических связей Российской Федерации, необходимости реализации политики импортозамещения потребовалось обновление подходов к оценке инвестиционной привлекательности национальной экономики и экономики регионов России. Подходы, ориентированные на составление рейтингов путем сопоставления потенциала и рисков инвестирования в интересах инвесторов, сформированные в период рыночных преобразований не в полной мере соответствуют задачам обеспечения социально-экономического развития национальной экономики и экономики регионов России. В настоящее время является актуальной оценка инвестиционной привлекательности, инвестиционного потенциала и инвестиционного риска на основе эталонных сопоставлений. Применение подхода эталонных сопоставлений требует уточнения и детализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации.

Список источников и литературы

1. О стратегическом планировании в Российской Федерации. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 17.02.2023).
2. О долгосрочной государственной экономической политике. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 596.
3. Перечень поручений по итогам заседания Государственного совета Российской Федерации по вопросу о повышении инвестиционной привлекательности регионов 27 декабря 2012 года. Президент Российской Федерации. Официальный сайт [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/copy/17512> (дата обращения 15.09.2023).
4. Об учреждении автономной некоммерческой организации «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов». Распоряжение Правительства РФ от 11.08.2011 № 1393-р (ред. от 27.08.2018).
5. Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р (ред. от 30.09.2022).
6. Х ежегодная оценка инвестиционной привлекательности регионов России. Аналитический обзор. 14.12.2022. Национальное рейтинговое агентство. [Электронный ресурс] – Режим доступа <https://www.ra-national.ru/analitika/x-ezhгодnaja-ocenka-investicionnoj-privlekatelnosti-regionov-rossii/> (дата обращения 01.09.2023).
7. Грацинская Г.В., Пучков В.Ф. Методология оценки инвестиционного климата в регионах. – СПб.: Изд-во СПбГУТД, 2008. – 220 с.
8. Гуренков М.Ф. Методика оценки инвестиционного климата Российской Федерации и ее использование в процессе привлечения иностранных инвестиций в регионы и отрасли промышленности: диссертация ... кандидата экономических наук: 08.00.05. – М., 1998. – 186 с.
9. Елсуков М.Ю., Маевский А.В., Чеберко Е.Ф. Инвестиционный климат и инвестиционная привлекательность макрорегионов России // Управленческое консультирование – 2019. № 12 (132). – С. 70–89.
10. Заседание Государственного совета «О повышении инвестиционной привлекательности субъектов Российской Федерации и создании благоприятных условий для развития бизнеса». 27 декабря 2012 года. Президент России. Официальный сайт [Электронный ресурс] <http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/120/events/17232> (Дата обращения: 15.09.2023).
11. Как менялись регионы России в зеркале рейтинга инвестиционной привлекательности RAEX (Эксперт РА) последние 20 лет. 01.11.2016. RAEX (Эксперт РА) [Электронный ресурс] – Режим доступа <https://web.archive.org/web/20161101104656/http://raexpert.ru/ratings/regions/2015/part1> (дата обращения 01.09.2023).
12. Ковалева Т.Г. Инвестиционный потенциал региона в условиях рыночной трансформации: На примере Астраханской области: диссертация ... кандидата экономических наук: 08.00.05. – Астрахань, 1999. – 199 с.

13. Кузнецов С.В., Кузнецов А.С. Инвестиционный потенциал региона: оценка и механизмы реализации: монография – СПб., 2003. – 186 с.

14. Литвинова В.В. Инвестиционная привлекательность и инвестиционный климат региона: монография – М.: Финансовый ун-т, 2013. – 116 с.

15. Регионы России. РИА Рейтинг. 14.12.2022. [Электронный ресурс] – Режим доступа <https://riarating.ru/regions/?id=630240047&date=20230403T165226> (дата обращения 01.09.2023).

16. Рыбалко А.Н. Оценка инвестиционной привлекательности регионов – М.: Ваш полиграфический партнер, 2014. – 202 с.

17. Тихомирова И.В. Инвестиционный климат в России: региональные риски – М.: Федер. фонд поддержки малого предпринимательства: Издатцентр, 1997. – 311 с. и др.

Елсуков Михаил Юрьевич, к. геогр. н., доцент, Факультет экономики и финансов Северо-Западного университета управления РАНХиГС при Президенте РФ; e-mail: elsukov-my@ranepa.ru

CHANGES IN APPROACHES TO ASSESSING THE INVESTMENT POTENTIAL OF RUSSIAN REGIONS

Elsukov M.Y.¹

¹North-Western Institute of Management RANEPА, St. Petersburg, Russia

The issues of the need to consider the investment attractiveness of the national economy and the economy of the regions of Russia from the perspective of the interests of socio-economic development and ensuring national security are considered. A retrospective review of studies devoted to the study of investment conditions in Russia is given. Traditional and reference approaches to assessing the investment potential of regions are compared. Directions for improving and detailing the Spatial Development Strategy of the Russian Federation are determined.

Key words: investment potential, investment attractiveness, investment risks, investment climate, approach, rating

Elsukov Mikhail Yuryevich, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Faculty of Economics and Finance of the North-Western Institute of Management RANEPА; e-mail: elsukov-my@ranepa.ru

УДК 911.361

КЛАСТЕРИЗАЦИЯ МЕДИЦИНСКОГО ТУРИЗМА

КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ОРГАНИЗАЦИИ ЗДОРОВЬЕСБЕЖЕНИЯ

Чистобаев А.И.¹, Грудцын Н.А.¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Дано терминование категорий медицинского туризма и медико-туристического кластера. Выявлены условия, преимущества и недостатки формирования кластеров медицинского туризма. Предложены подход и методы исследования медико-туристических кластеров. Охарактеризованы наиболее продвинутые на мировом уровне кластеры медицинского туризма. Выделены три типа кластеров: западный, восточный и гибридный. Сделан вывод об ускоренных темпах развития восточного вектора медицинского туризма.

Ключевые слова: медицинская помощь, оздоровительные услуги, туристическая инфраструктура, кластерный подход, конкурентные преимущества.

ВВЕДЕНИЕ

Медицинский туризм, имея давнюю историю, в настоящее время переживает, можно сказать, второе рождение. В конце прошлого века он получил большое развитие в Западной Европе, а в новом веке охватил практически все континенты[1, 2]. И если ранее медицинский туризм рассматривался в составе лечебно-оздоровительного туризма, то теперь он выделен в самостоятельную научную категорию. В самом общем виде под медицинским туризмом понимается поездка потенциального пациента за пределы своего постоянного места проживания в стране или регионе с целью получения медицинской помощи и оздоровительных процедур.

Этот вид туризма входит в состав региональной системы, вбирающей в себя элементы медицины, туризма и рекреации, для его создания и функционирования необходимо наличие специфической инфраструктуры. Реализующие названные элементы деятельности предприятий, учреждений и организаций могут эффективно развиваться только при условии их тесного взаимодействия и взаимодействия как по основным, так и вспомогательным функциям, т.е. не только по медицинским, но и по лечебно-оздоровительным. Комплекс таких взаимосвязанных между собой объектов, размещенных в пределах относительно локальных территорий, представляет собой медико-туристический кластер[3,4].

Цель настоящей работы состоит в обосновании использования кластерного подхода и сопутствующих ему методов к исследованию медико-туристических кластеров: выявлению на страновом и региональном уровнях условий их формирования и обеспечения конкурентоспособности в меняющемся мире.

Материалы и методы. В основу статьи положены результаты исследований авторов, полученные при выполнении грантов РФФИ «Теория и методология интегральной оценки состояния здоровья населения в изменяющихся социально-экономических условиях жизни» (№18-05-00328); «Пространственно-временные особенности и закономерности развития медицинского туризма на глобальном и региональном уровнях организации системы здоровьесбережения» (№ 19-05-00104); «Разработка теоретико-методологических основ развития и механизма управления лечебно-оздоровительного туризма в природно-общественной системе Алтайского края» (№ 19-45-22-0009) и гранта РНФ «Траектории развития рынка российского медицинского туризма в условиях перестройки мирового порядка» (№ 23-28-00279). В ходе этих исследований были разработаны теоретико-методологические основы специфического медико-географического менеджмента, алгоритм которого базируется на методах моделирования, экспериментирования и социологических измерений. Совокупность этих методов обеспечивает комплексность подхода к разработке перечисленных выше и им подобных проектов.

При подготовке статьи использованы многочисленные публикации авторов и коллег по выполнению указанных выше грантов. Ниже представлен перечень публикаций, который в наибольшей мере отражает суть наших исследований по медицинскому туризму [5–7].

Результаты и обсуждение. Кластерный подход широко используется в науке вообще и в общественной географии в частности. Его главное назначение и, одновременно, преимущества состоят в том, что он, во-первых, способствует экономическому росту и созданию новых рабочих мест; во-вторых, позволяет объединить ресурсы и опыт, что улучшает качество услуг; в-третьих, повышает конкурентоспособность страны и/или региона на мировом рынке; в-четвертых, стимулирует внедрение инноваций и новых технологий. Что касается использования кластерного подхода к формированию дестинаций медицинского туризма в странах и/или регионах, то для этого должны быть в наличии определенные условия, а именно:

- специализированные медицинские учреждения с высоким качеством медицинских услуг, опытом работы с иностранными пациентами;
- туристическая инфраструктура, позволяющая комфортно проживать и отдыхать пациентам и сопровождающим их лицам во время лечения и реабилитации;
- квалифицированные переводчики и консультанты, помогающие пациентам из других стран и регионов ориентироваться в новом месте пребывания, получать необходимую информацию и связываться с другими медицинскими учреждениями;
- транспортная инфраструктура, обеспечивающая быстрое и удобное перемещение пациентов и сопровождающих их лиц;
- сотрудничество между медицинскими учреждениями и туристическими компаниями, позволяющее создавать комплексные туристические пакеты для пациентов зарубежных стран и регионов своей страны;
- высокие стандарты качества медицинских услуг и сервиса, привлекающие пациентов и обеспечивающие повышение конкурентоспособности кластера на мировом рынке медицинского туризма.

Преимущества создания кластеров медицинского туризма состоят в следующем:

- снижении стоимости медицинских услуг благодаря объединению ресурсов и созданию экономически эффективных моделей;
- развитию экономики и инфраструктуры, созданию рабочих мест, увеличении доходов населения;

- стимулировании улучшения качества медицинских услуг, повышении квалификации медицинского и обслуживающего персонала;
- создании комфортных условий для пациентов в современных медицинских центрах, гостиницах, в средствах передвижения;
- расширении рынка медицинского туризма, привлечении пациентов из других стран и регионов;
- улучшении имиджа страны и региона, повышении их привлекательности для туристов и инвесторов.

Наряду с положительными последствиями, формированию кластеров медицинского туризма присущи и недостатки, которые, на наш взгляд, состоят в следующем:

- ограничении выбора медицинских учреждений и специалистов;
- высоких затратах на создание и поддержание инфраструктуры;
- наличии конкуренции со стороны других стран и/или регионов, которым характерны высокие темпы модернизации оборудования и повышения квалификации специалистов;
- ограниченном контингенте потенциальных пациентов, ориентирующихся на получение качественных, но в то же время дорогостоящих медицинских услуг;
- возможных рисках во время путешествия пациента, чуждой ему по ментальности среде общения, языковом барьере;
- обратном влиянии на местное сообщество приезжих пациентов с другими ценностями и обычаями;
- ограниченной специализации медицинских, лечебно-оздоровительных и инфраструктурных учреждений, входящих в состав кластера.

Интегрируя сказанное выше, можно прийти к следующим выводам:

1. К сильным сторонам медико-туристического кластера относится предоставление высококачественных медицинских услуг, за которые богатые пациенты готовы платить большие деньги, пополняя тем самым бюджет страны и/или региона, доходы частных компаний, способствуя тем самым обновлению оборудования, внедрению новейших технологий и методов лечения.

2. К слабым сторонам медико-туристического кластера относится высокая стоимость лечения и, как следствие, сужение круга потенциальных пациентов, привлекательности медико-туристического кластера.

3. Возможности медико-туристического кластера состоят в привлечении нового источника дохода и инвестиций в развитие медицинской инфраструктуры, в укрепление международных связей и улучшение имиджа страны и/или региона.

4. Угрозы медико-туристическому кластеру появляются с разных сторон: конкурирующих кластеров с более низкими ценами и не менее привлекательными условиями; государства с нестабильной политической ситуацией; клиентов, оставляющих негативные отзывы о медицинских и сопутствующих услугах.

По совокупности признаков на мировом уровне можно выделить три типа медико-туристических кластеров: западный, восточный и гибридный. Каждому типу присущи свои особенности развития и состояния медицинского туризма.

Западный тип кластеров ярче всего проявляется в Германии и Великобритании. Для этого типа характерен высокий уровень развития медицинского туризма, проявляющийся в оснащенности его объектов передовыми технологиями и методами клинических услуг, высочайшим профессионализмом медицинского и обслуживающего персонала. Однако, стоимость лечения здесь очень высокая, поэтому среди клиентов преобладают наиболее богатые представители «золотого миллиарда».

Восточный тип наиболее характерен для Индии и Таиланда, где имеет место быть высокое качество медицинских услуг при относительно низких ценах, широкий спектр выбора отелей, экзотические и комфортно оснащенные экскурсии и развлечения.

Гибридный тип представлен рядом азиатских и центрально-американских стран, наиболее ярко – Израилем и Сингапуром, которые являются лидерами в этом типе медицинского туризма благодаря высокому уровню медицинских услуг, передовым технологиям, профессиональным персоналам, владеющими двумя-тремя и более языками, толерантно относящимися к клиентам из всех стран мира.

Общая закономерность в развитии медицинского туризма проявляется в ускоренном проявлении восточного вектора, что соответствует общей направленности тренда геополитики и геоэкономики современного меняющегося мира.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Внимание исследователей к обоснованию развития медицинского туризма возрастает. Некоторое затишье произошло в период пандемии, а в последние два года оно вновь оживилось. В настоящее время вряд ли можно обнаружить страны с развитыми научной и экономики, в которых не было бы публикаций по этой теме. Однако, как можно заключить по результатам приведенного выше материала, для медицинского туризма должны быть созданы соответствующие предпосылки, причем создать их в срочном порядке вряд ли возможно, что особенно относится к квалификации врачей, медицинской и лечебно-оздоровительной инфраструктуре. В нашей стране этому требованию пока соответствуют немногие регионы, в основном это города федерального значения – Москва и Санкт-Петербург, а также несколько других административных центров субъектов РФ. Но предпосылки для формирования медико-туристических кластеров есть и в других городах, и они уже начинают использоваться.

Таким образом, медико-туристические кластеры будут способствовать подъему экономики стран и регионов, переходу их на инновационный путь развития.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 23-28-00279 «Траектории развития медицинского туризма в условиях перестройки мирового порядка».

Список источников и литературы

1. Alberti, F. G., Giusti, J. D., Papa, F., & Pizzurno, E. Competitiveness policies for medical tourism clusters: government initiatives in Thailand // *International journal of economic policy in emerging economies*, 7(3), 2014. — pp. 281-309.
2. Kirdar, Y., & Sezer, A. Cluster Mapping of Medical Tourism in Turkey and Regional Clustering for Health Tourism // *European Journal of Economics and Business Studies*. Vol. 2, Iss 1. 2021. — pp. 190 - 201. DOI:10.26417/ejes.v4i1.p189-200.
3. Horowitz, M. D., Rosensweig, J. A., & Jones, C. A. Medical tourism: globalization of the healthcare marketplace. *MedGenMed : Medscape general medicine*, 9(4), 2007. pp. 1 - 7.
4. Чистобаев А.И. Медико-туристический кластер региона с позиции геопространственного подхода // *Геоинформационные системы Северо-Восточной Азии: природные, природно-ресурсные и социально-экономические структуры*. Владивосток: ФГБУН Тихоокеанский институт географии ДВО РАН. 2023. — С. 62 – 67.
5. Семенова З.А. Модификация методов современного менеджмента в медицинской географии // *Географический вестник*. № 1 (36). 2016. — С. 132-137.
6. Чистобаев А.И., Семенова З.А., Грудцын Н.А. Веноджеммент партнерства государства и бизнеса в лечебно-оздоровительном туризме // *Вестник Национальной академии туризма*. 2019. № 3 (51). С. 32-35.
7. Чистобаев А.И., Дмитриев В.В., Семёнова З.А., Огурцов А.Н., Грудцын Н.А. Интегральная оценка и картографическое моделирование общественного здоровья как индикатора качества жизни // *ИнтерКарто. ИнтерГИС*. 2020. Т. 26. № 3. С. 91-104.

Чистобаев Анатолий Иванович, д. геогр. н., профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры региональной политики и политической географии, Институт наук о Земле, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: chistobaev40@mail.ru

Грудцын Николай Алексеевич, к. геогр. н., ст. науч. сотр. НИЦ Института наук о Земле, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: poxes@yandex.ru

CLUSTERIZATION OF MEDICAL TOURISM AS ONE OF THE FORMS OF ORGANIZATION OF HEALTH SAVING

Chistobaev A.I.¹ Grudtcyn N.A.¹

¹ St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Termination of categories of medical tourism and medical tourism cluster is given. The conditions, advantages and disadvantages of the formation of medical tourism clusters are revealed. An approach and methods for studying medical-tourist clusters are proposed. The most advanced medical tourism clusters at the world level are characterized. Three types of clusters are distinguished: western, eastern and hybrid. The conclusion is made about the accelerated pace of development of the eastern vector of medical tourism.

Key words: medical care, health services, tourism infrastructure, cluster approach, competitive advantages.

Chistobaev Anatoly Ivanovich, Doctor of Geographical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of Department of Regional Politics and Political Geography, Institute of Earth Sciences, St. Petersburg State University; e-mail: chistobaev40@mail.ru

Grudtcyn Nikolai Alekseevich, Candidate of Geographical Sciences, Senior Researcher of Institute of Earth Science St. Petersburg State University; e-mail: poxes@yandex.ru

МАТЕРИАЛЫ ДОКЛАДОВ НА СЕКЦИЯХ И КРУГЛЫХ СТОЛАХ

УДК 32

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БОТОВ В ТУРБИЗНЕСЕ (ПО ИТОГАМ АНАЛИЗА МАТЕРИАЛОВ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, СМИ, БЛОГОВ, КАНАЛОВ МЕССЕНДЖЕРОВ, САЙТОВ ФИРМ, ОКАЗЫВАЮЩИХ УСЛУГИ В СФЕРЕ ТУРБИЗНЕСА)

Абросимова Н.В.¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Автоматизация в бизнесе – устоявшаяся тенденция последнего десятилетия. Специфика использования ботов в турбизнесе связана с международной напряженностью и разрастанием конфликта между Россией и Украиной. Так, данные процессы привели к осложнениям в сфере выдачи виз россиянам для турпоездок в зарубежье. В статье автор анализирует вопросы, связанные с применением программ-ботов, позволяющих без участия заявителя записаться на прием в консульства иностранных государств для получения туристической визы.

Ключевые слова: боты, визы, туризм, турбизнес, политический конфликт.

Сложность получения визы россиянами связана, в частности, с трудностью записи на прием в посольство/консульство зарубежных государств. В особенности, данная процедура затруднена в том случае, если граждане России планируют получить визу в страны, посольства которых выдают визы только вне России (например, США).

Путешественники прибегают к услугам организаций, создающих или использующих приобретенные у посредников специальные программы (боты) для записи на прием к консулу для подачи документов на получение визы.

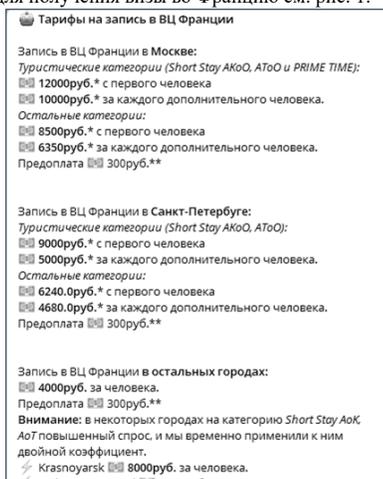
Для осуществления записи на выдачу туристической визы турист заполняет заявку и предоставляет доступ турфирме к своему личному кабинету, чтобы в дальнейшем данная организация запустила бот, который будет регистрировать конкретного клиента турфирмы на свободные «слоты» в конкретном посольстве. При этом, клиенту не рекомендуется заходить в свой личный кабинет, пока бот не запишет этого человека на прием в посольство/консульство, а турфирма не сообщит об успешной записи. После этого бот отключается от личного кабинета заявителя и последний ждет дня посещения консульства.

К примеру, по словам менеджера одной из турфирм Санкт-Петербурга, оказывающей услуги по оформлению виз в страны Шенгена, цена на услугу по подключению заявителя, самостоятельно оформившего заявку, к примеру, во Францию на середину апреля 2023 года, составляла 14000 рублей: *«Документы на прием консулу в Петербурге после записи на прием клиент несет сам. Для получения туристической визы в США, при условии, что турфирма оформляет заявку, клиент предоставляет доступ к его личному кабинету, а затем бот записывает заявителя на прием в консульство в один из городов стран, выдающих визы россиянам. Далее заявитель едет сам на прием в консульство. Клиенту необходимо оплатить услуги турфирмы в таком случае на сумму около 30000 рублей»* (Менеджер компании, оказывающей услуги по выдаче виз, Санкт-Петербург, апрель 2023 г.). Указанный информант, описывая работу программы для записи на выдачу туристической визы в США, также говорила о том, что *«конкретный бот настраивается для записи не во все страны сразу, но для каждой*

– в *отдельности*). К примеру, в описываемой организации они работают только с ботами, записывающими в консульство, расположенное в Казахстане, а именно – в Астане, а также – в Польшу (Варшаву). А, например, бот для записи на получение визы в консульстве США в Армении и иных странах у них отсутствует.

Если рассмотреть материалы иных организаций, к примеру, их сообщения в чатах и прочие публикации, к примеру, в социальных медиа и на сайтах турфирм, то, можно сказать следующее.

Коммерческие организации, специализирующиеся на оказании услуг туристам, могут также делать это при помощи специальных информационных чат-ботов, рассказывающим о том, как приобрести услугу записи в официальные визовые центры государств Шенгена, например, для получения визы во Францию см. рис. 1.

а)

У бота есть очередь, состоящая из людей, которые обратились за записью до вас. Покупая этот товар вы автоматически добавляете в очередь на запись через нашего бота. Бот мониторит сайт 24 часа в сутки и запишет вас в визовый центр вашего города и на нужную вам категорию визы как только появятся на него слоты. Если вы хотите искать в нескольких городах, чтобы увеличить свои шансы на запись, либо хотите записаться на определенные даты (по умолчанию бот запишет на ближайшую дату), обратитесь пожалуйста в поддержку, такие случаи рассматриваются индивидуально. Мы берем с вас предоплату 300руб. и только в случае успешной записи вам нужно доплатить оставшуюся сумму. Не смогли вас записать? Мы вернем вам полную стоимость предоплаты. Ознакомьтесь с порядком возврата средств в вкладке "Правила".

б)

Рис. 1. Скриншоты автоматического сообщения от 15 апреля 2023 г., информирующего чат-бота https://t.me/FranceVFSseller_Bot по продаже услуг для записи в визовый центр Франции используя VFS, а – информация о ценах на услугу использования бота, записывающего на собеседование в посольство, б – описание работы бота, записывающего на собеседование

Помимо ботов, записывающих на собеседования в консульства, компании рекламируют также программы, позволяющие перезаписать на прием к консулу в случае, если срок ожидания приема составляет более, чем этого хочет турист (см. рис. 2).

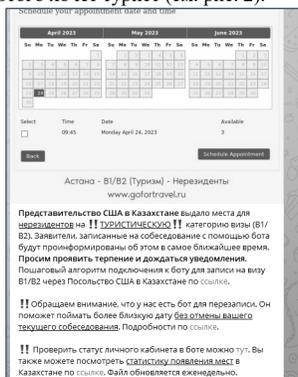

Рис. 2. Скриншот сообщения Telegram-канала https://t.me/gofortravel_us от 18.04.2023

Кроме того, в телеграм-канале данной компании не только сотрудники рассказывают о возможностях использования ботов, но и сами желающие воспользоваться ботами обсуждают волнующие их вопросы. Среди тем, поднимаемых в чате по путешествиям в США, относящихся к использованию бота, записывающего на собеседование для получения визы, можно отметить следующие.

1. Просьба назвать бот в конкретном городе, стране (см. рис. 3 а, 3 б, 3 в).

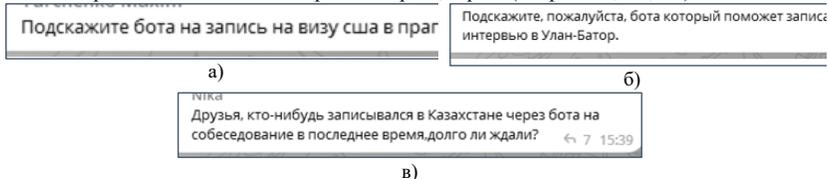

Рис. 3 Скриншоты постов в чате «TravelAsk», посвященном путешествиям в США, а - от 16 мая, б - от 23 мая, в - от 19 мая 2023 года

2. Стоимость бота (см. рис. 4 а-ж)

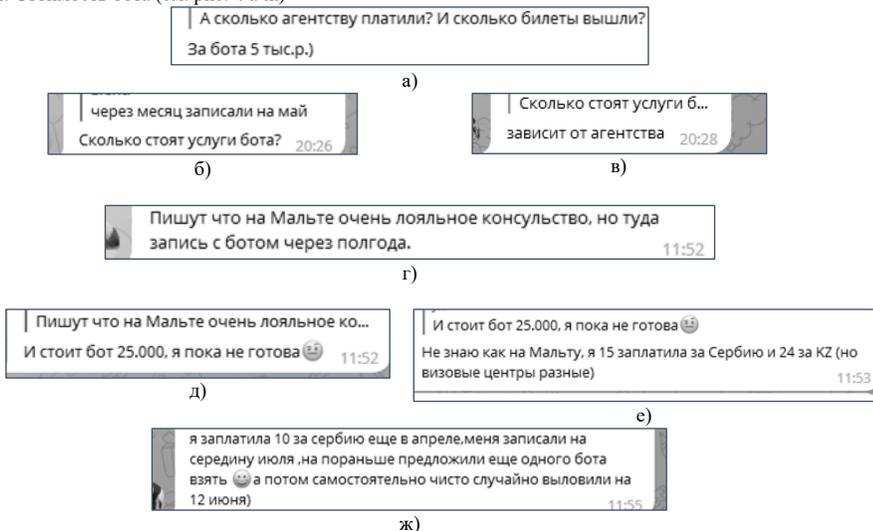

Рис. 4. Скриншоты постов в чате «TravelAsk», посвященном путешествиям в США, а - от 22 мая, б, в - от 19 мая, г, д, е, ж - от 6 мая 2023 года

3. Сроки ожидания приема при записи с помощью бота меньше, чем самостоятельная запись (см. рис. 5)

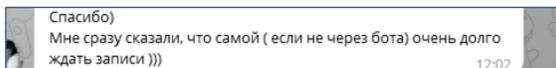

Рис. 5. Скриншот поста в чате «TravelAsk», посвященном путешествиям в США, от 22 мая 2023 года

4. Оплата консульского сбора происходит до возможности записаться на прием в консульство, нет возможности записаться, пришлось обращаться в фирму для покупки бота» (см. рис. 6)

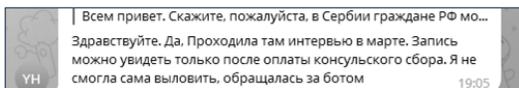

Рис. 6. Скриншот поста в чате «TravelAsk», посвященном путешествиям в США, от 17 мая 2023 года

5. Интересуют и вопросы записи в консульство на иные виды виз (см. рис. 7)

Рис. 7. Скриншот поста в чате «TravelAsk», посвященном путешествиям в США, от 10 мая 2023 года

Помимо ведения упомянутого выше Тg-канала, у организации «Go for Travel» работает сайт, на котором представлена, к примеру, статистика использования ботов, записывающих россиян на собеседование в консульства в Казахстане и Польше для получения визы в США В1/В2 (см. рис. 8 и 9).

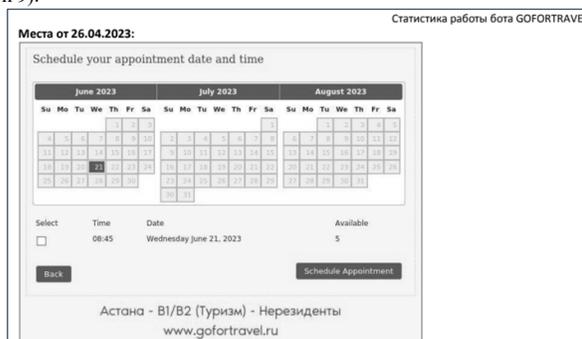

Рис. 8. Скриншот сайта компании «Go for Travel». Статистика работы бота [1]

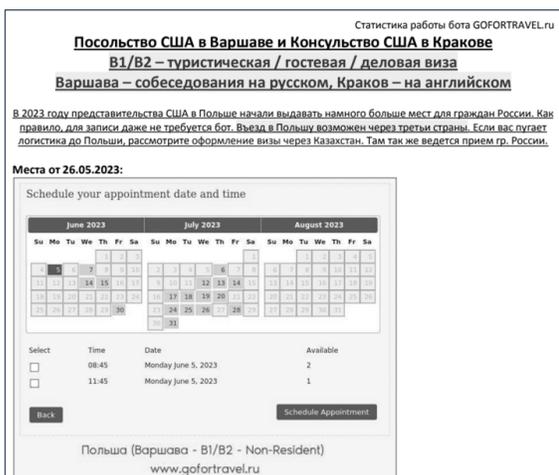

Рис. 9. Скриншот сайта компании «Go for Travel». Статистика работы бота [2]

Если рассмотреть материалы публикаций информационных и прочих интернет-сайтов, то можно встретить несколько тематик сообщений о ботах. Информацию можно условно разделить на три основных направления.

1. Информация, описывающая использование ботов для записи на собеседование в посольства на выдачу виз как мошенничество, нелегальную деятельность [3], [4], [5].

2. Обсуждение проблем, связанных с записью туристов в посольства на выдачу виз, и вопросов использования ботов для этих целей на форумах [6], сайтах [7] и блогах [8].

3. Реклама услуги использования ботов фирмами и частными лицами [9], [10] (см. также рис. 10).

Рис. 10. Скриншот объявлений на Авито, от 10 мая 2023 года

Если проанализировать освещенность темы нашего исследования в научных статьях, опубликованных в российских журналах, то, можно сказать, что тема применения ботов для записи на собеседование в посольства фактически не рассматривается. Вопросы использования ботов рассматриваются исключительно в русле применения чат-ботов [11], [12], [13], [14], [15], пример которого приведен, в частности, в данной статье (см. скриншот сообщения, опубликованного в чат-боте FranceVFSSeller_Bot, чуть выше на рис. 1).

Таким образом, можно сказать, что тема, заявленная автором статьи, является актуальной на сегодняшний день. Интересным ее развитием было бы проведение после окончания периода международной напряженности исследования, связанного со сравнением историй туристов (граждан России), получивших визы при помощи ботов и тех, кто самостоятельно записывался на собеседования в посольства стран, входящих в зону Шенгена, и консульства США вне РФ.

Список источников и литературы

1. Статистика работы бота компании «Go for Travel» для записи на собеседование в посольстве США в Казахстане // URL: <https://gofortravel.ru/wp-content/uploads/usa-visa/bot/nur-b1-b2-statistics.pdf> (дата обращения: 28 мая 2023 г.)
2. Статистика работы бота компании «Go for Travel» для записи на собеседование в посольстве США в Польше // URL: <https://gofortravel.ru/wp-content/uploads/usa-visa/bot/pol-b1-b2-statistics.pdf>
3. Новикова Л. Запись в визовые центры захватили боты. Как за это получают деньги // Banki.ru. 13 февраля 2023 г. URL: <https://www.banki.ru/news/lenta/?id=10980180> (дата обращения: 28 мая 2023 г.)
4. Компании-посредники создают боты записи в визовые центры, которые перехватывают все возможные слоты // Business FM. 13 февраля 2023. URL: <https://www.bfm.ru/news/519084> (дата обращения: 28 мая 2023 г.)
5. Мошенники с помощью ботов начали перехватывать окна для записи на визы // Набр. 13 февраля 2023 г. URL: <https://habr.com/ru/news/716534/> (дата обращения: 28 мая 2023 г.)
6. Запись на подачу визы Франции через бота // Форум Винского. URL: <https://forum.awd.ru/viewtopic.php?f=544&t=416453> (дата обращения: 28 мая 2023 г.)
7. Запись на визу во Францию с помощью бота // Штурвал. 16 сентября 2022 г. URL: <https://shтурвал.ru/articles/zapisi-vizoviy-centr-france-bot/> (дата обращения: 28 мая 2023 г.)

8. Разъяснения положения дел с визами и ботами автоматической записи в визовые центры // Сервис поиска авиабилетов и отелей. 15 февраля 2023 г. URL: <https://dzen.ru/a/Y-yVdUpJyGfjsUbt> (дата обращения: 28 мая 2023 г.)
9. Бот для записи в визовый центр и посольство // Uway. <https://visatravel.ru/visa-bot> URL: (дата обращения: 28 мая 2023 г.)
10. Объявления по запросу «бот для записи франция» в Санкт-Петербурге // Авито. URL: <https://www.avito.ru/sankt-peterburg?q=бот+для+записи+франция> (дата обращения: 28 мая 2023 г.)
11. Кумова Д.М. Использование платформ на базе искусственного интеллекта в сфере туризма // Сервис в России и за рубежом. 2021. Т. 15. №3. С. 18-26
12. Морозов М.А., Морозова Н.С. Как современные технологии меняют сферу туризма и подход к организации бизнеса // Сервис в России и за рубежом. 2020. Т. 14. №2. С. 205-211
13. Богомазова И.В., Климова Т.Б. Цифровые сервисы и туристская экосистема в развитии внутреннего туризма. // Экономика. Информатика. 2022. 49(4): 718-730
14. Кедрова Е.В., Киши В.М. Тренды покупательского поведения как основа продвижения туристского продукта // Современные проблемы сервиса и туризма 2019. №2. Т. 13. С. 21-33
15. Курганская Г. С., Хофманн К. М. Инновационные интернет-технологии в сфере туризма // Бизнес-образование в экономике знаний. 2018. №1. С. 55-59

Абросимова Наталья Валерьевна, к. полит. н., преподаватель СПбГУ; e-mail rio00@ya.ru

THE USING OF BOTS IN THE TOURISM INDUSTRY (BASED ON THE ANALYSIS OF SCIENTIFIC STUDIES MATERIALS, MEDIA, BLOGS, MESSENGER CHANNELS, WEBSITES OF FIRMS PROVIDING SERVICES IN THE FIELD OF TOURISM BUSINESS)

Abrosimova N.V.¹

¹ St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Automation of business processes is an established trend of the last decade. The tourist business is no exception in this matter. The specifics of the introduction and use of bots are given by international processes related to the increase in tension and the growing conflict in relations between Russia and Ukraine. Thus, these processes led to complications in the field of issuing visas to Russians for travel abroad. In the article, the author analyzes issues related to the use of bots, which allow, without the participation of the applicant, to make an appointment at the consulates of foreign states to obtain a tourist visa.

Key words: bots, visas, tourism, tourist business, political conflict.

Abrosimova Natalia Valeryevna, Candidate of Political Sciences, teacher of St Petersburg State University; e-mail rio00@ya.ru

УДК 911.37-054.73(497)

СТРУКТУРА РАССЕЛЕНИЯ БЕЖЕНЦЕВ В ТРАНЗИТНЫХ СТРАНАХ ЕВРОПЫ В ПЕРИОД МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА

Агафошин М.М.¹, Горохов С.А.¹, Дмитриев Р.В.¹

¹ Институт Африки РАН, Москва, Россия

Трансформация способов перемещения и направленности миграционных потоков в результате Европейского миграционного кризиса привела к активному вовлечению транзитных стран Европы в процесс расселения вынужденных мигрантов. Резкий рост числа беженцев стал причиной увеличения продолжительности их пребывания в странах транзита и формирования специфических форм расселения – центров временного размещения. Задача исследования – выявление изменений структуры расселения беженцев в транзитных странах в период 2016–2022 гг. Установлено, что в период 2016–2017 гг. происходила значительная децентрация беженцев за счет вовлечения в этот процесс беженцев почти всех стран региона, что было обусловлено слабым контролем за их перемещением. Начавшееся в 2017 г. ужесточение пограничного и миграционного контроля, а также ряд политических решений имели своим следствием резкое повышение уровня концентрации к 2018 г. Выявлено, что дальнейшее расселение беженцев до 2022 г. характеризовалось децентрацией при значительной трансформации размещения по типам центров. Изменения в размещении по типам центров в 2018–2022 гг. были связаны с секьюритизацией и экстернализацией миграционной политики стран ЕС, а также с ограничениями на передвижение в период пандемии COVID-19.

Ключевые слова: миграционный кризис, Балканские страны, центры временного размещения, лагеря беженцев, структура размещения, транзитная миграция.

ВВЕДЕНИЕ

Гражданские войны и активизация деятельности исламистских группировок в странах формирования миграционных потоков, в первую очередь в Сирии и Ираке, ставшие триггером Европейского миграционного кризиса, привели к значительной трансформации способов перемещения и направленности миграционных потоков. В условиях военных конфликтов население не имело возможности покинуть зоны военных действий воздушным транспортом, что привело к росту мощности сухопутных, а в дальнейшем и морских миграционных маршрутов, направленных преимущественно через Турцию в сторону европейских государств [1]. Таким образом миграционный кризис затронул не только страны традиционной иммиграции – Западной и Северной Европы [2], но и государства Юго-Восточной Европы, через которые пролегли основные миграционные маршруты. Политические разногласия, законодательные особенности европейских государств поставили страны транзитного региона²¹ под особый удар кризиса. Совокупность сложностей, связанных с длительностью рассмотрения заявлений о предоставлении статуса беженца, отсутствие необходимой инфраструктуры для дальнейшего размещения лиц, ограничения мобильности привели к формированию большого количества центров временного размещения (ЦВР), ставших одной из основных форм расселения беженцев в транзитных странах [3].

Результаты исследования и их обоснование.

В силу доминирования Восточно-Средиземноморского маршрута первой европейской страной на пути мигрантов становилась Греция, передвижения через болгарскую границу начались позднее и характеризовались значительно меньшими масштабами. В период начала кризиса – на рубеже 2015 и 2016 гг. – государственные службы Греции оказались не готовы к контролю за стремительно возросшим количеством нелегальных мигрантов, а также приему и регистрации искателей убежища в стране. Относительная легкость достижения греческих островов со стороны Турции в совокупности со слабостью контроля за морскими границами привели к стихийному накоплению беженцев и возникновению ЦВР на Родосе, Косе, Самосе, Хиосе, Лесбосе и других греческих островах.

Дальнейший процесс перемещений с островов был направлен на материковую часть страны. Значимым направлением в начале кризиса стали крупнейшие городские агломерации Греции, на территории которых началось как стихийное, так и организованное властями страны формирование ЦВР [4]. На фоне продолжавшегося увеличения численности беженцев на островах и в районах крупнейших городских агломераций греческие власти начали обустривать временную инфраструктуру в континентальной части страны – районах, территориально удаленных от крупных городских агломераций [5].

Для большинства переселенцев Греция, как и другие первичные на пути их движения государства Европы не являлась конечной и желаемой территорией пребывания мигрантов. Значительная их часть стремилась продолжить свой путь в более экономически и социально благополучные страны. Пограничная служба и полиция Греции не препятствовали, а зачастую даже открыто содействовали транзитным перемещениям к государственной границе с другими балканскими странами. Эти действия привели к стихийному накоплению беженцев на пограничных территориях – в первую очередь, с Северной Македонией.

Таким образом, на основе анализа особенностей формирования ЦВР и их географического положения в Греции применительно к другим странам транзитного региона выделены четыре основных типа: 1) островные – стихийно возникшие в начале миграционного кризиса; в дальнейшем в силу своего географического положения стали основными центрами накопления искателей убежища и их дальнейшего перераспределения; 2) пограничные – стихийно возникшие центры, формирующиеся вблизи пограничных КПШ на важнейших транспортных магистралях в результате ограничения передвижения или полного закрытия границ странами транзитного региона; 3) агломерационные – расположенные в пределах

²¹ В транзитный регион авторы включают 11 стран Европы: 6 членов ЕС (Болгария, Венгрия, Греция, Румыния, Словакия, Хорватия) и 5 стран, не входящих в ЕС (Албания, Босния и Герцеговина, Северная Македония, Сербия, Черногория).

крупнейших городских агломераций, возникшие в результате как стихийного, так и регулируемого перераспределения из островных и пограничных центров; 4) периферийные – расположенные вдали от крупнейших городских центров; созданы властями для снятия миграционной нагрузки на другие типы центров и более равномерного размещения беженцев.

Дальнейшие перемещения мигрантов с территории Греции в начале кризиса затронули Северную Македонию и Сербию и привели к существенной трансформации их размещения (табл. 1). Характер размещения вынужденных мигрантов обусловлен интенсивностью процессов их территориальной концентрации/деконцентрации. Для выявления этих трансформаций в транзитном регионе нами используется индекса Херфиндаля-Хиршмана:

$$HHI = \sum_{i=1}^N S_i^2,$$

где S_i – доля страны в общей численности беженцев на территории транзитного региона, находящихся в ЦВР, %; N – количество стран, где доля беженцев больше 0.

Таблица 1 Изменение уровня концентрации беженцев по территории стран транзитного региона, 2016–2022 гг.

Период	Март 2016	Ноябрь 2016	Март 2017	Март 2018	Март 2019	Март 2020	Март 2021	Март 2022
Значение индекса Херфиндаля-Хиршмана	10000,0	6184,7	5544,7	8225,5	7618,3	6426,5	6184,3	4745,0

Источник: рассчитано и составлено авторами по: [6–8].

Несмотря на доминирование транзитных перемещений по Балканскому маршруту в этих странах имело место расширение сети ЦВР и накопление просителей убежища в пограничных (Виноюг, Прешево, Суботица и др.), агломерационных (Гази Баба, Визбегово, Крняча) и периферийных (Обреновац, Боговаджа) центрах. Далее Балканский маршрут пролегал через территорию Венгрии, где ЦВР появились в основном в приграничных районах и на важнейших транспортных магистралях. Власти Венгрии, как в целом и население, оказались весьма категорично настроены к приему беженцев из мусульманских стран. Ответом на кризис стало ужесточение миграционного законодательства, а также усиление пограничного контроля. Это, в свою очередь, привело к трансформации Балканского маршрута за счет более активного использования Хорватии и Словакии для перемещения, где также стали формироваться ЦВР.

Расширение сети ЦВР происходило и за счет определенной активизации маршрутов передвижения из Турции по территории Болгарии, где был организован ряд пограничных, агломерационных и периферийный центр. Миграционные потоки, проходящие по территории Болгарии и Румынии, в дальнейшем вливались в основной поток на территории Сербии и Венгрии. В свою очередь, с территории Греции также начали формироваться транзитные маршруты через Болгарию, а также Албанию в направлении Черногории, Боснии и Герцеговины.

Таким образом, в результате увеличения количества направлений передвижения и формирования ЦВР в период 2016–2017 гг. все государства транзитного региона оказались вовлечены в процесс перемещения беженцев, что привело к значительной деконцентрации последних (табл. 1). Вследствие территориальной деконцентрации трансформировалась структура размещения по типам центров. Первоначально, в период пика кризиса происходило увеличение количества пограничных центров одновременно со значительным снижением численности пребывающих в них. Так, только с марта по ноябрь 2016 г. численность беженцев в пограничных центрах сократилась с 21 до 11 тыс. человек. Постепенно в результате передвижений по Балканскому маршруту наблюдалось перераспределение между пограничными центрами беженцев за счет уменьшения их численности на границе Греции и Северной Македонии и увеличение – на границе Сербии и Венгрии, а также Сербии и Хорватии. Сокращение численности беженцев в пограничных центрах стало результатом их перераспределения в агломерационные центры (Афины, Салоники, Белград, Будапешт), а также в создаваемые периферийные центры. Частично сокращение их численности в пограничных центрах объясняется самостоятельным перемещением за пределы транзитного региона (рис. 1).

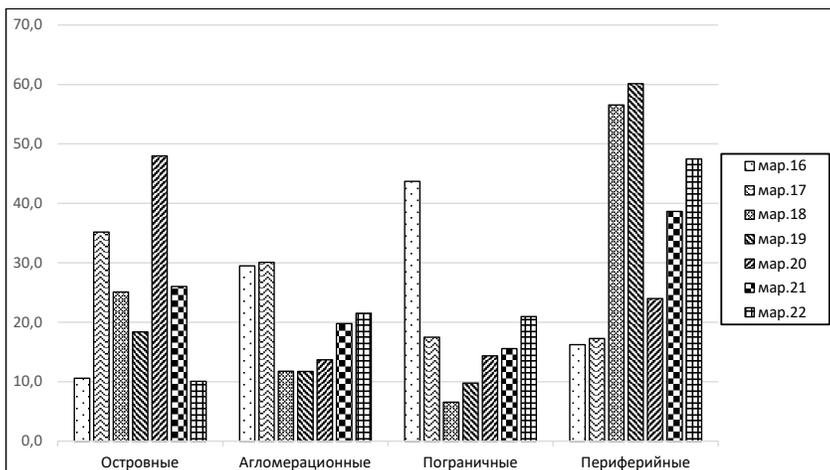

Рис. 1. Распределение беженцев по типам центров временного размещения, 03.2016–03.2022 гг., %

Источник: рассчитано и составлено авторами по: [6–8].

Несмотря на официальное закрытие Балканского маршрута весной 2016 г. полностью остановить перемещения мигрантов по нему не удалось. Однако усиление пограничного контроля, как и подписание в марте 2016 г. соглашения между ЕС и Турцией о высылке нелегальных мигрантов частично снизили интенсивность миграции. Постепенное усиление контроля на греческих островах, препятствование их перемещению на материковую часть страны привело к увеличению их численности в островных центрах. Так, с марта по ноябрь 2016 г. численность беженцев в островных центрах возросла с 5 до 16 тыс. человек, что привело к резкому повышению нагрузки на эти территории.

После 2017 г. относительная «стабилизация» ситуации в Сирии и Ираке, подписанное соглашение с Турцией, ужесточение пограничного и миграционного контроля странами аккумуляции привело к общему снижению мощности потока переселенцев. Однако именно в результате ужесточения миграционного контроля со стороны ЕС на страны транзитного региона легла дополнительная миграционная нагрузка. Так, если в марте 2017 г. в ЦВР пребывали 40,5 тыс. человек, то в марте 2018 г. – уже 62,5 тыс., а еще через год – 78 тыс. человек. Увеличение численности искателей убежища, произошедшее в первую очередь за счет их накопления в Греции, а также Боснии и Герцеговине, ставшей важным центром миграции, привело к повышению территориальной концентрации (табл. 1) – как и ужесточение миграционного законодательства Венгрии. Помимо усиления охраны границ и строительства пограничных заграждений, в марте 2017 г. в силу вступил закон, запрещающий беженцам свободное передвижение, а все вновь прибывающие просители убежища размещались исключительно в специализированных центрах на границе [9]. В результате проводимой политики к октябрю 2018 г. на территории Венгрии не осталось функционирующих ЦВР.

В период 2018–2019 гг. изменения затронули и структуру размещения переселенцев по типам центров, отличительной особенностью которых стало резкое увеличение доли периферийных центров (рис. 1). Рост их численности происходил за счет перераспределения из переполненных островных центров на территорию континентальной части Греции, а также из крупнейших агломераций региона в периферийные центры тех или иных стран.

Численность вынужденных мигрантов в ЦВР достигла своего пика (83,5 тыс. человек) в 2020 г. С одной стороны, такой рост был обусловлен решением властей Турции открыть для беженцев государственные границы с Грецией с целью политического давления на страны ЕС в период эскалации военного конфликта в сирийском Идлибе [10]. С другой стороны, накопление беженцев обуславливалось ограничениями на передвижение и ужесточением мер пограничного контроля в связи с пандемией COVID-19. Основная нагрузка по приему беженцев легла на

островные центры: так, к марту 2020 г. на их территории было сконцентрировано более 40 тыс. человек, а наиболее сложная ситуация сложилась в центре Морья на о. Лесбос, где число беженцев достигло 21 (!) тыс. человек.

Ограничения на передвижения в период пандемии COVID-19 оказали влияние на дальнейшую трансформацию направленности потоков искателей убежища. Значимым трендом стало сокращение мощности морского маршрута на греческие острова и рост числа пересечений сухопутных границ Турции с Грецией и Болгарией. Также изменения затронули маршруты внутри транзитного региона – беженцы стали более активно использовать перемещения через территорию Сербии и Боснии и Герцеговины. Совокупность этих факторов повлияла на снижение территориальной концентрации беженцев. Увеличение доли беженцев в Сербии, Боснии и Герцеговине и других странах, не являющихся членами ЕС, также связано с экстернализацией миграционной политики ЕС в рамках проекта нового Пакта о миграции и убежище 2020 г. [11], фактически предусматривающего использование пограничных стран в качестве буферной зоны, на которую возлагаются функции фильтрации и сдерживания миграционных потоков.

В результате деконцентрации беженцев по территории региона (2021–2022 гг.) произошли изменения структуры размещения по типам центров за счет увеличения доли пограничных центров в Сербии и Боснии и Герцеговине на границе с Хорватией, а также на Болгаро-турецкой и Греко-болгарской границе. Увеличение доли агломерационных центров было обусловлено ростом числа беженцев в Софии, Белграде и Сараево. Одновременно с увеличением доли пограничных и агломерационных центров произошло почти полное снятие миграционной нагрузки с островов за счет продолжавшейся программы релокации беженцев в периферийные центры страны, а также возобновившейся программы переселения в страны ЕС в рамках «механизмов добровольной солидарности», предусмотренной проектом нового Пакта о миграции и убежище.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В период 2016–2017 гг. происходила активная территориальная деконцентрация беженцев в транзитном регионе за счет вовлечения большей части стран региона в их размещение. Расширение сети ЦВР было обусловлено слабостью пограничного контроля за перемещениями вынужденных мигрантов. Начавшееся в 2017 г. усиление пограничного контроля как на внешних границах региона, так и между его странами, а также подписанное соглашение с Турцией привело к повышению уровня концентрации к 2018 г. за счет их накопления в островных центрах Греции, а также Боснии и Герцеговине, ставшей важным центром миграции в результате диверсификации миграционных маршрутов.

В результате дальнейшей секьюритизации миграционной политики со стороны ЕС структура размещения беженцев характеризовалась деконцентрацией (2018–2022 гг.). Этот процесс был обусловлен трансформацией направленности потоков как внутри транзитного региона, так и на внешних границах, вследствие чего значительно сократилась доля беженцев в Греции за счет других стран региона. Размещение беженцев по типам центров претерпело изменения за счет увеличения доли периферийных, происходившее в результате управляемого властями стран региона перераспределения. Этот тренд был прерван в 2020 г. из-за резкого роста островных центров, произошедшего по причине открытия границы со стороны Турции, а также снижения мобильности беженцев на территории транзитного региона в период пандемии COVID-19.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00123, <https://rscf.ru/project/22-18-00123/>

Список источников и литературы

1. Агафшин М.М., Горохов С.А., Дмитриев Р.В. Пространственная трансформация миграционной системы в период кризиса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2023. № 1. С. 29–43.
2. Agafoshin M.M., Gorokhov S.A., Dmitriev R.V. Refugees from Syria and Iraq in Sweden: Resettlement during the Migration Crisis // Baltic Region. 2022. vol. 14. no. 4. p. 98–112.
3. Pallister-Wilkins P. Hotspots and the Geographies of Humanitarianism // Environment and Planning D: Society and Space. 2020. vol. 38. no. 6. p. 991–1008.
4. Tsvadraglou C., Lalenis K. Housing Commons vs. State Spatial Policies of Refugee Camps in Athens and Thessaloniki // Urban Planning. 2020. vol. 5. no. 3. p. 163–176.

5. Facilities/Temporary Reception. URL: <https://migration.gov.gr/en/ris/perifereiakes-monades/domes/> (дата обращения 23.07.2023).
6. Migrants Presence / DTM IOM. URL: <https://dtm.iom.int/europe/migrants-presence> (дата обращения 31.07.2023).
7. Protection Monitoring Tool / UNHCR. URL: <https://data.unhcr.org/en/documents/details/67419> (дата обращения 31.07.2023).
8. Site Management Support / UNHCR. URL: <https://data.unhcr.org/en/documents/details/66038> (дата обращения 31.03.2023).
9. Четверикова А.С. Положение стран Вишеградской группы в условиях обострения миграционного кризиса в ЕС // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. № 4. С. 130–143.
10. Власова К.В. Греко-турецкое противостояние и его влияние на регион восточного Средиземноморья // Современная Европа. 2021. № 3(103). С. 27–37.
11. Communication from the Commission on a New Pact on Migration and Asylum. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM:2020:609:FIN> (дата обращения 23.07.2023).

Агафшин Максим Михайлович, к. геогр. н., ст. науч. сотр., Институт Африки РАН; e-mail: agafoshinmm@gmail.com

Горохов Станислав Анатольевич, д. геогр. н., профессор, вед. науч. сотр., Институт Африки РАН; e-mail: stgorohov@yandex.ru

Дмитриев Руслан Васильевич, д. геогр. н., член дирекции, вед. науч. сотр., Институт Африки РАН; e-mail: dmitrievrv@yandex.ru

THE STRUCTURE OF REFUGEE RESETTLEMENT IN TRANSIT COUNTRIES OF EUROPE DURING THE MIGRATION CRISIS

Agafoshin M.M.¹, Gorokhov S.A.¹, Dmitriev R.V.¹

¹ Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia

The transformation of the ways of movement and the direction of migration flows as a result of the European migration crisis has led to the active involvement of transit countries in Europe in the process of forced migrants' resettlement. The sharp increase in the number of refugees caused an increase in the duration of their stay in transit countries and the formation of specific forms of resettlement – temporary accommodation centers. The purpose of the study is to identify changes in structure of refugee resettlement in transit countries in the period 2016-2022. In the period 2016-2017 there was a significant deconcentration of refugee accommodation due to the involvement of almost all countries of the region in the process of refugee accommodation, which was due to weak control over their movement. The tightening of border and migration controls that began in 2017, as well as a number of political decisions, resulted in a sharp increase in the concentration level by 2018. Further development of refugee resettlement until 2022 was characterized by concentration, with a significant transformation of accommodation by types of centers. Changes in the placement by type of centers in 2018-2022 were associated with securitization and externalization of migration policy of the EU countries, as well as restrictions on movement during the COVID-19 pandemic.

Key words: migration crisis, Balkan countries, temporary accommodation centers, refugee camps, settlement structure, transit migration.

Agafoshin Maksim Mikhaylovich, Candidate of Geographical Sciences, Senior researcher, Institute for African Studies, RAS; e-mail: agafoshinmm@gmail.com

Gorokhov Stanislav Anatolyevich, Doctor of Geographical Sciences, Professor, Leading researcher, Institute for African Studies, RAS; e-mail: stgorohov@yandex.ru

Dmitriev Ruslan Vasilyevich, Doctor of Geographical Sciences, Leading researcher, Institute for African Studies, RAS; e-mail: dmitrievrv@yandex.ru

УДК 913

ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БАССЕЙНА ФИНСКОГО ЗАЛИВА: ТРАНСПОРТНЫЕ СВЯЗИ РОССИИ И ФИНЛЯНДИИ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ

Андреев А.А.¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

В апреле 2023 года Финляндия завершила процесс вступления в НАТО, начатый в предыдущем году, что изменило геополитический баланс в Балтийском регионе. Одновременно с процессом вступления в НАТО, Финляндия вместе с другими странами ЕС ввела ряд санкций против РФ, что отрицательно повлияло на транспортные связи между странами, перед этим испытавшие воздействие от карантинных мероприятий, пострадали железнодорожное и паромное сообщение и авиатранспорт. Вместе с тем как в прессе, так и в академических работах обсуждаются возможность российских контрреакций, в частности денонсация договора аренды Финляндией территории Сайменского канала. В статье рассматривается как уже реализованные меры, так и возможная дальнейшая эскалация с той или иной стороны, их целесообразность и перспективы дальнейшего развития транспортных связей между двумя странами, как в сторону ухудшения, так и стабилизации ситуации.

Ключевые слова: Россия, Финляндия, санкции, транспорт, железные дороги, Сайменский канал.

1. Произошедшие в 2022-23 годах разрывы транспортных связей

В качестве реакции на российско-украинский конфликт, после 24.02.2022 Финляндия вместе с другими странами ЕС ввела ряд санкций против РФ. По состоянию на конец августа 2023 года принято 11 пакетов санкций.

В результате объёмы грузо- и пассажирооборота между Россией и странами ЕС, включая Финляндию, сократились, но пока это сокращение мало отразилось на транспортной инфраструктуре, созданной под большие объёмы грузооборота между вышеназванными странами.

Самым заметным элементом уменьшения материальной части инфраструктуры стала ликвидация скоростного пассажирского поезда «Аллегро» ходившего между Хельсинки и Санкт-Петербургом. Уже 27 марта 2022 года финской стороной было прекращено движение скоростных поездов «Аллегро», а в августе 2022 года компания-эксплуататор Аллегро VR Group списала поезда (см. [1]).

Поезда «Аллегро» представляли собой модифицированную версию высокоскоростных поездов типа «Пендолино» для в Финляндии, но были оборудованы двойным типом электропитания, переменным током 25 кВ 50 Гц как в железных дорогах Финляндии и постоянным током 3 кВ как в России, а также дверьми, приспособленными под разные высоты платформ (550 мм в Финляндии и 1100 в России). (см. [2], с.11)

Аналогичным двойным типом электропитания, снабжены 4 из используемых РЖД поездов типа «Сапсан», однако они плохо подходят к слишком низким для них финским платформам.

Таким образом скоростное пассажирское сообщение между Россией и Финляндией не просто остановлено, а является на данный момент технически невозможным, и для его возобновления в случае улучшения отношений понадобится заново приобретать новый подвижной состав.

2. Возможные дальнейшие разрывы инфраструктурных связей

Мероприятиями, способными дальше разъединить страны в случае ухудшения отношений могут стать, во-первых, перешивка железных дорог Финляндии на колею 1435 мм, а во-вторых разрыв договора о аренде Финляндией Сайменского канала у России.

Железнодорожная сеть Финляндии имеет протяжность в 9216 километров и почти полностью с колёй 1524 мм. Она начала строится в 1862 году, когда Финляндия была в составе Российской империи и поэтому использует ту же колею что РФ и другие страны бывшего СССР.

Стандартизация колес всех, либо как минимум всех новых, ЖД в ЕС было предложено Еврокомиссией в 2022 году, но отклонено Финской стороной в апреле 2023 года. Для Финляндии рассматривалось три варианта:

- строительство 1435-мм ЖД магистрали от границы с Швецией до Хельсинки,
- строительство всех новых железных дорог в Финляндии с колёй европейского стандарта
- полная перешивка всех существующих железных дорог и замена тележек всего подвижного состава.

Первые два варианта были признаны неприемлемыми поскольку привели бы к появлению двух несовместимых систем, требующих частой смены тележек и локомотивов в точках перехода, а третий считён слишком дорогостоящим. (см. [3])

Одноколейный участок с совмещённой колёй находится на единственном переходе на шведской границе, сравнительно малоиспользуемом. В то же время железнодорожная сеть Финляндии имеет 5 соединений с российской железнодорожной сетью, которые активно использовались для грузовых перевозок. В 2021 году примерно треть всего грузооборота,

перевезённого финским железнодорожным оператором VR Group, пришлось на перевозки в Россию или из неё (см. [4]), хотя в 2022-23 годах эти объёмы сократились практически до нуля (см. [5]).

Латвия и Эстония также не согласны перешивать существующие ЖД на стандартную колею 1435 мм, хотя и планируют строительство новой магистрали RailBaltica по европейским стандартам. Поскольку ещё три страны ЕС имеют уникальные ЖД стандарты: Испания и Португалия используют колею 1668 мм, а Ирландия 1600 мм (см. [6]) и серьёзные изменения позиции всех этих стран вероятно только в случае если для работ по перешивке железных дорог будут выделены крупные средства из бюджета ЕС, что в свою очередь представляется крайне маловероятным в нынешней политической и экономической ситуации.

Сайменский канал был построен в 1856 году для сокращения внутреннего водного пути из озёрно-речной системы Финляндии в Балтийское море. По итогам Советско-Финской войны и Великой Отечественной войны территория канала перешла СССР, а впоследствии к РФ. С 1963 года Финляндия арендует территорию канала, актуальный договор был заключён в 2010 году (см. [7], с.93). В связи с вступлением Финляндии в блок НАТО и общим ухудшением отношений РФ с странами ЕС после начала СВО в феврале 2022 года появляются предположения и требования о возможной денонсации этого договора, причём не только в публицистике, но и в академических исследованиях (см. [8] с.156). Стоит рассмотреть последствия для обеих стран в случае досрочного расторжения договора.

2.1. Возможные последствия разрыва договора аренды

2.1.1. Последствия для Финляндии

Нужно отметить что «Перевозки грузов водным транспортом по Сайменскому каналу и по Сайменской озёрной системе находятся в высококонкурентной рыночной среде вместе с автомобильным, железнодорожным и морским видами транспорта» ([9] с.74) и на протяжении 2010-х годов грузооборот в целом несколько сократился. Крупнейшей категорией грузов, перевозимых по Сайменскому каналу являются лесоматериалы (см. там же), но в 2022 году Финляндия полностью прекратила импорт лесоматериалов из РФ.

Как уже отмечено выше, железнодорожные пограничные перевозки с Россией резко сократились, и в случае денонсации договора аренды VR Group сможет использовать освободившиеся пути и вагоны для перевозок грузов от речных портов Сайменской озёрной системы к морским портам Финляндии.

Гипотетическая денонсация договора аренды и прекращение грузоперевозок по Сайменскому каналу приведут к кратковременным проблемам в перевозках грузов в восточной части Финляндии, но в средне- и долгосрочной перспективе перевозки переместятся на вышеназванные альтернативные виды транспорта. Вероятнее всего, наиболее серьёзный ущерб будет нанесён внутреннему водному транспорту Финляндии, меньший объём ущерба понесут фирмы-потребители перевозимых по каналу грузов и бюджет Финляндии, в то время как автотранспортные и железнодорожные компании Финляндии даже получают выгоду.

2.1.2. Последствия для России

Сайменский канал имеет намного меньшее значение для России, однако разрыв договора будет иметь для неё ряд неприятных последствий. К таковым относится прекращение арендной платы. Взаимную выгоду от договора аренды канала следует считать материальной (см. [7], с.96)

По данным Минтранса РФ, по состоянию на 2010 год «Постоянная основная арендная плата в размере 1220 тыс. евро представляет собой компенсацию указанных расходов, а именно, по выполнению функций уполномоченного Российской Федерации по Сайменскому каналу» ([10] с.1). Хотя эта сумма невелика, но в текущей ситуации экономика РФ страдает от сокращения экспорта и притока валюты любой источник валютных поступлений в Евро имеет повышенное значение.

Положительные последствия не просматриваются, поскольку канал ведёт на территорию Финляндии, то использование его для внутрироссийских перевозок невозможно. Использование как туристического объекта также исключено, поскольку территория вокруг канала находится в пограничной зоне (см. [11]) с усложнённым режимом доступа.

Поскольку ущерб будет выше для финской стороны, можно ожидать что в случае денонсации договора аренды Сайменского канала финская сторона может предпринять большие для российской стороны шаги, как например, присоединится к планам Эстонии расширить территориальные воды и после этого требовать досмотра всех судов, следующих через акваторию Финского залива в порты РФ в СПб и Ленобласти или выходящих из них. Такие

действия Эстонской стороны, озвученные в начале 2023 года, имеют «смысл только в случае, если данную инициативу поддержит и Финляндия, также отказавшись от соответствующего ограничения со своей стороны» ([12])

Здесь стоит отметить, что экономическая кооперация России и стран-членов НАТО, схожая с арендой канала, не является чем-либо уникальным; так Россия осуществляет экономическую деятельность на норвежском Шпицбергене и совместно с Эстонией эксплуатирует пограничную Нарвскую ГЭС.

В связи с вышеназванными обстоятельствами, вероятность того, что договор об аренде Сайменского канала может быть денонсирован в настоящее время Российской стороной представляется низкой. Вероятность досрочного расторжения финской стороной тем более может быть практически исключена.

Заключение

По состоянию на конец августа 2023 года несмотря на сокращение экономических связей между РФ с одной стороны и Финляндией, и другими странами ЕС и НАТО с другой, ни та ни другая сторона не идут резкие и дорогостоящие разрывы сложившегося инфраструктурного каркаса. Это может означать что несмотря на все принятые санкции и контрсанкции с обеих сторон сохраняется ожидание того что по завершению российско-украинского конфликта отношения между РФ и ЕС будут снова восстанавливаться.

Вместе с тем, изменение какой-либо из сторон своих позиций по вышеперечисленным пунктам стало бы существенным знаком того, что сё высшее руководство считает, что нынешнее ухудшение отношений носит необратимый характер, как минимум на десятилетия вперёд.

Таковыми изменениями нынешней позиции можно будет считать:

для РФ: денонсация договора аренды Сайменского канала

для Финляндии: пересмотр своей позиции против смены колеи ЖД и переход на стандарт 1435мм

для ЕС: реальное выделение Финляндии, а также Латвии, Литве и Эстонии значительных средств из бюджета ЕС для перешивки железнодорожной сети.

Принятие одного из этих трёх решений стало бы означать, что нынешний конфликт принимает затяжные формы, а их отсутствие указывает на наличие оснований на возможность восстановления прежнего уровня отношений в среднесрочной перспективе несмотря на внешне риторичу сторон.

Список источников и литературы

1. РБК. В Финляндии списали все поезда «Аллегро», курсировавшие в Россию Онлайн-публикация 30.08.2022. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/business/30/08/2022/630e3b879a7947ff9b8f5fef>
2. 2000-luvun tekniikalla kohti Pietaria (PDF). Rautatietekniikka. Rautatiealan Tekninen Liitto RTL ry. 22 (2): 10–12. 2010.
3. Railway Supply: Industry publication for railway transport specialists. Finland evaluates the possibility of switching to the European 1435 mm gauge. Онлайн-публикация 26.04.2023. Режим доступа: <https://www.railway.supply/en/finland-evaluates-the-possibility-of-switching-to-the-european-1435-mm-gauge/>
4. Gowans, G. Finland-Russia rail freight already back on track. Онлайн-публикация 30.03.2022. Режим доступа: <https://trans.info/russia-rail-freight-282676>
5. RailFreight.com Finland's VR will stop rail freight traffic to Russia by the end of the year Онлайн-публикация 25.10.2022. Режим доступа: <https://www.railfreight.com/railfreight/2022/10/25/finland-will-stop-rail-freight-traffic-to-russia-by-the-end-of-the-year>
6. Marian, J. Track gauge by country in Europe. режим доступа: <https://jakubmarian.com/track-gauge-by-country-in-europe/>
7. Григорян А. С. Международно-правовые аспекты обеспечения государственного суверенитета и юрисдикции на арендованной финляндской республикой российской части Сайменского канала // Социально-политические науки. 2022. №3. С 90-97
8. Глигинч-Золотарева М.В. О мерах по обеспечению суверенитета российской правовой системы. Федерализм. 2022;2(7):143-158.
9. Русинов И.А., Гогина М.А., Щербинин Н.В. Сайменский канал в системе перевозок грузов водным транспортом // ЭВ. 2021. №4 (27). С. 71-76
10. Министерство Транспорта Российской Федерации. ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ к проекту федерального закона «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Финляндской Республикой об аренде Финляндской Республикой российской части Сайменского канала и прилегающей к нему территории и об осуществлении судоходства через Сайменский канал» 2010
11. Патрушев Н.П. Приказ ФСБ РФ от 5 мая 2007 г. N 222 "О внесении изменений в Приказ ФСБ РФ ОТ 2 июня 2006 Г. N 239 "О пределах пограничной зоны на территории Ленинградской области""
12. Гудев, П., Крамник, И. Эстонские планы в Финском заливе: что это было? // Россия в глобальной политике, 2023. онлайн-версия режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/estonskie-plany-v-finskom/>

Андреев Андрей Александрович, Аспирант, Институт Наук о Земле, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: st073895@student.spbu.ru

GEOECONOMICAL AND GEOPOLITICAL PROBLEMS OF THE GULF OF FINLAND BASIN: TRANSPORTATION LINKS BETWEEN RUSSIA AND FINLAND IN NEW CIRCUMSTANCES

Andreev A.A.¹

¹ St. Petersburg State University, St Petersburg, Russia

In April 2023, Finland fished joining the NATO, a process started in the previous year, which changed the geopolitical balance in the Baltic region. Simultaneously with joining NATO, Finland, along with other EU member states, has passed various sanctions against Russia, which has further negatively affected transportation links between these countries that had already been affected by quarantine measures. Railroad and ferry services as well as air traffic have decreased. At the same time, both press and academic works have discussed the possibility of Russian counter-sanctions, including the denunciation of the treaty lending the Saima canal area to Finland. This paper evaluates the steps already taken, as well as the possibility of further escalation by one of the sides, the suitability and perspectives of future development of transportation links between the two countries, with the possibility of both further deterioration and stabilization of the situation.

Key words: Russia, Finland, sanctions, transportation, railroads, Saima canal.

Andreev Andrey Aleksandrovich, Grad student, Institute of Earth Sciences, St Petersburg State University; e-mail: st073895@student.spbu.ru

УДК 32.327.7

КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ УЧАСТИЯ МАЛЫХ ГОСУДАРСТВ В МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Барабаш Б.А.¹

¹ МГИМО (У) МИД России, Москва

Согласно либеральному подходу в рамках теории малых государств, малые державы имеют и задействуют ряд инструментов, направленных на осуществление влияния на мировую политику для того, чтобы достигать свои национальные цели и интересы. Участие в международных межправительственных организациях является одним из таких инструментов. В рамках исследования анализируются тренды на активизацию участия малых государств в международных межправительственных организациях, которые косвенно отражают трансформацию ролей малых государств в мировой политике в постбиполярную эпоху. Также анализируется участие малых государств Европы и Азии в международных межправительственных организациях по сравнению с региональными державами-лидерами.

Ключевые слова: малые государства, международные межправительственные организации, мировая политика, политическая география, сравнительная политология.

ВВЕДЕНИЕ

Существование обширной категории «малых государств» является эмпирическим фактом мировой политики и международных отношений. Значительное увеличение числа государств в XX веке привело к уменьшению их средних размеров и усложнению динамики взаимодействия между политиями во всех региональных системах международных отношений.

Вместе с тем существуют различные подходы к осознанию места малых государств в мировой политике. Выделение совокупности закономерностей, отмечаемых многочисленными исследователями, позволяет говорить о «теории малых государств» в рамках теории международных отношений.

Традиционный подход к малым государствам, соответствующий взглядам представителей политического реализма, рассматривает функционирование на мировой арене политий, испытывающих дефицит ресурсов, как материальных – демографических, физико-географических, финансовых и других; так и нематериальных, связанных с отсутствием влияния

на различные мировые политические процессы и проявляющийся в зависимости, периферийности и слабости. С этой точки зрения малые государства вписываются в упрощенную концепцию иерархии международных отношений, согласной которой основные параметры межгосударственного взаимодействия задаются великими державами, державы среднего уровня являются гегемонами в рамках отдельных регионов, а все остальные – малые державы – вынуждены принимать «правила игры», которые устанавливаются двумя другими категориями государств.

Завершение постбиполярного противостояния и увеличение взаимозависимости государств, «торжество» либерального миропорядка в 1990-ых позволило исследователям по-новому взглянуть на малые государства, которые не являются априори зависимыми объектами международных отношений. Так, при условии выбора определенных стратегий и эффективной актуализации ограниченных ресурсов, малые государства способны достигать свои цели, а, придерживаясь принципа асимметрии, получать рычаги воздействия на более крупные державы. Сторонники условного *либерального подхода* также отмечают, что помимо структурных факторов, у малых государств существовали инструменты обеспечения собственной безопасности и во время биполярного противостояния, благодаря чему они не исчезли с политической карты мира.

Прежде чем переходить к непосредственному анализу малых государств, следует упомянуть базовую проблему теории малых государств и «малости» (англ. smallness) как переменной, а именно отсутствие единого подхода к операционализации терминов, а также связанную с ними проблему сравнимости. Говоря эмпирически, никто из исследователей не возражает, что Тувалу, Барбадос и Монако являются малыми государствами и принадлежат к особой группе микространств, однако Эстония, Латвия и Литва также часто фигурируют в научной литературе в качестве малых лимитрофных государств по отношению к России. Исландия обладает весьма значительной площадью в 100 тыс. км², но имеет население 381 тыс. человек, в то время как Сингапур, расположившись на территории 709 км², имеет население свыше 5,6 млн человек. Более малый по размеру Катар имеет непропорционально значительное влияние на мировую политику вследствие поставок своих углеродных ресурсов, пока более крупный Бутан поддерживает дипломатические отношения всего лишь с 54 государствами, оставаясь в относительной изоляции. Абсолютное большинство малых государств Европы интегрированы в рамках Европейского союза и имеют отличную логику функционирования от неинтегрированных малых государств в Азии. Наконец, критерии выделения малых государств, релевантных для Латинской Америки не подходят, например, для выделения малых государств в рамках Африки.

Все эти проблемы, на первый взгляд, делают невозможным создание полноценной теории малых государств и показывают ограниченность эвристичности данной аналитической категории. Вместе с тем проблема ограниченных ресурсов, асимметрия и равновесность всегда сопутствуют международным отношениям, а значит постоянно являются актуальными. Как представляется, выделение критериев на основе системного подхода, с помощью которых можно осуществлять типологизацию малых государств, позволяет несколько разрешить проблему обобщаемости и низкой эвристичности выводов.

Так, помимо географического принципа (центральноамериканские малые государства, малые государства Карибского моря, континентальные феодальные малые государства Европы, малые государства Балканского полуострова и другие), релевантно выделять следующие наиболее фундаментальные факторы, задающие основу генезиса малых держав:

- степень физико-географической изолированности или открытости, выражающиеся в пространственном расположении государств;
- наличие соседства с одной или несколькими крупными региональными державами и традиционных связей с ними;
- наличие соседства с иными малыми государствами и традиционных связей с ними;
- наличие и характер колониального прошлого;
- наличие партикулярно-присущих ресурсов [1], которые малое государство может актуализировать;
- физический размер государства, проявляющийся в первую очередь в его площади.

Вместе с тем такие факторы, как экономическое развитие, численность населения, дипломатическая активность и пр. склонны быть зависимы от вышеуказанных факторов [2], хотя также могут считаться отправной точкой для типологизации малых государств.

Наконец, стоит отметить, что термин «малое государство» может отражать как абсолютные материальные критерии, так и относительное положение (роль, функцию, ярлык) по отношению к другим, более крупным и влиятельным державам. А одно и то же государство может быть как ведущим, так и малым в зависимости от точки отсчета координат. Например, Новая Зеландия, являющаяся малым государством для Австралии и других крупных тихоокеанских игроков, но также осуществляющим функцию протекции для Ниуэ. Как пишет Б.Вомак, асимметричные отношения по определению являются неравными, но не образующими простой иерархической порядок. В асимметричных отношениях более слабая сторона подвержена влиянию со стороны более сильной стороны, но последняя не обладает возможностью односторонне диктовать условия, на которых строятся их взаимодействие [3]. Уточнение термина всегда зависит от целей и задач исследователя, так как комплексность функционирования государств на международной арене позволяет строить различные модели анализа и обобщения данных.

Принимая во внимание значительную переконструкцию международных отношений в начале 2020-ых годов, связанную с усилением геополитических противостояний между ведущими державами, по всей видимости в ближайшем будущем можно предполагать новую волную исследований функционирования малых государств, которые несмотря на существование способов влияния на своё окружение, всё же, не обладая значительными материальными ресурсами, будут вынуждены соотносить свою внешнеполитическую позицию с государствами, имеющими значительную материальную базу, что в каком-то смысле знаменует «откат» к традиционной теории, но в новых условиях.

Один из наиболее операционализируемых инструментов, который любое малое государство вне зависимости от принадлежности к какой-либо аналитической группе может использовать, является деятельность в международных межправительственных организациях²². Данный инструмент позволяет государству вступить на поле многостороннего взаимодействия в отличие от двусторонних отношений, выступать по различным вопросам, декларировать цели и интересы, искать союзников, задавать повестку и запускать различные проекты.

Согласно типологии Т.Лонга все ресурсы малых государств можно разделить на партикулярно-присущие, деривативные и коллективные [4]. В то время как первые отражают реальные материальные запасы, которыми обладают малые страны и потенциально могут быть задействованы, вторые ориентированы на получение преимуществ в отношении с крупными державами, которые могут достигаться благодаря невозможности существования идентичных интересов и потребностей, третьи могут быть получены в многостороннем формате с другими малыми государствами. Разумеется, деятельность в рамках ММО и участие в них сами по себе не являются исключительным инструментом участия в мировой политике и достижения необходимых целей, но принимая во внимание асимметрии и разнородность в международных отношениях, значение, которое данные инструменты имеют для малых государств, отмечено более выразительно.

В этой связи важным исследовательским вопросом в рамках теории малых государств следует признать проявления перехода от традиционного подхода концептуализации к либеральному подходу. Косвенным признаком такого перехода может служить более активное участие малых государств в ММО в постбиполярный период международных отношений.

В рамках данного исследования используется база данных проекта *Correlates of War* в части участия государств в ММО [5]. Полноправное участие государства в конкретной международной организации кодируется в качестве «1». Сумма полученных единиц представляет собой количество международных организаций, в которых участвует государство. Хотя полученное обезличенное число мало что может сказать о характере функционирования конкретного малого государства в мировой политике, тем не менее, важным представляется определение тренда процессов участия в ММО, а также порядок цифр и их соотношение с аналогичными показателями участия крупных государств. Это является первым этапом любого исследования, претендующего на отражение принципов системности, но, разумеется, данный этап не должен подменять качественную интерпретацию полученных выводов.

²² Далее – ММО.

Для целей исследования отобраны значения по состоянию на 1991 год (завершение постбиоплярной эпохи), 2002 год (условный год начала становления новых центров силы) и 2014 год (последняя дата, на которую имеются данные). Даты подобраны также с учетом примерно равных временных промежутков между собой.

Рассмотрев количество международных организаций, в которых участвуют государства в 2014 году, можно сделать вывод о том, что прямая зависимость между ним и размером государства, проявляющимся в площади территории и численности территории, характеризуется как слабая (коэффициент Пирсона = 0,27 и 0,23 соответственно). Однако общая взаимосвязь является положительной, что представляется логичным, так как при прочих равных более крупный размер государства подразумевает более широкий перечень вопросов, который представляет для него интерес, а значит наблюдается потребность в их регулировании на международных площадках и построении новых форматов взаимодействия для своих малых соседей.

Больше всего организаций приходится на государства Западной и Северной Европы – Франция (116), Норвегия (105), Финляндия (102), Нидерланды (102), Испания (101), Швеция (101), Германия (101), Италия (100), Великобритания (100). Данный перечень интересен тем, что в него входят скандинавские страны, согласно взглядам некоторых ученых, являются малыми с точки зрения ядра Европейского Союза, а также Нидерланды, являющиеся малым государством по территории (около 30 тыс. км²). Меньше всего организаций приходится на следующие страны: Лихтенштейн (20), Андорра (22), Науру (23), Федеративные штаты Микронезии (23), Сан-Марино (25), Палау (25), Южный Судан (25), Кирибати (27), Восточный Тимор (27), Тувалу (27). Примечательным является тот факт, что абсолютное большинство из списка являются микространствами Тихого океана и микространствами Европы – обломками феодальной эпохи; при это некоторые государства имеют ограниченный суверенитет вследствие статуса протектората Швейцарии (Лихтенштейн), ассоциативного государства Франции и Испании (Андорра), а также США (Микронезия, Палау). Говоря о государствах Океании, наиболее активно участвуют в ММО Фиджи (51), Соломоновы острова (37), Вануату (44), Самоа (37) и Тонга (36).

В 1991 году общее членство в международных организациях составило 9154 ед. при среднем арифметическом 49,8 ед. и медианой 52 ед. на одну страну, в то время как в 2002 году общее членство в международных организациях составило 11368 ед. (+2 214), среднее арифметическое 61,8 ед. (+12), медиана – 60,5 (+8,5). В 2014 году общее членство в международных организациях составило 12000 ед. (+632 ед.), среднее арифметическое 65,2 ед. (+3,4), медиана – 64,0 (+3,5). Порядок данных цифры означает, что в целом в мире наблюдается тренд на увеличение участия государств в международных организациях, как и само число ММО, хотя темпы участия в период 2002-2014 снизились почти в 3,5 раза²³. Необходимо отметить, что наибольший прирост в период 1991-2002 отмечается в странах постсоветского пространства (образование новых государств), Намибии и ЮАР (отход от изоляции), здесь наблюдается прирост от 45 до 28 ед.; а в 2002-2014 – в странах Юго-Восточной Азии, Балтийских странах, Балканах и отдельных государствах – Руанда, Мальта, Вануату (прирост от 20 до 10 ед.).

Рассмотрим динамику участия малых государств в ММО, расположенных в Европе в 1991-2014 гг. Анализирование участия в ММО государств, расположенных в одной подсистеме международных отношений, позволяет несколько ослабить проблему сравнимости исходя из потенциального числа участия в глобальных ММО и ММО, расположенных в конкретном регионе. Принимая во внимание специфику интеграционных процессов в Европе, релевантно разделить все государства на три большие подгруппы: государства-члены ЕС, бывшие члены СССР, все остальные неинтегрированные государств – Таблица 1. Крупные государства и региональные государства-лидеры выделены жирным начертанием для референции.

Таблица 1. Количественное участие в ММО некоторых государств в Европе

Государство-член ЕС	Государство, бывшее в составе СССР	Остальные страны	Общее число ММО, в которых состоит государство в 2014 году	Прирост участия в ММО в 1991-2002	Прирост участия в ММО в 2002-2014	Прирост участия в ММО 1991-2014

²³ Релевантно для 184 стран. Из анализа исключены Эритрея, Восточный Тимор, Кирибати, Черногория, Науру, Палау, Южный Судан, Тонга, Тувалу.

Эстония		67	40	19	59
Латвия		64	36	19	55
Литва		65	33	19	52
	Молдова	56	45	7	52
	Азербайджан	53	43	7	50
	Грузия	51	41	8	49
	Армения	46	36	7	43
	Албания	60	26	12	38
	Россия	88	28	5	33
Чехия		75	24	8	32
Словакия		74	21	10	31
	Беларусь	48	24	6	30
Болгария		78	17	8	25
Хорватия		74	6	14	20
Мальта		64	10	10	20
Венгрия		75	14	5	19
	Исландия	71	9	9	18
Словения		72	5	13	18
	Андорра	22	10	7	17
	Сербия	68	-1	15	14
	Швейцария	93	11	3	14
Португалия		97	10	3	13
Финляндия		102	11	2	13
	Норвегия	105	9	4	13
Кипр		65	7	5	12
	Монако	39	6	3	9
	Сан-Марино	25	3	5	8
Люксембург		83	2	6	8
Ирландия		76	3	4	7
Греция		84	4	1	5
Швеция		101	4	1	5
Австрия		83	7	-2	5
	Лихтенштейн	20	4	0	4
Италия		100	3	-1	2
Франция		116	6	-5	1
Бельгия		102	-2	2	0
Дания		99	-1	0	-1
Германия		101	0	-1	-1
	Биг	52	-15	13	-2
Великобритания		100	1	-3	-2
	С. Македония	49	-13	8	-5

По результатам анализа данных можно сделать следующие основные выводы. Несмотря на то, что в целом частое участие в ММО характерно больше для крупных государств, в Европе имеется ряд малых государств, которые пользуются данным инструментом с похожей частотой (Норвегия, Финляндия, Бельгия, Швеция, Дания, Португалия, Швейцария). При этом наибольший прирост (от 59 до 30 ед.) за период 1991-2014 наблюдался во всех государствах, бывших частью СССР, для которых обретение независимости, с одной стороны, открыло новые возможности, а с другой – ограничило ресурсы, которые в прошлом могли бы быть перераспределены союзным центром. Участие в ММО закономерно стало одним из деривативных и коллективных инструментов увеличения влияния новых малых государств на

мировую политику. Отдельными кейсами следует считать страны Балтии, ставшие членами ЕС, в отношении которых за рассматриваемый период наблюдался огромный скачок по участию в ММО. Данная модель, с одной стороны, демонстрирует желание трех государств дистанцироваться от России (перекрестное участие в ММО между странами сведено к минимуму), а с другой – развивать сотрудничество с другими государствами в регионе (Скандинавия, Центральная Европа и другие регионы) в многочисленных форматах. Следует также заметить, что почти все государства бывшего СССР, кроме Беларуси, за рассматриваемый период имели более частую динамику присоединения к ММО, чем Россия. Данный факт подтверждает стремление новых государств к построению многовекторной политики, в то время как Россия, как представляется, была сфокусирована на укреплении уже устоявшейся архитектуры взаимодействия, значительную часть которой сама и построила. В рамках ЕС крупные региональные лидеры за рассматриваемый период либо сокращали участие в ММО, либо незначительно его приращивали, в то время как все малые государства (за исключением Бельгии и Дании) значительно увеличивали участие в ММО. Данный тренд скорее демонстрирует стремление малых государств-членов ЕС достичь показателей своих более крупных соседей, ориентированных на многостороннее сотрудничество. В среднем, тренд на увеличение участия в ММО характерен и для неинтегрированных государств Европы (Исландия, Андорра, Сербия, Швейцария, Норвегия), которые осуществляют это в среднем темпе. Неформально зависимые Монако, Сан-Марино и Лихтенштейн присоединяются к ММО более медленными темпами, что демонстрирует их сохраняющуюся зависимость. Таким образом, наблюдается тренд на выравнивание участия малых государств в ММО с участием более крупных государств.

Далее рассмотрим динамику участия малых государств в ММО, расположенных в Азии в 1991-2014 гг. Принимая во внимание специфику интеграционных процессов в Азии, релевантно разделить все государства по географическому признаку выделив отдельно регионы Ближний Восток и Северная Африка, Юго-Восточная Азия и остальные страны – Таблица 2. Крупные государства и региональные государства-лидеры выделены жирным начертанием для референции.

Таблица 2. Количественное участие в ММО некоторых государств в Азии.

В рамках региона Ближний Восток и Северная Африка	Юго-Восточная Азия	Остальные страны	Общее число ММО, в которых состоит государство	Прирост участия в ММО в 1991-2002	Прирост участия в ММО в 2002-2014	Прирост участия в ММО 1991-2014
		Кыргызстан	48	45	-1	44
		Таджикистан	46	37	5	42
		Туркменистан	39	35	1	36
		Россия	88	28	5	33
	Камбоджа		54	15	15	30
	Китай		80	19	7	26
	Бруней		43	10	15	25
	Монголия		50	16	7	23
	Лаос		46	11	10	21
Бахрейн			54	13	4	17
Иран			63	9	7	16
Оман			57	12	3	15
Сауд. Аравия			67	5	8	13
	Сингапур		52	8	5	13
Иордания			63	9	4	13
Турция			78	9	4	13
	Мьянма		45	9	4	13
		Бутан	33	6	6	12
		Непал	47	6	6	12
		Мальдивы	44	3	8	11
		Индия	91	2	8	10

		Афганистан	40	3	7	10
Израиль			61	3	6	9
Египет			88	11	-2	9
		Шри-Ланка	70	3	5	8
ОАЭ			60	5	3	8
Катар			56	7	1	8
Кувейт			56	1	1	2
Ливан			56	2	0	2
Сирия			55	-2	-1	-3
Ирак			55	-7	3	-4

По результатам анализа данных можно сделать следующие выводы. Как и в Европе, крупные государства склонны к участию в ММО чаще, чем малые государства. Также, как и на Европейском континенте, в Азии имеются относительно изолированные малые государства – Бутан, Туркменистан, Бруней, Мальдивы. При этом, малые государства БВСА склонны участвовать в ММО чаще, чем другие регионы в Азии, но всё же уступают европейским малым государствам по причине ограниченности форматов взаимодействия на субконтиненте. При этом можно выделить модель быстрого наращивания темпа участия, замеченной у Бахрейна и Омана на фоне модели Катара, Кувейта и Ливана, которые имеют более медленные темпы присоединения к ММО. Вместе с тем большинство малых государств-соседей Китая, России и Индии склонны наращивать темпы участия в ММО примерно на уровне своих крупных соседей. Несмотря на различие в темпах, тот факт, что они примерно соотносятся с соответствующим уровнем темпов прироста участия крупных государств-соседей малых государств, свидетельствует о том, что новые площадки взаимодействия стремятся институционализировать взаимодействие равновесных государств между собой. В то же самое время такие непохожие государства как Сингапур или Мьянма демонстрируют более скромные темпы прироста участия по сравнению со своим ближайшим гегемоном, Китаем.

Подобное сравнение может осуществляться и в других географических локациях, в том числе островах Карибского бассейна, Африке, Латинской Америке и Океании.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

- 1) Увеличение количества ММО и активизация участия в них государств являясь косвенным признаком усложнения системы международных отношений, подтверждает релевантность либерального подхода к функционированию малых государств и факт постепенной трансформации их ограниченных ролей в рамках постбиполярной эпохи международных отношений.
- 2) Более высокие темпы присоединения малых государств к ММО по сравнению с более крупными соседями знаменуют собой тренд на конвергенцию формата многостороннего взаимодействия и отражают стремление малых государств к достижению параметров влияния своих более крупных соседей на основе принципа равенства.
- 3) Разноскоростные темпы присоединения к ММО в рамках общей аналитической группы малых государств подтверждают релевантность необходимости проведения типологизаций и выявления, а также систематизации факторов, лежащих в основе определения внешнеполитического поведения малых держав для улучшения обобщаемости выводов и дополнения теории малых государств.
- 4) Вместе с тем базовый количественный анализ не должен подменять качественную интерпретацию полученных данных, но призван служить лишь первым этапом для проведения исследований на основе системного подхода.

Список источников и литературы

1. Long, T. Latin America Confronts the United States: Asymmetry and Influence, Cambridge University Press, 2015.
2. Окунев И.Ю. Диссертация на соискание степени кандидата политических наук на тему: Моделирование пространственных факторов развития микространств и территорий Океании, Москва, 2011.
3. Womack B. Asymmetry and International Relationships, Cambridge: Cambridge University Press, 2015, p. 10
4. Long, T. Small States, Great Power? Gaining Influence Through Intrinsic, Derivative, and Collective Power. International Studies Review, 2016, pp. 185-205.
5. Pevehouse J. C.W., Nordstrom T., McManus R. W., Jamison A.S., Tracking Organizations in the World: The Correlates of War IGO Version 3.0 datasets, Journal of Peace Research, 2014.

Барабаш Богдан Алексеевич, Аспирант, Московский государственный институт международных отношений МИД России; e-mail: bogdan.barbash.mgimo@gmail.com

QUANTITATIVE ANALYSIS OF THE PARTICIPATION OF SMALL STATES IN INTERGOVERNMENTAL INTERNATIONAL ORGANIZATIONS AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY: MAIN TRENDS

Barabash B.A.¹

¹ MGIMO University, Moscow, Russia

According to the liberal approach within the framework of the theory of small states, small powers possess and use a number of tools aimed at influencing world politics in order to achieve their national goals and interests. Participation in international intergovernmental organizations is one of such instruments. The article analyzes trends in the intensification of the participation of small states in international intergovernmental organizations, which indirectly reflects the transformation of the roles of small states in world politics in the post-bipolar era. The participation of small states of Europe and Asia in international intergovernmental organizations in comparison with their respective regional leading powers is also analyzed.

Key words: small states, international intergovernmental organizations, political geography, world politics, comparative politics.

Barabash Bogdan Alekseevich, Grad student, MGIMO University; e-mail: bogdan.barbash.mgimo@gmail.com

УДК 329 (460)

ПРОЦЕССЫ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ИСПАНИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ЦИКЛА 2021–2023 ГГ.)

Баранов А.В.¹

¹Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

Испания переживает кризис государства автономий, состоялось оформление обособленных партийных систем, идентичностей и расстановки сил участников региональных выборов (в Стране Басков, Каталонии, Наварре). Испанский опыт регионализации показателен для других стран Евросоюза. В статье определены проявления регионализации в автономных сообществах Испании по итогам парламентских выборов 2021–2023 гг. Применены сравнительный анализ, метод картографирования, методы построения вариационных и динамических рядов. Статья выполнена на основе результатов социологических опросов служб CIS, Metroscopia, Instituto Real Elcano, итогов региональных выборов 2021–2023 г., статистических данных. Установлены пространственные детерминанты неравномерности поддержки партий в сравниваемых автономных сообществах: центр-периферийное строение сообществ, размеры населенных пунктов, этнический состав. Выявлены изменения поддержки партий в 2021–2023 гг. Регионы неоднородны по тенденциям изменений. Каталония демонстрирует полевение электората. Исследование доказывает одновременный рост в Каталонии левого и правого популизма. Страна Басков и в наибольшей мере Сообщество Мадрид оказали повышенную поддержку правоцентристам. Кастилия и Леон демонстрирует сохранение влияния Народной партии при спаде влияния ИСРП. Поддержку ИСРП сохранили 5 автономных сообществ из 12, где состоялись майские выборы 2023 г.: Кастилия-Ла-Манча, Астурия, Эстремадура, Наварра и Канарские острова.

Ключевые слова: регионализация, процессы, электоральный цикл, Испания, 2021–2023 гг.

ВВЕДЕНИЕ

Испания переживает в 2005–2023 гг. кризис государства автономий. В том числе, оформились обособленные партийные системы, идентичности и расстановка сил участников региональных выборов (в Стране Басков, Каталонии, Наварре). Испанский опыт регионализации характерен и для других стран Европейского Союза.

Цель работы – определить проявления регионализации в автономных сообществах Испании по итогам парламентских выборов 2021–2023 гг.

Среди исследований темы важны работы Л. Морено Фернандеса [1], Л. Кабеса и М. Скантамбурло [2], С.М. Хенкина [3], А.А. Куракиной-Дамир [4]. Теоретической основой выбран социокультурный подход к электоральному поведению С.М. Липсета и С. Роккана [5]. В территориально неоднородных обществах складываются социокультурные размежевания

(между центром и периферией, богатыми и бедными, приверженцами идеологий и др.), которые проявляются в различиях поддержки партий. Размежевания выражены более отчётливо, если ряд размежеваний совпадает территориально, усиливает друг друга. Применены сравнительный анализ, метод картографирования, методы построения вариационных и динамических рядов.

Статья выполнена на основе результатов социологических опросов служб CIS, Metroscope, Instituto Real Elcano, итогов выборов 2021–2023 г., статистики.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Выборы депутатов представительных органов в автономных сообществах Испании проводятся не реже, чем раз в 4 года, по пропорциональной системе, с закрытыми партийными списками. Календарь парламентских выборов свой в каждом регионе, что сильно влияет на распределение голосов. Важен состав партий и коалиций, что особенно проявляется в Стране Басков, Каталонии и Наварре. Так, в Стране Басков региональные политические силы получили на выборах 2020 г. 70,7% мест [6], в Каталонии в 2021 г. – 60,7% [7], в Наварре в 2023 г. – 64,6% [8]. В Стране Басков и Каталонии налицо партийные системы, отличающиеся от испанской. Отметим неравномерное территориальное распределение мандатов и диспропорциональность представительства партий, вызванную применением закрытых списков и низким заградительным барьером (3%). Завышено представительство малонаселённых округов и занижено – густонаселённых, что даёт преимущество влиятельным партиям. Кризис двухпартийной системы и её перерастание в систему с 4–5 партиями в 2010-х гг. привели к поляризации по оси «унитаризм – сепаратизм», что особенно проявляется в Стране Басков и Каталонии.

Выборы депутатов Парламента Каталонии (2021 г.) проходили в условиях жёстких санитарных ограничений. Это привело к снижению явки с 82,0% (2017 г.) до 53,6%. Относительным победителем стала Партия социалистов Каталонии – отделение Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП) – 23,0%. Несколько меньше набрали сепаратистские силы «Левые республиканцы Каталонии» – 21,4% и «Вместе за Каталонию» – 20,1% (чуть меньше успех, чем в 2017 г.). Новым стал рост влияния правонационалистической партии «Вокс» – 7,7% и леворадикальной «Кандидатуры народного единства» – 6,7%. Поражение потерпела правоцентристская партия «Граждане», уменьшившая влияние с 25,4 до 5,6% и левая коалиция «Унидас Подемос», получившая 6,9%. Только благодаря низкому заградительному барьеру сохранила представительство Народная партия (3,8%) [7]. Подтвердился территориальный раскол каталонского электората: космополитичные Барселона и Таррагона больше поддерживают общенациональные партии, а Жирона и Льейда – сепаратистские партии [9, p. 31–33].

Для Каталонии характерен рост сегментации и неустойчивости партийной системы. Сохраняется поддержка сепаратистских сил, но сторонники государственного единства имеют почти такую же поддержку (47–48%). Баланс сохраняется последние 12 лет. Анкетный опрос, проведённый Центром социологических исследований Женералитета, подтвердил одобрение проекта независимого государства 34,2% респондентов, а проекта федерализации Испании — 25,6%; статус автономного сообщества одобряют 28,1% [9, p. 52].

Выборы Ассамблеи Сообщества Мадрид в мае 2021 г. оказали значительное влияние на партийную систему страны и повестку дня конкуренции. Если на предыдущих выборах победила ИСРП, то теперь – Народная партия с мощным отрывом от соперников. НП получила 44,8% голосов, левоцентристская «Больше Мадрида» – 17,0%, ИСРП – 16,8%, «Вокс» – 9,2%, «Подемос–Объединённые левые» – 7,2% и «Граждане» – 3,6% [10]. Прослеживается неравномерность поддержки партий в зависимости от уровня жизни в городских районах [11].

Внеочередные выборы в Кастилии и Леоне 13 февраля 2022 г. важны тем, что обозначили тенденции предстоящего электорального цикла. Подтвердила влияние Народная партия (31,4% голосов в кортесах сообщества). ИСРП проиграла, сократив влияние с 34,8 до 30,0%. Значительного успеха добилась партия «Вокс» – 17,6% голосов вместо 5,5%. «Унидас Подемос» сохранили влияние на низком уровне (5,1% голосов). Новым стал рост влияния регионалистских партий. Союз леонского народа нарастил поддержку с 2,0 до 4,3%, сетевая платформа «Sofía ¡Ya!» впервые получила 1,5%, а блок «Por Avila» – 1,2% голосов [12]. В итоге в Кастилии и Леоне создано первое коалиционное правительство НП и «Вокс».

Региональные выборы в Андалусии 19 июня 2022 г. привели к тому, что Народная партия повысила влияние с 20 до 43,1%, а «Вокс» – с 11 до 13,5% голосов. ИСРП снизила поддержку с 27,9 до 24,1%. Потеряла значение в Андалусии партия «Граждане» [13].

Результаты региональных выборов 28 мая 2023 г. обобщены нами в таблице 1. Произошло частичное восстановление влияния основных партий за счёт значительного спада популярности «Унидас Подемос» и особенно «Граждан». Совершился «правый поворот». В тех сообществах, где Народная партия и «Вокс» непопулярны (Наварра, Канарские острова, муниципалитеты Каталонии и Страны Басков), выросло влияние регионалистских правых сил: «Союза народа Наварры» и “Geroa Bai”, “Junts per Catalunya” и др. Рост поддержки Народной партии идёт в наибольшей мере вследствие перераспределения сил внутри правого электората, как и спад влияния ИСРП – в итоге значительного ослабления «Унидас Подемос». Большинство автономных сообществ, где проводились выборы 28 мая 2023 г., поддержали правые партии. Исключением остаются Астурия, Канарские острова, Кастилия-Ла-Манча, Эстремадура. Народная партия победила и на муниципальных выборах в 9 из 10 крупнейших городов Испании. Но только в 3 автономных сообществах (Ла Риоха, Мадрид, Мурсия) Народная партия смогла обойтись без создания коалиции с «Вокс» и региональными партиями. Это делает актуальным достижение договорённостей между НП и «Вокс», которые уже подписаны в Валенсианском сообществе, в г. Вальядолид, Бургос, Толедо и др.

Таблица 1 Результаты региональных выборов 28 мая 2023 г. в Испании (в проц. от явившихся)

Политические партии и блоки	НП	ИСРП	«Вокс»	«Унидас Подемос»	«Граждане»	«Мас Паис»	Региональные партии
Мадрид	47,3	18,2	7,3	4,7	1,6	18,35	-
Арагон	35,5	29,5	11,3	4,0	1,3		10,1
Астурия	32,7	36,5	10,1	3,9	0,9	7,6	3,7
Балсарские острова	35,8	26,5	13,9	4,4	1,35	8,35	-
Валенсианское сообщество	34,7	27,8	12,2	3,4	1,5		14,0
Канарские острова	19,4	27,2	7,85	3,9	0,4		29,9
Кантабрия	35,8	20,6	11,1	4,1	2,3		22,6
Кастилия Ла Манча	33,6	45,1	12,8	4,1	1,0		-
Ла Риоха	45,4	31,9	7,6	5,1	0,9		6,2
Мурсия	42,8	25,6	17,7	4,7	1,5		3,3
Наварра	7,2	20,7	4,3	6,1	0,4		58,5
Эстремадура	38,9	39,9	8,1	6,0	0,9		-

Источник: Los resultados de la batalla electoral del 28M en las 12 comunidades autónomas. URL: <https://elpais.com/espana/elecciones-autonomicas/2023-05-28/votos-y-resultados-elecciones-28m-por-comunidades.html>

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Установлены пространственные детерминанты неравномерности поддержки партий в сравнимых автономных сообществах: центр–периферийное строение сообществ, размеры населенных пунктов, этнический состав. Выявлены изменения поддержки партий в 2021–2023 гг. Регионы неоднородны по тенденциям изменений. Каталония и, в меньшей мере, Галисия демонстрируют полевение электората. Исследование доказывает одновременный рост в Каталонии левого и правого популизма. Страна Басков и в наибольшей мере Сообщество Мадрид оказали повышенную поддержку правоцентристам. Кастилия и Леон демонстрирует сохранение влияния Народной партии при спаде влияния ИСРП. Поддержку ИСРП сохранили 5 автономных

сообществ из 12, где состоялись майские выборы 2023 г.: Кастилия-Ла-Манча, Астурия, Эстремадура, Наварра и Канарские острова.

Список источников и литературы

1. Moreno Fernández L. La Federalización de España. Madrid: Siglo XXI de España, 2008. 207 p.
2. Cabeza L., Scantamburlo M. Dual Voting and Second-Order Effects in the Quasi-Simultaneous 2019 Spanish Regional and National Elections // Revista Española de Ciencia Política. Madrid, 2021. No 55. P. 13–35.
3. Хенкин С.М. Испания. Современное нестабильное общество. М.: Аспект Пресс, 2023. 383 с.
4. Куракина-Дамир А.А. Трансформация партийно-политической системы Испании в посткризисный период (2011–2019) // Латинская Америка. 2022. № 10. С. 64–80.
5. Lipset S.M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: an Introduction // Lipset S.M., Rokkan S. (eds.). Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives. N.Y.: Free Press, 1967. P. 1–64.
6. El PNV Gana Ampliamente, EH Bildu Logra una Gran Subida y Vox Entra en el Parlamento. URL: <https://www.eitb.eus/es/elecciones/autonomicas-vascas/>
7. La Participació a les Eleccions al Parlament del 14-F al Final de la Jornada és del 53,56%, amb el 98% Escrutat. URL: https://exteriors.gencat.cat/ca/detalls/noticia/not_210214_rdp_resultats_provisionals
8. Resultados Definitivos. Comunidad Foral de Navarra. URL: <https://elecciones2023.navarra.es/es/resultados/0/0/90>
9. Enquesta sobre Context Polític a Catalunya. 2021 Dossier de Premsa. Barcelona, 2021.
10. 4M. Resultados Definitivos. Datos. URL: <https://resultados2021.comunidad.madrid/Resultados/Comunidad-Madrid/0/es>
11. Borja A., Grasso D., Sevillano Pires L., Llaneras K. Los Resultados de las Elecciones en Madrid, Calle a Calle // El País. Madrid, 2021. 5 de Mayo.
12. España: el Partido Popular Ganó las Elecciones en Castilla y León, Pero Necesitará de la Ultraderecha para Gobernar. URL: <https://www.infobae.com/america/mundo/2022/02/13/>
13. Elecciones Andalucía. 2022. URL: <https://resultados.elpais.com/elecciones/2022/autonomicas/01/index.html>
14. Los Resultados de la Batalla Electoral del 28M en las 12 Comunidades Autónomas // El País. Madrid, 2021. 29 de Mayo.

Баранов Андрей Владимирович, д. полит. н., д. ист. н., профессор кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет; e-mail: baranovandrew@mail.ru

THE PROCESSES OF REGIONALIZATION IN MODERN SPAIN (BASED ON THE MATERIALS OF THE ELECTORAL CYCLE 2021–2023)

Baranov A.V.¹

¹ Kuban State University, Krasnodar, Russia

Spain is experiencing a crisis of the state of autonomies, the formation of separate party systems, identities and the alignment of forces of participants in regional elections (in the Basque Country, Catalonia, Navarre) took place. The Spanish experience of regionalization is indicative for the countries of the European Union. The article defines the manifestations of regionalization in the autonomous communities of Spain following the results of the parliamentary elections of 2021–2023. Comparative analysis, mapping method, methods of constructing variational and dynamic series are applied. The article is based on the results of sociological surveys of CIS, Metroscopy, Instituto Real Elcano services, the results of regional elections in 2021–2023, statistical data. The spatial determinants of the uneven support of parties in the compared autonomous communities are established: the center-peripheral structure of communities, the size of settlements, ethnic composition. Changes in party support in 2021–2023 have been revealed. The regions are heterogeneous in the trends of changes. Catalonia demonstrate the field of the electorate. The study proves the simultaneous growth of left and right populism in the Catalonia. The Basque country and, to the greatest extent, the Community of Madrid provided increased support to the center-right. Castile and Leon demonstrates the continued influence of the People's Party with the decline of the PSOE's influence. The PSOE was supported by 5 autonomous communities out of 12 where the May 2023 elections were held: Castile-La Mancha, Asturias, Extremadura, Navarre and the Canary Islands.

Key words: regionalization, processes, electoral cycle, Spain, 2021–2023.

Baranov Andrey Vladimirovich, Doctor of Political Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of political sciences and political management, Kuban State University; e-mail: baranovandrew@mail.ru

УДК 321.011

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ

Баранов Н.А.¹

¹ Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Россия

В статье акцентируется внимание на значимости государственности в современных условиях геополитического развития. Кардинальные перемены на международной арене требуют пересмотра отношений к таким понятиям как «суверенитет», «государственная состоятельность». Вопреки неолиберальному подходу, который привел к кризисным явлениям в западных странах, Российская Федерация отстаивает свою государственность, право самостоятельно решать собственные проблемы и проводить независимую внешнюю политику, привнося свой вклад в формирование полицентричного мирового порядка. Поддержка обществом предложенного руководством страны вектора развития является ключевым источником легитимности власти и государственной состоятельности России.

Ключевые слова: геополитические вызовы, государственная состоятельность, государственность, общероссийская гражданская идентичность, полицентричный мир, суверенитет.

ВВЕДЕНИЕ

Современный мир находится в поиске нового сбалансированного состояния, преодолевая кризисную неустойчивость и геополитическую неопределенность, которые характеризуются сменой приоритетов общественно-политического развития, появлением новых глобальных и региональных лидеров, преодолением угроз миру и процветанию человечества. Глобальные перемены, затрагивающие все сферы жизни общества, сочетаются с хаотичностью социально-экономической и политической действительности.

Кардинальные перемены, с которыми сталкивается человечество в XXI веке, с одной стороны, являются объективными, так как определяются независимыми от людей обстоятельствами, с другой стороны, являются следствием субъективных действий международных акторов. Процессы глобализации, пик которых пришелся на конец 1990-х – начало 2000-х гг., способствовали экономическому подъему развивающихся стран и деиндустриализации промышленно развитых государств. Дискуссии относительно понятия «суверенитет» оказались замаскированной уловкой ведущих стран мира, прежде всего США, призывающих государства передать существенную часть своего суверенитета на надгосударственный уровень или международным организациям, для более эффективного решения проблем безопасности и социально-экономического развития. В основе такой политики лежат идеи и ценности западного мира, главным образом неолиберальные, которые навязываются остальным цивилизациям в качестве безальтернативных без учета их культурных традиций и цивилизационных особенностей.

В сложившихся условиях высокую актуальность приобретает тема государственной состоятельности государства, его способности адекватно отвечать на угрозы и вызовы современности.

АДАПТАЦИЯ ГОСУДАРСТВА К НОВЫМ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИМ РЕАЛИЯМ

А.И. Соловьев предлагает трактовать современное государство «как территориальную форму организации диверсифицированной общественной власти, где правящее меньшинство поддерживает свое легальное господство при помощи специализированного аппарата управления и символической поддержки значимых для населения традиций и ценностей...» [1, с. 60]. Кроме традиций и ценностей значимым является способность власти удовлетворять минимальные потребности общества, главным образом, в социально-экономической сфере для поддержания уровня жизни, приемлемого для большинства населения.

Многочисленные проблемы, с которыми сталкивается современное человечество, не способны решить ни международные организации, ни страны-гегемоны. В каждой конкретной стране эти проблемы наиболее эффективно разрешаются социальными институтами, имеющими государственную привязку, наиболее приближенную к жителям определенной территории. Недаром В.В. Лапкин называет государство «главным ресурсом выживания и развития сообщества в ситуации социальных, природных, политических и иного рода катастроф и «провалов в управлении» [2, с. 79]. Никакая другая форма политического представительства интересов общества на данный момент развития не является более эффективной, чем государственные институты управления.

Ф. Фукуяма в своей книге 2004 года «Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке» пишет о том, что слабые государства являются причиной нестабильности не только в отдельных странах, но и в международных отношениях. Если малые и «слабые страны, не способные оказывать влияние, в силу естественных причин предпочитают жить в мире норм, законов и институтов, ограничивающих более могущественные государства», то такие ведущие страны мира, как США, хотели бы «иметь свободу действий, не быть обремененными никакими обязательствами» [3, с. 186]. Рассуждая о различиях в представлениях о суверенитете между США и странами Евросоюза, американский политолог отмечает, что «внутри Евросоюза, где суверенитет уступает надгосударственным организациям, они действительно создали мир конца истории», то есть победы либеральной демократии. Однако «мир и безопасность в их европейском «мыльном пузыре» гарантированы в конечном итоге американскими военными силами» [3, с. 195].

В XXI веке появились новые вызовы, на которые необходимо своевременно реагировать в целях поддержания социально-политической и экономической стабильности. Проблемы миграции, связанный с нею кризис идентичности в национальных государствах, террористическая угроза, экстремизм и международная преступность требуют каждодневного внимания и разрешения не столько силами международного сообщества, сколько возможностями государственных институтов. Опыт европейских государств свидетельствует о том, что игнорирование интересов собственных граждан в угоду мультикультурной политики, негативно сказывается на социальной и политической ситуации в стране. Возникающие политические размежевания и расколы в западных обществах создают благоприятную почву для разрастания преступности на этнической и религиозной почве, распространения экстремизма и снижения поддержки государственным институтам со стороны граждан. В незападных обществах добавляются проблемы, связанные с несформированностью нации, влиянием на становление государственности внешних акторов, включая ведущие страны и международные организации, которые зачастую приводят к обострению внутривнутриполитической конфликтности, свидетельствующей о неэффективности и слабости государства.

Признавая проблемы с либеральной демократией [4], Ф. Фукуяма полагает, что одной из причин «глобальной рецессии» [5], связанной с распространением авторитаризма и популистского национализма, является политика идентичности, проводимая в интересах малых групп, а не широких слоев населения. По мнению американского политолога, проблема современной американской власти, связанной с Демократической партией, состоит в том, что они строят базу своих сторонников не на основе крупных сообществ, а «обращаются к все более мелким группам, подверженным специфической маргинализации» [6, с. 122]. Таким образом происходит противопоставление значительной части американского общества, что выражается в неспособности государства стабилизировать ситуацию в стране.

В последние десятилетия на международной арене появились новые субъекты мировой политики, формирующие политический контекст – транснациональные корпорации, глобальные СМИ, IT-компании, неправительственные организации, частные вооруженные компании и т.д. Как показывает практика, появление множественных негосударственных субъектов международных отношений не способствует разрешению большинства вызовов и угроз, возникающих в современном мире, не приводит к уменьшению функций государства, а лишь изменяет их, адаптируя к существующей реальности.

Становление нового мирового порядка, формирование полицентричного мира оказывает решающее влияние на характер государственности, формирование региональных структур и наднациональных союзов. Как прогнозирует В.И. Пантин, «на протяжении 2020-х – начала 2030-х годов будут происходить дальнейшие важные внутри- и внешнеполитические сдвиги, влияющие на природу и функции государства. Эти сдвиги будут стимулироваться и сопровождаться многочисленными кризисами, старыми и новыми социальными и политическими размежеваниями, усилением внутренней и глобальной нестабильности» [7, с. 107].

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ В XXI ВЕКЕ

Российская государственность подвергалась серьезным испытаниям когерентно с возрастающим влиянием на мировые политические процессы. После февральской 2007 года речи В.В. Путина на Мюнхенской конференции по безопасности ведущие западные страны стали препятствовать интеграционным процессам, связанным с Российской Федерацией.

В 2005 г. появились дорожные карты с ЕС по четырем общим пространствам – экономического, свободы, безопасности и правосудия, разработаны новые экономические проекты («Северный поток», «Южный поток» и др.). С 2002 года начались переговоры с Европейским союзом о создании безвизового пространства, а с 2007 г. - о заключении нового стратегического договора между Россией и ЕС. Однако ни один из этих проектов не получил продолжения. После событий на Украине, связанных со сменой власти, 6 марта 2014 года главы государств и правительств ЕС приняли совместное заявление по Украине, в котором, в частности, заявили о приостановке переговоров с Россией о визах. Практически прекратилось сотрудничество на высшем уровне между руководством Евросоюза и Российской Федерацией. Последний саммит Россия-ЕС состоялся 28 января 2014 г. в Брюсселе. 10 июня 2015 года Европейский парламент принял резолюцию, в которой призывает «критически пересмотреть» отношения Евросоюза с Россией и больше не считать Россию стратегическим партнером Евросоюза [8].

В российском политическом руководстве вплоть до 2014 г. рассчитывали на взаимное сближение с западными странами, прежде всего с ЕС. В Концепции внешней политики Российской Федерации от 12 февраля 2013 г. констатируется: «Приоритетный характер имеет развитие отношений с государствами Евро-Атлантического региона, с которыми Россию связывают, помимо географии, экономики и истории, глубокие общечивилизационные корни. С учетом растущей востребованности коллективных усилий государств перед лицом транснациональных вызовов и угроз Россия выступает за достижение единства региона без разделительных линий, через обеспечение подлинно партнерского взаимодействия России, Европейского союза и США» [9]. Тем не менее, несмотря на открытый характер российской внешней политики, западные страны, прежде всего США, игнорировали предложения и озабоченности России, касающиеся безопасности страны.

В целях разрешения назывшихся противоречий МИД РФ 17 декабря 2021 года опубликовал проекты договоров России с США и НАТО о гарантиях безопасности [10], которые были переданы США 15 декабря. 26 января 2022 г. были получены американский и натовский ответы, в которых не были учтены такие принципиальные озабоченности России, как недопущение расширения НАТО, отказ от размещения ударных систем вооружений вблизи российских границ, а также возврат военного потенциала и инфраструктуры блока в Европе на позиции 1997 г., когда был подписан Основополагающий акт Россия — НАТО. Нежелание западных стран, и прежде всего США, признать озабоченности России в отношении национальной безопасности вынудило российское политическое руководство предпринять шаги по обеспечению безопасности ее границ и русскоязычных граждан на сопредельной территории. Объявленная специальная военная операция стала следствием невозможности другим путем разрешить назревшие проблемы.

В сложившихся условиях проблема государственности для России становится еще более острой. Для реализации своих функций российское государство в условиях беспрецедентного санкционного давления должно решать свои задачи перед населением страны, обеспечивая его всем необходимым, а также способствуя инновационному развитию. В этих целях осуществляется выверенная финансовая политика, переориентация промышленного производства на отечественную технологическую базу, проводятся работы по созданию современной инфраструктуры. Особое внимание уделяется социальной политике, поддержке наиболее уязвимых слоев населения, развитию образования и сферы здравоохранения.

Показатели социально-экономического развития страны свидетельствуют об успешном решении поставленных задач и адаптации экономики страны к создавшимся условиям. Об этом свидетельствуют следующие показатели: в соответствии с данными Всемирного банка по итогам 2022 года Россия стала пятой экономикой мира по паритету покупательной способности, обогнав Германию и все европейские страны [11]; в I полугодии 2023 года объем денежных доходов населения увеличился на 9,7% по сравнению с I полугодием 2022 года [12, с. 162]; реальные денежные доходы, по оценке, во II квартале 2023 г. по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года увеличились на 5,0% [12, с. 164]; среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций в мае 2023 г. составила 72851 рубль и по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года увеличилась на 16,1% [12, с. 166]. Таким образом, можно констатировать, что государство в сложных санкционных условиях старается эффективно решать свои задачи.

Для Российской Федерации суверенитет является жизненно необходимым условием ее выживания в складывающемся мировом порядке, сохранения национально-государственной идентичности в глобализирующемся мире и успешного социального развития. Причем суверенитет достигается не только военно-экономическими методами, но и сплочением общества, объединением людей вокруг национальной идеи. Выступая на третьем ежегодном форуме Агентства стратегических инициатив «Сильные идеи для нового времени», Президент России В.В. Путин заявил: «...общественные, предпринимательские, волонтерские инициативы – это настоящий мотор развития. А сильное, ответственное гражданское общество – основа суверенитета нашей страны» [13].

В целях патриотического воспитания граждан страны, в первую очередь молодежи, с 1 сентября 2023 года в качестве обязательной дисциплины в вузах вводится дисциплина «Основы российской государственности». Активная деятельность молодежных организаций патриотической направленности поддерживается президентскими и правительственными грантами, проводятся молодежные форумы, такие как «Территория смыслов», Форум социального призвания, «Евразия Global», форум ИТ-технологий «ФИЧА» и т.д.

Произошла активизация деятельности по формированию общероссийской гражданской идентичности, которая интерпретируется как «осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества» [14]. Для полиэтничного российского общества фактор национальной идентичности является принципиально значимым, так как, по мнению Ф. Фукуямы, «национальная идентичность начинается с общей веры в легитимность политической системы страны, независимо от того, является она демократической или нет» [6, с. 161].

Политика по укреплению российской государственности была поддержана обществом. Так по данным социологических служб население страны поддерживает политику действующего президента, что является убедительным показателем ее успешности. Согласно опросов Фонда «Общественное мнение» доверие В.В. Путину составляет 73% [15], по данным ВЦИОМ – 77,2% [16], а по данным Левада-Центра одобряют деятельность В. Путина 82% респондентов [17].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, мы наблюдаем кардинальные изменения в мире, связанные с геополитическими вызовами, неспособностью человечества эффективно противостоять существующим угрозам, нежеланием договариваться друг с другом, попытками продвигать идеологизированные проекты, с которыми не согласна существенная часть современных государств. В Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Президентом России 31 марта 2023 года, отмечается: «Высокий уровень взаимозависимости, глобальный охват и транснациональный характер вызовов и угроз ограничивают возможности обеспечения безопасности, стабильности и процветания отдельных государств, военно-политических и торгово-экономических союзов. Только объединение потенциалов и добросовестных усилий всего международного сообщества на основе баланса сил и интересов способно обеспечить эффективное решение многочисленных проблем современности, мирное поступательное развитие больших и малых государств, человечества в целом» [18].

В сложившихся геополитических условиях Россия способствует становлению полицентричного мира, придерживается приоритета политики суверенитета и укрепления российской государственности. Эта политика включает социально-экономическую, идеологическую, политическую составляющие, деятельность по сплочению российского общества и является достаточно эффективной, о чем свидетельствует ее поддержка населением страны.

Список источников и литературы

1. Соловьев А.И. Государство: смыслы и образы // Государство в политической науке и социальной реальности XXI века / Под ред. И.С. Семененко (отв. ред.), В.В. Лапкина, В.И. Пантина. М.: Издательство «Весь Мир», 2020. 384 с. С. 37-62.
2. Лапкин В.В. Потенциал адаптации современного государства к условиям глобального разупорядочивания // Государство в политической науке и социальной реальности XXI века / Под ред. И.С. Семененко (отв. ред.), В.В. Лапкина, В.И. Пантина. М.: Издательство «Весь Мир», 2020. 384 с. С. 63-84.
3. Фукуяма Ф. Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке: [пер. с англ.]. М.: АСТ: АСТ Москва; Владимир: ВКТ, 2010. 222 с.
4. Fukuyama F. Liberalism and Its Discontents. London, Profile Books Ltd. 2022. 171 p.

5. Diamond L. Facing Up do the Democratic Recession // Journal of Democracy. 2015. N 26 (1). P. 141-155.
6. Фукуяма Ф. Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия / Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2019. 256 с.
7. Пантин В.И. Государство и государственность в первой половине XXI века: перематрирование в контексте глобальных сдвигов // Государство в политической науке и социальной реальности XXI века / Под ред. И.С. Семенченко (отв. ред.), В.В. Лапкина, В.И. Пантина. М.: Издательство «Весь Мир», 2020. 384 с. С. 85-107.
8. Европарламент призвал не рассматривать Россию как стратегического партнера // Интерфакс. 10 июня 2015 г. URL: <https://www.interfax.ru/world/446803> (дата обращения: 25.08.2023).
9. Концепция внешней политики Российской Федерации (12 февраля 2013 г.). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/> (дата обращения: 25.08.2023).
10. Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о гарантиях безопасности: проект // Официальный сайт МИД РФ. 17.12.2021. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/rso/nato/1790818/ (дата обращения: 25.08.2023).
11. Gross Domestic Product (GDP) URL: <https://www.worldeconomics.com/Indicator-Data/Economic-Size/Revaluation-of-GDP.aspx> (дата обращения: 25.08.2023).
12. Социально-экономическое положение России (январь-июнь 2023 г.). Москва: РОССТАТ, 2023. 303 с.
13. Форум АСИ «Сильные идеи для нового времени». 29 июня 2023 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/71554> (дата обращения: 30.07.2023).
14. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. N 1666 "О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года" (с изменениями и дополнениями) // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/70284810/?ysclid=llqjvliuu4873449611> (дата обращения: 25.08.2023).
15. Доверие В. Путину // ФОМ. Политические индикаторы. № 33. 24.08.2023. URL: <https://media.fom.ru/fom-bd/d33pi2023.pdf> (дата обращения: 25.08.2023).
16. Рейтинги доверия политикам, оценки работы президента и правительства, поддержка политических партий // ВЦИОМ. Аналитический обзор. 25.08.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reitingi-doverija-politikam-ocenki-raboty-prezidenta-i-pravitelstva-podderzhka-politicheskikh-partii-25082023> (дата обращения: 25.08.2023).
17. Одобрение деятельности Владимира Путина // Левада-Центр. Индикаторы. URL: <https://www.lewada.ru/indikatory/> (дата обращения: 25.08.2023).
18. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» от 31 марта 2023 года №229 // Официальный сайт Президента России. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/udpjZePcMAYcLXOGGAgmVHQDloFCN2Ae.pdf> (дата обращения: 03.05.2023).

Баранов Николай Алексеевич, д. полит. н., профессор, профессор кафедры международных отношений Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, e-mail: nicbar@mail.ru

RUSSIAN STATEHOOD IN THE CONTEXT OF MODERN GEOPOLITICAL CHALLENGES

Baranov N.A.¹

¹ Northwest Institute of Management of RANEPa, Saint Petersburg, Russia

The article focuses on the importance of statehood in modern conditions of geopolitical development. Cardinal changes in the international arena require a revision of attitudes to such concepts as "sovereignty", "state solvency". Contrary to the neoliberal approach that led to crisis phenomena in Western countries, the Russian Federation defends its statehood, the right to independently solve its own problems and pursue an independent foreign policy, contributing to the formation of a polycentric world order. Public support for the development vector proposed by the country's leadership is a key source of legitimacy of the government and state solvency of Russia.

Key words: geopolitical challenges, state solvency, statehood, all-Russian civil identity, polycentric world, sovereignty.

Baranov Nikolay Alekseevich, Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department of International Relations of Northwest Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; e-mail: nicbar@mail.ru

УДК 327

ЕВРАЗИЙСКИЕ КОНТУРЫ БУДУЩЕГО МИРОУСТРОЙСТВА

Бахтуридзе З.З.¹

¹Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия

Трансформационные процессы и формирование нового мироустройства приводят к необходимости поиска новых подходов и осознания, происходящего в том или ином контексте. В этом направлении автор считает необходимым сфокусировать внимание на евразийском сюжете и рассмотреть, как он может быть реализован в новой мирополитической реальности и какую роль может сыграть в новой структуре. Размышляя об основных тенденциях формирования нового миропорядка, о противоречивых факторах, на основании которых сложно выстроить стабильную систему, следует отметить, что идея евразийской интеграции должна реализовываться как часть многостороннего мира, органично вписанного в мозаичную картину мироустройства. Сохранять идентичности, но не огородившись от остального мира, а будучи открытым пространством для тех новых идей и действий, которые являются частью эволюционного процесса в синергетическом измерении.

Ключевые слова: евразийское пространство, трансформационные процессы, интеграция, регионализация, идентичность.

ВВЕДЕНИЕ

Времена кризисов, глобальных перемен и трансформаций, и формирования новых основ миропорядка создают ощущение того, что мы словно на страницах учебника, который будут читать и изучать наши потомки. Закончилась вовсе не история, а один из ее сюжетов, возможно не самый страшный и трагический, но не вызывающий желания обернуть время вспять и снова погрузиться в канву его непростого запутанного узора.

Наряду с существующим «здесь и сейчас» миром, есть множество моделей, представлений о нем, включая категорически противоречивые характеристики. То есть множество миров, не сочетающихся друг с другом, и возможно потому неприемлемых. Человечество вновь стоит перед выбором как «назвать новый мир», какими свойствами и признаками его наделять, каким его увидеть. Предлагаемые модели мироустройства несомненно будут разными в зависимости от субъекта, их продуцирующего, т.к. они исходят из своих образов мира. Однако, существует очевидная потребность договориться о некоем едином знаменателе, о неких контурах будущего мироустройства и, учитывая, что «международная система — продукт сотворения людьми совокупности идей и системы норм, созданных в конкретное время и в определенном месте» [1, с. 9], необходимо принять активное участие в формировании новой конфигурации данной системы.

Очевидно, что мировой порядок сегодня подвергается серьезным изменениям, которые коснулись всех сфер общества. Сложившаяся система не справляется с новыми вызовами и угрозами, не решает поставленных задач, демонстрируя раз за разом неэффективность существующих международных институтов. Представляется совершенно очевидным тот факт, что кризис либеральной модели прозападной глобализации подводит цивилизации Большой Евразии к необходимости обозначить «свою историческую цивилизационно-культурную сложность» [2, с. 12], предложить свою модель мироустройства, ведь по сути, это определенный долг цивилизаций, бремя выбора, решений и ответственности за них. Если позиция не будет озвучена и «обналичена», о дальнейшем существовании в качестве «цивилизаций» говорить не приходится. Жить по правилам, предложенным другими, подчиняться нормам, искажающим все основы морально-этического базиса, традиционных ценностей, служивших столпами при формировании социокультурного пространства это значит утратить свою идентичность и утратить право говорить о своих интересах. Принято считать, что история – следствие географии, но и национальное самосознание тоже продукт, основательно приправленный географией. Базируясь на знании истории и культуры, на исторической памяти и оценке как прошлого, так и настоящего, оно приводит к осознанию национальных интересов. Следует подчеркнуть, что, в свою очередь, национальные интересы формируются и выражаются под воздействием дихотомических тенденций: дифференциации и интеграции. Первая нацелена на потребность сохранения национальной самобытности, а вторая на расширение связей в различных сферах от культурной до политической. Фактически речь идет о поиске баланса, при котором национальные интересы могли бы быть удовлетворены в условиях открытого взаимодействующего мира, но без посягательств на идентичность.

В российском политическом дискурсе концепция многополярности была ярко и обоснованно представлена Е.М. Примаковым, который в свою бытность министром иностранных дел считал многополярность одной из основных тенденций развития международной жизни и предлагал конкретные механизмы реализации своей концепции. При несомненном уважении к личности и политической прозорливости Е.М. Примакова, новое время требует новых дефиниций. Опираясь на тот непреложный факт, что основы нового миропорядка

каждый раз закладывались после масштабных вооруженных конфликтов странами-победителями, следует признать: чтобы «международная система будущего оказалась стабильной и долговечной, в ней не должно быть принципиальных различий между победителями и побежденными», иначе возрастание количества кризисов неминуемо, учитывая учащающиеся нарушения баланса сил в мире.

Российский политолог А. В. Кортунов призывает искать будущее мирового порядка не в многополярности, а в многосторонности, утверждая, что данные термины содержательно различны. Выстраивание многополярности опирается на фактор силы, создавая блоки, балансирующие друг друга, в то время как многосторонность выстраивается на основе интересов и принципа взаимодополняемости друг друга. Поэтому в отличие от многополярного миропорядка, которому необходимо периодически корректировать баланс сил, многосторонний развивается «путем накопления элементов взаимозависимости и выхода на новые уровни интеграции» [3].

На этапе регионализации, сменившей глобализацию, актуализировалась идея евразийской интеграции, которая вполне отвечает принципам многостороннего миропорядка и может достойно эволюционировать в данном направлении, что в той или иной мере обосновывается созданием и укреплением евразийского экономического пространства. Впрочем, справедливости ради стоит отметить, что здесь сыграли роль и некие общие тенденции и логика развития евразийского экономического пространства соответствует духу времени и утверждениям экспертов и исследователей о том, что XXI век будет «веком регионализма, формирования нескольких центров развития, широкого применения в мировой торговле национальных валют и расширения их конвертируемости» [4, с. 15-16].

Важно отметить, что евразийская интеграция сопровождается формированием региональной идентичности, в рамках которой решается ряд важных задач. Прежде всего речь идет о консолидации позиций по отношению к глобальным структурам и процессам. Второе, но не менее важное создание целого комплекса национальных интересов, имманентно присущих странам региона.

Наряду с этим, параллельно «осознание региональной идентичности способствует стабилизации многополярного мира, снижая вероятность возрождения однополярности и биполярных структур» [4, с. 19], и это задача не менее важна чем две предыдущие.

Рассматривая большое евразийское партнерство как «мегапроект, инициированный Россией с целью объединения уже существующих региональных объединений и проектов (СНГ, ШОС, ЕС, ЕАЭС, китайский «Пояс и путь», Индо-Пацифика и др.)», российские исследователи отмечают, что в этой связи «первоочередной задачей становится выработка, в частности, принципов геополитического прогнозирования и работы с большими данными, с целью синхронизации противоречивых по своей природе и интересам акторов интеграционных процессов в Большой Евразии» [5, с. 413].

Представляется интересным вывод о том, что «фундаментальный аргумент в пользу евразийской интеграции обеспечивают не только исторические прецеденты успешной интеграции, но и новейшие научные открытия» [2, с.10]. Фактически это дает дополнительные основания полагать что «заложный еще в древнем прошлом и устремленный в будущее евразийский мегапроект имеет хорошие перспективы» [2, с.11], а на деле это означает «неустанные, целенаправленные благородные и благотворные совместные усилия по обеспечению процветания и устойчивого развития народов, их общностей, всех жителей Большой Евразии при соблюдении жизненно важных интересов всех стран-партнеров, уважении их национальной идентичности и идеалов» [2, с.11]. Данные выводы экспертов Клуба «Аналитика», сделанные в 2017 году, не потеряли своей актуальности и значимости и по сей день.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Начало евразийского сюжета в контексте современных интеграционных тенденций можно обозначить 1994 годом, однако за прошедшие три десятилетия, учитывая серьезные турбулентные процессы на территории евразийского пространства и во всем мире, экономические, геополитические, социокультурные элементы евразийской интеграции подвергались серьезным испытаниям на прочность, а ее развитие шло неравномерно и в замедленном темпе.

Сегодня международное сообщество столкнулось с необходимостью сформировать нормативно-правовую основу мировой политики и международных отношений, обозначить

новые базисные контуры миропорядка и границы допустимого с учетом адаптационного максимума. Ему придется выступать в качестве модератора для выстраивания многоуровневого баланса интересов (в региональном и глобальном формате), проявлять гибкость в интеракции, предусмотрительность при выстраивании новых контуров и «границ». Определиться с переменными и действовать в контексте синергетического измерения в интересах эволюции.

Важно подчеркнуть, что цели, обозначенные в уставных документах ЕАЭС и в актах, регламентирующих его деятельность (в частности, «Основные направления экономического развития ЕАЭС до 2030 г.») полностью соответствуют задачам устойчивого развития, логике эволюции, а значит евразийская интеграция жизнеспособна и имеет право на участие в создании многообразной, многоцветной, мозаичной картины нового мира.

Список источников и литературы

1. Алексеева Т.А. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир // Сравнительная политика т. 5. № 1(14) 2014. С. 4-21. ISSN: 2221-3279.

2. Большая Евразия—2030: аналитика развития, безопасности и сотрудничества. Основные тезисы доклада Клуба «Аналитика» на IV Международной научно-практической конференции «Аналитика развития, безопасности и сотрудничества: Большая Евразия — 2030». М., 2017. 96 с.

3. Кортунов А.В. Почему мир не становится многополярным // Россия в глобальной политике. 26.06.2018. <https://globalaffairs.ru/articles/pochemu-mir-ne-stanovitsya-mnogopolyarnym/?ysclid=lnggwov4gx260378546>

4. Евразийская интеграция в турбулентном мире / отв. ред. Л. Б. Вардомский. СПб., 2019. 288 с.

5. Советская цивилизация и евразийская идея: две истории длиною в век. Коллективная монография / Под ред. доктора филос. наук, проф. И. Ф. Кефели. СПб., 2021. 532 с.

Бахтуридзе Зейнаб Зелимхановна, д. полит. н., доцент, профессор Высшей школы международных отношений Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, e-mail: bahtur_zz@spbstu.ru

EURASIAN CONTOURS OF THE FUTURE WORLD ORDER

Bakhturidze Z.Z.¹

¹ Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University, Saint-Petersburg, Russian Federation

Transformation processes and the formation of a new world order lead to the need to search for new approaches and awareness that occurs in a particular context. In this direction, the author considers it necessary to focus on the Eurasian plot and consider how it can be realized in the new world political reality and what role can play in the new structure. Thinking about the main trends in the formation of a new world order, about conflicting factors, on the basis of which it is difficult to build a stable system, it should be noted that the idea of Eurasian integration should be implemented as part of a multilateral world, organically woven into a mosaic picture of the world order. Save identities, but not fenced from the rest of the world, but being an open space for those new ideas and actions that are part of the evolutionary process in a synergic dimension.

Key words: Eurasian space, transformational processes, integration, regionalization, identity.

Bakhturidze Zeynab Zelimkhanovna, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of Higher School of International Relations, Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University; e-mail: bahtur_zz@spbstu.ru

УДК 332.3

ПОЛИТИКА УПРАВЛЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫМИ РЕСУРСАМИ В РЕСПУБЛИКЕ ВЬЕТНАМ

Богданов В.Л.¹, Малинин В.Э.², Динь Тхи Хонг Туен¹

¹Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Санкт-Петербург, Россия

²Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия

В статье приводятся основные положения современной земельной политики во Вьетнаме. Рассмотрены основные законы по использованию земли. Представлена организационная система землеустройства. В статье рассмотрены существующие категории земель по целевому назначению. В ней представлены основные документы по учёту земель в республике. Даны предложения по улучшению использования земель в республике Вьетнам. В республике Вьетнам

земельные ресурсы находятся в государственной собственности. Все организации, домохозяйства и частные лица во Вьетнаме не имеют права собственности на землю, а только права землепользования. Землепользование организаций и физических лиц формируется на основе государственного предоставлении земли в землепользование и аренды земли. Поэтому экономическое и социальное развитие зависят от эффективности политики управления этим природным ресурсом. Политика государственного управления земельными ресурсами включает решение по планированию, разработке планов землепользования, механизма приобретения земли и распределение земли. Поэтому в республике были приняты законы о земле. Для разграничения и эффективности землепользования были приняты категории земель. Разработана структура управления земельными ресурсами. Кроме того, в стране были приняты документы учёта земель. Все эти мероприятия позволили сформировать в стране эффективную политику управления земельными ресурсами. В результате исследований были использованы следующие методы: диалектический, монографический, индукции, дедукции, анализа и синтеза, экономико-статистический.

Ключевые слова: Вьетнам, земельная политика, государственное управление, землепользование, категории земель, кадастр.

ВВЕДЕНИЕ

Во Вьетнаме земельные ресурсы играют важную роль. Они являются основой и предпосылкой создания всех материальных благ. Землю можно отнести к незаменимым природным ресурсам, так как отсутствуют альтернативные ресурсы, способные удовлетворить первостепенные человеческие потребности. В сельском и лесном хозяйстве получение продукции непосредственно связано с качественным состоянием среды, с характером и условиями её использования. Земля в республике Вьетнам является чрезвычайно ценным национальным ресурсом, особым средством производства, ведущим важным компонентом жилой среды, распределением жилых районов, строительством экономических баз. Во Вьетнаме землеустройство всегда был ключевым инструментом реализации государственной земельной политики.

Вьетнам был полностью освобожден от Американской колонизации 30 апреля 1975 года. Южный и Северный Вьетнам объединились в одну страну. В результате республика приступила к этапу экономического развития и преодолению тяжелых последствий войны. Земельная политика Вьетнама имеет следующее содержание:

- улучшение кооперативных полномасштабных общин;
- восстановление производственных отношений с учреждением консорциума, уполномоченного передать земли хозяйств в государственный консорциум для производства на нужды общества;
- совершенствование управления сельскохозяйственными кооперативами с выполнением ряда работ по отводу сельскохозяйственных производств для фермеров.

В период с 1976 по 1980 гг. сельскохозяйственное производство в стране значительно упало в результате ежегодно государство вынуждено импортировать дополнительно 1 млн тонн продовольствия. В этой ситуации обратили внимание на низкую эффективность использования земли в стране. В 1980 г был принят «Закон об использовании земли», который был внесён в Конституцию страны. Статья 19 Конституции 1980 года уточняла: «земля принадлежит всему народу». Так как вся эта земля во Вьетнаме принадлежит всему народу, то государство объединило ее управление. Другие формы собственности на землю законом не поддерживались [1]. Все организации, домохозяйства и частные лица не имеют права собственности на землю, а только права землепользования. Землепользование организаций и физических лиц формируется на основе государственного предоставлении земли в землепользование и аренды земли. Кроме решения вопроса о праве землепользования на землю сельскохозяйственного назначения, закон имеет ряд нормативных актов по использованию земель несельскохозяйственного назначения: земли строительства, земли транспорта, земли организаций, земли обороны, земли культуры.

В 1979 г. в стране было образовано генеральное управление землеустройства, которому подчинены комиссии правительства. Оно занималось унификацией управления земельными ресурсами на территории страны с целью развития производства, охраны земель и окружающей среды, экономического, рационального и высокоэффективного использования всех категорий земель.

Организационная система землеустройства включала:

- 1) на центральном уровне – Генеральное управление землеустройства было подчинено комиссии правительства;
- 2) на провинциальном уровне – землеустроительному комитету;

- 3) на уездном уровне землеустроительный отдел принадлежал народному комитету уезда, одновременно управлялся комитетом землеустройства провинции по специальности и профессии.

В результате земельной реформы во Вьетнаме по целевому назначению были приняты следующие категории земель [2,3]:

1. Сельскохозяйственные земли в том числе: земли сельскохозяйственного производства, земли лесного фонда, земли под аквакультурами, производства соли, прочие сельскохозяйственные земли.
2. Земли населённых пунктов.
3. Земли водного фонда.
4. Религиозные земли.
5. Специальные земли.
6. Земли кладбищ
7. Прочие несельскохозяйственные земли

Во Вьетнаме система управления земельными ресурсами делится на два уровня:

1. Управление земельными ресурсами на центральном уровне.

Правительство унифицирует государственное управление земельными ресурсами в целом по стране. Министерство природных ресурсов и окружающей среды несет ответственность перед правительством за единое государственное управление земельными ресурсами. Соответствующие министерства и ведомства в рамках своих задач и полномочий оказывают содействие правительству в государственном управлении земельными ресурсами.

Министерство природных ресурсов и окружающей среды принимает на себя основную ответственность и координирует свою деятельность с Министерством внутренних дел при определении функций, задач и организации структуры местных органов управления земельными ресурсами и задач коммунальных кадастровых государственных служащих.

Главное управление по управлению земельными ресурсами – это организация, непосредственно подчиняющаяся Министерству природных ресурсов и окружающей среды. Она выполняет функции консультирования и оказания помощи министру природных ресурсов и окружающей среды в государственном управлении и реализации земельного законодательства в сфере по всей стране; руководит и организует осуществление государственной службы в рамках государственного управления общего департамента в соответствии с законодательством.

2. Управление земельными ресурсами на местном уровне.

Народные комитеты на всех уровнях отвечают за государственное управление землей в своих населенных пунктах в соответствии с их компетенцией, предписанной Законом о земле 2013 года.

Народные комитеты на уровне провинций и народные комитеты на уровне районов должны создавать организационные структуры для управления земельными ресурсами в своих населенных пунктах; районные народные комитеты должны организовывать кадастровых чиновников в коммунах и поселках для обеспечения выполнения своих задач.

В соответствии с Указом № 43/2014 / ND-CP, местные агентства по природным ресурсам и окружающей среде, в том числе департамент природных ресурсов и окружающей среды, отдел природных ресурсов и окружающей среды и Управление регистрации земли, уполномочены выполнять ряд задач в области государственного управления земельными ресурсами [4,5].

Согласно положениям действующего закона, земля Вьетнама принадлежит всему народу, государство является представителем собственника. Поэтому во Вьетнаме нет концепции собственности на землю. Физические и юридические лица имеют только право пользования землей. Государственная регистрация прав на землю включает 2 этапа:

1. Регистрация земли впервые.
2. Регистрация изменения земли.

Регистрация земли впервые является первой реализацией процедуры признания правового статуса прав землепользования, владения домами и другие объектами недвижимости в земельных реестрах. Регистрация земли впервые производится, когда земельный участок используется, но еще не зарегистрирован. Земельный участок может быть сдан в аренду государством, а также в пользование.

В результате регистрации впервые земли, полученной землепользователем, выдается свидетельство о праве землепользования, а также собственности на дома и другие объекты

недвижимости. Свидетельство о праве землепользования является документом, удостоверяющим право землепользования с момента регистрации на земельный участок и земельную долю при совершении сделок: передаче права землепользования, залога, аренды, а также осуществлении иных действий по распоряжению земельными участками, в соответствии с действующим законодательством.

Свидетельство о праве землепользования, собственности на дома и другие объекты недвижимости состоит:

- 1) информация о землепользователях;
- 2) информация о земельных участках, домах и другом объекте недвижимости, прикрепленных к земле;
- 3) схема земельного участка, дома и другого объекта недвижимости, прикрепленного к земельному участку;
- 4) изменения после выдачи свидетельства о праве землепользования, собственности на дома и другие объекты недвижимости.

Регистрация изменения земли – это выполнение процедур по регистрации изменений одного или нескольких данных, зарегистрированных в земельном кадастре, в соответствии с законом.

Регистрация изменения земли производится при:

- передаче права землепользования (передача права землепользования означает наделение лица правом землепользования другого землепользователя);
- передаче арендованного земельного участка в субаренду;
- наследовании, дарении земельных участков;
- изменении целевого назначения земельного участка.

В период с 1994 по 2002 году согласно постановлению Правительства Вьетнама в стране было образовано Генеральное управление земельного кадастра на основе присоединения двух органов Генерального управления землеустройства и службы геодезии и картографии.

Вся информация о регистрации земли, дома и другого объекта недвижимости, прикрепленного к земельному участку, регистрируется, хранится и обновляется в базе данных о земле (для коммун/общин, которые разработали базы данных о земле) или в земельных реестрах (для коммун/общин, которые не разработали базы данных о земле).

Кадастровые записи ведутся по административным единицам каждой коммуны, включая следующие документы: кадастровые карты [6], которые показывают точное положение границ; площадь и некоторую кадастровую информацию, правовой статус земельного участка; кадастровый реестр (запись сведений о землепользователях), кадастровый паспорт земельного участка (запись сведений о земельном участке), копия свидетельства о праве землепользования. Для регистрационной записи используют кадастровый номер. Он содержит информацию о земельном участке, в том числе: номер земельного участка, площадь земельного участка, код категорий земель.

Для коммун, которые не создали базу данных о земле, существуют дополнительные книги для отслеживания изменений (для записи изменений в землепользовании в процессе землепользования).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Применение в стране Земельного законодательства с 2013 г, а также государственная политика по управлению земельными ресурсами позволило достичь многих важных результатов, таких как планирование землепользования, что создало важную правовую основу в изъятии земли, выделении земли, аренде земли.

2. В результате проведения эффективной государственной земельной политики во Вьетнаме улучшилась финансовая политика в отношении земли, что позволило увеличить доходы государственного бюджета. Реформа административных процедур в земельном секторе внесла положительные изменения, сократив административные процедуры.

3. Помимо достигнутых результатов по реализации земельной политики в стране в настоящее время имеется много ограничений и недостатков. Земельные ресурсы не эксплуатируются, не используются в полной мере, что сдерживает социально-экономическое развитие, использование земли во многих местах по-прежнему расточительно и неэффективно.

4. Процесс накопления и концентрации земель в сельском хозяйстве происходит медленно, а нарушения земельной политики и законов являются довольно обычным явлением и

т. д. Причина этому земельная политика и законы все еще не завершены и асинхронны, что требует их изменения, дополнения и совершенствование.

Список источников и литературы.

1. Законодательный процесс Вьетнама. [Электронный ресурс] -<https://thuvienphapluat.vn/van-ban/bo-may-hanh-chinh/Hien-phap-1980-Cong-hoa-Xa-hoi-Chu-Nghia-Viet-Nam-36948.aspx>.
2. Социалистическая Республика Вьетнам. Земельный закон (издание 14 июля 1993 г.) [Электронный ресурс] -<https://thuvienphapluat.vn/van-ban/bat-dong-san/Luat-Dat-dai-1987-3-LCT-HDNN8-37467.aspx>.
3. Ковязин, В.Ф. База данных земельного кадастра во Вьетнаме / В. Ф. Ковязин, Т. С. Нгуен // Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 30 сентября 2017 года, г. Смоленск, 2017. – С. 24–25.
4. Постановление Правительства от 04 апреля 2017 года №36 «Положение о функциях, обязанности, полномочиях и организационной структуре министерства природных ресурсов и окружающей среды. // Национальное собрание «Юридическая библиотека» М., 1987. [Электронный ресурс] - <https://thuvienphapluat.vn/>.
5. Ковязин, В.Ф. Управление земельными ресурсами в республике Вьетнам / В. Ф. Ковязин, Т. С. Нгуен // XII Всероссийская научно-практическая конференция // XII Всероссийская научно-практическая конференция «Новые технологии при недропользовании». Сборник научных трудов. СПб, РИЦСПбГУ. – 2016. – С. 86–88.
6. Циркуляр Министерства природных ресурсов и окружающей среды от 2 июня 2014 г. № 28 «О земельной статистике, инвентаризации и составлении карты существующего землепользования»// Национальное собрание «Юридическая библиотека». М., 2014. [Электронный ресурс] - <https://thuvienphapluat.vn/>. (дата обращения: 31.01.2021).

Богданов Владимир Леонидович, д. биол. н., профессор Санкт-Петербургского государственного аграрного университета, e-mail: Lab.naz.eco@gmail.com

Малинин Валерий Эдуардович, начальник Управления научной работы Северо-Западного института управления РАНХиГС, e-mail: malinin.ve@ranepa.ru

Динь Тхи Хонг Туен, магистрант Санкт-Петербургского государственного аграрного университета, e-mail agro@spbgau.ru

LAND MANAGEMENT POLICY IN THE REPUBLIC OF VIETNAM

Bogdanov V.L.¹, Malinin V.E.², Dinh Thi Hong Tuyen¹

¹St. Petersburg State Agrarian University, St. Petersburg, Russia

²North-West Institute of Management RANEPА, St. Petersburg, Russia

The article presents the main provisions of modern land policy in Vietnam. The basic laws on the use of land are considered. The organizational system of land management is presented. The article presents existing categories of land according to their intended purpose. The main documents on land registration in the republic are considered. Proposals are given to improve the use of land in the Republic of Vietnam. In the Republic of Vietnam land resources are state owned. All organizations, households and individuals in Vietnam do not have land ownership rights, but only land use rights. Land use of organizations and individuals is formed on the basis of state provision of land for land use and land lease. Therefore, economic and social development depend on the effectiveness of management policies for this natural resource. Government land management policies include planning decisions, development of land use plans, land acquisition mechanism and land distribution. Therefore, land laws were adopted in the republic. Categories of land were adopted for the delimitation and efficiency of land use. A land management structure has been developed. In addition, land registration documents were adopted in the country. All these activities made it possible to formulate an effective land management policy in the country. As a result of the research, the following methods were used: dialectical, monographic, induction, deduction, analysis and synthesis, economic and statistical.

Key words: Vietnam, land policy, public administration, land use, land categories, cadastre.

Bogdanov Vladimir Leonidovich, Doctor of Biological Sciences, Professor of St. Petersburg State Agrarian University; e-mail: Lab.naz.eco@gmail.com

Malinin Valery Eduardovich, Head of the Management of scientific work, North-West Institute of Management RANEPА; e-mail: malinin.ve@ranepa.ru

Dinh Thi Hong Tuyen, Master's student, St. Petersburg State Agrarian University; e-mail agro@spbgau.ru

УДК 332.76

ВАКФ И ЕГО ХАРКТЕРИСТИКИ КАК ФАКТОР В ОПРЕДЕЛЕНИИ ПРАВ СОБСТВЕННОСТИ И НАЗНАЧЕНИИ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА НА НАЦИОНАЛЬНОМ И МЕЖГОСУДАРСТВЕННОМ УРОВНЯХ

Бриско А.В.¹

¹ Международный центр изучения политического ислама, Брно, Чехия

Статья посвящена теме вакфа как элемента исламской финансовой системы и его характеристикам неотчуждаемости, бессрочности и безотзывности. Авторы приводят примеры использования вакфа в национальных и межгосударственных диспутах, связанных с территориальной принадлежностью объектов недвижимости. В статье делается вывод о том, что вакф сохраняет присущие ему свойства и является живым и действующим в современной мире правовым и финансовым институтом, что отражается в стремлении законодательного закрепления этого института как в исламских, так и в светских странах.

Ключевые слова: собственность, исламское право, политический ислам, исламские финансовые институты, вакф (вакуф), неотчуждаемость

В данной статье приводятся результаты исследований концепции вакфа в рамках функционирования исламской финансовой системы. При исследовании явления вакфа была поставлена цель выявить характеристики неотчуждаемости, бессрочности и безотзывности вакфа с применением как эмпирического, так и нормативного подходов [1].

В настоящее время в мире насчитывается более 300 исламских финансовых институтов [2]. На начало 2020 года объем индустрии исламских финансов составил более 2,9 трлн. долл. США, что означает более чем двукратный рост за последние 10 лет [3]. Как правило, финансовые институты делят на две основные группы: институты банковской системы и небанковские финансовые посредники (страховые организации, пенсионные фонды, финансовые компании и проч.) [4]. Вакф или его отдельные элементы могут быть использованы в работе исламских банков, страховых компаний, благотворительных фондов и др [5].

В терминологии шариата вакф (араб., буквально «удержание») – это дозволенное движимое и недвижимое имущество, отказанное в соответствии с мусульманским правом государством или отдельным лицом на религиозные или благотворительные цели при условии его сохранения, и не могущее быть предметом частной собственности [6].

Возникновение концепции вакфа и его последующая институционализация обязаны нормативной практике пророка Мухаммеда, которая зафиксирована главным образом в форме сборников преданий из его жизни (араб. «хадис») [7].

Правовая оценка имущества в целом определяется не только Сунной Мухаммеда, но и кораническими предписаниями, согласно которым Аллах является в самом полном смысле хозяином всего мирского [8, 20:6, 5:120], при этом выступая верховным распорядителем, который обозначает условия реализации прав собственности на имущество, следит за соблюдением данных условий, а также наделяет определенное имущество большей или меньшей ценностью или полностью лишает его таковой [9, с. 456]. Исламские критерии в отношении оценки и правового статуса имущества придают этому юридическую значимость.

Согласно Корану 9:34, накопление богатства без поддержки того, что делается во имя Аллаха, строго наказуемо. В то время как посвящение имущества на исламские цели, именуемые благотворительностью, будет являться формой служения Аллаху [10, с. 664], а непрекращающаяся благотворительность (араб. «садака джария»), к категории которой причисляется вакф, переживёт самого человека [11, с. 28-30].

Наиболее ранней исторической предпосылкой для формирования института вакфа можно считать приобретение пророком Мухаммадом земли в Медине и строительство на ней мечети, известной в наши дни как Мечеть Пророка [12, с. 220], в то время как первым учредителем вакфа можно считать Омара ибн аль-Хаттаба, одного из ближайших сподвижников Мухаммеда [13, с. 25]. Именно он фигурирует в хадисе №21 из книги 25 корпуса достоверных хадисов Аль-Муслима, на основании которого были закреплены некоторые из свойств вакфа [14].

Согласно шариатским стандартам Организации бухгалтерского учёта и аудита исламских финансовых учреждений (AAOIFI), существует несколько типов вакфа, среди которых наиболее важными считаются благотворительный вакф, семейный вакф, совместный вакф и вакф,

посвящённый дарителю до момента его смерти [15, с. 815]. Одним из отличительных признаков вакфа, за некоторыми исключениями, является его свойство бессрочности [15, с. 816].

В исследовании Сабита М.Т. и Мар Имана А.Х. также фигурируют такие признаки вакфа, как безотзывность, бессрочность и неотчуждаемость [16].

Безотзывность означает отсутствие у вакифа (лица, передающего своё имущество в вакф) права отозвать свое пожертвование в любое время.

Бессрочность описывается арабским термином «вечность» и имеет нижеследующее содержание. Во-первых, как только жертвователь объявляет вакф, последний автоматически вступает в юридическую силу. Во-вторых, этот вакф не может быть ограничен временным промежутком. В-третьих, предмет вакфа должен оставаться таковым навсегда [17, с. XI].

Российские исследователи также обращают внимание на искомые характеристики вакфа, подчеркивая, что на статус этого имущества не может повлиять даже государство [18, 19].

Как отмечает Беккин Р.И, в современном мире вакф имеет не только экономическое, но и политическое значение [20]. Помимо этого, вакф фигурирует в качестве основания для вмешательства в вопросы собственности территорий иностранных государств.

Так, ссылаясь на передачу территории, прилегающей к Западной Стене, в вакуфный фонд в 1193 году [21], в 1930 году международная комиссия Лиги Наций постановила, что стена и ряд других территорий, принадлежит мусульманскому вакфу [22]. В дополнение к этому, высокопоставленный египетский исламский авторитет, муфтий Наср Фрайд Вассел обозначил право владения данной территорией, заявив, что стена будет принадлежать мусульманам всего мира «до скончания времён» [23].

В Индии Совет вакфов в настоящее время является третьим по величине землевладельцем в стране. Этот центральный орган наблюдает за работой различных государственных советов вакуфов, которые были созданы в соответствии с положениями статьи 9 (1) Закона о вакуфах 1954 года [24]. Сегодня в стране насчитывается до 30 советов вакуфов.

В сентябре 2022 года Совет вакфа штата Тамилнад заявил о своих правах на семь индуистских деревень в штате, а также на 1500-летний индуистский Храм Минакши в городе Мадурай. Также, совет суннитского вакфа ведет судебную тяжбу против Археологической службы Индии (ASI) за право собственности на культовый памятник Тадж-Махал. Сообщается также и о других громких судебных делах по переводу земель в вакуфную собственность [25].

Верховный суд Палестины отменил указ о передаче территории Троицкого монастыря со знаменитым Мамврийским дубом в Хевроне Русской Православной Церкви, ссылаясь на вакуфный статус земли, присвоенной ей с VII века и обнуляющий любые решения властей относительно права владения данной территорией, так как при любой власти действие вакфа отменить нельзя. Это произошло несмотря на то, что данная земля была выкуплена РПЦ [26].

Хабудинов А. в своей статье «Развитие религиозных институтов – залог сохранения уммы» утверждает, что «на современном этапе восстановление вакфов должно прежде всего произойти через возвращение вакуфного имущества, конфискованного советским режимом» и призывает к регулированию вакуфной собственности на федеральном уровне [27]. Президент Фонда «Вакф Республики Татарстан» в 2016 году заявил о том, что «они предпринимают все необходимые усилия для возвращения собственности, которая в дореволюционное время принадлежала мечетям» [28]. Результаты деятельности Фонда на 2022 год: с момента создания Духовным управлением мусульман РТ в 2011 году фонда «Вакф Республики Татарстан» в собственность уммы Татарстана оформлено 1592 объекта, 84 из них – объекты культурного наследия религиозного назначения (здания мечети, медресе, дом имама) [29]. Таким образом, вакф – это живой и действующий в современном мире правовой институт и финансовый инструмент.

При проведении сравнительно-правового исследования было проанализировано девять законодательных актов по следующим странам: Турция, Индонезия, Малайзия, Индия, Польша, Россия. Правовое закрепление таких признаков вакфа, как безотзывность, бессрочность и неотчуждаемость, можно проследить в законодательстве различных стран.

В Турции термины «фонд» и «вакф» («вакиф») используются на взаимозаменяемой основе [30]. Ст.130 Конституции 1982 г. дает право на формирование фонда. Определение фондов дается в ст. 101 Гражданского кодекса Турции (Закон №4721): «Благотворительные объединения со статусом юридического лица, основанные физическими или юридическими лицами, отдающими свою частную собственность и права на определенные и постоянные цели» [31].

В Индонезии Закон №41 от 2004 г. о вакфе и Акт о денежном вакфе от 2009 г. определяют вакф как это юридически значимое действие вакифа по выделению и/или дарению части своей собственности для использования навечно или в течение определенного срока в богоугодных целях и/или для достижения общего благоденствия на основании закона шариата (ст. 1 ч. 1) [32].

В Малайзии Федеральный закон, раздел 25 Гражданского кодекса от 1956 г. наделяет каждый из тринадцати штатов и одной федеральной территории полномочиями разрабатывать и внедрять свои положения о введении в действие положений о вакфе. Как правовые акты, так исудебная практика поддерживают свойство безотзывности действий по передаче собственности в вакф. В соответствующих актах штатов подчеркивается, что вакф не подлежит передаче (с соблюдением некоторых условий). Например, в разделе 4 правоприменительного акта Селангора о вакфе сказано: (2) вступивший в силу вакф не может быть продан или передан вакифом и не может быть никем унаследован. В Малайзии свойство неотчуждаемости вакфа поддерживается всеми штатами, за исключением Келантана. Например, раздел 4 (2) правоприменительного акта Селангора 1999 [33] устанавливает, что вся собственность передается меджлису, и запрещает передачу прав на имущество, выделение или отчуждение собственности, если это хоть как-то может повлиять на вакф [32].

В Индии были разработаны и вступили в силу ряд законов: Закон о вакфе от 1954 г. (с изменениями), Закон о вакфе 1995 г. и Закон о внесении изменений в Закон о вакфе от 2013 г. Определение вакфа согласно Дополнительному узаконению мусульманского вакфа от 1913 г. – «окончательная передача человеком, исповедующим мусульманскую веру, собственности любого рода на цели, определяемые мусульманским законом как религиозные, добродетельные или благотворительные».

Закон о вакфе от 1954 года дает следующее определение: «Вакф – это окончательная передача лицом, исповедующим ислам, движимого или недвижимого имущества на цели, определяемые мусульманским законом как религиозные, добродетельные или благотворительные».

Среди светских стран интересный пример представляет собой Польша, в котором вакф фигурирует в Законе от 21 апреля 1936 г. Согласно ч.1 ст. 44 вышеуказанного закона «недвижимое имущество, которому были присвоены признаки вакфа, является собственностью Мусульманского религиозного объединения в целом, не подлежащей приобретению в результате пользования, обременению, аресту, продаже с аукциона и какому-либо отчуждению, кроме обмена на другое недвижимое имущество, сделанное с согласия министра по делам религий и народного просвещения по согласованию с министром финансов и министром сельского хозяйства и сельскохозяйственных реформ» [34].

Ссылаясь на выводы Камарудина З. и Сайеда Абдула Кадера С.З., можно утверждать, что в неисламских странах есть три варианта создания вакфов: формирование вакфов на базе общин (например, Англия), путем частичного регулирования вакфа посредством специальных законов, касающихся регулирования личного права мусульман в стране (например, Сингапур), и путем регулирования вакфов посредством применения национального законодательства о вакуфах, создания центрального органа для вакуфного имущества и последующего формирования государственных советов вакфов на уровне регионов или штатов (например, Индия) [33].

Харасани Х. проводит параллели между исламскими вакфами и английскими трастами [35]. Таким образом, можно сделать вывод, что в светских странах вакуфная собственность может официально подпадать под действие норм других правовых институтов, при этом в реальной жизни по возможности сохраняя свойства бессрочности и неотчуждаемости, которые противоречат светскому праву [36].

Что касается Российской Федерации, в Татарстане в 1999 году был принят республиканский Закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», куда был включен пункт о вакуфном имуществе и его неотчуждаемости. В феврале 2008 года генпрокурор республики обнаружил несоответствие между этим пунктом и федеральным законодательством. Положение о вакуфном имуществе было сохранено, однако при этом в документе сказано, что данная сфера регулируется федеральным законодательством [37]. Наблюдались неоднократные попытки ввести термин вакуфного имущества в федеральный закон, однако безуспешно [38, 39].

На основании данных из Единого государственного реестра недвижимости (сбор данных проводился в июле 2023 года) в РФ насчитывается семь действующих вакуфных организаций и девять ликвидированных. Необходимо отметить, что выборка производилась только по зарегистрированным организациям, в названии которых встречались ключевые слова «вакф» или

«вакуф». При этом известно, что многие исламские организации, не имеющие этих слов в названии, по факту имеют вакуфное имущество. Так, исторически, вакф в форме недвижимости передавался в собственность мечети навечно [40]. Этим объясняется формальное отсутствие обособленных вакуфных организаций во многих исламских и неисламских регионах России. Создание отдельных вакуфных организаций может говорить о стремлении превратить «внутреннюю» исламскую концепцию вакфа в официальный институт по светскому праву, узаконить правовой статус вакуфного имущества с характеристиками, присущими ему по шариату (безотзывности, бессрочности и неотчуждаемости).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вакуф является одним из финансовых институтов, основанных пророком Мухаммедом в XIII веке, и впоследствии получившим развитие усилиями его сподвижников. Вакуфное имущество должно использоваться исключительно в целях, допускаемых исламским законом, но при этом сам акт дарения имущества на исламские цели является благотворительным с одной стороны, однако, согласно Корану, отказ от благотворительной деятельности наказуем.

Результаты анализа основополагающих исламских текстов подтверждают наличие у вакфа таких свойств как неотчуждаемость, бессрочность и безотзывность, что создаёт существенные ограничения в области использования вакуфного движимого и недвижимого имущества и его адаптивности.

Согласно шариатским стандартам, вакуфный статус имущества не подлежит обсуждению и не может быть оспорен или подвергнут сомнению. Шариатские положения становятся определяющими в вопросах статуса вакфа. На их основании уже происходят серьёзные прецеденты возвращения вакуфной собственности исламскому сообществу в результате отмены фактов частной собственности и вмешательство иностранных государств в вопросы контроля над территориями.

Благодарности. Авторы выражают благодарность членам Международного центра изучения политического ислама за помощь в проведении исследований и подготовке к публикации его результатов.

Список источников и литературы

1. Рич Р. К. Политология. Методы исследования: Пер. с англ. / Предисл. А.К. Соколова. – М.: Издательство «Весь Мир», 1997. – 544 с.; Борншюлец К. П. Методы политических исследований. - М.: Аспект Пресс, 2010. - 230 с.
2. Гордеева О.Е., Львова Н.А. Исламские финансовые институты. Финансы и бизнес, изд. Проспект, 2009 (3).
3. Таштамиров М.Р. К вопросу об эффективности архитектуры исламского банкинга. Вестник ГНТУ. Гуманитарные и социально-экономические науки. ЧГУ, Грозный, Россия. Том: 17 Номер: 1 (23) Год: 2021. Стр. 40-46.
4. Финансы: учеб. / под ред. В. В. Ковалева. М., 2004. С. 451.
5. Беккин Р.И. Исламские финансовые институты и инструменты в мусульманских и немусульманских странах : особенности и перспективы развития : диссертация ... доктора экономических наук : 08.00.14 / Р.И. Беккин; [Место защиты: Ин-т Африки РАН]. Москва, 2009. 368 с.: ил. РГБ ОД, 71 10-8/41.
6. Шуремов Е. Л. Исламская экономика. Фундаментальные принципы экономической модели. «Издательские решения», ISBN 978-5-44-835000-9.
7. Сюкяйнен Л. Мусульманское право собственности: юридическое осмысление религиозных постулатов. - Россия и мусульманский мир, 2006. Номер 3 - 139-149 сс.
8. Коран. Перевод смыслов: Э.Р. Кулиев М.: Издательский дом "УММА", 2007. Издание 6-е, исправленное. — 688 с.
9. Ahmad ibn Naqib al-Misri, and Nuh Ha Mim Keller. Reliance of the Traveller: the Classic Manual of Islamic Sacred Law. Amana Publications, 1999.
10. Hughes, Thomas Patrick. A Dictionary of Islam. W. H. Allen & Co., 1885, 760 p.
11. Вакуфы в Турции: трансформация традиционного института = Waqfs in Turkey: Transformation of the Traditional Institution / П.В. Шлыков. — М. : Изд. дом Марджани, 2011. — 560 с.
12. Ishaq, Muhammad ibn. The Life of Muhammad. A translation of Ishaq's Sirat Rasul Allah with introduction and notes by A. Guillaume. Oxford: Oxford University Press, Thirteenth Impression, 1998, 815 p.
13. Harris Irfan "Heaven's bankers. Inside the hidden world of Islamic finance." Constable 2015
14. Sahih Muslim compiled by: Imâm Abul Hussain Muslim bin al-Hajjajaba Dar-us-Salam, 2007 King Fahd National Library Catalog-in-Publication Data Al-Imam Muslim, 2007
15. The Accounting and Auditing Organization for Islamic Financial Institutions Shari'ah Standards. / The Accounting and Auditing Organization for Islamic Financial Institutions.- Manama, 2015, 1262p
16. Sabit M.T., Mar Iman A.H. Obstacles of the Current Concept of Waqf to the Development of Waqf Properties and the Recommended Alternative. Department of Land Administration and Development and Centre for Real Estate Studies, 2006. (Available at:

https://www.researchgate.net/publication/344320667_Obstacles_of_the_Current_Concept_of_Waqf_to_the_Development_of_Waqf_Properties_and_the_Recommended_Alternative [accessed on 19 September 2022]).

17. Timur Kuran "Islam and Mammon. The economic predicaments of islamism." Tulika books, 2006
18. Айдагулов М.Ш. Российские вакфы: общемуусульманская традиция и региональный срез развития // Ислам в современном мире. 2007. № 9–10.
19. Набиев Р.А. Власть и религиозное возрождение. Серия «Культура, религия и общество», вып. 24. – Казань: Казан. ун-т, 2014. С. 115-116. ISBN 978-5-00019-186-6.
20. Беккин Р.И. Вақф как современный исламский финансовый институт // Pax Islamica. - 2009. - № 1 (2). - С. 146-161.
21. Harman, Graham. The Mufti and the Wailing Wall // A History of Palestine. — Princeton University Press, 2008.
22. Löfgren, Eliel; Barde, Charles; Van Kempen, J. Report of the Commission appointed by His Majesty's Government in the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, with the approval of the Council of the League of Nations, to determine the rights and claims of Moslems and Jews in connection with the Western or Wailing Wall at Jerusalem. UNISPAL doc A/7057-S/8427. February 23, 1968.
23. Wasserstein, Bernard. Annexation // Divided Jerusalem. — London: Profile Books, 2001
24. Тимофеева М.В. Вақфы в современной Индии: особенности организации и управления // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2013. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vakfy-v-sovremennoy-indii-osobennosti-organizatsii-i-upravleniya> (дата обращения: 11.07.2023).
25. How Waqf Boards have been insidiously encroaching upon and occupying various properties and claiming their right over them. 22 October, 2022. Internet edition OpIndia News. URL: <https://www.opindia.com/2022/10/21-instances-when-waqf-boards-india-illegally-encroaching-various-properties/> (дата обращения: 11.07.2023).
26. "За эту землю мы платили". Кто решит судьбу монастыря РПЦ в Хевроне. Портал ria.ru. Новости. 17 июня 2020 года. URL: <https://ria.ru/20200617/1573030412.html> (дата обращения: 25.08.2023).
27. Хабутдинов А. Развитие религиозных институтов – залог сохранения уммы. «Медина аль-Ислам», № 21, 2006. URL: https://idmedia.ru/books/history_culture/ramazan/1/vakf.htm (дата обращения: 01.05.2023).
28. Развитие института «Вақф» в России обсудили в Казани. Портал RussiaNow.com. Новости. 28 апреля 2016 года. URL: <https://russia-now.com/39586/развитие-института-вакф-в-россии-06/> (дата обращения: 01.05.2023).
29. 30 лет ДУМ РТ: в собственность уммы оформлено 1592 объекта недвижимости. IslamToday. Новости. 16 сентября 2022 года. URL: <https://islam-today.ru/novosti/2022/09/16/30-let-dum-rt-v-sobstvennost-ummy-oformleno-1592-obekta-vedvizimosti/> (дата обращения: 24.04.2023).
30. Sesli, F.A. (2010). Foundation administrations and foundation landownership in Turkey from past to present. African Journal of Business Management, 4(9), 1769–1777.
31. Haticce, K. (2011). Impacts of waqf law on the educational system in modern Turkey in Hussin R., Kader S.A., Yaakub N., Rusnadewi A. R., Marziana A.M. (2018) Preliminary Examination of the Regulatory Regime to Establish a Foundation University in Turkey. Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues, Vol. 21, Issue 4.
32. Tasdemir, M. et al. (2015). Governance Regulatory Framework for Waqf in Selected Countries. 2015. Published by The Participation Banks Association of Türkiye. (Available at: <https://tkbb.org.tr/Documents/Yonetmelikler/Governance-Regulatory-Framework-for-Waqf-in-Selected-Countries-Zurina-Shafii-Zamir-Iqbal-Mustafa-Tasdemir-2015.pdf> [accessed on 22 April 2023]).
33. Kamarudin Z. and Syed Abdul Kader, SZ (2016). External Constraints for Awqafin Non-Muslim Countries. 5th Awqaf Magazine Conference. Sydney: Islamic Markets. Available at: <https://islamicmarkets.com/publications/external-constraints-for-awqaf-in-non-muslim-countries>
34. Ograniczenia w obrocie ziemią a kwestia wakufu (2016). Źródło: Rzeczpospolita, Publicystyka, Opinie prawne. <https://www.rp.pl/opinie-prawne/art11052831-ograniczenia-w-obrocie-ziemia-a-kwestia-wakufu>
35. Harasani, H. (2015). Toward the Reform of Private Waqfs: A Comparative Study of Islamic Waqfs and English Trusts. Leiden, Netherlands: Brill - Nijhoff.
36. Jennings J. (2019). Book review: Toward the Reform of Private Waqfs: A Comparative Study of Islamic Waqfs and English Trusts. Journal of Muslim Philanthropy and Civil Society. Volume III. Number II. P. 89.
37. Станислав М. (2008). Вақф в законе. Независимая газета. 02.07.2008. URL: https://www.ng.ru/society/2008-07-02/5_vakf.html (дата обращения: 24.04.2023).
38. Набиев Р.А. Власть и религиозное возрождение. Серия «Культура, религия и общество», вып. 24. – Казань: Казан. ун-т, 2014. – 304 с. ISBN 978-5-00019-186-6. См. стр. 295-296.
39. Ахунов А. М. Попытки возрождения системы вакфов в постсоветском Татарстане. Проблемы современной экономики, N 4 (48), 2013. УДК 348:297; ББК 67.4+Х2(0)416. Стр. 431-432.
40. Шихаидов А.Р. Ибрагимова П.А. Вақф в Дагестане. // Успехи современного естествознания. – 2004. – № 7. – С. 97-99. URL: <https://natural-sciences.ru/ru/article/view?id=12963> (дата обращения: 24.04.2023).

Бриско Анна Викторовна, руководитель Российского отделения Международного центра изучения политического ислама; e-mail: anna.briscoe@cspii.org

WAQF AND ITS CHARACTERISTICS AS A FACTOR IN DETERMINING OWNERSHIP AND DESIGNATION OF REAL PROPERTY AT THE NATIONAL AND INTERSTATE LEVELS

Briscoe A.V.¹

¹ Center for the Study of Political Islam International, Brno, Czech Republic

This article is dedicated to the phenomenon of waqf as an element of the Islamic financial system and its characteristics of inalienability, perpetuity and irrevocability. The authors emphasize the relevance of this topic giving examples of the use of the concept of waqf in national and international disputes related to the territorial ownership of land plots and sites. The article

concludes that waqf retains its inherent properties according to Islamic doctrine and is a living and functioning in the modern world legal and financial institution, which is reflected in the aspiration to legislate it in both Islamic and secular countries.

Key words: waqf, ownership, Islamic law, Political Islam, Islamic financial institutions, inalienability, perpetuality.

Briscoe Anna Viktorovna, Director of Center for the Study of Political Islam International; e-mail: anna.briscoe@cspii.org

УДК [911.3 : 314.8.062] (478.9)

ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ И СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ ПРИДНЕСТРОВЬЯ

Бурла О.Н.¹

¹ Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь, Молдова

Отражены результаты анализа основных показателей естественного и миграционного движения населения Приднестровья в долгосрочном ретроспективном периоде. Выявлены тренды динамики численности населения республики. Дана оценка динамики некоторых показателей половозрастной, трудовой и семейной структуры населения в долгосрочном ретроспективном периоде. Указаны изменения территориальной организации населения и системы расселения Приднестровья. Приведены варианты демографического прогноза республики на среднесрочный период.

Ключевые слова: рождаемость, смертность, эмиграция, иммиграция, система расселения, урбанизация, воспроизводственный демографический потенциал.

ВВЕДЕНИЕ

Современное и перспективное развитие Приднестровской Молдавской Республики (ПМР, Приднестровья) находится в прямой зависимости от особенностей и трендов демографических процессов. Естественное и механическое движение населения, его структура, брачность и разводимость оказывают непосредственное воздействие на объем и структуру спроса, накладывают отпечаток на особенности занятости, продовольственную и экологическую ситуацию, политическое и административно-территориальное устройство, политическую и социально-экономическую стабильность.

Население - носитель научно-технического прогресса, знаний и производственного опыта, создатель материальных и духовных ценностей, важнейший фактор перспективной территориальной организации различных сфер общества, в первую очередь, транспорта, торговли, системы здравоохранения и образования.

Демографический потенциал следует рассматривать в качестве ведущей детерминанты, определяющей эффективность развития республики в обозримой перспективе. Все аспекты демографической ситуации должны учитываться как при решении текущих задач, так и при определении стратегии политического, социально-экономического развития и природопользования.

ОСНОВНОЙ ТЕКСТ

Демографическая ситуация, сложившаяся в Приднестровье, обусловлена влиянием геополитических и геоэкономических событий, а также особенностями внутреннего социально-экономического и политического развития республики в постсоветский период.

В конце 80-х – начале 90-х годов Приднестровье характеризовалось расширенным воспроизводством населения. В 1994 г. был зафиксирован простой тип воспроизводства населения, а с 1995 г. по настоящее время происходит суженное воспроизводство населения, отличительными чертами которого являются превышение смертности над рождаемостью и естественная убыль населения (табл. 1).

Таблица 1 Естественное движение населения ПМР, человек*

Год	Число родившихся	Число умерших	Естественный прирост (+),
-----	------------------	---------------	---------------------------

			естественная убыль (-)
1990-1993	39994	30096	+9898
1994	8349	8358	-9
1995-2000	34443	47768	-13325
2001-2005	23080	40286	-17206
2006-2010	25429	39568	-14139
2011-2015	24931	35843	-10912
2016-2020	20371	34237	-13866
2021	3144	8980	-5836
2022	2820	6518	-3698

*Расчитано по данным Государственной службы статистики ПМР

За 1990-2022 гг. абсолютная численность родившихся уменьшилось с 12043 до 2820 детей или в 4,27 раза [1; 5]. В 2000 г. смертность превысила рождаемость в 1,55 раза, в 2022 г. – в 2,31 раза.

Несмотря на небольшие размеры республики, наблюдаются значительные различия в естественном движении населения между городскими и сельскими поселениям (табл. 2).

Таблица 2 Динамика соотношения количества умерших и рожденных в городских и сельских поселениях ПМР, в %*

Тип поселений	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2020	2021	2022
Городские поселения	48,8	98,9	141,2	144,9	123,8	121,7	185,2	251,7	202,9
Сельские поселения	82,6	158,2	181,2	269,6	233,4	217,6	289,6	416,0	331,9

*Расчитано по данным Государственной службы статистики ПМР

Сложившаяся ситуация объясняется угасанием деловой активности во многих сельских поселениях, изменением специализации сельского хозяйства в направлении ограничения выращивания трудоемких культур, ростом уровня механизации сельскохозяйственных работ и оттоком из сельских поселений большого количества людей в репродуктивном возрасте. Как следствие, произошло уменьшение численности и старение населения сельских поселений, сокращение рождаемости и рост общей смертности.

Важнейшим индикатором демографической ситуации является инфантильная смертность, величина которой в значительной степени характеризует уровень развития стран (регионов). За 1990-2022 гг. абсолютное количество умерших детей в возрасте до 1 года сократилось с 224 до 14, а в относительных показателях – с 18,6% до 3,0% [1; 5]. Величина относительного показателя инфантильной смертности соответствует уровню аналогичных показателей высокоразвитых стран.

На демографическую ситуацию в Приднестровье значительное влияние оказывает внешняя миграция. В советский период регион характеризовался положительным сальдо миграции, что обуславливалось высоким уровнем жизни, экономической стабильностью, благоприятными природными условиями.

Распад СССР, дестабилизация политической и экономической ситуации, военная агрессия Молдовы против ПМР обусловили отрицательное сальдо миграции в 1992 г. В 1993 г. было зафиксировано положительное сальдо миграций, которое носило компенсационный характер после военно-политических событий 1992 г. Определенный поток иммигрантов в Приднестровье был вызван этнической политикой в Республике Молдова, обусловившей отток русскоязычного населения.

Интенсивная эмиграция приводит к существенным диспропорциям в половозрастной, профессиональной, социальной и территориальной структурах населения.

В условиях интенсивной трудовой эмиграции произошла также деформация семейных ценностей, проявляющаяся в значительном количестве разводов, сокращении количества браков, увеличении внебрачной рождаемости и количества неполных семей.

До середины 90-х годов XX в. для Приднестровья была характерна положительная динамика численности населения. С 1995 г. наблюдается устойчивый тренд сокращения численность населения региона. По данным Государственной службы статистики республики, с

1 января 1995 г. по 1 января 2023 г. численность населения ПМР сократилась с 639,0 тыс. человек до 459,8 тыс. человек [1; 5].

Среди факторов, обуславливающих абсолютную убыль населения Приднестровья можно выделить:

- нестабильное геополитическое положение и отсутствие определенного международного политико-правового статуса;

- смена ценностных ориентиров молодых лиц в репродуктивном возрасте, выражающаяся в сознательном ограничении рождаемости, стремлении к непрерывному профессиональному образованию и карьерному росту;

- риск потери престижного и высокооплачиваемого места работы в период ухода за ребенком;

- предпочтения работодателей, не заинтересованных в поощрении рождаемости, так как это требует предоставления дополнительных выплат и льгот работающим молодым родителям, а также поиск новых работников на период отпуска по уходу за детьми;

- ослабление семейных ценностей, сокращение количества браков при сохранении большого числа разводов;

- недостаточно высокую заработную плату по сравнению с сопредельными странами, желание молодежи самореализации в тех видах деятельности, которые отсутствуют в Приднестровье;

- стремление представителей разных этносов, проживающих в республике, к воссоединению с исторической Родиной (в первую очередь, с Россией, Украиной, Израилем, Германией).

Сокращение абсолютной численности жителей обусловило уменьшение плотности населения с 191 человек на км² в 1990 г. до 128 человек на км² в 2022 г.

В долгосрочном ретроспективном периоде наблюдается устойчивое сокращение абсолютного количества браков и рост относительных показателей разводимости.

За 1990-2022 гг. абсолютное количество браков сократилось с 7016 до 1999 (на 5017, или на 71,6%). В 1990 г. коэффициент, отражающий отношение количества разводов к количеству браков, составил 0,43, а в 2022 г. – 0,68.

Эта тенденция обусловлена сокращением абсолютной величины брачного потенциала, трансформацией семейных ценностей и установок, а также интенсивной внешней миграцией.

В Приднестровье количество женщин существенно превышает количество мужчин. По данным переписи 1989 г., на 1000 женщин приходилось 890 мужчин, переписи 2004 г. – 853, переписи 2015 г. – 832 мужчин. По данным переписи 2015 г., доля мужчин в общей численности населения составила 45,4%, тогда как в 2004 г. этот показатель равнялся 46% [2-4]. Сложившаяся динамика гендерной структуры населения во многом обусловлена более высокой продолжительностью жизни женщин (табл. 3).

Таблица 3 Средняя ожидаемая продолжительность предстоящей жизни в ПМР, лет*

Год	Оба пола	Женщины	Мужчины	Сальдо
2006	67,10	72,18	61,96	-10,22
2010	69,16	73,75	64,31	-9,44
2015	70,81	75,40	65,88	-9,52
2021	71,36	74,91	67,42	-7,49

*Составлено по данным Государственной службы статистики ПМР

Особенности естественного и механического движения населения оказали существенное влияние на возрастную состав населения Приднестровья.

За 1990-2022 гг. произошло сокращение абсолютного количества и доли детей, а также лиц в трудоспособном возрасте в общей численности населения. При этом увеличилась абсолютная численность и доля лиц старшего возраста [2-5].

Сложившаяся демографическая ситуация привела к сокращению численности трудоспособного населения в трудоспособном возрасте, старению населения и росту демографической нагрузки на одного занятого. Старение населения, сопровождаемое ростом абсолютной численности лиц пенсионного возраста и их доли в общей численности населения, обусловило существенный рост коэффициента зависимости, отражающего соотношение между численностью пенсионеров и количеством лиц в трудоспособном возрасте. Также увеличился коэффициент нагрузки пенсионерами, отражающего соотношение между количеством

пенсионеров и численностью занятых. Отмеченные тренды создают дополнительную нагрузку на систему социального страхования.

За 1990-2022 гг. сократилось абсолютное количество поселений и численность их населения. В некоторых селах (Афанасьевка, Бруслаки, Сухая Рыбница, Федосеевка, Победа, Боданы) произошла абсолютная депопуляция. К началу 2023 г. в пяти селах численность населения была меньше 5 человек, в трех составила от 6 до 10, человек, в семи – от 11 до 25 человек, в восьми – от 26 до 50. В тринадцати поселениях проживало от 51 до 100 человек [1-4].

По состоянию на 1 января 2023 г. в систему расселения республики входило 8 городов, 4 поселка городского типа и 146 сельских поселений.

Республика характеризуется средним уровнем урбанизации. Доля городского населения на 1 января 2023 г. составила 70,6% [1]

При сохранении сложившихся трендов среднегодовых темпов сокращения численности населения, к 2030 г. численность населения республики составит по оптимистическому варианту не более 445 тыс. человек, по пессимистическому варианту – менее 430 тыс. человек.

Динамика численности населения отдельных поселений ПМР в среднесрочной и долгосрочной перспективе будет определяться абсолютной численностью лиц в репродуктивном возрасте и их репродуктивным поведением. Наиболее высоким перспективным репродуктивным потенциалом обладают города (Тирасполь, Бендеры, Рыбница, Дубоссары, Слободзея, Григориополь, Днестровск, Каменка), поселки городского типа Первомайск и Красное, а также сельские поселения, численность населения которых превышает 2 тысячи человек.

В административных районах можно выделить группы сельских поселений, в которых практически отсутствует репродуктивный потенциал. К таким поселениям следует отнести населенные пункты, в которых численность населения не превышает 100 человек. В поселениях данной группы полностью отсутствуют или ничтожно мало количество женщин в фертильном возрасте. С учетом низкой вероятности нахождения брачных партнеров в условиях малочисленного количества мужчин и низкого уровня брачности, реализация их репродуктивного потенциала представляется маловероятной.

К некоторым следствиям, обусловленных трендами демографической ситуации, можно отнести:

- сокращение общего спроса и изменение его ассортимента, обусловленного уменьшением общего количества потребителей, численности детей и старением населения;
- рост потребности в специалистах и учреждениях, оказывающих разнообразные гериатрические услуги;
- прекращение деятельности множества объектов системы здравоохранения, образования, культурно-рекреационной сферы;
- сохранение существенных бюджетных расходов на обеспечение конституционных прав граждан на охрану здоровья и предоставления качественных образовательных услуг в условиях низкой загрузки многих лечебных и образовательных учреждений;
- сокращение трудового потенциала, рост доли лиц предпенсионного, пенсионного и послепенсионного возрастов во многих профессиональных группах;
- ожидание суженного воспроизводства населения в обозримой перспективе, обусловленного сложившимися параметрами рождаемости и миграций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сложившаяся и прогнозируемая демографическая ситуация обуславливает необходимость проведения активной государственной демографической политики, направленной на ее оптимизацию.

В Приднестровье разработаны правовые и экономические механизмы, направленные на стимулирование рождаемости, поддержку молодых и многодетных семей, рост величины государственных пособий гражданам, имеющим детей. В республике создан и успешно функционирует «Фонд охраны материнства и детства».

С целью улучшения здоровья населения, в том числе репродуктивного, сокращения общей и инфантильной смертности, разработаны и реализуются государственные целевые программы, среди которых можно выделить следующие: «Переоснащение лечебно-профилактических учреждений республики рентгеновским оборудованием», «Онкология», «Иммунизация населения», «Профилактика ВИЧ/СПИД инфекций, передающихся половым путем», «Детям – здоровые зубы», «Образование и здоровье», «Профилактика туберкулеза».

К направлениям перспективной демографической политики можно отнести также:

- сокращение эмиграции наиболее молодой, репродуктивно значимой и трудоспособной части населения, ограничение «утечки умов» путем создания льготных условий для развития предпринимательства и реализации инновационных проектов, приобретения и строительства современного жилья, создания социальных лифтов для молодежи;

- восстановление престижа семейно-брачных отношений, повсеместная пропаганда системы семейных ценностей, формирование позитивных жизненных установок государством, общественными организациями, средствами массовой информации, церкви;

- создание собственной системы материнского капитала, включение граждан России, постоянно проживающих в Приднестровье, в федеральные целевые (национальные) программы «Материнство и детство», «Здоровье» (по направлениям «Развитие первичной медико-санитарной помощи») и «Обеспечение граждан высокотехнологичной медицинской помощью»;

- повышение квалификации медицинских работников на базе российских профессиональных учебных заведений и медицинских учреждений.

Следует также оптимизировать систему расселения в направлении роста размеров поселений, входящих в опорный каркас расселения. В этих поселениях необходимо обеспечить ускоренное развитие социально-бытовой, культурной, спортивной, рекреационной и производственной инфраструктуры, создание перерабатывающих мини-предприятий АПК и филиалов крупных предприятий.

Возникла также потребность в изменении территориальной организации общеобразовательных учреждений в направлении их укрупнения, улучшения транспортной инфраструктуры и оптимизации транспортного обслуживания.

Демографические процессы обладают высокой степенью инерционности. Поэтому нельзя ожидать быстрых положительных результатов от осуществляемой демографической политики. Анализ опыта регулирования демографических процессов свидетельствует о наличии большого временного лага между проведением оптимизационных мероприятий и достижению ожидаемых результатов.

Список источников и литературы

1. Демографическая ситуация в ПМР в 2022 г. Пресс-выпуск. –Тирасполь: ГСС ПМР, 2023. – 12 с.
2. Итоги переписи населения ПМР 2004 года. Т. I-IV. –Тирасполь: ГСС ПМР, 2006.
3. Итоги переписи населения ПМР 2015 года // Государственная служба статистики ПМР. –Тирасполь: Б. и., 2017. –328 с.
4. Материалы Всесоюзной переписи населения. 1989. Т. 2. –Кишинев: ГДС РМ, 1990. -209 с.
5. Статистический ежегодник ПМР (1990, 1995, 2000, 2005, 2010, 2014 гг.). –Тирасполь: ГСС Министерства экономики, 2015. –180 с.

Бурла Ольга Николаевна, ст. преподаватель кафедры социально-экономической географии и регионоведения, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, e-mail: olga-dnestr2008@mail.ru

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE DEMOGRAPHIC SITUATION AND THE SETTLEMENT SYSTEM OF PRIDNESTROVIE

Burla O.N.¹

¹Shevchenko Transnistrian State University, Tiraspol, Moldova

The results of the analysis of the main indicators of the natural and migration movement of the population of Pridnestrovie in the long-term retrospective period are reflected. Trends in the dynamics of the population of the republic have been identified. The dynamics of some indicators of the gender, age, labor and family structure of the population in the long-term retrospective period is assessed. The changes in the territorial organization of the population and the settlement system of Transnistria are indicated. The variants of the demographic forecast of the republic for the medium-term period are given.

Key words: fertility, mortality, emigration, immigration, settlement system, urbanization, reproductive demographic potential.

Burla Olga Nikolaevna, Senior Lecturer of the Department of socio-economic geography and regional studies, Shevchenko Transnistrian State University; e-mail: olga-dnestr2008@mail.ru

УДК 339.9;327.7

ДИНАМИКА РЕГИОНАЛИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ

Вардомский Л.Б.¹

¹ Институт экономики РАН, Москва, Россия

Под влиянием западных экономических санкции меняется содержание сотрудничества в рамках отдельных объединений государств и их взаимодействия. Жесткие санкции способствовали расширению в СГБР, ЕАЭС и СНГ проектной составляющей позволяющей заменить часть импорта из третьих стран собственным производством, развитию производственной кооперации. Опасение вторичных санкций рядом стран ЕАЭС и СНГ нарушает принцип свободной торговли, установленный соглашениями стран-участниц. В то же время подсанкционные Беларусь и Россия активно расширяют сотрудничество в рамках Союзного государства. ШОС адаптируется к новой геополитической ситуации путем расширения своего состава и налаживания координации экономических и политических взаимодействий. Транспортно-логистические проекты, осуществляемые на национальной основе и в рамках региональных объединений, становятся общим стержнем упомянутых объединений. Одним из результатов их взаимодействия стало формирование Каспийского субрегиона.

Ключевые слова: регионализация, международный регион, СНГ, ЕАЭС, ШОС, санкции, взаимодействие, международный транспортный коридор, субрегион.

На евразийском пространстве, под которым в настоящей статье понимается пространство, занимаемое новыми независимыми государствами (ННГ) и сопредельными (соседними или близкими) к ним странами, довольно динамично развиваются процессы регионализации. Регионализация предполагает создание заинтересованными странами институтов межгосударственных экономических отношений, приводящих в ходе их действия к образованию международного региона с характерной высокой плотностью взаимодействия участвующих в проекте государств (и их районов) [1, с. 4-5]. В основе взаимодействия лежат либо взаимные торговые преференции (Союзное государство (СГБР), ЕАЭС, СНГ), либо иные, сближающие участников региональных объединений, интересы, которые позволяют им взаимодействовать в экономике и политике с целью достижения целей национального развития (ШОС, «Пояс и путь», а также Тюркский союз и Организация экономического сотрудничества).

Участие ННГ в разных проектах отражает, с одной стороны, стремление иметь преференциальный или более комфортный доступ к рынкам друг друга, а с другой, проводить многовекторную политику, снижающую риски экономического развития в условиях геополитической неопределенности. Каждое из ННГ рассматривает участие в проектах регионального сотрудничества с позиции национальных интересов и видения своей миссии в мировой экономике и политике.

До последнего времени в постсоветских интеграционных проектах преобладали регуляторные функции, обеспечивающие свободное движение товаров и людей. Но институты торговой либерализации, как фактор устойчивого роста взаимной торговли, в большой мере исчерпали свои возможности. Для этого необходимо расширение совместных проектов в промышленности, сельском хозяйстве, транспорте позволяющих на основе кооперации повышать эффективность национальных экономик, их технологическое обновление и диверсификацию, укрепление технологического суверенитета. Осознанию этого, как ни странно, помогли западные санкции, которые оказывают влияние на ход всех упомянутых проектов регионализации.

Санкционное давление Запада нацелено не только на разрушение экономики России и Беларуси, но и на противодействие процессам регионализации в Евразии. Но ожидаемые геополитические и экономические результаты от санкций не были достигнуты. Экономическое взаимодействие подсанкционных Беларуси и России в рамках Союзного государства заметно оживилось. Взаимная торговля в 2022 г. выросла на 12%. Потери ВВП у обеих стран были ощутимы, но значительно меньше, чем первоначально ожидалось. За первое полугодие 2023 г. товарооборот вырос почти на 17%. И в обеих странах ожидается экономический рост. Западные санкции позволили найти развязки в решении тех проблем двустороннего взаимодействия, которые долгое время не позволяли развиваться СГБР. Резкое сокращение роли Европы в многовекторной экономической политике РБ и РФ активизировало долгое время «спящие» институты СГБР и создавать новые, способные ослабить действие санкционных шоков.

В феврале 2023 г. было подписано Соглашение о единой промышленной политике. А незадолго до этого, в ноябре 2022 г. РФ предоставила РБ кредит на 105 млрд руб. для реализации проектов в импортозамещении²⁴. Бурно развивается сотрудничество в транспортно-логистической сфере [2, с.58-62]. В новых геополитических и экономических условиях страны, наконец, приступили к исполнению соглашения о создании равных условий субъектам хозяйствования в экономической сфере от 25 декабря 1998 г.

Дезинтеграционное действие санкций на ЕАЭС также на привело к желаемым для Запада результатам. По неофициальным данным взаимная торговля стран ЕАЭС в 2022 г. превысила на 10% объем 2021 г. За первый квартал 2023 объем взаимной торговли вырос на 20%.

В 2022 г. произошло усиление экономического взаимодействия интеграции на уровне физических и юридических лиц (неформальная интеграция), что было обусловлено ростом трансграничных перемещений населения, релокацией компаний из России в страны ЕАЭС и другие постсоветские страны. В частности, в Казахстане на 1 августа 2023 г. было зарегистрировано 18 тыс. компаний с российским капиталом, на 70% больше, чем в 2022 г. При том, что общее число зарегистрированных компаний с иностранным участием выросло на 38%, достигнув 41 тыс²⁵.

Схожая ситуация наблюдается в Армении. Открытие россиянам бизнеса в Армении сопровождалось резким увеличением переводов из РФ. По подсчетам Евразийского банка развития (ЕАБР), за первые восемь месяцев 2022 года их объем составил \$1,9 млрд или в 3,5 раза больше по сравнению с 2021 годом. Это привело к оживлению экономической жизни в этой стране. [2, с.73-74] Нарастание посреднического и заместительного импорта из стран ЕАЭС привело снижению дисбаланса их торговли с РФ, который создавал немалые платежные проблемы для стран-партнеров.

Тем не менее, риски вторичных санкций породили новый вид барьеров на пути взаимной торговли. Внутри ЕАЭС и СНГ произошло разделение на подсанционные РФ и РБ, с одной стороны, и страны, продолжающие многовекторную ориентацию и опасующиеся в этой связи вторичных санкций, с другой. Страны-партнеры не заинтересованы в ослаблении связей с Россией, играющей важную роль в балансировании внешних факторов их развития и внутренней стабилизации. Тем более, что для стран ЕАЭС посредническая функция между рынками РФ и РБ и западными рынками приносит немалый доход. Но при жестком давлении Запада они могут от него отказаться. Наиболее последовательно политику учета западных санкций проводит Казахстан, приоритетом которого является исключение рисков для своих отношений с Западом. Таким образом, взаимодействие внутри ЕАЭС под влиянием риска вторичных санкций оказывается под угрозой. Нарушается принцип «свободной торговли», который лежит в основе Союза.

В ЕЭК противодействие этому видят в виде развития промышленной кооперации, снятие сохраняющихся барьеров на пути взаимной торговли, в частности среди неурегулированных вопросов остается единый рынок энергоресурсов, создания автономных систем взаимных расчетов и системы субсидирования совместных проектов (в 2023 г. доля национальных валют в расчетах по взаимной торговле может достичь 90%), цифровизации взаимного сотрудничества, развитии электронной торговли. Одновременно усиливается внимание к согласованному развитию инфраструктуры и логистики и условиям для взаимных транзитных перевозок, а также поиск источников и способов финансирования приоритетных инфраструктурных проектов, направленных на повышение транзитного потенциала ЕАЭС [3].

Поскольку действие санкций может длиться неопределенно долго на внеочередном заседании глав правительств стран ЕАЭС в августе 2023 г. было принято решение разработать новый документ об основных задачах и ключевых направлениях объединения ЕАЭС в среднесрочном до 2030 г. и долгосрочном до 2045 г. периодах. Срок действия действующей Стратегии развития ЕАЭС заканчивается в 2025 г.

В складывающихся условиях возросло значение взаимного сотрудничества стран СНГ, являющихся членами ЕАЭС и странами СНГ – нечленами Союза, которое компенсирует угасание торговли с Молдовой и Украиной. Это отражается в росте взаимных торговых и инвестиционных потоков [4].

²⁴ Минск и Москва подписали соглашение о выделении Белоруссии кредита на 105 млрд рублей. ТАСС.16.11.2022. <https://tass.ru/ekonomika/16344233?ysclid=lmgov79wj4941577015>

²⁵ В Казахстане выросло число компаний с российским капиталом, заявил торгпред. РИА Новости.27.08.2023. <https://ria.ru/20230827/kazakhstan-1892476856.html?ysclid=lim1m7tj10406096752>

В условиях санкций возрастает роль потенциала ШОС и БРИКС для развития ЕАЭС и СНГ и участвующих в них стран. После 2014 г. эти организации обрели дополнительную динамику. В рамках ШОС страны-участницы координируют внешнеполитические действия, ищут развязки многолетних конфликтов, реализуют взаимовыгодные проекты, среди которых преобладают энергетические и транспортно-логистические. Деятельность ШОС способствует трансформации внешнеторговых связей РФ, а также и других стран-участниц, в условиях санкционного давления Запада. Число членов ШОС с 2014 г. выросло с 6 до 9, число партнеров по диалогу - с 6 до 14. Следует отметить, что все страны постсоветских интеграционных объединений в разных форматах участвуют в деятельности ШОС. Число членов БРИКС в ближайшее время увеличится с 5 до 11.

Произошедшее и намечаемое расширение участников данных организации в разных форматах свидетельствует о возрастании их экономического и политического влияния в мире. Расширение участников упомянутых объединений позволяет странам-участницам ограничить влияние геополитических рисков на их развитие. Их деятельность отражает растущее несогласие условного коллективного Юга со сложившимся миропорядком и стремление к поиску новых «подходов к продвижению более справедливого и эффективного международного сотрудничества»²⁶. В рамках ШОС и БРИКС страны, участвующие в ее работе, координируют внешнеполитические действия, ищут развязки многолетних конфликтов, реализуют взаимовыгодные проекты.

Деятельность ШОС способствует развороту внешнеторговых связей РФ и ее партнеров по постсоветским проектам на сторону Азии. В 2022 г. взаимная торговля ЕАЭС и других партнерских стран со странами ШОС (Китай, Индия, Иран) заметно выросла. Ожидается, что в 2023 г. этот рост продолжится. Развитие ШОС отражает стремление стран-участниц к многовекторности – рациональной политике в условиях тренда к полицентричному мироустройству.

Связь ЕАЭС с ШОС регулируется заключением соглашений с КНР о торгово-экономическом сотрудничестве и Ираном о зоне свободной торговли. В этом же направлении действует мегапроект КНР «Пояс и путь», который стартовал в 2013 г. В 2015 г. КНР и РФ подписали совместное заявление о сопряжении проектов ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути, которое подразумевает взаимную поддержку названных проектов.

В центре внимания мегапроекта «Пояс и путь» лежат транспортные проекты, обеспечивающие взаимные и транзитные торговые связи. Внутриконтинентальное положение ЕАЭС и СНГ делает развитие трансконтинентальных сухопутных транспортно-логистических коммуникаций главной предпосылкой не только развития национальных экономик, но и их регионального сотрудничества.

МТК меридианной и широтной направленности, обеспечивают страны Евразии, дополнительными, к морским и через Россию, вариантами мультимодальных сообщений друг с другом и с третьими странами. Транспортно-логистические проекты, осуществляемые на национальной основе и в рамках региональных проектов, становятся общим стержнем всех интеграционных проектов, основой координации их деятельности и фактором развития субрегиональных объединений.

Взаимное сопряжение регуляторных институтов упомянутых проектов регионализации, в моем представлении, при правильной и своевременной координации их деятельности всегда будет давать более высокий эффект для всех участников, чем возможные потери для них от конкуренции проектов.

Одним из результатов взаимодействия разных региональных проектов стало формирование международного Каспийского регион. Для расширения взаимодействия между прикаспийскими государствами используются преференциальные механизмы ЕАЭС и СНГ и механизмы координации, действующие в рамках ШОС, других региональных организаций и международных инфраструктурных проектов. В этом контексте его можно рассматривать как субрегион не только СНГ, ЕАЭС, но и ШОС и ОЭС, страны которого заинтересованы в совместной деятельности по решению энергетических, экологических и транспортных проблем своего развития [5].

²⁶ Страны ШОС приняли итоговую декларацию. РИА Новости. 04.07.2023. <https://ria.ru/20230704/shos-1882128895.html>

Субрегион, в представлении автора, - место совместной деятельности в рамках соглашений между несколькими государствами, участвующими в более крупных региональных объединениях. Субрегионализация отражает адаптацию данных интеграций к возросшему в текущих условиях внутреннему разнообразию возможностей, интересов и стратегий стран-участниц. В этом контексте СГБР, на мой взгляд, можно рассматривать как субрегион ЕАЭС, ориентированный на более широкое использование национальных технологических разработок в экономическом сотрудничестве с партнерами по Союзу, руководствуясь нормами Евразийской комиссии.

Как о потенциальном неформальном субрегионе ЕАЭС и ШОС можно говорить о «Большом Алтае», в котором сходятся границы Казахстана, Китая, Монголии и России. 2003 г. администрациями приграничных регионов данных государств был создан Международный координационный совет «Наш общий дом Алтай». Но пока транспортные, туристические и экологические проекты в данном регионе находятся в стадии разработки и обсуждений [6, с.231-236].

В 1994 г. по инициативе Казахстана был подписан Договор о создании единого экономического пространства стран Центральной Азии. В 1998 г. к Договору присоединился Таджикистан. И это региональное образование получило название Центральноазиатское экономическое сообщество. В 2002 г. оно изменило название на «Организация центральноазиатского сотрудничества» (ОЦАС). У организации были амбициозные планы, в ее основе лежало стремление через наращивание взаимного сотрудничества решить коренные вопросы региона: водный, пограничный и транспортный [7, с.203-209]. С точки зрения соотношения с СНГ, это объединение можно было бы рассматривать как его субрегион. Но взаимные противоречия оказались сильнее, чем прокламируемые выгоды и в 2005 г. проект прекратил свое существование. Однако в начале 2020-х гг. в ЦА вернулись к этой проблематике, отражая произошедшие в странах и вокруг них изменения [8, с.121-160]. И это объединение можно рассматривать как субрегион СНГ и ШОС.

Среди мотивов побуждающих страны к региональному и субрегиональному сотрудничеству возрастает значение климатических и экологических факторов, которое выражается в общем стремлении сократить вредные выбросы через внедрение «зеленых технологий» и координацию действий по достижению углеродной нейтральности, борьбе со стихийными бедствиями, опустыниванием земель, природно-очаговыми заболеваниями и т.п. Однако экология и климатические изменения пока находятся в ведении государств и на них не распространяется действие интеграционных институтов [3]. Вместе с тем обострение экологической ситуации, прежде всего, связанное с дефицитом воды, делает необходимым введение мер совместной борьбы с последствиями климатических изменений в повестку сотрудничества в рамках рассмотренных проектов регионализации.

В целом же в обозримом будущем санкционные практики будут расширяться и совершенствоваться, равно, как практики их нейтрализации. В этой связи под влиянием стремления стран обеспечить свое устойчивое развитие форматы регионализации будут неизбежно меняться. Так что перед политиками, управленцами, бизнесом и научным сообществом стоит задача выбора оптимального пути регионализации в условиях трансформирующегося международного экономического порядка.

Список источников и литературы

1. Постсоветские страны в процессах международной регионализации в 2010–2020 гг.: ожидания, итоги, новые тенденции: Коллективный научный доклад / Под ред. Л.Б. Вардомского. М.: Институт экономики РАН, 2021. 70 с.
2. Российский «сплоя соседства» в условиях санкционной войны: научный доклад // Под ред. Л.Б. Вардомского (отв. ред.), И.А. Коргуя, Н.В. Куликовой, А.Г. Пылина. М.: Институт экономики РАН, 2022. 93 с.
3. Мы развиваем отношения с всеми, кто развивает отношения с нами. Министр по торговле ЕЭК Андрей Сленев о выстраивании новых торговых связей. Коммерсантъ от 08.09.2023, с. 4. <https://www.kommersant.ru/doc/6199582>
4. Мониторинг взаимных инвестиций ЕАБР 2022. Доклады и рабочие документы 22/5. Ред. Е.Ю. Винокуров. Руководитель авторского коллектива чл.-корр. РАН, д.э.н. А.В. Кузнецов. М.:ЕАБР. 2022. 39 с.
5. Каспийский регион в процессах регионализации Евразии: научный доклад // Под ред. Л.Б. Вардомского. М.: Институт экономики РАН, 2023. 74 с.
6. Винокуров Ю.И., Краснояророва Б.А. Большой Алтай: особенности развития и международного сотрудничества// Регион: экономика и социология. 2023. № 1, с. 211-241.
7. Ушакова Н.А. Современное состояние и перспективы Организации центральноазиатского сотрудничества / Сборник: Проблемы постсоветских стран. Вып. 6. М.: ИМЭПИ РАН, 2004. С. 203-219.

Вардомский Леонид Борисович, д. экон. н., гл. науч. сотр., зав. Центром постсоветских исследований, Институт экономики РАН; e-mail: wardom@yandex.ru

DYNAMICS OF REGIONALIZATION OF INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS IN THE EURASIAN SPACE UNDER THE CONDITIONS OF SANCTIONS PRESSURE

Vardomskiy L.B.¹

¹ Institute of Economics, RAS, Moscow, Russia

Under the influence of Western economic sanctions, the content of cooperation within individual associations of states and their interaction is changing. Tough sanctions contributed to the expansion of the project component in the CGB, the EAEU and the CIS, which allows replacing part of imports from third countries with their own production, and the development of industrial cooperation. The fear of secondary sanctions by a number of EAEU and CIS countries violates the principle of free trade established by agreements for these associations. At the same time, Belarus and Russia are actively expanding cooperation within the framework of the Union State. The SCO is adapting to the new geopolitical situation by expanding its membership and establishing coordination of economic and political interactions. Transport and logistics projects implemented on a national basis and within the framework of regional associations become their common core. One of the results of the interaction of the regionalization projects under consideration was the formation of the Caspian subregion.

Key words: regionalization, international region, CIS, EAEU, SCO, sanctions, interaction, international transport corridor, sub-region

Vardomskiy Leonid Borisovich, Doctor of Economic Sciences, Chief Researcher, Head of the Center for Post-Soviet Studies, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, e-mail: wardom@yandex.ru

УДК 551.583.+332.14(98)

СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ МОНИТОРИНГ УСТОЙЧИВОСТИ АРКТИКИ: ФОРМИРОВАНИЕ ПОДХОДОВ И МЕТОДОВ НА ПРИМЕРЕ ПРОБЛЕМ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОЗОБНОВЛЯЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ ЭНЕРГИИ КАК МЕРЫ АДАПТАЦИИ

Власова Т.К.¹

¹ Институт географии РАН, Москва, Россия

Цель статьи состоит в анализе подходов, методов и освещении ряда полученных к настоящему времени результатов социально-ориентированного мониторинга устойчивости социально-экологических территориальных систем Арктики, проводящегося в условиях быстрых природно-экологических, социально-экономических и геополитических изменений. В фокусе статьи находятся проблемы изменения климата и совершенствование подходов и мер по адаптации к этим изменениям путем использования возобновляемых источников энергии. Разработана методология социально-ориентированного мониторинга устойчивости Арктики с выделением и рассмотрением природно-климатической, социально-экономической, этнокультурной сфер жизнедеятельности, а также сферы управления и права. Выделены основные подходы социально-ориентированного мониторинга: междисциплинарный, полимасштабный и проблемно-стратегический. Подчеркнуто особое значение синтеза этих подходов в процессе социально-ориентированного мониторинга для установления ключевых проблем, постановке задач на взаимопересекающихся глобальном, панарктическом, национальном и локальном уровнях. На локальном территориальном уровне проанализирован зарубежный опыт создания устойчивых территориальных систем развития ветроэнергетики на оленьих пастбищах (на примере кейса норвежской провинции Финнмарк). Этот опыт указывает на то, что большую роль в создании жизнеспособных устойчивых территориальных социально-экологических систем Арктики играет развитие смешанной экономики, основанной на традиционных знаниях, оценках и мнениях коренного и местного населения. Учет зарубежного опыта необходим при развитии возобновляемых источников энергии в Арктической зоне России и в других регионах мира.

Ключевые слова: социально-ориентированный мониторинг, устойчивость, Арктика, жизнеспособность, человеческий и социальный капитал, возобновляемые источники энергии.

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия наметилась острая потребность в развитии социально-ориентированного мониторинга (СОМ) устойчивости Арктики, что обусловлено совокупностью глобальных, панарктических, национальных, региональных и локальных факторов.

Цель статьи состоит в освещении разрабатываемых подходов, методов и ряда полученных результатов СОМ устойчивости социально-экологических территориальных систем Арктики (СЭТС Арктики), проводящегося в условиях быстрых природно-экологических, социально-экономических и геополитических изменений. В фокусе статьи находится СОМ проблем изменения климата и разработка задач по адаптации к этим изменениям путем развития возобновляемых источников энергии (ВИЭ).

Быстрота климатических изменений в Арктической зоне, все большая привлекательность ее территории и ресурсов, диктуют необходимость поиска принципиально новых подходов и методов для мониторинга, оценки и управления интегральными СЭТС Арктики на различных пространственных уровнях принятия решений.

Мониторинг устойчивости с фокусированием на социальных факторах необходим, так как на общемировом уровне наблюдается возрастание роли человеческого и социального капитала в обеспечении устойчивого и жизнеспособного развития. Решению этой задачи способствовала деятельность стран Арктики, начатая во время проведения Международного полярного года 2007/2008 (МПГ) и продолженная благодаря выполнению целого ряда международных и национальных проектов [1,2,3,4,5].

Отмеченная выше цель данной статьи предполагает рассмотрение следующего ряда задач СОМ устойчивости Арктики на примере проблем изменения климата и локального кейса развития ВИЭ:

1. Совершенствование подходов, средств и методов СОМ СЭТС Арктики;
2. Выделение природно-климатических и экологических изменений и связанных с ними проблем, особо значимых при достижении устойчивости СЭТС Арктики;
3. СОМ проблем Арктики связанных с антропогенно-технологическими воздействиями, в том числе с развитием ВИЭ.

Анализ зарубежного опыта СОМ создания устойчивых СЭТС развития ветроэнергетики на оленьих пастбищах Норвегии на примере кейса провинции Финнмарк.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Совершенствование подходов, средств и методов СОМ СЭТС Арктики

СЭТС Арктики - интегральная система, в которой культурные, политические, социальные, экономические, экологические, технологические и другие компоненты находятся в тесном взаимодействии. Это взаимодействие осуществляется в процессе потребления, воспроизводства и трансформации людьми накопленных системой ресурсов и услуг (экосистемных, социо-культурных, природных, производственно-экономических, интеллектуальных и духовных), обеспечивающих необходимое качество жизни для развития человеческого и социального капитала (ЧК и СК), которые находятся в центре СЭТС, являясь фокусом СОМ.

СОМ, проводимый с опорой на знания и мнения населения, проживающего в Арктике, способствует интеграции указанных выше компонентов СЭТС в рамках полимасштабного, междисциплинарного, проблемно-стратегического подходов.

Выделяются следующие уровни полимасштабного подхода для мониторинга проблем и задач достижения устойчивости Арктики: глобальный, панарктический, национальный, локально-региональный уровень и уровень компаний. Все более значимым и обсуждаемым становится уровень национальных и транснациональных компаний. Особый интерес вызывает фактор выполнения ими принципов Экологического, Социального и Корпоративного управления (ESG) и социальной солидарности и ответственности.

Для достижения поставленных СОМ целей потребовалась интеграция двух общепринятых мировых концепций - устойчивого развития (Sustainable development - УР) и жизнеспособности социально-экологических систем (SES Resilience - ЖИСЭС) [2]. Интеграция этих двух концепций возможна только в процессе деятельности по проведению СОМ качества жизни, развития ЧК и СК. При этом возникла необходимость уточнить набор и применение подходов и методов, а также определений жизнеспособности и устойчивости СЭТС Арктики. На

основе «Доклада Арктическая Жизнеспособность» [6] и последующих уточнений, предлагается следующее определение жизнеспособности СЭТС Арктики:

Жизнеспособность СЭТС Арктики – способность системы своевременными и эффективными способами предвидеть и адаптироваться к неблагоприятным воздействиям, или трансформироваться на новых принципах, чтобы сделать систему менее уязвимой путем сохранения, восстановления или улучшения ее ключевых структур и функций, повышающих качество жизни и способствующих развитию ЧК и СК Арктики.

Концепция ЖИСЭС представляет возможность выйти за рамки административного района и подняться на более высокий пространственный уровень СЭТС, например, в границах быстроменяющихся природно-экологических подзон Арктики (тундры, лесотундры, бореальных лесов) или геополитического пространства (например, Баренцев Евро-Арктического региона, в который входят северные территории Норвегии, Швеции, Финляндии и России).

Чрезвычайно значимым для СОМ СЭТС Арктики является продолжение международного сотрудничества по разработке и внедрению идей ЖИСЭС Арктики [7, 8.].

Устойчивость СЭТС Арктики определяется как способность систем на различных территориально-пространственных, организационно-административных и временных уровнях трансформироваться и/или адаптироваться к воздействиям и процессам (как внешним, так и внутренним, как шокового, так и плавного характера), приумножая ЧК и СК, а также экосистемные и социальные и финансово-экономические услуги, способствующие развитию и повышению качества жизни в целом.

Следуя междисциплинарному подходу, ключевые проблемы, задачи по их решению должны выделяться в сферах жизнедеятельности: природно-экологической, социальной, экономической, духовно-культурной и законодательно-административной (принятия решений), права, геополитики. Для этого необходим процесс Совместного производства знаний (Knowledge co-production) [9].

Согласно методологии СОМ, совместное производство знаний обеспечивается применением проблемно-стратегического подхода, заключающегося в последовательном выделении, как основных проблем, так и задач по их решению и установлению ведущих количественных и качественных факторов для дальнейшего мониторинга. На местном локальном уровне особую значимость представляет метод полу-структурированного интервьюирования, в том числе проводимого на информационно-образовательных сессиях. В составленном вместе с коренными и местными жителями списке проблем, респондентам предлагается отметить приоритетные проблемы, ограничивающие качество жизни в районе проживания и ранжировать проблемы в порядке их значимости [10].

2. Природно-климатические и экологические проблемы особо значимые при достижении устойчивости СЭТС Арктики

В последнем ежегодном Докладе о состоянии Арктики (Arctic Report Card 2021) прозвучал вывод о том, что потепление в Арктике происходит значительно быстрее, чем на Земле в целом. Это явление еще в 2019 году получило название Арктического климатического усиления (Arctic amplification), которое проявляется в 3–4 кратном превышении темпов потепления в Арктике по сравнению со всей планетой, нагретой примерно на 0,8 °С с конца XIX в., в то время как Арктика нагрелась на 2–3 °С за этот же период [11,12].

Следуя полимасштабному подходу СОМ, на взаимопересекающихся глобальном и панарктическом уровнях установлено, что значительное изменение климата в Арктике сказывается и в других зонах и регионах мира. Арктическое климатическое усиление и нарушение стратосферного полярного вихря повышает экстремальность климата, как в Арктике, так и в более южных районах Земли. Все более частые нарушения стратосферного полярного вихря, который принимает меридионально вытянутый, а не типичный круговой вид, приводит к увеличению числа экстремальных явлений (ураганов, цунами, наводнений, большим количеством выпадающих осадков в виде снега, резким зимним похолоданиям и летней жарой), в близлежащих более южных регионах мира. Зимнее похолодание требует больших затрат на отопление, поддержание инфраструктуры и ее доступности. Следствием похолодания, равно как и чрезмерной летней жары, становится и многоаспектное, в том числе геополитическое и социально-экономическое обострение энергетического (газового) кризиса в Европе и содержат высокие риски для глобальной и региональной продовольственной безопасности. Несомненно, что в глобальной стратегии энергетического развития необходимо учитывать факт арктического

климатического усиления и его влияния на углубление энергетического кризиса не только на панарктическом, но на глобальном и национальном уровнях.

К наиболее острым проблемам природно-экологической сферы Арктики относятся:

Снижение продуктивности и совокупной жизнеспособности СЭТС Арктики в подзонах бореальных лесов, лесотундры и тундры, что обусловлено как изменением климата, так и увеличением антропогенной нагрузки в некоторых районах Арктики, в том числе из-за внедрения ВИЭ. На основе анализа продуктивности по космическим снимкам подсчитано, что до 29% площади глобальных наземных экосистем и до 24% морских проявляют симптомы потери жизнеспособности. Эти симптомы фиксируются во всех природно-климатических зонах, но больше всего в бореальных лесах и тундре Арктики, что свидетельствует о катастрофическом снижении их совокупной жизнеспособности [13];

Таяние вечной мерзлоты и повышение глобальной роли палсов и болот Арктики, сохраняющих большие пространства вечной мерзлоты, улавливающих углерод и метан и снижающих опасность глобального потепления;

Увеличение выбросов парниковых газов и черного углерода вследствие таяния вечной мерзлоты, участвовавших лесных и тундровых пожаров, развития северного судоходства также представляют опасность,

в том числе для здоровья человека;

Снижение глобальной роли хвойных лесов Арктики в сохранении вечной мерзлоты и снижении опасности глобального потепления, поскольку сокращающаяся площадь бореальных лесов Арктики теряет способность к улавливанию углерода, что столь важно в решении глобальной проблемы «потепления климата». Хвойная растительность способна не только сохранять вечную мерзлоту, но формировать мерзлоту там, где ее не было [14];

Убыстряющееся продвижение лесов и кустарников в поздону тундры снижает продуктивность оленьих пастбищ и требует внедрения мер по адаптации пастбищного животноводства к изменившимся условиям;

Таяние вечной мерзлоты и ледников Арктики (особенно в Гренландии) приводящее к поднятию уровня мирового океана, затоплению и эрозии прибрежных территорий и берегов крупных рек;

Снижение биоразнообразия экосистем Арктики. Особенно эта проблема становится очевидной на региональном уровне, где с ней сталкивается традиционное пастбищное оленеводство. С 2011г. утрачено около 50% биоразнообразия мест отела северных оленей [15]. Ожидается, что к 2030 г. в норвежской провинции Финмарк биоразнообразие сократится еще на 10% [16];

Распространение инвазивных видов и «Обусловленное Изменением Климата Движение Видов» («Climate-driven 'species-on-the-move'»). Эти процессы деформируют как существующие экосистемы Арктики, так и усложняют предоставление экосистемных услуг для ведения хозяйственной, в том числе традиционной деятельности коренных малочисленных народов Арктики. Например, на севере Финляндии в связи с потеплением вод, лосось, традиционная пища коренного населения стал вытесняться щукой, что требует от местного населения адаптации к этому природно-климатическому изменению [17];

Продвижение с юга на Север границы распространения клещей и ряда болезней, которая вызывает большую озабоченность местных жителей. В частности, раньше Якутия никогда не была клещевым регионом, но сейчас эти насекомые двигаются все дальше и дальше к северу [18].

3. СОМ проблем Арктики связанных с антропогенно-технологическими воздействиями, в том числе с развитием ВИЭ.

Очевидно, что потепление климата в Арктике происходит по самому пессимистичному сценарию, поэтому «необходимы масштабные длительные усилия, фактически технологическая революция, которая позволит заменить углеродное сырье на другие, возобновляемые виды энергии и не менее, если не более сложная задача - это социальная революция в сознании людей, которые должны осознать важность и реальность климатической угрозы» [19].

Однако необходимо обратить внимание, на то, что в научном сообществе продолжается дискурс о роли антропогенно-технологических воздействий на изменение климата, приобретающий не только природно-экологический, социально-экономический, но и геополитический аспект [20].

Благодаря проводимому СОМ наблюдается усиление и расширение следующих типов антропогенно-технологических воздействий, связанных со многими отраслями хозяйственной деятельности в Арктике, которые не могут не оказывать воздействия на устойчивость СЭС Арктики:

Добывающая и обрабатывающая промышленность;

Лесная промышленность;

Сельскохозяйственное освоение территорий, в том числе прилегающих к Арктике с юга [21].

Наземный транспорт и инфраструктурное освоение;

Морской и речной транспорт;

Урбанизация, расширяющая селитебную инфраструктуру;

Милитаризация Арктики;

Развитие Возобновляемых Источников Энергии (ВИЭ).

Обычно на различных территориальных уровнях обсуждаются следующие виды ВИЭ: Энергия ветра; Энергия морских волн и приливов; Солнечная энергия; Гидроэнергия; Энергия растительной биомассы (использование потенциала улавливания углерода и парниковых газов бореальными лесами, лесотундрой и тундрой); Геотермальное тепло; Энергия на основе производства водорода. К тому же ведутся поисковые исследования по энергетическому использованию разности температур морской воды и атмосферного воздуха, а также разности соленостей морской и речной воды.

Безусловно, ВИЭ – это электроэнергия, производимая с существенно более низкими выбросами парниковых газов, чем при производстве электроэнергии на традиционном ископаемом топливе. Тем не менее, в странах Арктики и на мировом уровне продолжается дискурс о том, какую энергетику включать в ВИЭ. Несомненно, этот дискурс имеет как геополитические, так и социально-экономические и природно-экологические основания. Существует мнение о том, что газовая энергетика имеет низкий углеродный след и добыча нефтяных и газовых месторождений в Арктике должна продолжаться. Это становится в настоящее время чрезвычайно актуальным при наблюдаемой геополитической нестабильности и росте цен на газ и нефть в Европе [22].

Евросоюз вводит существенные ограничения на разработку нефтегазовых месторождений в Арктике. Несмотря на это, на уровне отдельных стран, например, Норвегии, провозглашается, что добыча природного газа может снизить зависимость от угля и имеет большое значение в процессе «зеленой трансформации». Более того, природный газ можно использовать в производстве, улавливании и хранении водорода и голубого аммиака. Постоянно ведутся обсуждения освоения крупного месторождения нефти и газа, которое приведет к деградации территории крупного Национального арктического заповедника на Аляске, занимающего около 553 тыс. акров (223 791 га) [23].

В России производство и применение сжиженного природного газа (СПГ) считается достаточно экологически оправданным, поскольку не только исключает риски разливов нефти, но и существенно снижает выбросы загрязняющих веществ, в том числе сажи. Необходимо более глубоко проанализировать на примере фокусных исследований насколько развитие возобновляемой энергетики в российских арктических регионах и других странах Арктики оптимально сочетать с использованием СПГ, и позволит ли это направление увязать экономические задачи с природно-экологическими.

Обсуждая вопрос о включении атомной энергетики в список ВИЭ, важно отметить, что ФРГ отказалась считать атомную энергетику «зелёной» и закрыла все свои АЭС. Полагается, что в атомной энергетике этой стране не удалось занять положения лидера, поэтому, в соответствии с её позицией, от АЭС следует отказаться всем странам мира [24]. Смысл этой стратегии «энергетического перехода» ФРГ заключается в том, чтобы влияние было не у стран, богатых энергетическими ресурсами, а у стран, имеющих технологии использования ВИЭ.

Ясно, что развитие ВИЭ в мире и Арктике не остановится. Однако это развитие, с одной стороны являющееся одним из направлений адаптации к глобальным климатическим изменениям, с другой приводит к многим нежелательным проблемам устойчивости СЭС Арктики, усиливая негативные воздействия на природно-экологическую сферу, а также усложняя развитие традиционной хозяйственной деятельности коренных народов, их социально-культурное положение и качество жизни в целом, что мы видим на локально-региональных уровнях.

4. Зарубежный опыт СОМ создания устойчивых СЭС развития ветроэнергетики на оленьих пастбищах Норвегии на примере кейса провинции Финнмарк.

СОМ, проводимый в кейсовых районах на муниципальном и районном уровнях, позволяет отследить процесс развития ветроэнергетики в Арктике, выделив одновременно как возникающие проблемы, так и постановку задач по их решению и отслеживанию ключевых показателей (как количественных, так и качественных) на вышеуказанных пересекающихся территориальных уровнях в рамках выделенных сфер жизнедеятельности.

В 2022 и 2023 годах СОМ проводился на локальном уровне в кейсе по развитию ветроэнергетики на оленеводческих пастбищах в норвежской провинции Финнмарк [25]. Географическое приморское положение провинции, которое характеризуется средними скоростями ветра более 6-7 м/с, крайне благоприятно для развития ветроэнергетики.

Проблемы развития ветроэнергетики на оленьих пастбищах Норвегии и опыт их решения представляют большой интерес для Севера России, поскольку в последние несколько лет в РФ стал, хотя и медленно, развиваться этот вид ВИЭ. Так, в Мурманской области в 2023 году работало 57 ветроустановок Кольской ветряной электростанции совокупной мощностью 201 МВт [26].

Важно отметить то, что на севере Норвегии ветряные электростанции образуют крупную промышленную зону, на которой вырабатывается значительная часть возобновляемой ветряной энергии страны (с объемом производства на 2014 год в 200 ГВтч энергии). Тем не менее, здесь возникает целый ряд природно-экологических, этнокультурных, социально-экономических, правовых и управленческих проблем. Развитие инфраструктуры Баренцево Евро-Арктического региона ухудшило состояние 25% площади оленьих пастбищ, а в Финнмарк этот показатель достигает 35% [27].

Отношения норвежского государства и оленеводов коренного народа саамы строятся на базе государственной земельной собственности. При этом 95% земли в провинции Финнмарк, где саамы составляют около четверти населения, принадлежит норвежскому государству. Большая часть этой земли занята под оленьи пастбища саамов. В 2007 году в Норвегии был принят подзаконный акт, ограничивающий размеры оленьих стад саамских оленеводов, и были установлены квоты на оленье поголовье саамов, что вынудило их ликвидировать треть из имевшегося на тот момент числа оленей.

Важно отметить, что нормы международного законодательства в соответствии с Международной Организацией Труда (МОТ) о коренных народах, адаптированные в норвежское государственное законодательство, несмотря на отсутствие у саамов права собственности на землю, дают им право голоса в вопросах, которые их непосредственно касаются, в том числе в размещении ветряных электростанций на оленеводческих пастбищах [28]. Более того, необходимо учитывать, рассматривая ситуацию на глобальном уровне, что ветряные электростанции, отнимая площади у пастбищ и производящие шумовое загрязнение, могут сделать пастбища не только малопригодными для использования, но и снизить их способность к улавливанию углерода, столь важного в решении глобальной проблемы «потепления климата».

«Саамы не против более зеленого мира, но несправедливо, что мы должны платить за это своей культурой», - считает Кристина Хенриксен, президент Ассоциации саамов Норвегии (*Sámiráđđi*), организации, которая представляет интересы саамов в Норвегии и является важным актором рассматриваемой конфликтной ситуации. Более того, саамы говорят, что некоторые из этих проектов рискуют нанести больше вреда окружающей среде, чем пользы [29], а осуществление ветроэнергетических проектов называют «зеленым колониализмом». Ветряные электростанции сами по себе, инфраструктура, созданная при их строительстве и эксплуатации, включающая дороги и другие сооружения, а также шумовое загрязнение, приводят к возникновению проблем для выпаса оленей.

К тому же, размещение ветряных турбин нарушает миграционные маршруты, вынуждая оленеводов искать новые пути перемещения стад оленей между зимними и летними пастбищами, при этом согласовывать эти пути и время миграции стад с владельцами ветряных электростанций. Это нарушение их прав, так как пути и сроки миграций должны определяться самими оленеводами в зависимости от погодных условий, которые в настоящее время, в связи с резкими и часто непредвиденными климатическими изменениями в Арктике, становятся все более трудно предсказуемыми.

Характерно то, что не только саамские оленеводы высказывают опасения по поводу установки ветряков на обширных территориях Арктики. Некоторые природоохранные организации утверждают, что строительство ветряных турбин и подведение к ним необходимой инфраструктуры оказывают негативное воздействие на состояние водных ресурсов, почв, растительного и животного мира, снижает биоразнообразие и, в целом природную устойчивость ландшафтов. Важным моментом, о котором говорят и другие землепользователи, является снижение привлекательности уникальных естественных арктических ландшафтов для посещения туристов.

Отслеживая возникновение новейших проблем, касающихся саамского оленеводства, СОМ выделяет проблему состояния лесотундровых и бореальных лесов Арктики оцениваемую с точки зрения воздействия на продуктивность пастбищных угодий, которая привлекает все большее внимание научного сообщества и вызывает озабоченность у местных жителей. К новым проблемам следует отнести масштабную лесопромышленную вырубку лесов и деградацию лишайников на пастбищах. Для решения этой проблемы требуется согласование управления лесопромышленной деятельности с развитием традиционного пастбищного оленеводства [30].

Падение продуктивности оленеводческих пастбищ в подзонах лесотундровых и бореальных лесов Арктики стало вызывать геополитические конфликты на межнациональном уровне. Зимой 2023 года 40 оленей из норвежской провинции Финнмарк пересекли границу и паслись более двух месяцев на территории Мурманской области в заповеднике Пасвик, нанеся ущерб биоразнообразию и состоянию естественных пастбищ. Заповедник - часть трехстороннего парка «Пасвик-Инари», одного из немногих в Европе трехсторонних трансграничных парков [31,32].

Среди основных проблем, с которыми столкнулись саамские оленеводы при строительстве ветряков на оленьих пастбищах необходимо выделить следующие:

Введение правительственных квот на оленепоголовье;

Резкие колебания температур на границе положительных и отрицательных значений, приводящие то к оттаиванию, то замерзанию и обледенению пастбищ, в результате чего оленям становится трудно добраться до корма под ледяной коркой. Поэтому возрастают расходы на закупку большого объема дополнительных кормов;

Рост частоты тундровых и лесных пожаров;

Снижение способности пастбищных территорий к улавливанию углерода, столь значимой в решении глобальной проблемы «потепления климата»;

Инфраструктура, созданная при строительстве и эксплуатации ветряков, включающая дороги и другие сооружения, как и шумовое загрязнение, приводят к возникновению проблем для выпаса оленей;

Размещение ветряных турбин нарушает миграционные маршруты, вынуждая оленеводов и их оленьи стада искать новые пути перемещения между зимними и летними пастбищами, при этом согласовывать эти пути и время миграции стад с владельцами ветряных электростанций;

Недоучет традиционных знаний и мнений саамов при выборе земель для строительства ветряков. Усиливающаяся в последнее время «норвегизация» привела к тому, что эти знания саамов (Арбедиехту) стали часто рассматриваться как «неполноценные», в то время как их утрата будет невосполнимой потерей для саамского народа [33].

Среди возможных путей решения проблем, с которыми столкнулись саамские оленеводы при строительстве ветряков на оленьих пастбищах СОМ позволяет выделить следующие:

Формирование национальной стратегии развития ветроэнергетики, в соответствии с которой должно быть обосновано выделение территорий, где ветряные электростанции не могут быть построены как по природно-климатическим, так и социально-экономическим, в том числе этнокультурным ограничительным факторам;

Развитие ветроэнергетики в сочетании с конструированием жизнеспособных оленеводческих СЭС в Арктике и рассмотрением сочетаний ветроэнергетики с другими видами энергообеспечения, например, модернизации существующих в регионе плотин малых гидроэлектростанций;

Развитие смешанной экономики, основанной на традиционных знаниях и образе жизни коренного населения Арктики. Если объем оленеводческой деятельности на некоторое время сокращается, оленевод уделяет большее внимание другим видам традиционного хозяйства (рыболовство, собирательство, национальное искусство) или временно переходит на оплачиваемую работу (например, в туристическую деятельность). В этом заключается суть

смешанной экономики, которая служит важнейшей мерой адаптации к природно-климатическим изменениям и залогом выживания в суровых и резко меняющихся климатических условиях; Трансформация оленеводческих СЭТС в сторону достижения их жизнеспособности, построенная на чередовании использования различных природных условий и ресурсов, а также на их разнообразии, является стержнем устойчивости, а не производство, основанное на добыче какого-либо одного ресурса.

ВЫВОДЫ

На основе синтеза концепций устойчивого развития и жизнеспособности социально-экологических территориальных систем разработана методология социально-ориентированного мониторинга устойчивости Арктики с выделением и специальным рассмотрением сфер жизнедеятельности (природно-климатической, социально-экономической и этнокультурной, а также управления и права) с фокусированием на задаче повышении качества жизни и уровня человеческого и социального капитала. Выделены основные подходы социально-ориентированного мониторинга, к которым относятся междисциплинарный в интеграции с полимасштабным и проблемно-стратегическим. Подчеркнуто значение синтеза этих подходов в процессе социально-ориентированного мониторинга путем выделения ключевых проблем, постановке задач по решению этих проблем на взаимопересекающихся глобальном, панарктическом, национальном и локальном уровнях. Опыт Норвегии при создании устойчивых территориальных систем развития ветроэнергетики на оленьих пастбищах провинции Финнмарк указывает на то, что большую роль играет развитие диверсифицированной смешанной экономики, основанной на традиционных знаниях, оценках и мнениях коренного населения Арктики. Учет этого зарубежного опыта необходим для создания устойчивых социально-экологических систем развития ветроэнергетики в Арктической зоне России.

Благодарности. Данная работа, выполнена в рамках ГЗ ИГРАН "Проблемы и перспективы территориального развития России в условиях его неравномерности и глобальной нестабильности" № 0148-2019-0008, № АААА-А19-119022190170-1 и при подготовке ГЗ ИГРАН «Социально-экономическое пространство России в условиях глобальных трансформаций: внутренние и внешние вызовы» FMWS-2024-0008 1021051703469-7

Список источников и литературы

1. Власова Т.К., Волков С.Г., Зайка Ю.В., Лыткин И.И., Медведков А.А., Медведков А.А. Хропов А.Г. Развитие структуры панарктического мониторинга качества жизни и человеческого потенциала: опыт ИАСОС // Конкурентный потенциал северных и арктических регионов: Сб. научных трудов / Отв. ред. В.И. Павленко. – Архангельск: Архангельский научный центр Уральского отделения РАН, 2014, С. 15-19
2. Vlasova T., Petrov A. N., Volkov S. Rethinking Sustainability Monitoring in the Arctic by Linking Resilience and Sustainable Development in Socially-Oriented Observations: A Perspective // Sustainability. 2021. 13. 177. DOI: 10.3390/su13010177
3. Доклад Межправительственной группы экспертов по изменению климата МГЭИК - IPCC 2021 (IPCC AR6 Climate Change 2021: The Physical Science Basis. <https://www.ipcc.ch/report/ar6/wg1/>
4. Vlasova T. and Volkov S. 2016. Towards transdisciplinarity in Arctic sustainability knowledge co-production: Socially-Oriented Observations as a participatory integrated activity. Polar Science, 10 (3), 425–432. doi:10.1016/j.polar.2016.06.002.
5. Красноштанова Н.Е. 2022. Особенности Административного управления в районах нового промышленного освоения Севера: проблемы и преимущества социально-экономического развития. СЕВЕР И РЫНОК: формирование экономического порядка. 2022. № 2. С. 82–96. doi:10.37614/2220-802X.2.2022.76.007
6. Carson M., Sommerkorn M., Behe C., Cornell S., Gamble T., Mustonen T., Peterson G., Vlasova T., Chapin F. S. III // An Arctic Resilience Assessment. Chapter1/ Arctic Resilience Report. Arctic Council (2016). M. Carson and G. Peterson (Eds). Stockholm. 2016. P. 2-22.
7. Vlasova T.K. 2022. Arctic Resilience Adaptation Forum project preparation. 2022. Enhancing International Scientific Cooperation: Arctic Science and Technology Advice with Ministries (UNITAR). 2022. Series of 3 webinars held 21 February 2022, 10 March 2022 and 24 March 2022. <https://www.unitar.org/event/full-catalog/enhancing-international-scientific-cooperation-arctic-science-and-technology-advice>)
8. International Science Council. 2023. Report for the Mid-Term Review of the Sendai Framework for Disaster Risk Reduction. Paris, France, International Science Council. DOI: 10.24948/2023.01. <https://council.science/publications/mtr-sendai-framework-disaster-risk-reduction>.
9. Meredith, M., M. Sommerkorn, S. et al., 2019: Polar Regions. In: IPCC Special Report on the Ocean and Cryosphere in a Changing Climate [H.-O. Pörtner, D.C. Roberts, V. Masson-Delmotte, P. Zhai, M. Tignor, E. Poloczanska, K. Mintenbeck, A. Alegría, M. Nicolai, A. Okem, J. Petzold, B. Rama, N.M. Weyer (eds.)], Cambridge University Press, Cambridge, UK and New York, NY, USA, pp. 203–320. <https://doi.org/10.1017/9781009157964.005>. Michael Meredith, Martin Sommerkorn. IPCC 2019. Polar Regions. pp 203-320.

10. T.K. Vlasova, S.Volkov, A. Hofgaard. 2012. Methodology of Socially-oriented observations engaging community perceptions as an instrument for decision-making: case of the northern European Russia. IPY 2012 From Knowledge to action conference. PPS Arctic abstract.p.18

11. Arctic Monitoring and Assessment Programme (AMAP), Arctic Climate Change. Key Trends and Impacts. Summary for Policy-makers, 2021.Update 2021: 12. Arctic Report Card 2021[Электронный ресурс] www.arctic.noaa.gov (дата обращения: 4.01.2022)

12. E. Post, R.B. Alley, T.R. Christensen, M. Macias-Fauria, B.C. Forbes, M.N. Gooseff, A. Iler, J.T. Kerby, K.L. Laidre, M.E. Mann, J. Olofsson, J.C. Stroeve, F. Ulmer, R.A. Virginia, M. Wang // Science Advances. 2019. Nr. 5 (12).

13. Rocha, J.C. 2022. Ecosystems are showing symptoms of resilience loss. Environ. Res. Lett. 17 065013

14. С. А. Гуляй, Ю. Б. Скачков, Анализ продолжающегося формирования многолетней мерзлоты под хвойными лесами в условиях глобального потепления», М. С. Рожина. «Лесоведение», 2022, № 4, сс. 419-431.

15. Monitoring Biodiversity. Combining Environmental and Social Data.

Edited By Anna Allard, E. Carina H. Keskitalo, Alan Brown 2023. Imprint Routledge Pages 416. eBook ISBN 9781003179245 DOI <https://doi.org/10.4324/9781003179245>

16. Wilbert van Rooij, Iulie Aslaksen, Isak Henrik Eira, Philip Burgess, and Per Arild Garnåsjordet. 2023. Loss of Reindeer Grazing Land in Finnmark, Norway, and Effects on Biodiversity: GLOBIO3 as Decision Support Tool at Arctic Local Level. S. D. Mathiesen et al. (eds.), *Reindeer Husbandry*, Springer Polar Sciences, https://doi.org/10.1007/978-3-031-17625-8_9

17. Pecl, G. T., Kelly, R., Lucas, C., van Putten, I., Badhe, R., Champion, C., Chen, I.-C., Defeo, O., Gaitan-Espitia, J. D., Evengård, B., Fordham, D. A., Guo, F., Henriques, R., Henry, S., Lenoir, J., McGhie, H., Mustonen, T., Oliver, S., Pettorelli, N. Verges, A. (2023). Climate-driven 'species-on-the-move' provide tangible anchors to engage the public on climate change. *People and Nature*, 00, 1– <https://doi.org/10.1002/pan3.10495>

18. Клеши и наводнения. Якутия испытывает изменение климата.<https://ecologyofrussia.ru/kleshchi-i-navodneniya-yakutiya-ispytuvaet-izmeneniye-klimata/> Дата обращения 22.07.2023

19. Соломина О.Н. Потепление климата происходит по самому пессимистичному сценарию. 05.10.2021 / № 339 / с. 6 / Ольга Соломина / Исследования / <https://trv-science.ru/2021/10/poteplenie-klimata-proisxodit-po-samomu-pessimistichnomu-scenariyu/>

20. Научный совет РАН: человек не виноват в изменении климата и глобальном потеплении 19 мая 2023 <https://eadaaily.com/ru/news/2023/05/19/nauchnyy-sovet-ran-chelovek-ne-vinovat-v-izmenenii-klimata-i-globalnom-poteplenii>

21. Tero Mustonen 2022. Wild reindeer as a keystone cultural and ecological species in the Eurasian north. *Global change biology*. 9 April 2022 / DOI: 10.1111/gcb.16203

22. Президентское совещание по развитию Арктики. 13 апреля 2022– <https://regnum.ru/news/polit/3563462.html>

23. Национальная ассоциация нефтегазового сектора <https://nangs.org/news/upstream/alayska-chto-zhdet-amerikanskoe-neftuyanoe-elyorado> (Дата обращения, 09.06.2021) .

24. Шулер В. 2023. Научная контрреволюция, существует ли мировая наука? РСМД. 14. 07. 2023 <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nauchnaya-kontrevolyutsiya-sushchestvet-li-mirovaya-nauka/>

25. Власова Т.К., Волков С.Г. Опыт решения конфликтных ситуаций между оленеводством и ветроэнергетикой в Арктике и адаптация к глобальным климатическим изменениям (на примере Норвегии) // Экономика сельского хозяйства России. — 2022. — № 2. — С. 82–87. DOI 10.32651/222-82

26. Журнал Эксперт. 2023. <https://expert.ru/expert/2023/27/dengi-na-veter/>

27. Jernsletten, J.-L. L. & Klokov, K. (2002). *Sustainable reindeer husbandry. Arctic council 2000–2002* (157 pp).

28. Суд Норвегии: ветряные электростанции наносят ущерб саамским оленеводам. Европейская правда. 11 октября 2021 [Электронный ресурс]

<https://www.eurointegration.com.ua/rus/news/2021/10/11/7128889>

29. Nora Buli. Norway wind turbines should be torn down, reindeer herders say. [Электронный ресурс] - Режим доступа: Arctic Today November 12, 2021 <https://www.arctictoday.com/norway-wind-turbines-should-be-torn-down-reindeer-herders-say/>

30. Jeannette Eggers , Ulrika Roos , Torgny Lind , Per Sandström . 2023. Adapted forest management to improve the potential for reindeer husbandry in Northern Sweden. *Ambio*. 2023. 31 July. <https://doi.org/10.1007/s13280-023-01903-7>

31. Новости. 28.07. 2023 <https://m.lenta.ru/news/2023/07/28/oleni/?from=amp>

32. Пасвик. Государственный природный заповедник <https://pasvik-reserve.ru/information/>

33. Gunn-Britt Retter. Indigenous cultures must not be forced to bear the brunt of global climate adaptation. Arctic Today. November 25, 2021. p.151.

Власова Татьяна Кузьминична, к. геогр. н., вед. науч. сотр., Лаборатория геополитических исследований, Институт географии РАН; e-mail: tatiana.vlsv@gmail.com

SOCIALLY-ORIENTED MONITORING OF ARCTIC SUSTAINABILITY: ON THE EXAMPLE OF CLIMATE CHANGE ISSUES AND THE DEVELOPMENT OF THE RENEWABLE ENERGY RESOURCES AS ADAPTATION MEASURE

Vlasova T.K.¹

¹ Institute of Geography, RAS, Moscow, Russia

The purpose of the article is to analyze approaches, methods and highlight a number of results obtained so far of socially oriented monitoring of the sustainability of the socio-ecological territorial systems of the Arctic, carried out in conditions of rapid natural-ecological, socio-economic and geopolitical changes. The article focuses on the problems of climate change and the improvement of approaches and measures to adapt to these changes through the use of renewable energy sources. A

methodology has been developed for socially-oriented monitoring of the sustainability of the Arctic with the identification and consideration of natural-climatic, socio-economic, ethno-cultural, as well as the sphere of management and law factors. Main approaches of socially-oriented monitoring are singled out: interdisciplinary, multi-scale and problem-strategic. The importance of the synthesis of these approaches in the process of socially oriented monitoring to identify key problems, setting goals at intersecting global, pan-Arctic, national and local levels is emphasized. An important part of the study is the analysis at the local territorial level of foreign experience in creating sustainable territorial systems for the development of wind energy in reindeer pastures (on the example of the case of the Norwegian province of Finnmark). This experience indicates that the development of a diversified mixed economy based on traditional knowledge, assessments and opinions of the indigenous and local population of the Arctic plays an important role in creating sustainable socio-ecological territorial systems for the development of wind energy on the lands of traditional nature management. Such foreign experience is of great importance in the process of creating sustainable territorial socio-ecological systems for the development of wind energy in the Arctic zone of the Russia.

Key words: socially-oriented monitoring, Arctic, climate change, resilience, sustainability, human and social capital, renewable energy resources.

Vlasova Tatyana Kuzminichna, Candidate of Geographical Sciences, Leading Researcher of the Laboratory of Geopolitical Research, Institute of Geography, RAS; e-mail: tatiana.vlsv@gmail.com

УДК 991.9:332.1

ФАКТОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: УГРОЗЫ ИЛИ ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ВНЕШНИХ ВЫЗОВОВ

Волошенко К.Ю.¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Общественно-географическое изучение экономической безопасности регионов с учетом ее пространственных особенностей в современных геополитических условиях приобретает все большее значение. Эксклавная Калининградская область после 2022 г. в сравнении со многими приграничными регионами России оказалась в более сложных условиях. Поэтому выделение и изучение факторов экономической безопасности эксклава представляется актуальным как с точки зрения новых вызовов и угроз, так и потенциальных возможностей для роста и развития территории. В статье анализируется влияние факторов экономической безопасности, обусловивших изменение ее уровня в разные периоды времени развития Калининградской области (до 2014 гг., 2015–2021 гг., после 2022 г.). Все факторы экономической безопасности типологизированы по целевому содержанию (общие и специфические) и направлению действия (конструктивного (потенциал-формирующего) и деструктивного (потенциал-разрушающего) характера). В условиях новых внешних вызовов оцениваются возможные направления обеспечения экономической безопасности Калининградской области с учетом действия различных факторов как сдерживающих или движущих сил ее трансформации.

Ключевые слова: факторы экономической безопасности, устойчивое развитие, самообеспечение, внешние вызовы, эксклавное положение, Калининградская область.

ВВЕДЕНИЕ

Экономическая безопасность наиболее часто определяется как состояние защищенности экономики территории (страны, региона, города и др.) от внешних и внутренних угроз [1]. Она неразрывно связана с такими категориями, как устойчивость, стабильность, условия и факторы развития, способность противостоять угрозам и др. На уровне региона в работах российских авторов понятие экономической безопасности нередко рассматривается как интегральная характеристика состояния территории [2–6]. Поэтому в экономической безопасности региона выделяют не только экономическую составляющую, но экономико-демографическую, продовольственную, социальную, финансовую, транспортную, внешнеэкономическую, военно-политическую и другие компоненты [7].

Объектом настоящего исследования выступает Калининградская область, которая относится к приграничным регионам России, но отличается и особым эксклавным положением. Поэтому изучение экономической безопасности проводится в рамках общественно-географического подхода [8], позволяющего выделять ее пространственные особенности.

В целях дальнейшего исследования экономическая безопасность территорий, имеющих приграничное положение, в т.ч. эксклавы, определяется как *устойчивое состояние региона, характеризующееся защищенностью от внешних вызовов и угроз, в том числе обусловленных приграничным (эксклавым) положением, направленное на его комплексное развитие и защиту интересов российского общества*. В определении учитывается связь с общим понятием экономической безопасности, а также ее пространственные особенности, которые были выявлены в более ранних исследованиях на примере приграничных регионов, в том числе Западного порубежья России [5, 8, 9].

Экономическая безопасность конкретного региона обусловлена конкретными факторами. В современных исследованиях сложилось два подхода по отношению к факторам экономической безопасности: с одной стороны, они связаны только с угрозами [10—12], с другой — рассматриваются как с позиции угроз, так и возможностей развития территории [13—15]. В данной работе экономическая безопасность эксклава рассматривается именно с позиций второго подхода. Во-первых, обеспечение защищенности невозможно без комплексных изменений территориальной системы в целом. Во-вторых, не все угрозы носят реальный характер и имеют высокие риски нанесения ущерба, следовательно, постепенное формирование способности региона к нейтрализации потенциальных угроз и противодействию им требует трансформации и изменений, а значит и развития территории. В-третьих, экономическая безопасность как состояние региона связана с удержанием системы в динамическом равновесии, представляющем «...сочетание различных состояний структурной устойчивости системы в результате усложнения ее взаимодействия с внешней средой или нарушения внутреннего функционирования» [8, с. 27].

В работе проводится типологизация факторов экономической безопасности. На примере Калининградской области рассматривается, как изменение влияния факторов экономической безопасности отражалось на уровне ее обеспечения — возникли новые и усиливались традиционные угрозы или появились возможности для развития. В заключении дается оценка направлений укрепления экономической безопасности эксклава.

ФАКТОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА

Все факторы экономической безопасности приграничных регионов, в т.ч. эксклавы, предлагается типологизировать по целевому содержанию и направлениям действия.

Выделение факторов экономической безопасности по *целевому содержанию* объясняется именно различиями в географическом положении и условиях развития внутренних и приграничных регионов России. Если приграничные регионы больше зависимы от внешних изменений, то остальные регионы — от внутренних. Особое влияние на экономическую безопасность приграничных регионов оказывают и выполняемые ими функции (геополитические; контактные, буферные или барьерные; внешнеторговые; транзитные и др.), соотношение которых для конкретных приграничных территорий также различно. Поэтому факторы экономической безопасности предлагается группировать на *общие и специфические*. Общие факторы связаны с общенациональными вопросами обеспечения экономической безопасности для всех типов регионов, специфические — только отдельных типов регионов, в данном исследовании приграничных. В свою очередь специфические факторы могут быть объединены в группу базовых (основных) факторов, которые характерны для всех регионов конкретного изучаемого типа, а также дополнительных (индивидуальных) факторов — присущих отдельным территориальным единицам с учетом внутренних особенностей и воздействия внешних сил. Так, именно в группе дополнительных (индивидуальных) факторов предлагается изучать особенности экономической безопасности эксклавной Калининградской области.

В типологизации факторов экономической безопасности по *направлениям действия* нами используется подход, предложенный в работе [16]. Выделяются потенциал-разрушающие и потенциал-формирующие факторы. По сути, потенциал-разрушающие факторы экономической безопасности, связанные с угрозами, оказывают деструктивное воздействие на территориальную систему, сдерживая ее трансформацию. В результате уровень экономической безопасности снижается. Потенциал-формирующие факторы имеют обратное влияние, они создают новые возможности, оказывают конструктивное влияние и выступают движущими силами трансформации территориальной системы. В результате уровень экономической безопасности растёт.

При определенных внутренних условиях или внешнем окружении конкретного региона, общие и специфические факторы могут приобретать потенциал-формирующие или потенциал-разрушающие черты (рис. 1). Например, активная внешнеторговая политика региона в ущерб развитию собственных производств и роста их локализации имеет потенциал-разрушающее влияние, в обратном случае — способствует росту производственного потенциала и технологического уровня.

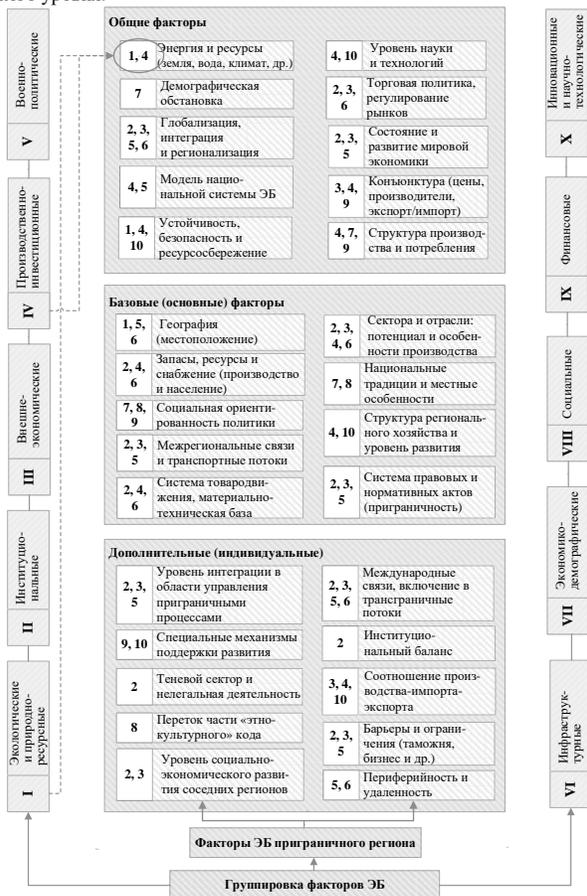

Рис. 1. Факторы экономической безопасности приграничного региона

Источник: собственные разработки автора в [8].

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЭКСКЛАВА

Измерение уровня экономической безопасности Калининградской области на интервале 2000—2019 гг. с использованием разработанной нами авторской методики проводилось в более ранних работах [5, 8, 9, 17] — рис. 2.

Интегральный индекс экономической безопасности

Рис. 2. Уровень экономической безопасности Калининградской области
 Источник: собственные расчеты автора в [17].

Измерение уровня экономической безопасности в 2020—2021 гг. не дает репрезентативных оценок по причине влияния пандемии COVID-19, которая нарушила режим функционирования региона и не связана напрямую с вопросами безопасности. Пандемия COVID-19 относится к мало предсказуемым и неуправляемым вызовам и угрозам (войны, эпидемии и др.). После 2022 г. условия и режим функционирования Калининградской области кардинальным образом изменился, что требует совершенно иного взгляда на вызовы и угрозы как традиционно существовавшие, так новые и нарождающиеся в отношении эксклава. Кроме этого, по причине отсутствия части данных, например, таможенной статистики, измерение экономической безопасности затруднительно.

Поэтому в работе выделены отдельные периоды в развитии Калининградской области, связанные с влиянием факторов экономической безопасности. До 2021 гг. учитываются результаты измерения уровня экономической безопасности, а в последующем периоде анализируется ожидаемое его снижение как с позиции изменения режима функционирования эксклава, так силы и масштабов влияния факторов.

2000—2014 г. (этап 1): представляет собой период смены «фазы активного развития» на «стабилизационную фазу» с точки зрения обеспечения экономической безопасности (рис. 2). Характерно завершение трансформационных процессов в регионе, наблюдаются высокие показатели инвестиционной активности, международного, в том числе приграничного сотрудничества. В период 2009—2014 гг. в связи необходимостью преодоления последствий мирового финансового кризиса 2008 г., а также усложнения геополитической ситуации усиливается негативное влияние зависимости территории от международных рынков.

2015—2022 гг. (этап 2): начало действия «фазы безопасности». Усиливается влияние последствий действия санкций ЕС и США, возрастает геостратегическая роль эксклава. В условиях реализации активной государственной политики по обеспечению национальной безопасности России, в том числе в направлении импортозамещения, возрастает значение роста локализации региональных производств. Наиболее заметны изменения в области развития сельского хозяйства региона, а также ориентации эксклава на рост самообеспеченности населения продуктами питания. Отмечается и влияние пандемии COVID-19: нарушение логистики, сложившихся цепочек поставок товаров и др.

после 2022 г. (этап 3) — санкционное давление недружественных стран, изменение географии внешней торговли, транспортная блокада эксклава, выход части иностранных инвесторов из российских активов и др. Экономическая безопасность становится ключевым вопросом жизнеобеспечения эксклава: производственный и технологический суверенитет,

самообеспеченность продовольствием, транспортная, финансовая, информационная безопасность и т.д.

В данной работе нами рассматриваются такие ключевые факторы для эксклава, как 1) модель национальной системы экономической безопасности (общий фактор), 2) структура регионального хозяйства (базовый (основной) фактор), 3) соотношение производства-импорта-экспорта (дополнительный (индивидуальный) фактор) (табл. 1).

Обращает внимание, что влияние факторов экономической безопасности на всем исследуемом интервале оказалось связанным с вызовами и угрозами, но не ростом и развитием региона. Отчасти это объяснялось отсутствием долгосрочной стратегической позиции региона по вопросам обеспечения экономической безопасности. Исключение составили энергетика, производство продуктов питания, социальная сфера, отчасти транспорт (строительство морского терминала в г. Пионерский, транспортно-логистических центров (гг. Калининград, Черняховск, Балтийск), паромов (Усть-Луга – Балтийск), дорожное строительство и др.). Таким образом, регионом реализовались меры в области обеспечения безопасности только отдельных сфер.

Таблица 1 Влияние отдельных факторов экономической безопасности на уровень экономической безопасности и развитие эксклава

Период	Фактор ЭБ	Влияние факторов ЭБ*		
		+/-	Вызовы и угрозы (-)	Возможности развития (+)
Этап 1 Рост уровня ЭБ до 2006 г. сменяется последующим снижением	1. Модель национальной системы ЭБ	-	Нормативно-правовая база по ЭБ не сформирована	Принятие НПА по ЭБ в отношении эксклава
	2. Структура регионального хозяйства	-	Низкий уровень локализации производства	Восстановление традиционных отраслей специализации
	3. Соотношение производства-импорта-экспорта	-	Увеличение импорта, транзитная роль эксклава	Рост ДС в производстве и наращение экспорта
Этап 2 Постепенный рост уровня ЭБ до 2019 г. и стагнация в период 2020-2021 г.	1. Модель национальной системы ЭБ	-	Несогласованность НПА по ЭБ [17]. Отсутствие НПА по ЭБ на уровне эксклава	Принятие НПА по ЭБ на уровне Калининградской области
	2. Структура регионального хозяйства	-	Сохраняется без изменений с середины 2000-х гг.	Включение в межрегиональные хозяйственные связи РФ
	3. Соотношение производства-импорта-экспорта	-	Усиление импортной зависимости региона	Реализация модели импортозамещения в ключевых производствах
Этап 3 Снижение уровня ЭБ в 2022 г. и принятие мер по стабилизации ситуации в регионе	1. Модель национальной системы ЭБ	+	Отсутствие НПА по ЭБ на уровне приграничных регионов (эксклава)	Нормативно-правовая база по ЭБ сформирована
	2. Структура регионального хозяйства	-	Закрытие части производств, уход бизнеса из региона	Реструктуризация хозяйства при снижении зависимости от внешних факторов
	3. Соотношение производства-импорта-экспорта	-	Изменение географии торговли при сохранении зависимости от поставок из вне	Наращение производства и вывоза и экспорта экономически сложной продукции

Примечание: ЭБ — экономическая безопасность, НПА — нормативные правовые акты, ДС — добавленная стоимость.

Источник: собственные разработки автора.

В Калининградской области, учитывая ее эксклавное положение, до сих пор не приняты нормативные документы, касающиеся обеспечения экономической безопасности региона. Однако потребность стратегирования развития региона в интересах обеспечения его экономической безопасности существовала всегда. Калининградская область в отличие от многих приграничных регионов России всегда всегда преодолевала влияние внутренних или внешних вызовов. Это и 2006 г., когда впервые бизнес региона испытал сложности в связи с изменением закона об ОЭЗ, позже влияние кризиса 2008 г. имело более тяжелые последствия для региона, а также санкционные ограничения стран ЕС и США в 2014 г. значительно затормозили развитие промышленных производств области. Сложное восстановление экономики эксклава было нарушено влиянием пандемии COVID-19, а с 2022 г. Калининградская область оказалась в совершенно иных условиях функционирования. Очевидно, что без системных изменений и трансформации хозяйственной модели эксклава, приоритизации видов экономической деятельности и их селективной поддержки дальнейшее функционирование региона на долгие годы останется полностью дотационным при постепенном снижении уровня и качества жизни населения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показали результаты исследования, развитие Калининградской области с 2000-х годов, несмотря на ее особое эксклавное положение, при постоянном возникновении внутренних и внешних вызовов и угроз происходило вне парадигмы экономической безопасности. Ситуация после 2022 г. выявила, что в условиях сохранения сложившейся модели хозяйственная, ориентированной на внешние ресурсы, регион не готов противостоять новым вызовам и угрозам.

С точки зрения обеспечения экономической безопасности в условиях эксклавности развитие Калининградской области должно происходить в следующих направлениях.

Во-первых, необходима разработка нормативно-правовой базы обеспечения экономической безопасности эксклава. Принятие стратегических проектов и программ развития региона должны быть ориентированы на достижение роста показателей безопасности.

Во-вторых, развитие региона должно быть направлено на расширение собственного потенциала, использование внутренних ресурсов и укрепление межрегиональных связей в границах единого экономического пространства РФ, а не ориентации на внешние рынки.

В-третьих, сохраняют актуальность вопросы реструктуризации регионального хозяйства эксклава, которая должна вести к рациональной и эффективной структуре экономики с использованием прежде всего внутренних ресурсов и источников роста и развития.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-27-20064, <https://rscf.ru/project/22-27-20064/>.

Список источников и литературы

1. Сенчагов В. К. Экономическая безопасность: геополитика, глобализация, самосохранение и развитие. Институт экономики РАН. М.: Финстатинформ, 2002.
2. Гуськов Н. С., Зенякин В. Е., Крюков В. В. Экономическая безопасность регионов России. М.: Алгоритм, 2000.
3. Казанцев С. В. Экономическая безопасность и оценка экономической защищенности территории. Регион: Экономика и Социология, 3, с. 40–56, 2010.
4. Петров И. В., Огаян Т. М. Некоторые аспекты классификации индикаторов экономической безопасности региона, *Terra Economicus*, Том 10, 1–3, с. 201–204, 2010.
5. Федоров, Г. М., Волошенко, К. Ю., Горочная, В. В., и др. Проблемы экономической безопасности регионов западного побережья России. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2019.
6. Феофилова Т. Ю. Система экономической безопасности региона: понятие и структура, *Журнал правовых и экономических исследований*, 4, с. 184–188, 2013.
7. Теория и практика оценки экономической безопасности (на примере регионов Сибирского федерального округа) / под общ. ред. В.В. Карпова, А.А. Кораблевой. Новосибирск: изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017.
8. Волошенко, К. Ю. Экономическая безопасность приграничного региона. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2021.
9. Федоров, Г. М., Дружинин, А. Г., Катровский, А. П. и др. Западное побережье России: моделирование развития и обеспечение экономической безопасности. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2020.
10. Куклин А. А., Никулина Н. Л., Быстрой Г. П. и др. Диагностика угроз и рисков экономической безопасности региона, *Проблемы анализа риска*, Том 10, 2, с. 80—91, 2013.

11. Дюжилова О. М., Вякина И. В. Анализ рисков и угроз экономической безопасности региона, Региональная экономика: теория и практика, 14 (389), с. 53—64, 2015.

12. Багаряков А. В., Никулина Н. Л. Исследование экономической безопасности в аспекте взаимосвязи «инновационная безопасность — инновационная культура», Экономика региона, 4, с. 178—185, 2012.

13. Новикова И. В., Красников Н. И. Факторы региональной экономической безопасности, Вестник Ставропольского государственного университета, 58, с. 114—120, 2008.

14. Феофилова Т. Ю. Проблемы теории экономической безопасности, Проблемы современной экономики, 4, с. 103—106, 2009.

15. Шубина Н. В. Концептуальные подходы к пониманию экономической безопасности региона: сущность, структура, факторы и условия, Вестник Уральского федерального университета. Сер.: Экономика и управление, Том 16, 2, с. 288—307, 2017. doi: 10.15826/vestnik.2017.16.2.015.

16. Цветков В. А., Дудин М. Н., Лясников Н. В. Аналитические подходы и методы оценки экономической безопасности региона, Экономика региона, Том 15, 1, 2019, с. 1—12. doi 10.17059/2019-1-1.

17. Федоров Г. М., Волошенко К.Ю., Жданов В. П. Стратегия развития и экономическая безопасность Калининградской области: аналитический доклад. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2023.

Волошенко Ксения Юрьевна, к. экон. н., директор центра социально-экономических исследований Балтийского федерального университета им. И. Канта; e-mail: KVoloshenko@kantiana.ru

THE KALININGRAD REGION'S ECONOMIC SECURITY FACTORS: THREATS OR OPPORTUNITIES FOR DEVELOPMENT IN THE FACE OF NEW EXTERNAL CHALLENGES

Voloshenko K.Yu.¹

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

In the current geopolitical situation, the socio-geographical study of regional economic security considering its spatial peculiarities is growing in importance. After 2022, the exclave Kaliningrad region found itself in a more difficult position compared to many other border regions in Russia. The identification and study of the exclave's economic security factors seems relevant in terms of both new challenges and threats and potential opportunities for the economy's growth and development. The article analyzes the impact of economic security factors in different periods of the region's development (before 2014, 2015-2021, and after 2022). The paper provides the typology of all of the factors by their target content (general and specific) and vector (of constructive (developing potential) and destructive (destroying potential) nature). It assesses possible ways to ensure the region's economic security in the context of new external challenges considering various factors as restraints on or drivers to its transformation.

Key words: economic security factors, sustainable development, self-sufficiency, external challenges, exclave position, Kaliningrad region

Voloshenko Ksenia Yuryevna, Candidate of Economical Sciences, Director of the Centre of social-economic research of Immanuel Kant Baltic Federal University, e-mail: KVoloshenko@kantiana.ru

УДК 910.1

ЭКУМЕНИЗМ И ПРАВОСЛАВИЕ – ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Гнято Р.¹, Медар-Таньга И.¹

¹ Университет в Бани-Луке, Бани-Лука, Босния и Герцеговина

В рамках темы, определенной заглавием, авторы пытаются рассмотреть догматический, идеологический и геополитический смысл и бессмыслие экуменизма. Особое внимание в настоящей работе посвящено последствиям, к которым экуменизм привел, под непосредственным влиянием Святого Престола, в сербском этническом пространстве.

Ключевые слова: экуменизм, православие, католичество, догматы, геополитика, глобализм.

Экуменизм – зачатки, „смысл“, бессмыслие

Экуменизм как движение (*Magna Charta*) основан в конце 19 столетия, в 1897 году, на конференции 194 англиканских епископов в Ламбете. „На этом собрании сформулированы основные принципы экуменической унии христианских церквей. Ламбетская конференция поощряет догматический минимализм, исходящий из того факта, что единство нужно искать в

минимуме взаимной общности и богословских учений... Кроме того, выдвинут и т. наз. принцип толерантности к учениям других церквей и готовность к компромису любви. Третьим принципом Ламбетской конференции является знаменитая Теория ветвей (**Branch Theory**), исходящая из факта, что Церковь Христова – это разветвленное дерево, ствол которого представлен одной неделимой Церковью. Ветви – разные „церкви“, равноправные между собой и представляющие собой проявление одной Церкви. Уже в начале 20 века, в 1910 году, в Эдинбурге, в организации протестантских „церквей“ проведена Всемирная миссионерская конференция (**International Missionary Society**), на которой решено организовать Всемирное движение христиан по вопросам вероисповедания и церковного устройства (**World Movement for Faith and Order**). Одновременно с этим движением действовало и движение „Жизнь и труд“ (**Life and Work**), задача которого заключалась в осуществлении единства христиан через их сотрудничество в повседневных бытовых вопросах. Эти два движения в 1948 г. объединяются в т. наз. Всемирный совет Церквей (**The World Council of Churches**), с штаб-квартирой в Женеве. Параллельно со стремлениями унифицировать религию прилагались усилия создать общественные международные органы, которые позволят создание условий для политического сдвигания мира. Таким образом, в 1914 г. в Швейцарии образована Лига Наций, представляющая собой предшественницу Организации Объединенных Наций. В деятельности обоих движений усматривается единое намерение осуществить мировое единство во всех сферах жизни, но не в личности Богочеловека Христа и в его истине. По сути, речь идет об одной „хилиастической“ идее земного царства, которая уже столетиями вдохновляет Запад и которая проявляется в разнообразных формах, через папизм, гуманизм, марксизм, масонство и другие движения с подобной ориентацией“ [1: 5,6].

Главное препятствие приведенным выше идеям в религиозном плане, как уже давно известно, а о чем убедительно пишет о. С. Янич, представляло Православие с своей непримиримой позицией относительно любой модернистской идеи переосмысления Христианства. Вовлечь Православную церковь в экуменическое движение и заместить ее учение экклезиологической ересью было большим вызовом [1: 6].

Первую значительную уступку экуменизму сделал Константинопольский патриархат (1920 г.), когда издал Энциклику и направил ее „всем Церквям Христовым“, предлагая ввести григорианский календарь (вместо юлианского), ибо это позволило бы всем христианам одновременно отмечать религиозные праздники, несмотря на веру. Это было ясным знаком приближения Константинопольского патриархата к Западу, точнее, к Святому Престолу, т. е. папе, в ущерб духовному единству Православных Церквей, что, как время и показало, было чревато многочисленными последствиями для православных народов.

В вышеупомянутой Энциклике все поместные Православные Церкви называются „Церквями“, что относится и к различным еретическим конфессиям. „Энциклика призывает к необходимости трудиться над подготовкой и будущей реализацией полного единства, но не упоминает, что оно возможно в полноте православной истины Церкви Христовой. Различные еретические группы называются Церквями, нам не чуждыми и не чужими... Энциклика вызвала бурный восторг экуменического мира. Похвалы и панегирики поступали со всех сторон, от англиканцев, епископальцев, лютеран. В это время православный мир охватила великая смута и недоумение перед этим поступком Константинополя, который действительно был беспрецедентным [1: 7].

Экуменизм, по о. Савве, на самом деле стремится самовластно „исправить богочеловеческое учение Господа Христа, спуская его до уровня социальной, гуманистской и пацифистской идеи, пытаясь заместить и самого Христа обезбоженным и секуляризованным европейским человеком“ [2: 323]. По словам о. С. Янича, церковные теологи, образованные на папистском и протестантском Западе, вступили в контакт с новейшими экуменическими веяниями. „Разницу между Православной Церковью и западными „церквями“ они видели исключительно в области догматических формулировок, которые кое-как было возможно согласовать, и не понимали, что на Западе лик Господа Христа замещен гуманистским европейским человеком, что там и нету настоящего Христианства, и что в конечном итоге разницу нельзя исправить посредством компромиссных соглашений и диалога, а лишь истинным и глубоким раскаянием и исправлением еретиков“ [1: 8]. Итак, как отмечает о. С. Янич, экуменизм „переосмысляет христианство в духе „Нового времени“ (New Age) и тем самым открывает дверь Церкви для всех прочих ересей и новшеств [1: 5].

Выдающийся сербский теолог усопший в Христе Афанасий Евтич писал: „Что касается Римского или, точнее, „Римоцентричного“ Экуменизма, который был объявлен прежде всего на Втором Ватиканском соборе, хотя Римско-католическая церковь по сей день официально не вступила в Экуменическое движение [не является членом, а лишь „наблюдателем“ в женевском „Всемирном совете Церквей“ (*прим. Р.Г.*)], он не отказался от старой **униатской** (*журный шрифт мой. – Р. Г.*) ментальности и практики. Рим, к сожалению, работает не над настоящим единством Церкви, а над подчинением всех Церквей римскому папизму [3:186]. Здесь явно можно констатировать, что епископ А. Евтич принял реальность существования „церквей“, выдвигая: „Вместо участия в похоронах пережитков церковности в Западном Христианстве необходимо православное свидетельство о мученичестве Креста и торжестве Воскресения... Ибо Православие не может и не должно отказаться от своей миссии, не должно презреть и пренебречь приглашением и призывом непорочных христиан [3: 186].

Относительно экуменизма А. Евтич подчеркивает ключевую дилемму, как он высказывается, „некоторых“ в лоне Православия, и говорит: „Для нас Православных здесь ставится слишком серьезный вопрос: хотим ли мы, как думают и немереваются некоторые среди „экуменистов“ из православной среды, участвовать и сотрудничать, т. е. трудиться и впредь над этими похоронами или мы возобновим и укрепим наше перед разделенными христианами подлинное церковное свидетельство и исповедание истинной веры и донесение всему миру „светлой проповеди Воскресения [3:186]. Несомненно, А. Евтич – сторонник нашего (имеется в виду Сербская Православная Церковь) участия и сотрудничества между христианами, т. е. **нашего** участия в экуменизме.

Поучительное толкование отношения Православной Церкви к Римско-католической в контексте экуменизма, несмотря на „наблюдательскую“ роль Римско-католической Церкви в экуменическом движении, дал А. Евтич: „Для некоторых православных, и даже некоторых в церковных верхах, Римокатолицизм представляет „древнюю Западную Церковь“, с ее „особыми обычаями и догматами“, признаваемыми лишь на Западе и которые, как таковые, существовали и до 1054 года... Они при этом считают, что проблема нового единения христианских Востока и Запада не является и не должна являться делом теологии, Истинной веры, а делом „диалога и любви“ – надо лишь отменить взаимные анафамы Рима и Константинополя, коим образом и восстановится единство“. Такая упрощающая, небогословская и в большой степени агностическая постановка проблемы взаимоотношений между Православной Кафолической (*соборной. – прим. Р. Г.*) Церковью и Римской Церковью показывает не только незнание истории Церкви и настоящей богословской тематики, как и различных сотериологических перспектив, стоящих за догматическими различиями Православия и Рима, но и способствует продолжению и увековечению унионистской ментальности, лионско-флорентинской ментальности, которые и сегодня существуют в Папской Церкви, особенно в Ватикане.

Униатская ментальность папоцентрического римского Экуменизма не может быть изменена и превзойдена таким искажением подлинного Православного Икуменизма, т. е. бекством от признания настоящих богословских, сотериологических и экклезиологических проблем, отделяющие Римскую Церковь от древней Православной Церкви Святых Отцов и Вселенских соборов [3:181-193]. Не подлежит сомнению, что А. Евтич был убежден в возможности изменения **унионистской** ментальности папоцентрического римского Экуменизма. Тем не менее, непонятно, на чем **реальном** (исторически подтвержденном) он обосновывал такую возможность. Однако, с позиции экклезиологии и христологии, согласно А. Евтичу, возможно перекинуть мосты через все пропасти и бездны, все „дуализмы“ [3:181]. В самом деле, А. Евтич говорит о видении мира и человека, или, как он выражается, „Православного Икуменизма“.

О том, что экуменизм заходит за рамки догматов и имеет далеко идущие цели, весьма тонким образом высказался 25 мая 1995 года папа Иоанн Павел II: „Со Вторым Ватиканским собором Католическая церковь обязалась необратимо идти экуменическим путем и, таким образом, слушать голос Духа Господня, который поучает нас внимательно читать „знаки времени“. Все, что мы в эти годы в поисках **единства** (*журный шрифт мой. – Р. Г.*) испытали и все еще переживаем, еще глубже просвещает Церковь в ее идентичности и послании в истории“ [4:304]. Несомненно, папа как „Божий посланник“, значит, доверенный по важнейшим земным вопросам, дает Католической церкви задание распространять, по „Божьей воле“ и земным „приметам“, экуменизм. А как Католическая церковь распространяла его в ходе всей своей истории, включая и новейшую, лучшим образом показывают ее деяния, сотканые из:

насильственных культурологических процессов – обращения в униатство и католицизм многочисленных народов по всему миру, включая и православные; поощрение непосредственного участия в военных преступлениях; молчания о геноциде разных народов, особенно православных, совершенном теми, для кого папа был и остался духовным маяком; непосредственного участия в разрушении признанных государств (например, СФР Югославии) и мгновенного признания независимости сецессионистских республик Словении и Хорватии и т. д.

В связи с **унией**, идеей, в которой осуществится единство христианских церквей, что противостоит понятию и целям „униатства“, глубокие философские взгляды изложил российский профессор церковной истории А. Карташев [5]. Он отчетливо различает понятия „уния“ и „униатство“ и критически взвешивает позиции противников унии: „Подлинное соединение церквей есть идея, глубоко противоположная идее «уний». «Уния» – историческое явление, неизвестное древней вселенской церкви до времен крестовых походов. Термин «уния» с его специфическим поздним привкусом нередко переносится западными церковными историками в древнюю эпоху вселенских соборов. Но это произвольная модернизация языка и искажение исторической перспективы. Церковная древность знала только две формы восстановления единства церкви: или «присоединение» из еретических и раскольниковских обществ к истинной католической церкви, или «воссоединение» двух временно рассорившихся между собой частей вселенской церкви... Огрубляя, можно было бы сказать: в первом случае лжецерковь, включенная в состав церкви истинной, становится ее неотделимой частью, во втором – две части истинной церкви восстанавливают свой мир, не теряя своего лица. «Уния» поздних времен, эпохи разделенных церквей, есть третья форма, сложенная из двух прежних [5:43,44]. Эта третья форма „Унии“, заключает Карташев, значит, что „церковь, сознающая себя единой истинной, католической и апостольской, присоединяет к себе другую не на основе равноправия, а на условии одностороннего принятия на себя церковью присоединяемой вины за прошлое разделение с исправлением своей догматики, с принятием всех догматов церкви присоединяющей, но только с сохранением своих канонических, литургических и бытовых особенностей [5:44]. На практике это значило бы, что раскольниковские церкви, виновные в ереси и расколе, должны вернуться к истинной католической и апостольской церкви. Ожидать подобное – абсурдно, что показало и время, отмеченное почти тысячелетней политикой „Святого Престола“ и миссией Католической церкви, которая отвергает любую форму возвращения к Церкви-Матери, но одновременно отвергает равенство Церкви, к которой оно восходит (материнской церкви). Для Католической церкви приемлемо „униатство“, в котором Католическая церковь будет распространять католичество за счет Православия, что она и делает уже почти целых десять столетий. Практически, в экуменизме, хотя она не является членом этого движения, Католическая церковь видит возможность реализации десятилетиями целей „униатства“, которые являются вопросом не только религии, догматов, но, в первую очередь, вопросом масштабных геополитических, геоэкономических, геостратегических, в том числе и „культурологических“ интересов.

На позициях экуменизма, т. е. единства христианских церквей, стоял и Николай Арсеньев, знаменитый историк русской культуры, религиозный философ и поэт. В экуменизме, т. е. единстве церквей Арсеньев видит выход из всесторонних проблем мира, в котором мы живем [6:79-87]. Ради пушного абсурда – имеется в виду возможное единение церквей – он, Арсеньев, определенные препятствия восстановлению единства церквей видит и в русской богословской традиции, и утверждает: „Если бы голос русской богословской традиции, воспитанной больше на Отцах, чем на позднейших схоластических определениях, был всесо слышан, то многие односторонности в способе изложения были бы преодолены или уравновешены. Это облегчило бы разговоры с англиканцами и сосредоточило бы рассуждения, прения и споры не на тех пунктах, где собственно уже господствовало почти полное единство мнений между обеими сторонами, а на тех пунктах, где действительно существуют серьезные затруднения и препятствия [6: 85]. В чем Арсеньев видит единство мышления церквей, а особенно делания, после раскола (в 1054 году) – непонятно. А насколько это „единство“ помогло православию – показало само время до и после его жизни. Оно „помогло“, благодаря синергии Католической церкви и глобализма, дополнительно разрознить Православие, учредить новые неканонические православные церкви, некоторые среди которых приняли новый календарь ради того, чтобы вместе (одновременно) с католиками отмечать религиозные праздники. Это и есть

вклад „единства“ в выживание Православия, в выживание православных народов, их культур и государства?!! Аргументировать ответ – излишне.

Среди критиков экуменизма особенно выделился архимандрит Юстин (Попович), усматривая в этом движении не только догматическое разложение, но и источник многих зол в экумене. Про экуменизм он говорит, что это есть общее имя „для псевдоцерквей Западной Европы. В нем всей душой своей все европейские гуманизмы, с папизмом во главе. А все эти псевдохристианства, все эти псевдоцеркви не что иное, как сплошная ересь. Им всем общее одно название: всеересь. Почему? Потому что в истории разнообразных ереси отрицали или искажали отдельные свойства Богочеловека, Господа Христа, а эти европейские ереси удаляют всецелого Богочеловека и на Его место подставляют европейского человека. В этом нет значительной разницы между папизмом, протестантизмом, экуменизмом и прочими сектами, название которых *легион*. Православный догмат, на самом деле вседогмат о Церкви, отвергнут и заменен латинским еретическим вседогматом о первенстве и непогрешимости папы, человека“ [7:207]. Единение с таким догматом Католической церкви значит не что иное, как принятие всего, что папа проповедует (желает), при этом жертвуя всеми интересами не только Православной Церкви и ее догмами, но и всеми интересами православных народов, которые остались лояльными одной Святой Кафолической (соборной) Церкви.

Обоснованное критическое отношение к единству церквей и православное понимание экуменизма изложил выдающийся русский теолог и профессор Московской богословской академии Алексей Осипов. Он отмечает, что „Православие не может мыслить предполагаемое экуменизмом единство христиан иначе как только на почве чисто церковной, для которой все иные, приводящие моменты действительного и возможного христианского солидаритета являются лишь элементами внешними, психологическими, не имеющими прямого и принципиального отношения к подлинному единству. Поэтому экуменизм может достичь своей цели только в том случае, если существующие христианские церкви беспристрастно оценят свое настоящее кредо через призму учения и практики Древней Церкви, как наиболее полной и чистой выразительницы апостольской проповеди и духа Христова, и, найдя у себя что-либо измененным по существу, возвратятся к первоначальной целостности [8: 381,385]. Осипов подчеркивает, что Православие призывает не к себе как к конфессии, но к единству с „той единой Истиной, которую имеет оно (*имеется в виду Православие*. – прим. Р. Г.) и к которой может приобщиться всякий ищущий этой Истины [8:386]. В связи с экуменизмом, ключевая мысль А. Осипова гласит: „Говоря о Церкви, единство христиан в которой мыслится Православием как конечная цель экуменического движения, необходимо отметить следующие положения:

1. Таковой Церковью не являются все христианские церкви и общины, взятые вместе, ибо не количество отдельных церквей определяет полноту и единство Церкви, но соответствие любой Поместной Церкви истине древнецерковного Предания. Истина может быть и в одной Церкви. И в этом случае она является той Единой, Святой, Кафолической и Апостольской Церковью, в приобщении к которой могут обрести подлинное единство и все прочие христианские церкви.

2. Единство Церкви - это ее кафоличность. Но кафоличность не есть организованное содружество Церквей, fellowship, федерация. Не описывается кафоличность и понятием "консилиарное содружество"... Кафоличность, или соборность, - это целостность всего тела Церкви, сохраняемая единством духовным, вероучительным, sacramentalным, нравоучительным, институциональным и получающая свою полноту и окончательность в единстве Чаши Господней [8: 388, 389].

Геополитическое влияние и последствия экуменизма для православия – пример сербского этнического пространства

Говорить о влиянии экуменизма на православие и православный мир значит, прежде всего, говорить о влиянии „Святого Престола“, т. е. папы, а в формальном смысле Католической церкви. Ее экспансионистский характер, еще со времен Великого раскола, проявлялся в обращении в униатство, а затем и католичество православных сербов, что продолжается и по сей день. Первой мишенью, после Великого раскола, „милостиво святейшего отца“, т. е. папы – Божьего посланника и „непогрешимого“ человека, оказалась Сербская православная церковь и ее верный народ. Обращение в униатство началось в 11 столетии. Оно охватило большую часть сербского этнического пространства (часть сегодняшней Словении, большую часть Хорватии, всю Боснию и Герцеговину, часть Черногории, часть Сербии в ее сегодняшних границах и в

границах Старой Сербии). Параллельно с обращением в униатство шел и процесс насильственного и „добровольного“ обращения в католичество православных сербов. Оба процесса сопровождалась кроатизацией сербов с середины 19 века, продолжающейся до наших дней [9: 4-688].

Пик процессов католицизации и кроатизации приходится на начало Второй мировой войны, когда, руководимые экстремистской идеологией и клерофашизмом, усташские власти проводят геноцид сербов. Хорватский историк В. Новак в своем капитальном труде „Magnum Crimen“, на основе анализа целого ряда исторических источников и архивных материалов, объясняет влияние клерикализма на указанные выше события в первой половине 20 века. Отдельная глава, под названием „Террор и католицизация“, выделяется в смысле анализа последствий обращения в католичество и кроатизации сербского населения в т. наз. Независимом государстве Хорватия. В период 1941-1945 гг. в католичество переведено около 240 000 сербов [10: 788]. Процесс культурной ассимиляции сербов, под покровительством Католической церкви, интенсивно шел в пространстве, принадлежащем теперь Республике Словении, особенно в ее юго-восточной части – в Белой Краине, а также в большей части БиГ, и – в несколько меньших масштабах – в остальной части сербского этнического пространства. Короче, культурная ассимиляция сербов в сербском этническом пространстве, под покровительством Католической церкви, привела к увеличению численности хорватской нации, а в начале девяностых годов 20 века, с непосредственной помощью папы, причем в рамках политики глобализма, и к образованию независимых государств, Хорватии, а до нее – Словении.

Особый интерес экуменизма, неотъемлемой части политики глобализма и политики „Святого Престола“, значит, папизма, касается признания новых церквей в рамках православия. В контексте упомянутых интересов произошло и признание автокефальности Македонской православной церкви – Охридской архиепископии материнской церковью – Сербской православной церковью, 24 мая 2022 года, как и Вселенским патриархатом и патриархом вселенским Варфоломеем I (9 мая 2022 года). Не подлежит сомнению, что признание автокефальности Македонской православной церкви – Охридской архиепископии Сербской православной церковью не было бы, если бы обстановка на глобальной геополитической арене и геополитической арене Сербии не была такой, какая есть. Угодливость Вселенского патриархата и патриарха вселенского Варфоломея I в смысле полной поддержки Сербской православной церкви и ее признания этой автокефальности – продуманный акт, способствующий отдалению Сербской православной церкви от Руской православной церкви. Тем самым Вселенский патриарх берет на себя роль преследования мрачных целей экуменизма и еще более мрачных целей глобализма.

Как уже известно, константинопольский патриарх Варфоломей I признал и автокефальность Православной церкви Украины (5 января 2019 года), вопреки волеизъявлению и позиции, озвученными Руской православной церковью. После этого поступка Русская православная церковь порвала связи со Вселенским патриархатом, что можно считать самым большим расколом в христианстве после того 1054 того.

В Черногории была провозглашена т. наз. Черногорская православная церковь в 1993 году. В качестве неканонического конфессионального сообщества она действует на территории Черногории и в черногорских заграничных сообществах. Она тоже является результатом распада Югославии, влияния глобализма, возникновения „этнических черногорцев“, цель чего было приобщение „черногорской нации“ к целям экуменизма, интересам папизма и коллективного Запада. Эта самопровозглашенная независимость должна быть одним из столбов черногорской нации и черногорской независимости, против воли и интересов сербского православного народа в Черногории, создавшем Черногорию, одно из сербских государств на Западных Балканах.

На примере Сербской православной церкви, но и Русской православной церкви, т. е. сербского и русского мира, возможно узреть и практические цели экуменизма. Они однозначно выполняют функции глобализма, но и папизма, который в своей тысячелетней истории стремится низвергнуть православие и перевести православных в католицизм. На этом пути, как история показала, дозволены все средства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как организованное движение, экуменизм возник в лоне англиканцев и рационалистского Запада. Однако, корни этого явления идут очень глубоко, и мы находим их в догматической, а еще более в идеологической идентичности и програмных целях Католической церкви. Поэтому сегодня на экуменизм надо смотреть, как на движение, преследующее глобалистские интересы Запада и десятилетиевые интересы Католической церкви.

Экуменизм, под сильным влиянием папы и католицизма, уже давно является вопросом не только религии. Он прежде всего важный геополитический, геоэкономический и культурный вопрос, как глобализма, так и Католической церкви.

Сегодня, в современном мире, экуменизм находится в синергии с мрачными целями глобализма. Он направлен против Православия, прежде всего русского и сербского, на крушение суверенных государств, на установление „новых ценностей“, которые обесмысливают традиционные ценности всех народов и природу человеческого существования. Такой экуменизм абсолютно **неприемлем** для интересов и учения одной Святой Кафолической (соборной) Церкви. Экуменизм в смысле истинной **унии** христианских церквей тоже невозможен. Почему? Потому что это, с точки зрения одной Святой Католической (соборной) церкви, безусловно подразумевало бы возвращение отколовшихся еретических „церквей“ к Церкви-Матери, включая и возвращение Католической церкви, возглавляемой „непогрешимым“ папой – Божьим посланником на Земле, а это все еще и практически и теоретически невозможно.

Список источников и литературы

1. Јеромонах Сава Јањић (1995): Екуменизам и време апостасије. Епархија Рашко-Призренска.
2. Епископ Артемије (Радосављевић) (2005): СРПСКА ЦРКВА ПРОТИВ ЕКУМЕНИЗМА. Научни скуп „Православље и екуменизам настанак, очекивања, негирања“, 20-24. септембра 2004. Солун. Хришћански културни центар Београд.
3. Атанасије Јевтић (2005): Православни икуменизам. Зборник текстова. Хришћански културни центар, Београд.
4. Tomo Vukšić (1996): EKUMENIZAM U "KATEKIZMU KATOLIČKE CRKVE". Crkva u svijetu: Crkva u svijetu: Vol. 31. str. 304-322
5. Карташев Антон (2005): УЈЕДИЊЕЊЕ ЦРКАВА У СВЕТЛУ ИСТОРИЈЕ. Православље и екуменизам. Зборник текстова. Хришћански културни центар, Београд (Из зборника „Христианско восоосдињене“ УМСА-Press, Париз, 1933, стр. 82-120
6. Арсењев Николај (2005): ПОКРЕТ КА ЈЕДИНСТВУ ХРИШЋАНСКИХ ЦРКАВА И ПРОБЛЕМ САВРЕМЕНОГ СВЕТА. Зборник текстова. Хришћански културни центар, Београд (Чланак је објављен у париском часопису „Пут“, бр. 31, септембар 1931, стр. 76-88)
7. Јустин (Поповић) (2005): ХУМАНИСТИЧКИ ЕКУМЕНИЗАМ. Зборник текстова. Хришћански културни центар, Београд. (Преузето из књиге: Архимандрит Јустин Поповић, Православна Црква и екуменизам, Манастир Хиландар 1995, стр. 123-141.)
8. Осипов Алексеј (2005): ПРАВОСЛАВНО ПОИМАЊЕ ЕКУМЕНИЗМА. Зборник текстова. Хришћански културни центар, Београд (Чланак је преузет са www.svetosavlje.org/biblioteka/Izazovi/Osipov.htm)
9. Радонић, Ј. (1950): Римска курија и јужнословенске земље од XVI до XIX вијека. Научна књига, Београд
10. Novak, V. (1948/1986): Magnum Crimen – pola vijeka klerikalizma u Hrvatskoj. Zagreb, Београд: Nova knjiga

Гњато Райко, професор, доктор наук, Университет в Баниа-Луке, Естествено-математический факултет; e-mail: gnjator@pmfbl.org

Медар-Танђа Ирена, професор, доктор наук, Университет в Баниа-Луке, Естествено-математический факултет; e-mail: irena.medar-tanjga@pmf.unibl.org

ECUMENISM AND ORTHODOX - GEOPOLITICAL ASPECT

Gnjato R.¹, Medar-Tanja I.¹

¹ University of Banja Luka, Banja Luka, Bosnia and Herzegovina

Within the scope of the topic, defined by the title, an attempt is made to give an answer to the dogmatic, ideological and geopolitical sense and nonsense of ecumenism. Special attention, within the work, is devoted to the consequences that ecumenism, under the direct influence of the Catholic Church, left in the Serbian ethnic area.

Key words: ecumenism, Orthodoxy, Catholicism, dogma, geopolitics, globalism.

Gnjato Rajko, Doctor, Professor of Faculty of of Natural sciences and Mathematics, University of Banja Luka; e-mail: gnjator@pmfbl.org

Medar-Tanja Irena, Doctor, Professor of Faculty of of Natural sciences and Mathematics, University of Banja Luka; e-mail: irena.medar-tanjga@pmf.unibl.org

ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ И ПОСЕЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Голохова Д.В.¹¹ МГИМО (университет) МИД России, Москва, Россия

Проблема цифрового неравенства актуализируется в связи с его влиянием на человеческий капитал страны и регионов в условиях цифровой трансформации экономики, при которой все большее значение приобретают цифровые навыки и компетенции населения. В этих условиях цифровой разрыв на региональном уровне может стать фактором, препятствующим развитию человеческого капитала регионов. В статье, опираясь на концепцию четырех уровней цифрового неравенства, автор делает попытку оценить степень цифрового разрыва между регионами с разным уровнем развития человеческого капитала. Выявлено, что более значимым является неравенство населения на уровнях навыков и использования ИКТ, а не на материальном уровне физического доступа. Жители регионов с низким уровнем развития человеческого капитала не только менее компетентны в использовании ИКТ, но и обладают специфическими пользовательскими практиками, отличающими их от жителей регионов с высоким уровнем развития человеческого капитала. В частности, население в регионах с низким уровнем человеческого капитала в более интенсивно использует ИКТ для развлечения и общения, тогда как в регионах с высоким уровнем ЧК ИКТ чаще используются в том числе и для целей, связанных с приращением знания, приобретением компетенций и навыков, то есть для накопления человеческого капитала.

Ключевые слова: цифровое неравенство, человеческий капитал, цифровые навыки, региональное неравенство.

Проблема исследования

Региональное неравенство в России имеет сложную природу и связывается с множеством исторических, экономических, культурных и социально-политических факторов. Исследования регионального неравенства многообразны и затрагивают множество его проявлений. Наиболее заметны в научном дискурсе социально-экономические исследования, направленные на описание основных тенденций в неравномерном развитии регионов [1, 2, 3], выявление причин и последствий регионального неравенства для разных социальных групп и общества в целом [4, 5], оценку уровня неравенства [6, 7], анализ возможных факторов его демпфирования и оценку эффективности социальной политики в этой области [8, 9]. Однако в поле социальных наук рассматриваются и другие аспекты регионального неравенства: гендерные [10], технологические [11], образовательные [12, 14] и т.д.

В последнее время в связи с усилением постиндустриального характера экономики все большую значимость приобретает проблема цифрового неравенства российских регионов, которое часто рассматривается в контексте его влияния на их социально-экономическое развитие [14, 15]. Цифровое неравенство проявляется не только на уровне проникновения и развитости информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в регионах, но и на уровне конкретных практик использования ИКТ населением. В этой связи актуализируется проблема влияния цифрового неравенства на региональный человеческий капитал, который можно определить как совокупность знаний, умений, навыков, а также здоровье жителей региона, которые способствуют их большей эффективности и продуктивности в работе и реализации их потенциала.

Цель статьи – на основании анализа вторичных эмпирических данных оценить степень цифрового неравенства в регионах с разным уровнем развития человеческого капитала и выявить основные региональные и поселенческие различия в использовании ИКТ.

Теоретическая рамка исследования

Цифровое неравенство (цифровой разрыв) отражает неравный доступ различных социальных групп к ИКТ и социальным преимуществам их использования. Теоретическую основу исследования составляет предложенная Я. Ван Дейком концепция цифрового разрыва

[16, 17], в соответствии с которой неравенство доступа к ИКТ рассматривается на четырех основных уровнях:

1. Психологический (мотивационный), связанный с отсутствием интереса и мотивации к использованию ИКТ, страхом использования, отрицанием полезности или необходимости технологий.
2. Материальный, связанный с отсутствием физического доступа к технологиям (например, отсутствие компьютера или доступа к интернету).
3. Уровень навыков, связанный с наличием или отсутствием цифровых навыков, цифровой грамотностью. Я. Ван Дейк различает инструментальные навыки, отражающие умение пользоваться компьютером или другими устройствами, и навыки, связанные с умением искать и отбирать информацию, создавать контент, общаться и действовать в цифровой среде.
4. Уровень преимуществ использования, связанный с оценкой частоты и времени использования, количеством и разнообразием используемых цифровых инструментов и приложений, активностью использования и, как результат, с теми преимуществами, которые дает использование ИКТ.

Проявления цифрового неравенства наблюдаются не только между разными поколениями, группами с разным уровнем образования, профессиональными группами, но и между различными регионами как на глобальном, так и на внутристрановом уровнях.

Цифровое неравенство несет в себе риски для развития человеческого капитала страны и регионов в условиях цифровой трансформации экономики, при которой цифровые компетенции и навыки становятся все более значимыми элементами в структуре человеческого капитала.

Методология исследования

Для оценки взаимосвязи уровня развития человеческого капитала и цифрового неравенства российских регионов все субъекты РФ были разделены на три группы в зависимости от уровня развития человеческого капитала. Основой для выделения групп регионов стали расчеты Индекса человеческого развития (ИЧР), основанные на данных Росстата за 2018-2019 годы и опубликованные Аналитическим центром при Правительстве РФ в Аналитической записке «Индекс человеческого развития в России: региональные различия» [18]. ИЧР является одним из возможных способов измерения человеческого капитала, так как включает количественную оценку его основных структурных элементов: здоровья, образования и уровня жизни [18]. Все регионы были подразделены на три большие группы: субъекты с низким (ИЧР менее 0,840), средним (ИЧР от 0,841 до 0,860) и высоким (ИЧР выше 0,861) уровнем развития человеческого капитала (таблица 1).

Таблица 1. Распределение субъектов РФ по уровню развития человеческого капитала

Низкий	Средний	Высокий
Брянская область	Воронежская область	Белгородская область
Владимирская область	Калужская область	Липецкая область
Ивановская область	Курская область	Московская область
Костромская область	Орловская область	г. Москва
Смоленская область	Рязанская область	Республика Коми
Тверская область	Тамбовская область	Ненецкий авт.округ
Новгородская область	Тульская область	г. Санкт-Петербург
Псковская область	Ярославская область	Астраханская область
Республика Адыгея	Республика Карелия	Республика Татарстан
Республика Крым	Архангельская область	Самарская область
г. Севастополь	Вологодская область	Свердловская область
Республика Дагестан	Калининградская область	Тюменская область
Республика Ингушетия	Ленинградская область	Ханты-Мансийский авт.округ
Кабардино-Балкарская Республика	Мурманская область	Ямало-Ненецкий авт.округ
Карачаево-Черкесская Республика	Республика Калмыкия	Красноярский край

Республика Северная Осетия-Алания	Краснодарский край	Новосибирская область
Чеченская Республика	Волгоградская область	Томская область
Ставропольский край	Ростовская область	Республика Саха (Якутия)
Республика Марий Эл	Республика Башкортостан	Магаданская область
Чувашская Республика	Республика Мордовия	Сахалинская область
Кировская область	Удмуртская Республика	
Ульяновская область	Пермский край	
Курганская область	Нижегородская область	
Республика Алтай	Оренбургская область	
Республика Тыва	Пензенская область	
Республика Хакасия	Саратовская область	
Алтайский край	Челябинская область	
Кемеровская область	Иркутская область	
Республика Бурятия	Омская область	
Забайкальский край	Чукотский авт. округ	
Камчатский край		
Приморский край		
Хабаровский край		
Амурская область		
Еврейская авт. область		

Для оценки цифрового разрыва между регионами с разным уровнем развития человеческого капитала использованы вторичные эмпирические данные, собранные Росстатом в рамках Выборочного федерального статистического наблюдения по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей за 2019 год [19], в ходе которого было опрошено около 153 912 россиян в возрасте от 15 лет и старше.

Результаты исследования

Основываясь на выбранной аналитической рамке, раскроем четыре аспекта цифрового неравенства между регионами с различным уровнем развития человеческого капитала (ЧК). Предварительно следует отметить, что регионы с низким уровнем ЧК характеризуются большей долей сельского населения (34,0% против 14,1% в регионах с высоким уровнем ЧК), что во многом определяет характер использования ИКТ жителями этих регионов [20]. Чтобы нивелировать влияние данного фактора на выводы исследования, данные по городскому и сельскому населению будут представлены отдельно.

На мотивационном уровне цифрового разрыва различия между тремя выделенными группами регионов практически отсутствуют. Лишь каждый десятый отказывается от использования интернета из-за отсутствия желания и интереса. Доля таких респондентов ожидаемо выше среди пожилого населения и достигает 45% в группе лиц в возрасте от 75 лет.

На материальном уровне можно выделить следующие региональные различия. В регионах с низким уровнем ЧК ниже доля домохозяйств, владеющих персональным компьютером как среди сельского (60,7%), так и среди городского (74,0%) населения, в отличие от домохозяйств в регионах с высоким уровнем ЧК, где 66,6% жителей сельской местности и 84,3% горожан владеют компьютером. Доступ в интернет имеется в 80,4% домохозяйств в регионах с низким уровнем ЧК (среди городского населения – 82,9%, среди сельского – 75,4%) и в 86,7% домохозяйств в регионах с высоким уровнем ЧК (среди городского населения – 88,3%, среди сельского – 77,1%). Как видно, различия среди сельского населения меньше, чем среди горожан. И в сельской, и в городской местности максимальная заявленная скорость доступа к сети интернет в домашнем хозяйстве выше в регионах с высоким уровнем ЧК. Таким образом, на материальном уровне цифровой разрыв между регионами уже заметен, однако важно отметить, что он достаточно быстро сокращается. Так, по данным Выборочного федерального статистического наблюдения по вопросам использования населением информационных

технологий и информационно-телекоммуникационных сетей за 2022 год доля домохозяйств, имеющих доступ в интернет, составила около 90% во всех группах регионов.

Более значимый разрыв отмечается на двух последних уровнях цифрового неравенства. Так, городское и сельское население в регионах с высоким уровнем ЧК характеризуется более уверенными навыками использования компьютера в сравнении с жителями регионов со средним и низким уровнем ЧК. У них более развиты как простые, так и сложные цифровые навыки, однако степень разрыва в уровне владения сложными навыками ниже. Так, например, среди городского населения регионов с высоким уровнем ЧК электронные письма с вложениями отправляет 67,5% опрошенных, тогда как в регионах с низким уровнем развития ЧК эта доля составляет 48,7%. В то же время доли респондентов, загружавших или настраивавших ПО, составляют 9,3% и 7,7% соответственно.

На этом уровне отмечается и значимый разрыв между городским и сельским населением в целом (таблица 2).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Какие действия, связанные с работой персональным компьютером, Вы выполняли за последние 12 месяцев?» в зависимости от типа поселения (множественный выбор, % от опрошенных).

	Тип поселения		Все опрошенные
	Городское поселение	Сельское поселение	
Работа с текстовым редактором	60,1	45,5	57,1
Работа с электронными таблицами	33,2	22,8	31,1
Использование программ для редактирования фото-, видео- и аудио- файлов	32,4	24,8	30,9
Создание электронных презентаций	13,3	10,8	12,7
Подключение и установка новых устройств	23,1	15,8	21,6
Самостоятельное написание ПО с использованием языков программирования	1,9	,9	1,7
Передача файлов между персональным компьютером и периферийными устройствами	46,5	33,0	43,7
Поиск, загрузка, установка и настройка ПО	8,7	6,0	8,1
Установка новой или переустановка операционной системы	4,5	2,7	4,1
Отправка электронной почты с прикрепленным(-и) файлом(-ами)	59,9	41,4	56,1
Копирование или перемещение файла или папки	53,2	43,8	51,3
Использование инструмента копирования и вставки для дублирования или перемещения информации в документе	38,1	24,1	35,2

На четвертом уровне цифрового разрыва (уровне преимуществ использования) также проявляются значимые неравенства между тремя группами регионов. Для выявления различий в паттернах использования интернета жителями разных регионов был проведен кластерный анализ методом k-средних. Для этого из массива данных были отобраны респонденты, обладающие доступом к интернету, а в качестве переменных использованы индикаторы анкетного вопроса о целях использования интернета («Что Вы делали в сети Интернет за последние 3 месяца?»). Кластерный анализ позволил выделить шесть типов интернет-пользователей. Первые тип – минималисты, респонденты, использующие интернет исключительно для поиска элементарной справочной информации и общения. Второй тип – это респонденты, использующие интернет для решения бытовых вопросов (покупки товаров, совершения платежей, поиска элементарной информации и также общения). Третий кластер – наиболее активные и продвинутые пользователи, которые обращаются к интернету для удовлетворения множества различных потребностей, включая образовательные и культурные цели. Они не только общаются в интернете, делают покупки и развлекаются, но и читают книги, получают знания, сами создают и распространяют контент. В четвертый кластер попали респонденты, которые заменили социальными сетями и видеозвонками обычный телефон – они

используют интернет исключительно для общения. Пятый тип – интернет-пользователи, имеющие своей основной целью потребление развлекательного контента, они выходят в интернет, чтобы посмотреть кино, послушать музыку, поиграть в игры. Шестой кластер – респонденты, которые практически не пользуются интернетом, несмотря на наличие доступа.

Объем описанных кластеров различен в регионах с разным уровнем развития ЧК. Свои особенности наблюдаются и среди городского и сельского населения.

Среди городского населения жители регионов с высоким ЧК отличаются более интенсивным характером использования интернета. В этих регионах ниже доля представителей четвертого и шестого кластеров, которые практически не пользуются интернетом (13,7% и 12,6% соответственно в сравнении с 18,3% и 22,3% в регионах с низким уровнем ЧК), тогда как доля наиболее активных интернет-пользователей, составляющих третий кластер, значимо выше, чем в регионах с низким уровнем ЧК (20,9% против 14,7%).

Среди сельского населения различия несколько менее выражены. В частности, доли представителей первого и четвертого кластеров сопоставимы в регионах с разным уровнем ЧК. В то же время доля представителей шестого кластера, практически не использующих интернет, значимо выше в регионах с низким ЧК (37,8% против 30,7% в регионах с высоким уровнем ЧК). Следует отметить, что среди сельского населения этот кластер является наиболее наполненным во всех типах регионов.

Среди городского и сельского населения доля представителей второго кластера, которые активно используют интернет для решения бытовых повседневных задач, выше в регионах с высоким уровнем ЧК, что отражает проявление цифрового разрыва, связанное с получением социальных преимуществ от использования ИКТ.

Наиболее значимым проявлением цифрового разрыва на уровне использования является то, что в регионах с низким уровнем ЧК как в городской, так и в сельской местности выше вклад пятого кластера, представители которого преимущественно используют интернет для развлечения, тогда как в регионах с высоким уровнем развития ЧК более заметен вклад третьего кластера, наиболее активных и умелых интернет-пользователей. Таким образом, несмотря на наличие физического доступа к интернету, население регионов с разным уровнем развития ЧК различается по целям использования интернета. В регионах с низким уровнем ЧК население в большей степени использует ИКТ для развлечения и общения, тогда как в регионах с высоким уровнем ЧК ИКТ чаще используются в том числе и для целей, связанных с приращением знания, приобретением компетенций и навыков, то есть для накопления человеческого капитала.

Заключение

Проведенный анализ показал наличие цифрового разрыва между регионами с разным уровнем развития человеческого капитала. Цифровое неравенство проявляется не столько на мотивационном и материальном уровнях, сколько на уровне навыков и уровне преимуществ использования. Население регионов с низким человеческим капиталом характеризуется менее уверенными навыками использования ИКТ, а также специфическими паттернами использования, которые могут негативно влиять на накопление и развитие человеческого капитала. Во-первых, это менее интенсивное использование ИКТ или даже отказ от использования технологий, в том числе для решения бытовых повседневных вопросов, что фактически лишает жителей регионов ряда возможностей и социальных преимуществ. Во-вторых, это более интенсивное использование интернета с целью развлечения, тогда как в регионах с высоким уровнем развития человеческого капитала выше доля жителей, использующих интернет более разнообразно и в том числе для удовлетворения разного рода культурных, познавательных и образовательных потребностей, способствующих приращению человеческого капитала. Таким образом, сокращение цифрового разрыва регионов лежит не только в техническом поле увеличения доступности технологий, но и в поле изменения конкретных пользовательских практик.

Список источников и литературы

1. Зубаревич Н. В. Неравенство регионов и крупных городов России: что изменилось в 2010-е годы? // Общественные науки и современность, 2019. № 4. С. 57-70.
2. Бондаренко Н.Е., Губарев Р.В. Проблема регионального неравенства в социально-экономическом развитии Российской Федерации // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, 2020. № 17(5). С. 56-68.
3. Юманова, У. В. Региональные процессы социально-стратификационного неравенства населения России // Географический вестник, 2019. № 2(49). С. 45-56.

4. Белобородов В.М. Проблема регионального неравенства в России: причины и пути решения // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология, 2020. № 4. С. 113-122.
5. Климова А.М., Чмель А.Ш. Региональные различия в субъективном благополучии: компенсирует ли социальная политика эффекты неравенства в России? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 2020. №1. С. 143-176.
6. Морощкина, М. В. Пространственное неравенство российских регионов // Региональная экономика: теория и практика, 2019. Т. 17, № 7(466). С. 1349-1367.
7. Касаткина Е.В., Шаталова О. М. Социально-экономическое неравенство регионов РФ: вопросы измерения и долгосрочная ретроспективная оценка // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 2022. Т. 15, № 4. С. 74-87.
8. Басова Е. А., Леонидова Г. В., Рассадина М. Н. Кластерный анализ доходного неравенства населения российских регионов // Проблемы развития территории., 2022. Т. 26, № 6. С. 94-114.
9. Леонидова Е. Г. Стимулирование конечного потребления в контексте снижения регионального неравенства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 2020. Т. 13, № 3. С. 59-73.
10. Лошакова Ю.П. Региональные особенности гендерного неравенства // Социологический исследования, 2013. № 5. С.134-137.
11. Балджин А. А., Нурбина М. В., Тараненко С. Б. Преодоление "технологического неравенства": региональный аспект // Научный ежегодник Центра анализа и прогнозирования, 2020. № 1(4). С. 18-22.
12. Ибрагимова З. Ф., Франц М. В. Неравенство возможностей в школьном образовании: роль территориальных факторов // Социологический журнал, 2021. Т. 27, № 4. С. 72-98.
13. Огурцова Е. В., Тугушева Р. Р. Дисбалансы региональных систем высшего образования и рынка труда в России // Инновационная деятельность, 2018. № 4(47). С. 28-37.
14. Квасникова М. А. Цифровое неравенство и его влияние на социально-экономическое развитие регионов в России // Социально-политические исследования, 2020. № 1(6). С. 43-58.
15. Александрова Т. В. Цифровое неравенство регионов России: причины, оценка, способы преодоления // Экономика и бизнес: теория и практика, 2019. № 8. С. 9-12.
16. Van Dijk, J.A.G.M. Digital Divide: Impact of Access / The International Encyclopedia of Media Effects (eds P. Rössler, C.A. Hoffner and L. Zoonen). Wiley, 2017.
17. Van Dijk, J.A.G.M., Hacker, K. The digital divide as a complex and dynamic phenomenon // The Information Society, 2003. Vol. 19, №4. Pp. 315-326.
18. Выборочное федеральное статистическое наблюдение по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей / Сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/business/it/iki22/index.html (дата обращения: 28.08.2023)
19. Индекс человеческого развития в России: региональные различия / под ред. Голяшева А., Красноплеевой Н., Ивановой М. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2021.
20. Шабунова А.А., Груздева М.А., Калачикова О.Н. Поселенческий аспект цифрового неравенства в современной России // Проблемы развития территории, 2020. № 4 (108). С. 7-19.

Голоухова Дарья Валерьевна, к. соц. н., доцент кафедры социологии МГИМО МИД России, email: d.v.goloukhova@inno.mgimo.ru.

DIGITAL INEQUALITY IN THE CONTEXT OF HUMAN CAPITAL DEVELOPMENT: REGIONAL AND SETTLEMENT ASPECTS

Goloukhova D.V.¹

¹ MGIMO University, Moscow, Russia

The problem of digital inequality is becoming more acute as its impact on the regional and national human capital in the context of the digital transformation of economy, in which digital skills and competencies of the population are becoming increasingly important. Under these conditions, the digital divide at the regional level can become a factor hindering the development of human capital in the regions. Referring to the concept of four levels of the digital divide, the author makes an attempt to assess the degree of the digital divide between regions with different levels of human capital. It was revealed that the inequality of the population at the levels of digital skills and usage opportunities is more significant, than at the material level. Residents of regions with lower level of human capital are not only less competent in the use of ICT, but also have specific user practices that distinguish them from residents of regions with higher level of human capital. In particular, the population in regions with lower level of human capital uses ICT more intensively for entertainment and communication, while in regions with higher level of human capital, ICT is more often used, among other things, for purposes related to increasing knowledge, acquiring competencies and skills, that is for the accumulation of human capital.

Key words: digital divide, human capital, digital skills, regional inequality.

Goloukhova Daria Valeryevna, Candidate of Social Sciences, Associate Professor of the Department of Social Sciences of MGIMO University; e-mail: d.v.goloukhova@inno.mgimo.ru

УДК 327

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В АРКТИКЕ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОГО ПОРЯДКА

Грибанова Г.И.¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Расширение сотрудничества в Арктике представляет собой важный элемент стратегического партнерства между КНР и РФ. Называя себя «околоарктическим государством», но не имея территориального суверенитета в регионе, Китай рассматривает Россию как ключевого партнера в освоении Арктики. В свою очередь, РФ крайне заинтересована в китайских инвестициях в экономику региона. Это также определенный противовес военным амбициям США в полярном регионе, что создает дополнительные угрозы национальной безопасности страны. Несмотря на то, что в целом российско-китайское сотрудничество в Арктике является взаимовыгодным, видение России и Китая по ряду вопросов дальнейшего развития региона не полностью совпадает. В статье дается обобщение трех возможных сценариев дальнейшего развития двусторонних отношений в Арктике и делается вывод о том, что в любом случае, в краткосрочной перспективе сотрудничество в российско-китайских отношениях будет преобладать над соперничеством. В то же время следует иметь в виду, что Китай может рассматривать территорию Российской Арктики как временный плацдарм для продвижения своих интересов и влияния в регионе. В этой связи необходимо расширение спектра участников арктических программ и проектов, в первую очередь, за счет других стран БРИКС при сохранении российского лидерства.

Ключевые слова: Арктика, Россия, Китай, сотрудничество, национальные интересы, перспективы

ВВЕДЕНИЕ

В марте 2023 года во время визита председателя КНР Си Цзиньпина в Россию ведущие СМИ главным образом обращали внимание на те аспекты переговоров на высшем уровне, которые касались российско-украинского конфликта. Однако основные результаты визита, по нашему мнению, связаны с двусторонним сотрудничеством в рамках российско-китайской повестки дня, включая соглашения о развитии сотрудничества в Арктике, которые могут иметь серьезные последствия для будущего всего региона.

Этим соглашениям предшествовало внесение в феврале 2023 года поправок к Основным принципам государственной политики в Арктике до 2035 года, которые, в частности, учитывали глубокие изменения в глобальной политике, знаменующие собой ускоряющийся процесс трансформации мирового порядка. Если в версии 2020 года задача состояла в «укреплении добрососедских отношений с арктическими государствами на двусторонней основе и в рамках многосторонних форматов регионального сотрудничества, включая Арктический совет, прибрежную арктическую «пятерку» и Совет Баренцева/Евроарктического региона» [1], то в настоящее время приоритетом международного сотрудничества России в Арктике провозглашено «развитие отношений с иностранными государствами на двусторонней основе, в рамках соответствующих многосторонних структур и механизмов». Отсутствие упоминаний об организациях (за исключением Арктического совета), которые долгое время играли важную роль в определении международных отношений в Арктике, но после начала СВО практически прекратили какое-либо сотрудничество с РФ, отказавшись тем самым от самого принципа «добрососедства», говорит, на наш взгляд, о готовности России к переориентации на другие государства, о чем свидетельствует и особое упоминание о необходимости активного привлечения «внерегистрационных государств к взаимовыгодному экономическому сотрудничеству в Арктической зоне Российской Федерации» [2]. Если учесть, что единственными представленными в Арктическом совете странами (в официальном статусе наблюдателя), которые не поддержали антироссийских санкций, являются Китай и Индия, то можно предположить, что именно сотрудничество с ними будет приоритетным для российской Арктики. Об этом, в частности, свидетельствует и опубликованное в ходе визита китайского руководителя в Москву совместное заявление об углублении всеобъемлющего партнерства и стратегического сотрудничества для новой эры, в котором прямо говорится, что «стороны выступают за сохранение Арктики в качестве территории мира, стабильности и конструктивного сотрудничества» [3].

Арктическая политика Китая в контексте «Полярного шелкового пути»

Когда в 2013 году Китай выступил с инициативой «Пояс и путь», сотрудничество с Россией казалось вероятным в основном за счет использования Транссибирской магистрали и

Северного морского пути (СМП), но даже эти варианты из-за отсутствия развитой инфраструктуры и суровых климатических условий вызывали сомнения. Однако вскоре стало очевидно, что такое понимание проекта с точки зрения китайско-российских отношений оказалось неверным, о чем свидетельствовало подписание во время визита в Москву в мае 2015 года руководителя КНР Си Цзиньпина соглашения о приведении инициативы «Пояс и путь» в соответствие с ЕАЭС [4].

В июле 2017 года Си Цзиньпин, отметив, что Россия является важным партнером в реализации инициативы «Пояс и путь», призвал обе страны развивать сотрудничество по Северному морскому пути, чтобы реализовать «Ледяной (полярный) шелковый путь» между Тихим и Атлантическим океанами через Северный Ледовитый океан [5].

26 января 2018 года Китай опубликовал «Белую книгу» [6], в которой наряду с обоснованием необходимости создания Полярного шелкового пути также кратко излагаются политические цели Китая в Арктике и принципы, определяющие его поведение. В «Белой книге» цели Китая в Арктическом регионе сформулированы следующим образом: «понимать, защищать, развивать Арктику и участвовать в управлении ею, чтобы защищать общие интересы всех стран и международного сообщества в Арктике и содействовать устойчивому развитию Арктики». Для более эффективного достижения этих целей Китай намерен участвовать в арктических делах в соответствии с основными принципами «уважения, сотрудничества, взаимовыгодного результата и устойчивости».

Особо следует отметить, что Китай называет себя «приарктическим государством», вводя таким образом в оборот не только новый термин, но и целую концепцию. Эта концепция содержит идею значительной географической близости Китая к Полярному кругу, что дает ему возможность заявить о своих правах на арктические богатства. Уделяя особое внимание Полярному шелковому пути, который укрепит взаимосвязь регионов и внесет вклад в устойчивое развитие Арктики, Китай подчеркивает необходимость своего участия в строительстве и модернизации инфраструктуры в Арктике. Это означает желание Пекина сотрудничать со всеми арктическими державами в развитии морских путей: Северного морского пути, Северо-Западного прохода, а также Центрального (Трансполярного) прохода, который к середине столетия откроется через Северный Ледовитый океан через Северный полюс. По мнению Микаэ Мереди, профессора геополитики Арктики и Антарктики в Школе международных отношений ИЛЕРИ (Париж, Франция), это означает, что «когда мы говорим о «Полярном шелковом пути», мы говорим об идее, состоящей из двух этапов. Сначала судоходство через Северо-Восточный проход, со всеми известными нам ограничениями. А затем, когда рыночные и ледовые условия покажут жизнеспособность модели, доставка через Центральный арктический проход с помощью челночной системы» [7].

Основные направления китайско–российского сотрудничества в Арктике

Несмотря на хорошо налаженные связи Китая с такими арктическими государствами, как Дания, Норвегия, Исландия, Финляндия и Канада, двусторонние отношения с Россией занимают особое место в арктическом направлении внешней политики Китая. Прежде всего, это связано с тем, что китайско-российское стратегическое партнерство проявляется в продвижении совместных инициатив на мировой арене, поддержании многополярности и повышении значимости принципов международного права [8]. Кроме того, Россия обладает самой большой арктической зоной и самой протяженной береговой линией в Северном Ледовитом океане, а Северный морской путь проходит через ее территориальные воды. Таким образом, Российская Федерация рассматривается Пекином как ключевая страна Полярного региона, без согласия которой невозможно принимать какие-либо решения в рамках арктической повестки дня.

В свою очередь, Россия также нуждается в партнерстве с Китаем в Арктике, поскольку она чрезвычайно заинтересована в китайских инвестициях для развития и модернизации инфраструктуры и освоения новых месторождений углеводородов в своей арктической зоне. Это также определенный противовес амбициям, проявляемым Соединенными Штатами в полярном регионе, усугубляемым тем фактом, что из пяти арктических держав Россия является единственным государством, не являющимся членом НАТО, что создает дополнительные угрозы ее национальной безопасности в Арктике.

Как мы уже отмечали, арктические морские пути играют важную роль в контексте реализации китайской концепции «Полярного шелкового пути». По сравнению с маршрутом через Суэцкий канал СМП сокращает время и затраты на транспортировку грузов из Китая в

Европу. Кроме того, Малаккский пролив, который также важен для китайских грузоперевозок, довольно уязвим с точки зрения безопасности. Россия, с помощью китайских инвестиций в СМП, сможет получать экономические выгоды от плавания иностранных торговых судов по этому маршруту. В частности, Китай оказывает содействие в модернизации российских арктических портов, в разработке и строительстве морского оборудования. В 2016 году Арктический транспортно-промышленный центр Архангельск подписал соглашение о намерениях с базирующейся в Пекине компанией Poly International Holding Co. о строительстве глубоководного порта [9]. Еще одним перспективным проектом с участием китайских инвесторов является «Комплексное развитие Мурманского транспортного узла» [10]. Благодаря реализации вышеуказанных проектов Архангельск и Мурманск станут транспортными узлами, через которые будут проходить грузоперевозки по Северному морскому пути из Азии в Европу.

О глубокой заинтересованности России в этих проектах свидетельствует следующее заявление Президента В.В.Путина в марте 2023 года: «Мы считаем сотрудничество с китайскими партнерами в развитии транзитного потенциала Северного морского пути многообещающим. Как я уже сказал, мы готовы создать совместный рабочий орган по развитию Северного морского пути» [11]. Практически, это означает совершенно новый этап российско-китайского сотрудничества в Арктике, поскольку подключает Китай к процессу принятия решений по развитию СМП.

Особое значение имеет участие Китая в российских энергетических проектах. Так, сокращение инвестиционных и технологических возможностей России для его проектов по производству арктического СПГ из-за западных санкций дало возможность китайским компаниям усилить свое присутствие в двух проектах «Ямал СПГ» и сотрудничать с Россией в ряде других смежных проектов [12].

Таким образом, основой стратегических интересов Китая в Арктике являются торговые пути и доступ к энергетическим ресурсам. Очевидно, что значительная доля китайских инвестиций в национальные проекты РФ позволит Пекину укрепить свои позиции в регионе.

Однако появляются и новые направления сотрудничества, напрямую связанные с теми трансформациями, которые происходят в мировой политике и касаются вопросов безопасности. Всего через месяц после визита Председателя КНР Си Цзиньпина в Россию, в конце апреля 2023 года, ФСБ России и береговая охрана Китая подписали меморандум о взаимопонимании по укреплению сотрудничества правоохранительных органов на море для «борьбы с терроризмом, нелегальной миграцией, контрабандой наркотиков и оружия, а также пресечения незаконного рыболовства» [13], и китайская делегация впервые смогла принять участие в качестве наблюдателей в крупномасштабных учениях «Арктический патруль -2023» в Баренцевом море.

Взгляды России и Китая на управление Арктикой: сходство и различия

Высоко оценивая потенциал российско-китайского сотрудничества в Арктике, не следует, однако, на наш взгляд, упускать из виду и существующие объективные противоречия между двумя странами, связанные с общим представлением об Арктике и ее перспективах месте в глобальном мире. Долгое время интерес к этому региону проявляли главным образом лишь те государства, часть территории которых географически относится к Арктическому (или приарктическому) региону. Именно приоритет их интересов долгое время отставала и Россия, изначально выступая против предоставления другим странам (в том числе и Китаю) статуса наблюдателей в Арктическом совете до тех пор, пока они не согласятся уважать суверенитет арктических государств. Она настаивала на своих претензиях на арктический континентальный шельф и отстаивала свои права, предусмотренные ООН. Конвенция по морскому праву [14] определяет режим морских перевозок по Северному морскому пути, ограничивая возможности самостоятельной деятельности Китая в Арктике, где он провозглашает свободу судоходства.

В заключительной части «Белой книги» КНР делает важное замечание относительно межгосударственного сотрудничества и международно-правового режима Арктики: «Китай утверждает, что управление арктическими судоходными маршрутами должно осуществляться в соответствии с договорами, включая ЮНКЛОС и общее международное право, и что управление арктическими морскими путями должно осуществляться на основе принципа свободы судоходства, которой пользуются все страны в соответствии с законом, и их права на использование арктических морских маршрутов должны быть обеспечены». В то же время Китай подчеркивает тот факт, что он «уважает законодательные, правоприменительные и судебные полномочия арктических государств в водах, подпадающих под их юрисдикцию» [6].

При этом концепция «общего наследия человечества» или интернационализация Арктики – идеи, которые неоднократно высказывались ранее и вызывали законную обеспокоенность российской стороны, не упоминаются.

Однако нельзя не учитывать и планы Пекина по созданию собственного полноценного ледокольного флота [15]. Уже в сентябре 2018 года Китай спустил на воду первый ледокол собственного производства «Сюэлуэнь 2», разработанный Китайской государственной судостроительной корпорацией (CSSC) совместно с финской Aker Arctic. До этого времени Пекину приходилось прибегать к помощи российских ледоколов. Собственные ледоколы теоретически позволяют Китаю перемещаться по Северному морскому пути в любое время года, не прибегая к помощи России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Российская Федерация со своим Северным морским путем является ключевым партнером Китая в Арктике, играя решающую роль в инициативе «Полярный шелковый путь» и в проекте «Голубой экономический коридор». Несмотря на то, что в целом российско-китайское сотрудничество в Арктике носит взаимовыгодный характер, видение России и Китая по ряду вопросов дальнейшего развития региона совпадает далеко не полностью.

В ситуации усиливающейся конфронтации между РФ и Западом, беспрецедентных экономических и финансовых санкций России необходимо участие Китая в арктических проектах, однако дальнейшее развитие двустороннего сотрудничества во многом будет зависеть от позиции Пекина по статусу Арктики, в частности, СМП.

На наш взгляд, существует три сценария дальнейшего развития двусторонних отношений в Арктике.

Согласно первому варианту, Пекин поддержит арктическую политику России и будет способствовать положительному решению Комиссии ООН по границам континентального шельфа относительно российской заявки на расширение своего шельфа в Арктике. Кроме того, следует ожидать, что Пекин не будет настаивать на нейтралитете СМП, поскольку это ослабит его собственные позиции в споре о Южном Китайском море.

Второй сценарий предусматривает, активное продвижение Китаем концепции «общего наследия человечества» в отношении Северного Ледовитого океана, а также двух основных арктических маршрутов - Северо-Западного прохода и СМП. В этом случае, вполне вероятно, что эта идея будет поддержана другими азиатскими странами, которые уже заявили о своих собственных интересах в Арктике. Очевидно, что арктические державы останутся в меньшинстве, поэтому они не смогут сохранить свои лидирующие позиции в Арктике. Однако с учетом заинтересованности Китая в стратегическом партнерстве с РФ, в т.ч. и из-за обострения отношений с США такой сценарий маловероятен в среднесрочной перспективе.

Третий сценарий исходит из намерений Китая стать великой морской державой и построить собственный ледокольный флот, что неминуемо снизит значимость России для освоения Пекином Арктики. Иначе говоря, Китай может рассматривать территорию Российской Арктики как временный плацдарм для продвижения своих интересов и влияния в регионе.

Очевидно, что в любом случае сотрудничество с Россией будет продолжаться, но нам не следует рассчитывать на его взаимовыгодный характер в будущем.

В связи с этим представляется крайне важным для России наряду с укреплением двустороннего сотрудничества с КНР развивать совместные российско-индийские проекты в Арктике, а также максимально использовать форматы БРИКС и ШОС для диверсификации международного взаимодействия в регионе.

Список источников и литературы

1. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года (В редакции Указа Президента Российской Федерации от 05.03.2020 № 164) Режим доступа: URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003050019?index=11> (Дата обращения: 10.08.2023)
2. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года (В редакции Указа Президента Российской Федерации от 21.02.2023 № 112) Режим доступа: URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45255> (Дата обращения: 10.08.2023)
3. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. 21 марта 2023 года. Режим доступа: URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5920> (Дата обращения: 12.08.2023)

4. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия и о продвижении взаимовыгодного сотрудничества. 8 мая 2015. Режим доступа: URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4969> (Дата обращения: 10.08.2023)
5. Китай готов развивать Северный морской путь – председатель КНР. Режим доступа: URL: <https://pro-arctic.ru/07/07/2017/news/27198> (Дата обращения: 21.07.2023)
6. 6.China's Arctic Policy. The State Council Information Office of the People's Republic of China. January 2018. Режим доступа: URL: http://english.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (Дата обращения: 21.05.2023)
7. Bennett, M. The Arctic Shipping Route No One's Talking About. Режим доступа: URL: <https://www.maritime-executive.com/editorials/the-arctic-shipping-route-no-one-s-talking-about> (Дата обращения: 19.08.2023)
8. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики. 8 июня 2018 года. Режим доступа: URL: <http://kremlin.ru/supplement/5312> (Дата обращения: 20.07.2023)
9. Китайская компания примет участие в создании порта в Архангельске. Режим доступа: URL: <https://ria.ru/20161019/1479553662.html> (Дата обращения: 04.08.2023)
10. Комплексное развитие Мурманского транспортного узла. Режим доступа: URL: <https://helion-ltd.ru/kompleksnoe-razvitiie-murmanskogo-transportnogo-uzla/?ysclid=llpae2cj1z333445648> (Дата обращения: 04.08.2023)
11. Путин: Россия и Китай готовы создать рабочий орган по развитию Северного морского пути. Режим доступа: URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2023/03/21/967507-rossiya-kitai-severnogo-morskogo-puti> (Дата обращения: 01.08.2023)
12. Фу Синьсинь, Малащенко Б.М. Новый путь китайско-российского энергетического сотрудничества в Арктике на примере «Ямал СПГ»// Инновации и инвестиции. 2022. №12. с.42-46
13. Нуриева С. Китай и РФ подписали меморандум об укреплении сотрудничества в сфере морского права. Режим доступа: URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2023/04/26/20296879.shtml?ysclid=llpax16ika17702734> (Дата обращения: 15.08.2023)
14. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву. Режим доступа: URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (Дата обращения: 15.07.2023)
15. Eiterjord, Tr. A. Checking in on China's Nuclear Icebreaker. September 05, 2019. URL: <https://thediplomat.com/2019/09/checking-in-on-chinas-nuclear-icebreaker/> (Дата обращения: 11.08.2023)

Грибанова Галина Исаковна, д. полит. н., профессор, и.о. зав. кафедры международных политических процессов, факультет политологии Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: g.gribanova@spbu.ru

RUSSIAN-CHINESE COOPERATION IN THE ARCTIC IN THE CONTEXT OF THE WORLD ORDER TRANSFORMATION

Gribanova G.I.¹

¹ Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia

The expansion of cooperation in the Arctic is an important element of the strategic partnership between the PRC and the Russian Federation. Calling itself a «near-Arctic state», but having no territorial sovereignty in the region, China views Russia as a key partner in the development of the Arctic. In turn, the Russian Federation is extremely interested in Chinese investments in the region's economy. It is also a definite counterweight to the US military ambitions in the polar region, which creates additional threats to the national security of the country. Despite the fact that, in general, Russian-Chinese cooperation in the Arctic is mutually beneficial, the vision of Russia and China on a number of issues of further development of the region does not completely coincide. The article substantiates three possible scenarios for the further development of bilateral relations in the Arctic and concludes that in any case, in the short term, cooperation in Russian-Chinese relations will prevail over rivalry. At the same time, it should be borne in mind that China may consider the territory of the Russian Arctic as a temporary springboard for promoting its interests and influence in the region. In this regard, it is necessary to expand the range of participants in Arctic programs and projects, primarily at the expense of other BRICS countries while maintaining Russian leadership.

Key words: Arctic, Russia, China, cooperation, national interests, perspectives

Gribanova Galina Isaakovna, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of International Political Processes, Faculty of Political Sciences, Saint-Petersburg State University; e-mail: g.gribanova@spbu.ru

УДК - 911.3:32

УДК – 910,1

СОВРЕМЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОНЯТИЙ «РЕГИОНОВЕДЕНИЕ», «РЕГИОНАЛИСТИКА», «РЕГИОНАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ», «СТРАНОВЕДЕНИЕ»

Горбанёв В.А.¹

¹Московский педагогический государственный университет, Россия, Москва

В последние годы некоторые ученые-негеографы (политологи, экономисты, философы) активно продвигают «новую» науку – регионоведение. В вузах появляются курсы комплексного регионоведения, однако, никакого комплекса в этих курсах не наблюдается. Более того, многие специалисты весьма агрессивно доказывают, что географы никакого участия в формировании регионоведения не принимали. В работе показано, что комплексное регионоведение – старейшее географическое направление, в изучение которого огромный вклад внесли российские/советские географы. По своей сути комплексное регионоведение – это та же региональная география, изучающая регион комплексно: природу, население, хозяйство, культуру, традиции и т.д. Поэтому попытки ряда ученых-негеографов показывать регионоведение, как новую науку, зародившуюся в 90-х годах прошлого века, несостоятельны. География изучает регион с позиций общей географии, где предметом исследования выступает окружающая среда конкретного региона. Страноведение – это частный случай комплексного регионоведения или региональной географии. Конечно, могут существовать физико-географическое, экономико-географическое, политико-географическое, экономическое, социальное, международно-политическое, историческое, этнографическое, культурологическое и др. регионоведения, но это уже будет не комплексное регионоведение и заниматься им будут ученые соответствующих специальностей. **Ключевые слова:** комплексное регионоведение, регионалистика, региональная география, страноведение, общая география.

В последние годы в России среди ученых разных профилей стали активно использовать термины «регионоведение», «регионалистика» и другие однокоренные слова. И не только среди ученых. В вузах стали активно внедряться курсы под названием «регионоведение». Причем инициаторы таких курсов зачастую даже не понимают, что такое регионоведение. Некоторые экономисты, политологи и другие специалисты пытаются доказать, что регионоведение – это новая наука. Так, например, экономист В.В.Макаренко [1] утверждает, что регионоведение появилось где-то в 1990-х годах одновременно с появлением компьютера и связано это с изменением качества информационной среды, поскольку стал доступен огромный объем информации различных наук, что позволяет заниматься комплексным рассмотрением региона. При этом многие уважаемые экономисты и политологи просто игнорируют достижения советских и российских географов, занимавшихся проблемами регионоведения или страноведения.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

К сожалению, многие ученые-негеографы совершенно не замечают классических работ С.П.Крашенинникова, П.И.Рычкова, И.К.Кирилова, В.Н.Татищева, М.В.Ломоносова, П.П.Семёнова-Тян-Шанского и его сына В.П. Семёнова-Тян-Шанского. XX век в России (СССР), можно сказать, прошел под знамёнами Н.Н.Баранского. Параллельно с районным подходом Н.Н.Баранского В.Э. Деном развивался отраслево-статистический подход при изучении регионов. Позже регионоведением и страноведением занимались В.В. Мироненко, В.М.Гохман, Я.Г.Машбиц. Их тоже не заметили «основоположники» регионоведения.

Более того, они считают, как пишет В.В. Макаренко, что «география не в состоянии изучать регион в комплексе, отбрасывая роль человека в формировании региона которое как раз придает жизнь и звучание этому пространству, этот анализ не способен выявить причины развития и функционирования изучаемых систем-объектов. Если теоретическая география занимается анализом особенностей размещения на местности множественных географических объектов, то миросистемный анализ, который рассматривается нами как, по сути, регионоведческий, предполагает единство и системную целостность изучаемого глобального объекта. Этим регионоведческий метод отличается от географического». При этом автор никак не анализирует российских классиков-географов, а если и упоминает их (например, В.А.Дергачева и Л.Б.Вардомского), то только в негативном свете. И далее автор иронизирует: «Если сказать образно, вместо объяснения совокупности атмосферных процессов и ответа на вопрос, почему и как изменяются климат, географы предлагают ограничиться объяснением разнообразия форм снежников, что, несомненно, интересная задача, но совершенно другого порядка». На мой взгляд, нет никакого смысла комментировать эту чушь. И так все понятно.

Необходимо заметить, что многие ученые-негеографы, говоря о регионоведении, сами четко не представляют, что это такое. Например, достаточно известный и добротный учебник

«Мировое комплексное регионоведение» под редакцией А.Д.Воскресенского [2], как видно из названия, посвящен комплексному регионоведению. Но на протяжении всего учебника не удается найти даже определение «регионоведения», как области знания или как науки. Дается только определение «регионального комплекса» - это группа государств, обладающая высокой степенью комплексной взаимозависимости, отграничивающей ее от других регионов и определяющей тип регионального комплекса, т.е. это, как считают авторы учебника, многомерный сегмент пространства регионального уровня, выделяемый на основе существования устойчивой системы региональных взаимосвязей разного типа – политических, экономических, культурно-исторических.

Возникает естественный вопрос: как можно говорить о региональном комплексе без упоминания особенностей природных условий региона, демографических, этнических особенностей? Это уже не комплекс, а только его часть. И именно в этом заключается вся беда понятия «комплексная регионалистика», исходящая от наших уважаемых коллег – политологов и экономистов. Весь упомянутый учебник посвящен международно-политической региональной интеграции. Нужно отдать должное, что авторы в самом начале учебника справедливо отмечают, что российская школа регионоведения имеет глубокие исторические корни и основана на географических исследованиях. При этом они честно перечисляют всех основных советских и российских ученых-географов. И далее они плавно переходят к заключению, что самостоятельное комплексное регионоведение с акцентом на политико-международные аспекты сформировалось в конце 1990-х годов на основе сравнительного анализа мировой политики, экономического и социологического кластеров.

Авторы так и не заметили принципиального отличия регионоведения российских географов-классиков от регионоведения политологов 1990-х годов. Если российские географы, начиная от С.П.Крашенинникова и кончая Я.Г.Машбицем говорили о комплексном регионоведении или страноведении, «от геологии до идеологии», то наши коллеги-политологи природу, этнографию, демографию и многое другое даже не упоминают. В этом случае комплексное регионоведение превращается в политическое, экономическое, историческое и т.д. регионоведение, но никак не комплексное. Комплексное регионоведение всегда было и остается прерогативой географии – науки естественной и общественной.

Региональная наука или регионоведение – наука о регионах, территориальных системах, обладающих специфическими особенностями развития и внутренней целостностью на фоне соседних территориальных систем. Это классическое определение.

Ю.Н.Гладкий и А.И.Чистобаев [3], выдвигая в качестве основы регионоведческих дисциплин географию, сравнивают регионоведение с «плавильным котлом», аккумулирующим знания, почерпнутые из различных дисциплин в границах географии. Несотъемлемой частью любых «регионоведческих конгломератов» всегда остается география. Попытки «приватизировать» отдельные отрасли знания в регионоведении, как это делают наши коллеги – политологи и экономисты, представляются авторам некорректными.

Объект единой географической науки – окружающая среда, представляющая собой геосистему, где взаимодействуют, переплетаются, взаимно проникают друг в друга географическая оболочка (природа), антропогенная оболочка и социальная оболочка. А предметом единой географической науки выступают отдельные территориальные элементы этой окружающей среды с характерными особенностями, отличными от соседних участков, т.е. регионы [4].

Поэтому, учитывая вышесказанное, можно заключить, что комплексное регионоведение - это ничто другое, как старейшее направление в географии – региональная география, изучающая природу, экологию, население, хозяйство, культуру, социальную организацию отдельных территорий, в изучение которой огромный вклад внесли российские и советские ученые. Эти территории могут определяться по-разному. Это может быть регион, выделенный, прежде всего, по природным особенностям (остров, равнина, горный хребет, степь и т.д.), по экономическому развитию, по демографическим характеристикам, по политическим особенностям. Это может быть материк, часть материка, группа стран, одна страна, часть страны и даже часть города. Но в любом случае этот регион должен рассматриваться комплексно, как единая геосистема.

В том случае, когда речь идет об отдельной стране, мы имеем дело со страноведением; это частный случай региональной географии или, если угодно, комплексного регионоведения.

Возвращаясь к отличному учебнику «Мировое комплексное регионоведение» под редакцией А.Д.Воскресенского, хотелось бы отметить, что, если бы он назывался «Мировое политическое (политико-экономическое) регионоведение», все стало бы на свои места, и никаких претензий бы не было.

Особо важно проанализировать еще одно понятие – «регионалистика». Очень часто регионалистику и регионоведение путают и принимают за синонимы. Но это не так, хотя понятия действительно близкие. Регионалистика — междисциплинарная наука, изучающая объективные процессы регионализации. По мнению А.Г.Исаченко [5], регионалистика – это учение, объединяющее районистику, регионоведение, а также ряд других направлений в науках, имеющих дело с районированием и изучением районов.

Регионалистика в отличие от регионоведения изучает сам процесс регионализации во времени. При этом особое внимание уделяется изучению регионализации международных отношений под воздействием факторов глобализации, формированию региональных международных организаций, региональных блоков и т.д.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение хотелось бы отметить, что модное нынче слово «регионоведение», нужно использовать аккуратно, и всегда сопровождать его прилагательным: какое регионоведение имеется в виду. И если это комплексное регионоведение, то оно должно быть в полной мере комплексным, а не «приватизированным» другими науками. При этом подчеркиваю, мы отнюдь не против узкого понятия регионоведения. Вполне имеют право на существование политическое, социальное, экономическое, физико-географическое, экономико-географическое, политико-географическое, цивилизационное, экологическое, историческое, этнографическое и другие регионоведения, но они не будут иметь комплексного характера. И общей региональной географией оно уже никак не будет.

В порядке самокритики, хотел бы отметить, что, к сожалению, в последние годы почти совсем исчезли работы по географическому страноведению. В то же время выходит полно монографий по экономическому страноведению. И если географы не активизируют страноведческие работы, то эта ниша будет занята учеными других специальностей и тогда география, действительно, может потерять приоритет в регионоведческих/страноведческих исследованиях.

Список источников и литературы

1. Макаренко В.В. Об объектно-предметном поле регионоведения и его месте в ряду других наук, Сравнительная политика, т.10, № 4, 2019
2. Воскресенский А. Д., Киреева А. А., Колдунова Е. В., Лунев С. И. Под ред. Воскресенского А. Д.. Мировое комплексное регионоведение. М.: Магистр: 2023. 416 с.
3. Гладкий, Ю. Н., Чистобаев А.И. Регионоведение : учебник для вузов, 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — 393 с.
5. Горбанёв В. А., Кочуров Б. И. Под ред. Горбанёва В.А.. Окружающая среда в меняющемся мире. М.: КНОРУС, 2022. 274 с.
6. Исаченко А. Г. Теория и методология географической науки. - М.: Академия, 2004. 400 с.

Горбанёв Владимир Афанасьевич, доктор географических наук, ветеран МГИМО, профессор кафедры экономической и социальной географии им. академика РАО В.П.Максаковского МПГУ; E-mail: vlgorbanyov@gmail.com

MODERN INTERPRETATION OF THE CONCEPTS "REGIONAL STUDIES", "REGIONALISTICS", "REGIONAL GEOGRAPHY", "COUNTRY STUDIES"

Gorbanyov V.A.¹

¹Moscow pedagogical state university, Moscow, Russia

In recent years, some non-geographers (political scientists, economists, philosophers) have been actively promoting a "new" science - regional studies. Courses of integrated regional studies appear in universities, however, no complex is observed in these courses. Moreover, many experts very aggressively argue that geographers did not take any part in the formation of regional studies. The article shows that integrated regional studies is the oldest geographical direction, to the study of which Russian/Soviet geographers made a huge contribution. At its core, complex regional studies is the same regional geography that studies the region in a complex way: nature, population, economy, culture, traditions, etc. Therefore, the attempts of a number of non-geographers to show regional studies as a new science that originated in the 90s of the last century are untenable. Geography studies the region from the standpoint of general geography, where the subject of study is the environment of a particular region. Country studies is a special case of complex regional studies or regional geography. Of course, there may be physical-geographical, economic-geographical, political-geographical, economic, social, international-political, historical, ethnographic, cultural and other regional studies, but this will no longer be complex regional studies and will be dealt with by scientists of relevant specialties.

ОСОБЕННОСТИ РАССЕЛЕНИЯ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ СТРУКТУР НАСЕЛЕНИЯ В ГОРОДАХ СИБИРИ

Дмитриева Ю.Н.¹

¹ Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, Иркутск, Россия

Автором рассматриваются особенности современного расселения населения по территории сибирских регионов. В работе проанализировано распределение численности населения по типам населенных пунктов в разрезе шестнадцати регионов Сибирского макрорегиона. Автором проведено ранжирование региональных центров по типам городов. В работе проанализирован возрастной состав населения в различных по статусу городах. Вычислены возрастные формулы по критерию трудоспособности в разрезе регионов, крупных городов и городов-миллионеров. Выполнена типология демографических структур: прогрессивный, стационарный и регрессивный тип. Проведено сравнение типов демографических структур на региональном и локальном уровнях. В работе рассматриваются возможные факторы, оказывающие влияние на формирование демографической ситуации в городах и регионах Сибири. Используются сравнительно-географические, статистико-экономические, демографические методы исследования.

Ключевые слова: население, регионы и города Сибири, демографические структуры, трудоспособность.

ВВЕДЕНИЕ

Автором рассматриваются территории Сибирского макрорегиона в составе Тюменской области (с Ямало-Ненецким автономным округом (ЯНАО) и Ханты-Мансийским автономным округом (ХМАО-Югра)), Республики Саха (Якутия), Республики Бурятия, Забайкальского края и регионов Сибирского федерального округа. В исследовании использованы показатели базы данных Федеральной службы государственной статистики.

В статье вычислены условные формулы возрастных структур по трудоспособности – процентное соотношение возрастных групп (младше трудоспособного, трудоспособного и старше трудоспособного) в регионах и городах Сибири за 2022 г. На основе чего выделены типы: прогрессивный тип, в котором доля лиц младше трудоспособного превышает долю лиц старше трудоспособного возраста (возможная условная формула возрастной структуры соответствует соотношению – 30:60:10); стационарный тип, в котором доли лиц младше и старше трудоспособного возраста равны (возможная условная формула – 20:60:20); регрессивный тип, в котором доля лиц старше трудоспособного населения превышает долю лиц младше трудоспособного (возможная условная формула – 10:60:30) [1].

РЕЗУЛЬТАТЫ

На территории Сибирского макрорегиона в составе 16 регионов по данным на 1.01.2022 г. проживало 23,7 млн. человек, что составляло 16% населения России. Основная часть жителей сосредоточена в основной полосе расселения в южных более благоприятных для проживания районах. В пяти регионах: Алтайском крае (2,26 млн. чел.), Красноярском крае (2,85), Иркутской области (2,35), Кемеровской области (2,60) и Новосибирской области (2,78) сосредоточено 12,8 млн. чел., что составляет более 50% населения Сибири.

Городское население составляет 17,64 млн. чел. (74,4%), сельское – 6,07 млн. (25,6%), уровень урбанизации в Сибири немного ниже, чем в среднем по Российской Федерации – 74,8%. При этом для регионов характерна значительная дифференциация – от минимума в Республике Алтай (городское население 29,2%) до максимального показателя в ХМАО-Югра (городское население – 92,8%) (рис. 1).

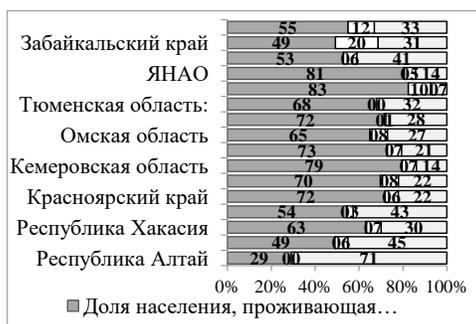

Рисунок 1. Распределение численности населения Сибири по типам населенных пунктов (города, ПГТ, сельские поселения), в % на 1.01.2022 г.

Составлено автором по [2]

Среди регионов более низкая доля городского населения (жители городов и поселков городского типа) выявлена в Республике Тыва – 54,9%, в Алтайском крае – 57,4% и в Республике Бурятия – 59,1%.

Региональные столицы Сибири представлены различными типами городов: городами-миллионерами (Новосибирск, Омск, Красноярск), крупными городами с численностью населения от 500 тыс. до 1 млн. (Тюмень, Барнаул, Иркутск, Томск, Кемерово), большими городами с численностью от 100 тыс. до 500 тыс. (Улан-Удэ, Чита, Якутск, Абакан, Кызыл, Ханты-Мансийск) и средними городами с численностью от 50 до 100 тыс. (Горно-Алтайск, Салехард) (табл.1).

Таблица 1. Демографическая структура населения в регионах Сибири

Региональная столица, города	ОЧ, тыс. чел.	Численность населения по возрастным группам, тыс. чел.			Доля возрастной группы в структуре населения, %			Тип возрастной структуры ²
		МТ ¹	ТВ	СТ	МТ	ТВ	СТ	
Горно-Алтайск	64,6	16,2	38,1	10,3	25	59	16	П
Кызыл	123,3	34,9	75,2	13,2	28	61	11	П
Абакан	187,1	41,5	109,5	36,1	22	59	19	С ³
Барнаул	692,1	123,5	415,0	153,6	18	60	22	Р
Красноярск	1103,8	209,0	683,3	211,5	19	62	19	С
Иркутск	617,2	130,4	370,4	116,4	21	60	19	С
Кемерово	549,3	98,6	325,5	125,2	18	59	23	Р
Новосибирск	1621,4	299,1	963,7	358,6	19	59	22	С
Омск	1139,9	206,4	651,2	282,3	18	57	25	Р
Томск	558,7	100,2	339,3	119,2	18	61	21	С
Тюмень	828,6	181,7	495,6	151,2	22	60	18	П
Ханты-Мансийск	106,0	23,4	69,0	13,6	22	65	13	П
Салехард	52,2	13,1	33,3	5,8	25	64	11	П
Улан-Удэ	436,4	99,1	259,5	77,8	23	60	17	П
Чита	350,0	70,3	221,0	58,7	20	63	17	С
Якутск	341,2	77,1	219,3	44,8	23	64	13	П

Примечание: 1. Возрастные группы: МТ – младше трудоспособного; ТВ – трудоспособного возраста; СТ – старше трудоспособного. 2. Тип возрастной структуры: П – прогрессивный, С – стационарный, Р – Регрессивный. 3. При разнице между группами МТ и СТ в 3 и менее процента тип возрастной структуры отнесен к стационарному типу.

Составлено автором по [2]

Основная масса жителей Сибири сосредоточена в трех городах-миллионерах: Новосибирске (1621,3 тыс.), Омске (1126,2 тыс.), Красноярске (1103,0 тыс.) – 24%; и в шести крупных городах: Тюмени (828,6 тыс.), Барнауле (627,8 тыс.), Иркутске (617,2 тыс.), Томске (570,8 тыс.), Кемерово (548,22 тыс.) и Новокузнецке (539,9 тыс. чел.) – 23,3% от общей численности населения. В данных городах сложились различные типы демографических структур по критерию трудоспособности.

Сложившиеся типы демографических структур по критерию трудоспособности в городах имеют некоторые отличительные особенности от демографических структур, сложившихся в регионе. Для региональных столиц в урбанизированных регионах характерна более прогрессивная демографическая структура, для сельских регионов, наоборот, в регионе демографическая формула более прогрессивна.

Следует выделить группу с прогрессивным типом возрастных структур: Республика Тыва (демографическая формула: 34:56:10) с региональной столицей городом Кызылом (28:61:11); Республика Алтай (27:55:18) с г. Горно-Алтайск (25:59:16). В региональных столицах меньше доля населения младше трудоспособного возраста, что объясняется более высокой рождаемостью в сельских поселениях. Подобная демографическая ситуация характерна для Республики Бурятия (24:57:19) и г. Улан-Удэ (23:60:17); Республики Саха (Якутия) (24:60:16) и г. Якутска (23:64:13).

Близкие показатели в демографических структурах сложились также в ХМАО-Югра (23:61:16) и региональном центре – г. Ханты-Мансийске (22:65:13); в ЯНАО (24:64:12) и г. Салехарде (25:64:11); в Тюменской области (22:57:21) и г. Тюмень (22:60:18). В данных регионах и городах, особенностью является высокая доля трудоспособных возрастов, по причине занятости населения в отраслях добывающей промышленности (нефти и газа). В частности, в ЯНАО на долю промышленности приходится 53,5% ВВП, основу хозяйства составляют нефтегазодобывающая и рыбная отрасли.

В группу со стационарным типом возрастных структур вошли несколько регионов, в региональных столицах которых сложилось практически равное соотношение в группах младше и старше трудоспособного возраста: Иркутская область (демографическая структура: 22:57:21) и г. Иркутск (21:60:19), Красноярский край (20:58:22) и г. Красноярск (19:62:19); Новосибирская область (19:57:23) и г. Новосибирск (19:59:22); Томская область (19:60:21) и г. Томск (18:61:21); Забайкальский край (22:58:20) и г. Чита: (20:63:17); Республика Хакасия (22:56:22) и г. Абакан (22:59:19).

В тоже время в городе-центре наблюдается более высокая доля населения в трудоспособном возрасте. В данном случае, региональные столицы являются развитыми многофункциональными центрами, притягивающими население регионов. В частности, в городе-миллионере Новосибирске (1621,3 тыс. чел.) проживает 58,3% населения региона, в г. Томске (570,8 тыс. чел.) – 53,4%; в г. Красноярске (1103 тыс. чел.) – 38,7%; в г. Чита (350 тыс. чел.) – 33,5%; в г. Иркутске (617,2 тыс. чел.) – 26,2%.

В регионах с регрессивным типом возрастных структур немного ниже доля трудоспособного населения и выше доля пенсионеров, чем в региональном центре, что также объясняется привлекательностью рабочих мест, возможностью получения образования, обеспеченностью необходимой инфраструктурой для населения в данных городах. В группу вошли: Алтайский край (19:55:26) и г. Барнаул (18:60:22); Кемеровская область (19:56:24) и г. Кемерово (18:59:23). Среди регионов с регрессивным типом следует отметить Омскую область с демографической структурой – 20:56:24, которая практически соответствует структуре в г. Омске – 18:57:25. Данная ситуация во-многом определена сосредоточенностью 60% жителей всей области в региональном центре городе-миллионере Омске (с численностью населения – 1126,2 тыс. чел.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для расселения населения Сибирского макрорегиона характерна значительная дифференциация на региональном и локальном уровнях. В результате сложившейся структуры хозяйства (в частности аграрного сектора либо преобладание промышленного производства) значительно дифференцирован уровень урбанизации в разрезе регионов от 29,2% до 92,8%. Региональные столицы представлены городами различного статуса по численности населения от городов-миллионеров до средних городов. В девяти наиболее крупных городских населенных

пунктах сосредоточено 23,3% жителей Сибири. В разрезе шестнадцати регионов сложились различные демографические структуры по трудоспособности: семь прогрессивного типа, шесть стационарного и три регрессивного.

Благодарности. Исследование выполнено за счет средств гос. задания (№ темы - АААА-А21-121012190019-9) в рамках научного проекта «Дифференциация и закономерности эколого-социально-экономического пространства сибирского макрорегиона с позиций восточного вектора развития в условиях глобальной нестабильности».

Список источников и литературы

1. Вандескрик К. Демографический анализ. – М.: Гаудеамус, 2005. 241 с.
2. Федеральная служба государственной статистики РФ. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1.01.2022 г. Стат. бюллетень [Электронный ресурс]. – https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2022.pdf. (дата доступа 1.08.2023).

Дмитриева Юлия Николаевна, к. геогр. н., науч. сотр., Лаборатория экономической и социальной географии Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН; e-mail: Yuliya.dmitr@mail.ru

FEATURES OF SETTLEMENT AND DEMOGRAPHIC STRUCTURES OF THE POPULATION IN SIBERIAN CITIES

Dmitrieva Yu.N.¹

¹ V.B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk, Russia

The author examines the features of the modern settlement of the population on the territory of the Siberian regions. The paper analyzes the distribution of the population by types of settlements in the context of sixteen regions of the Siberian macroregion. The author conducted a ranking of regional centers by types of cities. The paper analyzes the age composition of the population in cities of different status. Age formulas are calculated according to the criterion of working capacity in the context of regions, large cities and millionaire cities. The typology of demographic structures is carried out: progressive, stationary and regressive type. The types of demographic structures at the regional and local levels are compared. The paper considers possible factors influencing the formation of the demographic situation in the cities and regions of Siberia. Comparative geographical, statistical-economic, demographic research methods were used.

Key words: population, regions and cities of Siberia, demographic structures, working capacity.

Dmitrieva Yulia Nikolaevna, Candidate of Geographical Sciences, Researcher of the Laboratory of economic and social geography, V.B. Sochava Institute of Geography SB RAS; e-mail: Yuliya.dmitr@mail.ru

УДК 339.564.2

РЕЙТИНГ СТРАН ПО ЭКСПОРТУ ХАЛЯЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ

Дубич В.В.¹, Бриско А.В.¹

¹ Международное агентство по изучению ислама, Брно, Чехия

При торговле со странами-членами Организации исламского сотрудничества некоторые категории товаров должны соответствовать исламским требованиям, то есть быть халяльными. Сертификация халяльной продукции осуществляется в стране-производителе избранными исламскими организациями. Для оценки того, какая часть экономики страны может находиться под влиянием исламских организационных структур, разработана методика расчета доли экспорта халяльной продукции в страны-члены ОИС относительно ВВП страны. Проведены расчеты для 189 стран и составлен рейтинг стран мира по доле экспорта халяльной продукции относительно ВВП в 2021 году.

Ключевые слова: халяль, международная торговля, халяльный экспорт, сертификация халяль, рейтинг стран.

Политический ислам в современном мире играет все более значимую и заметную роль. Под политическим исламом понимаются принципы политического и социального устройства общества, изложенные в основополагающих текстах исламского учения (Коране, жизнеописании Мухаммеда и хадисах). В различных странах политический ислам проявляет себя с различных

сторон и в разной степени. Оценка степени его влияния на общество представляется сложной аналитической задачей, призванной учесть не только политические, но также экономические и социальные факторы. Международным центром изучения политического ислама была предпринята попытка количественного анализа влияния политического ислама в каждой стране с целью разработки системы индикаторов, позволяющих сравнивать степень его влияния в разных странах [1, 2, 3]. Одной из характеристик экономического влияния политического ислама может являться объем халяльной продукции. Халяль — то, что разрешено в исламе, в отличие от понятия «харам» — то, что запрещено (например, алкоголь, свинина и пр.) [4]. Общемировой рынок халяльной продукции растет и по прогнозам может достигнуть 3,2 трлн долл. США к 2024 году [5].

Одной из измеряемых величин, для которых имеются общедоступные данные, является экспорт халяльной продукции в страны-члены Организации исламского сотрудничества (ОИС). Согласно Уставу ОИС [6] каждая страна-член обязуется следовать исламскому учению, вследствие чего при торговле некоторые категории импортируемых этими странами товаров должны быть халяльными. К халяльной продукции, согласно отчету ОИС по халяльной экономике [7], относятся:

1. продукты питания;
2. лекарства;
3. косметика;
4. одежда.

Халяльный характер продукции подтверждается сертификатом соответствия, который получает производитель. Сертификация халяльной продукции в стране-производителе осуществляется избранными исламскими организациями данной страны. Результатом такого сертификационного процесса является то, что халяльный сегмент экономики страны-производителя оказывается под существенным влиянием исламских организационных структур, соответствуя исламским нормам. Это превращает экспорт халяля в рычаг экономического воздействия на общество со стороны политического ислама.

В настоящем исследовании разработана методика расчета индикатора, который представляет собой долю экспорта халяльной продукции в страны-члены ОИС относительно валового внутреннего продукта (ВВП) страны за год (в данном исследовании за 2021 год).

Стоит отметить ограничения данного индикатора, который не учитывает внутреннее производство и потребление халяльной продукции, а также ту часть халяля, которая экспортируется в страны, не являющиеся членами ОИС [8].

Источниками данных для исследования были выбраны следующие открытые и общедоступные ресурсы:

- список стран и регионов — согласно данным Отдела населения Департамента по экономическим и социальным вопросам Организации Объединенных Наций (ООН) [9];
- официальный сайт Организации исламского сотрудничества, который содержит данные о членстве страны в ОИС или ее статусе наблюдателя [10];
- официальный сайт Международного торгового центра, который содержит данные по экспорту всех видов продукции [11];
- официальный сайт Всемирного банка, который содержит данные по валовому внутреннему продукту стран [12].

Разработана формула расчета доли экспорта халяльной продукции относительно ВВП страны:

$$R_i = \frac{HE_i}{GDP_i} \times 100\%,$$

где:

R_i – доля экспорта халяльной продукции в страны-члены ОИС относительно валового внутреннего продукта (ВВП) i -й страны за год;

HE_i – халяльный экспорт в страны ОИС из i -й страны за год, долл. США;

GDP_i – ВВП i -й страны за год, долл. США.

Для расчетов были использованы доступные данные по экспорту продукции. Для большинства стран это данные за 2021 год, а в случае отсутствия данных за 2021 год использовались доступные данные за предыдущие годы (2020, 2019). При этом данные о ВВП стран были взяты за соответствующий год.

Собраны данные и проведены расчеты для 189 стран мира. Результатом исследования является список, где каждой стране мира соответствует число, которое показывает долю экспорта халяльной продукции относительно ВВП в 2021 году.

Для иллюстрации полученных в результате расчета данных составлены диаграммы рейтинга стран по группам и регионам:

- общемировой рейтинг (рис. 1);
- рейтинг неисламских стран (не являющихся членами ОИС) (рис. 2);
- рейтинг стран Европы (рис. 3);
- рейтинг стран Северной и Латинской Америки (рис. 4).

Если рассматривать регионы мира, то из Рис. 1 видно, что в топ-20 общемирового рейтинга стран по доле экспорта халяльной продукции относительно ВВП в 2021 году вошли:

- 9 стран Африки (Судан, Того, Кот-д'Ивуар, Сенегал, Джибути, Эсватини, Гвинея-Бисау, Сомали, Мавритания), из которых все, кроме Эсватини, являются членами ОИС;
- 8 стран Азии (ОАЭ, Ливан, Иордания, Оман, Малайзия, Сирия, Бахрейн, Кыргызстан), являющиеся членами ОИС;
- 2 страны Европы (Украина и Молдова), не являющиеся членами ОИС;
- 1 страна Латинской Америки (Аргентина), не являющаяся членом ОИС.

Рисунок 1. 20 стран мира с наибольшей долей экспорта халяльной продукции в 2021 году, % ВВП

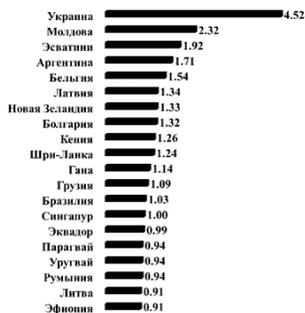

Рисунок 2. 20 неисламских стран (не являющихся членами ОИС) с наибольшей долей экспорта халяльной продукции в 2021 году, % ВВП

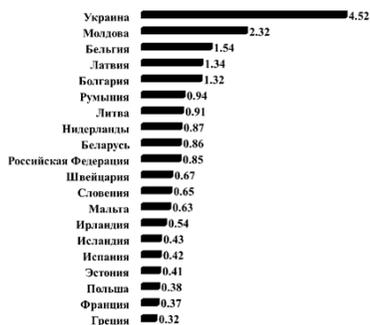

Рисунок 3. 20 стран Европы с наибольшей долей экспорта халяльной продукции в 2021 году, % ВВП

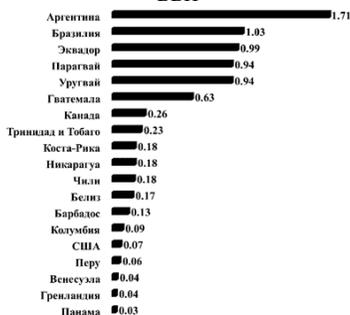

Рисунок 4. 20 стран Северной и Латинской Америки с наибольшей долей экспорта халяльной продукции в 2021 году, % ВВП

Также из диаграммы на Рис. 1 видно, что в 2021 году самая большая доля экспорта халяльной продукции относительно ВВП наблюдалась в Украине, затем в ОАЭ, Ливане, Судане и Иордании. В 2021 году в Украине доля экспорта халяльной продукции составила 4,52% ВВП. Для анализа причин этого явления требуются более детальные исследования отдельных стран.

Из Рис. 2 видно, что в топ-20 рейтинга стран, не являющихся членами ОИС, по доле экспорта халяльной продукции относительно ВВП в 2021 году вошли:

- 7 стран Европы (Украина, Молдова, Бельгия, Латвия, Болгария, Румыния, Литва);
- 5 стран Латинской Америки (Аргентина, Бразилия, Эквадор, Парагвай, Уругвай);
- 4 страны Африки (Эсватини, Кения, Гана, Эфиопия);
- 3 страны Азии (Шри-Ланка, Грузия, Сингапур);
- 1 страна Океании (Новая Зеландия).

Из диаграммы на Рис.3 видно, что в Российской Федерации доля экспорта халяльной продукции в 2021 году составила 0,85% ВВП. Тем самым Россия вошла в десятку стран Европы с самой высокой долей халяльного экспорта после Украины, Молдовы, Бельгии, Латвии, Болгарии, Румынии, Литвы, Нидерландов и Беларуси.

Из Рис. 4 видно, что Канада вошла в топ-10, а США в топ-20 стран Северной и Латинской Америки с наибольшей долей экспорта халяльной продукции относительно ВВП в 2021 году.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, разработана методика расчета одного из индикаторов экономического влияния политического ислама в различных странах: доля экспорта халяльной продукции в страны-члены Организации исламского сотрудничества относительно валового внутреннего продукта страны. Проведены расчеты для 189 стран и составлен рейтинг стран мира по доле экспорта халяльной продукции относительно ВВП в 2021 году. Согласно расчетам, в 2021 году самая большая доля экспорта халяльной продукции относительно ВВП наблюдалась в Украине,

затем в ОАЭ, Ливане, Судане и Иордании. В Российской Федерации доля экспорта халяльной продукции в 2021 году составила 0,85% ВВП. Тем самым Россия вошла в десятку стран Европы с самой высокой долей халяльного экспорта относительно ВВП.

Благодарности. Авторы выражают благодарность члену Международного центра изучения политического ислама за помощь в проведении исследований и подготовке к публикации его результатов.

Список источников и литературы

1. Бриско, А. В. Территориально-временная динамика исламских организаций в Российской Федерации, США и Испании / А. В. Бриско, В. В. Дубич, Е. А. Сухова // Политическая география и геополитика в России: исторический опыт и современность : материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения выдающегося российского географа В. П. Семёнова-Тян-Шанского, Санкт-Петербург, 08–09 апреля 2021 года. – Санкт-Петербург: ООО "Издательство ВВМ", 2021. – С. 89-101.
2. Дубич, В. В. Картограммы роста числа исламских организаций в Российской Федерации и Федеративной Республике Германия / В. В. Дубич, А. В. Бриско, Е. А. Сухова // Региональная политика, политическая география и геополитика: история и современность : Материалы Международной научной конференции, посвященной 20-летию кафедры региональной политики и политической географии СПбГУ, Санкт-Петербург, 22–23 апреля 2022 года / Под редакцией Н.М. Михеевой и Н.В. Каледина. – Санкт-Петербург: ООО "Издательство ВВМ", 2022. – С. 686-692.
3. Бриско, А. В. Типология зарегистрированных исламских организаций по сферам деятельности на примере Москвы и Московской области / А. В. Бриско, Е. А. Сухова, В. В. Дубич // Региональная политика, политическая география и геополитика: история и современность : Материалы Международной научной конференции, посвященной 20-летию кафедры региональной политики и политической географии СПбГУ, Санкт-Петербург, 22–23 апреля 2022 года / Под редакцией Н.М. Михеевой и Н.В. Каледина. – Санкт-Петербург: ООО "Издательство ВВМ", 2022. – С. 693-699.
4. Рагасова, С. Слова халяль и харам в современной русской речи / С. Рагасова, А. А. Хуснутдинов // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2021. – № 4. – С. 52-68.
5. Султанов С.З., Нигматуллин А.Т., Сатуев Б.Б., Лебедева А.В., Милутка А.С., Курбатова А.И. Анализ требований, предъявляемых к продукции халяль при ее экспорте в Турцию и ОАЭ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экология и безопасность жизнедеятельности. 2021. Т. 29. № 1. С. 72–81.
6. Устав Организации исламского сотрудничества // [Электронный ресурс]. URL: https://www.oic-oci.org/upload/documents/charter/en/oic_charter_2018_en.pdf (дата обращения: 14.07.2023).
7. 2022 ANNUAL OIC HALAL ECONOMY REPORT, с. 56 // [Электронный ресурс]. URL: <https://icdt-cidc.org/annual-oic-halal-economy-report-2022> (дата обращения: 14.07.2023).
8. Загоровская, В. Халяль на экспорт / В. Загоровская // Птицепром. – 2015. – № 2(26). – С. 11-14.
9. Официальный сайт ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/MostUsed/> (дата обращения: 14.07.2023).
10. Официальный сайт ОИС [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oic-oci.org/states/?lan=en> (дата обращения: 14.07.2023).
11. Официальный сайт Международного торгового центра [Электронный ресурс]. URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения: 14.07.2023).
12. Официальный сайт Всемирного банка [Электронный ресурс]. URL: https://data.worldbank.org/indicator/Ny.Gdp.Mktr.Cd?most_recent_value_desc=true (дата обращения: 14.07.2023).

Дубич Виктория Викторовна, к. тех. н., доцент, руководитель исследовательского отдела Российского отделения Международного центра изучения политического ислама; e-mail: victoria.dubich@cspii.org

Бриско Анна Викторовна, директор Российского отделения Международного центра изучения политического ислама; e-mail: anna.briscoe@cspii.org

RANKING OF COUNTRIES BY HALAL EXPORT

Dubich V.V.¹, Briscoe A.V.¹

¹ Center for the Study of Political Islam International, Brno, Czech Republic

When trading with the Organization of Islamic Cooperation (OIC) member countries, some categories of products must comply with Islamic requirements, i.e. be "halal". Certification of halal products in the country of manufacture is performed by designated Islamic organizations of this country. To assess what share of a country's economy can be influenced by Islamic institutions, a method for calculating the share of halal export to OIC member countries in relation to the country's GDP has been developed. Calculations have been made for 189 countries and a ranking of the world countries has been made by their share of halal export in relation to their GDP in 2021.

Key words: halal, international trade, halal export, halal certification, rating of countries.

Dubich Viktoria Viktorovna, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Head of the Research Department of Russian Division of Center for the Study of Political Islam International; e-mail: victoria.dubich@cspii.org

УДК 327

КИТАЙСКО-РОССИЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И КУЛЬТУРНЫЕ ОБМЕНЫ В РАМКАХ ПРОГРАММЫ «ОДИН ПОЯС-ОДИН ПУТЬ»

Жэнь Сыцзинь¹, Матвеевская А.С.¹, Тараканова Т.С.²

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

²Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия

В сегодняшних политических реалиях Россия приоритетное значение отдает сотрудничеству с азиатскими партнёрами, в частности с Китаем. Несмотря на долгую и непростую историю развития двусторонних отношений, Китай и Россия вышли на довольно высокий уровень взаимного уважения, доверия и поддержки. В марте 2023 г. произошла очередная встреча лидеров двух государств в Москве, на которой во время официальной части было принято два важных документа: Заявление о дальнейшем плане развития экономического сотрудничества до 2030 г. и Заявление об углублении стратегического партнёрства между Россией и Китаем. Разносторонняя коммуникация России и Китая распространяется в том числе и на сферу культуры, гуманитарных обменов, образования, спорта и туризма. В работе использованы метод анализа официальных документов и совместных заявлений Китая и России, а также анализ инициативы «Пояс и путь», метод сравнения культур и культурных политик двух стран, метод индукции, на основе которого рассматриваются различные аспекты взаимоотношений России и Китая и делается вывод о текущем состоянии отношений и их перспективе на будущее. За последние 10 лет Россия и Китай сотрудничали в рамках всеобъемлющего стратегического партнёрства, и перед лицом многочисленных испытаний, китайско-российские отношения всегда оставались живыми и динамичными, демонстрируя ценные качества зрелости и устойчивости, а Россия и Китай выработали способ ладить друг с другом в плане стратегического взаимного доверия и добрососедства.

Ключевые слова: Российская Федерация, Китайская Народная Республика, Один пояс – один путь, международное сотрудничество, культурные обмены.

ВВЕДЕНИЕ

В 2013 году, во время своих визитов в Центральную и Юго-Восточную Азию, Председатель Китая Си Цзиньпин предложил две грандиозные стратегии в целях экономической интеграции пространства Евразии: "Стратегическую концепцию Экономического пояса Шелкового пути" и "Стратегическую концепцию Морского пояса Шелкового пути XXI века". Китайское правительство называет эти два направления вместе "Один пояс и один путь". С момента создания проекта правительство активно продвигает строительство "Пояса и пути", в частности, укрепляя связи и консультации с Россией в различных областях и продвигая практическое сотрудничество во многих сферах. Несмотря на то, что сейчас, когда в международных отношениях происходят глобальные геополитические сдвиги, Россия всё больше ориентируется на азиатских партнёров, главнейшим из которых является именно Китай, в культурных взаимодействиях государств можно выделить определённые проблемы. В силу того, что культурные связи стран представляются нам очень значимыми, ведь без них невозможно стирание стереотипов и рост взаимного доверия между народами, решать эти проблемы необходимо, дабы сотрудничество по другим направлениям тоже развивалось успешно и эффективно.

С 2014 г., в силу резкого ухудшения отношений России с западными странами, Россия стала больше внимания уделять своей политике в азиатском регионе и, в частности, отношениям с Китаем [1]. В настоящий момент Китаю Россия имеют не только тесные политические и экономические связи, но также связи культурные и образовательные.

Ещё до начала реализации стратегии «Один пояс – один путь» Китай и Россия подписали документ под названием «План действий по развитию российско-китайского взаимодействия в гуманитарной сфере» в декабре 2012 г. В нём стороны договариваются сотрудничать по следующим направлениям:

1. Сотрудничество в области образования;
 - Подготовка специалистов;
 - Сотрудничество между ВУЗами;
 - Молодёжные образовательные обмены;
 - Преподавание и изучение языков друг друга;
 - Страноведение;
 - Региональное сотрудничество;
2. Сотрудничество в области культуры;
 - Мероприятия и культурные обмены;
 - Сотрудничество между культурными учреждениями;
 - Сотрудничество в области индустрии культуры;
 - Региональное сотрудничество;
 - Молодёжные обмены;
 - Создание и работа культурных центров;
3. Сотрудничество в области здравоохранения;
 - Обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения и ликвидация последствий ЧС;
 - Практики традиционной медицины и санитарно-курортного лечения;
 - Охрана здоровья матерей и новорождённых;
 - Региональное сотрудничество;
4. Сотрудничество в области спорта;
 - Взаимные визиты спортивных команд и делегаций;
 - Проведение совместных спортивных соревнований;
 - Сотрудничество в научных исследованиях;
 - Молодёжные спортивные обмены;
5. Сотрудничество в сфере туризма;
6. Сотрудничество в области СМИ [2].

Таким образом, как становится понятно из приведённого выше списка, Китай и Россия, согласно Документу, до 2020 г. закрепили своё намерение многосторонне развивать культурные и гуманитарные связи. Для реализации данного Плана действий в том же году была учреждена российско-китайская комиссия по гуманитарному сотрудничеству [2].

В 2014 г. во время визита В. В. Путина в Китай между двумя странами был подписан Меморандум о взаимопонимании о сотрудничестве по созданию российско-китайского университета Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова (МГУ) и Пекинским политехническим институтом (ППИ). Соучредителями проекта стали МГУ, ППИ и Муниципальное народное правительство г. Шэньчжэнь. Университет реализует 6 образовательных программ и даёт студентам возможность к завершению учёбы овладеть китайским и русским языками, а также выдаёт двойной диплом МГУ-ППИ [3]. Ценность данного учебного заведения заключается в том, что он не только является площадкой для общения российских и китайских студентов, но также способствует научному обмену между учёными и преподавателями из обоих государств. В качестве научных руководителей там работают 10 учёных РАН, при этом ректором является китайский учёный Ли Хэчжан, а проректором – Иванченко Сергей Николаевич [4].

Особо стоит затронуть взаимодействие СПбГУ с Китаем и с китайскими вузами, в частности. СПбГУ на данный момент является пока единственным российским университетом, который заключил соглашение непосредственно Министерством образования КНР. СПбГУ имеет около 50 соглашений с различными ВУЗами Китая [5], а количество китайских студентов в Университете в 2023 г. превышает 2000 человек. Более того, с 2019 г. выросло число программ в СПбГУ (с 40 до 80), содержащих т. н. «китайский компонент» (Юриспруденция с изучением права КНР, Экономика с углублённым изучением экономики Китая и китайского языка и т. д.) [6]. С конца 2022 г. СПбГУ осуществляет сотрудничество с китайской провинцией Сычуань. На данный момент контакты установлены только с Сычуаньским университетом, однако в планах есть развитие образовательных связей и с другими вузами провинции [7].

Стоит отметить также то, что в стенах СПбГУ происходят важные встречи со значимыми представителями КНР. В марте 2023 г. ректор СПбГУ Николай Кропачев провёл встречу с Генеральным консулом КНР в Петербурге Ван Вэньли. На встрече была подчеркнута важность развития программ с «российским компонентом» в китайских вузах при возможном содействии в этом Санкт-Петербургского университета [8]. Однако важнейшим из таких событий стало вручение в 2019 г. диплома почётного доктора СПбГУ Си Цзиньпину, на встрече присутствовал также В. В. Путин [9]. Это событие важно не только с точки зрения укрепления образовательных связей СПбГУ и Китая, но это имеет значение также и как показатель тесных политических связей двух стран: В. Путин является выпускником СПбГУ (бывший Ленинградский университет).

Помимо активных образовательных обменов, между странами осуществляется тесное и многостороннее культурное сотрудничество. В 2007г. в г. Суйфэнхэ был создан русский центр культуры и творчества «Тройка». Это место было построено русскими ещё во времена строительства Китайско-Восточной железной дороги и отреставрировано также русскими мастерами. Суйфэнхэ – это пограничный город между Россией и Китаем, и создание там деревни с русскими обычаями символизирует тесную связь между китайской провинцией и Приморским краем РФ, а также направлено на популяризацию русского языка и культуры среди китайцев. Кроме того, центр нередко используется как место проведения различных китайско-российских переговоров [10].

С 1957 г. страны создали Общество российско-китайской дружбы. Главной целью его деятельности является поддержание дружбы и тесного сотрудничества между двумя народами, что Обществу удавалось делать даже во время кризиса в отношениях КНР и СССР. Обществу на протяжении всей своей истории организовывало различные мероприятия, направленные на популяризацию культуры дружественного государства в другом. В 60-80-е гг. было организовано около 300 мероприятий, посвящённых знаменательным моментам китайской истории и истории российско-китайских отношений [11]. В 2022 г. состоялся конкурс творческих фотографий «Дружба наших народов», проводимый в честь 65-летней годовщины создания ОРКД [12]. Общество регулярно организует и проводит различные культурные и творческие мероприятия, посвящённые отношениям РФ и КНР.

Изучение языков становится базой для китайско-российских обменов и сотрудничества в области образования.

Поскольку углубление отношений между Китаем и Россией требует большего количества талантов, владеющих языками друг друга, в китайско-российском совместном заявлении 2023 года об углублении всеобъемлющего стратегического партнерства в новую эпоху "обе стороны четко предложили углублять сотрудничество в области преподавания языков, что указывает путь для дальнейших гуманитарных обменов и преподавания языков между двумя странами" [13].

Взаимодействие в области изучения языков уже давно является одной из наиболее интенсивно развиваемых областей гуманитарного обмена и сотрудничества между Россией и Китаем, а в 2005 году две страны подписали Соглашение между Правительством Китайской Народной Республики и Правительством Российской Федерации об изучении китайского языка в Российской Федерации и русского языка в Китайской Народной Республике, которое поддерживает преподавание языка, литературы и культуры другой страны своим гражданам [14].

В 2007 году Китай основал первый Институт Конфуция в России с целью удовлетворения потребностей людей в изучении китайского языка, улучшения понимания ими китайского языка и культуры, укрепления образовательных и культурных обменов и сотрудничества с другими странами мира, развития дружественных отношений между Китаем и зарубежными странами, а также содействия мультикультурному развитию в мире. Согласно статистике, в настоящее время в России насчитывается 19 Институтов Конфуция и 4 класса Конфуция. Каждый институт предоставляет услуги для российских граждан по преподаванию китайского языка, проведению экзаменов по китайскому языку, мероприятиям по обмену китайским и иностранными языками и культурами, подготовке преподавателей китайского языка, а также информированию и консультированию по вопросам китайского образования и культуры. В рамках инициативы "Один пояс, один путь" Институты Конфуция играют важную роль в продвижении культурного обмена и сотрудничества в регионе. В последние годы Институты Конфуция на Дальнем Востоке России активно изучают модель "Институт Конфуция плюс", постепенно развивая свои собственные особенности и активно изучая модель "китайский язык + специализация".

5 апреля 2023 года Институт Конфуция при Университете Владивостока в России успешно

провел 16-й Всемирный конкурс китайского языка "Китайский мост", в котором учащиеся средних школ со всего Приморского края соревновались за призы. Победители получают гранты и возможность учиться в лучших университетах и языковых школах Китая [15].

С 2019 года в России китайский язык включен в качестве предмета в Единый государственный экзамен, став пятым предметом по иностранному языку на государственном экзамене после английского, немецкого, французского и испанского языков, и часть политики России стимулирует интерес российской общественности к изучению китайского языка и культуры. Использование китайского языка в России распространилось с локального изучения китайского языка на все слои общества, став важным инструментом для расширения профессиональной деятельности и проведения передовых научных исследований. Что касается начального и среднего образования, то российские начальные и средние школы уделяют все больше внимания преподаванию китайского языка. По данным Министерства образования РФ на июль 2022 года, 22 000 студентов в 142 российских вузах изучают китайский язык, а 96 государственных школ и более 500 частных начальных и средних школ предлагают курсы китайского языка. В 2015 году число российских студентов, выбравших обучение в Китае, впервые превысило число студентов, обучающихся в Германии, составив 21,5% от общего числа российских студентов, обучающихся за рубежом (79 800), что сделало Китай крупнейшей страной для студенческого обмена. Китай стал крупнейшей страной назначения для российских студентов [16]. В 2016 году число российских студентов, приехавших в Китай, составило 18 000 человек, и Россия заняла шестое место среди стран-источников иностранных студентов в Китае. Основными факторами, стимулирующими рост числа российских студентов, приезжающих в Китай, являются высокий уровень политического доверия между двумя странами, поддержка стипендий китайского правительства, создание российских баз для изучения иностранных языков в начальной и средней школе, растущий интерес россиян к обучению в Китае и финансовая поддержка российских университетов.

Что касается изучения русского языка, то в результате реализации инициативы "Пояс и путь" некоторые российские университеты стали привлекательными для китайских студентов, в основном, благодаря низкой стоимости обучения и качеству преподавания, которое не уступает западным университетам. Согласно статистике, число китайских студентов, обучающихся в России в 2019–2020 годах, составляет 37 500 человек, занимая второе место среди всех стран происхождения в России, с увеличением на 1,66% по сравнению с 2018–2019 годами [17]. В частности, число иностранных студентов выше в областях естественных наук, инженерии и технологий. Согласно последним данным, число китайских студентов в России в 2022 году достигло 39 939 человек, что делает эту страну второй по величине страной-источником иностранных студентов в России. В последние годы ряд российских университетов приложили усилия для привлечения китайских студентов, например, Московский государственный университет, Российская высшая школа экономики и Санкт-Петербургский государственный университет, которые разработали сайты на китайском языке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, на протяжении как минимум всего XXI в. Россия и Китай эффективно и взаимовыгодно развивают взаимодействие в культурной, образовательной и туристической сферах. Страны регулярно проводят совместные культурные мероприятия, принимают студентов по обмену, популярность китайского языка в России и русского языка в Китае также неуклонно растёт.

Во время визита Си Цзиньпина в Москву в марте 2023 г. В. Путин заявил, что отношения между двумя странами находятся на наивысшем за всю историю уровне развития. В настоящее время в связи с мировыми политическими сдвигами происходит переориентация России на партнёрств в Азии, что открывает большие возможности для расширения сотрудничества том числе в гуманитарной и образовательной сферах с китайскими партнёрами.

Список источников и литературы

1. Погодин С. Н., Тараканова Т. С. Стратегическое партнёрство России и Китая на площадке ШОС // Геополитика и безопасность. №4 (40). – 2017 – с.62-66
2. План действий по развитию российско-китайского взаимодействия в гуманитарной сфере // [Электронный ресурс]: <https://docs.cntd.ru/document/499014828?marker=6500IL> (Дата обращения: 06.04.2023)
3. Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне. URL: <https://www.msu.ru/info/struct/dep/universitet-mgu-ppi-v-shenchzhene.php> (Дата обращения: 06.04.2023)

4. MSU-PP1大学在深圳[Университет в Шэньчжэне], URL: <https://szmsubit.ru/> (日期: дата 06.04.2023)
5. Матвеевская А.С., Погодина В. Л. Участие России в развитии академического туризма на Евразийском пространстве // Евразийский юридический журнал. № 7(98). – 2016. – с. 44–46
6. СПбГУ заключил соглашение о сотрудничестве с провинцией Сычуань. URL: <https://spbu.ru/news-events/novosti/spbgu-zaklyuchil-soglashenie-o-sotrudnichestve-s-provinciey-syчуань> (Дата обращения: 06.04.2023)
7. СПбГУ посетила генконсул Китая Ван Вэньли. URL: <https://spbu.ru/news-events/novosti/spbgu-posetilagenkonsul-kitaуа-van-venli> (Дата обращения: 06.04.2023)
8. Председателю КНР Си Цзиньпину вручили диплом почетного доктора СПбГУ. URL: <https://spbu.ru/news-events/novosti/predsedatelyu-knr-si-czinpину-vruchili-diplom-pochetnogo-doktora-spbgu> (Дата обращения: 06.04.2023)
9. В китайском Суйфэньхэ открылся Центр русского языка. URL: <https://russkiymir.ru/news/12020/> (Дата обращения: 07.04.2023)
10. Общество российско-китайской дружбы. [сайт]. URL: <https://www.orkd.org/%D0%BE-%D0%BD%D0%B0%D1%81> (Дата обращения: 07.04.2023)
11. Подведены итоги Всероссийского конкурса фотографий «Дружба наших народов», приуроченного к 65-летию ОРКД. URL: <https://www.orkd.org/news-2022-09-30/> (Дата обращения: 07.04.2023)
12. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5920> (Дата обращения: 07.04.2023)
13. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики об изучении русского языка в Китайской Народной Республике и китайского языка в Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/45958/ (Дата обращения: 07.04.2023)
14. Во Владивостоке прошёл отборочный этап конкурса для школьников «Китайский язык – это мост». URL: <https://otvprim.tv/vo-vladivostoke-proshol-otborochnyy-etap-konkursa-dlya-shkolnikov-kitayskiy-yazik-eto-most> (Дата обращения: 07.04.2023)
15. Арефьев А.Л., Дмитриев Н.М. Тенденции российско-китайского сотрудничества в образовании // Социология образования. 2016. – с.91.
16. Ефремова Л.И. О российско-китайском сотрудничестве в области образования // Вестник российско-китайского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. – с. 858
17. Inbound students in Russia in 2022. URL: <https://www.iie.org/research-initiatives/project-atlas/explore-data/russia-2/> (Дата обращения: 07.04.2023)

Жэнь Сыцзинь, магистрант кафедры мировой политики факультета Международных отношений. Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: Yeni23@mail.ru
Матвеевская Анна Сергеевна, к. геогр. н., доцент кафедры мировой политики, факультет Международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: a.matveevskaya@spbu.ru
Тараканова Тамара Сергеевна, к. полит. н., доцент, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; e-mail: tarakanovatamara@gmail.com

SINO-RUSSIAN COOPERATION AND CULTURAL EXCHANGES WITHIN THE FRAMEWORK OF THE “ONE BELT, ONE ROAD” PROGRAM

Ren Sijin¹, Matveevskaya A.S.¹, Tarakanova T.S.²

¹St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

²Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia

In today's political realities, Russia gives priority to cooperation with its Asian partners, with China. Despite the long and difficult history of bilateral relations, China and Russia have reached a high level of mutual respect, trust, and support. In March 2023, another meeting of the leaders of the two states took place in Moscow, at which two important documents were adopted during the official part: Statement on the Further Plan for the Development of Economic Cooperation until 2030 and Statement on Deepening the Strategic Partnership between Russia and China. The multifaceted communication between Russia and China extends to the sphere of culture, humanitarian exchanges, education, sports, and tourism. The paper uses the method of analyzing official documents and joint statements of China and Russia, as well as the analysis of the Belt and Road Initiative, the method of comparing the cultures and cultural policies of the two countries, the method of induction, on the basis of which various aspects of relations between Russia and China are considered and a conclusion is made about the current state of relations and their perspective for the future. Over the past 10 years, Russia and China have cooperated in a comprehensive strategic partnership, and in the face of numerous challenges, China-Russia relations have always remained lively and dynamic, demonstrating valuable qualities of maturity and resilience, and Russia and China have developed a way to get along with each other in terms of strategic mutual trust and good neighborliness.

Key words: Russian Federation, People's Republic of China, One Belt, One Road, international cooperation, cultural exchanges.

Ren Sijin, Master's student of the Department of Global Politics, Faculty of International Relations, St Petersburg State University; e-mail: Yeni23@mail.ru

Matveevskaya Anna Sergeevna, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor of the Department of Global Politics, Faculty of International Relations, St Petersburg State University; e-mail:

УДК: [274/278+322](6)

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ДИНАМИКА ПЯТИДЕСЯТНИЧЕСТВА В АФРИКЕ: ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ

Захаров И.А.¹

¹ Институт Африки РАН, Москва, Россия

В статье анализируется пространственная динамика пятидесятничества в Африке в XX – начале XXI вв., а также общественно-политические эффекты его распространения. Особое внимание уделено роли конверсии в увеличение численности этой общины как компонента роста, определяющего наиболее динамичные сдвиги в конфессиональном пространстве макрорегиона. Дается оценка мобилизационного потенциала этой конфессии, а также исследуются механизмы его использования пятидесятническими лидерами для повышения своего влияния на политические и общественные процессы в странах Африки. Показано, что в сжатые сроки пятидесятничество из небольшой общины переросло в крупное религиозное движение, оказывающее существенное влияние на развитие конфессионального пространства Африки. Наиболее масштабное расширение геопространства пятидесятничества пришлось на 1960–1980 гг. Впоследствии оно начало постепенно стабилизироваться, о чем свидетельствует снижение вклада конверсионного прироста в увеличение этой общины. Параллельно с этим обозначилась консолидация пятидесятнических церквей в зонтичные структуры и блоки. Благодаря популяризации идей пятидесятничества за пределами общины и ее высокому мобилизационному потенциалу, эти объединения получили возможность претендовать на роль самостоятельных общественно-политических акторов, составляющих конкуренцию государственным структурам в некоторых странах континента, например, в Нигерии, Кении, Эфиопии, ЮАР, Гане, ДРК, Зимбабве и других странах.

Ключевые слова: пятидесятничество, Африка, религиозная конкуренция, мобилизационный потенциал, конверсия.

ВВЕДЕНИЕ

Пятидесятничество – одно из наиболее стремительно растущих направлений протестантизма, которое считается одним из важных проводников глобализации в мире. Рассматриваемая конфессия включает в себя многочисленные деноминации, которые, несмотря на свои отличия, объединяет близкое мировоззрение, сформированное под влиянием обновленческого движения (ревайвел). В его основе лежит идея о «Святом Духе», чье присутствие в мире проявляется через «духовные дары», обретаемые неопфитами после «рождения свыше». Наиболее важными из них считаются: «дар языков» – глоссолалия и ксеноглоссия, т.е. говорение на языке «Святого духа» или способность говорить на неизвестном иностранном языке; «дар исцеления» – исцеление от физических и психологических заболеваний убежденного верующего; «дар пророчества» – способность предсказывать те или иные события, которым обычно приписывается мистический характер. В контексте последнего особое значение для пятидесятничества имеет распространение высоких эсхатологических ожиданий и премиленаризм, которые определяют чрезвычайно активную миссионерскую и прозелитическую деятельность [1; 2].

Привлекательность движения определяется харизматической манерой проведения служб в пятидесятнических храмах. В последнее время, особенно в 1990-х гг., когда Африка столкнулась с масштабными экономическими реформами, особую популярность приобрела «проповедь процветания». Она призвана убедить прихожан, что следование пастору позволит истинному верующему прийти не только к духовному откровению, но и к финансовому и материальному благополучию. На фоне существующих социально-экономических и общественно-политических проблем в макрорегионе и неспособности населения оказать существенное влияние на их решение, идеи пятидесятничества находят отклик и за пределами этой конфессии. Причем не только в близких протестантских течениях, но и в католицизме, православии, и даже исламе [3].

Пятидесятнические деноминации отличаются высоким разнообразием, они представлены сотнями организаций по всей Африке. Сложность компонентной структуры этого

движения определяется его сетевым характером, а также историей его развития. Формирование пятидесятничества происходило в три волны: (1) нач. 20 в.–1960-е гг. – классическое пятидесятничество, (2) 1960–1980-е гг. – харизматическое движение в пятидесятничестве, (3) 1980-е гг.–н.в. – неохаризматическое движение в пятидесятничестве. Каждая последующая волна пятидесятничества оказывала заметное влияние на предшествующие, а новые организации нередко позиционировали себя как самостоятельные религиозные течения. К пятидесятничеству также относят независимые африканские церкви харизматического типа, возникшие на базе миссионерских церквей [4], которые оказали заметное влияние на глобальное пятидесятническое движение [5].

Статья ставит своей целью определить общественно-политические эффекты распространения пятидесятничества в странах Африке, возникшие в результате трансформации геопространства этой религии. Анализируемые процессы рассматриваются в рамках модели конкурентного развития конфессионального геопространства, предложенной С.А. Гориховым [6]. В контексте поставленной цели особое значение имеет оценка вклада конверсии в изменение численности пятидесятников, которая производится по авторской методике.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Главным статистическим источником настоящего исследования является обновленная версия база данных Religious Characteristics of States Dataset (2017), предоставленная American Association of Religious Data Archives (ARDA), охватывающая период с 1900 по 2015 гг. [7]. Представленная конфессиональная статистика содержит данные по численности последователей сотни конфессиональных групп по всем странам мира, приведенных к границам 2015 г. Мы также учитывали и другие авторитетные источники, в т.ч. Atlas of Global Christianity, World Christian Database, специальные отчеты Pew Research Center. Для верификации имеющихся данных производилось их сопоставление с данными Operation World, Joshua Project. В случае обнаружения серьезных расхождений были привлечены источники, содержащие информацию по конфессиональной статистике, в частности это было необходимо в случае Южного Судана [8]. Таким образом, располагаемая нами статистическая база о религиозной принадлежности населения стран Африки позволила с высокой степенью достоверности отразить пространственную динамику пятидесятничества с начала XX в. до 2015 гг.

Из всего перечня конфессиональных групп в компонентной структуре христианства мы рассматривали только последователей классических пятидесятнических, харизматических и неохаризматических, других протестантских церквей, а также христианское население стран Африки в целом. Оговоримся, что, во-первых, мы не включали в расчеты последователей африканских независимых церквей, которые также относятся к пятидесятничеству [9; 10]. Это связано с тем, что мы не имеем возможности вычлнить их из группы «синкретические христианские движения», предлагаемой создателями статистической базы. Тем не менее, несмотря на их историческое значение для отдельных стран, прежде всего для ЮАР, Ганы, Кении, ДРК, Замбии и др., они все же представляют собой относительно небольшую часть населения этих стран и не оказывают решающего влияния на полученные нами результаты на региональном уровне. Во-вторых, мы не учитывали в расчетах последователей христианских церквей, которые находятся под сильным влиянием обновленческого и харизматического движения, но не причисляющие себя к пятидесятничеству. Данное обстоятельство оговаривается в силу того, что данная категория иногда причисляется к пятидесятничеству, что приводит к переоценке размера этой общины. Например, число «обновленцев» в Африке иногда оценивается более чем в 200 млн чел., т.е. почти 40% христианского населения Африки [5; 11]. Несмотря на то, что такая оценка численности самой общины несколько завышена, она все же дает адекватное представление о масштабах влияния пятидесятничества в Африке.

Пространственный анализ развития пятидесятничества проводился по трем параметрам: инерционность его территориальной структуры (оценен с помощью индекса структурных сдвигов Рябцева), интенсивность процессов территориальной концентрации-деконцентрации (индекс Херфиндаля-Хиршмана – ННИ), совокупный среднегодовой темп роста (ССТР) конфессий по странам континента. Для устранения эффекта низкой базы в качестве отчетного был избран 1920 г.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ.

Вскоре после своего возникновения пятидесятничество проникло в Африку; долгое время эта религия была представлена небольшой общиной, представленной в ЮАР, Либерии и Эсватини. Ситуация начала меняться с распространением харизматической волны

пятидесятничества. Если в 1960 г. численность последователей этой религии составляла лишь 3,5 млн чел., то спустя всего 20 лет она достигла 21,7 млн. и продолжила стремительно расти. К 2015 г. число последователей пятидесятничества в Африке превысило 100 млн, что сделало его второй по размерам христианской конфессией в макрорегионе после католицизма. Крупнейшие пятидесятнические общины Африки в настоящее время сосредоточены в Нигерии, ЮАР, ДРК, Кении, Гане, Эфиопии и т.д. Соответственно увеличивалась и доля пятидесятников в христианском населении континента: 1960 г. она составляла 4,2%, к 1980 г. увеличилась до 11,9%, а в 2015 г. достигла 17,5%.

Пятидесятнические церкви наращивали свое присутствие в Африке, успешно конкурируя даже с такими крупными течениями христианства как католицизм [12]. К 2015 г. во многих странах Африки доля пятидесятников превысила 30%; прохождение этого рубежа указывает на то, что, во-первых, в соответствии с моделью религиозной конкуренции в этих государствах наступила фаза религиозного паритета, при которой интенсивность взаимодействия конфессий резко возрастает (см. подробнее: [6]), во-вторых, трансформация геопространства христианства в ряде государств Африки обеспечивается именно за счет пятидесятничества. Такая ситуация особенно характерна для Ботсваны, где в 2015 г. доля пятидесятников в христианском населении составила 51%, Свазиланда – 50,9%, Алжира – 50,4%, Либерии – 47,5%, Зимбабве – 43,1%, Кении – 39,0%, ЮАР – 37,6%, Сьерра-Леоне – 35,2%, Нигера – 32%, Гвинеи-Бисау – 31,6%, Ганы – 30,4%.

О масштабах изменения территориальной структуры пятидесятничества мы можем судить по результатам расчета индекса структурных различий Рябцева. За 1920–2015 гг. значение этого индекса принимает значение 0,365 («значительный уровень различий»). Расчет этого показателя по волнам пятидесятничества показал, что наибольшие сдвиги предсказуемо за счет эффекта низкой базы пришлось на классическую волну, а также харизматическую волну; значение показателя составило 0,095 и 0,084 соответственно, что довольно существенно для таких относительно коротких периодов. В неохаризматическую волну изменения территориальной структуры пятидесятничества замедлились; значение индекса составило только 0,025.

В рассматриваемый период наблюдалась территориальная децентрализация пятидесятнической общины, связанная с ее ростом практически во всех странах Африки. Этот процесс отражает снижение значений ННІ. Если в 1920 г. оно достигало 3090, то в 1960 г. оно уменьшилось до 1959, в 1980 г. до 1547, в 2015 г. до 1099. Однако, несмотря на территориальную децентрализацию, привязка пятидесятничества к отдельным странам сохранялась – прежде всего к Нигерии, Кении, ЮАР, ДРК, Гане, Зимбабве, Малави. Соответственно именно эти страны определяли макрорегиональные тенденции развития этой конфессии в рассматриваемый период. Тем не менее, судя по росту пятидесятнической общины в Мозамбике, Танзании, Эфиопии, Анголе и др. странах, преобразования территориальной структуры этой религии далеки от завершения.

Реконфигурация геопространства пятидесятничества во многом определяется неоднородностью конверсионного прироста этой конфессии. Для оценки вклада последнего в увеличение численности пятидесятников произведено сопоставление ССТР этой общины с христианами, протестантами и населением стран Африки в целом [13]. Таким образом, при значении ССТР населения Африки за 1920–2015 гг. – 2,07%, христиан – 3,27%, протестантов – 3,72%, пятидесятников – 6,01%, совокупные среднегодовые темпы конверсионного прироста (ССТКП) для христианства составили 1,20%, для протестантов – 1,65%, для пятидесятников – 3,94%. Наибольшее значение ССТКП для экспансии пятидесятничества достигало в классическую и харизматическую волну, а в настоящее время оно постепенно сокращается. Аналогичная тенденция наблюдается и на страновом уровне.

Практически повсеместное распространение пятидесятничества сочетается с широкой общественной поддержкой этого религиозного течения, благодаря которому его влияние распространяется на общественно-политическую жизнь стран Африки. В частности, исследователями отмечается роль пятидесятнических церквей в распространении демократических ценностей и институтов в странах континента за счет популяризации соответствующих принципов организации общественных отношений [14]. Согласно исследованию «Spirit and Power», проведенному социологическим центром Pew Forum, представители пятидесятнических церквей начали активно проникать в правительственные структуры государств Африки южнее Сахары (АЮС) с 1980-х. Главы пятидесятнических церквей лоббируют интересы общины, например, выступая против расширения автономии

мусульманских регионов. В 1990-х лидеры пятидесятнических церквей оказывали существенную поддержку теряющих популярность лидеров в Кении, Зимбабве, Гане и др., обеспечивая «духовную» легитимность их власти [15]. В настоящее время пятидесятнические церкви также активно вовлечены в протестные акции в некоторых странах Африки, например, в Нигерии.

В условиях постепенной стабилизации геопространства пятидесятничества наблюдается консолидация этого течения – многочисленные церкви формируют зонтичные структуры и блоки, которые преследуют и политические цели. Использование мобилизационного потенциала этой конфессии создает риск для возникновения конфликтов между такими структурами и правительствами стран Африки. Об этом свидетельствует политическая трансформация пятидесятнических церквей, в результате которой они начинают позиционировать себя не столько как религиозные, сколько самостоятельные общественно-политические акторы. Эти процессы наблюдаются в Нигерии, Кении, Эфиопии, ЮАР, Гане, ДРК, Зимбабве и других странах, где существуют крупные пятидесятнические общины [10].

В этих странах наблюдается изменение миссионерских подходов. Если раньше они носили мирный характер, принимая вид молитвенных акций, призывов к праведности через СМИ и т.п., то в настоящее время происходит изменение риторики некоторых пятидесятнических пасторов, которые все чаще прибегают к демонизации других религий, в первую очередь ислама и этнорелигий, а также правительства, тем самым провоцируя своих адептов на конфликты. Более того, некоторые лидеры призывают к прямой конфронтации, допуская возможность вооруженного противостояния. Последнее особенно характерно для поликонфессиональных стран и населенных пунктов, в которых радикализация мусульманских и пятидесятнических общин происходит в ходе политической и социально-экономической борьбы за ресурсы и влияние [10; 16].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В сжатые сроки пятидесятничество из небольшой общины переросло в крупное религиозное движение, оказывающее существенное влияние на развитие конфессионального пространства Африки. Полученные результаты свидетельствуют о том, что геопространство пятидесятничества претерпело наиболее масштабное расширение в харизматическую волну 1960–1980 гг., после чего его динамика замедлилась и в XXI в. начало постепенно стабилизироваться. Об этом свидетельствует снижение вклада конверсионного прироста в увеличение численности последователей этой конфессии в большинстве стран Африки.

Приближение геопространства этой религии к пределам своего роста находит свое отражение в консолидации многочисленных пятидесятнических церквей в зонтичные структуры и блоки. Благодаря популяризации идей пятидесятничества за пределами общины и ее высокому мобилизационному потенциалу, эти объединения начали составлять конкуренцию государственным институтам, позиционируя себя как самостоятельные общественно-политические акторы. Тем не менее эти тенденции пока что носят локальный характер, они наблюдаются, например, в Нигерии, Кении, Эфиопии, ЮАР, Гане, ДРК, Зимбабве и других странах. Учитывая, что некоторые пятидесятнические лидеры помимо решения социально-экономических проблем пытаются добиться политических целей, призывая своих последователей к радикализации, можно ожидать увеличения конфликтного потенциала ряда стран Африки.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта МК-2046.2022.2.

Список источников и литературы

1. Lindhardt M., Leiden M. *Pentecostalism in Africa: presence and impact of pneumatic Christianity in postcolonial societies*. Boston, 2014.
2. Захаров И.А., Уланова Н.С. Мобилизационный потенциал пятидесятничества в современной Африке // *Восток (Oriens)*. 2022. № 2. С. 165–176.
3. Obadare E. The Muslim response to the Pentecostal surge in Nigeria: Prayer and the rise of charismatic Islam // *Journal of Religious and Political Practice*. 2016. № 1. P. 75–91.
4. Anderson A.H. *Pentecostalism in the Sub-Saharan // Spirit-Filled World: Christianity and Renewal - Interdisciplinary Studies*. Palgrave Macmillan, Cham, 2018.
5. Wariboko N. *Pentecostalism in Africa* // *Oxford Research Encyclopedia of African History*. 2017. URL: <https://oxfordre.com/africanhistory/view/10.1093/acrefore/9780190277734.001.0001/acrefore-9780190277734-e-120> (дата обращения 09.08.2023).
6. Горохов С.А. *География религий: Циклы развития глобального конфессионального пространства: монография*. М., 2020.

7. Brown D., James P. Religious Characteristics of States Dataset Project - Demographics v. 2.0 (RCS-Dem 2.0), Countries only, 2019.
8. Wilson J. Religious Landscape in South Sudan: Challenges and Opportunities for Engagement. Washington, D.C., 2019.
9. Anderson A. Bazalwane: African Pentecostals in South Africa. Unisa, 1992.
10. Wariboko N. African Pentecostal Political Philosophy: New Directions in the Study of Pentecostalism and Politics // Pentecostalism and Politics in Africa. African Histories and Modernities. Palgrave Macmillan, Cham, 2018.
11. Todd J., Zurlo G. World Christian Database. Leiden: Brill, 2016.
12. Дмитриев Р.В., Горохов С.А. Геостратегическое соперничество негосударственных акторов в Африке: Римско-католическая церковь в борьбе за «континент надежды» // Ученые записки Института Африки РАН. 2019. № 4. С. 70–81.
13. Westoff C.F., Bietsch K. Religion and Reproductive Behavior in Sub-Saharan Africa // DHS Analytical Studies. 2015. № 48. Rockville, Maryland, USA: ICF International.
14. Lindhardt M. Presence and Impact of Pentecostal/Charismatic Christianity in Africa, 2018. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/322478159_Presence_and_Impact_of_PentecostalCharismatic_Christianity_in_Africa (дата обращения: 09.08.2023).
15. Spirit and Power – A 10-Country Survey of Pentecostals, 2006. Режим доступа: <https://www.pewforum.org/2006/10/05/overview-pentecostalism-in-africa/> (дата обращения: 09.08.23).
16. Colette H. Violence in a Religiously Divided City: Kaduna, Nigeria – From the Shari'a Riots of 2000 to the Post-election Clashes of 2011 // Space and Polity. 2013. № 17. P. 284–299.

Захаров Иван Андреевич, к. геогр. н., ст. науч. сотр. Центра глобальных и стратегических исследований, Институт Африки Российской академии наук; e-mail: vanszax@yandex.ru

SPATIAL DYNAMICS OF PENTECOSTALISM IN AFRICA: SOCIO-POLITICAL EFFECTS

Zakharov I.A.¹

¹ Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia

Spatial dynamics of Pentecostalism in Africa in the XX – early XXI centuries, and contemporary socio-political effects of its growth are addressed. The role of conversion as a component of growth that determines the most dynamic shifts in the religious landscape of the region is analyzed. An assessment of the mobilization potential of Pentecostalism is given as well as the mechanisms of its engagement by religious leaders aiming to increase their influence on political and social processes in Africa. In a short time, Pentecostalism has grown from a small community into a large religious movement gaining significant impact on the development of the African religious landscape. The most extensive expansion of Pentecostalism occurred in the 1960s and 1980s. Subsequently, it began to gradually stabilize, as evidenced by the decrease in the contribution of conversion to the increase of this community. At the same time the consolidation of Pentecostal churches into umbrella structures and blocks has been outlined. Due popularization of Pentecostal ideas outside the community and its high mobilization potential, these associations are now able claim the role of independent socio-political actors competing with state structures in some African countries, particularly in Nigeria, Kenya, Ethiopia, South Africa, Ghana, DRC, Zimbabwe.

Key words: Pentecostalism, Africa, religious competition, mobilization potential, conversion.

Zakharov Ivan Andreevich, Candidate of Geographical Sciences, Senior Researcher, Centre of Global and Strategic Research, Institute for African Studies, RAS; e-mail: vanszax@yandex.ru

УДК 327.5:351.86 (470+571:261.24)

ВОЕННАЯ ОБСТАНОВКА И ВОЕННЫЕ УГРОЗЫ РОССИИ НА БАЛТИКЕ

Зверев Ю.М.¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Рассматриваются изменения в военно-политической и военной обстановке в Балтийском регионе, связанные, прежде всего, с вступлением в НАТО ранее нейтральной Финляндии, приближающимся вступлением в Североатлантический альянс нейтральной Швеции и усиленной милитаризацией Польши в сочетании с ее растущими геополитическими амбициями. Показаны сходства и отличия военно-политической ситуации от сложившейся в данном регионе для СССР в 1920-х – 1930-х гг. Выявлены и проанализированы новые военные угрозы для России и указаны некоторые предпринимаемые шаги по их парированию. Указано, что одних военных мер для снижения военных угроз недостаточно. В решающей степени международная и военно-политическая обстановка в Балтийском регионе будут определяться успешным завершением специальной военной операции (СВО) и перестройкой мирового порядка в направлении создания многополярного мира без доминирования коллективного Запада.

Ключевые слова: Балтийский регион, НАТО, Россия, Финляндия, Швеция, Польша, военные угрозы.

ВВЕДЕНИЕ

За последние два года военно-политическая и военная обстановка в Балтийском регионе существенно изменилась.

4 апреля 2023 г. членом НАТО стала прежде нейтральная Финляндия. Членство в НАТО еще одной нейтральной страны – Швеции – после снятия возражений на ее вступление со стороны Турции и Венгрии стало лишь вопросом времени.

Наращивает и усиленно модернизирует вооруженные силы Польша, не уже скрывающая своих растущих геополитических амбиций.

Членство в НАТО Финляндии и Швеции и милитаризация Польши в очередной раз серьезно меняют военную обстановку на Балтике, создавая новые военные угрозы на России. О характере этих угроз и возможных ответах на них и пойдет речь в данной статье.

1. Вступление в НАТО Финляндии и Швеции меняет расстановку сил в Балтийском регионе.

После вступления в НАТО Финляндии и Швеции все страны, лежащие на берегах Балтийского моря, кроме России, становятся членами Североатлантического альянса, который официально считает Россию «...наиболее значительной и прямой угрозой безопасности государств-членов НАТО, а также миру и стабильности в евроатлантическом регионе» [1, р. 4]. В регионе сложилась ситуация «все против России». Похожая обстановка («все против СССР») была на Балтике в 1930-х гг., но тогда за противостоящими Советскому Союзу странами не стоял консолидированный военно-политический блок во главе с США²⁷ (такой как сейчас НАТО), между акторами, действовавшими в Балтийском регионе, существовали серьезные противоречия, которые в конечном счете привели ко Второй мировой войне и формированию пусть и временного союза СССР с западными державами, противостоящими нацистской Германии и ее союзникам. Сейчас же оборонная политика в Европе, в т.ч. и в Балтийском регионе, полностью подчинена интересам США [2], а экономическая политика, включая санкции против России, диктуется из Брюсселя²⁸ и из Вашингтона. В западных СМИ восторженно утверждается, что сейчас Балтийское море является «озером НАТО» [например: 3]. И хотя серьезные аналитики считают, что это утверждение неконструктивно, не отвечает действительности²⁹ и может иметь фатальные последствия [4], военно-политическая и военная обстановка в Балтийском регионе после вступления в НАТО Финляндии и в обозримом будущем Швеции действительно серьезно меняется и, к сожалению, не в пользу России.

2. Финляндии и Швеция как члены НАТО меняют географическую конфигурацию ТВД в Балтийском регионе.

Вступление Финляндии в НАТО увеличило протяженность сухопутной границы России со странами Североатлантического альянса примерно вдвое – до 2600 км [5]³⁰. При этом надо иметь в виду, что российские военные группировки у границ Финляндии и в Калининградской области, находящейся напротив Швеции, значительно сократились по сравнению с периодом «холодной войны». Кроме того, как утверждает финский министр иностранных дел Элина Валтонен, граница Финляндии «довольно пуста» от российских солдат в связи с военными действиями на Украине [6].

Присоединение Швеции и Финляндии за счет их протяженной береговой линии значительно расширяет присутствие НАТО на Балтийском море, о чем уже говорилось выше, а также и за Полярным кругом. Территория НАТО расширилась вблизи стратегически важного Кольского полуострова с находящимися на нем базами российских Стратегических ядерных сил (атомных подводных лодок с баллистическими ракетами (ПЛАРБ) и стратегической авиации)

²⁷ США в тот период проводили политику изоляционизма и практически не вмешивались в дела Балтийского региона.

²⁸ Как известно, все страны Балтийского региона, опять же кроме России, являются членами Европейского союза (ЕС).

²⁹ Балтийское море остается морем, которое может пересечь любое судно или морская держава, Россия безусловно может воспрепятствовать неограниченной маневренности сил НАТО в регионе (возможно, не во всем Балтийском море, а возможно, только на определенном периоде времени).

³⁰ Ранее суммарная протяженность сухопутных границ со странами-членами НАТО Эстонией, Латвией, Литвой, Польшей и Норвегией составляла около 1260 км.

[7], а также приблизилась ко второму по величине городу РФ, важнейшему военному³¹, промышленному и военно-промышленному³² центру Санкт-Петербургу. В случае военных действий он окажется под угрозой перекрестных ракетных ударов из Финляндии и Эстонии³³.

Как заявил министр обороны РФ С. К. Шойгу, «на финской территории вероятно размещение дополнительных воинских контингентов и ударных вооружений НАТО, способных на значительную глубину поражать критически важные объекты на северо-западе России» [9]. ВВС Финляндии уже располагают американскими малозаметными крылатыми ракетами воздушного базирования AGM-158A JASSM с дальностью 370 км и приобретают для вооружения 64 истребителей пятого поколения F-35A, которые поступят на вооружение в 2025-2030 гг., модификацию AGM-158B JASSM-ER с увеличенной до более чем 926 км дальностью [10]³⁴.

Финляндия и Эстония совместно с помощью своих береговых ракетных комплексов (БРК)³⁵ могут блокировать корабли российского Балтийского флота в Финском заливе и перекрыть движение гражданских судов из российских портов залива (в т.ч. морской транзит в Калининградскую область). БРК Финляндии и Эстонии при этом могут быть усилены польскими БРК NSM, которые уже неоднократно перебрасывались на учения на Моонзундские острова. Следует также учесть противокорабельные возможности ВВС Швеции, чьи многоцелевые истребители JAS 39 Gripen могут нести противокорабельные ракеты RBS-15F.

Вступление в НАТО Швеции откроет потенциальный «северный фронт» против российской Калининградской области. США уже перебрасывали на по воздуху во время учений на остров Готланд ракетные комплексы HIMARS. Как отмечают за рубежом, это идеальный плацдарм для обстрела области³⁶.

Вступление в НАТО Финляндии и в будущем Швеции облегчает Североатлантическому альянсу переброску подкреплений в страны Прибалтики, снижая зависимость для этих целей от уязвимого Сувалского коридора между Калининградской областью РФ и Белоруссией, и увеличивает степень изолированности эксклавной Калининградской области.

3. Финляндии и Швеции усиливают военный и военно-промышленный потенциал НАТО.

Присоединение к НАТО Финляндии в будущем Швеции увеличивает военный потенциал блока за счет их относительно небольших, но хорошо подготовленных и боеспособных вооруженных сил (табл. 1).

Таблица 1. Вооруженные силы Финляндии и Швеции

	Финляндия	Швеция
Численность регулярных вооруженных сил, тыс. чел.	19,25	14,6
Резервы, тыс. чел.	238,0	10,0
Основные боевые танки	100 (+100 на хранении)	120
БМП и БТР	825	1433
Артиллерийские орудия и минометы	626	357
РСЗО	56	–
Боевые самолеты	107 ¹	98
ЗРК	60+	14+

³¹ В Санкт-Петербурге согласно данным с официального сайта Минобороны России [8] находятся Главный штаб ВМФ РФ, штаб Западного военного округа, штаб 6-й Краснознаменной общевойсковой армии, штаб 6-й армии ВВС и ПВО.

³² Санкт-Петербург – важнейший центр российского военного судостроения.

³³ В 2021 г. Финляндия стала первым зарубежным покупателем новых дальнобойных корректируемых ракет ER GMLRS с дальностью стрельбы до 150 км, которые начнут поставяться с 2024 г. Финские ракетные установки ракетных установок M270 MLRS способны запускать и тактические баллистические ракеты ATACMS с дальностью до 300 км, но их пока у Финляндии нет. В 2012 г. Госдепартамент США по запросу одобрил поставку Финляндии 70 ракет M-39 Block 1A (ATACMS) T2K, но сделка так и не была заключена.

³⁴ От границы Финляндии до Москвы по прямой около 800 км, то есть ВВС Финляндии смогут доставать до столицы России из своего воздушного пространства.

³⁵ Финляндия располагает БРК RBS15SFIII шведского производства, а Эстония закупает израильские БРК Blue Spear.

³⁶ От юга Готланда до военно-морской базы в Балтийске около 280 км, а максимальная дальность тактической баллистической ракеты ATACMS – 300 км. А после размещения на комплексах HIMARS новых оперативно-тактических ракет PrSM с дальностью 650 км в радиусе поражения с Готланда окажется не только вся Калининградская область, но и север союзной Белоруссии, включая Белорусскую АЭС.

Дизель-электрические подводные лодки	–	5
Многоцелевые корветы	4 (войдут в строй в 2027-2029 гг.)	5
Ракетные и ракетно-торпедные катера	8	4

¹С учетом 45 учебно-тренировочных самолетов Hawk с ограниченными боевыми возможностями.

Составлено по: [11, pp. 87-89, 137-139: 12].

Частью ВПК НАТО становится военная промышленность Финляндии и Швеции. Финляндия выделяется производством снайперских винтовок, колесных боевых бронированных машин (ББМ) и минометов. Намного более развита военная промышленность Швеции, которая выпускает гранатометы, гусеничные БМП, 155-мм буксируемые и самоходные гаубицы и управляемые артиллерийские снаряды к ним, ПТРК, ПЗРК, ПКР, многоцелевые истребители четвертого поколения JAS 39 Gripen, самолеты ДРЛОиУ GlobalEye, подводные лодки с воздуходезависимыми энергетическими установками (ВНЗУ), малозаметные многоцелевые корветы, 40-мм корабельные артиллерийские системы, торпеды, военную радиоэлектронику и др.

4. Польша наращивает и модернизирует вооруженные силы.

В 2022 г. министр обороны Польши официально заявило о намерении увеличить вооруженные силы в два раза – до 300 тыс. военнослужащих (250 тыс. профессиональных военнослужащих оперативных войск и 50 тыс. бойцов войск территориальной обороны) [13]. Формируются новые соединения и части. В июне 2022 г. было объявлено о планах сформировать в дополнение к четырем существующим дивизиям еще две общевойсковые дивизии. Формирование рядом с Белоруссией и Калининградской областью первой из этих новых дивизий – 1-й дивизии пехоты легионов – началось в январе 2023 г. [14]. В Кракове по американскому образцу формируется армейский корпус – 2-й Польский [15].

Заключены, планируются и уже реализуются многомиллиардные контракты на закупки вооружения, прежде всего, в США и Южной Корее. Часть военной техники производится и будет производиться в польской военной промышленности. Планируется, в частности, приобрести:

- 1366 основных боевых танков (250 M1A2C (M1A2 SEP v.3) Abrams, 116 M1A1 FEP Abrams, 1000 K2/K2PL Black Panther);

- нескольких сотен новых колесных БТР НТКО;
- до 3000 легких разведывательных колесных бронированных машин LPR;
- около 1400 гусеничных боевых машин Borsuk (в т.ч. около 1000 в варианте БМП);
- около 700 тяжелых БМП CBWP;
- 672 155-мм самоходных гаубицы K9A1/K9PL Thunder;
- более 500 РСЗО HIMARS;
- 288 РСЗО K239 Chunmoo;
- 32 многоцелевых истребителя пятого поколения F-35A Lightning II;
- 48 легких боевых самолетов FA-50 Fighting Eagle;
- 96 ударных вертолетов AH-64E Apache;
- широкую гамму беспилотников, включая Bayraktar TB2 и MQ-9A/B Reaper;
- 8 батарей ЗРК средней дальности Patriot;
- 23 батареи ЗРК малой дальности Narew;
- 21 батарею зенитных ракетно-артиллерийских комплексов (ЗРАК) малой дальности Piłica+;
- 3 дизель-электрических подводных лодки с крылатыми ракетами;
- 3 многоцелевых фрегата.

Эти масштабные планы в сочетании с польскими геополитическими амбициями, включающими захват Западной Украины [16], и агрессивным поведением в отношении союзной Белоруссии, несомненно, создают военную угрозу и для России. На новом историческом витке и в другой геополитической обстановке воссоздается ситуация 1920-х – 1930-х гг., когда главным противником СССР на западе являлась именно Польша.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом Россия оказывается перед лицом новых военных угроз в Балтийском регионе. Уже озвучены и предпринимаются некоторые меры для их парирования. Среди них:

1. Серьезное усиление группировки сухопутных сил и ПВО;
2. Воссоздание Ленинградского военного округа (ЛВО);
3. Развертывание 14-го армейского корпуса Северного флота в общевойсковую армию и возможное развертывание в общевойсковую армию 11-го армейского корпуса Балтийского флота в Калининградской области;
4. Формирование армейского корпуса в Карелии;
5. Развертывание существенных военно-морских сил в акватории Финского залива;
6. Развертывание тактического ядерного оружия в Белоруссии и, возможно, в Калининградской области [17-21].

Однако, в решающей степени военно-политическая и военная обстановка в Балтийском регионе будет определяться соотношением сил на мировой арене по итогам СВО и успешностью реформирования мирового порядка в сторону многополярности и конца доминирования Запада.

Благодарности. Статья подготовлена при финансовой поддержке проекта РНФ №22-27-00289 «Обоснование реструктуризации международных связей и мер обеспечения военно-политической безопасности российских регионов на Балтике в условиях углубления геополитических противоречий».

Список источников и литературы

1. Стратегическая концепция НАТО 2022 года // NATO. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept-ru.pdf (дата обращения: 30.08.2023).
2. Оборонная политика в Европе подчинена интересам США, заявил Шойгу // РИА Новости. 15.08.2023. URL: <https://ria.ru/20230815/politika-1890139080.html> (дата обращения: 30.08.2023).
3. Kayali L. Sorry Russia, the Baltic Sea is NATO's lake now // Politico. July 13, 2023. URL: <https://www.politico.eu/article/nato-lake-what-sweden-and-finland-will-change-in-the-baltics-russia-ukraine-war/> (дата обращения: 30.08.2023).
4. Pawlak J. No, Don't Call the Baltic a 'NATO Lake' // RUSI. 5 September 2022. URL: <https://rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/no-dont-call-baltic-nato-lake> (дата обращения: 30.08.2023).
5. Бойцова А. «Начинается новая эра». Протяженнее границы НАТО и России выросла вдвое // Газета.Ru (Gazeta.Ru). 04 апреля 2023. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2023/04/04/16506733.shtml> (дата обращения: 30.08.2023).
6. Каверин Д. В Финляндии не обеспокоены из-за планов РФ увеличить численность войск у границы // Газета.Ru (Gazeta.Ru). 14 августа 2023. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2023/08/14/21066734.shtml> (дата обращения: 30.08.2023).
7. Kjellén J. The Russian Northern Fleet and the (Re)militarisation of the Arctic // Arctic Review on Law and Politics. Vol. 13, 2022, pp. 34–52. URL: <https://arcticreview.no/index.php/arctic/article/view/3338/6318> (дата обращения: 30.08.2023).
8. Министерство обороны Российской Федерации (Минобороны России). URL: <https://mil.ru/index.htm> (дата обращения: 30.08.2023).
9. В Финляндии вероятно размещение дополнительных воинских контингентов и ударных вооружений НАТО – Шойгу // Интерфакс-Россия. 9 августа 2023 г. URL: <https://www.interfax-russia.ru/rossiya-i-mir/v-finlyandii-veroyatno-razmeshchenie-dopolnitelnyh-voinskih-kontingentov-i-udarnyh-vooruzheniy-nato-shoigu> (дата обращения: 30.08.2023).
10. Финляндия подписала соглашения о закупке американских истребителей F-35A // Блог bmpd. 13 февраля 2022. URL: <https://bmpd.livejournal.com/4484286.html> (дата обращения: 30.08.2023).
11. The Military Balance 2023: The International Institute for Strategic Studies. L.: Routledge, 2023. 576 p.
12. Pohjanmaa-luokan laivaprojektit etenee – Hae hankkeen tehtäviin // Merivoimat 6.4.2023. URL: (дата обращения: 30.08.2023).
13. Partyla Magdalena. Blaszczak: Celem jest, by Wojsko Polskie liczylo 300 tys. Zolnierzy // RADIO RMF24. 28 marca 2022. URL: https://www.rmf24.pl/fakty/polska/news-blaszczak-celem-jest-by-wojsko-polskie-liczylo-300-tys-zolnini_id,5922481#crp_state=1 (дата обращения: 30.08.2023).
14. Зверев Ю. Польша формирует новую дивизию против России и Белоруссии // Евразия.Эксперт. 01 февраля 2023 г. URL: <https://eurasia.expert/polska-formiruet-novuyu-diviziyu-protiv-rossii-i-belorussii/> (дата обращения: 30.08.2023).
15. Tymczak P. W Krakowie powstaje 2. Korpus Polski. To wojskowy zwiazek taktyczny na wzór amerykański // Gazeta Krakowska. 18 sierpnia 2023. URL: <https://gazetakrakowska.pl/w-krakowie-powstaje-2-korpus-polski-to-wojskowy-zwiazek-taktyczny-na-wzor-amerykanski/ar/c1-17810101> (дата обращения: 30.08.2023).
16. Шойгу заявил о намерениях Польши захватить Западную Украину // Известия. 9 августа 2023. URL: <https://iz.ru/1556582/2023-08-09/shoigu-zaiavil-o-namereniakh-polshi-zakhvatit-zapadnuiu-ukrainu> (дата обращения: 30.08.2023).
17. Балтийский цугванг // РБК. 14 апр 2022. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2022/04/15/6257d6149a7947907c8176dd> (дата обращения: 30.08.2023).
18. Новые формирования Вооруженных Сил России // Блог bmpd. August 24th, 2023. URL: <https://bmpd.livejournal.com/4742046.html> (дата обращения: 30.08.2023).

19. Крецул Р., Рамм А. Окружным путем: Московский и Ленинградский ВО могут развернуть к сентябрю // Известия. 7 июля 2023. URL: <https://iz.ru/1540523/roman-kretcul-aleksei-ramm/okruzhnym-putem-moskovskii-i-leningradskii-vo-mogut-razvernut-k-sentiabriu> (дата обращения: 30.08.2023).

20. Лукашенко заявил, что значительная часть ядерного оружия РФ уже завезена в Белоруссию // Интерфакс. 27 июня 2023. URL: <https://www.interfax.ru/world/909202> (дата обращения: 30.08.2023).

21. Политолог Федор Лукьянов: «Калининградцы прожили эпоху фантастического комфорта» // Комсомольская правда – Калининград. 23 марта 2023. URL: <https://www.kaliningrad.kp.ru/daily/27481.3/4737763/> (дата обращения: 30.08.2023).

Зверев Юрий Михайлович, к. геогр. н., доцент ОНК «Институт управления и территориального развития», Институт геополитических и региональных исследований Балтийского федерального университета им. И. Канта; e-mail: YZverev@kantiana.ru

MILITARY SITUATION AND MILITARY THREATS OF RUSSIA IN THE BALTIC SEA

Zverev Y.M.¹

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Changes in the military-political and military situation in the Baltic region are considered, primarily related to the entry into NATO of previously neutral Finland, the upcoming entry into the North Atlantic Alliance of neutral Sweden and the increased militarization of Poland, combined with its growing geopolitical ambitions. Shows the similarities and differences of the military-political situation from the prevailing in the region for the USSR in the 1920s - 1930s. New military threats to Russia are identified and analyzed, and some steps being taken to counter them are indicated. It is indicated that military measures alone are not enough to reduce military threats. To a decisive extent, the international and military-political situation in the Baltic region will be determined by the successful completion of the special military operation and the reformatting of the world order towards the creation of a multipolar world without the dominance of the collective West.

Ключевые слова: Baltic Sea Region, NATO, Russia, Finland, Sweden, Poland, military threats.

Zverev Yury Mikhaylovich, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor of the ESC "Institute of Management and Territorial Development", Institute of Geopolitical and Regional Studies of the Immanuel Kant Baltic Federal University; e-mail: YZverev@kantiana.ru

УДК 332.14

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ В РАМКАХ УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА

Кавасоглу М.М.¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Рассматривается складывающаяся динамика российско-турецких отношений в контексте продолжающегося украинского конфликта. В последние годы российско-турецкие отношения претерпели значительные изменения под влиянием геополитических факторов, региональных событий и противоречивых интересов, связанных с украинским кризисом. Исследуется влияние украинского конфликта на эти отношения, исследуется, как он послужил катализатором перемен. Украинский кризис, характеризующийся аннексией Крыма Россией и последующим конфликтом на востоке Украины, обострил отношения между Россией и Турцией, что привело к заметным сдвигам в их дипломатических отношениях. Одним из аспектов трансформации российско-турецких отношений является усиление сближения Турции с западными игроками и НАТО. В статье рассматривается меняющаяся позиция Турции в отношении украинского конфликта, подчеркивается ее поддержка территориальной целостности Украины и ее сотрудничество с западными партнерами в осуждении действий России. Этот сдвиг представляет собой отход от традиционно прагматичного подхода Турции к России, обусловленного ее стратегическими интересами в регионе Черного моря и энергетическим сотрудничеством.

Ключевые слова: Россия, Турция, российско-турецкое сотрудничество, украинский кризис

Ход отношений до Спецоперации

Россия и Турция выступили одновременно как геополитические конкуренты, так и партнеры в текущих конфликтах на Ближнем Востоке, в Северной Африке и на Кавказе. Путем сравнительного изучения этих трех случаев мы можем заметить появление определенной закономерности: хотя Россия и Турция являются стратегическими конкурентами (Турция все еще является членом Североатлантического альянса, объявленного военным противником

России), они тем не менее поддерживали сотрудничество в течение довольно длительного периода и в нескольких разных контекстах. Несмотря на то, что Россия и Турция оказались на противоположных сторонах этих конфликтов, вовлечены, можно сказать, в войны посредников, и иногда их армии находились в положении обмена огнем, две державы сумели разработать непрерывное сотрудничество и управление конфликтами.(1) В этой игре ролей между Россией и Турцией есть нечто более, чем тактическое сотрудничество между двумя геополитическими конкурентами. Они смогли создать новые возможности, новые политические пространства и процессы, позволяющие им решать свои приоритеты, максимизировать свои интересы и влияние за счет других актеров, как локальных, так и международных. Они не только обошлись внешне влиянием на этих регионах, но и сузили политическое пространство своих местных союзников, все больше напоминающих подставных лиц, а не партнеров. Более того, это сотрудничество между Россией и Турцией выдержало потрясение от вторжения в Украину и дополнительную поляризацию, которую оно принесло в международных отношениях.

Существует новый аспект в российско-турецких отношениях, который требует более глубокого рассмотрения, анализ которого также может прояснить характер взаимодействия России и Турции, особенно в свете украинского конфликта и глобальной поляризации. Эта динамика объединяет как элементы соперничества, так и сотрудничества, эффективно управляя напряженностью со временем и в разнообразных контекстах, в конечном итоге формируя этот новый явление в устойчивую тенденцию. Сходные механизмы взаимодействия заметны в различных конфликтных сценариях, включая управление конфликтами в регионах, таких как Ближний Восток, Северная Африка и даже Кавказ, а также в чувствительных сферах, таких как энергетика и оборонная промышленность.(2) Эта последовательность предполагает структурный характер, а не временное явление.

Этот взаимосвязанный рамки возник после военного столкновения между Россией и Турцией в Сирии, вызванного сбитием российского бомбардировщика Су-24 в ноябре 2015 года. Этот инцидент угрожал дальнейшему эскалации вражды между двумя странами. Однако, вместо дальнейшего конфликта, Россия и Турция установили механизмы сотрудничества, даже находясь на противоположных сторонах сирийского конфликта.(3)

В 2014 году, не признавая аннексии Крыма, Турция продала Украине вооруженные беспилотные летательные аппараты (БПЛА), что время от времени вызывало реакцию со стороны России. Несмотря на это, отношения всегда оставались стабильными и не выходили из колеи. Война в Украине стала началом процесса испытания отношений между Турцией и Россией. В этот период Турция, как единственная страна-член НАТО, продолжала поддерживать дипломатические отношения с Россией, несмотря на открыто заявленное отсутствие участия в санкциях, наложенных на Москву из-за её действий в отношении Москвы и доступное воздушное пространство для полетов над Россией. Анкара поддерживала открытыми дипломатические каналы с Украиной и Россией.(4) Встреча представителей обеих стран, сначала в Анталии, а потом в Стамбуле, привлекла внимание всего мира к Турции, и в этих встречах возникла надежда на достижение прогресса.

Вторжение России в Украину/Спецоперация

Российское вторжение в Украину в феврале 2022 года привнесло новую поляризацию в мировые отношения, особенно на европейском континенте. Западные страны ввели строгие экономические санкции в отношении России и предоставили значительную военную поддержку Украине. Обширная российская инвазия Украины привела к коллективной изоляции России со стороны Западных стран с политической, экономической и финансовой точек зрения. Степень поляризации между Западным альянсом и Россией достигла уровня, не виденного с начала 1990-х годов, и представляет угрозу уже ослабленному мультилатерализму глобального управления, структурированному вокруг Организации Объединенных Наций.

В таких условиях становится крайне сложным сохранять нейтральную позицию; это включает в себя членство в Западном военном альянсе, а также ведение торговли и диалога с Россией. Давление на Турцию в выборе между Востоком и Западом значительно возросло. Тем не менее, как мы видим в последующие месяцы, Анкара продолжила поддерживать сложные отношения как с Россией - "друг и враг" - с одной стороны, так и поддерживать связи с Украиной и Западным альянсом - с другой стороны.(5) Эта постоянная последовательность в отношениях Россия-Турция показывает, что помимо тактического сотрудничества в регионах, таких как Сирия и Ливия, отношения Россия-Турция приобрели более устойчивую и стабильную форму.

Российская инвазия Украины перевернула отношения между Владимиром Путиным и Реджепом Тайипом Эрдоганом. В то время как в предыдущих конфликтах Россия всегда могла получить львиную долю добычи в различных военных зонах, где она взаимодействовала с Турцией, российские военные трудности на Украине укрепили позицию Турции.

На военном фронте турецкие военные поставки в Украину резко увеличились во время войны. В первые четыре месяца войны Турция поставила Украине дополнительно 50 ударных беспилотных летательных аппаратов.(6) К апрелю 2022 года эти поставки выросли в 30 раз по сравнению с предыдущим годом, с \$1,9 миллиона до \$59,1 миллиона. В августе 2022 года Турция продала Украине 50 бронированных машин "Кипри". В сравнении с американской и европейской военной помощью Украине, турецкие продажи оружия относительно незначительны. Тем не менее, в начальные месяцы войны, когда западная помощь ограничивалась коротко дальностью противотанковых и противовоздушных ракет, турецкие беспилотные летательные аппараты сыграли важную роль. Это включает их участие в событиях, таких как наведение на цель российского флагманского судна на Черном море, "Москва", крейсера с управляемыми ракетами, 14 апреля 2022 года.(7)

С другой стороны, Турция отказалась присоединиться к западным экономическим и финансовым санкциям в отношении России. Эрдоган заявил: "Что касается санкций, мы не можем игнорировать наши отношения с Россией. Я не могу оставить свой народ мерзнуть зимой, я не могу полностью перезагрузить нашу промышленность."(8) Такая позиция Турции осталась неизменной даже после повторных военных поражений России в битве за Киев весной, а также в битве за Харьков в сентябре.

На самом деле Турция воспользовалась конфликтом и новой мировой обстановкой, чтобы укрепить свои экономические и финансовые связи с Россией. Турция существенно помогла российским усилиям в военной сфере, предоставив значительную экономическую и особенно финансовую поддержку. В течение первых шести месяцев войны Турция 'удвоила' свой импорт российской нефти, увеличив потребление с 90 000 до 200 000 баррелей в день.(9) Энергетическое сотрудничество между Россией и Турцией перешло на новый уровень в октябре 2022 года после саммита в Астане, Казахстане, между Путиным и Эрдоганом. В ходе этого саммита Путин предложил сделать Турцию ключевым центром по экспорту российского природного газа в Европу, учитывая уменьшающуюся надежность северных магистралей 1 и 2 для транспортировки российского газа в Германию, по мнению Путина.

Финансово несколько турецких банков приняли российскую систему платежей МiG в качестве альтернативы Swift, которая была приостановлена в России, пока она не была приостановлена под давлением Запада в сентябре 2022 года. Кроме того, Турция передала в июле 2022 года 5 миллиардов долларов США для ускорения строительства ядерной электростанции, тем самым укрепив резервы турецкой валюты.(10)

Очертания внешней политики Турции в условиях конфликта

Конфликт, начавшийся Россией в Украине с 24 февраля 2022 года, стал значимой проблемой, нарушающей мир и стабильность с последствиями, выходящими далеко за границы Украины. Уже в 2014 году Россия провела аннексию Крыма в результате украинской революции и организовала сепаратистское движение на востоке Украины, что привело к долгосрочному конфликту между Киевом и самопровозглашенными "народными республиками" Луганска и Донецка. Как предварительное действие перед аннексией, Кремль признал суверенитет этих двух отделившихся регионов. Всего через три дня после этого заявления, и вскоре перед началом вмешательства российских вооруженных сил в Украине, Путин изложил "основания" для этих действий. По его точке зрения, Украина является неотъемлемой частью России и не имеет права на независимость.(11) Он также утверждал, что страна находится под властью неонацизма, преследующего русское меньшинство, что требует демилитаризации и денацификации. Как ключевая региональная держава и сосед обеих конфликтующих сторон через Черноморский бассейн, Турция была вынуждена принять важную роль в процессах посредничества, которые оказались чрезвычайно сложными с самого начала. Эта роль возникла из осознанного выбора Турции активной нейтралитет. Таким образом, Анкара поддерживала отношения одновременно с Киевом и Москвой. Стране также удалось сохранить свою позицию как приемлемого посредника. Турция ранее уже применяла политику активной нейтралитета, например, во времена Второй мировой войны, относительно сторон Оси и антанты. Чтобы понять эту современную версию, важно понять основополагающие принципы внешней политики Турции, определяющие ее дипломатические шаги, как Анкара позиционирует себя относительно

конфликта, решение о закрытии турецких проливов для военных кораблей конфликтующих сторон, приверженность Турции Трансатлантическому альянсу, сотрудничество в сфере обороны с Украиной и одновременное поддержание отношений с Россией. Согласно принципу "мир дома- мир на Земле", принятому с момента провозглашения Республики, Турция ставит в центр своей внешней политики мир, стабильность и процветание. Кроме того, в отношениях Турции с миром выделяется цель осуществления "предприимчивой и гуманитарной внешней политики". Здесь важно подчеркнуть логическую связь между прилагательным "предприимчивой" и готовностью страны инициировать действия. Можно утверждать, что турецкие создатели внешней политики склонны брать на себя региональные и глобальные обязательства.

С начала войны 2022 года Турция нацеливается на реализацию внешней политики, основанной на трех принципах: Реагирование на несправедливую войну России, оставаясь приемлемым посредником для Москвы, поддержание хороших отношений с Украиной, чтобы сохранить потенциальное место гаранта в будущем сценарии мира, и сохранение согласованности с западными партнерами, особенно в рамках Североатлантического союза. Уравновешивание этих трех сложных принципов — сложная задача, однако Турции удалось управлять этим хрупким равновесием с поразительным успехом. Следует отметить, что, преследуя и защищая национальные интересы, Турция также активно стремится восстановить свою значимость после периода напряженных отношений с союзниками. Это включает усилия по улучшению отношений с традиционными союзниками, такими как США и ЕС. Достижение значительных улучшений в этих отношениях, несомненно, потребует устойчивых долгосрочных усилий. Тем не менее, успешное служение эффективным посредником в конфликте такой значимости станет значительным достижением для Турции. Помимо вышеизложенных целей, стремление к международному престижу также было среди мотивов турецкой внешней политики. Это стремление к престижу может быть связано как с его внутренней ценностью, так и с конкретными целями. В случае Турции особенно выделяется цель установления позиции ключевого дипломатического участника. На внутреннем фронте политики в Анкаре имеют широкую поддержку. Турецкое общество чрезвычайно чувствительно к страданиям украинского народа и поддерживает усилия Анкары по смягчению гуманитарной трагедии в регионе.

Поддерживаемая широкой общественной поддержкой, Турция продемонстрировала сильную активность и осуществила разнообразные усилия по посредничеству через тщательно сбалансированный подход. 24 февраля пресс-релиз Министерства иностранных дел косвенно раскрыл позицию Турции, "отвергая" "неприемлемые" военные действия России, которые "нарушают" международное право и "угрожают" региональной и глобальной безопасности. Вскоре после этого состоялись телефонные разговоры между министрами обороны Турции, России и Украины, перед тем как в Анталии прошла первая трехсторонняя встреча на высоком уровне с участием министров иностранных дел Турции, России и Украины. В последующем состоялись отдельные обсуждения между турецким главой МИД Чавушоглу и Сергеем Лавровым в Москве, а также с Дмитрием Кулебой в Львове, после чего в конце марта в Стамбуле состоялись мирные переговоры между делегациями обеих стран.(12) Посреднические усилия Турции предопределили достижение соглашения в июле 2022 года между Россией и Украиной о безопасной отправке продовольствия и удобрений из украинских портов. Мировое сообщество признало ключевую роль Турции в этом процессе как необходимую.

Возможности Турции в новом ходе кризиса

Кризис на Украине приносит Турции как возможности, так и вызовы. С начала 2021 года события, такие как захват Кабула талибами в Афганистане, возможность перемещения исламских радикальных элементов из Таджикистана в Россию, вызывающая нестабильность, и протесты, начавшиеся в Казахстане 2 января 2022 года, заставили Россию перераспределить внимание со Средиземного моря на свое ближайшее окружение. В конечном итоге упорство Украины в стремлении достичь членства в НАТО и ЕС повысило уровень угрозы восприятия Москвы до максимума. Интересы России в Средиземном море, включая страны, такие как Ливия и Сирия, стали вторичными во время конфликта на Украине. В результате этих событий восприятие угрозы значительно разделило военную мощь России, уделяя больше внимания ближайшим соседям, чем Сирию.

Эта ситуация значительно разделила военную мощь России, направив ее больше на ее ближайших соседей, чем на Сирию. В результате этих событий восприятие угрозы России сместилось с Сирию на ее ближайшее окружение, значительно расколов ее военную мощь. Эта

обстановка также подразумевает, что Россия менее склонна вовлекаться в новые конфликты в Сирии или разногласия с Турцией, особенно касательно Идлиба.¹⁴ Турция имеет дополнительную возможность на Восточном Средиземноморье. Возродился интерес к проекту по доставке израильского природного газа в Европу через территорию Турции. Сотрудничество между Турцией и Израилем в регионе Средиземного моря могло бы предоставить альтернативу поставкам российского природного газа в Европу, что поможет уменьшить зависимость от российских поставок, а также прекратить изоляцию Турции в дискуссиях о эксклюзивных экономических зонах в Средиземном море. С точки зрения данной ситуации, визиты президента Израиля Герцога и вскоре после него премьер-министра Греции Мицотакиса в Турцию 13 марта 2022 года, совершенные во время конфликта на Украине, имеют глубокий смысл.

Заключение

Некоторые ученые охарактеризовали отношения между Россией и Турцией после 2015 года как "геополитическую согласованность" и 'стратегические'. Тем не менее, более детальный анализ покажет, что любое определение термина 'стратегический' подразумевает долгосрочное сотрудничество по основным интересам и ценностям. Несмотря на то, что Россия и Турция на геополитическом уровне являются конкурентами и часто оказывались на противоположных сторонах в конфликтах, на стратегическом уровне мы можем обнаружить как конкуренцию, так и сотрудничество и координацию.

В настоящее время прекращение военных действий России в Украине остается неясным. Это подчеркивает важность дипломатических контактов и усиливает значение вклада Турции. Значительные усилия Турции подчеркивают важность, которую Анкара придает разрешению конфликта. Существуют обоснованные причины полагать, что такая позиция в столице Турции не изменится в будущем. С началом войны, которую Россия ведет в Украине, политики в Анкаре придерживаются политики активной нейтралитета, основанной на трех основных принципах. Первый из них заключается в политической и военной поддержке Украины. С началом наступления России Киев рассматривает Анкару как гаранта возможного мирного процесса. Следует подчеркнуть, что это тесно связано с постоянной позицией, которую Анкара поддерживает с 2014 года, когда Россия незаконно аннексировала Крым и начался конфликт в Донбассе.

Второй стержень связан с отношениями между Анкарой и Москвой. Несмотря на периодические столкновения интересов и политические разногласия, иногда затрагивающие важнейшие интересы Турции, турецкие политики по-прежнему стремятся развивать стратегические отношения с Россией. Две страны находятся в особенных отношениях, характеризующихся сложной взаимосвязью стратегических связей. Например, Анкара не участвует в западных санкциях в отношении Москвы. Вместо этого две страны совместно создают новые экономические и финансовые рамки. Это сотрудничество обеспечивает передовую дипломатическую позицию для Турции. Следует отметить, что поддержание открытых дипломатических каналов с российским руководством чрезвычайно сложно, и Турция в числе немногих мировых действующих лиц, способных это сделать.

Третьим аспектом являются отношения Турции с 'Западом', где особое положение занимает Трансатлантический альянс. Как отмечено выше, реакции Турции на конфликт в Украине проявили значительную степень соответствия с западными партнерами, даже когда единства не всегда было легко достичь в рамках НАТО или ЕС в отношении России. Дипломатическая видимость, исходящая из усилий Турции по медиации, положительно сказалась на ее престиже в отношении Западного мира. Такая видимость соответствует цели Турции утвердить себя как ключевого дипломатического игрока на мировой арене.

Список источников и литературы

1. Aktürk, Şener. "Turkish-Russian Relations After the Cold War (1992-2002)." *Turkish Studies* 7, no. 3: 337–364. doi:10.1080/14683840600891034.
2. Bechevis, Dimitar. "Turkey, Between a Rock and a Hard Place on Russia", *Politico*, March 2, 2022. <https://www.politico.eu/article/turkey-between-a-rock-and-a-hard-place-on-russia/>
3. Çiğdem Üstün. "Impact of Russia-Ukraine War on Turkish Foreign Policy", *Panorama*, Online, 17 December 2022. <https://www.uikpanorama.com/blog/2022/12/17/cu-4/>
4. "Antalya Zirvesi: Rusya ve Ukrayna Dışişleri Bakanları Türkiye'deki Görüşmeleri Sonrası Ne Dedi?" *BBC Türkçe*, March 10, 2022. <https://www.bbc.com/turkce/haberler-dunya-60686185>.

5. Elena Teslova, "Russia Thanks Türkiye for Mediation Efforts in Russian-Ukrainian Negotiations," Anadolu Ajanst, March 29, 2022, <https://www.aa.com.tr/en/russia-ukraine-war/russia-thanks-turkiye-for-mediation-efforts-in-russian-ukrainian-negotiations/2549406>.
6. Bekdil, Burak, "Turkey Sends 50 Mine-Resistant Vehicles to Ukraine, with More Expected", Defense News, August 22, 2022. Accessed February 17, 2023. <https://www.defensenews.com/land/2022/08/22/turkey-sends-50-mine-resistant-vehicles-to-ukraine-with-more-expected/>
7. Hambling, "Ukraine's Bayraktar Drone Helped Sink Russian Flagship Moskva".
8. Tass, "Turkey Will Not Join Sanctions Against Russia – Erdogan", March 25, 2022. <https://tass.com/politics/1427365>
9. Reuters, "Turkey doubles Russian oil imports, filling EU void". August 22. <https://www.reuters.com/business/energy/turkey-doubles-russian-oil-imports-filling-eu-void-2022-08-22/>
10. Bloomberg, "Russia Is Wiring Dollars to Turkey". 29 July 2022. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-07-29/russia-is-wiring-dollars-to-turkey-for-20-billion-nuclear-plant>
11. The New York Times, Putin Calls Ukrainian Statehood a Fiction. History Suggests Otherwise. Feb. 21, 2022. <https://www.nytimes.com/2022/02/21/world/europe/putin-ukraine.html>
12. "Çavuşoğlu: Ukrayna'daki Durum 'Savaş'a Dönüştü; Montrö Hükümlerini Şeffaf Şekilde Uygulayacağız," Euronews, Şubat 27, 2022, <https://tr.euronews.com/2022/02/27/cavusoglu-ukrayna-daki-durum-savasa-donustu-monstro-hukumlerini-seffaf-sekilde-uygulayacag->
14. Roth, Andrew, "Russia and Turkey Agree Ceasefire in Syria's Idlib Province", The Guardian, March 5, 2020. <https://www.theguardian.com/world/2020/mar/05/russia-and-turkey-agree-ceasefire-in-syrias-idlib-province>

Кавасоглу Мухсин Манас, студент факультета международных отношений, Санкт-Петербургский университет, Санкт-Петербург, st091404@student.spbu.ru

TRANSFORMATION OF RUSSIAN-TURKISH RELATIONS IN THE FRAMEWORK OF THE UKRAINIAN CONFLICT

Kavasoglu M.M.1

¹ St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

The emerging dynamics of Russian-Turkish relations in the context of the ongoing Ukrainian conflict are considered. In recent years, Russian-Turkish relations have undergone significant changes under the influence of geopolitical factors, regional developments and conflicting interests related to the Ukrainian crisis. The impact of the Ukrainian conflict on these relations is investigated, how it served as a catalyst for change. The Ukrainian crisis, characterized by Russia's annexation of Crimea and the subsequent conflict in eastern Ukraine, has strained relations between Russia and Turkey, leading to notable shifts in their diplomatic relations. One of the aspects of the transformation of Russian-Turkish relations is the strengthening of Turkey's rapprochement with Western players and NATO. The article examines Turkey's evolving stance on the Ukraine conflict, highlighting its support for Ukraine's territorial integrity, and its cooperation with Western partners in condemning Russia's actions. This shift represents a departure from Turkey's traditionally pragmatic approach to Russia, driven by its strategic interests in the Black Sea region and energy cooperation.

Keywords: Russia, Turkey, Russian-Turkish cooperation, Ukrainian crisis

СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Козлов И.С.¹, Максимов Н.Б.¹

¹ Курский государственный университет, Курск, Россия

В данной статье комплексно проанализированы текущие реалии, а также перспективы развития Арктической зоны Российской Федерации. Рассмотрены аспекты преобразования данной территории в условиях экономических санкций, мирового экономического кризиса и иных негативных факторов, выявлены возможности её улучшения. В работе применялись дедукция, индукция, анализ, а также ряд иных методов исследования.

Ключевые слова: Арктика, АЭРФ, Арктическая зона Российской Федерации, север, развитие, ресурсы.

Сегодня, во время общемировой политической и экономической нестабильности, энергетического кризиса и периодическими сбоями мировой финансовой системы значительную роль начинают играть ресурсы. Если рассматривать полезные ископаемые, то в погоне за ними различные страны, в том числе и сверхдержавы, стремятся осваивать и развивать новые пространства и области. Арктика является одной из таких зон. Несмотря на то, что во многом данный регион остаётся неразведанным и не до конца изученным даже сегодня, уже существует множество отчетов разных стран, в которых приводятся достаточно противоречивые сведения о ресурсах, расположенных на данной территории. Один из наиболее авторитетных докладов

принадлежит Геологической службе США. Он был опубликован в 2008 году и содержит в себе информацию о том, что в Арктике находится как минимум 90 миллиардов баррелей нефти и 48,3 триллиона кубометров природного газа, а также 44 миллиарда баррелей газоконденсата, что представляет собой 13%, 30% и 20% мировых неразведанных запасов соответственно [1]. В этих условиях значительно возрастает значение данного региона для России, так как она является крупнейшим арктическим государством [2]. Также данная территория уже весьма важна для отечественной экономики, так как по мнению специалистов из Центрального диспетчерского управления топливно-энергетического комплекса – филиала ФГБУ «РЭА» Минэнерго России (ЦДУ ТЭК), "здесь сосредоточены свыше 20% отечественных запасов нефти и более 70% газа" [3].

В Российской Федерации уже давно действует крупнейшая особая экономическая зона в мире, на которой инвесторы пользуются специальными режимами налогового и административного регулирования - Арктическая зона Российской Федерации (АЗРФ). В данную область входят административные образования 9 регионов: Мурманской области, Республики Карелии, Архангельской области, Ненецкого автономного округа, Республики Коми, Ямало-Ненецкого автономного округа, Красноярского края, Республики Саха (Якутия), Чукотского автономного округа. В настоящее время эта территория имеет больше 600 резидентов, а объём инвестиций превышает 800 миллиардов рублей [4]. Внутри данной части территории Арктики действуют особые режимы административного и налогового регулирования, которые распространяются на её резидентов и которые мы рассмотрим ниже.

Если рассматривать налоговые преференции, то стоит сначала отметить, что не все льготы едины для всех регионов, входящих в область Арктической зоны РФ. Для большей наглядности можно рассмотреть и проанализировать данные о действующих сегодня налоговых льготах по регионам, расположенных в таблице 1 [4].

Таблица 1 - Налоговые льготы, действующие в административных образованиях регионов, входящих в Арктическую зону Российской Федерации.

Налоги	Льготы и ставки налогов, в %	Регионы, в административных образованиях которых применены такие льготы
Налог на прибыль	5% на первые 5 лет, 10% следующие 5 лет	Мурманская область*, Архангельская область*, Республика Коми*
	0% на первые 5 лет, 5% следующие 5 лет	Республика Карелия*
	0% на первые 5 лет, 10% следующие 5 лет	Республика Саха (Якутия)*, Чукотский автономный округ*
	5% на первые 5 лет	Ямало-ненецкий автономный округ**
	12,5% на первые 7 лет	Ненецкий автономный округ*
Налог на имущество организаций	0% на первые 5 лет, 1,1% следующие 5 лет	Мурманская область, Республика Карелия, Чукотский автономный округ
	0,1% на первые 5 лет, 1,1% следующие 5 лет	Архангельская область
	0% в течение всего срока действия Соглашения	Республика Коми
	0% на первые 5 лет	Республика Саха (Якутия)
	1,1% на первые 3 года	Ямало-ненецкий автономный округ***
Налог на землю	0% на первые 3 года	Мурманская область, Республика Карелия****

	0% на первые 5 лет	Республика Саха (Якутия)****, Ямало-Ненецкий автономный округ***
	0% на первые 5 лет, 0,75% следующие 5 лет	Чукотский автономный округ
	Льгота от 80 до 100% от суммы уплаты налога	Архангельская область****
	0% в течение всего срока действия Соглашения	Республика Коми
Единый социальный налог	Субсидирование 75% объема страховых взносов на первые 10 лет (Льгота не распространяется на проекты в области добычи углеводородного сырья)	Все регионы, входящие в АЗРФ
Налог на добычу полезных ископаемых	Возможно оформление налогового вычета до 50% в отношении полезных ископаемых, добытых на новых месторождениях (Льгота действует до 2032 года).	Все регионы, входящие в АЗРФ
УСН "доходы"	1% на первые 3 года, 3% следующие 3 года	Мурманская область
	1% на первые 5 лет	Ямало-ненецкий автономный округ***, Архангельская область
	1% бессрочно	Ненецкий автономный округ
	1% в течение всего срока действия Соглашения	Республика Коми
	2% бессрочно	Республика Саха (Якутия)
	1% на первые 5 лет, 3% следующие 5 лет	Республика Карелия
	3% в течение всего срока действия Соглашения	Красноярский край
	1% на первые 3 года, 4% следующие 3 года	Чукотский автономный округ
УСН "доходы-расходы"	5% на первые 3 года, 10% следующие 3 года	Мурманская область, Чукотский автономный округ
	5% бессрочно для всех предпринимателей, отдельных льгот для резидентов не предусмотрено	Ненецкий автономный округ, Ямало-ненецкий автономный округ, Республика Саха (Якутия)
	5% на первые 5 лет	Архангельская область
	5% на первые 5 лет, 7% следующие 5 лет	Республика Карелия
	7,5% в течение всего срока действия Соглашения	Красноярский край
	5% в течение всего срока действия Соглашения	Республика Коми

*Не распространяется на деятельность по добыче полезных ископаемых, производству СПГ, переработке УВС в товары, являющиеся продукцией нефтехимии.

**Только для следующих классов ОКВЭД: 79, 95, 96 (туризм и прочие услуги населению).

***Только для проектов в сфере Туризма.

****В зависимости от муниципального образования.

Рассматривая данные из этой таблицы, можно сделать вывод о действительно большой разнице в налоговых льготах между регионами в АЗРФ, а также о гибкости такой системы. Кроме того, в ряде регионов отсутствуют некоторые преференции, связанные с налогами и которые действуют в большинстве таких территорий. Например, в Красноярском крае не предусмотрены льготы по налогу на прибыль, налогу на имущество организаций и налогу на землю и фирмам приходится платить 16,5%, 2,2% и 1,5% соответственно [4].

Также в Арктической зоне Российской Федерации действует множество льгот административного характера. Например, резидентам данной территории предоставляется маркетинговая и HR-поддержка, помощь в поиске финансирования. Им без торгов выделяются участки земли, которые находятся в муниципальной или государственной собственности, предоставляется особый регламент работы пунктов пропуска на государственной границе Российской Федерации в российской Арктике. Кроме того, для таких юридических лиц и индивидуальных предпринимателей действует электронный “кабинет инвестора”, представляющий собой информационную систему “для работы и взаимодействия инициаторов инвестиционных проектов с Минвостокразвития России и институтами развития арктической зоны Российской Федерации” и ряд иных льгот, значительно облегчающих их деятельность на северных территориях России, снижая их издержки на ведение бизнеса. Более того, процесс регистрации новых резидентов АЗРФ занимает не более 37 дней и имеет максимально регламентированную и упрощённую структуру [4].

Касааясь перспектив развития данного региона, эксперты отмечают масштабные проекты, связанные с ресурсами и энергетикой (например, проект производства сжиженного природного газа “Арктик СПГ 2”), строительством новых атомных ледоколов проекта 22220. Также государство предпринимает меры по развитию АЗРФ путём построения новых железных дорог. Так, в Мурманской области на 2022-2024 запланирована постройка такой дороги в направлении Лавна - Выходной. Также планируется реконструкция портов в Архангельске и Мурманске [5].

Проанализировав все вышеперечисленные факторы, можно составить следующие рекомендации по повышению экономической привлекательности Арктической зоны РФ:

1) Расширить количество налоговых льгот для резидентов АЗРФ в ряде регионов. В частности, следует установить пониженные налоговые ставки по налогам на прибыль, имущество организаций и землю в Красноярском крае и налогам на землю и имущество в Ненецком автономном округе. Расширение льгот для резидентов этих регионов должно повысить инвестиционную привлекательность данных административных образований, а значит будет способствовать их экономическому развитию.

2) Установить во всех регионах постепенный переход от минимальных налоговых ставок к обычным. Это будет способствовать наполнению федерального, регионального и местного бюджетов. Кроме того, плавное и поэтапное повышение ставок налогов не будет оказывать сильное влияние на бизнес, так как у него будет достаточно времени на оптимизацию своих расходов. Высвободившиеся средства можно будет направить на развитие инфраструктуры северных регионов.

3) Расширять количество социальных льгот для местных граждан, а также для людей, переехавших в данные регионы из других территорий в целях повышения привлекательности Арктики как региона проживания.

4) Продолжать деятельность по обустройству и строительству инфраструктуры в регионе и развивать Северный морской путь для повышения инвестиционной привлекательности данной территории, снижения зависимости от других регионов России.

5) Стимулирование проведения научных исследований и разработок, позволяющих оптимизировать и наладить разнообразные процессы жизни и работы за Северным полярным кругом.

Таким образом, учитывая все вышеперечисленные факты и выработанные на их основе рекомендации, можно сказать, что Россия продолжает развиваться и противостоять давлению экономических санкций, в том числе и в Арктическом регионе. Несмотря на серьёзные вызовы сегодняшнего дня, отечественный Север продолжает развиваться и облагораживаться.

Список источников и литературы

1. Официальный сайт федерального государственного унитарного предприятия «Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС)» // Международный статус Арктики [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://tass.ru/info/6312173> (дата обращения: 27.08.2023).

2. Официальный сайт агентства деловых новостей «Бизнес-вектор» // Bloomberg: битва за подводные ресурсы Арктики начнется совсем скоро [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.business-vector.info/bloomberg-bitva-za-podvodnye-162098/> (дата обращения: 27.08.2023).

3. Официальный сайт Центрального диспетчерского управления топливно-энергетического комплекса – филиала ФГБУ «РЭА» Минэнерго России (ЦДУ ТЭК) // Богатства Арктики [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.cdu.ru/tek_russia/issue/2023/6/1152/?usclid=ltuojqfqlx74960288 (дата обращения: 27.08.2023).

4. Официальный сайт АО «Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики» // Арктическая зона Российской Федерации [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://erdc.ru/about-azrf/> (дата обращения: 27.08.2023).

5. Официальный сайт издательства «Морские вести России» // Западная Арктика обустроит Севморпуть [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://morvesti.ru/exclusive/100431/> (дата обращения: 27.08.2023).

Козлов Игнатий Станиславович, студент III курса Курского государственного университета; e-mail: kozlov.ist@gmail.com

Максимов Никита Борисович, студент III курса Курского государственного университета; e-mail: nikita69macs@yandex.ru

MODERN REALITIES AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE ARCTIC ZONE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Kozlov I.S.¹, Maximov N.B.¹
¹ Kursk State University, Kursk, Russia

This article comprehensively analyzes the current realities, as well as the prospects for the development of the Arctic zone of the Russian Federation. The aspects of the transformation of this territory in the conditions of economic sanctions, the global economic crisis and other negative factors are considered, the possibilities of its improvement are identified. Deduction, induction, analysis, as well as a number of other research methods were used in the work.

Key words: Arctic, Russian Arctic, Arctic zone of the Russian Federation, North, development, resources.

Kozlov Ignatiy Stanislavovich, 3rd year student, Kursk State University; e-mail: kozlov.ist@gmail.com

Maximov Nikita Borisovich, 3rd year student, Kursk State University; e-mail: nikita69macs@yandex.ru

УДК 339.92

КОНСОЛИДИРОВАННОСТЬ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ ЕВРАЗИИ

Комаров И.Д.¹, Горбунова М.Л.¹

¹ Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

Авторы исследуют консолидированность формализованных объединений Евразии, в соответствии с базой региональных торговых соглашений ВТО: Азиатско-Тихоокеанское торговое соглашение (АРТА), ГУАМ, ЕАЭС, ЕС, ЕАСТ зон свободной торговли на базе межгосударственных объединений АСЕАН, СНГ, Совета сотрудничества арабских государств Залива (ССАГПЗ), Южно-Азиатской ассоциации регионального сотрудничества (СААРК), а также ВРЭП. Консолидированность рассчитана как доля внутриблочной торговли – для всех товаров в совокупности и по сырьевым, промежуточным, потребительским и капитальным товарам. Анализ показал, что для достаточного уровня консолидированности соглашения о свободной торговле или об экономической интеграции необходимо участие как минимум одной системы первого уровня, в случае Евразии речь идет ЕС и КНР.

Ключевые слова: экономическая интеграция, региональные торговые соглашения, консолидированность, внешняя торговля, интеграционные объединения Евразии.

ВВЕДЕНИЕ

Все государства Евразии участвуют в том или ином региональном торговом соглашении или соглашении об экономической интеграции, таким образом интеграционные процессы приобретают форму полноценных международных экономических отношений [12]. Усиление

тренда на заключение региональных торговых соглашений имеет геоэкономические и геополитические мотивы [3]. Для государств «сердцевинной» Евразии, без выхода к морю, экономические системы которых невелики, межгосударственная либерализация внешней торговли и иных форм внешнеэкономических связей дает возможность выхода на более крупные и динамичные рынки, обеспечивает участие в глобальных цепочках создания стоимости, привлечение инвестиций и технологический трансфер. В геополитическом смысле участие в региональных торговых соглашениях усиливает договорную силу государств в отношении третьих сторон, а также формирует периметр безопасности под эгидой лидера или группы ведущих государств, что имеет значение в условиях трансформации мирового порядка и соперничества традиционных и восходящих центров силы. Кроме того, кризис Всемирной торговой организации и затягивание последнего – Дохийского – раунда торговых переговоров способствовал росту количества региональных соглашений о торговой либерализации.

Подобные соглашения позволяют лучше использовать ограниченные ресурсы государств-участников, способствуют углублению международного разделения труда, обеспечивают эффект создания торговли (формируют новые потоки за счет конкуренции и более низких цен), обеспечивают решение задач национальной экономической безопасности и стимулируют модернизацию экономических систем участвующих государств [2].

Многие соглашения о торговой либерализации и экономической интеграции на пространстве Большой Евразии имеют пересекающийся состав участников. Европейский союз является ролевой моделью и бенчмарком для проектов других государств. Заметна роль других центров силы в интеграционном процессе. Российская Федерация воспринимается как лидер интеграции постсоветского пространства [11]. Китай продвигает и двусторонние, и многосторонние торговые соглашения [12]. В соответствии с базой региональных торговых соглашений ВТО Индия является ведущим государством таким соглашений как Азиатско-Тихоокеанское торговое соглашение (АРТА) и зоны свободной торговли на базе Южно-Азиатской ассоциации регионального сотрудничества (СААРК) [15].

В настоящее время выходят на передний план выходят именно инициативы крупнейших развивающихся стран мира, которые заинтересованы в оживлении региональной интеграции и формируют модели, отличные от классической европейской [7]. Интеграционные инициативы большинства государств Евразии относятся именно к такому типу, и являются недостаточно исследованными, как например, АРТА, ГУАМ, ЕАСТ, СААРК, ССАГПЗ и пр.

Публикация международными организациями «больших» двусторонних данных, в первую очередь это относится к торговой статистике, позволяет оценить консолидированность (связность) государств в рамках развития методологии сравнительного регионализма [13, 14].

СПОСОБЫ ОЦЕНКИ УСТОЙЧИВОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Ключевым условием развития региональных торговых соглашений и соглашений об экономической интеграции является их эффективность и устойчивость, которые отражены в литературе такими категориями как «конвергенция» и «дивергенция» – довольно подробный обзор этих концепций можно увидеть в работах М. А. Бельченко [1] и А. М. Либмана [6]. β -конвергенция предполагает наличие эффекта низкой базы, когда государства с низкими доходами растут быстрее, а σ -конвергенция опирается на сокращение стандартного отклонения анализируемых показателей. А. М. Титович и А. В. Торопыгин используют методы многомерного статистического анализа: методы временных рядов ARIMA и кластерный анализ, чтобы классифицировать организации в контексте их активности [8], опираясь на типологию Центра интеграционных исследований ЕАБР [9].

Авторы ранее предложили и апробировали оценку устойчивости региональных торговых соглашений и соглашений об экономической интеграции через конвергенцию и дивергенцию неравенства доходов на душу населения путем, рассчитанного на основе индекса Джини [4].

Также авторы применили оценку устойчивости региональных интеграционных соглашений и многосторонних инициатив путем расчёта доли экспорта внутри соглашения ко всему экспорту (обороту) государств [12]. По предположению, высказанному в работе Л.З. Зевина [5], порог эффективности интеграции достигается, когда экономическая связность составляет не менее 25% их общего экспорта.

Современные данные статистики внешней торговли позволяют оценить консолидированность не только в целом, но и по отдельным группам товаров, образующим

вместе генеральную совокупность – сырьевым, промежуточным, потребительским и капитальным.

ОЦЕНКА ОБЩЕЙ И ЧАСТНОЙ КОНСОЛИДИРОВАННОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ТОРГОВЫХ СОГЛАШЕНИЙ И СОГЛАШЕНИЙ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Ведущими объединениями континента являются Европейский союз и Евразийский экономический союз, которые относятся в базе региональных торговых соглашений Всемирной торговой организации к категории “Таможенный союз и соглашение об экономической интеграции” (Customs Union & Economic Integration Agreement) [17]. Кроме того, существенный масштаб имеют зоны свободной торговли, созданные такими межгосударственными объединениями как АСЕАН, СНГ, Совет сотрудничества арабских государств Персидского Залива, Южно-Азиатская ассоциация регионального сотрудничества (СААРК), ГУАМ, а также торговые соглашения, такие Азиатско-Тихоокеанское торговое соглашение (АПТА), Европейская ассоциация свободной торговли (ЕАСТ). Всего их девять, по базе ВТО они имеют статус соглашений о свободной или преференциальной торговле (*Free (Preferential) Trade Agreement & Economic Integration Agreement*).

Данные и методы исследования. Опираясь на данные Мировой интегрированной торговой базы Всемирного банка (World Integrated Trade Solution) [16], авторы оценивают степень их общей консолидированности, а также консолидированности по сырьевым (*Raw Materials*), промежуточным (*Intermediate Goods*), потребительским (*Consumer Goods*) и сырьевым товарам (*Capital Goods*). Период анализа данных – 2000–2020 гг.

Состав и характеристики, рассмотренных региональных торговых соглашений, представлены в таблице 1.

Самыми крупными в экономическом отношении – по объему ВВП по ППС являются ВРЭП, которое включают Китай, Японию и государства АСЕАН, по численности населения лидирует АПТА – соглашение, включающее и Китай, и Индию. Замыкает перечень по ВВП – ГУАМ, по численности населения – ЕАСТ.

Таблица 1. Региональные торговые соглашения и соглашения об экономической интеграции Евразии

Название объединения	Статус объединения по базе ВТО или заявленный	Участники	Население, млн. чел. 2020	ВВП, ППС млрд. долл. США
Азиатско-Тихоокеанское торговое соглашение (АПТА)	ПТС и ЭИ (РТА & ЕИА)	Бангладеш, Китай (с 2004 г.), Индия, Республика Корея, Лаос, Шри Ланка	3064,14	37531,38
АСЕАН – зона свободной торговли	ЗСТ и ЭИ (FTA & EIA)	Бруней-Даруссалам, Мьянма, Камбоджа, Индонезия, Лаосская Народно-Демократическая Республика, Малайзия, Филиппины, Сингапур, Вьетнам, Таиланд	668,6403	8483,917
ГУАМ	ЗСТ и ЭИ (FTA & EIA)	Азербайджан, Грузия, Молдова, Украина	60,58	781,16
Евразийский экономический союз (ЕАЭС)	ТС и ЭИ (CU & EIA)	Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызская республика, Россия	181,59	5160,80

Европейский союз (ЕС)	ТС и ЭИ (CU & EIA)	Австрия, Бельгия, Болгария, Хорватия, Кипр, Чехия, Дания, Эстония, Финляндия, Франция, Германия, Греция, Венгрия, Ирландия, Италия, Латвия, Литва, Люксембург, Мальта, Нидерланды, Польша, Португалия, Румыния, Словацкая Республика; Словения, Испания, Швеция	514,77	23628,18
Европейская ассоциация свободной торговли (ЕАСТ)	ЗСТ и ЭИ (FTA & EIA)	Исландия, Норвегия, Лихтенштейн ³⁷ , Швейцария	14,38	981,94
Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП)	ЗСТ и ЭИ (FTA & EIA) - на двустороннем уровне с АСЕАН, не входит в базу региональных торговых соглашений ВТО	Австралия, Бруней-Даруссалам, Мьянма, Камбоджа, Китай, Индонезия, Лаосская Народно-Демократическая Республика, Малайзия, Филиппины, Сингапур, Вьетнам, Таиланд, Япония, Республика Корея, Новая Зеландия	2296,74	42422,28
Совет сотрудничества арабских государств Залива (ССАГПЗ) – зона свободной торговли	ЗСТ (FTA)	Бахрейн, Кувейт, Оман, Катар, Саудовская Аравия, ОАЭ	58,43	3060,98
Содружество независимых государств (СНГ) – зона свободной торговли	ЗСТ (FTA)	Армения; Беларусь; Казахстан; Кыргызская Республика; Молдова; Российская Федерация; Таджикистан; Украина	237,90	5777,55
Южно-Азиатская ассоциация регионального сотрудничества (СААРК) - соглашение о Южноазиатской зоне свободной торговли	ЗСТ (FTA)	Афганистан (с 2016 г.), Бангладеш, Бутан, Индия, Мальдивы, Непал, Пакистан, Шри Ланка	1882,53	11803,52

Источник: Составлено авторами на основе Показателей развития Всемирного банка [15], Базы региональных торговых соглашений ВТО [17] и сайта АСЕАН [10].

Результаты исследования

³⁷ Показатели Лихтенштейна не учтены здесь и в дальнейших расчётах, из-за пропусков.

Графики, представленные на рисунках 1–10, отражают уровень консолидированности Азиатско-Тихоокеанского торгового соглашения (АРТА), ГУАМ, ЕАЭС, ЕС, ЕАСТ, зон свободной торговли (далее – ЗСТ) на базе межгосударственных объединений АСЕАН, СНГ, Совета сотрудничества арабских государств Залива (ССАГПЗ), Южно-Азиатской ассоциации регионального сотрудничества (СААРК), а также ВРЭП. Все расчеты выполнены на основе показателей Мировой интегрированной торговой базы Всемирного банка. На рисунках 1–3 представлена консолидированность объединений на пространстве бывшего СССР.

Рисунок 1. Консолидированность ЕАЭС, %

Рисунок 2. Консолидированность ЗСТ СНГ, %

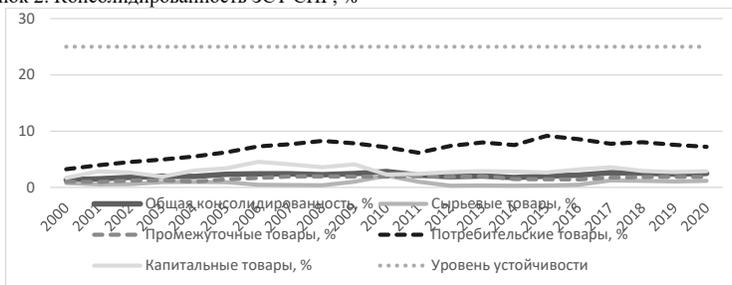

Рисунок 3. Консолидированность ГУАМ, %

Общая их консолидированность невысока, в целом пропорциональна количеству государств в объединении, поэтому лидером является зона свободной торговли на базе СНГ. Консолидированность выше порогового значения характеризует торговлю капитальными товарами в ЕАЭС и ЗСТ СНГ. В целом такое положение дел соответствует показателям интеграционных объединений Глобального Юга.

Анализ консолидированности объединений развитых государств Европы – ЕС и ЕАСТ представлен на рисунках 4–5. Показатели ЕС отличаются значительным уровнем устойчивости, что ожидаемо с учетом того, что союз прошел долгую историю развития, объединяет государства с высоким уровнем доходов на душу населения и является своего рода образцом интеграции, парадоксальным представляется то, что консолидированность по сырьевым товарам существенно выше общей, а по капитальным товарам – ниже, что требует более детального рассмотрения.

Рисунок 4. Консолидированность ЕС, %

Рисунок 5. Консолидированность ЕАСТ, %

Консолидированность ЕАСТ обладает очень низким уровнем, волатильная, однако логичная с точки зрения частных уровней – выше общего уровня имеют показатели консолидированности по потребительским и капитальным товарам, что логично для государств с высоким уровнем дохода на душу населения.

Данные консолидированности соглашений Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии ЗСТ АСЕАН, АПТА, ЗСТ СААРК, ВРЭП и ЗСТ ССАГПЗ представлены на рисунках 6–10. Отличительной чертой этих объединений является то, что они созданы государствами Глобального Юга, хотя во ВРЭП участвуют и представители Глобального Севера. АСЕАН не достигает порогового значения устойчивости в 25% как в общей, так и в частной, уровень консолидированности ВРЭП показывает его устойчивость.

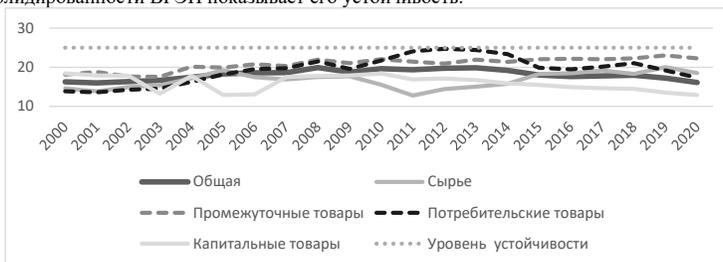

Рисунок 6. Консолидированность ЗСТ АСЕАН, %

Рисунок 7. Консолидированность Азиатско-Тихоокеанского торгового соглашения (АРТА), %

Общие выводы показывают, что на уровень консолидированности именно в этой группе объединений влияет наличие больших экономических систем – Китая, Индии или Японии (как минимум двух) – это видно из недостаточного – ниже 25% – уровня консолидированности ЗСТ АСЕАН и СААРК. Уровень развития и масштаб экономик также играет положительную роль, так как сопоставление АПТА и ВРЭП (в состав участников первого входят КНР и Индия, а второго – КНР и Япония).

Рисунок 8. Консолидированность ЗСТ СААРК, %

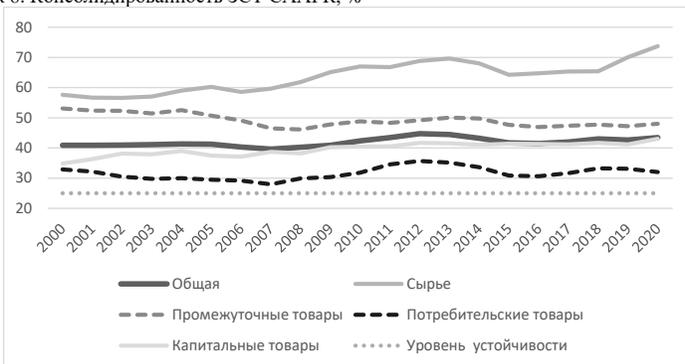

Рисунок 9. Консолидированность ВРЭП, %

Рисунок 10. Консолидированность ЗСТ ССАГПЗ, %

В то же время консолидированность АПТА и ЗСТ ССАГПЗ как общего, так и частного характера имеет ряд показательных особенностей. В АПТА консолидированность в течение долгого времени опиралась на сырье и промежуточную продукцию, что соответствует относительно низким уровням развития и специализации лидеров – Индии и КНР. Снижение показателей ниже уровня консолидированности, по мнению авторов, связано с тем, что данное соглашение не перешло на уровень ЗСТ, оставшись на уровне преференциального. В ЗСТ ССАГПЗ высока консолидированность оборудования, что делает ее похожей на ЕАЭС и ЗСТ СНГ, где консолидированность по капитальным товарам также высока, с учетом их общей низкой доли в торговом обороте это означает, что существенная доля оборудования, производимая государствами-участниками соглашений.

Подводя итоги эмпирического анализа консолидированности региональных соглашений о свободе торговли и об экономической интеграции на евразийском пространстве, можно отметить, что ее уровень неоднороден, к ключевым параметрам, влияющими на ее значения являются количество государств-участников, масштаб объединения, наличие в составе экономических систем первого порядка, уровень ВВП на душу населения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Процессы экономической интеграции затрагивают большинство стран мира. На пространстве Евразии среди форм интеграции преобладают – региональные соглашения о свободной торговле, хотя большинство соглашений направлены на экономическую интеграцию. Исключение составляют – СНГ, ССАГПЗ и СААРК. Уровня таможенного союза достигли – ЕС и ЕАЭС. Интеграционные соглашения с участием государств Глобального Севера, за исключением небольшой по масштабу ЕАСТ, обладают консолидированностью, достаточной для устойчивого функционирования. Среди соглашений с участием государств Глобального Юга, только ВРЭП, которое является смешанным по составу обладает уровнем достаточной консолидированности. Вместе с тем, вопросы влияния консолидированности на устойчивость соглашений о свободной торговле и экономической интеграции требуют дальнейшего изучения и построения моделей связи консолидированности и экономического роста государств-участников.

Благодарности. *Соглашение Российского научного фонда соглашение № 23-28-00160 (внутренний номер темы Н-235-2_2023-2024).*

Список источников и литературы

1. Бельченко М. А. От Таможенного союза к Единому экономическому пространству / Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии, Россия, № 2 (50), с. 78–87, 2014.
2. Бордачев Т. В., Вишневский К. О., Глазатова М. К. [и др.] Евразийская экономическая интеграция: перспективы развития и стратегические задачи для России / докл. к XX Апрель. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. Россия, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / отв. ред. Т. А. Мешкова. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 123 с.

3. Горбунова М.Л., Комаров И.Д., Белашенко Д.А. К вопросу о стратегии формирования трансрегионального интеграционного контура ЕАЭС / Евразийская интеграция: экономика, право, политика, Россия, Т. 16, № 4(42), с. 26–42, 2022.
4. Горбунова М.Л., Комаров И.Д., Маслова Т.Е. Исследование конвергенции и дивергенции интеграционных процессов ЕАЭС на основе индекса Джини / Евразийская интеграция: экономика, право, политика, Т. 17, № 2(44), с. 34–45, 2023.
5. Зевин Л.З. Мегарегионы в глобализирующемся хозяйстве / Мировая экономика и международные отношения, Россия, Т. 60, № 8, с. 26–33, 2016.
6. Либман А. М. Роль экономической интеграции и дезинтеграции на постсоветском пространстве: количественный анализ / Проблемы прогнозирования, Россия, № 5, с. 58–72, 2006.
7. Лисоволик Я. Д. БРИКС-плюс: альтернативная глобализация? / Валдайские записки, Россия, № 69, с. 3–11, июль, 2017.
8. Титович А. М., Торопыгин А. В. О применении многомерных статистических процедур в анализе перспектив сотрудничества ЕАЭС и АСЕАН // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 3 (41). С. 95–105.
9. Центр интеграционных исследований ЕАБР Региональные организации: типы и логика развития / под. ред. Винокурова Е. Ю. СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2016. 86 с.
10. ASEAN. Regional Comprehensive Economic Partnership // URL: <https://asean.org/the-regional-comprehensive-economic-partnership-rcep/> (дата обращения 03.06.2023).
11. Dragneva R. The Eurasian Economic Union: Putin's Geopolitical Project (FPRI Research paper) [Электронный ресурс] / Foreign Policy Research Institute, USA, 2018. URL: <https://www.fpri.org/wp-content/uploads/2018/10/rpe-6-dragneva-final2.pdf> (дата обращения: 16.03.2023).
12. Gorbunova M.L., Komarov I. D. Emerging Integration Projects in Eurasia: A Search for New Cooperation Formats? / Journal of Chinese Economic and Business Studies, China, Vol. 15. No. 3, p. 229–247, 2017.
13. Crafting Cooperation: Regional Integration Institutions in Comparative Perspective / Acharya A., Johnston A.I. (eds.) – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 332 p
14. The Oxford Handbook of Comparative Regionalism / Borzel T.A., Risse T. (eds.) – Oxford: Oxford University Press, 2016. – 560 p.
15. World Bank. World Development Indicators
16. World Bank. World Integrated Trade Solutions // <https://wits.worldbank.org/> (дата обращения 01.06.2023).
17. World Trade Organization. Regional trade agreements data base. База региональных торговых соглашений WTO. Regional Trade Agreement Database // WTO. URL: <https://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTAHome.aspx> (дата обращения: 03.06.2023).

Комаров Игорь Дмитриевич, к. ист. н., науч. сотр. кафедры мировой экономики и таможенного дела, Институт экономики и предпринимательства, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; e-mail: igor.komarof@gmail.com

Горбунова Мария Лавровна, д. экон. н., доцент кафедры мировой экономики и таможенного дела, Институт экономики и предпринимательства, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; e-mail: gorbunova@iee.unn.ru

CONSOLIDATION OF FREE TRADE AND ECONOMIC INTEGRATION AGREEMENTS OF EURASIAN CONTINENT

Komarov I.D.¹, Gorbunova M.L.¹

¹ National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

The authors investigate the consolidation of formalized associations of Eurasia, in accordance with the framework of regional trade agreements of the WTO: the Asia-Pacific Trade Agreement, GUAM, EEU, EU, EFTA, the trade zones based on ASEAN, CIS, Gulf Cooperation Council, SAARC as well as RCEP. Consolidation is calculated as the share of intra-block trade for all goods in aggregate and for raw materials, intermediate, consumer and capital goods. The analysis showed that for a consolidation sufficient level of a regional trade agreement or agreement on economic integration, such arrangements should contain at least one first-level economic system, in the case of Eurasia, they are the EU and China.

Key words: economic integration, regional trade agreements, consolidation, foreign trade, integration agreements of Eurasia.

Komarov Igor Dmitrievich, Candidate of Historical Sciences, Researcher of the Department of Global Economics and Customs, Institute of Economics and Entrepreneurship of National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; e-mail: igor.komarof@gmail.com

Gorbunova Maria Lavrovna, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Global Economics and Customs, Institute of Economics and Entrepreneurship of National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; e-mail: gorbunova@iee.unn.ru

УДК 332.14

РАЗВИТИЕ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ ПОЛЯРНЫХ РЕГИОНОВ С НЕАРКТИЧЕСКИМИ СУБЪЕКТАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Котов А.В.^{1,2}

¹ РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, Россия

² Институт Европы РАН, Москва, Россия

Реализация политики развития межрегиональных взаимодействий полярных регионов с неарктическими субъектами Российской Федерации является закономерным продолжением курса, заложенного Стратегией национальной безопасности РФ. В ней в качестве стратегической цели определена необходимость укрепления единства экономического пространства. В прикладной реализации пространственной политики это означает переориентацию регионов исключительно с выстраивания собственных промышленных экосистем, устремлённости на конкуренцию за федеральные ресурсы без использования в полной мере возможностей друг друга. В консервации слабости межрегиональных связей хозяйствующих субъектов Юга и Севера России есть риск, что ресурсные регионы Дальнего Востока и Арктики останутся топливно-энергетической и сырьевой базой с преимущественным вывозом их продукции в европейскую часть страны и на экспорт, и с относительно незначительным ростом обрабатывающей промышленности (преимущественно, в южной части Сибири). В этом варианте сильно вырастают транспортные затраты для сибирских регионов, сопутствующих ресурсным проектам, слабо растёт их экономическая эффективность реализации последних на месте организации начальных и промежуточных переделов. Статья посвящена проблеме разработки механизмов аккумуляции инвестиционных ресурсов для межрегиональных хозяйственных программ. Дополнительными стимулами являются обеспечение «цифровой безопасности» и технологического суверенитета, сокращение межрегиональных различий и дисбалансов, рост связности отдельных регионов, расширение возможностей пространственного развития, в т.ч. малоосвоенных территорий Восточной Сибири и Дальнего Востока и акватории шельфов Дальневосточного и Арктического бассейнов, расширения опыта «горизонтальных» проектных партнёрств.

Ключевые слова: Россия, Арктика, межрегиональные взаимодействия, инвестиционные меры, промышленная кооперация

ВВЕДЕНИЕ

Глубокие экономические связи между регионами являются адаптивным механизмом, который в условиях внешнего санкционного давления позволяет быстрее восстанавливать логистические и производственные цепочки, разрушенные из-за ограничительных мер. Актуальности теме взаимодействия арктических и не-арктических регионов придаёт противоречивая особенность нынешней экономической ситуации: с одной стороны региональный бизнес ищет потенциальных поставщиков на внутреннем рынке, реализует преимущества в межтерриториальной кооперации, а с другой стороны - кардинально обостряется конкуренция за внутреннего инвестора.

В данных условиях объективно нужно совершенствование хозяйственно-политических мер, направленной на создание обновленных внутренних логистических цепочек, формирование оптимальных схем организации производственной контрактации. Для этого необходимо выполнение задач по расширению стандартного пакета инвестиционных механизмов, наращивание усилий регионов по созданию совместных производств, в том числе высокотехнологичных, координации экспортных возможностей для освоения новых рынков. Согласованная активизация межрегионального сотрудничества в производственной сфере необходима для обеспечения экономической независимости страны, достижения технологического суверенитета, сведения на нет санкционного давления, предотвращения остановки отечественных производств из-за нехватки импортного оборудования, промежуточных товаров и комплектующих.

Традиционно в решении проблем активизации межрегионального сотрудничества ключевая роль принадлежит анализу межрегионального товарооборота. Вместе с тем он выступает лишь первым этапом для поиска возможностей новой контрактации между регионами, координации планов привлечения инвестиций в целях избегания простоев оборудования, обеспечения поставок необходимых компонентов, лучшего понимания «узких» мест в производственных цепочках. Для современного решения этих проблем с учетом лучшего зарубежного опыта необходимо обобщение практик лучших регионов с целью постепенного их масштабирования по территории всей страны.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ УСИЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ: ОПЫТ НОРВЕГИИ

Государственное регулирование межрегиональных взаимодействий, их современное состояние теснейшим образом связано с важнейшими региональными проблемами и путями их решения. Хотя существует множество различных региональных ограничений развития, но они не столь значительны по своему проявлению и, на наш взгляд, являются производными от возрастания степени дезинтеграционных процессов (т.е. ослабления внутренней связности экономического пространства). Так доля межрегионального оборота в ВВП России в 1990 г. оценивалась в 22%. В 1994 г. она снизилась до 16%, в 2003 году была по экспертным оценкам на уровне 12-14% [1]. Спустя десятилетие с небольшим, в 2016 году, по расчетным данным, это значение практически не изменилось и составляет примерно 13,2%.

Рассматривая этот сигнал как серьезную угрозу экономической и национальной безопасности страны, необходима разработка особых инструментов развития интеграции пространственной экономики. В зарубежном опыте наиболее адекватными российской ситуации примерами следует отметить Китай и Норвегию. В их политике прослеживается тесная зависимость разработки мер активизации межрегиональных взаимодействий и решения специфических региональных проблем.

Политика управления «разницей потенциалов» в Норвегии представляет интерес с точки зрения стимулирования и организации прямых межрегиональных взаимодействий между регионами Северной Норвегии (официальное название норвежской зоны Арктики) и южными регионами. Значительное количество работ посвящено анализу и обоснованию «волновых эффектов» (норвеж. «ringvirkninger») между северными и южными регионами, социально-экономическим эффектам от освоения арктических шельфовых месторождений, например, Белоснежка/ *Snøhvit*, Голлаф/ *Goliat*. Так в период разработки «Snowhit» в 2008 году около 18 тыс. норвежцев из почти 1500 предприятий всей страны выполняли работы на острове Мелкоя (*Melkøya*). Хаммерфест в Северной Норвегии с 9 тыс. жителей получает 5% всех внутренних контрактов страны. Выросла отрасль поставок и услуг из других регионов, обеспечивающих деятельность шельфовых районов. Сейчас она представляет значительное число специализированных компаний, различающихся по географическому положению, размеру и типу поставляемых товаров [2].

Для российской экономики эти примеры будут не только полезны для понимания причин эффектов межрегиональных связей (как обратных, так и прямых), но также могут послужить политико-экономическим предложением для решения текущих межрегиональных проблем. В данный момент в Арктике в основном продолжается тенденция на автономизацию развития [3], проявляющаяся в том числе в малом количестве производственно-хозяйственных связей между предприятиями, расположенными в средней полосе России и в зоне Севера.

ВОЗМОЖНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ИНТЕНСИФИКАЦИИ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

Активизация межрегионального сотрудничества в новой отрасли специализации. Одной из жизненно важных отраслей для развития АЗ РФ является формирующаяся отрасль производства и использования беспилотных летательных аппаратов. Особенно сейчас востребована разработка специальных стандартов по работе беспилотников в АЗ РФ и по организации обучения их операторов, а также распространение практики контрактов жизненного цикла. На Петербургском международном экономическом форуме 2023 г. было подписано соглашение о развитии производства беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) на территории Ненецкого автономного округа [4]. Соглашение предполагает создание первой в Арктике логистической компании, эксплуатирующей дроны, создание центра компетенций по беспилотным технологиям в округе для использования в других арктических регионах.

На наш взгляд, целесообразно наладить сотрудничество в рамках развития этой сферы по модели «связанных региональных инновационных долин (Connected Regional Innovation Valleys) — условные территории, объединяющие инновационные проекты нескольких регионов в целях реализации приоритетных направлений социально-экономического развития за счет совмещения отраслевых специализаций и ресурсного потенциала отдельных регионов [5]. Так, в настоящее время в Республике Башкортостан ведется работа по реализации экспериментального правового режима в сфере эксплуатации беспилотных авиационных систем. В соответствии с Федеральным законом от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в

сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» по инициативному предложению Республики Башкортостан принято Постановление Правительства Российской Федерации от 03.04.2023 № 535 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации беспилотных авиационных систем в Республике Башкортостан». ЭПР – особое правовое поле, в рамках которого участники смогут создавать, тестировать, эксплуатировать и коммерциализировать инновационную продукцию. Реализация распределенного ЭПР на нескольких регионах по определенной специализации будет стимулировать инновационную и производственную деятельность в регионах, приведет к созданию новых высокопроизводительных рабочих мест и снижению операционных затрат в таких отраслях как сельское и лесное хозяйство, логистика и топливно-энергетический комплекс.

Модернизация механизма СПИК: от регионального к межрегиональному. По вопросам развития механизмов работы межрегиональных промышленных кластеров, расширения действующих механизмов поддержки на федеральном уровне и опережающему развитию инфраструктуры представляется необходимым корректировка инструмента СПИК 2.0. Предлагается в рамках инвестиционной кластерной платформы Минпромторга России участникам промышленных кластеров при наличии партнеров из арктических субъектов РФ, заключивших СПИК 2.0 с Российской федерацией, могут воспользоваться пониженными тарифами страховых взносов в размере 0% на протяжении 5 лет и более длительной стабилизацией инвестиционных условий.

В дальнейшем предлагается рассмотреть возможность применения пониженных тарифов страховых взносов в размере 7,6% для этих участников межрегионального промышленного кластера, реализующих инвестиционные проекты технологического суверенитета по утвержденному перечню критических технологий. Также в целях повышения привлекательности кластерной платформы, предлагается ввести субсидирование на уровне Минпромторга России для технологического присоединения к инфраструктуре предприятий, реализующих инвестиционные проекты в составе межрегионального промышленного кластера в Арктике.

Поддержка связей по производству приоритетной продукции. Другим инструментом может стать корректировка постановления № 295 от 22.02.2023 года «О государственной поддержке организаций, реализующих инвестиционные проекты, направленные на производство приоритетной продукции», в настоящее время установлена высокая сумма минимального лимита по займу. Такой подход затрудняет доступ кредитования даже для крупных предприятий основных промышленных регионов, осуществляющих инвестиционные проекты по производству приоритетной продукции. Для усиления производственных связей между АЗ РФ и другими территориями страны для проектов, которые являются межрегиональными (через поставки продукции материально-технического и непромышленного назначения) предлагается снизить минимальный лимит предоставления кредита до 50 миллионов рублей. Предлагаемое изменение позволит обеспечить доступность финансирования, что в свою очередь окажет положительное влияние на развитие промышленной кооперации.

Платформы промышленной кооперации. Одним из примеров успешного сотрудничества по укреплению межрегиональной кооперации становятся единые электронные площадки. Такие платформы, например уже работают в Сибирском федеральном округе при поддержке Межрегиональной ассоциации экономического взаимодействия «Сибирское соглашение»[6]. Считаем, что целесообразно провести работу по созданию информационно-сервисной платформы АЗ РФ с рабочим названием «Российская Арктика» для удовлетворения потребностей населения, организаций и государственных заказчиков в продукции и услугах отечественных товаропроизводителей.

На первоначальном этапе апробирование функционала платформы может происходить в регионе, кто наиболее активно закупает промышленное оборудование (Ямало-Ненецкий автономный округ), а также на предприятиях из соседних регионов Центральной Арктики – Красноярского края и Республики Саха-Якутия. Поиск исполнителей осуществляется по необходимым характеристикам арктического оборудования для изготовления потребной номенклатуры изделий. На платформе можно локализовать реестр оборудования, по которому и будет осуществляться основной поиск исполнителей, реестр компаний, если исполнителя необходимо выбрать по дополнительным параметрам, функциональный личный кабинет и система помощи пользователям. Платформа на системной основе может проводить

технологические «арктические» дни для крупнейших нефтегазовых, металлургических, судостроительных, информационно-телекоммуникационных компаний, которые представляют собой особый формат работы, организованный с целью онлайн-презентации новых решений, заказчиков, поставщиков под конкретные технологические запросы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При реализации межрегиональных инвестиционных проектов вертикально-интегрированные компании приобретают оборудование, строительные материалы у организаций из разных регионов Российской Федерации, привлекают трудовые ресурсы, поддерживая единство экономического пространства страны. Задачей региональных органов исполнительной власти является создание условий и мер поддержки для реализации данных инвестиционных проектов.

В консервации слабости межрегиональных связей хозяйствующих субъектов Юга и Севера России есть риск, что ресурсные регионы Дальнего Востока и Арктики останутся топливно-энергетической и сырьевой базой. Целесообразно продумать воссоздание специальных государственных фондов регионального развития («Инвестиционный фонд 2.0»), расходуемых на межрегиональные проекты в районах пионерного освоения и особой народнохозяйственной значимости; заключения прямых межрегиональных договоров с участием крупных производств, предусматривающих целевые вложения в развитие конкретных крупных проектов с последующим погашением этих средств поставками продукции на льготных условиях; широкого привлечения иностранного капитала дружественных стран для перспективных межрегиональных проектов Арктической зоны, Сибири, Дальнего Востока для создания ресурсо-наукоемких экологически безопасных производств первичных ресурсов с широкими льготами.

Реализация политики развития межрегиональных взаимодействий полярных регионов с неарктическими субъектами Российской Федерации является закономерным продолжением курса, заложенного Стратегией национальной безопасности РФ (Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400), в которой в качестве стратегической цели определена необходимость укрепления единства экономического пространства. В прикладной реализации пространственной политики это означает переориентацию регионов исключительно с выстраивания собственных промышленных экосистем, устремлённости на конкуренцию за федеральные ресурсы без использования в полной мере возможностей друг друга.

Дополнительными стимулами является обеспечение «цифровой безопасности» и технологического суверенитета, сокращение межрегиональных различий и дисбалансов, рост связности отдельных регионов, расширение возможностей пространственного развития, в т.ч. малоосвоенных территорий Восточной Сибири и Дальнего Востока и акватории шельфов Дальневосточного и Арктического бассейнов, расширения опыта «горизонтальных» проектных партнёрств.

Список источников и литературы

1. Гранберг А. Г., Кистанов В. В. (ред.) Государственно-территориальное устройство России. – М.: Издательско-консалтинговое предприятие «ДеКА», 2003. – 448 с.
2. Пилясов А. Н., Котов А. В. Потенциал российской Арктики для международного сотрудничества: доклад №17/2015 // Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: Спекнпига, 2015. – 120 с.
3. Крюков В.А., Крюков Я.В. Взаимодействие севера и юга сибиря: в основе «управление» мультипликативными эффектами в сборнике: могущество Сибири будет прирастать!?! // Сборник докладов международного научного форума «Образование и предпринимательство в Сибири: направления взаимодействия и развитие регионов»: в 4 томах. / Новосибирский государственный университет экономики и управления, 2018. – С. 300-303.
4. В НАО создадут первую в Арктике использующую беспилотники логистическую компанию. – URL: <https://www.aex.ru/news/2023/6/16/258577/> (дата обращения 19.06.2023 г.)
5. Regional Innovation Valleys calls for proposals are now open. – URL: https://eismea.ec.europa.eu/news/regional-innovation-valleys-calls-proposals-are-now-open-2023-05-17_en (дата обращения 19.06.2023 г.)
6. Информационную платформу «Большая Сибирь», созданную по инициативе Губернатора Игоря Кобзева, представили во время Красноярского экономического форума. – URL: <https://www.ogirk.ru/2023/03/02/informacionnoju-platfomu-bolshaja-sibir-sozdannuju-po-inicjative-gubernatora-igorja-kobzeva-predstavili-vo-vremja-krasnojarskogo-jekonomicheskogo-foruma/> (дата обращения 19.06.2023 г.)

Котов Александр Владимирович, к. экон. н., вед. науч. сотр. Центра пространственной экономики РАНХиГС при Президенте РФ; вед. науч. сотр., заведующий сектором экономики ФРГ Центра германских исследований Института Европы РАН; e-mail: alexandr-kotov@yandex.ru

DEVELOPMENT OF INTERREGIONAL INTERACTIONS POLAR REGIONS WITH NON-ARCTIC REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Котов А.В.^{1,2}

¹ RANEPA, Moscow, Russia

² Institute of Europe RAS, Moscow, Russia

The implementation of the policy of development of interregional interactions between the polar regions and the non-Arctic regions of the Russian Federation is important from the point of view of the implementation of the National Security Strategy. The strategic goal is to strengthen the unity of the economic space. This means a reorientation of the regions exclusively from building their own industrial ecosystems and excessive competition for federal resources. The goal of public policy should be to stimulate the use of each other's full potential. The conservation of the weakness of interregional ties between economic entities in the South and North of Russia is dangerous. It poses a risk that the resource regions of the Far East and the Arctic will remain a fuel, energy and raw material base. In this variant, the transport costs for the Siberian regions associated with resource projects increase greatly. Economic efficiency is growing weakly. The article considers the problem of launching mechanisms for the accumulation of investment resources for interregional economic programs. Additional incentives are to ensure "digital security" and technological sovereignty, reduce inter-regional differences and imbalances, increase the connectivity of individual regions, expand opportunities for spatial development, incl. underdeveloped territories of Eastern Siberia and the Far East and offshore areas of the Far Eastern and Arctic basins, expanding the experience of "horizontal" project partnerships.

Key words: Russia, Arctic, interregional interactions, investment measures, industrial cooperation

Котов Александр Владимирович, Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher of the Centre of Spatial Economics of RANEPA, Leading Researcher, Head of the FRG economy sector of the Centre of German research, Institute of Europe RAS; e-mail: alexandr-kotov@yandex.ru

УДК 353.2(477.62)«2022.09.30/...»(470+571)

РАЗВИТИЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Кузнецова Е.В.¹

¹ Донецкий государственный университет, Донецк, Россия

Развитие Донецкой Народной Республики проходит в непростых условиях. Продолжающийся девять лет вооруженный конфликт нанес значительный урон социально-экономическому положению региона. И, хотя полноценное восстановление на данный момент затруднено, определенные шаги по включению ДНР в российское экономическое и культурно-образовательное пространство, безусловно, осуществляются. Укрепление межрегионального взаимодействия будет способствовать ускорению процессов интеграции во всех сферах. Существовавшие длительный исторический период взаимосвязи требуют анализа и «освежения» перспективных направлений сотрудничества Донбаса и остальной части России. Привлечение к сотрудничеству не только хозяйствующих субъектов регионов, но и налаживание связей между культурно-образовательными и социальными учреждениями, а также подключение общественных организаций позволит углубить межрегиональные взаимоотношения. Необходимость изучения осуществляемого взаимодействия и определение дальнейших совместных шагов по включению ДНР в РФ подчеркивает актуальность проведения данного исследования. Целью стало рассмотрение процессов включения в разных сферах жизнедеятельности Донецкой Народной Республики в состав Российской Федерации. При этом были использованы методы анализа и синтеза, личного наблюдения, систематизации, обобщения.

Ключевые слова: Донецкая Народная Республика, интеграция, Российская Федерация

ВВЕДЕНИЕ

После проведения референдумов на территориях Донецкой Народной Республики (ДНР), Луганской Народной Республики (ЛНР), Запорожской и Херсонской областей об их вхождении в Российскую Федерацию и обращения глав этих регионов к президенту РФ с просьбой рассмотреть такую возможность, 30 сентября 2022 года были подписаны договоры между Россией и ДНР, ЛНР, Запорожской, Херсонской областями об образовании новых

субъектов и их включении в российское государство. Затем были завершены остальные процедуры по принятию этих регионов в состав России.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В соответствии с принятыми документами до 1 января 2026 года определен переходный период по интеграции новых субъектов в правовую, экономическую, финансовую, кредитную, социальную системы России. Формируется система защиты прав новых граждан по российским стандартам, обеспечиваются гарантии по осуществлению профессиональной деятельности, признаются ранее выданные документы об образовании, имущественных правах и т.д. Это позволит продолжать трудовую деятельность, соблюдать социальные гарантии, получать пенсии, осуществлять сделки с недвижимостью и земельными участками. Для функционирования судебной системы РФ и соблюдения прав и свобод граждан реорганизуются органы прокуратуры; будут включены в состав Вооруженных Сил РФ и воинские формирования ДНР. Проводится организация системы федеральных и региональных органов. В Совете Федерации уже работают два сенатора от Донецкой Народной Республики, а после выборов 10 сентября 2023 года добавятся и депутаты в Государственную Думу. Подчеркнем, что проводятся мероприятия по сотрудничеству парламентариев и включению ДНР в российское политическое пространство и партийное строительство. Наибольшее внимание и помощь региону оказывает «Единая Россия», которая закрепила за каждой территорией Донбасса ответственных депутатов и сенаторов. Партия ЛДПР учредила региональное отделение в ДНР, одним из первых заявлений которой стал призыв к отмене НДС и доступному промышленному кредиту, что должно способствовать созданию свободной экономической зоне. Общее собрание в Донецке 5 февраля 2023 года провела и «Справедливая Россия – За правду», на котором было принято решение о создании регионального отделения партии.

Включение ДНР в РФ осуществляется, прежде всего, в сфере экономики. Чтобы мобилизовать даже в этих непростых условиях местное предпринимательское сообщество и развивать экономику, предпринимаются меры по организации логистических хабов в Крыму, Ростове-на-Дону и других приграничных территориях, максимальному упрощению сертификации поставляемых товаров и освобождение их от уплаты НДС, увеличению способности пропускных пунктов и ускорению прохождения всех необходимых процедур, доставке товаров самозанятым и мелким предпринимателям. Важными задачами являются привлечение инвесторов, запуск для местных предпринимателей специальных программ долгосрочного кредитования по низкой ставке, а также поощрение российских экономических субъектов с предоставлением ряда льгот, например, по условиям аренды, но, прежде всего, тем, кто будет развивать свой бизнес и создавать рабочие места, выплачивая зарплату не менее двух МРОТ. Прорабатывается вопрос создания свободной экономической зоны, что освободит регион на десять лет от уплаты налога на прибыль в федеральный бюджет. Льготами станут особый режим для инвесторов с налоговыми и неналоговыми преференциями, снижение тарифов страховых взносов, освобождение от уплаты имущественного налога на десять лет, а земельного – на три. С 1 января 2023 года действуют специальные налоговые режимы. С 1 января этого года также можно оформлять самозанятость и получать патенты.

Реорганизация касается и банковской деятельности. Урегулируются вопросы применения законодательства о налогах и сборах, бюджетного законодательства Российской Федерации, особенности исполнения бюджетов и формирования бюджетной отчетности. Налаживается взаимодействие в банковской сфере, что было долгое время проблемой для полноценного сотрудничества. Наличие компаний-посредников увеличивало конечную стоимость товаров.

Продукция ДНР получила допуск к участию в государственных закупках наравне с российскими товарами. В настоящее время поддержка усиливается. Так, более 30 промышленных предприятий ДНР смогут получить свыше 2 млрд рублей, уже функционирует Фонд развития промышленности, в 2022 году были отобраны 23 предприятий с предоставлением порядка 1 млрд рублей, а также еще 12 предприятий на сумму 1,5 млрд рублей [9, с. 7-8].³⁸ В Республике проводится аудит имеющихся предприятий и научных разработок, что отчасти

³⁸ Более 30 предприятий ДНР получат свыше 2 млрд рублей в рамках господдержки. 09.02.2023. URL: <https://dnr-news.ru/economy/2023/02/09/233520.html> (дата обращения: 04.03.2023)

затруднено незаконченными военными действиями, но способствует урегулированию государственного управления промышленностью в ДНР [9, с. 7-8].

Предприятия ДНР готовы поставить в 2023 году не менее четырехсот тысяч тонн зерновых и зернобобовых и более пятидесяти тонн готовой продукции [9, с. 7-8].³⁹ Для стимулирования сельхозпроизводителей Правительство России освободило предприятия Республики от уплаты экспортных пошлин на 143 тыс. тонн пшеницы и ячменя.

В сфере станкостроения с ДНР сотрудничество налаживает Башкортостан, а также в металлургии и химической промышленности. В сфере легкой промышленности донецкие предприятия готовы включиться в производственные цепочки Башкирии, например, по пошиву спецодежды с применением башкирских комплектующих. Интерес представляет и производство стройматериалов.

Подчеркнем, что оптимальной формой в организации взаимодействия становится кластерный подход, позволяющий достичь синергии [10, с. 16]. Назовем некоторые возможные кластерные модели в экономике. Есть перспективы между Челябинском и Ясиноватой. Особо внимание уделяется Ясиноватскому машиностроительному заводу, к которому имеется и интерес со стороны Кемеровской области. Так, совместно с Кузбасским электромашиностроительным заводом и томской компанией «Ильма» выпущен первый импортзамещающий проходческий комбайн. Такое взаимодействие дает возможность развиваться технологической кооперации промышленных предприятий Донбасса и Кузбасса, обмениваться опытом, сохранять научный потенциал и внедрять инновационные технологии в выпускаемую горнопроходческую технику. Продукция ясиноватского предприятия соответствует всем стандартам и требованиям РФ, а также может обеспечить достойную конкуренцию зарубежным производителям горной техники. Сохраняет свой потенциал Макеевский завод «Лазер» по производству продукции, необходимой для горно-шахтного и лифтового оборудования.

Востребованной может стать продукция Макеевского кабельного завода, выпускающего кабельно-проводниковую продукцию, обеспечивая промышленные предприятия и участвуя в ремонте линий электропередач. Заметна определенная активизация деятельности Харцызского трубного завода, который производит стальные промышленные трубы большого диаметра (до 1420 мм) для магистральных газонефтепродуктопроводов для российских заказчиков. Перспективным для дальнейшего сотрудничества может стать также сталепроволочный-канатный завод «Силур» по производству продукции в угледобывающей отрасли, горнорудной, нефтяной промышленности, металлургии и многих других отраслях. При этом отметим, что ряд предприятий имеет инфраструктурные повреждения из-за боевых действий, но их работа не останавливается.

Кооперационные связи налаживаются и с предприятиями Чувашской Республики, которая готова оказать помощь Макеевскому машиностроительному заводу, специализирующемуся на изготовлении оборудования, машин, механизмов, металлоконструкций и другой продукции для металлургических и машиностроительных предприятий. Решая вопросы импортозамещения комплектующих из Европы, Чебоксарский электроаппаратный завод вышел на сотрудничество с двумя предприятиями ДНР – Донецким и Торезским электротехническими заводами.

Партнеров Донецкой Народной Республики привлекает не только продукция металлургической и машиностроительной промышленности, но и мясомолочной, легкой промышленности, комбикормов и кормовых добавок. Кроме этого, Донбасс известен своими богатыми запасами каменного угля разных марок, теплотворная способность которых одна из самых высоких на территории постсоветских стран, а подтвержденные залежи составляют около 10 млрд т, из них коксующиеся угли - около 6 млрд т и антрациты - более 1 млрд т [7, с. 32]. Но большой проблемой является нанесенный ущерб горно-шахтному хозяйству, а восстановление, в первую очередь, коснется жилья и социальной, транспортной инфраструктуры.

Для восстановительных работ в Донбассе привлечены различные федеральные государственные структуры, приступающие к своей работе согласно специализации. Более пятидесяти регионов откликнулись и отправили, несмотря на риск, работников и технику.

³⁹ ДНР в 2023 году поставит в регионы не менее 53 тыс. тонн продукции пищевого сектора. Донецкое агентство новостей. 20.03.2023. URL: <https://dan-news.ru/ekonomika/dnr-v-2023-godu-postavit-v-regiony-ne-menee-53-tyis.-tonn-produkcii-pisheproma/> (дата обращения: 10.03.2023)

Интеграция осуществляется и в сфере образования. Так, 24 января 2023 года Государственная Дума РФ в первом чтении приняла законопроект об интеграции системы образования Донецкой Народной Республики (как и других новых субъектов) в российское образовательное пространство, включая и систему научной деятельности России. Этот документ предусматривает установление обеспечения прав обучающихся, соответствия образовательных и образовательно-квалификационных уровней, ученых степеней и ученых званий, признание полученных до вхождения в состав РФ дипломов, приведение деятельности научных и образовательных организаций по нормам российского законодательства. Преподаватели будут освобождены до 1 сентября 2024 года от прохождения аттестации. Поступление в вузы будет осуществляться по результатам вступительных испытаний, самостоятельно установленных образовательной организацией, или ЕГЭ. В переходный период до 1 января 2026 года образовательные организации осуществляют свою деятельность по соответствующим программам на основе временной лицензии. Постепенная реализация этого законопроекта позволит эффективно интегрироваться в российское образовательное поле.

Отметим, что активно сотрудничество между вузами и подписываются соглашения о совместной деятельности. Например, между Донецким государственным университетом (ДонГУ) и Московским государственным университетом, между Донецким национальным техническим университетом (ДонНТУ) и Российским университетом нефти и газа (НИУ) им. И.М. Губкина, а также с Уфимским нефтяным техническим университетом, между Донецким национальным университетом экономики и торговли (ДонНУЭТ) и РЭУ им. Г.В. Плеханова, между Донецким медицинским университетом и Волгоградским медицинским университетом. И этот неполный перечень российских вузов-партнеров продолжает расширяться в 2023 году.

В отношении школ Министерство просвещения РФ инициировало их мониторинг с составлением единого паспорта. Проводимая проверка призвана выявить существующие трудности в организации образовательной деятельности, например, в организации питания, обеспеченности учебным материалом, отсутствием спортивных залов или компьютерных классов. Школы ДНР вовлечены в работу электронной образовательной платформы «Сферум» и проекты по профессиональной ориентации учащихся в целях реализации национального проекта «Образование». Республика подключается к проектам детских технопарков «Кванториум», центров образования «Точка роста» и «IT-куб», в работу Российского движения детей и молодежи.

Процессы вхождения в российское пространство коснулись и сферы здравоохранения. Для государственных организаций продолжают действовать до 1 января 2026 года лицензии на медицинскую и фармацевтическую деятельность, а частные клиники и аптеки получают новые в течение 2023 года. Переходный период для введения маркировки лекарств предусмотрен до 1 января 2028 года. Допускаются в обращение лекарства, находящиеся в реестре или в едином реестре зарегистрированных лекарственных средств ЕАЭС. До 1 января 2026 года будут действовать ранее присвоенные квалификационные категории медицинских и фармацевтических работников, далее аккредитация будет проводиться по российским стандартам. Многие российские доктора и добровольцы уже работают в регионе, что поможет максимально быстро адаптироваться. Создаются территориальные фонды обязательного медицинского страхования, медикам ДНР выплачиваются специальные доплаты, проводится диспансеризация детей. Прорабатываются программы интеграции Республики в общенациональные проекты «Земский врач» и «Земский фельдшер». Для медицинских учреждений ДНР осуществляются закупки специально оснащенных автомобилей и машин скорой помощи, лекарственные препараты.

К концу 2024 года планируется завершить процесс интеграции в единые информационные системы всех данных по социальным выплатам и трудовой деятельности. С 1 марта 2023 года запущен процесс по приведению социальной поддержки в соответствие с российским законодательством. Производится перерасчет пенсионных выплат, в случае уменьшения их размера устанавливается региональная доплата. Это же касается и инвалидов. Им необходимо пройти до 1 января 2026 года медико-социальную экспертизу.

Для наиболее эффективного включения в состав Российской Федерации важным представляется и укрепление культурных связей. В марте 2022 года были организованы две масштабные федеральные программы – «Большие гастроли» (гастроли театров) и «Мы – Россия» (гастроли национальных коллективов), в рамках которых успешно прошли гастрольные туры донецких коллективов, и они были продолжены в 2023 году. Зрители разных городов имеют

возможность познакомиться с театральными постановками коллективов ДНР, а артисты могут представлять свои постановки, не имея возможности выступать на донецкой сцене. Например, Донецкий государственный академический музыкально-драматический театр им. М.М.Броуна гастролировал с постановкой «Я Знаю праVду!» в 2022 году и продолжил в 2023 году.

В интеграционные процессы включены музеи и библиотеки ДНР. Донецкий республиканский краеведческий музей заключил соглашения о сотрудничестве с более чем 35 музеями Российской Федерации. Например, с Восточно-Крымским историко-культурным музеем-заповедником, музеем-заповедником «Прохоровское Поле», Калужским объединенным музеем-заповедником, Музеем истории города Иркутска им. А.М. Сибирякова, Чувашским национальным музеем, Орловским краеведческим музеем, Государственным музеем «Смоленская крепость».

Донецкий республиканский художественный музей заключил соглашение о сотрудничестве с Государственным художественным музеем Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, Симферопольским художественным музеем и Костромским государственным историко-архитектурным и художественным музеем-заповедником. В сотрудничестве с российскими музеями участвуют и представители Донецкого художественного музея «Арт-Донбасс».

Развитию межкультурных связей способствует и интеграция библиотек в российское пространство. Специалисты Донецкой республиканской универсальной научной библиотеки имени Н.К. Крупской и Донецкой республиканской библиотеки для молодежи активно участвуют во многих проводимых мероприятиях. Например, было подписано соглашение о сотрудничестве Донецкой библиотеки для молодежи с Новосибирской областной молодежной библиотекой, которое предполагает реализацию совместных проектов в сфере культуры и популяризации чтения.

Многие из перечисленных мероприятий прошли при содействии Русского центра, который активно занимается углублением сотрудничества в культурно-гуманитарной сфере. Русский центр уделяет внимание и сотрудничеству в сфере спорта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование показало, чтобы ускорить вхождение Республики в российское пространство необходимо принятие комплексных мер и стабилизация обстановки в регионе. Интеграция Донецкой Народной Республики в Российскую Федерацию осуществляется как в сфере экономики, так и в вопросах культуры, образования и социального обеспечения. Важную роль играет оказываемая помощь российских регионов-шефов.

Список источников и литературы

1. Более 30 предприятий ДНР получат свыше 2 млрд рублей в рамках господдержки. 09.02.2023. URL: <https://dnr-news.ru/economy/2023/02/09/233520.html>
2. ДНР в 2023 году поставит в регионы не менее 53 тыс. тонн продукции пищепрома. Донецкое агентство новостей. 20.03.2023. URL: <https://dan-news.ru/ekonomika/dnr-v-2023-godu-postavit-v-regiony-ne-menee-53-tys.-tonn-produkcii-pisheproma/>
3. Петренко И.Е. С возвращением домой, Донбасс! // Уголь. 2022. №12, с. 31-35.
4. Тараш Л.И., Голоднюк Р.А. Подходы к определению приоритетных отраслей развития промышленности и возможности их реализации в Донецкой Народной Республике // Вестник Института экономических исследований. — 2022. № 2 (26), с. 5-13.
5. Тополева Т.Н. Региональное развитие: новые теории // *Juvenis Scientia*. 2019. № 6, с. 14-17.

Кузнецова Елена Владимировна, к. полит. н., доцент кафедры международных отношений и внешней политики, Донецкий государственный университет; e-mail: e.kuznetsova@donnu.ru

DEVELOPMENT OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC WITHIN THE RUSSIAN FEDERATION

Kuznetsova Ye.V.¹

¹ Donetsk State University, Donetsk, Russia

The development of the Donetsk People's Republic takes place in difficult conditions. The nine-year-old armed conflict has caused significant damage to the socio-economic situation of the region. And, although full-fledged restoration is currently difficult, certain steps to include the DPR in the Russian economic, cultural and educational space are certainly being carried out. Strengthening interregional cooperation will help accelerate integration processes in all spheres. The relationships that have existed for a long historical period require analysis and "refreshment" of promising areas of cooperation between Donbass

and the rest of Russian Federation. The involvement of not only economic entities of the regions in cooperation, but also the establishment of links between cultural, educational and social institutions, as well as the involvement of public organizations will deepen interregional relations. The need to study the ongoing interaction and determine further joint steps for the entry of the DPR into the Russian Federation underlines the relevance of this study. The aim was to consider the processes of inclusion in various spheres of life of the Donetsk People's Republic into the Russian Federation. At the same time, methods of analysis and synthesis, personal observation, systematization, generalization were used.

Key words: Donetsk People's Republic, integration, Russian Federation

Kuznetsova Yelena Vladimirovna, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of International Relations and Foreign Politics, Donetsk State University; e-mail: e.kuznetsova@donnu.ru

УДК 341

ДОГОВОР ПОСТАВКИ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВАМИ-ЧЛЕНАМИ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА. ЧТО УЧЕСТЬ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ?

Купцова А.С.¹

¹ Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия

Санкционное давление со стороны стран Запада способствовало углублению интеграционных процессов в рамках ЕАЭС, включая увеличение процентного соотношения заключаемых торговых контрактов на поставку различных категорий товаров. Однако взаимодействие государств-членов ЕАЭС усилило старые и выявило новые барьеры и ограничения для эффективного развития торговых отношений. При этом Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Россия будучи довольно близкими в построении законодательной базы и многих экономических процессов не имеют выработанной системы отношений в рамках договора поставки, которые повысили бы эффективность и результативность сотрудничества внутри ЕАЭС. Данное научное исследование проведено на основании эмпирических и теоретических методов, результаты могут быть использованы на практике.

Ключевые слова: ЕАЭС, евразийская интеграция, договор поставки, санкции, риски, экспортный контракт.

ВВЕДЕНИЕ

Согласно опросу, проводимому в рамках совместного проекта Центра интеграционных исследований Евразийского банка развития (далее – «ЕАБР») и Международной некоммерческой ассоциации исследовательских агентств «Евразийский монитор», дана оценка информированности представителей крупного и среднего бизнеса Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, России и Таджикистана о евразийской интеграции, барьерах и мерах возможной поддержки в области внешнеэкономического сотрудничества.

В сентябре 2021 г. было опрошено 337 компаний из государств-членов ЕАЭС, также в их число входили компании из Таджикистана. В среднем 73 % опрошенных придерживаются мнения, что евразийская интеграция создает благоприятные условия, облегчающие ведение бизнеса на территории государств-членов ЕАЭС. При этом в Беларуси и Казахстане отсутствуют компании, которые придерживались бы мнения относительно того, что работа ЕАЭС усложняет бизнес-процессы. В качестве эксперимента в опросе участвовала республика Таджикистан, респонденты которой также считают, что ЕАЭС облегчает ведение бизнеса на территории государств-членов ЕАЭС, при этом часть опрошенных высказали мнение о желании видеть республику в числе членов союза [1].

Как показал опрос, ключевым фактором, препятствующим масштабным и прогрессивным тенденциям в области развития торговых отношений с участием государств ЕАЭС, является наличие определенных барьеров. Среди них: 1) технические барьеры (маркировка, сертификация и т.д.); 2) высокий уровень конкуренции; 3) финансовые меры (валютный контроль, регулирование условий оплаты и т.д.); 4) ограниченный доступ к информации о внешних рынках и потенциальных партнерах; 5) ограничения в области сбыта товара.

Мерами, позволяющими устранить названные выше препятствия, могут являться: 1) разработка в рамках ЕАЭС собственных новых регламентов и стандартов, унифицированных требований и способов обращения товаров; 2) гармонизация правил и норм маркировки; 3)

взаимное признание процедур оценки продукции. При этом страны отмечают, что наиболее эффективной мерой для решения ряда проблем будет являться цифровая трансформация процессов [2].

В сложившихся условиях прослеживается тенденция наращивания торговых отношений между государствами-членами ЕАЭС. Кроме того, взаимные прямые иностранные инвестиции стран ЕАЭС по данным ЕАБР к середине 2022 г. оценены в 24,5 млрд долл. [3].

В 2021 г. и начале 2022 г. во всех государствах-членах в значительной степени увеличился объем взаимной торговли и объем внешней торговли, по Союзу данные показатели составляют 31,9 % и 35,1 % соответственно [4]. Экономические системы государств, входящих в ЕАЭС, интегрированы в систему мировых хозяйственных связей и имеют зависимость от поставок из третьих стран. Внешними рисками при данных обстоятельствах могут стать усиление санкционного и геополитического давления на некоторые государства Союза, технологический разрыв с торговыми партнерами-третьими странами и продолжение роста мировых цен.

Сложившаяся экономическая реальность порождает не только определенные риски для экономики Союза, но и открывает ряд возможностей. Эффективное использование внутреннего потенциала Союза позволит обеспечить устойчивость экономических систем отдельных государств-членов ЕАЭС [5]. В рамках Союза выработан перечень мер по обеспечению устойчивости экономик его государств-членов, данные меры охватывают следующие области: таможенное регулирование; внутренний рынок и кооперацию; финансовые и валютные рынки; экономическое сотрудничество с третьими странами [6]. Помимо всего прочего в качестве одной из мер по повышению эффективности и устойчивости экономики государств, входящих в ЕАЭС, является обеспечение оперативной поставки товаров во взаимной торговле. Таким образом, на сегодняшний день перед ЕАЭС стоит задача внутреннего обеспечения экономик государств-членов Союза.

Развитие взаимодействия между субъектами торговых отношений происходит преимущественно в рамках заключаемых договоров поставки. При возрастающей роли данного рода отношений закономерно встает вопрос о том, что сегодня нужно учитывать в рамках соответствующих договорных конструкций, реализуемых между государствами-членами ЕАЭС.

Обращаясь к стандартной конструкции любого договора, остановимся на наиболее важных вопросах, которые стоит учитывать при заключении договора поставки между государствами рассматриваемого союза.

Предмет договора. Условие о предмете договора поставки между государствами-членами ЕАЭС является существенным и должно быть сформулировано конкретно, исключая неоднозначное понимание содержащихся в договоре правоотношений. Предметом договора поставки являются товары, производимые или закупаемые поставщиком и приобретаемые покупателем для использования в предпринимательской деятельности и в иных целях, не связанных с личным, семейным и другим подобным использованием. В данном случае также важно отразить в договоре, где конкретно согласуются условия о наименовании, ассортименте, количестве и цене поставляемого товара. Например, одним из часто встречаемых и наиболее удобных вариантов является согласование перечисленных условий в спецификации, которая подписывается на каждую партию товара и оформляется в виде приложения к договору, являясь его неотъемлемой частью.

Условие о способе поставки товара. Поскольку в настоящей работе рассматривается поставка в рамках территории нескольких государств, то важно заранее в договоре согласовать условие о способе доставки. Сразу стоит отметить, что в рамках договора поставки между государствами-членами ЕАЭС широко применяются Международные правила толкования торговых терминов «Инкотермс-2010» [7] и «Инкотермс-2020» [8]. Несмотря на то, что с «01» января 2020 г. действует «Инкотермс-2020», применение старой редакции также пока возможно. Однако при заключении договора необходимо указывать в соответствии с какой редакцией Инкотермс осуществляется поставка. В Российской Федерации Инкотермс носит рекомендательный характер. Существует 11 базисов поставки в соответствии с Инкотермс. Остановимся на наиболее часто включаемых в договор условиях и наиболее подходящих для рассматриваемых государств:

1) EXW (EX WORKS / ФРАНКО ЗАВОД) или аналог самовывоза. В соответствии с данным условием товар предоставляется в распоряжение покупателя на складе или в ином помещении

продавца. При использовании данного способа есть определенные риски для каждой из сторон. Во-первых, продавец не имеет обязанности по погрузке товара, даже если погрузка товара продавцом будет согласована сторонами, то оплачивает ее все равно покупатель. Во-вторых, у продавца отсутствуют обязанности по выполнению таможенных формальностей. В-третьих, обязанности покупателя по информированию продавца о вывозе товара ограничены, в то время как последнему может быть необходима такая информация, например, для целей налогообложения или внутренней отчетности. В-четвертых, покупателю необходимо детально уточнить характеристики товара, его габариты и т.д., поскольку при вывозе товара своими силами и за свой счет нужно определить вид транспорта. В-пятых, заключение любых сопутствующих договоров, например, договора страхования груза или договора перевозки, также осуществляется покупателем. И наконец, что наиболее важно, право собственности, риск случайной гибели или случайного повреждения переходят от продавца к покупателю в момент передачи товара на складе продавца.

2) FCA (FREE CARRIER / ФРАНКО ПЕРЕВОЗЧИК) – продавец передает товар перевозчику или иному лицу, уполномоченному покупателем, передача товара осуществляется в помещении продавца или в ином согласованном сторонами месте. В целом риски при данном способе поставки сопоставимы с рисками при поставке на условиях EXW, однако правоотношения в рамках FCA осложняются третьим лицом в виде перевозчика. При этом право собственности, риск утраты и повреждения товара переходят от продавца к покупателю в момент передачи товара перевозчику или иному уполномоченному лицу.

3) DAP (DELIVERED AT PLACE / ПОСТАВКА В МЕСТЕ НАЗНАЧЕНИЯ) означает, что продавцом выполнены условия по поставке с момента, когда товар предоставлен в распоряжение покупателя в согласованном сторонами месте назначения. При это все риски, связанные с доставкой товара таким способом, ложатся на продавца. Кроме того, продавец также выполняет все таможенные формальности, которые связаны с вывозом товара. Договор перевозки также заключает продавец при необходимости, однако заключение договора страхования груза не входит в его обязанности.

Сумма договора. Между членами Таможенного союза валютный контроль не отменен. Обязанность резидентов, осуществляющих в Российской Федерации валютные операции, вести в установленном порядке учет и составлять отчетность по проводимым ими валютным операциям предусмотрена Федеральным законом от 10.12.2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» [9]. Резиденты обязаны осуществить постановку экспортных контрактов, по которым сумма обязательств эквивалентна 10 млн руб. и более, на учет в уполномоченных банках [10]. В самом договоре рекомендуется прописать сумму договора и указать на основании чего она определяется, наиболее удобным способом определения данной суммы являются накладные на товар.

Также важно отметить, что при экспорте товаров между государствами-членами ЕАЭС применяется нулевая ставка по НДС [11]. Однако для подтверждения ставки 0 % одновременно с налоговой декларацией в налоговый орган предоставляются копии следующих документов: договор (контракт); заявление о ввозе товаров и уплате косвенных налогов, составленное по утвержденной форме (представляет налогоплательщик государства-члена ЕАЭС, на территорию которого ввезены товары, с отметками его налогового органа) [12]; товаросопроводительные документы, подтверждающие перемещение товара с территории одного государства на территорию другого. Товаросопроводительные документы могут не предоставляться в налоговый орган одновременно с другими, однако при запросе налогового органа они должны быть предоставлены в 30-дневный срок. При не предоставлении вышеперечисленных документов нулевая ставка по НДС считается неподтвержденной.

Поскольку наличие большего числа документов зависит и от другой стороны договора, во избежание возможных рисков, следует предусмотреть в договоре обязательства контрагента по предоставлению как скан-копий, так и последующее предоставление оригиналов документов. Также рекомендуется предусмотреть ответственность контрагента за не предоставление и несвоевременное предоставление указанных документов.

Приемка товара и сроки предъявления претензий. Как правило для поставки товара характерно два этапа его приемки – по количеству и по качеству.

Приемка товара по количеству тарных мест осуществляется в момент передачи товара поставщиком покупателю. Документом, подтверждающим данный вид приемки является товарная накладная или CMR. В договоре рекомендуется указать в течение какого срока

поставщик принимает от покупателя претензии по внутритранному количеству и качеству (в данном случае речь идет о видимых недостатках).

Примемка по качеству товара нацелена на выявление товара ненадлежащего качества, например, бракованного товара. Данный вид приемки и предъявление возможных претензий по качеству товара также следует ограничить конкретным сроком. При отсутствии в договоре условия о сроке для предъявления претензии относительно качества товара в соответствии с законодательством в зависимости от вида товара такие претензии могут предъявляться в течение срока годности (службы) или гарантийного срока.

Помимо всего прочего в договор данного вида также рекомендуется включить раздел об ответственности сторон за нарушение своих обязательств, условие о подсудности, о действиях при наступлении форс-мажорных обстоятельств и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сотрудничество в рамках ЕАЭС играет важную роль для разработки и реализации инвестиционных и торговых стратегий компаний [13]. Функционирование ЕАЭС как интеграционного объединения складывается в исторически короткий процесс, с этим связан ряд препятствий и ограничений во взаимодействии между государствами-членами ЕАЭС. На сегодняшний день экономические связи в рамках данного Союза являются стратегически важными.

В перспективе следует наиболее активно стимулировать взаимную торговлю государств ЕАЭС. Следовательно, необходима согласованная политика государств-членов Союза в различных областях взаимодействия, включая торговые отношения по поставке различных видов товаров и правильное единое юридическое оформление данных отношений. Правовая сторона эффективного взаимодействия юридических лиц и индивидуальных предпринимателей из ЕАЭС играет важную, а в большинстве случаев решающую роль в построении отношений.

Список источников и литературы

1. Доклад Евразийского банка развития «Интеграционный бизнес-барометр ЕАБР» 25 января 2022 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eabr.org/analytics/integration-research/cii-reports/integratsionnyy-biznes-barometr-eabr-2022> (дата обращения: 30.05.2023 г.).
2. Кныш Р.Д. Развитие правового обеспечения налогового стимулирования Сферы электронной коммерции стран ЕАЭС на примере Белоруссии, Казахстана, Киргизии и Армении/Финансовое право, Россия, том. 1, с. 33-46, 2022.
3. Доклад Евразийского банка развития «Мониторинг взаимных инвестиций ЕАБР – 2022» от 20 декабря 2022 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eabr.org/analytics/special-reports/monitoring-vzaimnykh-investitsiy-eabr-2022> (дата обращения: 30.05.2023 г.).
4. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 27.05.2022 г. № 7 «Об основных ориентирах макроэкономической политики государств - членов Евразийского экономического союза на 2022 - 2023 годы» / Официальный сайт Евразийского экономического союза <http://www.eaeunion.org/>, 19.07.2022 г.
5. Дибиров А.А., Морева А.В. Торговля как базовый фактор интеграции субъектов СЭФО со странами ЕАЭС в сфере продовольственного обеспечения/Экономика нового мира, Россия, том. 1, с. 5-29, 2018.
6. Распоряжение Совета Евразийской экономической комиссии от 17.03.2022 г. № 12 (ред. от 17.10.2022 г.) «О реализации мер по повышению устойчивости экономик государств - членов Евразийского экономического союза, включая обеспечение макроэкономической стабильности/Официальный сайт Евразийского экономического союза <http://eaeunion.org/>, 18.03.2022.
7. Инкотермс 2010 (Incoterms 2010)/ICC Russia. Международная торговая палата в России – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iccwbo.ru/> (дата обращения: 15.08.2023 г.).
8. Инкотермс 2020 (Incoterms 2020)/ICC Russia. Международная торговая палата в России – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iccwbo.ru/> (дата обращения: 15.08.2023 г.).
9. Федеральный закон от 10.12.2003 г. № 173-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О валютном регулировании и валютном контроле»/Собрание законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4859.
10. Инструкция Банка России от 16.08.2017 г. № 181-И (ред. от 25.01.2022 г.) «О порядке представления резидентами и нерезидентами уполномоченным банкам подтверждающих документов и информации при осуществлении валютных операций, о единых формах учета и отчетности по валютным операциям, порядке и сроках их представления» (Зарегистрировано в Минюсте России 31.10.2017 г. № 48749) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2022)/Вестник Банка России. № 96-97. 2017.
11. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014 г.) (ред. от 24.03.2022 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.04.2023)/Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 16.01.2015.
12. Протокол от 11.12.2009 г. (ред. от 31.12.2014 г.) «Об обмене информацией в электронном виде между налоговыми органами государств-членов Евразийского экономического союза об уплаченных суммах косвенных налогов»/Финансовая газета. № 30. 2010.
13. Евченко Н.Н. Внешнеэкономическое сотрудничество ЕАЭС – ЕС: стратегия, динамика и условия развития/Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество, Россия, том 1, с. 198-203, 2021.

Купцова Арина Сергеевна, студент магистратуры, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова; e-mail: ASKupcova@yandex.ru

SUPPLY AGREEMENT BETWEEN THE MEMBER STATES OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION. WHAT TO TAKE INTO ACCOUNT IN MODERN REALITIES?

Kupcova A.S.¹

¹ Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Sanctions pressure from Western countries contributed to the deepening of integration processes within the EAEU, including an increase in the percentage of concluded trade contracts for the supply of various categories of goods. However, the interaction of the EEC member states has strengthened the old and revealed new barriers and restrictions for the effective development of trade relations. At the same time, Armenia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan and Russia, being quite close in building a legislative framework and many economic processes, do not have a developed system of relations within the framework of the supply agreement that would increase the efficiency and effectiveness of cooperation within the EAEU. This scientific study was conducted on the basis of empirical and theoretical methods, the results can be used in practice.

Key words: EAEU, Eurasian integration, supply agreement, sanctions, risks, export contract.

Kupcova Arina Sergeevna, Master's student, Plekhanov Russian University of Economics; e-mail: ASKupcova@yandex.ru

УДК 911.375

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СТРУКТУРА СОВРЕМЕННОГО ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ

Логвинов И.А.¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Рассмотрено современное жилищное строительство в Санкт-Петербургской агломерации. Для этого использованы данные каталога новостроек ДОМ.РФ, в рамках Единой информационной системы жилищного строительства, предоставляющего данные о наиболее вероятно реализуемых жилищных объектах. Предложенный вариант данных возможно использовать при исследовании других агломераций России. Полученные точечные данные агрегированы по сетке гексагонов, поясам и секторам агломерации. Обозначены устоявшиеся районы жилищного строительства и новые, концентрирующие основной ввод жилья. В контексте различий по поясам агломерации обозначено доминирование ядра агломерации, ведущего к уплотнению застройки, а также приядерной зоны, обеспечивающей расширение ядра агломерации. При это доля ближних пригородов ниже и в динамике снижается. Наиболее застраиваемым сектором агломерации является север, в меньше степени юг и при этом доля юга в динамике падает. Соответственно перехода к преимущественному освоению ближних пригородов юга агломерации за счёт среднеэтажного и малоэтажного строительства, обозначенного в концепции совместного градостроительного развития Санкт-Петербурга и Ленинградской области, не происходит.

Ключевые слова: пространственная структура, жилищное строительство, Единая информационная система жилищного строительства, Санкт-Петербург, городская агломерация.

ВВЕДЕНИЕ

Крупные городские агломерации являются основным локомотивом роста мировой экономики, концентрируя растущий постиндустриальной сектор. При это развитию данных агломераций способствует рост численности населения, обеспечиваемый прежде всего жилищным строительством [1]. Это в свою очередь приводит к росту агломерационного эффекта [2]. Согласно данным проекта Global Human Settlement Layer, за 1990-2015 год, численность населения крупнейших агломераций мира (более 5 млн чел.) выросла на 57 %, а площадь застройки в них выросла на 26 % [3].

Крупнейшие Российские агломерации (Москва, Санкт-Петербург) также отличались активным пространственным ростом [4]). Наиболее полно освещены процессы развития Московской

агломерации [5], в том числе и вопросы жилищного строительства и его пространственных закономерностей в столичной агломерации [6], [7]. При этом вопросы пространственного развития и тем более жилищного строительства в Санкт-Петербургской агломерации освещены меньше [8], [9]. Роль же жилищного строительства в развитии города существенна, т.к. оно влияет на изменение системы расселения, расположение рабочих мест и в целом на пространственное развитие территории. В частности, правительствами Ленинградской области и Санкт-Петербурга, в рамках концепции совместного градостроительного развития, была обозначена стратегическая цель по смене тренда градостроительного развития агломерации: переход от застройки прилегающей к городу полосы преимущественно на севере к застройке ближних пригородов юга, за счёт среднеэтажной и малоэтажной застройки [10].

Соответственно данная работа направлена на освещения особенностей современного жилищного строительства в Санкт-Петербургской агломерации, а именно на период после 2020 гг. Под современным жилищным строительством понимается совокупность реализованных и реализуемых жилищных проектов в период с 2020 гг., на основе базы данных каталога новостроек от фонда ДОМ.РФ [11]. Особенное внимание в работе уделено особенностям развития по поясам и секторам агломерации, учитывая положения концепции совместного градостроительного развития [10].

ДАнные И МЕТОды

В качестве информационной базы для исследования использован каталог новостроек фонда ДОМ.РФ, в рамках Единой информационной системы жилищного строительства [11]. Особенностью данного каталога является то, что в нём представлены реализованные и наиболее вероятно реализуемые объекты жилищного строительства. Также данная база имеет всероссийский охват, что позволяет использовать её универсально при исследованиях агломераций России, на основе единого подхода и обеспечивает сравнимость результатов.

За счёт каталога были получены сведения о 1700 объектах жилищного строительства агломерации или 24,9 млн м² жилья с 2020 по 2028 г. Для пространственной привязки данных использовались средства геокодирования. Полученные данные с координатами переводились в точечный слой в программе QGIS [12] и агрегировались по сетке гексагонов для визуализации, а также по поясам [13] и по секторам (8 сторон света).

РЕзуЛьтАты ИССЛЕДОВАНИЯ

Пространственное распределение современного жилищного строительства неравномерное (рисунк 1).

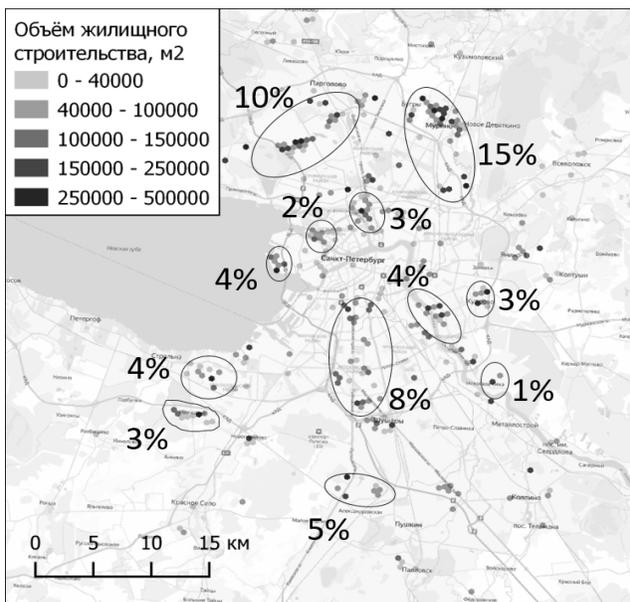

Рисунок 1. Современное жилищное строительство в 2020-2028, сетка гексагонов и кластеры, с долей во всём вводе жилого фонда, составлено автором по [11]

Наиболее характерна концентрация в устоявшихся ещё ранее зонах застройки: Бугры-Мурино-Ручьи (15 % от всего ввода жилого фонда), Север приморского района (10 %) и при этом затухание Кудрово (только 3 %). Однако наиболее значительный ввод приурочен к ядру агломерации (в границах КАД). Выделяются значительные зоны редевелопмента, в частности вблизи Московского проспекта (8 %), Октябрьская набережная (4 %), Петровский остров (2 %) и другие. Отдельно из устоявшихся зон можно отметить Южный Намыв Васильевского острова, на который приходится уже 4 % ввода жилья, где в развитие активно включилась «Группа «ЛСР» [14].

Из относительно новых районов застройки можно отметить значительные проекты на юге города, в частности проекты вблизи Пулковского шоссе (5 %), «Солнечный город» (4 %), Новоселье (3 %) и другие. Каждый из данных проектов в целом имеет разное влияние на пространственное развитие. Проекты вблизи Пулковского шоссе в целом удалены от города и не входят в наиболее плотную полосу вблизи КАДа и при этом отличаются пониженной этажностью (5-6 этажей). Т.е. данные проекты в целом соответствуют концепции совместного градостроительного развития. Однако вес таких проектов меньше, чем у проектов на Севере города.

Для более полного рассмотрения пространственных различий по поясам и секторам агломерации, целесообразно агрегировать данные по таким пространственным единицам. Для этого использованы границы по поясам агломерации [13], с добавлением прилегающей зоны, т.е. буфер в 3 км от ядра и по 8 сторон света (по 45 градусов, длиной в 50 км, без ядра, созданные средствами QGIS), представленные на рисунке 2.

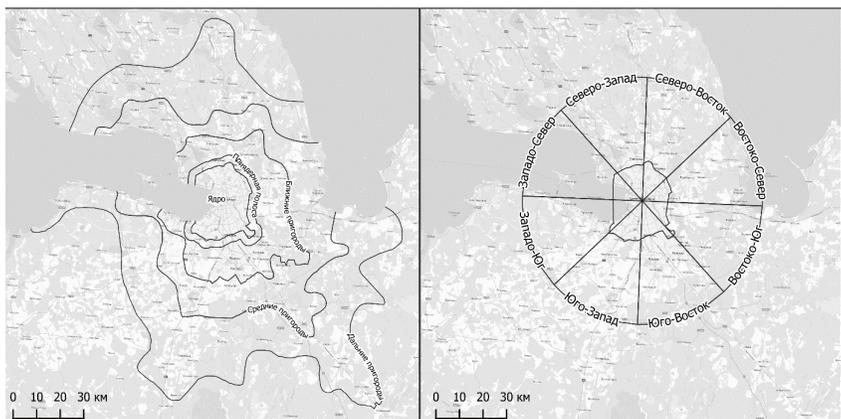

Рисунок 2. Используемые границы для агрегирования данных: поясная (слева) и секторная (справа) модель агломерации, составлено автором по [12], [13]

Наибольшая концентрация жилищного строительства связана с ядром агломерации (60 % от всего строительства) с наибольшей этажностью и средней площадью, что ведёт к уплотнению жилой застройки в городе (таблица 1).

Таблица 1. Суммарные и средние показатели современного жилищного строительства по поясам агломерации, составлено автором по [11]

Пояс / показатель	Объём жилищного строительства, млн м2	% от всего	Средняя площадь жилищного проекта, м2	Средняя этажность жилищного проекта, этажей
Ядро	14,9	60%	20336	17
Пригородная полоса	6,1	24%	17503	14
Ближние пригороды	3,2	13%	7314	7
Средние пригороды	0,6	3%	4617	6
Дальние пригороды	0,0	0%	2261	4
Сумма (среднее)	24,9	100%	14582	13

При этом пригородная полоса, примыкающая к КАД, почти в 2 раза опережает ближние пригороды. Также пригородная полоса отличается повышенной средней площадью и этажностью объектов. Доля же средних и дальних пригородов минимальна и в основном связана с жилищным строительством в Гатчине (до 90 %). Что касается динамики, то в целом ввод жилья в пригородном поясе опережает ближние пригороды на протяжении 2020-2028 гг., т.е. как такого перелома тренда в сторону застройки именно ближних пригородов не происходит (рисунок 3).

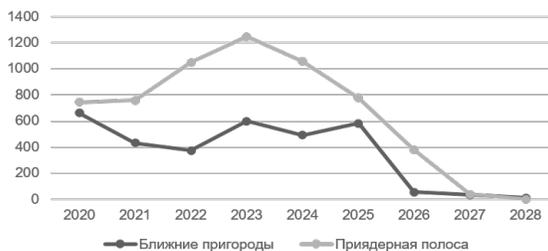

Рисунок 3. Динамика жилищного строительства за 2020-2028 гг. по отдельным поясам агломерации, тыс. м², составлено автором по [11]

Что касается секторов, то здесь доминирует застройка северного сектора агломерации (таблица 2).

Таблица 2. Суммарные и средние показатели современного жилищного строительства по секторам агломерации, составлено автором по [11]

Сторона света / показатели	Объём жилищного строительства, млн м ²	% от всего	Средняя площадь жилищного проекта, м ²	Средняя этажность жилищного проекта, этажей
Северо-Восток	3,2	32,0%	13802	12,7
Юго-Восток	2,2	22,5%	8949	7,3
Юго-Запад	1,2	12,4%	11759	9,1
Востоко-Юг	1,2	11,7%	16292	14,4
Востоко-Север	0,8	8,3%	7007	9,4
Северо-Запад	0,8	7,7%	11054	8,9
Западо-Юг	0,4	4,3%	7775	5,4
Западо-Север	0,1	1,1%	4885	5,8
Сумма	9,9	100,0%	10323	9

Наибольшая концентрация характерна для Северо-Востока агломерации (Бугры-Мурино-Ручьи), а также Юго-Востока (Пушкинское шоссе + Шушары). Совокупно доля Севера (40%) и она выше Юга (35%). При этом выделяется Востоко-Юг, с Кудрово и Новосаратовкой. При этом в динамике разрыв между северным и южным вектором агломерации менее существенный, чем между поясами (рисунок 4).

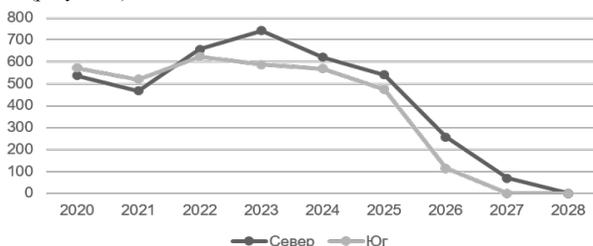

Рисунок 4. Динамика жилищного строительства за 2020-2028 гг. по отдельным секторам агломерации, тыс. м², составлено автором по [11]

До 2022 г. опережение Юга было связано с проектами в Шушарах с высокой этажностью и на Пулковском шоссе, но с 2023 доля Севера становится выше, особенно за счёт проектов в Буграх-Мурино (строительство до Лавриков и сращивание Мурино с Буграми). Т.е. перехода к доминации южного вектора в развитии агломерации не происходит.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современное жилищное строительство неоднородно распределено в пространстве. Оно в основном концентрируется как в устоявшихся зонах, таких как Бугры-Мурино-Ручьи, Север Приморского района и другие. Помимо растущего редулоупмента в ядре, формируются новые кластеры ввода жилья в Новоселье, микрорайоне «Солнечный город», на территориях вблизи Пулковского шоссе, т.е. на юге агломерации. Данный рост в целом сходится с обозначенным стратегическим направлением перехода от застройки приядерной зоны преимущественно на севере города, к застройке ближних пригородов юга. Однако при детальном рассмотрении по поясам и секторам агломерации видно, что приядерный пояс опережает пояс ближних пригородов практически в 2 раза и при этом в динамике нет изменения тренда. С учётом значительного ввода жилья в ядре агломерации, следует говорить о глобальном доминировании процесса уплотнения и роста города. При этом отсутствует тренд и в переходе к преимущественной застройке юга, вместо севера. Соответственно обозначенная стратегическое направление градостроительного направления практически не выполняется.

Благодарности – Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (проект № 23-27-00084 «Пространственная и функциональная структура крупнейшей городской агломераций России в условиях возросших геоэкономических рисков: новые подходы, инструментарий и рекомендации по совершенствованию»)

Список источников и литературы

1. Куричева Е. К., Куричев Н. К. Механизмы экстенсивного и интенсивного развития Московской агломерации на макро- и микроуровнях //Проблемы развития территории. – 2018. – №. 3 (95). – С. 90-106.
2. Косарева Н.Б., Полиди Т.Д., Пузанов А.С. Экономическая урбанизация — Москва: Фонд «Институт экономики города», 2018. — 418 с.
3. Florczyk A. J. et al. GHS Urban Centre Database 2015, multitemporal and multidimensional attributes, R2019A //European Commission, Joint Research Centre (JRC). – 2019.
4. Cities in the World: A New Perspective on Urbanisation Paris: OECD Urban Studies, 2020. 171 P.
5. Махрова А. Г. Особенности стадийного развития Московской городской агломерации //Вестник Московского университета. Серия 5. География. – 2014. – №. 4. – С. 10-16.
6. Куричев Н. К., Куричева Е. К. Пространственная структура жилищного строительства в Московской агломерации: радиально-секторальная дифференциация. Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле, 2020. Т. 65. №. 1. С. 74–95. DOI: 10.21638/spbu07.2020.105
7. Куричева Е. К. Жилищное строительство в Московской агломерации: пространственные последствия. Вестник Московского университета. Серия 5. География, 2017. №. 3. С. 87–90.
8. Лачининский, С. С., Логвинов, И. А. Васильева, В. А. «Оценка спрота городских территорий Санкт-Петербурга на основе спутниковых изображений Landsat», Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле, 68(3). – 2023. - doi: 10.21638/spbu07.2023.303.
9. Лапшина Е. М. Влияние редулоупмента промышленных зон на развитие строительства в Санкт-Петербурге, Многообразие городских миров: история, теория, практика, Сборник статей Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 90-летию со дня рождения профессора Е.Н. Перчика. Москва, 2021, С. 106-114
10. Концепция совместного градостроительного развития Санкт-Петербурга и территорий Ленинградской области (агломерации) на период до 2030 года с перспективой до 2050 года. Основные положения. Одобрены протоколом заседания Координационного совета Санкт-Петербурга и Ленинградской области в сфере социально-экономического развития от 11.07.2018 № 12.
11. Карта новостроек: Единая информационная система жилищного строительства [Электронный ресурс] – URL: <https://наш.дом.рф/сервисы/каталог-новостроек/список-объектов/карта> (дата обращения 10.08.2023)
12. QGIS: A Free and Open Source Geographic Information System [Электронный ресурс]. – URL: <https://qgis.org/en/site/> (дата обращения 10.08.2023)
13. Резников И. Л. Выявление границ Санкт-Петербургской городской агломерации //Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. – 2017. – №. 1. – С. 89-103.
14. Актуальная информация о перспективах намывных территорий Васильевского острова (часть 1 - Южный намыв) [Электронный ресурс] – URL: https://www.gov.spb.ru/gov/terr/reg_vasileost/news/242694/ (дата обращения 10.08.2023)

Логвинов Илья Александрович, студент, Институт наук о Земле, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: ilia.logvinov@yandex.ru

SPATIAL STRUCTURE OF CURRENT HOUSING CONSTRUCTION IN THE ST. PETERSBURG AGGLOMERATION

Logvinov I.A.¹

¹ St.-Petersburg State University, Institute of Earth Sciences, Universitetskaya emb., str. 7/9, 199034, St. Petersburg, Russia

Current housing construction in the St. Petersburg metropolitan area is considered. For this purpose, data from the catalog of new buildings of the DOM.RF, within the framework of the Unified Housing Construction Information System, which provides data on the most likely to be realized housing facilities. The proposed version of the data can be used in the study of other agglomerations of Russia. The obtained point data are aggregated by a grid of hexagons, belts and metropolitan area sectors. Well-established housing construction areas and new ones concentrating the main housing commissioning are designated. In the context of the differences in the agglomeration zones, the dominance of the agglomeration core leading to the densification of the development, as well as the satellite belt providing the expansion of the agglomeration core is indicated. At the same time, the share of the near suburbs is lower and is decreasing in dynamics. The most developed sector of the agglomeration is the north, to a lesser extent the south, and at the same time the share of the south in the dynamics is falling. Accordingly, there is no transition to the predominant development of the near suburbs of the south of the agglomeration due to medium- and low-rise construction, indicated in the concept of joint urban development of St. Petersburg and the Leningrad region.

Key words: spatial structure, housing construction, Unified information system of housing construction, St. Petersburg, metropolitan area

Logvinov Iliia Aleksandrovich, Master's student, Institute of Earth Sciences, St. Petersburg State University, e-mail: ilia.logvinov@yandex.ru

УДК 911.3:339.5 (575.1)

ПАНТЮРКИЗМ В РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЯХ: ИДЕОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ, ВЛИЯНИЕ НА СОВРЕМЕННОСТЬ

Мамедова Ш.А.¹

¹ Сибирский институт управления РАНХиГС при Президенте РФ, Новосибирск, Россия

В данной статье рассматривается видение автором событий, произошедших в российско-турецких отношениях, и насколько идеи пантюркизма актуальны в современной политике двух государств. Исторические основы пантюркизма как явления были заложены ещё в позднюю эпоху Османской империи, как одна из попыток объединить народы в государстве, находившемся на грани коллапса в связи с вмешательством ведущих держав, внутренних противоречий, а также постоянных восстаний покорённых народов. Пантюркизм — это идейное течение, конечной целью которого является создание Великого Турана под турецким господством. Основоположником пантюркизма выступал крымскотатарский просветитель Исмаил Гаспралы, понимавший пантюркизм как "единое культурное пространство между всеми тюркоязычными народами". И. Гаспралы дал толчок в движении к сохранению самобытности народов, населявших территории от Восточной Европы до пространств Дальнего Востока. Но позднее его идеи были взяты на вооружение властными кругами Елисаветинской Порты и зарождавшимся реформистским движением младотурков. Отдельные элементы данного идеологического явления можно проследить и в политике современной Турецкой Республики.

ВВЕДЕНИЕ. Тема пантюркизма остается актуальной в российско-турецких отношениях. Пантюркизм — это идеологическое движение, которое привержено идее единого тюркского народа, включающего в себя всех тюркских народов, включая турок и татар, уйгуров и казахов, азербайджанцев и туркмен и др. В своей основе пантюркизм утверждает их общность, сходство и общую историческую предысторию.

Россия и Турция традиционно имели длительные и сложные отношения друг с другом. В течение их истории две страны соперничали и сталкивались на политическом, территориальном и идеологическом уровне. Пантюркизм стал одной из проблем, с которыми сталкивались обе страны в прошлом и продолжают сталкиваться и сегодня.

Для Турции пантюркизм является важной составляющей национальной идентичности и государственной политики. Она поддерживает культурные связи, инвестиции и политические контакты с другими тюркскими странами. В свое время пантюркизм влиял на политику Турции в отношении Крыма и является одной из причин, почему она продолжает поддерживать крымский кризис и украинский конфликт.

Для России пантюркизм воспринимается как потенциальная угроза ее интересам в Центральной Азии и на Кавказе. Российская политика в этих регионах направлена на укрепление своего влияния и контроля над ними. Поэтому развитие пантюркизма может противоречить интересам России в этих регионах.

Тем не менее, российско-турецкое сотрудничество сегодня имеет свои положительные стороны. Обе страны являются важными торговыми партнерами и экономическими партнерами друг для друга. Они также имеют общие интересы в области безопасности и противодействия терроризму. Поэтому, несмотря на разногласия и опасения, проблема пантюркизма не является единственным аспектом в российско-турецких отношениях.

Пантюркизм - это идеология, основанная на идее единого тюркского народа и единстве всех тюркских народов. В российско-турецких отношениях пантюркизм имеет долгую и сложную историю.

Идея единства тюркского народа впервые появилась в конце XIX века в Российской империи. На территориях Кавказа и Центральной Азии, населенных тюркскими народами, возникли отдельные группы интеллигенции, которые начали пропагандировать идею об особой роли и значимости тюркских народов. Главной задачей пантюркистов было объединение всех тюркских народов в единую федерацию или государство.

Эта идеология нашла отклик в турецкой империи, где тюркский фактор также имел большое значение. Турецкое государство было весьма заинтересовано в привлечении тюркских народов, находящихся под влиянием Российской империи. В итоге, в начале XX века, российско-турецкие отношения стали сильно напряженными из-за пантюркистской пропаганды, поддерживаемой Турцией.

Одним из наиболее ярких примеров проявления пантюркизма в российско-турецких отношениях была Турецкая национальная революция 1905 года в Крыму. Это восстание татар, целью которого была создание независимого тюркского государства. Российские власти пресекли это восстание, но оно подняло волну национализма и раздоров между российским и тюркским населением.

В отношениях между Россией и Турцией пантюркизм играл важную роль в различных периодах истории. В период 1905–1906 годов, например, Турция предоставила поддержку борьбе армянских повстанцев на Кавказе, которые стремились создать независимое государство с участием армянского населения в Российской империи. Также пантюркистское движение воспринималось в СССР как угроза национальной безопасности, что привело к притеснениям и репрессиям против тюркских народов, живших на его территории.

В конце XIX и начале XX века, когда Российская империя и Османская империя находились в периоде территориальных расширений и конфликтов, пантюркизм встал на передний план. Он представлял собой попытку объединить орды, кочевников и другие тюркские народы Российской империи с тюрками Османской империи против общего врага - России.

Основная идея пантюркизма заключалась в создании Великого Тюркского Государства, которое объединит все тюркские народы от Каспийского моря до Средиземного моря. В итоге этот идеологический подход не смог реализоваться в полной мере. Несмотря на некоторые успехи пантюркистского движения, таких как формирование Турецкой республики в 1923 году, а также восстановление независимости других тюркских государств, например Азербайджана, на практике тюркские народы были разделены различными границами и влиянием других держав. С течением времени пантюркизм потерял влияние, и российско-турецкие отношения стали более уравновешенными. После распада Советского Союза и установления дипломатических отношений между Россией и Турцией, эти две страны начали развивать сотрудничество по ряду вопросов, несмотря на исторические разногласия.

Пантюркизм в российско-турецких отношениях имел свое влияние в прошлом, но сегодня его роль и значение сильно уменьшились.

В более современных исторических периодах, особенно в послевоенные годы, отношения между Россией и Турцией стали более прогрессивными и мирными. Обе стороны решили сотрудничать в различных областях, включая экономику, культуру и политику. Основные конфликты были разрешены дипломатическими путями, и оба государства стремились поддерживать стабильность в регионе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пантюркизм - это идеология, которая выделяет культурно-этническую общность между тюркскими народами и стремится к их политическому и культурному объединению в одно государство или конфедерацию. Влияние пантюркизма на современные российско-турецкие отношения можно рассмотреть с нескольких точек зрения.

Во-первых, исторические связи между российскими и тюркскими народами отражаются на современных отношениях. Российская империя и Османская империя были соседями и

фактическими конкурентами в своей экспансии на Кавказе, в Центральной Азии и на Балканах. В прошлом эти две империи вели сражения друг с другом и имели противоречия в интересах. Эти исторические конфликты могут влиять на современные российско-турецкие отношения. Во-вторых, пантюркизм может оказывать влияние на внутреннюю политику России и Турции. В России есть тюркские народы, такие как татары, башкиры и другие, и пантюркистский национализм может иметь своих сторонников среди них. Например, татарские политики в России могут высказывать заявления в поддержку тюркских народов и брать на себя роль посредников в российско-турецких отношениях. В Турции тоже есть политики, которые агитируют за пантюркизм и поддерживают отношения с тюркскими народами в других странах. Это может вызывать напряжение в российско-турецких отношениях, особенно если политики с подобными взглядами занимают влиятельные должности. В-третьих, пантюркизм может быть инструментом геополитических стратегий в регионе. Россия и Турция являются ключевыми игроками на Ближнем Востоке и кавказском регионе. Идея объединения тюркских народов может быть использована для укрепления влияния в этом регионе. Например, Турция может использовать свои связи с тюркским населением Крыма для поддержания своего влияния в этом регионе, в то время как Россия может работать с тюркскими народами Центральной Азии для укрепления своего влияния в этом регионе. В целом, пантюркизм продолжает оказывать влияние на российско-турецкие отношения в современности через исторические связи, внутреннюю политику и геополитические стратегии. Однако, с учетом сложности и разнообразия интересов.

Список источников и литературы

1. Аватков В. А., Гудев П. А. Геополитика российско-турецких отношений в черноморском регионе // Вестник РУДН. Серия: Политология, №3, с. 3-5 с, 2021.
2. Аршакян Г. М., Сафарян А. В. К вопросу о характере и динамике развития российско-турецких отношений в постсоветский период // Россия и мир: научный диалог, N 1(7), С. 40-53, 2020.
3. Возможности и ограничения Турции как посредника в российско-украинских переговорах. URL: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/Articles/2022/PravoVek-032022-Rustamova.pdf>.
4. Графов Д. Б. Стратегия балансирования во внешней политике Турции // Вестник МГИМО, №3, 18-21 с, 2022.
5. Зеленева И. В., Савкина Е. А. Факторы, влияющие на российско-турецкие отношения в энергетической сфере на современном этапе // Актуальные проблемы мировой политики, СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, С. 323-336, 2020.
6. Образ России в Турции. Историческое развитие и современное состояние: монография. – М.: Институт Наследия, 234 с. URL: <https://heritage-institute.ru/wp-content/uploads/2019/05/obraz-rossii-v-turtsii.pdf>, 2019.
7. Российско-турецкие отношения после 2015 г.: новые тренды, старые дилеммы. <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/522695734.pdf>.
8. Шлыков П.В. Турецкий культбит // Россия в глобальной политике, Т. 21, № 3, С. 142–159, 2023.

Мамедова Шамс Алигулueвна, студент, Сибирский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (СИУ РАНХиГС), Новосибирск, Россия, e-mail: shamsik_01@bk.ru

PAN-TURKISM IN RUSSIAN-TUOEC RELATIONS: IDEOLOGY, HISTORY, INFLUENCE ON MODERNITY

Mamedova Sh. A.¹

¹ Siberian Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (SIU RANEPА), Novosibirsk, Russia

This article examines the author's vision of the events that took place in Russian-Turkish relations, and to what extent the ideas of pan-Turkism are relevant in the modern politics of the two states. The historical foundations of pan-Turkism as a phenomenon were laid in the late era of the Ottoman Empire, as one of the attempts to unite the peoples in a state that was on the verge of collapse due to the interference of the leading powers, internal contradictions, as well as constant uprisings of the conquered peoples. Pan-Turkism is an ideological movement, the ultimate goal of which is the creation of a Great Turan under Turkish domination. The founder of pan-Turkism was the Crimean Tatar enlightener Ismail Gasprali, who understood pan-Turkism as "a single cultural space between all Turkic-speaking peoples." I. Gasprali gave an impetus to the movement to preserve the identity of the peoples who inhabited the territories from Eastern Europe to the Far East. But later his ideas were taken up by the power circles of the Sublime Porte and the nascent reformist movement of the Young Turks. Certain elements of this ideological phenomenon can be traced in the policy of the modern Republic of Turkey.

Mamedova Shams Aliguluevna, Student, Siberian Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (SIU RANEPА), Novosibirsk, Russia, e-mail: shamsik_01@bk.ru

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ВЗАИМОСВЯЗАННОСТЬ ВЕДУЩИХ СТРАН МАКРОРЕГИОНОВ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

Махновский Д.Е.¹

¹ Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

Статья посвящена сравнительной характеристике внешнеэкономической взаимосвязанности экономик ведущих стран цивилизационных макрорегионов Западной Европы и Евразии в 2000-2021 гг. В работе на базе современной статистической информации с использованием статистических, сравнительного методов исследования в страновом и региональном разрезе выявлены противоречивые тенденции развития внешнеторговых связей, часть из которых отражает глобализационные процессы, другая - процессы регионализации.

Ключевые слова: внешнеторговые связи, многополярный мир, цивилизационный макрорегион, Западная Европа, Евразия.

В начале XXI в. продолжались глубокие изменения в расстановке сил на глобальной политической арене и в системе мирового хозяйства. Введённая в действие в марте 2023 г. новая концепция внешней политики Российской Федерации отражает эти изменения и современные реалии положения страны в контексте очередного этапа переустройства мирового порядка [1]. Констатируется формирование региональных и трансрегиональных механизмов экономической интеграции и взаимодействия в различных сферах, создание разноформатных партнёрств для решения общих проблем. Одним из наиболее привлекательных направлений переустройства системы международных отношений рассматривается концепция «многополярного мира».

Особую заинтересованность в формировании нового порядка международных отношений проявляют крупные среднеразвитые страны достигшие по абсолютным показателям своего развития уровней, характерных для ведущих капиталистических стран, располагающие влиянием и пользующиеся авторитетом на региональном и мировом уровнях. В отношениях со странами развитого капитализма крупные среднеразвитые государства по прежнему не равноправны, рассматриваются как объекты внешнеэкономического и политического влияния и часто по инерции упоминаются как страны «третьего мира».

Модель многополярного мира является весьма привлекательной. Она формирует иллюзию возможности компромисса - сохранения плюсов и отказа от минусов правлиберальной глобальной мира [2]. В ходе «оформления» полюсов макрорегионов, а в более отдалённой перспективе - панрегионов ожидается усиление конкурентной борьбы за «передел» рыночного пространства.

Установление нового баланса сил на мировой арене, новой модели мироустройства проходит в очном соревновании, противостоянии мега- и макрорегиональных культурно-цивилизационных сообществ, а также их лидеров – ведущих стран-представителей. В этом противоборстве решающую роль играют геоэкономическая, геополитическая и военная мощь государства. Определение мощи государства имеет системный характер и включает (в самом общем виде) военно-политическую, идеологическую, экономическую, демографическую, природно-ресурсную, научно-техническую и инновационную составляющие, опирающиеся на естественные предпосылки развития и своеобразные историко-культурные традиции.

Соотношение факторов, определяющих роль, место страны в мировом сообществе, не постоянно. Соответственно динамична система оценок - критерии великих держав менялись со временем. Если изначально основное внимание уделялось военной силе, то позднее всё большее внимание стали уделять «мягкой» силе - экономическому и научно-техническому потенциалам государства, его «морально-политическому авторитету» [3]. В эпоху глобализации и усиления геополитической конкуренции инструментарий «мягкой» силы стал рассматриваться политиками и теоретиками в качестве важнейшего ресурса внешнеполитической мощи страны,

претендующей на статус мирового центра, современной великой державы. Особенности мягкой силы в эпоху глобализации - перенос акцента с продвижения национальных интересов государства в пользу интересов коалиций, союзов, ТНК (ТНБ), финансово-информационных сетевых структур и т.д. Однако в последние годы накопление трудностей и противоречий мирового развития вызывает повышенное внимание к организационной составляющей процесса, ведёт к усилению роли государства, более активному использованию инструментов «жесткой» силы.

Тем не менее в долгосрочной перспективе исход противоборства двух концепций – однополярного и многополярного миров будет определяться преимущественно способностью государств и их группировок (в т.ч. – культурно-цивилизационных) генерировать и эффективно применять «мягкую» силу. Требуется совершенствовать соответствующий оценочный инструментарий. В качестве примера исследования изменений экономической взаимосвязанности ведущих государств макрорегионов мира, выделенных с использованием цивилизационного подхода, рассматривалось положение двух из них: Евразии и Западной Европы в важной сфере «мягкой» силы - внешнеторговой деятельности. Период наблюдений охватывал 2000-2021 гг., в пределах которого расчёты проводились в рамках временных интервалов 2000-2008 гг. (время быстрого развития процессов глобализации), 2008-2018 гг. (кризисный и восстановительный период в экономике) и 2018-2021 гг. (вхождение в новый кризисный этап развития).

Географически макрорегион Западной Европы определялся как группировка «старых» капиталистических государств зарубежной Европы, Евразия - как совокупность бывших республик СССР за исключением нынешних стран Балтии. Внутри каждого макрорегиона были выделены группы наиболее крупных и влиятельных с позиций экономики «стран-ядер» (аккумулировавших в совокупности не менее 60% производимого макрорегионом ВВП (по ППС)) - основные объекты исследования. Хозяйственная целостность, устойчивость развития макрорегионов рассматривалась как функция степени вовлечённости этих стран во внутрирегиональные торговые отношения. В составе Западной Европы рассматриваемым критериям удовлетворяли 4 страны - Германия, Франция, Италия и Великобритания, на которые приходилось в 2021 г. 62,9% производства ВВП макрорегиона. В составе Евразии достаточно выделить 3 страны - Россию, Украину и Казахстан (85,4%). Несмотря на исторически более высокую степень консолидации (моноцентричности) Евразийского пространства под эгидой России за рассматриваемый период 2000-2021 гг. доля 3-х «стран-ядер» по данному показателю немного снизилась с 86 до 85%, в то время как в Западной Европе снижение было гораздо ощутимее с 67 до 63%. В обоих регионах наблюдалось нарастание центробежных тенденций в отношениях между странами-лидерами, но в Евразии этот процесс принял более острый характер.

Ниже в таблицах 1 и 2 приведены результаты оценки объёмов внешнеторговой деятельности. Общие тенденции имеют сходный характер. Последовательное и неуклонное снижение удельного веса ведущих стран Западной Европы наблюдается как в структуре мирового товарооборота (падение с 21 до 15%), так и внутрирегионального (с 57 до 52%). Более заметному падению доли во внутрирегиональном товарообороте препятствовала система преференций ЕС.

Таблица 1 - Доля отдельных стран Западной Европы в мировом товарообороте, %

Показатель	Доля отдельных стран (регионов) в мировом товарообороте, %			
	2000 г.	2008 г.	2018 г.	2021 г.
Западная Европа	37,27	35,28	30,64	29,65
- Великобритания	4,82	3,56	3,03	2,53
- Германия	8,03	8,01	7,26	7,01
- Италия	3,56	3,48	2,82	2,79
- Франция	4,80	4,13	3,39	3,13
Доля 4-х стран в товарообороте макрорегиона	56,90	54,40	53,85	52,15
Доля 4-х стран в мировом товарообороте	21,21	19,19	16,50	15,46

Рассчитано по [4, 5]

Таблица 2 - Доля отдельных стран Евразии в мировом товарообороте, %

Показатель	Доля отдельных стран (регионов) в мировом товарообороте, %			
	2000 г.	2008 г.	2018 г.	2021 г.
Евразия	1,78	3,79	2,75	2,85
- Казахстан	0,11	0,29	0,23	0,24
- Россия	1,22	2,44	1,77	1,79
- Украина	0,22	0,54	0,29	0,33
Доля 3-х стран в товарообороте макрорегиона	86,97	86,12	83,48	82,85
Доля 3-х стран в мировом товарообороте	1,55	3,26	2,29	2,36

Рассчитано по [4, 5]

В Евразии бурный рост уровня внешнего товарооборота стран-лидеров в 2000-2008 гг. сменился довольно глубоким падением в последующем. Не столь заметно, но в течение всего периода наблюдалось уменьшение удельного веса 3-х стран в совокупном внешнеторговом обороте всех государств макрорегиона (с 87 до 83%).

Относительную интенсивность развития сферы внешнеэкономических связей можно оценить с помощью показателя совокупной внешнеторговой квоты стран макрорегионов (таблица 3). Видно, что в обоих макрорегионах после заметного подъема в 2000-2008 гг. последовал спад с дальнейшей стабилизацией значения показателя. Для стран Евразии спад оказался намного глубже в связи с более значительной коррекцией мировых цен на основные экспортные товары. Оценка общей динамики значений индикатора для этого макрорегиона была менее благоприятной, чем для Западной Европы: по ведущим странам произошёл «откат» до низких уровней 2000 г. Приходится также учитывать сохраняющуюся относительно невысокой - около 57% внешнеторговую квоту 3-х стран Евразии. Однако на фоне отрицательной динамики данного показателя (падение с 85 до 83% за 2000-2021 гг.) по 35 учитываемым нами ведущим (в своих макрорегионах) экономикам мира это не выглядит особенным. Примечательна общая для ведущих стран мировая тенденция не к увеличению, а к снижению совокупной квоты, что в большей степени характерно для процессов регионализации на макроуровне.

Таблица 3 - Внешнеторговые квоты стран макрорегионов Западной Европы и Евразии, %

Показатель	2000 г.	2008 г.	2018 г.	2021 г.
Внешнеторговая квота 4 стран Западной Европы, %	151,2	165,5	159,6	157,8
Внешнеторговая квота всех стран Западной Европы, %	176,8	194,0	191,0	193,7
Внешнеторговая квота 3 стран Евразии, %	57,7	76,1	56,8	57,1
Внешнеторговая квота всех стран Евразии, %	57,0	77,2	58,6	59,4
Внешнеторговая квота 35 ведущих стран мира, %	85,23	83,44	83,82	82,71

Рассчитано по [4, 5, 6]

Для выявления степени «подготовленности» стран-лидеров к выполнению ответственных функций по управлению (координации) хозяйственной деятельности макрорегионов в период предполагаемого перехода к «многополярному» миру целесообразно выявить насколько эти ведущие государства ориентированы во внешней торговле на страны «своего» макрорегиона. В таблицах 4 и 5 рассматривается динамика доли внутрирегиональной составляющей внешней торговли ведущих стран соответствующих макрорегионов.

Таблица 4 - Доля внутрирегиональной составляющей ведущих стран макрорегиона Западной Европы в их внешнем товарообороте, %

Показатель	Доля внутрирегиональной составляющей ведущих стран макрорегиона в их внешнем товарообороте, %			
	2000 г.	2008 г.	2018 г.	2021 г.
Западная Европа				
- Великобритания	57,53	56,39	52,17	49,54
- Германия	61,42	57,46	51,85	51,01
- Италия	60,31	53,25	52,13	52,33
- Франция	68,92	65,56	61,70	62,04
Доля внутрирегионального товарооборота 4-х стран в общем товарообороте макрорегиона, %	35,30	31,68	29,07	27,77
Доля внутрирегионального товарооборота 4-х стран в общем мировом товарообороте, %	13,16	11,18	8,91	8,23

Рассчитано по [4, 5]

Таблица 5 - Доля внутрирегиональной составляющей ведущих стран макрорегиона Евразии в их внешнем товарообороте, %

Показатель	Доля внутрирегиональной составляющей ведущих стран макрорегиона в их внешнем товарообороте, %			
	2000 г.	2008 г.	2018 г.	2021 г.
Евразия				
- Казахстан	38,63	28,58	27,83	29,38
- Россия	19,23	14,51	11,90	12,52
- Украина	43,01	37,95	19,78	14,80
Доля внутрирегионального товарооборота 3-х стран в общем товарообороте макрорегиона, %	20,87	16,88	12,12	12,06
Доля внутрирегионального товарооборота 3-х стран в общем мировом товарообороте, %	0,37	0,64	0,33	0,34

Рассчитано по [4, 5]

Данный индикатор позволяет оценить в какой степени ведущие страны ориентированы на обслуживание местного макрорегионального рынка, а также определить насколько значима в совокупном внешнеторговом обороте стран макрорегионов суммарная доля государств-лидеров. Доля внутрирегионального товарооборота 4-х ведущих стран Западной Европы в её общем товарообороте за рассматриваемый период непрерывно снижалась с 35,3 до 27,8%, что объективно свидетельствовало о снижении возможностей контроля этих стран за макрорегиональным рынком и активном формировании новых торговых связей, выходящих за его пределы. На страновом уровне по прежнему повышенной внутрирегиональной ориентацией торговли отличалась Франция (62%), а пониженной Великобритания (менее 50%). По всем ведущим странам в 2000-2021 гг. показатель непрерывно падал. Во многом сходным по своей динамике образом, но при гораздо более низкой степени контроля за макрорегиональным рынком, развивалась обстановка в Евразии. Было зафиксировано падение внутрирегионального товарооборота 3-х ведущих стран в общем товарообороте макрорегиона с 21 до 12%. У России показатель снизился в 2000-2018 г. с 19 до 12%. Затем к 2021 г. был зафиксирован небольшой рост до 13%. Наиболее ориентированным на Евразийский рынок был Казахстан (39 в 2000 г. и 29% в 2021 г.).

Представление о том, насколько глубоко страны и регионы оказались вовлечёнными в процессе экономической глобализации в цепочки международных поставок дают современные исследования нескольких международных организаций среди которых наиболее полным охватом стран (190) выделяется UNCTAD [7]. На основе результатов анализа данных по экспортным поставкам добавленной стоимости ведущих стран исследуемых нами макрорегионов (таблица 6) можно сделать вывод о продолжавшемся (по крайней мере до 2020 г.) процессе углубления международной товарной кооперации, затронувшем практически все макрорегионы мира. По 4 странам Западной Европы участие иностранной составляющей в экспорте добавленной стоимости выросло с 28 до 30%. Несколько медленнее (с 34 до 35%) увеличивалась доля этой составляющей в Евразии. На уровне 35 ведущих государств мирового сообщества произошло более осязаемое относительное увеличение показателя с 26 до 28%. Интересно отметить, что страны Евразии, специализировавшиеся на вывозе преимущественно местной сырьевой продукции, имели по оценкам UNCTAD удельный вес иностранной составляющей в экспорте добавленной стоимости, превышавший аналогичный по группе тесно скооперированных между собой «несырьевых» государств Западной Европы.

Дополнительно нами были определены доли взаимного по группам ведущих стран суммарного экспорта добавленной стоимости в общем экспорте добавленной стоимости этих же стран. Здесь результаты далеко не столь однозначно свидетельствовали о консолидации торговой деятельности внутри макрорегионов. Скорее наоборот имела место пространственная диверсификация связей, в том числе с выходом за пределы соответствующих макрорегионов, что хорошо корреспондировало с процессом глобализации. Так, по Западной Европе данный показатель снизился в 2000-2021 гг. с 8 до 6%, что до сих пор на фоне соответствующих данных по 35 ведущим странам мира (5 и 3%) может рассматриваться как очень высокая степень внутренней взаимосвязанности «государств-ядер». С другой стороны наблюдался рост (с 2 до 3%) значения индикатора в Евразии, вплотную приблизившегося к среднему мировому, что вполне определённо показывало тенденцию укрепления взаимных связей на макрорегиональном уровне.

Таблица 6 - Доля иностранной составляющей в экспорте добавленной стоимости стран макрорегиона, %

Показатель	Доля иностранной составляющей в экспорте добавленной стоимости ведущих стран региона, %		Доля взаимной иностранной составляющей экспорта добавленной стоимости ведущих стран региона в экспорте добавленной стоимости ведущих стран региона, %		Уровень доли иностранной составляющей в экспорте добавленной стоимости региона, 2000 г. - 100%	
					по всем странам	по ведущим странам суммарно
	2000 г.	2021 г.	2000 г.	2021 г.	2021 г.	2021 г.
Западная Европа (4 страны)	27,88	29,69	8,38	6,48	106,5	77,3
Евразия (3 страны)	32,93	33,78	2,11	3,35	102,6	159,1
Мир (35 стран)	25,81	28,21	5,42	3,44	109,3	63,4

Рассчитано по [7]

Таким образом, неравномерность экономического развития периодически вызывает необходимость переустройства системы международных отношений. Одной из наиболее вероятных к реализации и привлекательных концепций нового мироустройства является «многополярный мир». Успешность реализации данной концепции во многом определяется наличием определённого количества стран-лидеров, располагающих достаточным социально-экономическим потенциалом и способных самостоятельно, либо в координации с соседними государствами обеспечивать эффективное, сбалансированное развитие возглавляемого ими

макрорегиона. Одним из ключевых критериев «готовности» к реализации концепции является степень внешнеэкономической взаимосвязанности ведущих стран макрорегионов многополярного мира. На примере исследования макрорегионов Западной Европы и Евразии в период 2000–2021 гг. показано, что движение к «многополярности» в международной торговле сочетает в себе элементы и глобализации, и регионализации. В частности, как тенденцию глобализации и/или внутренней децентрализации можно рассматривать непрерывное снижение доли стран-лидеров в общем зарубежном товарообороте государств макрорегионов, а также уменьшение доли внутрирегиональной составляющей ведущих стран макрорегионов в их внешнем товарообороте. С другой стороны, стабилизация или уменьшение внешнеторговых квот стран макрорегионов (Евразия и некоторые другие) означает их сосредоточение на развитии внутренних рынков. Увеличение доли иностранной составляющей в экспорте добавленной стоимости ведущих стран исследуемых макрорегионов вероятнее всего свидетельствует о продвижении процесса глобализации. Для формирующегося макрорегиона Евразии значительную проблему составляет низкая и снижавшаяся все последние десятилетия доля внутрирегиональной составляющей, входящих в неё стран, в их внешнем товарообороте. Сдерживает интеграционные процессы также относительно низкая внешнеторговая квота экономики.

Список источников и литературы

1. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путным 31 марта 2023 г.) - Министерство иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения 7.08.2023).
2. Очерк о Многополярном мире (25.05.2023) | ГЕОСТРАТЕГ | Дзен [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dzen.ru/a/ZG84ryjgaj5a2RFw> (дата обращения 4.08.2023).
3. Лукашук, И.И. Международное право. Общая часть: учебник. Изд. 3-е / И.И. Лукашук. - М. : Волтерс Клувер, 2005. - 415 с.
4. Trade of Goods - IMF Data [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://data.imf.org/regular.aspx?key=61545859> (дата обращения 2.08.2023).
5. WTO | International trade and tariff data [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/merch_trade_stat_e.htm (дата обращения 14.08.2023).
6. World bank. Database. – Режим доступа: <https://datacatalog.worldbank.org/dataset/world-development-indicators> (дата обращения 9.06.2023 г.).
7. UNCTAD-Eora GVC Database [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://worldmrio.com/unctadgvc/> (дата обращения 16.08.2023).

Махновский Дмитрий Евгеньевич; к. экон. н.; доцент кафедры региональной экономики и природопользования Санкт-Петербургского государственного экономического университета; e-mail: dmahnovskiy-62@mail.ru

FOREIGN ECONOMIC INTERNATIONALITY OF THE LEADING COUNTRIES OF MACROREGIONS OF THE MULTIPOLAR WORLD

Makhnovsky D.E.¹

¹ St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

The article is devoted to the comparative characteristics of the foreign economic interconnectedness of the economies of the leading countries of the civilizational macro-regions of Western Europe and Eurasia in 2000–2021. In the work, on the basis of modern statistical information using statistical, comparative research methods in the country and regional terms, contradictory trends in the development of foreign trade relations are revealed, some of which reflect globalization processes, the other - the processes of regionalization.

Key words: foreign trade relations, multipolar world, civilizational macroregion, Western Europe, Eurasia.

Makhnovsky Dmitry Evgenievich, Candidate of Economic Sciences; Associate Professor, Department of Regional Economics and Environmental Management, St. Petersburg State University of Economics; e-mail: dmahnovskiy-62@mail.ru

УДК 339.5, 339.9

ВОСТОЧНОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ: НОВЫЕ И СТАРЫЕ ПОДХОДЫ

Михеева Н.М.^{1,2}

¹ Санкт-Петербургский Государственный Университет, Санкт-Петербург, Россия

² Северо-Западный Институт Управления Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы, Санкт-Петербург, Россия

В статье рассматриваются сходства и различия подходов к Восточному Средиземноморью как региону с собственной геополитической идентичностью. Идентичность Восточного Средиземноморья как геополитического региона основывается на традиционных комплексах противоречий между Грецией, Турцией и Республикой Кипр, которые сформировались в постколониальный период, а истоки их связаны с особенностями исторического развития региона: формированием и распадом систем государств, религиозных и этнических общностей. Важной составляющей идентичности региона является важное геостратегическое значение территорий при развитии морского сообщения Европы, Азии и государств северной Африки. В современных геоэкономических условиях традиционные комплексы проблем между государствами обострились, что связано с разработкой углеводородов в восточной части Средиземного моря, проблемами контроля над морскими акваториями, развития транспортно-логистических систем. Все это в совокупности привело к вовлечению конфликты новых участников, в том числе и государства, и значительному расширению географических границ региона, появлению новых пространств споров и противоборств.

Ключевые слова: Восточное Средиземноморье, геополитический регион, Греция, Турция. Кипр, конфликты Восточного Средиземноморья

Введение. Исторически регион Восточного Средиземноморья (ВС) отличался высокой динамикой развития экономических, политических, религиозных и культурных связей; различными формами сотрудничества и значительным разнообразием разногласий между народами и государствами. При этом расцвет и упадок крупных влиятельных государственных образований, существовавших в регионе в различные исторические периоды (Финикии, Египта, Палестины, Древней Греции, Римской империи, Османской империи и ряда других) традиционно оказывали влияние на политические, экономические, социально-культурные, религиозные процессы региона и далеко за его пределами: Европу, Западную Азию, Северную Африку. Центральную роль в формировании региона ВС традиционно играло обширное морское пространство, которое связывало мореплавателей, население не только прибрежных территорий, но и народы и этносы, населяющие внутренние районы Африки, Азии и Европы. Большая часть истории этого взаимодействия связана с крупными портовыми городами, возникшими вдоль берегов Средиземного моря: Александрией, Мерсином, Пиреем Беирутом, Измиром, Салониками, Стамбулом. Исторически эти портовые города были больше, чем просто центры торговли и путешествий, они долгое время ассоциировались с восточно-средиземноморской культурой, сочетающей в себе восточные и западные влияния, отраженные в кулинарных предпочтениях народов региона, образе жизни, особенностях ведения бизнеса и многом другом. В работах историков, занимающихся античным периодом и ранним средневековьем это хорошо отражено.

Несмотря на то, что центры торгово-экономических, политических и др. видов контактов после открытий Х. Колумба и Васко да Гамы сместились значительно западнее для представителей западной цивилизации (самой активной): к южно-американским берегам, в Гвинейский залив, а также к побережьям полуострова Индостан и о. Ява, регион не утратил свое влияние, а в период расцвета Османской империи – влияние ВС на соседние регионы, особенно на Европу, усилилось. Строительство Суэцкого канала, агрессивная колониальная политика европейских государств в последней четверти XIX века оказали исторически предопределяющее влияние на формирование и развитие системы государств в регионе, сформировали, существующие и по сей день, особенности сотрудничества и противоборства между государствами региона, этносами и народами его населяющими. Это отразилось на одной из характерных особенностей ВС – существование различных комплексов противоречий между государственными и негосударственными акторами региона. ВС никогда не теряло статуса ключевого региона как геополитической точки опоры, лежащей на пересечении с Европой, Африкой и Азией, а также в качестве морского прохода к другим полузакрытым морям, таким как Эгейское и Черное моря [1]. Со времен распада Османской империи и по сегодняшний день

особую роль играют внешние по отношению к региону силы. Традиционно это мировые лидеры США, СССР (в период bipolarности), ЕС, Франция. Сегодня к этому списку добавился Китай, который с начала 2000-х проявляет большой интерес к региону, но после событий арабской весны значительно снизил свою активность, и лишь в последние лет семь начал реализовывать свою восточно-средиземноморскую стратегию в ВС в рамках инициативы Пояса и Пути. Россия активно возвращается в регион, особенно после кампании в Сирии, рассматривая присутствие в ВС как фактор обеспечения собственной безопасности в широком смысле от военной до экономической и гуманитарной. По мнению А. Кортунова: «Москва, возможно, представлена в Средиземноморье и особенно в его восточной части даже лучше, чем был представлен Советский Союз на пике своего международного могущества», а «российское присутствие в Восточном Средиземноморье – можно рассматривать – как одно из самых впечатляющих и бесспорных личных внешнеполитических достижений В.Путина» [2]. Экономическая привлекательность региона в наши дни предопределила резко возросший интерес арабских монархий – ОАЭ, Катар, Кувейт и Ирана к нему.

Восточное Средиземноморье как геополитический регион. Большое влияние на формирование региона ВС в контексте современных политических процессов, а также существующих проблем контроля над геопространством и специфики внешнеполитических приоритетов ныне существующих государств оказал период распада Османской империи, политики Британии, Франции и Российской империи на рубеже XIX – XX вв., а в последствии стратегии США/НАТО и СССР регионе.

С большой долей уверенности можно утверждать, что как важный геостратегический регион в современном понимании ВС сформировалось под влиянием стремления Британии, и в значительно меньшей степени Франции, к контролю над Суэцким каналом, к созданию опорных морских военно-морских баз, связано со стремлением ведущих европейских держав к сдерживанию присутствия Российской империи/СССР. Безусловно, важное значение сыграли особенности колониальной и постколониальной политики Великобритании в регионе, основанной на принципе «разделяй и властвуй». Важным фактором стал комплекс противоречий по поводу контроля над территориями (преимущественно островными) и морскими пространствами между Грецией и Турцией, появившийся сразу же после окончательного распада Османской империи, в дальнейшем только усугубляющиеся. Третий фактор, давно ставший традиционным – это проблема Кипра. Начиная с 1950-х годов как отечественные, так и зарубежные исследователи сходятся во мнении, что именно эти три фактора стали системообразующими в формировании ВС как геополитического региона в новейшее время. [3,4,5,6,7]. На сегодняшний день влияние этих факторов не уменьшилось, появились новые их измерения, а также и новые проблемы в регионе.

Один из традиционных подходов к выделению ВС как геополитического региона - это сложившийся комплекс противоречий между Грецией и Турцией, начиная с завоевания независимости Греции в 30-е годы XIX в., подписания Лозанских соглашений в 1923 и получения Кипром независимости в 1960 и дальнейшей эскалацией конфликта вокруг острова. Вопросы, связанные с разделом островов в Эгейском море, выделением исключительных экономических зон вокруг них и вдоль побережья Кипра, принципиально разные позиции по урегулированию отношений между кипрскими общинами и развитию транспортно-логистических систем в регионе, как и ряд других греко-турецких противоречий формируют устойчивый конфликтный потенциал в данном геополитическом регионе. Характерной чертой региона является большая степень вовлечения третьих государств (США, Великобритания, СССР, Франция), а позднее и многосторонних объединений (НАТО, ЕС) в отношении в треугольнике Греция-Кипр-Турция. При этом активное участие Греции и Турции во внутривосточной ситуации на Кипре, приведшее к его разделу в 1974 г. и на сегодняшний день является триггером для осложнения греко-турецких отношений в различных сферах.

Значимое влияние на выделение ВС как региона с выраженной геополитической идентичностью всегда оказывал фактор контроля над Суэцким каналом, как важной транспортной магистралью и как следствием этого стремление ведущих мировых держав обеспечить непосредственное свое присутствие в нем (как это сделала Великобритания благодаря военно-морским базам на Кипре или США, путем членства Турции в НАТО) или оказывать влияние (от посредничества до военной поддержки) на конфликты в регионе. Арабо-израильский конфликт, конфликты в Ливане традиционно рассматривались исследователями как

отечественными, так и зарубежными как важные факторы, оказывающие влияние на регион. При этом Израиль, Палестину, Ливан как Египет и Сирию в контексте восточно-средиземноморских геополитических проблем анализировали редко.

Новые и старые конфликты в Восточном Средиземноморье как факторы определяющие регион. В первые десятилетия XXI в. произошли кардинальные изменения геополитический и геоэкономической ситуации в регионе. Из наиболее значимых стоит назвать очевидные изменения статуса Турции, связанные с укреплением ее позиций в регионе не только как регионального лидера, но и как эффективного посредника при урегулировании ряда геополитически значимых конфликтов (Сирийская проблема, иранская сделка и ряд других), российско-турецкое сближение, более независимая позиция Турции в евро-атлантических делах и в оценке событий арабо-израильского конфликта. Возросло геоэкономическое значение региона благодаря открытию и началу разработок уникальных углеводородных месторождений у побережий Кипра и Израиля, что обострило давно существующие проблемы делимитации морских пространств, поставило вопрос об эффективности сложившегося международно-правового режима управления морскими пространствами в условиях, когда значимая часть государств региона, претендующих на особые права по контролю над акваториями, не являются участниками Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (Турция, Сирия, Ливия, Израиль). К относительно новой проблематике региона относятся вопросы, связанные с развитием систем трубопроводов, ориентированных на обеспечение стран Европы углеводородами, при этом в последние три года приоритеты в этой сфере значительно поменялись. Например, страны ЕС на данный момент заявляют о падении интереса к поставкам энергоносителей из региона, при этом четко увязывая свои потребности с текущей политической ситуацией, кардинальным образом изменившейся после обострения конфликта на востоке Украины. В самом регионе довольно остро стоит проблема снабжения энергоносителями Ливана и здесь все пути поставок четко увязываются с политическими реалиями. Изменения географии миграционных потоков в регионе, возросшая их интенсивность привели к секьютизации всей миграционной проблематики. На это указываю как отечественные, так и зарубежные исследователи [2,8,9,10].

Можно выделить три группы традиционных для региона конфликтов, в современных политических реалиях, по новому формирующие его границы.

Первая - это группа конфликтов связана с правами на выделение морской двухсотмильной зоны. Традиционно самые большие противоречия были между Турцией и Грецией в этой сфере. Еще в 1950-х и 1970-х годах Греция и Турция расходились во мнениях по поводу разграничения морских зон, но в последнее время эти конфликты обострились. В 2019 г. Турция и Ливия не договорились о разделе морских зон влияния, подписав соглашение о разграничении морских зон для разработки энергетических ресурсов. Демаркация морских зон предоставила им исключительное право на разработку природных ресурсов в этих зонах. Права Греции и Кипра как и их интересы не были учтены. Греция и Кипр интерпретировали это, как факт, ущемления прав третьей стороны, поскольку в меморандуме говорится о морских зонах для Турции вблизи греческих островов Додеканес и Крит, которые Греция определяет как собственную исключительную экономическую зону.

Вторая - группа конфликтов связанная с вопросами о правах островов претендовать на исключительные экономические зоны вокруг них. У Турции и Греции по этому вопросу принципиально различные позиции. Особенно этот вопрос актуален в отношении островов Эгейского моря, поскольку многочисленные греческие острова расположены здесь недалеко от материковой части Турции. [11, 12]. Греция настаивает на том, что вокруг островов можно выделять особые морские зоны, в которых она имеет исключительные права на проведение разведки и добычи ресурсов. Турция выступает против этой точки зрения и утверждает, что греческие острова в восточной части Эгейского моря расположены на континентальном шельфе материковой части Анатолии, и это дает Турции право заниматься там разведкой и разработкой.

Третья группа связана с новым витком обострений отношений Республика Кипр -Турция по поводу разграничений акваторий вокруг острова Кипра, и обоснования прав двух общин: греков-киприотов и турок-киприотов на ведение экономической деятельности на шельфе. В 2011 году Турция заключила соглашение с представителями турок-киприотов и приступила к геологоразведочным работам. Соглашение предусматривало создание исключительной экономической зоны протяженностью 200 миль для Северного Кипра, что было истолковано как вмешательство во внутренние дела РК представителями греческой общины. Со стороны же

ТРСК и Турции в адрес Республики Кипр неоднократно следовали обвинения в использовании совместных богатств острова (месторождения углеводородов на шельфе в районе Фамагусты) в экономических интересах греческой общины острова.

Довольно новой тенденция для региона стало формирование конкурирующих альянсов - систем соглашений между государства, имеющими выход к восточной части Средиземноморья. Греция, Кипр, Израиль, Ливан и Египет демаркировали свои исключительные экономические зоны в 2010 году, исключив Турцию. Анкара осознала, что ее роль как энергетического хаба для транспортировки газа в Европу находится под угрозой, и заключила меморандум с Ливией, что позволило турецким морским силам действовать в ливийских водах и блокировать транспортировку газа по трубопроводу с Кипра в Европу (Меморандум о взаимопонимании между правительством Турецкой Республики и правительством национального согласия – Государством Ливия, 2019 г.). В 2020 г. Греция, Кипр, Израиль, Египет, Иордания и Палестина создали Газовый форум (EastMed) со штаб-квартирой в Каире, не пригласив туда Турцию. Интерес к форуму проявили внерегиональные акторы: Франция официально обратилась с просьбой о присоединении, а США объявили, что будут постоянным наблюдателем. Греция, Израиль и Кипр подписали совместное соглашение о запуске Восточно-Средиземноморского трубопровода для прокачки газа в Европу. В 2022 г. было подписано двустороннее соглашение о сотрудничестве в области обороны между Национальной гвардией Кипра и вооруженными силами Израиля.

На сегодняшний день, в систему как конфликтных отношений, так и сотрудничества в регионе вовлечено значительно большее число стран, нежели это было 10-15 лет назад. В этой связи интересным представляется вопрос о принципах выделения ВС как региона.

Географические рамки ВС. В этой связи вопросы о географических рамках геополитического региона ВС, особенностях систем геополитических отношений актуальны и очевидно требует новых подходов. Остается открытым вопрос и самом факте существования ВС как региона со своей собственной геополитической идентичностью. И здесь мнения специалистов в области политической географии и в сфере международных отношений расходятся. У полтгеографов не вызывает сомнений сам факт существования ВС как геополитического региона, в то время как у политологов-международников вопрос является ли ВС самостоятельным геополитическим регионом или это субрегион, входящий в Большое Средиземноморье, либо часть Ближнего Востока/Среднего Востока не имеет однозначного ответа. Из общих подходов в позициях всех исследователей можно отметить, что это мезорегион/субрегион/геополитический регион, представляющий пространственную границу, которого подвижны и во многом зависят от комплекса анализируемых геополитических противоречий.

Так один из подходов представляет И.Д. Звягельская в коллективной монографии «Борьба за Восточное Средиземноморье: интересы и амбиции» [8] Данная монография стала одной из первых попыток отечественных международников осмыслить ряд правовых, внешнеполитических и экономических аспектов международных отношений в районе восточного Средиземноморья. По мнению И.Д. Звягельской ВС является относительно новым геополитическим субрегионом [8, с.5], который на протяжении биполярного периода рассматривался как пространство, предоставляющее возможности глобальным державам обеспечивать важные стратегические интересы на Ближнем Востоке и за его пределами. По мнению автора, традиционно регион рассматривался как арена столкновений сфер влияния внешних сил, и не имел собственной геополитической идентичности, а представлял своеобразную буферную зону. Утверждение довольно спорное, но отражающее восприятие процессов и особенностей анализа пространства региона историками и международниками-политологами в постсоветский период.

В тоже время ряд зарубежных исследователей не сомневаются геополитической идентичности региона ВС, базирующейся на комплексе противоречий Греция-Турция-Кипр, в основе которых лежит стремление к контролю над геопространством. Многие авторы отмечают важность региона для системы взаимодействия НАТО и ЕС. Довольно традиционны являются подходы, базирующиеся на партнерствах, которые представлены в работах Я. Цитрас. Например, партнерские триады: Греция-Кипр-Израиль, Греция –Кипр-Египет [13]. И.Д. Звягельская же относит ВС к международно-политическому региону как региональной подсистеме межгосударственных отношений. Исследователь отмечает «недостаточную оформленность» региона и поднимает вопрос о включении ряда традиционных для Ближнего Востока конфликтов

– арабо-израильский, внутри сунитского ислама (Турция-Катар) и ряда других в пространстве ВС [8 с. 7]. Автор выделяет три фактора, определяющие регион с точки зрения международно-политических подходов: энергетический, проблемы безопасности и проблемы границ. В реалиях сегодняшних дней очевидно стоит добавить интенсивно формирующиеся системы соглашений между государствами, имеющими выход в восточной части Средиземноморья (Греция, Кипр, Израиль, Ливан и Египет – Турция; Турция и Ливия – Республика Кипр), что очевидно указывает на расширение границ региона.

В целом же можно отметить больше разнообразие подходов к принципам выделения региона/субрегиона ВС, явно объединяющего территории и пространства с общей геополитической идентичностью. Так Л. Долл определяет ВС как «буферный комплекс» (buffer subcomplex) между Европой и Ближним Востоком, видя именно в этом геополитическую идентичность региона. Данный подход базируется на теории регионального комплекса безопасности (РКБ), который Бузан и Вэвер определили как «совокупность акторов, процессы секьюритизации и десекуритизации которых настолько взаимосвязаны, что проблемы безопасности этих акторов нельзя анализировать или разрешить отдельно друг от друга» [14]. В.В. Наумкин опираясь на территориальный подход обращает внимание, что ВС - это субрегион. И трактует его как часть большего региона Средиземноморского. Восточная граница ВС не вызывает сомнений у автора, это «линия между собственно средиземноморскими странами и теми, что лежат от них к востоку», не уточняя насколько стоит удалиться на восток (Сирия и Иордания это еще восток средиземноморья, а Ирак – большой вопрос), западную границу региона автор проводит по границе между Ливией и Тунисом [8, с. 20]. Кипрский исследователь З. Циаррас объединяет ВС с Ближним Востоком и анализирует геополитические процессы в Middle East and Eastern Mediterranean area [13, p. 34]

Подход к ВС как геополитическому региону в рамках утвердившихся в современных политологических исследованиях, базирующихся на концепциях регионализма и транснационализма практически не применим. В рамках этих подходов «регион» рассматривается как совокупность территориальных интеграционных сообществ, защищающих свои интересы от соседних государств/пространств. В ВС ни влиятельные интеграционные объединения: ЕС, НАТО, Лига арабских государств, ТЮРКСОЙ, ни субрегиональные форматы: Союз для Средиземноморья, Средиземноморский союз не формируют целостно-обособленную систему отношений между государствами/территориями в регионе. ВС логичнее рассматривать как геополитический регион является очевидным примером «региона конфликтов» где основная система отношений по поводу контроля над геопространство традиционно носит конфликтный характер [15, с. 87].

Заключение. Особенностью современного региона ВС является огромное количество угроз, в современных политических и социально-экономических реалиях носящих гибридный характер: незаконная миграция, гражданские войны и конфликты, торговля людьми, терроризм и др. Современное ВС как геополитический регион включает значительно большее количество стран, народов, этносов, неправительственных авторов, нежели это было 10-15 лет назад. Возросшее влияние Турции в регионе, так же оказывает значимое вклинение на интенсивность появлению новых коалиций и групп по интересам, возможности существования которых раньше сложно было предположить. Только за последние шесть лет появились новые коалиции: Израиль-Турция, Израиль-Ливия, Израиль-Египет, Греция-Кипр; значительно возрос уровень взаимных претензий стран по вопросам контроля над шельфом, традиционными областями судоходства. Начало СВО, проводимой Россией, значительным образом обострило имеющиеся противоречия между странами. На первых порах было это связано с активизацией судоходства в регионе (в контексте развития параллельного импорта), позднее с трудностями, возникшими в сфере логистика. В новых геоэкономических и геополитических условиях обострились проблемы, связанные с неоправдавшимися ожиданиями Израиля и Кипра в том, что они станут значимыми поставщиками углеводородов в Европу, трудности развития газового хаба в Турции и ряд других проблем. Характерной современной чертой региона ВС является и то, что все проблемы региона увязываются с вопросами безопасности, секьютеризируются, что влечет за собой повышение уровня напряженности в регионе и обостряет имеющиеся комплексы противоречий в регионе.

Идентичность Восточного Средиземноморья как геополитического региона основывается на традиционных комплексах противоречий между Грецией, Турцией и

Республикой Кипр, которые сформировались в постколониальный период, а истоки их связаны с особенностями исторического развития региона: формирования и распада как систем государств, так и религиозных и этнических общностей. Важной составляющей идентичности региона является важное геостратегическое значение территорий при развитии морского сообщения Европы, Азии государств северной Африки. В современных геоэкономических условиях традиционные комплексы проблем между государствами обострились, что связано с разработкой углеводородов в восточной части Средиземного моря, проблемами контроля над морскими акваториями, развития транспортно-логистических систем. Все это в совокупности привело к вовлечению в конфликты новых участников, в том числе и государства, и значительному расширению географических границ региона, появлению новых пространств споров и противоборств.

Несмотря на то, что в современные исследования наблюдается большое разнообразие подходов к выделению ВС как геополитического региона, можно утверждать, что регион как система геополитических противоборств и сотрудничества существует и развивается, его географические рамки расширяются как на запад (Египет, Ливия), так и Восток (Сирия, Ливан, Израиль), увеличивается и количество сфер/пространств для взаимодействия. К традиционным пространствам соперничества за территории, акватории, аэротерии и системы торгово-экономических отношений, добавились противоречия в сфере добычи и транспортировки углеводородов, управления миграционными потоками, развития транспортно-логистических систем. В тоже время появились новые пространства стратегического сотрудничества. Отличительной чертой является и наличие очевидного лидера – Турции, оказывающей кардинальное влияние на трансформацию комплексов конфликтных отношений в ВС.

Список источников и литературы

1. Пощверия Б. М. Советско-турецкие отношения и проблема Проливов, в годы второй мировой войны и в послевоенные десятилетия // Россия и Черноморские проливы (XVIII – XX столетия). М., 1999
2. Кортунов А/ «Россия в Восточном Средиземноморье: искусство баланса»/аналитические статьи РСМД, 2021 URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-v-voostochnom-sredizemnomore-iskusstvo-balansa/> (дата обращения 10.12.2023)
3. Пощверия Б. М. Внешняя политика Турции после второй мировой войны. М., 1976
4. Пощверия Б. Внешняя политика Турции в 60-х - начале 80-х годов XX в. М., 1986
5. Шмаров В. Особенности политики империализма в Восточном Средиземноморье. М., 1982.
6. Шмаров В. Эгейский конфликт//Вопросы истории, 1979, №11;
7. Ахт, Н.-J. 2021. "Troubled Water in the Eastern Mediterranean. Turkey Challenges Greece and Cyprus Regarding Energy Resources." Comparative Southeast European Studies 69 (1): 133–52.10.1515/soeu-2021-2006)
8. Борьба за Восточное Средиземноморье: интересы и амбиции. Коллективная монография/Под. Ред. И.Д. Звягельской/ИМЭМО РАН. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2022. -288.
9. Korani B. Dctiding the (in) security Complex//A Geopolitical Sea: The New Scrambel for the Mediterranean/Ed. by G/ Dentice, V. Talbot. 2020, p 4-7
10. Stergiou A. Geopolitics and Energy in the Eastern Mediterranean: the Formation of New Alliances// the New Geopolitics, 2019, p.24-26.
11. (Под ред.) Большое Средиземноморье как формирующаяся подсистема международных отношений// под ред. Дегтерев Д.А., Агазаде М.М. м. Аспект-Пресс, 2023
12. Астапова, Е. В., Михеева Н.М. Участие ЕС в греко-турецких территориальных спорах в Эгейском море // Политическая география и геополитика в России: исторический опыт современность : материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения выдающегося российского географа В. П. Семёнова-Тян-Шанского, Санкт-Петербург, 08–09 апреля 2021 года. – Санкт-Петербург: ООО "Издательство ВВМ", 2021. – С. 705-716
13. Triarras Z. The New Geopolitics of the Eastern Mediterranean. Trilateral Partnership and Regional Security//The New Geopolitics, 2019, P.10-12.
14. Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
15. Елацков А.Б. «Территориально-политические и региональные геополитические системы: соотношение понятий» // Балтийский регион. 2012. № 1 (11). С.81–89.

Михеева Наталия Михайловна, кандидат политических наук, доцент кафедры региональной политики и политической географии Санкт-Петербургского государственного Университета, доцент кафедры международных отношений Северо-Западного Института Управления Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы, n.miheeva@spbu.ru

EASTERN MEDITERRANEAN: NEW AND OLD APPROACHES

The article discusses the similarities and differences in approaches to the Eastern Mediterranean as a region with its own geopolitical identity. The identity of the Eastern Mediterranean as a geopolitical region is based on traditional complexes of contradictions between Greece, Turkey and the Republic of Cyprus, which were formed in the post-colonial period, and their origins are associated with the peculiarities of the historical development of the region: the formation and collapse of systems of states, religious and ethnic communities. An important component of the region's identity is the important geostrategic importance of the territories in the development of maritime communication between Europe, Asia and North Africa. In modern geo-economic conditions, the traditional complexes of problems between states have become more acute, which is associated with the development of hydrocarbons in the eastern part of the Mediterranean Sea, the problems of control over sea areas, and the development of transport and logistics systems. All this together led to the involvement of new participants, including states, and a significant expansion of the geographical boundaries of the region, the emergence of new spaces of disputes and confrontations.

Key words: Eastern Mediterranean, geopolitical region, Greece, Turkey, Cyprus, the conflicts of the Eastern Mediterranean

Miheeva Natalia Mihailovna, Ph.D. in Political Science, Associate Professor of Regional Policy and Political Geography department of St. Petersburg State University; Associate Professor of International Relations department at the Northwestern Institute of Management of the Russian Academy of People's Economics and the State Service, n.miheeva@spbu.ru

УДК 327.8

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОДЕЙСТВИЕ РОССИИ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В СИРИИ КАК ОСНОВНАЯ ПРИЧИНА ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКО-СИРИЙСКОГО СОЮЗА

Мишенков Я.А.¹

¹ Российский Государственный Гуманитарный Университет, Москва, Россия

Актуальность исследования современного внутриполитического конфликта в Сирии, переросшего в гражданскую войну с участием террористических групп в том, что он продолжает оставаться одной из самых серьезных проблем безопасности международной политики. Роль международных организаций на примере ООН по урегулированию вооруженного противостояния в Сирии закончилась полным провалом. Когда Российская Федерация по просьбе сирийского политического руководства начала военную операцию против бандформирований «ИГИЛ», то спустя два года конфликт от фазы активных боевых действий перешел в латентную форму, благодаря чему завершился основной этап кровопролития. На основе этого теоретико-методологической базой исследования является системный метод применения в проблеме разрешения гражданского противостояния в Сирии как фактора влияния на региональную безопасность всего Ближнего Востока, находящегося на грани постоянной эскалации, а также сравнительный метод, который прилагает сопоставление геополитических интересов России в Сирии и других участников конфликта.

Ключевые слова: Россия, Сирия, этнополитический конфликт, внешнее вмешательство, геополитические интересы.

Основываясь на интернационализации сирийского конфликта в рамках борьбы с международным терроризмом научная новизна работы обусловлена анализом приобретения утерянных позиций России в Ближневосточном регионе благодаря военно-политической помощи Сирии. Потому как в конфликте помимо правительственных сил Б. Асада, противостоящих группировкам вооруженной оппозиции и боевикам террористических организаций (Аль-Каида), «ИГИЛ») оказались вовлечены США, Турция, Иран. Широкое участие в войне различных государств и неправительственных боевых отрядов демонстрирует, что несмотря на ликвидацию «халифата» «ИГИЛ» на территории Сирии, ни США, ни Турция не желают терять за собой контроль над теми частями единой страны, которые им удалось занять под предлогом участия в международном урегулировании конфликта. При этом вооруженные силы России, Ирана участвуют с согласия сирийских властей, а Турция, США, не согласовав с ними создание «антитеррористической коалиции» находятся нелегально, по сути оккупировав суверенное государство [5, с. 65]. По этой причине проанализируем роль России в «замораживании» этнополитического конфликта в Сирии и обоснуем выгодность получения союзнических отношений с ней.

Причины начала вооружённого конфликта на территории Сирии начались из-за влияния различных факторов, носящих внутренний и внешний характер. Экономические проблемы, связанные с «нефтяным проклятием» сыграли негативную роль в усилении напряжённости в сирийском социуме. Сокращение производства нефтедобычи с 1996 по 2010 гг. привели к уменьшению доходов и дефициту бюджета, что побудило правительство сократить топливные субсидии, вызвавшие повышение цены на бензин и продукты питания. Кроме того, в период с июня 2010 по февраль 2011 гг. мировые цены на пшеницу поднялись в два раза, в результате чего Сирия, страдающая от сильной засухи, столкнулась с ухудшением уровня жизни в стране [3, с. 41]. Высокая инфляция, нехватка водных ресурсов, рост безработицы среди быстро растущей молодежи дестабилизировали изнутри внутриполитическую обстановку, но значительное воздействие на возникновение конфликта оказал внешний фактор.

В 2009 г. начались переговоры о строительстве катарского газопровода для экспорта углеводородов в Европу. «Трубопровод мог связать Катар напрямую с энергетическими рынками Европы через распределительные терминалы в Турции, которая могла бы получать немалую плату за транзит. Катарско-турецкий трубопровод обеспечил бы суннитским королевствам Персидского залива решающее господство на мировом газовом рынке и усилил позиции Катара, являющегося ближайшим союзником Америки в арабском мире» [6]. Президент Сирии Б. Асад понимая, что подобный проект будет идти в разрез с интересами России как крупнейшего поставщика природного газа в европейские страны, с которой сохранил стратегическое партнёрство, налаженное еще с советских времен, отказался подписать соглашение с Катаром. Отказ Сирии от катарского трубопровода шло полностью в разрез с интересами Катара и других монархий Персидского залива, убедивших США, Великобританию, Израиль и Францию готовить свержение сирийского политического режима. «После отказа Асада от проекта катарского трубопровода, ЦРУ приступило к финансированию оппозиционных группировок в Сирии. Здесь важно отметить, что было это задолго до того, как началось порожденное арабской весной восстание против Асада» [6]. «Восстания 2011 года, казалось бы, спровоцированные сочетанием нехватки энергии внутри страны и вызванной климатом засухи, которая привела к массовому повышению цен на продовольствие, пришлось на подходящий момент, который был бы трудно использовать. Утечка электронных писем от частной разведывательной фирмы Stratfor, включая записи со встречи с представителями Пентагона, подтвердила, что американско-британская подготовка сирийских оппозиционных сил с 2011 года направлена на то, чтобы вызвать крах режима Асада изнутри» [8]. По этой причине конфликтная ситуация приобрела черты широкомасштабности вокруг Сирии.

Вместе с этим неудачная политика правительства Б. Асада в области консолидации сирийского общества не предотвратила национальный кризис политической системы страны. С 1963 г. по 2012 г. в стране действовала однопартийная система во главе партии «Баас». В 1973 г. была принята новая конституция, по которой президентом может быть избран представитель любой конфессии в светском государстве. Данное политическое решение отразилось на расколе межконфессионального взаимодействия этнических сообществ. Проблема состояла в том, что большинство населения Сирии относят себя к суннитской ветви вероисповедания ислама, а политическая элита состоит из алавитов как религиозной группы меньшинства во главе с правящей семьей Асадов. На протяжении правления Х. Асада отца нынешнего президента террористическая организация «Братья-мусульмане» подогревала недовольство среди суннитов правящим классом, называя алавитов «врагами Аллаха» и призывая к «джихаду» против власти. Политический класс попытался пойти на компромисс с оппонентами проведя в 2012 г. первые многопартийные выборы в Народный совет Сирии, однако Б. Асад не смог привлечь на свою сторону суннитские группы, что привело к появлению многочисленной радикальной оппозиции. В странах Ближнего Востока очень сложно демонстрировать светский режим, не интегрируя в политическое руководство все этнорелигиозные сообщества, где вероисповедание играет главную роль в политической культуре государства. В конечном итоге нет предпосылок для формирования «умеренной оппозиции» и оппозиционные силы в массе своей становятся на путь радикального ислама, направленного на уничтожение руководства страны. Именно на этой неприязни местных сообществ сыграли страны Запада для свержения политического режима в Сирии.

Начало гражданской войны в Сирии началось в 2011 г. с вооружённым восстанием исламских фундаменталистов в городах Хомсе, Думе, Дераа, Тартусе при медийной поддержке США и Европы, называвших боевиков «борцами за свободу» против «кровавого диктатора»

Асада. Как только сирийское правительство решилось на проведение операции по освобождению захваченных городов от террористов, то со стороны стран Запада было оказано мощнейшее давление с помощью международных институтов ООН, которые обвиняли Сирию в применении силы против мирных демонстраций. 27 апреля 2011 г. России и Китаю удалось наложить вето на попытку Соединённых Штатов ввести санкции против Сирии через Совет Безопасности ООН, но членам политического руководства страны не удалось избежать незаконных персональных санкций. «Документы саудовской разведки указывают на то, что к 2012 году Турция, Катар и Саудовская Аравия вооружали, обучали и финансировали радикальных суннитских боевиков-джихадистов из Сирии, Ирака и других стран с целью свержения союзника шиитов режима Асада. Катар, который мог получить больше всех, вложил три миллиарда долларов в формирование повстанческого движения и предложил Пентагону обучать боевиков на американских базах в Катаре» [6]. Собственно, так была сформирована «Свободная сирийская армия», изображавшаяся в западных СМИ как единая сила «умеренной оппозиции», борющаяся за независимость и демократию от тирании. Но на самом деле в неё входили радикальные джихадисты, ставшие самыми эффективными и твердыми бойцами за построение «халифата». Они представляли собой сотни боевых отрядов, объединённых с подразделениями «Аль-Каиды в Ираке», значительную часть которых подготовили и вооружили США. Однако они не смогли добиться свержения Б. Асада и США стали готовиться к сценарию военной интервенции в Сирию. Тем не менее благодаря дипломатическому сопротивлению России США не решились на вооруженное вмешательство как в Ираке в 2003 г. и продолжали вооружать сирийскую оппозицию.

В 2014 г. из вооружённых формирований Свободной сирийской армии и «Аль-Каиды в Ираке» зародилось «Исламское государство Ирака и Леванта» (далее – «ИГИЛ») в качестве самопровозглашённого образования в восточной Сирии (Хасака и Дер-Зор), имеющее форму непризнанного государства. «ИГИЛ» перешагнул иракскую границу и распространил свои владения на Мосул и Рамади провозгласив себя исламским «халифатом». Опасаясь захвата сирийских нефтепроводов боевиками «ИГИЛ» США без мандата Совбеза ООН, в нарушение ее Устава образовала коалицию из своих сателлитов вторгшись без ведома сирийского руководства на её территории для борьбы с международным терроризмом. По мнению бывшего сотрудника АНБ США Э. Сноудена, «ИГИЛ» — это совместный проект ЦРУ и израильской разведки «Моссад», созданный для объединения исламских джихадистов со всего мира. «ИГИЛ» как новая машина убийства была сформирована из «Аль-Каиды» в Ираке для создания предпосылок для возвращения войск США в Ирак и ликвидации союза России с правительством Сирии [7]. На этой основе США большинство своих ударов наносили по противостоящей ей сирийской армии, а не банд «ИГИЛ».

В 2015 г. сирийское правительство было вынуждено обратиться за военной помощью к руководству Российской Федерации. Когда же Россия начала военную операцию ВКС в Сирии, то она поставила США перед дилеммой: отказ от риторики косвенного разделения на своих и чужих террористов означал прекращение использования террористов в чужих руках, а настоящая война с международным терроризмом отказ от геополитических амбиций. Ведь американские спецслужбы создали, спонсировали и продолжают оказывать нелегальную материальную помощь «ИГИЛ». Вырастить террористов, вооружить их, а потом убрать их как ненужных игроков уже приводило к негативным последствиям для США. Кроме того, участие других игроков в сирийском конфликте поставило под вопрос нелегитимное право Соединённых Штатов как мирового гегемона вмешиваться во внутренние дела других стран и совершать акты агрессии. В этом значении американское руководство оказывалось перед непростым выбором либо отказаться от борьбы с боевиками «ИГИЛ» пожертвав своим престижем в западном мире, либо противостоять ему, потеряв средства для «управляемого хаоса» в ближневосточном регионе. Соединённые Штаты выбрали совмещение антитеррористической и антироссийской риторики с реальным покровительством террористов.

Несмотря на učinённые препятствия со стороны Соединённых Штатов и их сателлитов помешать России бороться с «ИГИЛ» и оставить её в изоляции ни к чему не привели, а только сблизил РФ с Ираном и Турцией. С Ираном у российского руководства существует совпадение мнений по сирийскому вопросу, а с Турцией удалось примириться после неудачного государственного переворота в 2016 г. В начале 2017 г. Россия совместно с Турцией и Ираном открыла в Астане переговорный процесс по урегулированию этнополитического конфликта в Сирийской Арабской Республике, который привел к коренному изменению ситуации в пользу

президента Б. Асада. Тем не менее у России с Ираном остаются разногласия с Турцией о проблеме Идлибского узла в Сирии. Турецкое руководство не устраивали планы США по созданию в северной Сирии автономного курдского анклава, контролируемого местными формированиями, желающие расширить свои автономные права в сирийской государственности. Потому как в силу отсутствия контроля сирийского правительства над северными регионами в них сформируется подконтрольное США государство Курдистан создание которого угрожает территориальной целостности Турции. По этой причине, в начале 2018 г. Турция начала военную операцию «Оливковая ветвь», направленную на нейтрализацию «Рабочей партии Курдистана» и «ИГИЛ». В этой сухопутной операции Турции против сирийских курдов активно приняла участие «Сирийская свободная армия», координирующая свои действия с турецким правительством с самого начала конфликта в Сирии. Силевая турецкая операция продвинулась вплоть до провинции Идлиб, где установился её контроль над северным сектором Сирии ввиду проживания здесь туркоманов, родственного населению Турции. Оккупация Идлибского узла турецкой армии продолжающаяся по сей день не соответствует интересам Сирии по восстановлению территориальной целостности, когда на оккупированных территориях расположены вооруженные образования радиальной оппозиции террористического характера. Турции выгодно поддерживать не враждебные ей фундаменталистские организации «Тахрир аш-Шам» и «Джабхат ан-Нусра» настраивая их против проправительственных сил, оказывая влияния и давление на официальную власть, которую с 2011 г. не признает. Собственно, турецкое руководство, как и США применяет лозунг «разделяй и властвуй» укрепляя свои позиции на Ближнем Востоке стремясь стать региональным гегемоном в рамках концепции «неосоманизма». Тем не менее Турция ищет пути сближения своей позиции по урегулированию сирийского конфликта с Россией и Ираном.

17 сентября 2018 г. по итогам переговоров президентов России и Турции В. В. Путин и Р. Т. Эрдоган был подписан «Меморандум о стабилизации обстановки в зоне деэскалации «Идлиб» в Сирии». В соответствии с документом создавалась демилитаризованная зона под контролем военной полиции РФ и турецких подразделений, отделялась «умеренная оппозиция» от террористических группировок и осуществлялся вывод из региона тяжелых вооружений протурецких формирований. После эскалации конфликта января-февраля 2020 г., когда фактически Россия с Сирией ввели прокси-войну с Турцией, был подписан дополнительный протокол к меморандуму, который на определенное время «заморозил» этнорелигиозную напряжённость в Сирии, но в Идлибе продолжают осуществляться перестрелки и без окончательного решения конфликта ситуация снова выйдет из-под контроля [4].

РФ и Иран и в отличие от Турции, поддерживающей лояльные себе структуры из разрозненной сирийской оппозиции выступают на стороне сирийской элиты. Иран выступает на стороне президента Б. Асада и проводит военно-политическое сотрудничество с Сирией во причине близости семьи президента к течению в исламе алавитов близких к шиизму как к направлению чьим религиозным лидером он себя считает. Усиление позиций суннитов на Ближнем Востоке идет вразрез со стратегией Ирана, предусматривающей распространение идей «Исламской революции» с точки зрения шиизма. По этой причине суннитские монархии Персидского залива рассматривают активную роль Ирана в регионе как стратегическую угрозу своего существования и поддерживают суннитские террористические группировки. Однако Иран отвечает тем же своим региональным соперникам поддерживая «Хезболлу» через Ливан и Сирию, образуя совместно с ними союз, отвечающий стратегическими интересам Исламской Республики Иран. При этом несмотря на недавнюю встречу глав МИД Ирана и Саудовской Аравии о налаживании дипломатических отношений она выглядит как временное перемирие, между ними много взаимных претензий, конфликтов и недоверия, а также соперничества на главенствующую роль в исламском мире и пока нельзя прогнозировать об окончательном завершении «Холодной войны на Ближнем Востоке». Поэтому на текущий момент Россия и Иран стремятся содействовать мирному урегулированию конфликта и обеспечить Сирию территориальную целостность, что делают их полноценными союзниками и укрепляют российско-сирийский союз.

Спустя четыре года после начала России антитеррористической операции в Сирии, проводимой авиационной группой Воздушно-космических сил совместно с сирийской армией освободила Пальмиру, Алеппо, Гутту, половину Идлиба и другие районы Сирии. Благодаря военной и политической помощи России 98% территории страны под контролем сирийского правительства. При всем том еще остается не освобождён весь Идлибский узел и провинция

Ракка, оккупированная США. Успешные войсковые операции, проводимые сирийскими вооруженными силами, являются результатом работы российских военных советников. Военное присутствие России останется в Сирии надолго, гарантирующее защиту её суверенитета и реализующее долгосрочные геополитические российские интересы в восточно-средиземноморском регионе.

Таким образом, предпосылками для гражданской войны в Сирии стала необходимость конфессионального обновления политической элиты страны, но большую роль в обострении политического конфликта сыграли внешние силы. Иностранное влияние в Сирии тормозит процесс урегулирования этнополитического конфликта, так как каждый игрок стремится изменить структуру высшей власти в государстве в пользу лояльной этнической группы. Иран открыто помогает шиитам, Саудовская Аравия поддерживает суннитов, Турция – туркоманов, а ЕС и США делают ставку на курдские формирования, которые враждуют с Турцией [1, с. 363; 2, с. 468]. Современное состояние российско-сирийских отношений в свете урегулирования этнополитического конфликта в Сирии, дают основания на укрепление доверительного партнёрства и сотрудничества Российской Федерации и Сирийской Арабской Республики, содействующих формированию российско-сирийского союза.

Список литературы и источников

1. Альмехраз Х. Внешний фактор в эскалации и развитии сирийского конфликта // Вестник Бишкекского гуманитарного университета. 2018. № 3 (45). С. 362–3
2. Вахим Д., Кузнецов А.А. Геополитическое измерение сирийского конфликта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. Т. 16. № 3. С. 461–472
3. Даюб Н.А. Экономика Сирии и ее место в мировой экономике // Экономика. Общество. Человек Межвузовский сборник научных трудов. Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова. 2014. С. 34–52.
4. Манойло А. В. Конфликт в Сирии и внешняя политика России // Актуальные проблемы Европы (АПЕ). 2020. №2. С 145-172
5. Петрова М., Нечаева Т.Ю. Демократизация Ближнего Востока по западному сценарию // Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации. Социальный инженер-2017 сборник материалов Всероссийской конференции молодых исследователей. 2017. С. 63–71
6. Кеннеди Р. Почему арабы не желают нас видеть в Сирии // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://inosmi.ru/politic/20160225/235534736.html>.
7. Энгдаль У. Ф. Священные войны Западного мира. М.: Селадо, 2016.
8. «Планы вмешательства в Сирию подпитываются нефтяными интересами, а не проблемами химического оружия | Нафиз Ахмед». Хранитель. 30 августа 2013 г.

Мишенков Ярослав Александрович, студент, Российский Государственный Гуманитарный Университет; e -mail: jar98mish@mail.ru

POLITICAL ASSISTANCE OF RUSSIA IN THE CIVIL WAR IN SYRIA AS THE MAIN REASON FOR THE FORMATION OF THE RUSSIAN-SYRIAN UNION

Mishenkov Ya. A.¹

¹ Russian State Humanitarian University, Moscow, Russia

The relevance of the study of the modern internal political conflict in Syria, which has developed into a civil war with the participation of terrorist groups, is that it continues to remain one of the most serious security problems in international politics. The role of international organizations, following the example of the UN, in resolving the armed confrontation in Syria ended in complete failure. When the Russian Federation, at the request of the Syrian political leadership, launched a military operation against ISIS gangs, two years later the conflict from the phase of active hostilities passed into a latent form, thanks to which the main stage of bloodshed ended. Based on this, the theoretical and methodological basis of the study is a systematic method of applying the problem of resolving the civil confrontation in Syria as a factor influencing the regional security of the entire Middle East, which is on the verge of constant escalation, as well as a comparative method that compares the geopolitical interests of Russia in Syria and others participants in the conflict.

Key words: Russia, Syria, ethno-political conflict, external intervention, geopolitical interests.

Mishenkov Yaroslav Aleksandrovich, Master's student, Russian State Humanitarian University; e -mail: jar98mish@mail.ru

УДК 332.12

ФОРМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В БАЛТИЙСКОМ РЕГИОНЕ

Нельга А.А.¹

¹ Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия

Статья посвящена формам регионального сотрудничества в Балтийском регионе. В работе рассмотрена история регионального сотрудничества в Балтийском регионе, начиная с первых попыток сформулировать понятие данного региона и заканчивая созданием современных организаций, занимающихся продвижением трансграничного взаимодействия между балтийскими государствами в различных областях. Также в работе проанализирована деятельность таких организаций, как Совет государств Балтийского моря, Балтийский фонд культуры и NORDEFSCO. В статье отмечена важность деятельности Европейского союза, направленная на расширение трансграничного сотрудничества балтийских стран и рассмотрены различные проекты и программы, реализуемые и финансируемые ЕС в Балтийском регионе: Северное измерение, стратегия ЕС для стран региона Балтийского моря и Интеррег. Сделан вывод о том, что крупные международные организации, такие как ЕС и НАТО имеют играют более важную роль в региональном сотрудничестве балтийских стран, нежели местные организации, многие из которых могут не включать в себя все государства, имеющие выход к Балтийскому морю.

Ключевые слова: Балтийский регион, регионализация, региональное сотрудничество, Совет государств Балтийского моря, Североатлантический альянс, Европейский союз, Интеррег, Балтийский фонд культуры, NORDEFSCO.

Понятие «Балтийский регион» – относительно новое в международных отношениях, оно появилось в 1980-1990-х г.г. Попытки сформулировать понятие данного региона впервые были отмечены после Первой мировой войны, когда на карте мира появились такие государства, как Польша, Литва, Латвия, Эстония и Финляндия, главной задачей которых было отставание независимости на международной арене и обеспечение собственной безопасности. В 1919 году была предпринята попытка создания Балтийской конфедерации, а в 1920 г. был основан Совет балтийских делегатов. Развитие регионального сотрудничества в то время осложнялось рядом причин: территориальные притязания, нежелание Эстонии и Финляндии подписывать договоры с Польшей, а также отсутствие единого подхода к определению понятия «Балтийский регион». С началом Холодной войны надежды на сохранение довоенного сотрудничества исчезли.

Позже появился ряд предпосылок, давших стимул к будущему взаимодействию балтийских государств: развитие сотрудничества Северных стран – создание Северного совета в 1952 году и создание Совета министров северных стран в 1971 году. Следующим фактором для развития регионального сотрудничества в Балтийском регионе было возникновение европейской интеграции, что повлекло за собой децентрализацию на уровне стран и регионов – европейские структуры поддерживали трансграничное сотрудничество и процесс регионализации. В данном процессе следует отметить роль таких документов, как Европейская хартия о местном самоуправлении 1985 года, рамочная конвенция о трансграничном сотрудничестве территориальных образований и их властных органов 1989 года, Хартия Сообщества про проблемат регионализации 1988 года и Хартия регионов Сообщества, изданная в 1991 году.

Следующим этапом в становлении регионального сотрудничества балтийских стран была консолидация прибалтийских республик СССР с целью установления суверенитета на своих территориях. Основной целью сотрудничества стран Балтии была разработка единого регионального плана по обретению независимости. Так, в 1989 году была создана Балтийская ассамблея, где была выдвинута идея об образовании Балтийского совета, основанного в этом же году. Позже и другие государства, имеющие выход к Балтийскому морю, стали выражать поддержку и свое желание участвовать в подобной интеграции [1, с. 46-49].

На современном этапе в Балтийском регионе имеется большое количество различных организаций, занимающихся продвижением регионального сотрудничества между странами Балтии, однако, остановившись лишь на некоторых из них. В 1992 году в ответ на геополитические трансформации после окончания Холодной войны на встрече министров иностранных дел балтийских государств в Копенгагене был основан Совет государств Балтийского моря. Целью создания организации было развитие доверительных отношений на межправительственном уровне. Первый саммит Совета состоялся в 1996 году в Висбю, и повесткой встречи было устойчивое развитие региона. Основными приоритетами деятельности Совета являются развитие самобытной культуры Балтийского региона и образования, решение климатических

проблем, устойчивая морская экономика, защита прав человека и поддержание безопасности региона [2].

На данный момент в Совет государств Балтийского моря входят Латвия, Литва, Эстония, Швеция, Финляндия, Дания, Норвегия, Исландия, Германия и Польша. Высший орган Совета состоит из 10 министров иностранных дел государств региона и представителя от Европейского Союза. Также в Совете имеется 11 государств-наблюдателей, активно участвующих в работе органов Совета: Беларусь, Франция, Венгрия, Италия, Нидерланды, Румыния, Словакия, Испания, Украина, Великобритания и США [3].

В рамках работы экспертной группы Совета государств Балтийского моря по устойчивому развитию в 2016 году была разработана стратегия «Балтийский регион 2030», соответствующая повестке дня государств-членов и направленная на наращивание потенциала региона, обучение лидеров и информирование о результатах работы национальном, местном и макрорегиональном уровнях. Работа проекта финансируется за счет отраслевых министерств стран-участниц, Европейского союза, а также Шведского института. Стратегия предполагает взаимное обучение государств региона передовым технологиям для достижения целей устойчивого развития и повышение осведомленности о данных целях. Реализация проекта побудила стран-участниц внедрять ноу-хау в целях трансграничного сотрудничества, а также был реализован ряд инициатив и опубличован ряд отчетов: «Балтика 2030: неровности на дороге», «Circular Baltic 2030», справочник «Локализация ЦУР в регионе Балтийского моря» [4].

В 2018 году в Эстонии на основе соглашения между министерствами культуры Латвии, Литвы и Эстонии был основан Балтийский фонд культуры – организация, занимающаяся поддержкой различных проектов и мероприятий в сфере искусства, архитектуры, литературы и др. Деятельность фонда направлена на содействие культурному сотрудничеству и интернационализации культур стран Балтии [5]. В 2023 году было принято решение выделить 300 000 евро для осуществления 8 проектов в странах Балтии, направленных на содействие международному признанию культуры региона. Четыре проекта будут осуществлены в области изобразительного искусства, два проекта в музыкальной сфере, один в области исполнительного искусства и один проект в области архитектуры [6].

На протяжении последних десятилетий региональное сотрудничество в Балтийском регионе динамично развивается, что обусловлено геополитическими факторами: распад СССР и расширение Европейского союза. Принятие в ЕС Швеции и Финляндии в 1995 году, и в 2004 году Польши и стран Балтии дали возможность Европейскому союзу быть полноценным игроком в Балтийском регионе и влиять на его политику. Важной инициативой ЕС является политика Северного измерения (Northern Dimension), развивающая экономическую интеграцию северных государств и стран Балтии, а также сотрудничество между ЕС и Исландией, Норвегией и Россией [7, р. 14-17]. Данная программа реализуется с 2006 года и направлена на развитие сотрудничества в сфере окружающей среды, транспорта, культуры, здравоохранения и социального благополучия между странами-участницами. Однако в марте 2022 года все программы Северного измерения, в которых участвует Россия, были приостановлены [8].

Также в 2009 году была принята стратегия ЕС для стран региона Балтийского моря (EUSBSR), она является первой макрорегиональной стратегией Союза. Данный проект охватывает восемь государств: Германию, Польшу, Латвию, Литву, Эстонию, Финляндию, Швецию и Данию, а также приветствует сотрудничество с не являющимися членами ЕС Норвегией и Исландией [9]. Основными целями стратегии являются сохранение Балтийского моря, объединение региона и обеспечение его процветания. EUSBSR продвигает сотрудничество в 14 различных областях: судоходство, безопасность, транспорт, энергетика, туризм, культура, здравоохранение, образование и др. Для достижения основных целей проекта в каждой из данных областей предпринимаются такие действия, как разработка политических рекомендаций, способствование координации для выработки общей политики региона, сетевые инициативы [10].

Ключевым элементом EUSBSR является пересмотр целей через определенные промежутки времени для оценки результатов. Одной из наиболее успешных сфер программы является защита окружающей среды в регионе Балтийского моря, что является одной из важнейших целей проекта. Дальнейшее развитие стратегии полностью зависит от готовности государств Балтийского моря расширять трансграничное сотрудничество [7, р. 19-22].

Еще одной программой, реализуемой и финансируемой Европейским союзом в Балтийском регионе, является Интеррег (Interreg) – программа, направленная на налаживание

сотрудничества европейских государств. Интеррег в Балтийском регионе нацелена на помощь балтийским странам в строительстве инновационного общества, разумного использования морских ресурсов и решения климатических проблем. Программа охватывает территории Швеции, Финляндии, Дании, Норвегии, Польши, Германии, Эстонии, Латвии и Литвы. Основная цель проекта – проведение политики сплочения балтийских государств, а также гармоничное экономическое и социальное развитие региона. В структуру проекта входят Совместный секретариат – центр управления средствами и практической реализации программы, Комитет по мониторингу, Аудиторский орган, а также национальные подкомитеты в странах-участницах.

Программный период Интеррег регион Балтийского моря 2014-2020 г.г. реализовал около 200 проектов для формирования взаимосвязанности региона. Новая программа была принята 2 июня 2021 года и рассчитана на 2021-2027 годы [11]. На данный момент на сайте Интеррег регион Балтийского моря размещено 47 проектов, выполнение которых планируется в рамках программы на 2021-2027 г.г. Среди них имеется множество проектов, направленных на защиту окружающей среды и Балтийского моря, обработку леса, внедрение «зеленой» промышленности, развитие социальных услуг и культурного образования и другие [12].

Не менее важно региональное сотрудничество балтийских стран в области обороны. Значимой международной организацией в Балтийском регионе является Североатлантический альянс, поскольку страны региона демонстрируют сильную тенденцию к регионализации европейской безопасности и испытывают ряд общих проблем в данной сфере. НАТО занимает жизненно важную роль в управлении безопасностью в регионе Балтийского моря [13, р. 2]. Регион имеет важное геополитическое значение для глобальной экономики, торговли и выхода в Мировой океан. После окончания Холодной войны НАТО проводилась программа «Партнерство ради мира», одной из целей которой было привлечение новых государств в альянс. В 2004 году страны Балтии присоединились к организации.

После присоединения Крыма к России Балтийский регион стал рассматриваться НАТО как важный стратегический объект. Более того, фактором присутствия НАТО в регионе Балтийского моря является Калининградская область и находящиеся здесь важные стратегические объекты России [14, с. 57-60]. На данный момент практически все Балтийские страны являются членами НАТО, за исключением Швеции, однако, государство уже подало заявку на вступление в Альянс [15].

Членство стран Балтии в Североатлантическом альянсе дополняется еще одной формой регионального сотрудничества в области обороны – NORDEFCO, куда входят Швеция, Финляндия, Дания, Норвегия и Исландия. Целью данной структуры является усовершенствованный и комплексный подход к вопросам обороны, распределение ресурсов, повышение качества вооруженных сил и внедрение новых технологических решений. В 2018 году на уровне министров обороны стран-участниц было подписано «Видение 2025» (Vision 2025), где изложено 16 целей в области оборонного сотрудничества. Главной задачей государства ставят превращение NORDEFCO в платформу для обмена опытом, информацией и совместного решения кризисных ситуаций: угрозы терроризма, угрозы в области кибербезопасности. Также в приоритет государства ставят тесное сотрудничество с другими странами Балтии [16].

Таким образом, сотрудничество в Балтийском регионе реализуется в совершенно разных областях: культура, экономика, образование, политика безопасности и особенно большая роль уделяется вопросу о защите окружающей среды. Успешная интеграция балтийских государств обусловлена геополитическими трансформациями, такими как распад СССР, расширение Европейского Союза и НАТО, а также желанием сохранить свою самобытную культуру и защитить Балтийское море от воздействия промышленности. Более того, Балтийский регион является значимым геополитическим объектом, что вызывает потребность государств региона в принятии современных и быстрых решений, основанных на кооперации и обмене опытом.

Важную роль в региональном сотрудничестве стран Балтийского моря играют такие международные организации, как Европейский союз и Североатлантический альянс. В рамках работы данных организаций производится разработка различных проектов, направленных на трансграничное взаимодействие в Балтийском регионе, а также международные организации являются источниками финансирования данных проектов.

Также значимое место в трансграничном сотрудничестве стран Балтии занимают организации, созданные внутри Балтийского региона - Совет государств Балтийского моря,

NORDEFECO и Балтийский фонд культуры. Однако, следует отметить, что организация NORDEFECO включает в себя лишь Северные страны, а Балтийский фонд культуры – Эстонию, Латвию и Литву. Это является свидетельством того, что интеграция в Балтийском регионе является частичной, не затрагивает все государства, имеющие выход к Балтийскому морю, и что всё же большее влияние в регионе имеют крупные организации, для которых Балтийский регион стал площадкой для реализации своих интересов на международной арене.

Для сохранения самобытности региона Балтийского моря, становления полноценным и самостоятельным регионом и более эффективного решения проблем, балтийским государствам, возможно, следует задуматься об усилении роли Балтийского совета, а также о расширении Балтийского фонда культуры.

Список источников и литературы

1. Володькин А. А. Становление балтийского регионализма / А. А. Володькин // Журнал международного права и международных отношений. – 2006. – № 2. – С. 46-51.
2. History [Электронный ресурс] // Council of the Baltic Sea States [Официальный сайт] – URL: <https://cbss.org/about-us/history/> (дата обращения: 2.05.2023).
3. Council [Электронный ресурс] // Council of the Baltic Sea States [Официальный сайт] – URL: <https://cbss.org/about-us/council/> (дата обращения: 2.05.2023).
4. Baltic 2030 – Macro-regional cooperation for sustainable prosperity in the Baltic Sea Region [Электронный ресурс] // United Nations [Официальный сайт] – URL: <https://sdgs.un.org/partnerships/baltic-2030-macro-regional-cooperation-sustainable-prosperity-baltic-sea-region> (дата обращения: 2.05.2023).
5. Baltic Culture Fund [Электронный ресурс] // UNESCO [Официальный сайт] – URL: <https://en.unesco.org/creativity/policy-monitoring-platform/baltic-culture-fund> (дата обращения: 3.05.2023).
6. The Baltic Culture Fund issues grants for 2023 [Электронный ресурс] // Eesti kultuurikapital [Официальный сайт] – URL: <https://www.kulka.ee/uudised/the-baltic-culture-fund-issues-grants-for-2023> (дата обращения: 3.05.2023).
7. EU strategy for the Baltic Sea region / Ministry of Foreign Affairs Republic of Poland ; Al. J. Ch. Szucha. – Warsaw : Ministry of Foreign Affairs, 2019. – 39 p.
8. UPDATE: The Northern Dimension and the Northern Dimension Institute [Электронный ресурс] // Northern Dimension [Официальный сайт] – URL: <https://northerndimension.info/> (дата обращения: 2.05.2023).
9. About [Электронный ресурс] // EU strategy for the Baltic Sea Region [Официальный сайт] – URL: <https://www.eusbsr.eu/about/about> (дата обращения: 2.05.2023).
10. Implementation [Электронный ресурс] // EU strategy for the Baltic Sea Region [Официальный сайт] – URL: <https://www.eusbsr.eu/about/implementation> (дата обращения: 2.05.2023).
11. About us [Электронный ресурс] Interreg Baltic Sea Region [Официальный сайт] – URL: <https://interreg-baltic.eu/about/> (дата обращения: 3.05.2023).
12. Projects [Электронный ресурс] Interreg Baltic Sea Region [Официальный сайт] – URL: <https://interreg-baltic.eu/projects/> (дата обращения: 3.05.2023).
13. Hyde-Price, Dr Adrian NATO Research Fellow 1998-2000 / Dr Adrian Hyde-Price. – Birmingham : University of Birmingham, 2001. – 45 p.
14. Грибанова Г. И. Политика НАТО на Балтике - цели и приоритеты // Балтийский регион. – 2018. – Т. 10, № 1. – С. 56-72.
15. NATO member countries [Электронный ресурс] NATO [Официальный сайт] – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/nato_countries.htm (дата обращения: 3.05.2023).
16. About NORDEFECO [Электронный ресурс] NORDEFECO NATO [Официальный сайт] – URL: <https://www.nordefco.org/the-basics-about-nordefco> (дата обращения: 3.05.2023).

Нельга Анна Александровна, студент III курса, Высшая школа международных отношений, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; e-mail: anelga505@mail.ru

FORMS OF REGIONAL COOPERATION IN THE BALTIC REGION

Nelga A.A.¹

¹ Peter the First St. Petersburg Polytechnic University, St Petersburg, Russia

The article focuses on forms of regional cooperation in the Baltic region. The history of regional cooperation in the Baltic region is examined, starting with the first attempts to formulate the concept of the region and ending with the creation of modern organizations that promote cross-border interaction between Baltic states in various areas. The activities of organizations such as the Council of the Baltic Sea States, the Baltic Culture Fund, and NORDEFECO are also analyzed. The importance of the European Union's activities aimed at expanding cross-border cooperation among the Baltic countries is highlighted, and various EU-funded projects and programs in the Baltic region are discussed, including the Northern Dimension, the EU Strategy for the Baltic Sea Region, and Interreg. The article concludes that large international organizations such as the EU and NATO play a more important role in regional cooperation among Baltic countries than local organizations, many of which may not include all the countries that have access to the Baltic Sea.

Key words: Baltic region, regionalization, regional cooperation, Council of the Baltic Sea States, North Atlantic Alliance, European Union, Interreg, Baltic Culture Fund, NORDEFECO.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ИЗБИРАТЕЛЕЙ НА ВЫБОРАХ РАЗНЫХ УРОВНЕЙ ПРЕФЕКТУРЫ ТОКИО

Осипов К.А.¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

В Японии сильно развита система местного самоуправления, вследствие чего подавляющая часть вопросов жизни людей решается на местном уровне, что нашло своё отражение в политических процессах. В исследовании автор ставит целью проанализировать, как избиратель в пределах префектуры Токио голосует на выборах разных уровнях за одни и те же политические партии и силы, какова пространственная дифференциация поддержки при движении от ядра Токио на запад, от более урбанизированных районов - к менее.

Ключевые слова: электоральная география, Токио, муниципалитеты, выборы.

Введение. Токийская агломерация остаётся крупнейшей городским образованием с численностью населения около 38 млн человек, расположившись так или иначе в пределах 4 префектур. В агломерации производится 40% национального продукта, расположены подавляющее большинство японских СМИ, ТНК. Токио, наряду с Лондоном и Нью-Йорком – крупнейший финансовый центр мира [1, с.323], классифицируемый как глобальный город группы альфа [2, с.75].

Избирательная система так или иначе отображает представительство территорий, так в нижнюю палату парламента префектура Токио имеет по пропорциональной системе отдельный избирательный блок (19 мандатов), а по мажоритарной – наибольшее число одномандатных округов (25, к следующим выборам их число составит 30) [3]. С учётом соседних префектур, образующие единый столичный регион Канто, можно говорить о том, что роль Токио очень заметна в принятии наиважнейших политических решений в стране.

В Японии очень развита система местного самоуправления, особенно после 2000 г., когда был принят новый закон о децентрализации регионов, сведший до минимума вмешательство вышестоящих органов власти, вводит новые налоги на своей территории [4, с.240-241]. Муниципалитеты сами содержат в надлежащем состоянии инфраструктуру, социальные и иные казённые учреждения, развивают предпринимательство и т. д. [5, с.126]. В таких условиях избирателю, в целом, важнее ходить на местные или региональные выборы, поскольку значительная часть волнующих его вопросов решается именно на таких уровнях власти.

В данной статье автор ставит целью проанализировать, как избиратель в пределах префектуры Токио голосует на выборах разных уровнях за одни и те же политические партии и силы, какова пространственная дифференциация поддержки при движении от ядра (условно: районы Минато и Синдзюку) на запад.

Методика исследования. Автором брались данные о выборах разного уровня по мажоритарной системе в пределах префектуры Токио: национальные, региональные и муниципальные [5]. Временные промежутки: для Палаты представителей – с 2000 по 2021 годы, Токийской ассамблеи - 2001–2021, муниципальных советов – 1999–2023. Границы избирательных округов приведены к актуальному состоянию на последних прошедших выборах. Не рассматривались муниципалитеты, упразднённые в ходе укрупнения сетки административного деления в 2000-ые – начале 2010-ых годов.

Голоса суммировались по партийной принадлежности кандидатов и переводились в проценты. Вычислялся также средний процент поддержки той или иной политической силы за весь наблюдаемый период на избранном уровне выборов (см. примеры в табл. 1-3). Все данные

отображаются с помощью ГИС на картограммах. В данной статье для наглядности приведены картограммы для трёх партий, имеющие разную стратегию по получению поддержки избирателей: Либерально-Демократической (ЛДП), Комэйто и Коммунистической (КПЯ) (см. Рис. 1). В дополнение в тексте приведены данные для Демократической (ДП) и Партии инноваций (ПИ). На картограмму нанесены также границы 23 специальных районов, формирующие ядро не только префектуры, то и всей агломерации. Для региональных партий в работе используются официальные англоязычные названия, для остальных – устоявшиеся русскоязычные.

Таблица 1. Средний % поддержки отдельных партий на выборах в Палату представителей (избранные округа на территории префектуры Токио)

Источник: составлено автором по данным Senkyo Dottokomu

	Токио-1	Токио-4	Токио-8	Токио-15	Токио-19	Токио-22	Токио-25
ЛДП	41,58	44,92	47,09	38,10	37,68	42,27	53,98
Комэйто	-	24,65	-	-	-	-	-
КПЯ	9,85	13,58	10,41	11,89	10,22	10,85	11,58
ДП	38,87	27,19	32,06	26,55	42,57	37,86	29,38
ПИ	20,44	20,93	14,38	30,06	18,38	14,14	-
Независимые	1,32	21,85	7,41	24,27	0,94	4,40	-

Таблица 2. Средний % поддержки отдельных партий на выборах в Ассамблею Токио (избранные округа)

Источник: составлено автором по данным Senkyo Dottokomu

	Минато	Кото	Сэтагая	Хатиодзи	Матида	Ниситама	Китатама-4
ЛДП	35,11	27,16	26,08	26,24	25,65	39,44	45,42
Комэйто	-	18,65	14,65	22,43	20,94	-	-
КПЯ	15,43	14,88	9,81	13,81	13,07	11,97	23,55
ДП	25,56	18,23	17,67	15,94	22,08	23,12	29,77
ПИ	3,97	9,19	5,80	5,28	8,09	11,71	-
Tomin First no Kai	34,57	18,22	18,35	17,58	23,10	36,51	31,91
Tokyo Seikatsusha Network	-	-	7,14	9,79	-	19,10	-
Независимые	8,94	17,72	15,60	8,44	11,18	14,26	18,87

Таблица 3. Средний % поддержки отдельных партий на муниципальных выборах в префектуре Токио (избранные примеры)

Источник: составлено автором по данным Senkyo Dottokomu

	СР Минато	СР Кото	СР Сэтагая	г. Хатиодзи	г. Матида	п. Мидзухо	д. Хинохара
ЛДП	44,56	28,15	28,41	24,00	22,80	-	4,42
Комэйто	6,32	18,19	13,43	21,73	15,83	20,26	12,18
КПЯ	9,15	14,32	8,11	10,66	11,69	6,30	2,10
ДП	5,38	11,35	14,25	8,55	12,73	4,14	-
ПИ	3,97	7,51	4,73	2,30	4,74	4,94	-
Tomin First no Kai	5,44	1,42	1,29	3,40	1,62	--	10,14
Tokyo Seikatsusha Network	-	1,63	6,84	3,85	3,37	-	-
Независимые	28,98	18,32	18,09	25,94	25,79	68,78	86,92

Примечания: СР – Специальный район Токио, г. – город, п. – посёлок, д. – деревня.

Результаты исследования и их обсуждение. ЛДП и Комэйто, будучи в постоянной коалиции в парламенте страны из выборов в выборы, избрали тактику в перераспределении

функций по выдвижению и победе кандидатов на том или ином уровне. ЛДП больше концентрируется на национальном, Комэйто, наоборот, на муниципальном.

На выборах в Палату представителей ЛДП получает наибольшую поддержку в западной, менее урбанизированной части, префектуры (53,98%); северо-западной и северо-восточной части города Токио (максимум до 54,60%). Наименьшая доля голосов характерна для центральной части префектуры (37,37 – 38,14%), юго-западных районов бывшего города (35,25 – 36,03%), а также района Кото (38,1%). В ассамблею Токио наименее охотно голосуют за партию города Хатиодзи (26,24%) и Матида (25,64%), районы за пределами исторического ядра города Токио (в среднем ниже 29%); наиболее в городах Омэ (53,62%), Акисима (46,58%), Киёсэ и Хигасикурумэ (по 42,71%), а также в историческом ядре Токио (до 46,44%) На муниципальных выборах либерал-демократы имеют сильные позиции в центральных и северо-восточных специальных районах Токио: Тиёда, Тюо, Сумида и Адати (46,6-53,6%), а вот слабые позиции – западная часть префектуры, где партия или никогда не выставляла своих кандидатов, или же получала чисто символические 4,4%, и это, учитывая, что на более высоких уровнях ситуация, как раз обратная.

Комэйто на национальном уровне в пределах префектуры почти не выставляет кандидатов, однако именно эти районы являются ключевыми для нижестоящих выборов: Токио-20 (24,81%), Токио-17 (29,36%), Токио-12 (44,74%) и Токио-4 (24,65%). К вышеуказанным территориям на региональном уровне (поддержка 27,7-30,0%) прибавляются территории городов Хатиодзи (25,43%) и Матида (20,94 %), где слабы позиции ЛДП, а также специальный район Аракава (29,99%). На муниципальном уровне поддержкой охвачены уже все образования и сконцентрирована вокруг севера центральной части префектуры (города Акисима, Татикава и другие: в среднем 23,96%), северной и восточной части специальных районов (22,6 – 24,7%). Меньше всего партия получает на самом западе префектуры, центральных районах города Токио (менее 14,4%).

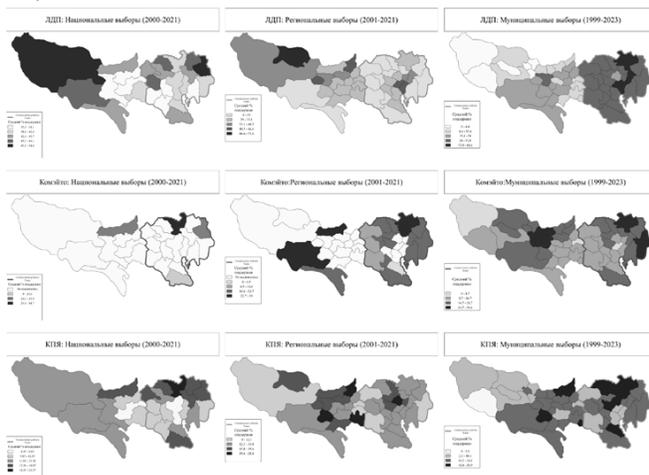

Рис 1. Результаты отдельных партий на выборах на различных уровнях в пределах префектуры Токио.

Источник: Составлено автором по данным Senkyo Dottokomu

Демократическая партия с учётом образовавшихся с 2017 года на её месте двух похожих политических сил имеет тяготение к центральному и юго-западным частям ядра Токио, а также к городам от западной границы специальных районов. Максимальная поддержка снижается от национального к муниципальному уровням: от 47 до 19,1%.

География поддержки *КПЯ*, в целом, сопоставима на всех трёх уровнях. Максимум в северных специальных районах, в особенности Бункё и Кита, города Киёсэ и Комаэ, образующие между собой полукольцо с повышенной поддержкой партии (до 20,87% голосов на

муниципальных выборах, до 28,4% на региональных). Минимум – центр и юго-запад, где представлены либерал-демократы и демократы.

Для *Партии инноваций* более удачно сложилась ситуация на национальном уровне, её поддержка уменьшается при движении вниз: максимум падает с 31,7 до 7,9%. Географически заметна полоса от Токийского залива на север с повышенной долей голосов. Второй очаг сконцентрирован к западу от специальных районов: ядрами выступают города Конайра и Инаги.

География независимых кандидатов согласуется с логикой «эффектом соседства», особенно на муниципальном уровне. В менее урбанизированных частях префектуры люди порою лично знают таких выдвинутцев и депутатов [7, 232]. В более густонаселённых местах связь не так сильна, избирателю более важной становится партийная принадлежность кандидата. Поэтому, по удалению от ядра Токио, их доля растёт на муниципальных выборах: от 15-20% в основной части специальных районов до 86,95% на крайнем западе префектуры. На вышестоящих уровнях данная закономерность нарушается. На выборах в Ассамблею максимум приходится на центральную часть региона (до 64,3%), минимум – северную часть города. В Палату представителей, соответственно – избирательные округа Токио-20 (центр – город Кодайра; 20,57%), специальные районы Кото (Токио-15; 24,27%) и Ота (часть Токио-4; 21,85%), антиподом которых выступают Токио 5-6, центральный Токио-1.

Отличительной особенностью японской электоральной географии – представленность региональных и муниципальных партий, собирающие поддержку избирателей исключительно на своём уровне выборов, не претендуют на большее и решая только местные проблемы. В Токио из крупных партий таких 2: Tomin First no Kai и Tokyo Seikatsusha Network. Первая наиболее популярна в центральных районах Токио, некоторых городах срединной части префектуры, а также в городе Омэ на западе (53,9 – 63,2% на выборах в Ассамблею и 8,15 – 14,06% на муниципальных). Вторая партия выступает некоторым антиподом: максимум поддержки она собирает на региональном уровне в западных муниципалитетах (избирательный округа Ниситама, Китатама-1 и 2, Минамитатама: 23,8 – 31,6%), на муниципальном – центральные и западные специальные районы (6,44 – 9,33%).

Заключение и выводы. На каждом уровне выборов в префектуре Токио избиратель стремится реализовать свой уникальный интерес, в связи с чем различаются тактики привлечения избирателей разными партиями и, соответственно, география поддержки. На рассмотренных в статье примерах видно, что на национальном уровне наиболее активны ЛДП, ДП, Партия инноваций. На региональном - Tomin First no Kai и Tokyo Seikatsusha Network. На муниципальном – Комэйто и Беспартийные. На всех выборах примерно одинаково активна КПЯ и ДП.

Резюмируя географию поддержки основных политических сил. На выборах в Палату представителей в центре города Токио основная поддержка идёт на ДП; на окраинах – КПЯ и Комэйто (северо-запад), ЛДП – северо-восток, Партия инноваций (в целом). В остальных городах префектуры - независимые, на крайнем западе – ЛДП.

Результаты в Токийскую столичную ассамблею: Ядро города – ДП, ЛДП и частично КПЯ; окраина – Партия инноваций (восток), срединная часть префектуры – Комэйто, КПЯ, Tokyo Seikatsusha Network, дальний запад - Tomin First no Kai

На муниципальных выборах в центральных специальных районах популярны ЛДП, в окраинных – КПЯ (север и запад города), в городах префектуры Комэйто (северо-запад) КПЯ (северо-восток), на крайнем западе - беспартийные.

Список источников и литературы

1. Перцик Е. Н., Кабакова С. И. Особенности структуры урбанизации Японии и формирование технополисов // *Инновации и инвестиции*. 2016. №3. С.322-327
2. Тихоцкая И.С., Боратинский В.И. Типология городских зон занятости в Японии // *Вестник Московского университета*. Серия 5. География. 2020. №2. С.73-81
3. Ministry of Internal Affairs and Communications [Электронный ресурс] // Shuugiin Ousenkyoku no Kuwari no Kaitei to ni Tsui Te [сайт]. Режим доступа: https://www.soumu.go.jp/senkyo/senkyo_s/news/senkyo/shu_kuwari/shu_kuwari_3.html (дата обращения: 28 августа 2023 г.) (in Japanese)
4. Меркушева О. А. Децентрализация и механизмы региональной политики в Японии. В сборнике: *Российское японоведение сегодня: К 20-летию Ассоциации японоведов*. 2015. С. 236-245.
5. Мельников А. П. Местное самоуправление в Японии. Сацьяльна-эканамичныя і праваяя даследаванні. 2008. № 2. С. 122-135.

6. Senkyo Dottokomu [Электронный ресурс] //Shuugiingiin Senkyo [сайт]. Режим доступа: <https://go2senkyo.com/shugiin> (дата обращения: 28 августа 2023 г.) (in Japanese)

7. James G. Gimpel. Distance-decay in the political geography of friends-and-neighbors voting. *Political Geography* 27 (2008) 231 -252.

Осипов Константин Анатольевич, магистрант, Институт наук о Земле, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: kostia.osipov2015@yandex.ru

SPATIAL PATTERNS OF ELECTORAL PREFERENCES OF VOTERS IN ELECTIONS AT DIFFERENT LEVELS OF TOKYO PREFECTURE

Osipov K.A.¹

¹Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia

Japan has a highly developed system of local self-government. The result is the vast majority of people's life issues are solved at the local level, which is reflected in political processes. In the study, the author aims to analyze how voters within Tokyo Prefecture vote at different levels for the same political parties and forces, what is the spatial differentiation of support when moving from the core of Tokyo to the west, from more urbanized areas to less.

Key words: electoral geography, Tokyo, municipalities, elections

Osipov Konstantin Anatolyevich, Master's student, Institute of Earth Sciences, Saint Petersburg State University; e-mail: kostia.osipov2015@yandex.ru

УДК 338.48

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ТУРИЗМ В АРКТИКЕ КАК ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Остапченко П.И.¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Целью исследования является выявление перспективы развития Арктической зоны Российской Федерации за счёт формирования и поддержания в регионе научно-популярного туризма. В статье обоснована значимость туристического сектора в экономике, раскрыто понятие научно-популярного туризма и его сущность. Были проанализированы действующие кейсы научно-популярного туризма в Арктике, а также выделен ряд возможностей для последующего осуществления этого вида туризма в регионе. В результате установлена возможность формирования у туриста целостного многогранного облика региона, одним из важнейших направлений которого являются всевозможные научные исследования, проводимые в Арктике. В последнее время тема развития Арктической зоны РФ всё чаще подвергается обсуждению, в том числе с точки зрения туризма. За счёт синергетического эффекта научного потенциала региона и увеличения турпотока с учётом устойчивого развития появляется возможность создания нового нишевого направления туристского развития территории, которое увеличит её туристскую привлекательность.

Ключевые слова: туризм, научно-популярный туризм, перспектива развития, Арктическая зона Российской Федерации.

Введение. Последние несколько лет власти России ведут активную политику по «пересоვნению» Арктики согласно принятой в 2020 году Стратегии развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года. Интерес к этой территории заключён сразу в трёх основополагающих сферах деятельности государства: политико-административной, экономической и социально-культурной. В частности, можно выделить два направления развития региона, которые с первого взгляда не имеют точек соприкосновения, однако при правильном подходе к их взаимодействию могут обеспечить значительный рывок в росте показателей территории, – это туризм и наука.

Туристическая сфера по праву во многих государствах мира признаётся неотъемлемым и важным сектором экономики, и Россия не исключение. Несмотря на относительно небольшой показатель доли туристской индустрии в валовом внутреннем продукте РФ (в 2022 году 2,6% – 3,6 трлн рублей) по сравнению со многими другими странами, государство ставит перед собой

задачу увеличить этот показатель [1]. Такая политика объясняется многочисленными факторами положительного экономического влияния туризма:

- рост доходов местных предприятий;
- создание новых рабочих мест;
- увеличение платёжной способности населения;
- возможность поступления иностранной валюты;
- непосредственное развитие территории, осуществляемой туристскую деятельность [2].

После пандемии COVID-19 и вследствие нынешней геополитической обстановки стала очевидной необходимость государства в развитии внутреннего туризма. Благодаря следованию Концепции федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019-2025 годы)», а также ситуативным мероприятиям правительства (как, например, введение программы «Туристический кешбэк») внутренний туризм действительно вырос, причём относительно допандемийных показателей. Так в 2022 году внутренний турпоток составил 68,5 млн чел., в то время как в 2019 и 2018 годах этот показатель равнялся 60,4 и 56,9 млн чел. соответственно [3]. Потребность людей в поездках по России дала толчок росту туристской инфраструктуры в различных регионах, в то время как само развитие туристской сферы также привлекает всё больше туристов. Такая замкнутая система требует постоянных вмешательств со стороны государства в виде изменений, статистических измерений и их анализа для своевременного корректирования и поддержания курса развития внутреннего туризма.

Оценка статистики путешествий россиян отдельно в Арктическую зону по большей части представляется невозможной. Изначально расчёты подобных показателей проводились либо посредством учёта больше не публикуемых данных от Росавиации – количество пассажиров, осуществивших рейсы в города зоны АЗРФ, либо путём оценки занятых мест в средствах размещения. Но большой проблемой в их расчётах является то, что в Арктическую зону РФ полностью входит всего 4 региона из 9: Мурманская область, Ненецкий АО, Ямало-Ненецкий АО и Чукотский АО. При этом, например, столица Якутии или национальный парк «Ленские столбы» не входят в Арктическую зону, соответственно общая статистика по регионам не может отражать обстановку на территории Арктики. И стоит помнить о разнообразии целей, которые преследуют люди, посетившие Арктику: это могут быть поездки с личными целями или к родственникам, командировки, вахтовые работы и т. д. Как итог, такая информация скорее подтверждает рост интереса государства и общества к территории и означает тенденцию её развития, нежели чем увеличение её туристской привлекательности в частности.

Если углубиться в выбранные правительством векторы развития АЗРФ, то станет очевидным, что одним из приоритетных является именно наука. Можно выделить следующие научные направления, в которых сейчас ведутся исследования в Арктике:

- геологические исследования;
- развитие энергетической инфраструктуры;
- техническая модернизация предприятий;
- развитие минерально-сырьевых центров;
- палеонтология;
- разработка технологий строительства в арктических условиях;
- судостроительство и судоремонтная промышленность;
- развитие арктической медицины;
- экологические исследования [4].

Сфера науки здесь стремительно развивается, из чего следует, что база для научно-популярного туризма существует. Важным является то, что арктическая наука крайне специфична и отражает особенности территории, в связи с чем и научно-познавательные туристические поездки туда будут иметь определённый характер, отличающий их от путешествий той же направленности в другие регионы.

Рост спроса на этот вид туризма невозможен без роста заинтересованности потенциальных туристов в самой науке. Опрос населения Всероссийским центром изучения общественного мнения в начале 2023 года показал, что 70% россиян привлекают научные достижения, а этот показатель вырос на 10% с 2010 года [5]. Однако простое любопытство в этой сфере не всегда может сподвигнуть людей к знакомству с различными научными открытиями,

поэтому для развития научно-популярного туризма необходимо заинтересовать человека именно в процессе познания науки.

Научно-популярный туризм имеет множество определений, в основе которых лежат поездки и путешествия с посещением научных объектов в познавательных целях. Но важно понимать, что такой вид туризма всё-таки не должен быть основан лишь на научно-исследовательской инфраструктуре (научные центры, предприятия, лаборатории, музеи и т. д.). По отношению к туристу главной целью научно-познавательного туризма, кроме создания эмоций, должна оставаться именно популяризация науки. В этом процессе важна подача материала и то, будут ли созданы необходимые условия, чтобы турист его усвоил. Более того, в этом случае возможно и отсутствие инфраструктуры, так как неотъемлемыми составляющими этого вида туризма являются научно-популярный предмет (предмет изучения) и источник информации о нём. Для более точного понимания можно сравнить две ситуации: посещение туристами палеонтологического музея и осмотр северного сияния в сопровождении научного сотрудника. Первый случай – простой пример научно-познавательного туризма, где благодаря музейным экспонатам, аудиогиду предоставляется необходимая информация. Во втором случае действие происходит на природе, в удобном для наблюдения северного сияния месте. Научно-познавательная составляющая здесь осуществляется за счёт рассказов сопровождающего, который на тот момент может даже не выступать от лица научной организации – не привязанный к инфраструктуре пример.

Помимо того, научно-популярный туризм делает разнообразным его предмет изучения. В связи с этим представляется возможным составить довольно обширную классификацию этого вида туризма. В частности, разделение происходит исходя из:

- сопутствующих интересов туриста (природный, историко-культурный, этнографический и т. д.);
- объектов показа и инфраструктуры (музеи, ООПТ, научные станции, иные территории);
- разделов науки;
- источника организации туризма (в данном случае особенность заключается в возможности осуществления туризма научно-образовательной организацией);
- категории туристов относительно научной деятельности (степень вовлечённости человека в науку: учёные, любители научной тематики или массовый турист) [6].

В 2022 году в России было объявлено начало Десятилетия науки и технологий, в связи с чем научно-популярный туризм получил новый рывок развития. В январе 2023 года принята Концепция развития научно-популярного туризма в РФ на период до 2035 года. В документе имеется соответствующая тематике терминология; поставлены цели и задачи, а также обозначены этапы развития научно-популярного туризма [7]. Но при следовании этой концепции необходимо делать поправки на каждый регион, особенно в организации научно-популярного туризма в Арктике – как уже упоминалось, специфичной в научном смысле территории.

В качестве инициативы Десятилетия науки и технологий создан ряд туристических маршрутов научно-популярной направленности. Однако реализуемым в Арктической зоне РФ оказался лишь один – научно-познавательный туристский маршрут «Ледник Романтиков». Маршрут протяжённостью 83 км пролегает в южной части Полярного Урала и включает посещение площадки по изучению многолетней мерзлоты CALM, различных природно-территориальных комплексов при сопровождении гида с экскурсией о проводимых там научных исследованиях. Также важно, что по ходу маршрута туристы участвуют в полевом исследовании путём изъятия проб почвы и растительности для дальнейшей их отправки в лабораторию [8]. Такой туристический маршрут можно считать хорошим примером научно-популярного туризма за счёт одного важного фактора – интерактива: участникам предоставляется возможность самостоятельно ощутить на себе работу учёного, но в довольно облегчённом виде. Этот подход позволяет погрузить туриста в знания, которые предоставляет ему экскурсовод, и тем самым лучше их понять и запомнить.

В 2023 году разработку научно-популярных туров начало Русское географическое общество, представив восемь вариантов, каждый из которых, кроме одного, относится к Республике Карелия. Все они ориентированы на отдых с детьми, в связи с чем в них реализуется упрощённый подход к подаче научной информации за счёт интерактивно-игровых процессов. Тот отдельный маршрут пролегает через север Красноярского края, вдоль реки Котуй, и имеет природную и этнографическую направленности, в остальном представляя собой классический сценарий для научного-познавательного туризма [9].

Важную роль в АЗРФ в рамках научно-познавательного туризма играют экспедиционные круизы. Наиболее популярными направлениями можно считать Землю Франца-Иосифа и Северный полюс. Однако несмотря на большое количество туристов, желающих отправиться в такое путешествие, фактически такие туры организуются не так часто ввиду их дороговизны. Важно отметить, что иногда для таких экспедиций устраивают наборы волонтеров для помощи в проведении научных исследований, как, например, сделано для начавшейся в августе 2023 года экспедиции «Чистая Арктика-Восток-77». Такое явление можно считать волонтерским научно-популярным туризмом – узконаправленная разновидность в данном случае круизной деятельности. При масштабировании подобной практики набора добровольцев и должном её продвижении представляется возможным развить научно-познавательный туризм в Арктике, сделав его более уникальным в глазах потенциальных туристов.

Отдельно стоит отметить большой прорыв в развитии научно-популярного туризма в Норильске. Уникальной можно назвать инициативу Клуба исследователей Таймыра по созданию не только классических экскурсий научной направленности, но и по мотивам проведённых ранее этой общественной организацией научных исследований. Одна из таких экскурсий – «Старинный Норильск», посвящена археологическим раскопкам, открывшим расположение станка Часовня XVIII века [10]. Экскурсия пользуется популярностью у местного населения, однако мало известна за пределами региона.

Безусловно, потенциал развития научно-популярного туризма в АЗРФ многообещающий, ведь для его раскрытия на этой территории есть не только основа в виде проводимых здесь научных исследований, но и множество примеров реализованных и успешных кейсов по предоставлению соответствующих туристских услуг.

Точно можно утверждать, что стоит продолжать работу над экспедиционным туризмом, а именно над его масштабированием и повышением доступности. Его, наряду с посещением полярных станций, можно официально представить как визитную карточку научно-познавательного туризма в АЗРФ для формирования у туриста определённого образа Арктики как уникальной туристской дестинации.

Крайне перспективными являются научные полевые маршруты, которые по сути представляют собой исследовательские изыскания с гидом-учёным. Важной составляющей является вовлечение туриста в практико-ориентированную научную среду для более глубокого туристского опыта.

Распространённую на севере охоту за северным сиянием можно модернизировать для полноценной причастности к научно-популярному туризму. Для этого необходимо сопровождение группы туристов научным сотрудником, объясняющим необычное явление с точки зрения законов физики.

Для освещения научно-познавательного вида туризма в АЗРФ действенной была бы организация массовых мероприятий наподобие фестивалей для проведения небольших лекций о научных дисциплинах, развивающихся в Арктике. Поначалу такие фестивали можно организовывать в Москве, Санкт-Петербурге для привлечения внимания потенциальных туристов, а впоследствии переносить их в разные регионы Арктики для освещения науки каждого из них.

Слабой стороной научно-популярного туризма в Арктике на данный момент является отсутствие его структурированности как в глазах потенциальных туристов, так и в планах развития государством туристической сферы региона. Подразумевается необходимость в создании целостной концепции, которая бы формировала новое нишевое туристское направление, открывающее Арктику с новой стороны. Такая реконструкция должна состоять из следующих основных этапов: расширение номенклатуры предлагаемого турпродукта; совершенствование необходимой туристской инфраструктуры; формирование нового бренда Арктики как наукообразующей территории России. Последний пункт крайне важен для повышения заинтересованности различных групп населения в научно-познавательном туризме в Арктике: не только самих туристов, но также инвесторов, общественных деятелей, популяризаторов науки и прочих, кто смог бы внести дальнейший вклад в развитие региона.

Выводы. В заключение необходимо ещё раз подчеркнуть, что туризм может служить драйвером развития экономики, причём как отдельных населённых пунктов, так и целых субъектов государства. В последние годы стало ясно, что предложения по внутреннему туризму в России требуют трансформации и диверсификации для удовлетворения потребностей

большого количества категорий населения. Арктика же как отдельная экономическая зона, активно развивающая туристическую сферу, имеет достаточный потенциал для создания исключительного облика туристской дестинации, предлагающей новое направление научно-популярного туризма. Такое решение позволит повысить туристскую привлекательность значительной территории Российской Федерации, которая на данный момент не соответствует полноте своего потенциала.

Список источников и литературы

1. Официальная статистика. Туризм [Электронный ресурс] // Росстат: сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VDS_ti-okved2_vvp.xls (дата обращения 15.08.2023).
2. Иванова Ю.О., Григорьева В.В., Поздняков К.К. — Влияние туризма на национальную экономику и методы его оценки: обзор литературы // Финансы и управление. – 2022. – № 1. – С. 58
3. Туристский поток [Электронный ресурс] // ЕМИСС: сайт. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/62157> (дата обращения 15.08.2023).
4. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года [Электронный ресурс] // Совет Безопасности Российской Федерации: сайт. URL: <http://www.scrf.gov.ru/media/files/file/hcTEHnCdn6TqRm5A677n5IE3yXLi93E.pdf> (дата обращения 16.08.2023).
5. Наука и жизнь: мониторинг [Электронный ресурс] // ВЦИОМ: сайт. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nauka-i-zhizn-monitoring> (дата обращения 18.08.2023).
6. Афанасьева А.В., Логвина Е.В., Христов Т.Т. Методологические основы научно-популярного туризма // Сервис в России и за рубежом. 2023. Т.17. №2. С. 5–25.
7. Концепция развития научно-популярного туризма в Российской Федерации на период до 2035 года [Электронный ресурс] // Минобрнауки России: сайт. URL: https://minobrnauki.gov.ru/documents/?ELEMENT_ID=63453 (дата обращения 18.08.2023).
8. Научно-познавательный туристский маршрут «Ледник Романчиков» в рамках проекта «Исследуй Полярный Урал» [Электронный ресурс] // Science — ID: сайт. URL: <https://scienceid.net/tourism/1/85/12> (дата обращения 21.08.2023).
9. Первое арктическое семейное приключение "Кладонскатели: водовороты и самоцветы Анабара" [Электронный ресурс] // Русское географическое общество: сайт. URL: <https://rgo.ru/activity/travel-list/tours/pervoe-arkticheskoe-semeynoe-prikluchenie-kladoiskateli-vodovoroty-i-samotsvety-anabara/> (дата обращения 21.08.2023).
10. Экскурсии. На водном транспорте [Электронный ресурс] // Клуб исследователей Таймыра: сайт. URL: <https://kit-norilsk.ru/na-vodnom-transporte/> (дата обращения 21.08.2023).

Остапченко Полина Игоревна, студент, Институт наук о Земле, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: jshcl@list.ru

POPULAR SCIENCE TOURISM IN THE ARCTIC AS THE PROSPECT FOR THE DEVELOPMENT OF THE REGION

Ostapchenko P.I.¹

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

The purpose of the study is to identify the prospects of development of the Arctic zone of the Russian Federation through the formation and maintenance of popular science tourism in the region. The article substantiates the importance of the tourism sector in the economy, reveals the idea of popular science tourism and its essence. The current cases of popular science tourism in the Arctic were analyzed, and a number of opportunities for further implementation of this type of tourism in the region were highlighted. As a result, the possibility of forming a holistic multi-faceted image of the region for tourists has been established, one of the most important directions of which is all kinds of scientific research conducted in the Arctic. Recently, the topic of development of the Arctic zone of the Russian Federation has been increasingly discussed, as well as from the point of view of tourism. Due to the synergetic effect of the scientific potential of the region and the increase in tourist traffic, taking into account sustainable development, there is an opportunity to create a new niche area of tourist development of the territory, which will increase its tourist attractiveness.

Key words: tourism, popular science tourism, prospect for the development, the Arctic zone of the Russian Federation.

Ostapchenko Polina Igorevna, student of Institute of Earth Sciences, St. Petersburg State University; e-mail: jshcl@list.ru

УДК 332.1

АНАЛИЗ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ПРИБАЛТИЙСКИХ РЕСПУБЛИКАХ (НА ПРИМЕРЕ ЭСТОНИИ)

Перышкин М.О.¹

¹ Псковский государственный университет, Псков, Россия

Период после обретения самостоятельности и вступления в Европейский Союз Прибалтийские республики перешли к фазе активного экономического роста, однако, после кризиса 2008 года так и не смогли восстановить предшествующие темпы экономического роста. Важным фактором, влияющим на устойчивость экономики является наличие инструментов для кооперации как внутри страны, так и за рубежом. В ходе исследования были изучены основные тенденции пространственного развития и региональной интеграции в странах прибалтийского региона. Отдельно была рассмотрена Эстония, то какие вызовы перед собой она фиксирует в стратегических документах и то какие инструменты она использует для их преодоления.

Ключевые слова: пространственное развитие, региональная интеграция, Эстония, Прибалтийские республики.

ВВЕДЕНИЕ

Страны Балтии единственные из бывших республик СССР отказались от вступления в СНГ и встали на путь европейской интеграции. В тоже время как подчеркивается в работе [1] изначально это был выгодный процесс не только для прибалтийских республик, но и России, которая позволяла эффективно экспортировать из России энергоресурсы и сырьё, в тоже время в результате экономических реформ в странах Балтии также создали конкуренцию российским товарам и услугам. Либерализация торговли и инвестиций облегчила иностранным компаниям выход на рынок, что оказало давление на российский бизнес, заставив его стать более конкурентоспособным. Кроме того, решение стран Балтии вновь ввести свои собственные национальные валюты вместо использования рубля ослабило позиции России как региональной экономической державы. Однако, в дальнейшем, активная интеграция в Европейскую экономику и отказ от собственной валюты привел к росту социального неравенства и региональным диспропорциям в странах Балтии, а также депопуляции и эмиграции населения. Из-за отказа от суверенной денежной политики и переходу в еврозону экономическая устойчивость стран Прибалтики снизилась, что сразу проявилось в период экономического кризиса 2008 года. Так в прибалтийских республиках так и не восстановилось совокупное потребление на докризисный уровень. Кроме того, отказ от собственной валюты сделал экспорт из прибалтийских республик невыгодным, что подорвало конкурентоспособность экономики на мировой арене [2].

Несмотря на попытку максимально отдалиться от взаимодействия с Россией и переориентироваться на европейский рынок зависимость от энергетических ресурсов, поставляемых Россией до 2022 года, когда все страны Прибалтики отказались от отечественных энергоресурсов, что в тоже время не помешало появиться такому термину как «латвийская нефть». Энергоресурсы на протяжении всего постсоветского периода контролировать и регулировать как внешнюю политику, выраженную защитой русскоязычного меньшинства в этих странах, так и внутреннюю связанную с расширением НАТО на восток и в целом русофобской политикой прибалтийских республик [3].

Несмотря на то, что большинство авторов признают экономические реформы, прошедшие в Прибалтике как частично эффективные, в тоже время ряд авторов подмечает, что с вступлением в Европейский союз, интерес к продолжению экономических реформ заметно ослаб в этих государствах [4]. Так же стоит отметить, что авторы приходят к мнению, что ряд реформ, например, либерализация цен в 1989 года была больше символической, так как фактически она затронула лишь небольшую часть экономики.

Межрегиональная стратегия для региона Балтийского моря как инструмент пространственного развития и региональной интеграции

Прибалтийские республики как страны-участники Евросоюза (далее – ЕС) формирует свою законодательную базу в рамках уже сложившихся практик и законов ЕС. С одной стороны, оказывает положительный эффект на развитие экономики, в частности её инновационного сектора. За счет использования уже сложившихся практик, Прибалтийские республики смогли сократить число возможных ошибок при проведении реформ, но, с другой стороны,

использование универсальных решений не позволяет проводить более комплексную трансформацию экономики, исходя из стратегических приоритетов развития.

По мнению автора [5] это происходит из-за распространения «риторики социально-экономической координации» в политике Евросоюза, что с одной стороны позволяет поддерживать высокий уровень жизни населения, но с другой стороны ограничивает руководство стран в ресурсах и инструментарии модернизации экономики. В дальнейшем это может оказать критическое влияние на развивающиеся страны, в том числе Прибалтийские республики.

Одним из стратегических документов, где затрагиваются вопросы пространственного развития и региональной интеграции в Прибалтийских республиках является «Стратегия ЕС для региона Балтийского моря (далее - EUSBSR)». В статье Стефана Генсле [6] приходит к выводу, что макрорегиональные стратегии являются ответом на вызовы многоуровневого управления, в котором участвуют многочисленные субъекты на разных уровнях власти и управления. Макрорегиональные стратегии могут помочь координировать политику и действия на разных уровнях управления, но они также сталкиваются с проблемами с точки зрения реализации и эффективности.

Основная цель EUSBSR - содействие устойчивому росту и развитию в регионе Балтийского моря через сотрудничество и координацию между государствами-членами и другими заинтересованными сторонами.

В EUSBSR фокусируется на четырех основных целях: экологическая устойчивость, процветание, доступность и безопасность.

EUSBSR основана на следующих принципах:

1. Открытость и прозрачность: EUSBSR обеспечивает уникальную платформу для сотрудничества и координации с открытым и прозрачным участием.

2. Инклюзивность: EUSBSR стремится привлечь все соответствующие заинтересованные стороны, включая гражданское общество, частный сектор и академические круги, к разработке и реализации своей политики и проектов.

3. Многоуровневое управление: EUSBSR признает важность вовлечения всех уровней управления, от местного до регионального и национального, в разработку и реализацию своей политики и проектов.

4. Ориентация на результат: EUSBSR нацелен на достижение конкретных результатов и измерение прогресса в достижении своих целей.

5. Устойчивое развитие: EUSBSR направлен на содействие устойчивому развитию в регионе Балтийского моря с учетом экономических, социальных и экологических аспектов.

6. Интеграция: EUSBSR направлен на содействие интеграции в регионе Балтийского моря путем скоординированного решения общих проблем и возможностей.

В статье [7] Генсле отмечает, что макрорегиональные стратегии направлены на создание «платформ для координации» и «ориентировочных нормативных рамок» для интеграция уже существующих институтов и создания и развития новых. Макрорегиональные стратегии являются важным инструментом содействия региональному сотрудничеству и координации в Северной Европе, поскольку они обеспечивают основу для решения общих проблем и возможностей в регионе.

В EUSBSR применяется несколько типов организации деятельности между участниками:

1. Флагманские проекты. Это крупномасштабные проекты, направленные на решение конкретных проблем в регионе Балтийского моря. Такими проектами становятся наиболее значимые и перспективные для данного региона и ЕС проекта.

2. Проекты в рамках отдельных политик. В EUSBSR 4 вида политики: (1) окружающая среда, (2) экономика, (3) энергетика и (4) транспорт. В рамках каждой политики так же реализуется отдельные проекты на достижения каких-либо конкретных целей.

3. «Горизонтальные проекты». Это проекты решающие «сквозные» вопросы в рамках 4 политик - инновации, образование и культура.

4. Национальные и региональные проекты. Это проекты, которые реализуются на национальном или региональном уровне и способствуют достижению целей EUSBSR.

В рамках стратегического планирования на межрегиональном уровне применяется проектный и матричный подход. Это позволяет более комплексно подходить формированию политики за счет «прощивания» всех политик общей концептуальной рамкой.

Пространственное развитие и региональная интеграция являются важным элементом EUSBSR. В качестве драйверов роста выделяют следующие факторы:

- Повышение связанности стран и регионов через развитие трансевропейской транспортной сети (EU's Trans-European Transport Network (TEN-T);
- Повышения конкурентоспособности бизнеса за счет использования цифровых технологий;
- Поддержка развития цифровых навыков у населения;
- Продвижение экономики замкнутого цикла, целью которой является сокращение отходов и повышение эффективности использования ресурсов;
- Содействие использованию возобновляемых источников энергии;
- Поддержка развития устойчивого туризма;
- Повышение кооперации между странами через развитие предпринимательских экосистем, развития цифровых платформ для сотрудничества между предприятиями;
- Регионализация инновационных ваучерных схем.

В статье [8] обсуждается несколько принципов систем управления инновационной политикой и политических возможностей в странах Балтии. Одним из принципов является потребность в долгосрочном политическом потенциале, поскольку страны Балтии переживают процесс «догоняющего развития», находясь под влиянием как исторического социально-экономического наследия, так и давления глобальной политической экономики.

Другим принципом является делегирование ключевых политических действий из центров разработки политики в пользу все более фрагментированных моделей управления, которые обеспечивают узкую обратную связь и механизмы изучения политики, что усложняет создание долгосрочного политического потенциала.

Пространственное развитие и региональная интеграции в Эстония Эстония относительно легко переняла принципы инновационной политики ЕС в 2000-х годах. Одним из основных мотивирующих факторов была важность структурного финансирования Эстонии со стороны ЕС, которое позволило руководству Эстонии развивать экономику, не оказывая существенного влияния на другие области политики и не пересматривая взаимодействие государства и рынка [9].

На данный момент в стратегических документах Эстонии фиксируются следующие проблемы, оказывавшие негативное влияние на пространственное развитие и региональную интеграцию в Эстонии.

Во-первых, это отсутствие достаточного количества квалифицированных трудовых ресурсов. Во-вторых, это дифференциация регионов по уровню развития. В-третьих, зависимость от импорта энергоресурсов. В-четвертых, низкая добавленная стоимость производимой продукции [12].

В качестве мер по решению данных проблем планируется работа по следующим направлениям:

Сохранение квалифицированных трудовых ресурсов в Эстонии:

1. Поддержка молодых исследователи после выпуска из университета, принятие их в штат университетов в качестве сотрудников [10];
2. Поддержка молодых ученых и ученых возвращающихся в Эстонию из других стран [10];
3. Мониторинг этичности при проведении совместных исследований [10];
4. Развития цифровых компетенций у граждан [11];
5. Создание урбанизированного пространства с низкой плотностью населения для создание удобной городской среды [12].

Повышение сложности (комплексности) производимой продукции:

1. Поощрение междисциплинарных исследований для идентификации технологического фронта [10];
2. Развитие «Центров цифровых инноваций» для обеспечения предприятий доступом к технологиям, финансируемых ЕС, в рамках сетей трансграничного сотрудничества, а также поддержать предприятия во внедрении этих технологий. Кроме того, на базе данных центров проводится обучение и развитие навыков по работе с цифровыми ресурсами [10].

Критическая зависимость от энергоресурсов:

1. Поощрение исследований в области предпринимательства. Это особенно важно, как в стратегии упоминается так же и важность передовых бизнес-моделей, в том числе с учетом принципов замкнутой экономики [10].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Руководство Европейского Союза понимает, что наднационального объединения важно преодолеть стремление к формализации процессов взаимодействия между участниками и развивать экосистему, где каждый участник был бы заинтересован во взаимодействии с другими участниками системы. Особенно это важно для Прибалтийских республик, которые в силу исторических и социально-экономических причин не обладают развитыми институтами региональной интеграции. В данной работе были рассмотрены стратегические документы Эстонии, в которых затрагиваются вопросы пространственного развития и региональной интеграции. На данный момент, в Эстонии сформировался целый ряд проблем отрицательного влияющих на пространственное развитие и региональную интеграцию. Нельзя точно определить, насколько эффективными будут решения, предлагаемые в стратегических документах. Однако, по мнению ряда авторов, рассмотренных в этой работе, необходимость Эстонии придерживаться общей стратегической парадигмы ЕС замедляет реформирование экономики.

Список источников и литературы

1. Koyama, Yoji. (2021). Political Economy of the Baltic States. *Earth System Dynamics*
2. Ljungberg, Jonas. (2020). Economic integration and exchange rate arrangements in the post-soviet period. *The Baltic states in comparative perspective, European Journal of Comparative Economics*, 17, issue 2, p. 229-252
3. Zachary Hanson. *Russia's Energy Diplomacy // Auctus: the journal of undergraduate research and creative scholarship* (2013)
4. Erixon, Fredrik. "Baltic economic reforms: a crisis review of Baltic economic policy." (2010)
5. Karo, E., Looga, L. Understanding institutional changes in economic restructuring and innovation policies in Slovenia and Estonia. *J Int Relat Dev* 19, 500–533 (2016). <https://doi.org/10.1057/jird.2014.23>
6. Stefan Gänzle (2017) Macro-regional strategies of the European Union, Russia and multilevel governance in northern Europe, *Journal of Baltic Studies*, 48:4, 397-406, DOI: 10.1080/01629778.2017.1305201
7. Stefan Gänzle, Jörg Mirrl. (2019) Experimentalist governance beyond European Territorial Cooperation and cohesion policy: macro-regional strategies of the European Union (EU) as emerging 'regional institutions'?. *Journal of European Integration* 41:2, pages 239-256.
8. Erkki Karo (2011) The Evolution of Innovation Policy Governance Systems and Policy Capacities in the Baltic States, *Journal of Baltic Studies*, 42:4, 511-536 DOI: 10.1080/01629778.2011.621739
9. Karo, E., Looga, L. Understanding institutional changes in economic restructuring and innovation policies in Slovenia and Estonia. *J Int Relat Dev* 19, 500–533 (2016). <https://doi.org/10.1057/jird.2014.23>
10. Estonian Research and Development, Innovation and Entrepreneurship Development Plan 2021–2035. Estonian Ministry of Education and Research. URL: https://www.hm.ee/sites/default/files/taie_arengukava_kinnitatud_15.07.2021.pdf (24.09.2021).
11. Cohesive Estonia Strategy 2030 URL: https://commission.europa.eu/system/files/2022/10/1_2_cohesive_estonia_strategy_2030_en.pdf
12. National Spatial Plan «Estonia 2030+» URL: <https://eesti2030.files.wordpress.com/2014/02/estonia-2030.pdf>
13. EU Strategy for the Baltic Sea Region Action Plan SWD(2021) 24 final

Перышкин Михаил Олегович, Ассистент кафедры экономики, финансов и финансового права, Псковский государственный университет; e-mail: maik.peryshkin@gmail.com

ANALYSIS OF SPATIAL DEVELOPMENT AND REGIONAL INTEGRATION IN THE BALTIC REPUBLICS (BASED ON THE EXAMPLE OF ESTONIA)

Peryshkin M.O.¹

¹ Pskov State University, Pskov, Russia

The period after gaining independence and joining the European Union, the Baltic republics moved to a phase of active economic growth, however, after the 2008 crisis they were unable to restore the previous rates of economic growth. An important factor influencing the sustainability of the economy is the availability of tools for cooperation both within the country and abroad. The study examined the main trends in spatial development and regional integration in the countries of the Baltic region. Estonia was examined separately, what challenges it faces in its strategic documents and what tools it uses to overcome them.

Key words: spatial development, regional integration, Estonia, Baltic republics.

Peryshkin Mikhail Olegovich, Assistant lecturer of the Department of economics, finance and financial law, Pskov State University; e-mail: maik.peryshkin@gmail.com

РЕГИОНАЛИЗМ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: КОНКУРЕНЦИЯ ИЛИ ВЗАИМОДОПОЛНЕНИЕ?

Погорельская А.М.¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

В Евразии в последние 25 лет было предложено несколько проектов интеграции в сфере высшего образования. Наиболее многочисленным и результативным стало Европейское пространство высшего образования, где мотором выступили европейские вузы. Интеграцию в сфере высшего образования на постсоветском пространстве долго и безуспешно пыталась продвигать Россия, которая тем самым пыталась закрепить за собой статус регионального центра притяжения абитуриентов. Относительно недавно – в 2021 г. по инициативе Казахстана был образован аналог ЕПВО в Центральной Азии – Центрально-Азиатское пространство высшего образования. На основе анализа основополагающих договоров и стратегических документов соответствующих региональных образований, а также статистики об уровне академической мобильности в Евразии, автор анализирует, каковы их перспективы на мировом рынке услуг высшего образования, в частности, смогут ли такие регионы в сфере высшего образования найти каждый свою нишу или они априори будут конкурировать за абитуриентов.

Ключевые слова: высшее образование, регионализм, Евразия, экспорт образования, мировой рынок высшего образования, конкуренция

ВВЕДЕНИЕ

Потенциал системы высшего образования отдельно взятого государства ограничен. Однако вместе с ростом числа молодежи в мире, расширяется и спрос на высшее образование [1, с. 100-101]. В этой связи ряд государств предпринял попытки региональной интеграции в сфере высшего образования, предполагающей сопряжение национальных образовательных систем путем стимулирования академической мобильности, введения общей системы оценивания, взаимного признания результатов обучения и т.п.

Под регионализмом в сфере высшего образования понимаются "политические проекты по созданию региона с участием какого-либо рода государственной власти (национального, наднационального, международного уровня), определяющей соответствующий регион, на который такая деятельность в области высшего образования распространяется" [2, р. 143-144]. Такая региональная интеграция создаёт более широкий, чем национальный, рынок услуг высшего образования [3, с. 211]. В результате, внутри такого объединения получать высшее образование становится выгоднее, чем за его пределами. Повышается привлекательность такого объединения и для потребителей образовательных услуг из-за его пределов, поскольку оно предоставляет больше возможностей для обучения и трудоустройства.

Количество исследований по регионализму в сфере высшего образования растёт как в мире, так и в России [2; 4; 5]. Самым популярным примером в подобных работах является кейс Европейского пространства высшего образования (ЕПВО), которое зачастую изучают в контексте влияния на политику отдельных стран-участниц [6] или государств за его пределами [7]. Гораздо реже изучаются примеры регионализма в сфере высшего образования в других регионах мира, поскольку они чаще всего фрагментированы и носят характер выборочной координации национальных политик.

Примеры интеграции в сфере высшего образования в Евразии

Европейское пространство высшего образования ведёт своё начало со встречи министров образования 29 европейских стран в г. Болонья (Италия) в 1999 г. Его целью стало формирование конкурентоспособной в глобальном масштабе системы высшего образования для привлечения лучших абитуриентов. Представители стран-участниц планировали добиться гармонизации, т.е. сближения национальных систем высшего образования [8]. В этой связи был запланирован ряд реформ, включая повсеместное внедрение трехуровневой системы высшего образования; учреждение зачётных единиц и сопоставимости результатов обучения; обеспечение взаимного признания квалификаций и выработку универсальных квалификационных требований и т.д.

Цели ЕПВО оказались привлекательны для широкого круга стран, в результате чего количество членов выросло до 49 государств к 2023 году, включив страны Европы, Турцию и некоторые государства постсоветского пространства (Азербайджан, Армению, Белоруссию, Грузию, Казахстан, Россию, Украину). Россия присоединилась к ЕПВО в 2003 году, однако в связи с началом СВО в 2022 г. её участие было в нём заблокировано.

За время существования ЕПВО увеличилось количество обучающихся там студентов с 20 млн. (2000 г.) до 38,1 млн. (2016 г.) [9, p.17]. Доля иностранных студентов в общем студенческом контингенте значительно различается между странами: от 86% в Лихтенштейне до 2% в Албании, однако в большинстве стран она выросла, что может быть связано как с расширением масштабов академической мобильности в мире, так и с ростом привлекательности самого ЕПВО [10]. Факторами, влияющими на выбор студентами страны, стали географическая близость отправляющей и принимающей страны; наличие общего языка; культурная схожесть и наличие общего, в том числе колониального, прошлого [36, p.145]. При этом ЕПВО принимает далеко не только студентов из Евразии, но и со всего мира, в том числе в значительной мере из Китая и Индии, где растёт спрос на высшее образование.

В Куала-Лумпурской Декларации 2015 года, подписанной странами АСЕАН, поставлена цель содействия высшему образованию для ускорения экономического, политического и социокультурного развития Ассоциации [11]. На период 2021–2025 гг. поставлена цель создания *общего пространства высшего образования в АСЕАН*, которое будет способствовать расширению масштабов академической мобильности внутри АСЕАН, обеспечивая циркуляцию знаний [12]. Из членов АСЕАН страной, принимающей самое большое количество иностранных студентов, является Малайзия, хотя доля иностранных студентов растёт почти во всех государствах Ассоциации [10]. При этом страны по большей части принимают студентов из Юго-Восточной Азии и Китая (Таблица 1). На направлениях студенческой мобильности сказываются существующие пока ограничения ресурсов систем высшего образования стран и необходимость в первую очередь удовлетворения внутреннего спроса на образование.

Таблица 1. Международная студенческая мобильность в АСЕАН [13]

	Отправляющие страны											
	Бруней	Вьетнам	Индонезия	Камбоджа	Лаос	Малайзия	Мьянма	Сингапур	Таиланд	Филиппины	Всего	
Принимающие страны	Бруней	-	...	58	116	29	52	26	420	
	Вьетнам	...	-	8	694	5 626	13	46	...	32	51	7 760
	Индонезия	-	
	Камбоджа	...	85	...	-	58	513	
	Лаос	...	235	...	48	-	...	9	543	
	Малайзия	540	450	9 862	101	18	-	389	612	558	327	100 437
	Мьянма	
	Сингапур	58 269
	Таиланд	6	731	587	1 216	686	175	2 134	40	-	442	27 113
	Филиппины

В Туркестанской декларации, ознаменовавшей создание в 2021 г. *Центрально-Азиатского Пространства Высшего Образования*, было заявлено, что "сотрудничество в области образования на региональном уровне ... имеет мощный потенциал для укрепления взаимосвязей ..., увеличивая международную конкурентоспособность национальных систем высшего образования" [14]. Данная инициатива не предполагает участия России, которая пока является крупнейшей принимающей иностранных студентов страной на постсоветском пространстве, в то время как центральноазиатские государства, наоборот – в основном, отправляющими (Таблица 2).

Анализ опыта перечисленных выше объединений свидетельствует, что залогом их успеха становится взаимовыгодность сотрудничества. В этой связи показательна слабая поддержка проектов интеграции в сфере высшего образования, предлагаемых своим соседям Россией. Устоявшееся мнение, что такие проекты позволят российской системе высшего образования привлечь абитуриентов за счет других, основанные на подходе в русле "игры с нулевой суммой", способствует тому, что эти проекты по большей части оказываются декларативными [15, p. 162].

Таблица 2. Международная студенческая мобильность на пространстве СНГ [13]

	Отправляющие страны									
	Азербайджан	Армения	Белоруссия	Казахстан	Кыргызстан	Молдова	Россия	Таджикистан	Узбекистан	
Принимающие страны	Азербайджан	-	...	22	55	15	8	477	8	24
	Армения	...	-	9	37	11	...	2 082	21	14
	Белоруссия	280	27	-	242	17	22	1 756	232	2 352
	Казахстан	167	25	55	-	1 161	12	1 487	613	26 130
	Кыргызстан	1 985	-	...	1 672	1 595	51 605
	Молдова	36	...	8	5	...	-	81
	Россия	10 946	3 891	11 614	71 368	7 291	14	-	21 973	27 397
	Таджикистан
	Узбекистан	19	526	333	...	572	225	-

Содружество независимых государств было создано для преодоления последствий распада Советского Союза, но сотрудничество в сфере высшего образования на его базе оказалось мало результативным, несмотря на наличие множества формальных механизмов. Хотя в СНГ заложена правовая основа академической мобильности, обеспечивающая безвизовый режим и взаимное признание дипломов, положения СНГ, направленные на образовательную интеграцию, применялись избирательно. Созданный в 1997 году Совет СНГ по сотрудничеству в области образования не смог обеспечить такую интеграцию. Сетевой университет СНГ, созданный в 2008 году как консорциум университетов, осуществляющих академическую мобильность по странам СНГ, имел ограниченные возможности. В него вошли 38 университетов, но в период с 2010 по 2020 год в академической мобильности на его базе смогли принять участие только 1100 магистрантов [16]. Граждане государств-участников СНГ считаются приравненными к соотечественникам по бюджетным местам в российских вузах. В этой связи число студентов, поступающих в Россию из стран СНГ, превышает потоки международной студенческой миграции между ними [17]. Соответственно, российское высшее образование пользуется преимуществами правовых положений СНГ.

Евразийский экономической союз изначально не ставил целью создание единого образовательного пространства. Решение о стратегических направлениях евразийской экономической интеграции до 2025 года, принятое в январе 2021 года, декларировало усиление гуманитарного содержания евразийской интеграции [18]. Однако в нем не упоминается ни одно образовательное направление, ни общая программа академической мобильности. Создание Евразийского сетевого университета не было поддержано государствами-членами и осталось инициативой университетов. Таким образом, на базе ЕАЭС не удалось запустить действующие механизмы академической мобильности или интеграция в сфере высшего образования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На примере Евразии можно увидеть, что уровень региональной интеграции в сфере высшего образования значительно разнится. Во многом роль в этом играют интересы государств и наличие или отсутствие возможностей для взаимовыгодного сотрудничества. Кроме того, важны перспективы удовлетворения внутреннего спроса на высшее образование и совместного укрепления позиций в мировом образовательном пространстве.

Примеры таких проектов свидетельствуют, что участие в них не приводит к выравниванию показателей студенческой мобильности и не гарантирует массовый приток иностранных студентов.

Пока существующие в Евразии проекты интеграции в сфере высшего образования довольно удачно разделили рынок и скорее дополняют друг друга. Потенциально конкурируют между собой множественные проекты на постсоветском пространстве, однако пока тенденция центристской образовательной миграции, нацеленной на Россию, является определяющей в этом суб-регионе.

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10036, <https://rscf.ru/project/23-78-10036/>

Список источников и литературы

1. Альбах Ф. Глобальные перспективы высшего образования. М.: Издательский дом ВШЭ, 2018.
2. Chou M.H., Ravinet P. The Emergent Terrains of 'Higher Education Regionalism': How and Why Higher Education Is an Interesting Case for Comparative Regionalism. *European Journal of Higher Education*, Vol. 6 (3), p. 271-287, 2016.
3. Волгина Н.А. Международная торговля: учебник. М.: КНОРУС, 2019.
4. Woldegiorgis E.T., Knight J. Achieving African Higher Education Regionalization / Regionalization of African Higher Education: Progress and Prospects. Rotterdam: Sense Publishers, p. 209-220, 2017.
5. Лескина Н. Европейский регионализм в сфере образования: от Болонского процесса к Сорбонскому, *Современная Европа*, № 2, с. 158-166, 2021.
6. Gille-Belova O. Beyond the limits of the European Higher Education Area: the case of Belarus, *European Journal of Higher Education*, Vol. 5(1), p. 83-95, 2015.
7. Asderaki, F. Researching the European Higher Education Area external effectiveness: regime complexity and interplay, *European Journal of Higher Education*, Vol. 9(1), p. 40-57, 2019.
8. The Bologna Process and the European Higher Education Area, European Commission. Brussels. URL: <https://education.ec.europa.eu/education-levels/higher-education/inclusive-and-connected-higher-education/bologna-process> (access date: 01.09.2023).
9. The European Higher Education Area in 2020. Bologna Process Implementation Report, European Commission. URL: https://eurdice.eacea.ec.europa.eu/sites/default/files/2022-06/eha_bologna_2020_chapter01.pdf (access date: 01.09.2023).
10. Inbound mobility rate, UNESCO UIS. URL: <http://data.uis.unesco.org/index.aspx?queryid=3809#> (access date: 01.09.2023).
11. Kuala Lumpur Declaration On Higher Education, ASEAN. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2012/05/ASEAN-Declaration-on-Higher-EducationAdopted.pdf> (дата обращения: 01.09.2023).
12. Roadmap in the ASEAN Higher Education Space 2025 and Its implementation Plan, ASEAN. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2022/07/ASEAN-Higher-Education-Space-2025_rev-1.pdf (дата обращения: 01.09.2023).
13. Global Flow of Tertiary-Level Students, UNESCO UIS. URL: <https://uis.unesco.org/en/uis-student-flow> (access date: 18.09.2023).
14. Declaration on the creation of the Central Asian Higher Educational Area (Turkestan Declaration), Council of Europe. URL: <https://rm.coe.int/turkestan-declaration/1680a2eac7> (дата обращения: 01.09.2023).
15. Pogorelskaya A.M. Academic mobility for region-building and the creation of a Eurasian identity, *European Journal of Higher Education*, Vol. 13(2), p. 161-178, 2023.
16. Сетевой университет Содружества независимых государств, Интернет-портал СНГ. URL: <https://e-cis.info/cooperation/3063/78389/> (дата обращения: 01.09.2023).
17. Inbound internationally mobile students by continent of origin, UNESCO UIS. URL: <http://data.uis.unesco.org/index.aspx?queryid=3809#> (access date: 01.09.2023).
18. Сутырин В.В. Стратегия Евразийского экономического союза до 2025 года: гуманитарный поворот, *Евразия. Эксперт*, № 1, 2021.

Погорельская Анастасия Михайловна, к. ист. н., доцент, кафедра мировой политики, Национальный исследовательский Томский государственный университет; e-mail: pogorelskaya@mail.tsu.ru

REGIONALISM IN HIGHER EDUCATION: COMPETITION VS COMPLEMENTARITY?

Pogorelskaya A.M.¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

In Eurasia several integration projects in higher education were offered over the past 25 years. The European Higher Education Area, where European universities acted as the driving force, has become the most numerous and productive one. Recently, in 2021 at the initiative of Kazakhstan, a common space of higher education in Central Asia was formed - the Central Asian Higher Education Area. Based on an analysis of the agreements and strategic documents of the relevant regional entities, as well as statistics on academic mobility in Eurasia, the author analyzes their prospects at the global market for higher education services and whether such regions will be able to each find their own niche at the market or they will a priori compete for students.

Key words: higher education, regionalism, Eurasia, export of education, global market of higher education services, competition

Pogorelskaya Anastasiya Mikhaylovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Global Politics, National Research Tomsk State University; e-mail: pogorelskaya@mail.tsu.ru

УДК 911.3:332.14 (476)

РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ КАК ИТОГ ПРОТЕКАНИЯ ЦЕНТР-ПЕРИФЕРИЙНЫХ ПРОЦЕССОВ И ПРОЦЕССОВ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

Ридевский Г.В.¹

¹ НИИ труда Министерства труда и социальной защиты РБ, Минск, Беларусь

Регионализация внутривостранового пространства осуществляется в результате взаимодействия двух групп процессов: центр-периферийных и процессов пространственной интеграции. Центр-периферийные процессы (поляризация, фрагментация и иерархизация) проявляются в виде метрополизации, регионополизации и локополизации, а процессы пространственной интеграции – в виде континуализации, агломерирования и конгломерирования. В результате процессов регионополизации и конгломерирования формируются и активно развиваются социально-эколого-экономические районы, выступающие в качестве субнациональных регионов и основных итогов регионализации пространства.

Ключевые слова: регионализация, центр-периферийные процессы, регионополизация, процессы пространственной интеграции, конгломерирование, социально-эколого-экономические районы, Республика Беларусь.

Внутривострановая регионализация пространства обусловлена протеканием двух групп пространственных процессов: центр-периферийных процессов и процессов пространственной интеграции [1].

Центр-периферийные процессы, к которым следует относить процессы поляризации (концентрации-деконцентрации) населения, экономических явлений и процессов природопользования, фрагментации пространства и его иерархизации. Иерархизация пространства, т. е. обособление центров и периферийных территорий, а также маргинальной полупериферии, сочетающей черты центральных и периферийных территорий, протекают на разных пространственных уровнях, т. е. также носят иерархический характер. Внутри стран можно говорить о центр-периферийных процессах, протекающих на страновом уровне – метрополизация, на уровне крупных регионов – регионополизация, на уровне небольших территорий – локополизация [2].

Для больших стран, таких как Российская Федерация, могут быть выделены промежуточные уровни протекания центр-периферийных процессов поскольку, уровень метрополизации в Беларуси – средней европейской страны, примерно соответствует территории Центрально-Черноземного района России.

Процессы пространственной интеграции проявляются в виде континуализации, агломерирования и конгломерирования [3]. Континуализация приводит к интеграции городских и сельских или только сельских поселений и формирует сельско-городские и сельские континуумы. Если сельские континуумы всегда носят локальный характер, то сельско-городские континуумы формируют ядра регионов разного пространственного уровня, поскольку их формируют городские поселения, которые существенно различаются по своему месту в пространственной структуре страны (функционально-иерархическому типу).

Процессы агломерирования формируют городские и сельские агломерации. При этом городские агломерации способствуют формированию больших и малых регионов, что обусловлено и различной функциональной значимостью их городов-ядер, а сельские агломерации – как и сельские континуумы, всегда носят локальный характер.

Процессы конгломерирования формируют городские конурбации (ГК), т. е. обширные города-регионы, состоящие из сохраняющих свою самостоятельность образующих их городских агломераций и (или) сельско-городских континуумов. Именно такой смысл вносил в понятие «конурбация» его автор П. Геддес [4]. Следует вспомнить, что уже в XVI в. Л. Гвиччардини в своем знаменитом «Описании Нидерландов» писал о Фландрии как о «непрерывном городе», городская жизнь которого стимулировала сельскую и превратила бедные почвы этой исторической области в одни из самых продуктивных сельскохозяйственных земель Европы [5, с. 124-125].

Конгломерирование – формирование сельско-городских конгломератов, а агломерирование – агломераций, т. е. более тесно интегрированных и целостных пространственных систем с ярко выраженными ядрами агломераций – важнейшими городскими

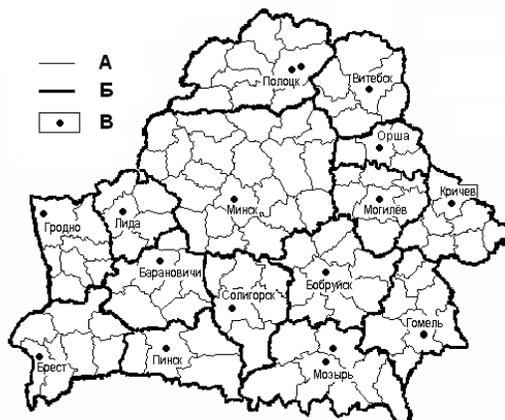
или сельскими центрами. Поскольку ГК как и городские поселения и городские агломерации сильно различаются по численности населения и занимаемой территории, в силу этого они могут быть ядрами регионов разного иерархического уровня.

Для формирования крупных регионов субнационального значения особенно важны два процесса: регионополитизация, как центр-периферийный процесс регионального внутривостранового уровня, и конгломерирование как процесс формирования и развития ГК, особенно крупных. Все вышеназванные теоретические представления были сформулированы на основе эмпирического изучения Республики Беларусь, масштаб которой является оптимальным для изучения всей страны посредством одного исследователя или ограниченного научного коллектива [1].

Центр-периферийные процессы и процессы пространственной интеграции при этом следует рассматривать как конфигураторы регионов разного иерархического уровня от локальных (от десятков до первых тыс. кв. км) до значимых субнациональных (площадь 5-25 тыс. кв. км).

Субнациональные регионы Беларуси были впервые выделены в 2003 г. как отражение процессов регионополитизации, т. е. концентрации населения, хозяйства и процессов в региональном центре – городе-регионополисе, т. е. главном городе региона, и децентрации соответствующих объектов и явлений, и получили название социально-эколого-экономических районов (СЭЭР). Подобное название субнациональных регионов вполне оправдано в силу единства пространственных систем расселения, хозяйства и природопользования.

К началу 70-х годов XX в. в Республике Беларусь сложилась система из 15 СЭЭР (рис.).

Границы: А – административных районов, Б – СЭЭР
В – города-регионополисы

Рисунок – Социально-эколого-экономические районы Республики Беларусь (Ридевский, 2003 г.) [1]

СЭЭР не всегда соответствуют границам областей Беларуси, и в каждой области исторически сложилось 2-3 СЭЭР. Регионополитизация стала одним из ключевых центр-периферийных процессов, а концентрация населения в их главных городах – городах-регионополисах в сравнении с населением всех СЭЭР – важнейшая пространственная закономерность в развитии регионов Беларуси (табл. 1).

Таблица 1 – Доля регионополисов Беларуси в населении соответствующих СЭЭР в 1979-2023 гг., %

СЭЭР	1979	1989	1999	2009	2019	2023	Рост в п.п.
Витебский	57,7	63,8	65,1	70,2	74,1	75,1	17,4
Полоцкий	28,4	35,5	39,1	44,4	48,2	49,4	21,0
Гродненский	34,9	44,6	47,8	55,0	61,0	62,7	27,8

Лидский	19,7	28,0	31,5	35,7	41,0	43,4	23,7
Минский	48,7	54,2	55,3	59,8	60,9	60,7	12,0
Оршанский	37,3	40,8	42,0	45,6	47,5	47,9	10,6
Могилёвский	51,9	59,6	61,8	66,5	69,0	70,1	18,2
Кричевский	11,8	14,1	14,5	16,1	17,1	17,4	5,6
Барановичский	23,7	28,7	30,1	33,8	38,1	38,9	15,2
Солигорский	15,6	22,1	24,6	28,3	30,3	30,6	15,0
Бобруйский	30,0	32,4	32,7	34,9	37,0	37,7	7,7
Брестский	29,4	38,2	40,2	44,9	48,9	50,0	20,6
Пинский	21,9	28,5	31,3	34,3	36,5	37,4	15,5
Мозырский	24,7	35,5	41,5	45,9	48,3	49,6	24,9
Гомельский	42,6	55,3	57,7	60,9	63,3	63,8	21,2
Все главные регионополисы	37,1	44,1	46,1	51,0	54,4	55,0	17,9

Примечания:

1. Доля регионополисов в населении соответствующих СЭЭР Беларуси в 2023 г. рассчитана по данным текущего учёта населения. В остальные годы – по данным переписей населения [6-8].
2. В качестве главных регионополисов Мозырского и Полоцкого СЭЭР рассматривались парные города Мозырь-Калинковичи и Полоцк-Новополоцк.

Закономерность концентрации населения в регионополисах Беларусь в последние годы нарушилась снижением доли Минска в населении Минского СЭЭР, но это вызвано активным формированием его городской агломерации и прежде всего бурным ростом численности населения пригородного Минского района.

15 регионополисов СЭЭР образуют 17 городских поселений, поскольку центры Полоцкого и Мозырского СЭЭР не одиночные, а парные, т. е. практически сросшиеся города Полоцк-Новополоцк и Мозырь-Калинковичи.

Роль каждого регионополиса в развитии соответствующих СЭЭР настолько значительна, что СЭЭР могут рассматриваться в качестве зон жизнеобеспечения соответствующих регионополисов.

Поскольку каждый из городов-регионополисов формирует свой сельско-городской континуум, то города-регионополисы и непосредственно связанные с ними пригородные сельские поселения концентрируют существенно более высокую долю в населении каждого СЭЭР, чем города-регионополисы без учета пригородных сельских населенных пунктов. С учетом процессов континуализации в регионополисах в 2019 г. было сконцентрировано 60,9 %, а с учетом процессов агломерирования 65,5 % населения Беларуси [9]. Городские агломерации в 2019 г. формировали 11 из 15 городов-регионополисов. Только Витебск, Лида, Пинск и Кричев не стали ядрами городских агломераций. С учетом сложившихся городских агломераций регионополисы доминировали в населении 9 из 15 СЭЭР. Только в Лидском, Барановичском, Солигорском, Бобруйском, Пинском и Кричевском СЭЭР в 2019 г. большая часть населения жила вне SGK и ГА, возглавлявшихся регионополисами.

В 2022 г. на основе дазиметрических методов исследования [10], т. е. оконтуривания контактирующих друг с другом сельско-городских континуумов и (или) городских агломераций, в Беларуси было выделено 26 ГК, из которых 14 были отнесены к ГК районообразующего значения, поскольку каждый из них – это город-регион и ядро соответствующего СЭЭР. Каждый ГК охвачен суточным и (или) недельным (вахтовым) ритмом трудовой занятости и жизнедеятельности населения (табл. 2).

В Могилевском и Оршанском СЭЭР сложилась Приднепровская или Восточно-Белорусская конурбация, которая условно может быть разделена на Могилёвскую и Оршанскую. Приднепровская ГК – полоса контактирующих друг с другом сельско-городских континуумов, большинство из которых входят в состав Оршанской и Могилёвской городских агломераций. Это третья ГК Беларуси, после Центрально-Белорусской и Гомельской, с населением в 2019 г. 673,4 тыс. чел.

В 14 ГК Беларуси, формирующих каркас 15 СЭЭР с учетом Приднепровской ГК, сосредоточено 128 городских поселений Беларуси (64 %) и 7811,7 тыс. чел., в том числе 89,4 %

городского и 60,7 % сельского населения страны. Бобруйский СЭЭР характеризуется самой низкой долей населения, сконцентрированного в соответствующей ГК. Причина этого в том, что в этом регионе активно формируются две ГК – Бобруйская и Жлобинская. Жлобинская ГК развивается на юго-востоке Бобруйского СЭЭР, и в ней в 2019 г. проживало 21,8 % всего населения региона (134,2 тыс. чел.). Это является одним из веских оснований рассматривать г. Жлобин в качестве квазирегионополиса, т. е. города, претендующего на роль главного регионального центра.

Таблица 2 – Доля городских конурбаций Беларуси районообразующего значения в населении соответствующих СЭЭР в 2009-2019 гг., %

Городские конурбации	2009	2019	Рост в п.п.
Витебская	89,1	91,2	2,1
Полоцкая	52,4	55,3	2,9
Гродненская	97,5	98,6	1,1
Лидская	96,7	99,3	2,6
Центрально-Белорусская	89,2	91,1	0,9
Оршанская	79,2	79,8	0,6
Могилёвская	94,2	95,1	0,9
Кричевская	81,9	83,3	1,4
Барановичская	58,0	60,9	2,9
Солигорская	73,7	76,2	2,5
Бобруйская	48,5	49,3	0,8
Брестская	73,6	76,9	3,3
Пинская	53,8	56,1	2,3
Мозырьская	62,6	66,1	3,5
Гомельская	95,3	96,3	1,0
Все ГК районообразующего значения	81,9	83,0	1,1

Прим.: Приднепровская ГК условно разделена на Оршанскую и Могилёвскую ГК.

Источник: Рассчитано с учетом данных переписей населения Беларуси 2009 и 2019 гг. [6-7].

Данные таблицы 3 свидетельствуют, что пространство, охваченное формированием ГК районообразующего значения, – наиболее динамично развивающееся пространство в границах СЭЭР, а окружающие его территории теряют свой демографический потенциал существенно более высокими темпами, чем большинство ГК национального значения. Население 14 районообразующих ГК Беларуси за 2009-2019 гг. увеличилось с 7643,4 до 7811,8 тыс. чел., т. е. на 2,2 %, в то время как пространство Беларуси вне 14 вышеотмеченных ГК потеряло 13,9 % своего населения.

Из 14 ГК, представляющих собой каркас СЭЭР, в трех ГК в 2009-2019 гг. население выросло и в абсолютном отношении. Среди таких ГК Центрально-Белорусская, которая формируется в границах Минского СЭЭР, Брестская и Гомельская, первая за межпереписной период выросла на 10,3 %, вторая – на 5,1 % и третья – на 0,8 %. Это свидетельство уверенного перехода Беларуси к модели моноцентричного пространственного развития, что не эффективно с социальных и экологических позиций, поскольку ведет к росту межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения и росту нагрузки на природную среду центральной части страны.

Таблица 3 – Население городских конурбаций Беларуси районообразующего значения в 2009 и 2019 гг., тыс. чел.

Городские конурбации	Население в 2009 г.			Население в 2019 г.		
	всего	городское	сельское	всего	городское	сельское
Витебская	450,4	387,0	63,4	449,1	394,4	54,7
Полоцкая	219,5	190,9	28,6	206,3	183,6	22,7
Гродненская	583,3	452,2	131,1	575,0	474,6	100,4
Лидская	264,1	177,2	86,9	248,6	178,6	70,0

Центрально-Белорусская	2739,9	2372,2	367,7	3020,8	2571,5	449,3
Оршанская	203,6	158,8	44,8	181,2	146,3	34,9
Могилёвская	507,1	420,6	86,4	492,2	417,4	74,8
Кричевская	138,3	93,4	44,9	119,5	87,6	31,9
Барановичская	288,4	230,4	58,0	280,2	237,7	42,5
Солигорская	267,6	199,1	68,5	255,6	199,3	56,3
Бобруйская	299,1	261,1	38,0	283,0	253,2	29,8
Брестская	507,3	400,9	106,4	533,4	432,6	100,8
Пинская	204,4	153,0	51,4	194,3	148,7	45,6
Мозырская	200,7	166,3	34,4	196,0	161,8	34,2
Гомельская	769,7	620,9	148,9	776,6	642,5	134,1
Все ГК районообразующего значения	7643,4	6284,0	1359,4	7811,8	6529,8	1282,0

Прим.: Приднепровская ГК условно разделена на Оршанскую и Могилёвскую ГК.

Источник: Рассчитано с учетом данных переписей населения Беларуси 2009 и 2019 гг. [6-7].

Из 14 районообразующих ГК городское население выросло в 8 (Витебской, Лидской, Гродненской, Центрально-Белорусской, Барановичской, Солигорской, Брестской, Гомельской ГК), а сельское – только в Центрально-Белорусской конурбации. В 2019 г. в Центрально-Белорусской ГК было сосредоточено 21,3 % всего сельского населения Беларуси, в 2009 г. – 15,1 %. Практически весь прирост сельского населения ГК пришелся на Минский район. Рост сельского населения Центрально-Белорусской конурбации происходил на фоне быстрого сокращения всего сельского населения Беларуси, сократившегося с 2009 г. по 2019 г. на 13,4 %.

Данные эмпирических исследований позволяют утверждать, что субнациональные регионы формируются как в результате процессов регионополизации, так и в результате протекания процессов пространственной интеграции и прежде всего конгломерирования, а доля населения СЭЭР, проживающего в городском центре – городе-регионополисе, соответствующем сельско-городскому континууму, городской агломерации и конурбации – свидетельство регионализации пространства, т. е. возрастания его целостности и взаимозависимости входящих в его состав городских и сельских поселений. Если регионополизация объективно способствует внутрирегиональному расслоению, то центр-периферийные процессы приводят к преодолению дихотомии городских поселений и сельской местности, центральных и периферийных регионов в границах СЭЭР. В силу этого можно рассматривать СЭЭР как главные районы для проведения полицентричной региональной политики на уровне Беларуси, а также как регионы, нацеленные на устойчивое и инклюзивное развитие, т. е. на комплексное решение социально-экономических и экологических проблем и сокращение внутрирегиональных и межрегиональных (между СЭЭР) диспропорций в уровне и качестве жизни населения. СЭЭР также могут быть положены в основу децентрализованной системы государственного управления, поскольку в их границах формируются территориальные социумы, заинтересованные в развитии своих регионов.

Список источников и литературы

1. Ридевский Г. В. Пространственные структуры современной Беларуси: новая социально-экономическая география страны: монография. Минск, 2022. 244 с.
2. Ридевский Г. В. Центр-периферийные процессы и развитие регионов Беларуси: монография. Минск, 2020. 346 с.
3. Ридевский Г. В. Атрибутивные свойства географического пространства и закономерности пространственного развития. Журнал Белорусского государственного университета. География. Геология. 2023. № 1. С. 83-92. DOI: 10.33581/2521-6740-2023-1-00-00
4. Geddes P. Cities in evolution: an introduction to the town planning movement and to the study of civics. London, 1915. 409 p.
5. Видаль де ла Блаш П. Географические картины Франции. Москва, 2021. 566 с.
6. Население Республики Беларусь: его численность и состав. Перепись населения 2009 г. Т. 2. Минск, 2010. 414с.
7. Итоги переписи населения Республики Беларусь 2019 г. Стат. сб. Т. 2. Минск, 2021. 491 с.
8. Численность населения на 1 января 2023 г. и среднегодовая численность населения за 2022 год по Республике Беларусь в разрезе областей, районов, городов, городских поселков. Стат. бюл. Минск, 2023. 30 с.

9. Ридевский Г. В. Роль городов национального значения и возглавляемых ими систем расселения в развитии регионов Беларуси. Проблемы современной урбанизации: преемственность и новации. Москва, 2022. С. 12-19.

10. Ридевский Г. В. Дазиметрический метод В. П. Семенова-Тян-Шанского как способ выделения диссипативных пространственных структур расселения на примере Республики Беларусь. Вестник Брестскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна. 2023. № 1. С. 138-145.

Ридевский Геннадий Владимирович, к. геогр. н., доцент, заведующий отделом социально-трудовых исследований НИИ труда Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, e-mail: ridgeo@yandex.ru

REGIONALIZATION AS A RESULT OF THE CENTER-PERIPHERAL PROCESSES AND SPATIAL INTEGRATION PROCESSES (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF BELARUS)

Rydzewski H.V.¹

¹ Research Institute of Labour, Minsk, Belarus

The regionalization of the intra-country space is carried out as a result of the interaction of two groups of processes: center-peripheral and spatial integration processes. The center-peripheral processes (polarization, fragmentation and hierarchization) manifest themselves in the form of metropolization, regionopolization and locopolization, and the processes of spatial integration – in the form of continualization, agglomeration and conglomeration. As a result of the processes of regionopolization and conglomeration, socio-ecological and economic regions are being formed and actively developing, acting as subnational regions and the main results of the regionalization of space.

Key words: regionalization, center-peripheral processes, regionopolization, spatial integration processes, conglomeration, socio-ecological and economic regions, Republic of Belarus.

Rydzewski Henadzi Vladimirovich, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Social and Labor Research, Research Institute of Labour, Ministry of Labour and Social Protection of the Republic of Belarus, e-mail: ridgeo@yandex.ru

УДК 911.3

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА ТЕОРИЮ И ПРАКТИКУ ВНУТРИОБЛАСТНОГО (ДРОБНОГО) РАЙОНИРОВАНИЯ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Рогозина Р.Е.¹, **Кулаковский Е.С.**^{1,2}

¹Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

²Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

В статье рассматриваются вопросы трансформации взглядов на внутриобластное (дробное) районирование. Оцениваются методологические проблемы дробного районирования, а также пути совершенствования теории. Выделяются практические направления использования теории социально-экономического районирования на низовых уровнях управления, в том числе местного самоуправления.

Ключевые слова: социально-экономическое микрорайонирование, районная школа, методические особенности дробного районирования.

Введение и постановка проблемы. Районирование представляет собой один из основных методов исследования пространства, зародившийся в недрах социально-экономической географии. Основная цель – выявление специфических территориальных групп по социальному, хозяйственным или культурным признакам.

В советский период в отечественной науке сформировалась районная школа, которая достигла своего расцвета к 70-м годам прошлого столетия. После распада СССР интерес к подобным работам упал, что связано, с одной стороны, с отсутствием общественного (государственного) заказа на подобные работы, а с другой – формированием «стихийного» рынка, что не способствовало развитию подходов к рациональному и комплексному

использованию имеющихся ресурсов, долгосрочному планированию хозяйственной деятельности территорий.

В последнее время снова стал проявляться интерес к вопросам рациональной организации жизнедеятельности населения, в том числе экономики и социальной жизни в формирующихся условиях хозяйствования. Новые теоретические и методологические основы районирования раскрываются в работах В.И. Блануца [1], А.Н. Пилясова [6], М.Д. Шарыгина [12] и др. Подобные исследования на современном этапе проводятся по следующим направлениям: во-первых, изучение новых пространственных форм организации территории, в том числе усложнение социально-экономических связей; во-вторых, раскрытие роли муниципальной реформы в деятельности субъектов РФ, которая в большинстве своем была проведена по границам ранее существовавших административно-территориальных единиц, что сформировало предпосылки для кризисной ситуации на локальном уровне управления; в-третьих, исследование в области стратегического пространственного планирования, в котором значимым является учёт межмуниципального сотрудничества, а также необходимость выстраивания отраслевых и территориальных приоритетов социально-экологического и экономического развития.

Материалы и методы исследований. Дробное районирование или социально-экономическое микрорайонирование следует рассматривать одновременно как процесс – методический прием познания и преобразования региональной организации жизнедеятельности людей, так и как результат – основа для улучшения пространственно-временной структуры регионов [12]. Дробное (внутриобластное) районирование позволяет выделить территориальные образования в пределах региона с центральным населенным пунктом, отличающимся устойчивыми транспортными и социальными связями, едиными чертами в системе расселения и хозяйственной деятельности. В современных реалиях социально-экономическое микрорайонирование учитывает новые организационные формы хозяйственной деятельности, выявление точек роста и проблемных территорий для проведения региональной политики на муниципальном уровне.

В основе нашего исследования лежит системный анализ трудов географов-обществоведов Воронежской области, среди которых: Г.Т. Гришин, Н.И. Коржов, В.К. Ковылов, Т.М. Худякова, З.В. Пономарева и др.

Результаты исследования и их обсуждение. Дробное районирование в Воронежской области имеет длительную историю становления и совершенствования, в котором можно отметить несколько направлений в изучении территориальных особенностей регионального развития:

- комплексообразование и специализация сельскохозяйственной деятельности – Г.Т. Гришин, Н.И. Коржов, Т.М. Худякова. Выбор агропромышленного комплекса, его потенциала и территориальной специфики в качестве основы для районирования;
- локальные территориально-производственные комплексы – В.К. Ковылов;
- районная планировка – авторский коллектив В.В. Подколзин, В.Е. Кирьянчук, Г.Б. Рыбин;
- локальная среда жизнедеятельности населения– З.В. Пономарева.

Таблица 1. Основные работы по дробному районированию Воронежской области

Исследователь	Количество районов	Труд	Методические особенности
Гришин Г.Т.	7	Экономико-географические районы Воронежской области / Г. Т. Гришин. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1957. – 159 с.	В основе лежит сложившаяся специализация с особенностями природных, исторических и экономических условий; «сельскохозяйственное производство связано с использованием всех земельных фондов области, микрорайонные различия идут, в первую очередь, по линии сельскохозяйственной специализации».

			Задача – максимальная степень использования потенциальных возможностей в экономике.
Коржов Н.И	9	Экономические районы Воронежской области / Н. И. Коржов // Известия Воронежского государственного педагогического института. Краеведческий сборник. – Воронеж, 1964. – Т. 45. – С. 12-28.	В основе районирования - различия в природных условиях и территориальных сочетаниях отдельных элементов природной среды, территориальная структура сельского хозяйства, основные районообразующие центры.
Ковылов В.К.	Изучено на примере одного района – Аннинского о Прибитоужья	Экономическое микрорайонирование района с аграрно-индустриальным типом хозяйства [Текст]: (На примере Аннин. Прибитоужья Воронежской обл.): Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата географических наук. / Воронежский гос. ун-т им. Ленинского комсомола. - Воронеж, 1970. - 26 с.	выделение ареалов наиболее выгодного производства сельскохозяйственной продукции, анализ природных и экономических предпосылок для развития сельскохозяйственного производства, определение сложившейся производственной специализации сельскохозяйственных предприятий.
Подколзин В.В., Кирьянчук В.Е., Рыбин Г.Б.	8	Отчёт по научно-исследовательской работе МЛЭУ (Межфакультетская лаборатория экономики и управления) ВГУ, 1984.	На основе размещения производственных предприятий и системы обслуживания населения; Центр района (региона) выделяется по принципу наиболее благоприятного расположения с точки зрения доступности населенных пунктов региона (3-4,5 часа).
Худякова Т.М.	9	Территориальная организация агропромышленного комплекса экономического района (на примере Центрально-Черноземного района): Автореф. дис... докт.геогр.наук / ИН-т геофизики им.С.И.Субботина .— Киев, 1986. — 38с.	Природно-сельскохозяйственное районирование Воронежской области с характеристикой районов по угольям и специализации.
Пономарева З.В.	8	Социально-экономическое микрорайонирование Воронежской области: автореф. дис. канд. геогр. наук : 11.00.02 / Пономарева Зинаида Васильевна ; [Воронеж. гос. пед. ун-т] .— Пермь, 1996. — 16 с.	Социально-экономическое микрорайонирование учитывает специфику каждой местности, оно касается всех сторон жизнедеятельности населения и территориальных общностей людей; учитывается уникальность территории.

Лейзерович Е.Е.	6	Сетка экономических микрорайонов России. Вариант 2008 года / Е. Е. Лейзерович // Региональные исследования. – 2010. – № 4(30). – С. 14-28. – EDN NEFFWZ.	Экономический микрорайон – сочетание территориальных хозяйственных микросистем с системами расселения и инфраструктурой – инженерной и социальной. Это территории, имеющие свое местное хозяйство, достаточно индивидуальное экономическое лицо, определенные производственные фонды и трудовые ресурсы, относительное единство образа жизни и качества жизни.
Региональная схема (план) развития и размещения производительных сил Воронежской области..., 2015	8	https://docs.cntd.ru/document/430505286	Отдельно не прописаны, представляет собой интерпретацию ранее выполненных работ.

Источник: составлено авторами по [2, 3, 4, 5, 7, 8, 9, 10, 11]

Анализ методических подходов отчётливо прослеживается в изменении приоритетов: в первых работах большое значение отводилось природно-ресурсному и экономическому потенциалу аграрно-промышленного комплекса, тогда как в последующем все большее внимание уделяется социальным аспектам в территориальной организации общества.

Несмотря на опыты дробного (внутриобластного) районирования, число экономических микрорайонов остаётся примерно в одном диапазоне – 7-9 единиц.

Экономические микрорайоны в Воронежской области представляют собой формирующуюся систему, в которой ядром остаются хозяйственные процессы, оказывающие воздействие на остальные виды деятельности. Фактически дробные районы – географический рисунок системы расселения, в которой большинство выделяемых микрорайонов являются близкими по своему составу и возглавляются межрайонными центрами - Воронеж, Борисоглебск, Лиски, Россошь. Основные расхождения в их составе появляются в зонах, где влияние названных центров снижается, что характерно для внутренней периферии - Павловск, Анна, Бутурлиновка.

Заключение. Дробное (внутриобластное) районирование нуждается в дальнейшем уточнении состава, при этом важное значение имеет то обстоятельство, что фактически выделенные единицы лишены управленческих механизмов. К актуальным направлениям стоит отнести следующие: выявление точек роста; обоснование путей решения проблем в социально-экономическом развитии; определение направлений оптимизации муниципального устройства.

Список источников и литературы

1. Блануца, В. И. Районирование цифрового экономического пространства: контуры формирующихся подходов / В. И. Блануца // Пространственная экономика. – 2022. – Т. 18, № 2. – С. 56-82. – DOI 10.14530/se.2022.2.056-082. – EDN EGMDS.
2. Гришин Г.Т. Экономико-географические районы Воронежской области / Г. Т. Гришин. – Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1957. – 159 с
3. Ковылов В.К. Экономическое микрорайонирование района с аграрно-индустриальным типом хозяйства (на примере Аннин. Прибитожья Воронежской обл.): Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата географических наук. / Воронежский гос. ун-т им. Ленинского комсомола. - Воронеж, 1970. - 26 с.
4. Коржов Н.И. Экономические районы Воронежской области / Н. И. Коржов // Известия Воронежского государственного педагогического института. Краеведческий сборник. – Воронеж, 1964. – Т. 45. – С. 12-28.
5. Лейзерович, Е. Е. Сетка экономических микрорайонов России. Вариант 2008 года / Е. Е. Лейзерович // Региональные исследования. – 2010. – № 4(30). – С. 14-28. – EDN NEFFWZ.
6. Пилясов, А. Н. Районный эффект: проблемные вопросы теории и практики / А. Н. Пилясов, А. Е. Поляченко // Вестник Московского университета. Серия 5: География. – 2021. – № 4. – С. 25-37. – EDN RJKHJL.

7. Подколзин В.В., Кирыничук В.Е., Рыбин Г.Б. Отчёт по научно-исследовательской работе МЛЭУ (Межфакультетская лаборатория экономики и управления) ВГУ, 1984.

8. Пономарева З.В. Социально-экономическое микрорайонирование Воронежской области : автореф. дис. . канд. геогр. наук : 11.00.02 / Пономарева Зинаида Васильевна.— Пермь, 1996. — 16 с.

9. Региональная схема (план) развития и размещения производительных сил Воронежской области..., 2015. URL: <https://docs.cntd.ru/document/430505286> (дата обращения: 20.07.2023).

10. Рогозина, Р. Е. Внутриобластное социально-экономико-географическое районирование Воронежской области: история, теория, практика / Р. Е. Рогозина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология. – 2018. – № 2. – С. 111-114. – EDN URZTNP.

11. Худякова Т.М. Территориальная организация агропромышленного комплекса экономического района (на примере Центрально-Черноземного района) : Автореф.дис...докт. геогр. наук – Киев, 1986. — 38с.

12. Шарыгин, М. Д. Учение о дробном районировании: особенности эволюции и основные направления развития / М. Д. Шарыгин // Географический вестник. – 2019. – № 1(48). – С. 25-32. – DOI 10.17072/2079-7877-2019-1-25-32. – EDN MEAHWS.

Рогозина Римма Евгеньевна, к. геогр. н., доцент, зав. кафедрой социально-экономической географии и регионоведения, Воронежский государственный университет; e-mail: rgozina@bk.ru

Кулаковский Евгений Сергеевич, к. геогр. н., преподаватель кафедры социально-экономической географии и регионоведения, Воронежский государственный университет; e-mail: evgeny.kyl@yandex.ru

TRANSFORMATION OF VIEWS ON THE THEORY AND PRACTICE OF INTRA REGIONAL (FRACTIONAL) ZONING OF THE VORONEZH REGION

Rogozina R.E.¹, Kulakovskiy E.S.^{1,2}

¹Voronezh State University, Voronezh, Russia

²St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

The article deals with the issues of transformation of views on intraregional (fractional) zoning. The methodological problems of fractional zoning are evaluated, as well as ways to improve the theory. Practical ways of using the theory of socio-economic zoning at the lower levels of government, including local self-government, are highlighted.

Key words: socio-economic micro-zoning, regional policy, territorial organization of society.

Rogozina Rimma Evgenyevna, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Social and Economic Geography and Regional Studies, Voronezh State University; e-mail: rgozina@bk.ru

Kulakovskiy Evgeny Sergeevich, Candidate of Geographical Sciences, Lecturer of the Department of Social and Economic Geography and Regional Studies, Voronezh State University; e-mail: evgeny.kyl@yandex.ru

УДК 711.523

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ЦЕНТРА МАЛОГО ГОРОДА

Рыков Д.Д.¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

В данной статье рассматривается кейс формирования общественного центра малого города Можга как каркаса его будущего развития. Предполагается что данное формирование осуществляется в рамках Всероссийского конкурса проектов комфортной городской среды в малых городах и исторических поселениях и послужит толчком для увеличения существующих и мобилизации ещё не задействованных внутренних ресурсов города, в частности человеческого и символического капитала.

Ключевые слова: общественный центр, малый город, каркас, велонфраструктура, комплексное благоустройство.

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня в России чётко прослеживается тренд на повышение качества жизни в малых городах, ярким примером этому служит Всероссийский конкурс проектов комфортной городской среды в малых городах и исторических поселениях. Понятно, что все эти меры

направлены на снижение оттока населения из малых городов в мегаполисы, но достаточно ли для этого просто благоустроить парк или площадь? Я считаю, что для того, чтобы молодые люди, которые формируют основную массу внутренней миграции, оставались на своей малой родине им необходимы перспективы достижения комфортной жизни.

Это возможно при развитии населённого пункта, но государство не может зайти в каждый малый город и наладить там экономику, демографию и прочие показатели, однако оно может подтолкнуть город к реанимации, иными словами, провести искусственное дыхание. По моему мнению, в рамках Всероссийского конкурса проектов комфортной городской среды в малых городах и исторических поселениях подобную реанимацию проводить вполне возможно, если ставить целью благоустройства не случайное общественное пространство/парк/сквер, а каркас, тем самым искусственно запустив процесс развития города, который может оказаться важным толчком к самоосознанию города и последующему саморазвитию. Для примера я решил взять типичный малый город центральной России.

АНАЛИЗ ГОРОДА

Можга – это город с населением в 49 тыс. человек, расположенный на юге Удмуртской Республики. В настоящее время это промышленный и торговый центр юго-запада Удмуртии. Можга расположена в 97 километрах от Ижевска, столицы Удмуртии, и в ~100 км от Камской агломерации. Через город проходит железнодорожная магистраль и федеральная трасса М7, так же имеется в целом развитая сеть автомобильных дорог, что позволяет иметь разносторонние экономические связи. Рядом с городом пролегают 7 магистральных нитей газопроводов.

Город Можга является главным планировочным центром групповой системы населенных пунктов всей юго-западной Удмуртии, обеспечивающим сравнительно широкий выбор мест приложения труда и удовлетворяющий потребности населения Можгинского района в услугах эпизодического культурно-бытового обслуживания. Транспортная доступность для большей части населенных пунктов Можгинского района не превышает полутора часов.

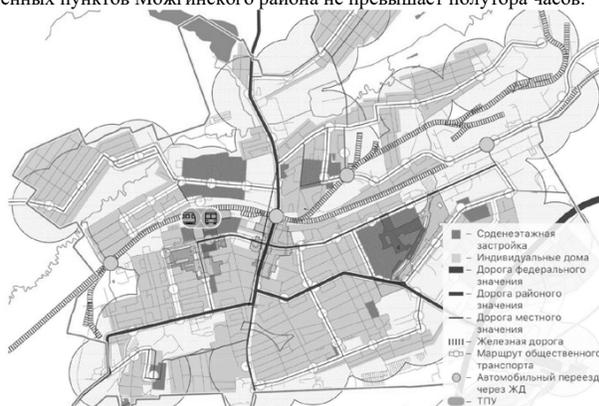

Рис. 1. Схема транспорта и высотности застройки.

Можга имеет транспортно-пересадочный узел, включающий железнодорожный вокзал и автовокзал. Сеть пригородных автобусов имеет весьма разветвленную структуру и обеспечивает транспортную доступность города для большей части населённых пунктов Можгинского и близлежащих районов. Железная дорога обеспечивает доступность ко всем городам от Адлера до Нового Уренгоя по средством поездов дальнего следования, а по средствам электропоездов до Ижевска и Казани, проходя по маршруту «Казань-Ижевск- Казань» 2 раза в день. Железнодорожная станция имеет мощный грузовой двор, обслуживающий 9 промышленных предприятий города.

Потребность в воздушном сообщении удовлетворяется за счет аэропорта г. Ижевска, расположенного в 92 км, и аэропорта Бегишево, расположенного в 118 км. Водный транспорт не развит, реки Сюга и Сюгаилка, на которых расположен город, несудоходные.

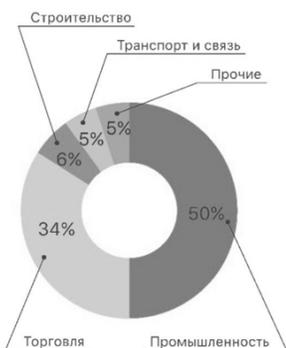
Современная улично-дорожная сеть города представляет собой прямоугольную сетку. Улица Можгинская – единственная из меридиональных магистралей города, пересечение

которой с железнодорожной линией решено в разных уровнях (в географическом центре города). Кроме этого, транспортную связь между северной и южной частями города, разделенными железнодорожными путями, обеспечивает охраняемый переезд, расположенный восточнее в створе ул. Весенней. В городе действует 8 внутригородских автобусных маршрутов, которые покрывают почти всю площадь города (штриховкой на схеме)

Обеспеченность населения озелененными территориями общего пользования составляет около 6,8 м² на одного человека. Данный показатель не соответствует нормативу 8 м² на жителя, установленному СП 42.13330.2016. «Свод правил. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений». Более того, следует принимать во внимание, что не все данные территории благоустроены должным образом.

Больше 50% горожан имеют трудоспособный возраст, но только половина от них, то есть 25% от населения Можги официально трудоустроены.

Структура ВВП на 2014 г.

Структура промышленного производства на 2018 г.

Рис. 2. Структура ВВП г. Можги на 2014 год и Структура промышленного производства г. Можги на 2018 год.

В настоящее время в экономике Можги промышленность занимает ведущее место. В городе действует 12 крупных и средних предприятий. Кадры предприятий промышленности составляют 28 % от числа занятых во всех сферах экономики. Приоритетными отраслями являются стекольная (порядка 1,6 тыс. чел.) и деревообрабатывающая (1,5 тыс. чел.). Градообразующее предприятие ОАО «Свет» производит стекло и изделия из стекла. Его продукция реализуется не только в Удмуртии и России, но также в странах ближнего и дальнего зарубежья. В ведомстве ОАО «Свет» находится санаторий-профилакторий на 59 мест, который обслуживает рабочих предприятия, а также по договору сотрудников других организаций города.

Крупные предприятия деревообрабатывающей промышленности ЗАО МДНП «Красная звезда» и ОАО «Можгинский лесокомбинат» обрабатывают древесину и производят изделия из дерева, в том числе мебель.

Следующей по численности работающих отраслью промышленности является пищевая, где занято порядка 500 чел. Наиболее значимыми из предприятий, производящих пищевые продукты, являются ОАО «Можгасыр», ООО «Хлеб», ООО «Можгинский консервный завод Удмуртпотребсоюз», ОАО «Можгинский пищекомбинат».

Легкая промышленность в разрезе отраслей экономики города занимает около 2%. Крупное предприятие легкой промышленности ОАО «Фасон» (0,4 тыс. чел.) в настоящее время обеспечивает госзаказ Министерства обороны и ФСБ РФ, а также производит детские швейные и трикотажные изделия. Продукция предприятия реализуется не только в Удмуртии, но и в других регионах России.

В Можге значительно развита сфера строительства. Предприятие ОАО «Можгинское строительное объединение» является крупнейшим в городе по численности занятого населения (1,7 тыс. чел.).

Формируясь в качестве основного центра обслуживания населения Можгинского района, г. Можга приобрел важные управленческие и обслуживающие функции: здесь находятся административные, общественные и финансовые учреждения.

В городе развита сфера среднего специального и профессионального образования: на его территории располагаются Республиканский медицинский колледж им. Ф.А. Пушиной, Можгинский педагогический колледж им. Т.К. Борисова, Ижевский промышленно-экономический колледж — филиал в г. Можга, БПОУ УР «Можгинский агропромышленный колледж имени Г.Г. Оревова» (включает 3 колледжа в городе) с общей численностью студентов дневного отделения около 2 тыс. чел. С 2002 г. открыт филиал ГОУ ВПО УдГУ в г. Можге, который в основном готовит специалистов по заочной форме обучения. В последние годы получила развитие сфера торговли и общественного питания, где занято 1,7 тыс. чел.

Рис. 3. Схема предприятий и социальной инфраструктуры.

На схеме видно, что город делится на жилые и промышленные районы, что говорит о наличии маятниковой миграции, так же можно выделить сформированные ядра коммерческой активности, которые станут ключевыми точками общественного центра.

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ЦЕНТРА

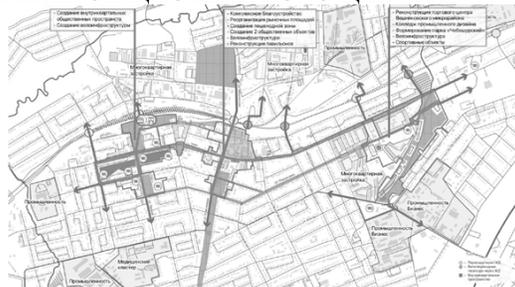

Рис. 4. Концепция формирования общественного центра.

Предлагается создание общественного центра города Можга, состоящего из 3 ядер (Западное, Центральное и Восточное), которые в свою очередь связаны между собой через улично-дорожную сеть. Основной связью является улица Наговицына, которая располагается параллельно железной дороге и соединяет все ядра, являясь осью общественного центра.

Западное ядро предполагается сделать «студенческим городком», так как сейчас на этой территории находятся несколько колледжей, филиал УДГУ, общеобразовательная школа, множество объектов дополнительного образования школьников. Так же это ядро будет «входной зоной» в город, потому что в нём располагается ТПУ. Кроме этого, в западном ядре и вблизи него располагается множество административных зданий. Это всё обусловлено тем, город Можга начал активно застраиваться именно с этой территории по генеральному плану от 1924

года На данной территории предлагается создание внутриквартальных общественных пространств, развитие велоинфраструктуры.

Центральное ядро является коммерческим и рекреационно-событийным центром города. В этом месте проходит единственный в городе путепровод через железнодорожные пути, что вызвало высокий трафик, а значит интерес для коммерции, более того при зарождении города тут располагалась рыночная площадь. Так же тут располагается городская площадь и администрация города. На данной территории предлагается комплексное благоустройство территории, реорганизация рыночной площади, создание вело-пешеходной зоны, создание велоинфраструктуры по улице Наговицына.

Восточное ядро является больше локальным центром, которое в ближайшей перспективе станет на общегородским. На этой территории расположен парк Чебешурский, который сейчас совершенно не благоустроен, но имеет потенциал на звание одного из главных парков города. Восточнее от центра располагается пустырь с крытым катком, который по различным концепциям планируется к застройке гостиниой и жилыми комплексами, а значит количество постоянных пользователей Восточного ядра резко возрастёт и даст ему толчок к развитию. На данной территории предлагается реконструкция торгового центра Вишняковского микрорайона, благоустройство парка «Чебешурский», развитие велоинфраструктуры, создание общедоступных спортивных объектов.

Передвижение горожан и гостей города предлагается осуществлять пешком или на велосипеде, так как крайние точки центра располагаются в получасовой пешей доступности и проектом предлагается развитие вело-пешеходной инфраструктуры.

В настоящий момент и по проекту Центральное ядро активно используется иногородними, а именно сельскими жителями, которые приезжают в основном на личном автомобиле. В часовой доступности на автомобиле от города Можга проживает примерно 43 тысячи человек. Исходя из этого на периферии Центрального ядра организуются перехватывающие парковки в размере 701 машиноместа, а центральная часть освобождается от машин путём создания пешеходной зоны. Для сельских жителей, не имеющих личного автомобиля, Общественный центр включает ЖД и автовокзалы, объединённые в ТПУ и расположенные в Западном ядре.

Город разделён железной дорогой на северную и южную часть, проектом предлагается повышение связанности путём создания новых вело-пешеходных переходов там, где горожане уже несанкционированно переходят железнодорожные пути.

Железная дорога, проходящая с Запада на Восток, является серьёзным объектом для города и во многом является его каналом связи с окружающим миром в масштабах региона и страны. И так как города растут по направлению этих каналов связи, как например Казань вдоль Волги или Москва по направлению входящих в неё автомагистралей, так Можга уже «вытягивается» вдоль железной дороги, что уже можно заметить по её границам. К тому же ЖД как транспорт активно используется промышленностью, а город Можга в настоящий момент и в планах социально-экономического развития Удмуртской Республики промышленный центр южной Удмуртии, что подтверждает теорию о том, что в обозримом будущем город будет развиваться по направлению ЖД, а именно с Запада на Восток. Что, в свою очередь, поддерживает идею создания общественного центра, разбитого на ядра, расположенные с Запада на Восток, что заложит основу для будущего роста.

Рис. 5. Схема развития велосипедной инфраструктуры города.

Город Можга довольно компактен, что благоприятствует для развития вело- пешеходной сети города и тенденции отказа от личного автотранспорта. Предлагается создание 2 рангов веломаршрутов, которые отличаются по срокам реализации и по приоритетности в обслуживании.

Веломаршрут 1 ранга проходит через большую часть школ города, так как школьники будут первыми и самыми активными пользователями велодорожек, помимо того данный маршрут проходит через основные рекреационные пространства Можги.

Веломаршрут 2 ранга присоединяет отдалённые районы города к общей велосети и проходит через большую часть производственных предприятий города для удобства использования велосипеда ежедневно в качестве транспорта, обслуживающего маятниковую миграцию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Составив концепцию общественного центра города, мы создали каркас для его дальнейшего развития, а значит сейчас при выборе объекта благоустройства, в частности в рамках Всероссийского конкурса проектов комфортной городской среды в малых городах и исторических поселениях, мы можем оценить приоритетность объектов, а также скоординировать различные программы развития городской среды между собой для комплексного подхода к облагораживанию города.

Список источников и литературы

1. А.Э.Гутнов, Эволюция градостроительства.-М., СССР, 1984
2. В.А. Ильин, Можга: хроника города., Россия, 2003, с. 240.
3. Буракова, Н.А., Градостроительное формирование общественного центра малого города. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социально-экономические науки., Россия, 2015, С. 11-16.
4. Малая Е.В., Вавулин К.Е. «Принципы формирования общественных пространств малых городов». URL: <https://interagro.donstu.com/wp-content/uploads/2022/12/112-117.pdf>, Россия, 2022
5. СП 42.13330.2016. Свод правил. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. Актуализированная редакция СНиП 2.07.01- 89* (утв. Приказом Минстроя России от 30.12.2016 N 1034/пр), Россия, 2016, с. 34.
6. Росстат/Витрина статистических данных : официальный сайт., URL: <https://showdata.gks.ru/report/278006/> (дата обращения 18.07.2023).
7. Росстат/Витрина статистических данных : официальный сайт., URL: <https://showdata.gks.ru/report/278008/> (дата обращения 18.07.2023).
8. Муниципальное образование «город Можга» : официальный сайт / Стратегия социально-экономического развития муниципального образования «город Можга» на 2015 – 2025 годы, URL : https://www.mozhga-gov.ru/city/ekonomika/socio_position/ssermogm_2015_2025.pdf
9. Стратегия социально-экономического развития Удмуртской Республики на период до 2025 года, утвержденная Законом Удмуртской Республики от 09 октября 2009 года №40-ПЗ, Россия, 2008-2009 г.

Рыков Даниил Дмитриевич, магистрант, Институт наук о Земле, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: gykov-21@yandex.ru

FORMATION OF A TOWN COMMUNITY CENTER

Rykov D.D.¹

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

This article examines the case of the formation of a town community center as a framework for its future development. It is assumed that this formation is carried out within the framework of the All-Russian competition for projects of a comfortable urban environment in small towns and historical settlements and will serve as an impetus to increase existing and mobilize internal resources of the city that have not yet been used, in particular human and symbolic capital.

Key words: community center, small town, frame, bicycle infrastructure, complex landscaping, All-Russian competition of projects for a comfortable urban environment in small towns and historical settlements.

Rykov Daniil Dmitrievich, Master's student, Institute of Earth Sciences, Saint Petersburg State University; e-mail: rykov-21@yandex.ru

УДК 33:91

БЕЛАРУСЬ – МОДЕЛЬ УСПЕШНОГО ВЫПОЛНЕНИЯ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Сладюк Г.В.¹

¹ Институт географии РАН, Москва, Россия

По оценкам международных экспертов, уровень прогресса Беларуси по целям устойчивого развития составляет почти 80 процентов Анкеты 2015-30 ООН. Беларусь заняла 53-е место по Индексу человеческого развития за 2019 г. В 2023 г. в рейтинге целей устойчивого развития Беларусь заняла 34 место среди 163 государств, продемонстрировав высокую динамику показателей.

Ключевые слова: цели устойчивого развития, ЦУР, оценки международных экспертов, уровень прогресса, глобальный план, национальная платформа отчетности

Беларусь выделяется ООН как район успешного осуществления программы перехода к устойчивому развитию, опыт которого заслуживает распространения. По оценкам международных экспертов, уровень прогресса Беларуси по ЦУР составляет почти 80 процентов Анкеты 2015-30

ВВЕДЕНИЕ.

Беларусь рассматривает ЦУР не как международный «политический» проект, а как глобальный план выполнения международных обязательств. 17 ЦУР сквозной темой проходят в Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 г.

С 2020 г. Беларусь выполняет Повестку дня – 2030 г. в условиях незаконных экономических санкций, которые применяют западные страны. Эти действия не только препятствуют выполнению Беларусью Повестки дня – 2030 года, но и идут вразрез с Уставом ООН и основными конвенциями ООН в области прав человека. Несмотря на сложность ситуации, Беларусь продолжает считать, что Повестка дня – 2030 должна быть вне политики – ее работа продолжается в этом направлении.

В 2018 г. в Беларуси была создана Национальная платформа отчетности по ЦУР - единый центр сбора, обобщения и распространения информации о текущей ситуации по достижению ЦУР в стране. Особое внимание уделяется интеграции статистических и геопространственных данных, которые позволяют получить данные высокого качества и более точные измерения. Сформирован унифицированный региональный перечень показателей достижений ЦУР из 145 показателей (85 соответствуют показателям национального перечня, 26 отражают специфику развития регионов). В 2023 г. доступ обеспечивается к 230 из 267 показателей, включая 166, соответствующих глобальному уровню (в 2017 г.).

Под эгидой Национального координатора в Беларуси функционирует архитектура взаимодействия между государственными органами, депутатским корпусом, бизнес-

сообществом и академическими кругами с привлечением неправительственных организаций и пула молодежных послов. К оценке достижений ЦУР приглашаются агентства системы ООН, аккредитованные в Беларуси. Созданный многоэлементный механизм обеспечивает всесторонний подход к выявлению достижений ЦУР, слабых мест и планированию дальнейшей работы.

Республика Беларусь - социально ориентированное государство, осуществляющее политику благосостояния человека и создание достойных условий жизни. Положения Повестки дня – 2030 коррелируются с задачами функционирования государства. Поставлены ключевые задачи достижения высокого уровня жизни населения, качественного роста экономики на новой цифровой технологической базе, создания комфортных условий для жизнедеятельности и развития личностного потенциала, сохранения природных систем для нынешних и будущих поколений. Национальная стратегия согласована с Национальным координатором по достижению ЦУР.

Приоритетами долгосрочного развития Республики Беларусь определены: устойчивое развитие института семьи и качественный рост человеческого потенциала; производительная занятость и достойные доходы населения; цифровая трансформация экономики и широкомасштабное распространение инноваций; развитие бизнес-среды и устойчивой инфраструктуры; обеспечение экологической безопасности; переход к рациональным моделям производства и потребления (циркулярная экономика).

Достижение ЦУР тесно связано с выполнением 25 государственных программ социально-экономической направленности, в том числе в сферах демографической безопасности, социального обеспечения, образования, устойчивого использования природных ресурсов, энергосбережения, инновационного развития.

Реализация государственных программ и достижение ЦУР осуществляются за счет средств республиканского бюджета, местных бюджетов, бюджетов государственных внебюджетных фондов. На выполнение положений Повестки дня – 2030 направляется порядка 70 процентов бюджетных ассигнований. ЦУР осуществляются также путем применения программно-целевого бюджетирования, ориентированного на результаты в различных сферах деятельности. В финансовой сфере реализуется Государственная программа «Управление государственными финансами и развитие финансового рынка» до 2025 года. Все Цели устойчивого развития взаимосвязаны между собой. Меры, предпринимаемые для достижения одной ЦУР, оказывают влияние на состояние и прогресс других.

Анализ выполнения Беларусью Повестки дня – 2030 выявил, что обеспечен достаточный прогресс и достигнуты высокие результаты по ЦУР 1 «Ликвидация нищеты», ЦУР 6 «Чистая вода и санитария», ЦУР 9 «Индустриализация, инновации и инфраструктура», ЦУР 4 «Качественное образование», ЦУР 14 «Сохранение и рациональное использование океанов, морей и морских ресурсов» и ЦУР 17 «Партнерство в интересах устойчивого развития».

В сравнении с результатами прогресса достижения ЦУР в целом по региону ЕЭК ООН (56 стран), проведенными Статистическим отделом ЕЖООН, Беларусь заметно продвинулась к достижению ЦУР 3 (здоровье), 5 (гендерная проблематика), 6 (санитария), 8 (экономический рост), 9 (индустриализация, инновации, инфраструктура), 10 (уменьшение неравенства), 15 (сохранение экосистем суши), 17 (партнерство).

Дополнительных усилий требуют решения задачи снижения уровня смертности и производственного травматизма обучение молодежи и взрослого населения навыкам, востребованным на рынке труда; обеспечение охраны и восстановление связанных с водой экосистем; сохранение зеленых зон при проектировании городской застройки; решение проблем с браконьерством и незаконной торговлей охраняемыми видами флоры и фауны; обеспечение ресурсов для сохранения и рационального использования биологического разнообразия и лесов.

Население Белоруссии полностью обеспечено собственной электроэнергией. В июне 2021 г. был введен в эксплуатацию первый энергоблок Белорусской АЭС, позволивший в 2022 г. заместить более 2 млрд куб. м природного газа. При работе Белорусской АЭС в базовом режиме среднегодовой отпуск электроэнергии составит 17–18 млрд. кВт·ч и позволит заместить до 4,5

млрд. м³ природного газа. Беларусь стремится максимально использовать возобновляемые источники энергии, что соответствует одной из ключевых задач ООН по выполнению Повестки дня – 2030. По итогам полугодия 2023 г. Беларусь стала лидером по росту промышленного производства в Евразийском экономическом союзе и выросло почти на 3% в сравнении с предшествующим периодом.

ВВП на душу населения Беларуси по паритету покупательной способности вырос с 2015 г. на 20,5% и достиг в 2021 г. 21,8 тыс. долларов США. В 2020 г. по сравнению с 2019 г. номинальная заработная плата увеличилась на 14,8%, реальная – на 8,8%.

Уровень безработицы в Беларуси в 2021 г. составил 3,9%. Благодаря предпринимаемым правительственным программам снижен уровень безработицы среди молодежи. Это один из самых низких показателей не только в регионе СНГ, но и по сравнению с европейскими странами. В Беларуси сохраняется достаточно высокий уровень занятости населения: в 2021 г. он составил 67,3% к численности населения соответствующей возрастной группы, что выше уровня стран ЕС – 53,9%. В трудоспособном возрасте этот показатель – 83,3%.

В топ-3 стран-инвесторов Беларуси вошли в 2022 г. Россия, Нидерланды и ОАЭ. Рост количества и доли ПИИ на чистой основе демонстрируют государства дальней дуги. Практически на 70% приросли страны Ближнего и Дальнего Востока. Постепенно растет инвестирование со стороны дружественных стран.

Для развития бизнеса, реализации новых проектов в регионах стимулируются меры привлечения инвестиций, устраняются барьеры. Расширены полномочия райисполкомов и местных Советов депутатов в сфере имущественных отношений, вовлечения в хозяйственный оборот неиспользуемого имущества. Готовности проект закона "О содействии и стимулировании реализации инвестиционных проектов в республике Беларусь и стимулирования реализации инвестпроектов».

Развитию регионов будет способствовать упрощенный механизм реализации инвестпроектов - по решению местных органов власти. Облсполкомы из перечня, устанавливаемого Совмином, с учетом специфики и потенциала территорий определят приоритетные виды деятельности для вложений. Предполагается, что реализация этого закона будет способствовать уменьшению межрегиональной дифференциации, повышению эффективности взаимодействия госорганов с инвесторами. Министерством экономики подготовлен проект указа "О государственной финансовой поддержке".

В соответствии с принятой программой "Один район - один проект" сформирован пул из 129 проектов в каждом регионе. Объем инвестиций на 2023 год превысит Вг1 млрд.

В отраслевом разрезе на две сферы приходится примерно поровну - производство и переработка сельскохозяйственной продукции, а также металлургия, производство машин и оборудования. Почти пятая часть всех проектов связана с деревообработкой и каждый десятый - с фармацевтикой. По всем проектам разработаны планы-графики их реализации. Они, с одной стороны, опираются на собственное сырье и компетенции, с другой - ориентированы на обеспечение технологической безопасности отраслей.

В 2023 г. в белорусских свободных экономических зонах зарегистрированы 418 резидентов из 35 стран, инвестировавшие более \$12 млрд. Предприятия формируют порядка 5,6% ВВП страны. В 2002 г. их вклад был вдвое меньшим. Там трудится каждый двадцатый работник трудоспособного возраста. Показатели эффективности работы в расчете на одного занятого в СЭЗ многократно превышают средние показатели по стране: по ПИИ на чистой основе - в 4,2 раза, экспорту - в 3,9 раза, производству и выручке - в 3,4 раза и 1,8 раза соответственно. Очевидно, что СЭЗ оказывают существенное влияние на региональные показатели, обеспечивая в ряде регионов привлечение порядка 60% прямых иностранных инвестиций и 50% объема экспорта товаров. Государство оказывает поддержку СЭЗ как по налоговым льготам, так и расходам на инфраструктуру. Акцент в работе СЭЗ сделан на импортозамещение.

Практика показала, что бизнес в большей степени заинтересован не столько в новых преференциях, сколько в готовой промышленной инфраструктуре. Она позволяет значительно снизить издержки и сократить сроки ввода в эксплуатацию производств, параллельно решая

проблему дефицита мест, чтобы прийти, разместиться и начать работать. Государство, заинтересованное в реализации как можно большего числа производственных бизнес-инициатив, согласно активно вкладывается в инфраструктуру и способствовать появлению готовых промышленных площадок.

В Беларуси решили идти по пути создания промышленных парков, управляемых специализированными компаниями. При этом резиденты практически не будут взаимодействовать с внешней средой: им не придется самим посещать регистрирующие, контрольные, надзорные и иные ведомства. Формат привлечения инвесторов через индустриальные парки показывает положительные результаты не только в увеличении самих инвестиций, но и в ускоренном создании рабочих мест и генерации налогов.

Эффективное инвестиционное сотрудничество, совместная реализация стратегических инвестиционных проектов - основа отношений Беларуси и Китая. В 2022 году валовые инвестиции выросли практически на 80% и вплотную приблизились к отметке \$200 млн. С Китаем создаются высокотехнологичные производства. В 2022 г. с участием китайских компаний реализовано более 40 проектов, изучаются условия реализации 20 перспективных идей.

Уход с российского и белорусского рынков западных компаний открывает новые возможности для китайского бизнеса в сфере локализации производств медицинского и технологического оборудования, транспорта, электроники, как на территории "Великого камня", так и страны в целом.

Переформатирование международных рынков капитала создает определенные сложности, но и открывает дополнительные возможности по привлечению инвестиций. Промышленность - одна из наиболее перспективных сфер для совместного бизнеса. Недавно подписана Комплексная стратегия совместного промышленного развития. Документ направлен на создание механизмов стимулирования белорусских и китайских предприятий к сотрудничеству, а также активизации и укрепления их технологического взаимодействия. Неотъемлемая часть стратегии развития - дорожная карта и ее реализации. Она содержит конкретные проекты создания совместных предприятий на территории Китая, привлечению китайских технологий и компетенций для модернизации отечественных производств и реализации инвестпроектов в Беларуси.

Статус привлекательной площадки с точки зрения инвестиционного сотрудничества сохраняет индустриальный парк "Великий камень". Он расположен в 25 км от Минска в уникальном природном комплексе и в непосредственной близости от международного аэропорта, железнодорожных путей, транснациональной автомобильной магистрали Берлин-Москва. Концепция индустриального парка «Великий камень» — создание нового современного международного эко-города с необходимой производственной, административной, социальной инфраструктурой. В развитии парка акцент делается на высокотехнологичные и конкурентоспособные инновационные производства с высоким экспортным потенциалом. «Великий камень» станет крупнейшим индустриальным парком в Европе и самым крупным проектом Китая за рубежом.

Проект продолжает привлекать иностранный капитал. В парк уже инвестировано свыше \$830 млн, из них в инфраструктуру парка - более \$320 млн. Зарегистрировано 108 резидентов из 15 стран, 2023 г.

Кроме программы "Один район – один проект" есть еще 51 крупных импортозамещающих проектов, под которые определены условия финансирования. «В Беларусь надо приходить не как в банановую республику, а как в нормальную страну». Чтобы инвесторы не стремились только в крупные города, в Беларуси реализуется программа «Один район – один проект». В результате сформирован пул из 129 проектов в каждом регионе. Объем инвестиций в 2023 г. превысит миллиард рублей.

В рамках проекта «Поддержка усилий Республики Беларусь в национализации и локализации Целей устойчивого развития» Российская Федерация выделит на достижение

Беларусью ЦУР техническую помощь в размере 3,5 млн долларов. Об этом журналистам 6.06.2023 г. рассказал национальный координатор по достижению Целей устойчивого развития, заместитель председателя Совета Республики

ВЫВОДЫ.

Республика Беларусь выделяется ООН как район успешного осуществления программы перехода к устойчивому развитию, опыт которого заслуживает распространения. Обращает внимание четкость и своевременность белорусских отчетов ЦУР, хотя сами форматы далеки от совершенства и нуждаются в коррекции. Это относится к важности отражать прямые и обратные связи между факторами, которые пока не реализованы.

Статья приводит к важному выводу – необходимо определить решающие факторы достижения ЦУР в Беларуси, что связано с принятием проекта «БЕЛАРУСЬ - МОДЕЛЬ УСТОЙЧИВОГО СОЦИО-ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА» и предложением создать в Беларуси МЕЖДУНАРОДНЫЙ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР «ГЕО-ЦУР - 2030» УСТОЙЧИВОГО СОЦИО-ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ.

Сдасюк Галина Васильевна, д. геогр. н., профессор, вед. науч. сотр., Лаборатория географии мирового развития, Институт географии РАН; e-mail: gvdsasuyk@igras.ru

BELARUS – A MODEL FOR SUCCESSFUL IMPLEMENTATION OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS

Sdasuyk G.V.¹

¹ Institute of Geography RAS, Moscow, Russia

According to international experts, Belarus' level of progress on sustainable development goals is almost 80 percent of the UN Questionnaire 2015-3. Belarus took 53rd place in the Human Development Index for 2019. In 2023, in the ranking of sustainable development goals, Belarus took 34th place among 163 countries, demonstrating high dynamics of indicators.

Key words: sustainable development goals, SDGs, assessments of international experts, level of progress, global plan, national reporting platform

Sdasuyk Galina Vasilyevna, Doctor of Geographical Sciences, Professor, Leading Researcher of Laboratory of Geography of Global Development, Institute of Geography, RAS; e-mail: gvdsasuyk@igras.ru

УДК 101.1, 378

КРИТИЧЕСКОЕ, СИСТЕМНОЕ И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК ВЕДУЩИЕ НАДПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ НАВЫКИ В АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ РОССИИ

Смирнова Н.С.¹

¹ Северный Арктический федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

Высокий уровень сформированности и развития критического, системного и стратегического мышления становится ключевой составляющей профессиональных и надпрофессиональных навыков выпускников арктических специальностей, а также сотрудников прочих специальностей, профессиональная деятельность которых проходит в Арктическом регионе России.

Ключевые слова: надпрофессиональные компетенции, критическое мышление, системное мышление, стратегическое мышление

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях развития Арктического региона РФ предъявляются высокие требования к наличию и уровню сформированности профессиональных и надпрофессиональных компетенций у сотрудников и руководителей предприятий и организаций, ведущих свою деятельность в Арктической зоне РФ.

Указом Президента Российской Федерации от 26.10.2020 г. № 645 утверждена Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года. В Стратегии отмечается, что Российская Арктика характеризуется неравномерностью промышленно-хозяйственного освоения отдельных территорий Арктической зоны, ориентированностью экономики на добычу природных ресурсов, их вывоз в промышленно развитые субъекты Российской Федерации и экспорт, экстремальными природно-климатическими условиями, крайне низкими плотностью населения и уровнем развития транспортной и социальной инфраструктуры. В связи с этим требования к наличию и уровню сформированности профессиональных и надпрофессиональных компетенций у сотрудников и руководителей предприятий и организаций, ведущих свою деятельность в Арктической зоне РФ приобретают особый арктический вектор [6]. Арктике нужны специалисты в различных сферах, включая специалистов по нефтедобыче, техносферной безопасности, развитию территории, добыче минеральных ресурсов на Арктическом шельфе, развитию арктической экосистемы, транспортной логистике, сохранению и приумножению биоресурсов, развитию инновационных биотехнологий. Ко всем этим специалистам предъявляются очень высокие требования владения профессиональными и наряду с ними надпрофессиональными компетенциями.

К таким надпрофессиональным компетенциям относятся навыки критического мышления, системного мышления, стратегического мышления, лидерские качества руководителей и сотрудников, управленческие компетенции. Среди важных компетенций, которые отмечаются студентами и работодателями, также представлены следующие: партнерство, клиентоориентированность, планирование и организация, ориентация на результат, анализ информации и выработка решений, коммуникативная грамотность, саморазвитие, умение работать в команде, лидерские компетенции, экологические мышление, межкультурная компетенция, лояльность.

По данным материалов, основанных на опросах, проведенных на предприятиях в АЗРФ, которые создаются в рамках реализации инвестиционных проектов в Арктической зоне РФ, к 2035 году Арктический регион будет иметь потребность в создании 182,4 тысячи новых рабочих мест, при этом, 42 тысячи будут востребованы в рамках тех предприятий, которые уже существуют и 140 тысяч потребуются для новых резидентов, которые планируют зайти в зону АЗРФ [1].

Приоритетным направлением современного высшего и среднего специального образования, занимающегося подготовкой кадров для работы в Арктической зоне РФ становится эффективное профессиональное обучение специалистов, готовых к трудовой деятельности в экстремальных природных, экономических и условиях, имеющих мотивацию работать в Арктическом регионе, видящих возможности раскрытия личного потенциала и карьерного развития, уважающих и принимающих особенности региона и готовых внести личный профессиональный вклад в его развитие и сохранение. В условиях высшего профессионального обучения по специальностям, где предполагается работа в Арктической зоне Российской Федерации ведущие надпрофессиональные компетенции приобретают арктическую направленность, раскрываясь с реализацией арктической специфики.

Реализация компетентного подхода в высшем образовании требует формирования у будущих специалистов, которые свяжут свою профессиональную деятельность с Арктическим регионом РФ, навыков работы с большим противоречивым потоком информации, навыков всесторонней оценки получаемой информации. Активное изменение социального пространства ведет за собой новые вызовы, заставляя искать решения на новых уровнях, которые приходится изучать и осваивать в быстром темпе. Для эффективного осуществления профессиональной деятельности будут необходимы и высоко востребованы навыки критического и системного мышления, которые уже сейчас входят в список наиболее востребованных надпрофессиональных навыков как для сотрудников, так и для руководителей.

Спивак В.А. подчеркивает, что развитие системного и критического мышления, навыков применения критического анализа и системного подхода в ситуациях принятия решений и решения проблем предполагает усвоение индивидом целого ряда достаточно сложных теорий и

приобретения умений и навыков их применения. Данные компетенции относятся к категории мировоззренческих, влияющих на восприятие индивидом самого себя и других, углубление и расширение представлений о мире и таких его аспектах, как политика, экономика, культура, социальная сфера, научно-техническое развитие, экология, геополитика и другие [5].

В материалах, представленных на платформе «Россия – страна возможностей» сформированное критическое мышление характеризуется как умение определять, какой объем информации необходим сотрудникам для принятия решения, навык находить подтверждения аргументам, умение задавать правильные вопросы, навык проявлять критическую дистанцированность от основной решаемой задачи, умение работать с большим потоком информации. Студенты в ходе профессиональной подготовки должны научиться проводить объективный анализ и оценку проблемы с целью формирования личного грамотного суждения, создавать необходимые модели оценки и верификации информации, проявлять независимость от устоявшихся правил, авторитетов, отсеивать лишнюю информацию и делать правильные выводы, а компании и организации, приглашающие специалистов на работу в Арктический регион стимулировать развитие навыков критического мышления у своих сотрудников, что будет стимулировать и способствовать нахождению инновационных решений задач, с которыми сталкивается регион [2].

Работа в Арктике характеризуется сложностью и многокомпонентностью, таким образом компетенции специалистов, проявляющиеся в умении комплексно подходить к восприятию и анализу происходящих в глобальном мире и их профессиональной деятельности процессов и явлений, умения понимать взаимосвязи и взаимозависимости между ними, а также причины их возникновения и особенности их трансформации под влиянием различных факторов становятся определяющими компетенциями для решения задач, связанных с оценкой информации и принятием решений.

Учитывая индикаторы компетенции «системное мышление», представленные на государственном портале «Россия – страна возможностей» можно следующим образом охарактеризовать требуемый уровень сформированности данного навыка. Специалист умеет раскладывает систему на отдельные составляющие, ранжировать составляющие системы по уровню значимости и влияния на систему целиком. Грамотный сотрудник обладает навыками оценивать и прогнозировать реакцию системы на воздействие внешних факторов, и как следствие использовать полученную информацию для принятия решений, а затем в ходе дальнейшей профессиональной деятельности понимает важность проводить оценку принятых решений на предмет влияния на систему и корректировать принятые решения [3]. Таким образом полноценное владение всеми компонентами компетенции «системное мышление» дает надсистемный эффект, позволяя принимать необходимые инновационные нестандартные решения, которые востребованы для развития уникального Арктического региона. Системных подход очень важен в понимании устойчивой экономической, исторической, географической связи развития арктической территории с Северным морским путем. Специалисты с развитым системным мышлением очень востребованы в разработке инновационных подходов в судостроении, развитии транспортной инфраструктуры, совершенствовании северной навигации.

Специалист, обладающий сформированным стратегическим мышлением, характеризуется способностью мыслить масштабно, умением определять перспективные направления развития компании, организации и отрасли, учитывать широкий круг факторов (экономических, политических, социальных и др.), производить оценку тенденций, предвидеть возможные сценарии развития событий и умением действовать исходя из них [4]. Таким образом, владение навыками системного и критического мышления вступает важнейшим условием и предпосылкой для формирования эффективного стратегического мышления.

К компонентам стратегического мышления, позволяющего увидеть реальную перспективу развития проекта, фирмы, компании или организации, грамотно выстроить тактические и стратегические шаги реализации идей, можно отнести следующие:

- учет внутренних факторов и установок, личный реальный и потенциальный вклад, ценность для системы, личная продуктивность;
- учет внешних факторов (экономических, социальных, климатических);
- изучение перспективы развития, внимание к деталям;
- выстраивание партнерских отношений;

- понимание значения личности в бизнесе, важности развития команды, вклад в развитие компании, организации;
- циклы развития компании, перспективы развития компании, отрасли, региона;
- профессиональное развитие, повышение квалификации, результативности;
- развитие мягких навыков, коммуникация, продуктивность, мотивация, инициатива, умение работать в команде, развитие ролей в команде.

Применение навыков стратегического мышления в профессиональной деятельности в Арктическом регионе России включает в себя, наряду с общими компонентами, такие составляющие как учет прогнозов по изменению геополитических, социальных и климатических условий в Арктике в краткосрочной и долгосрочной перспективе.

Понимание мира как системы, региона как системы, анализ взаимосвязей в своей профессиональной деятельности, развитое критическое и стратегическое мышление, т. е. эффективное применение надпрофессиональных навыков позволит при изменении параметров, требующих нового надсистемного осмысления профессиональных задач для их решения и выхода на новый уровень системного понимания, осуществить этот переход и достичь эффективного решения профессиональной задачи. В этом случае выпускники будут способны содействовать достижению целей государственной политики Российской Федерации в Арктике, среди которых важнейшими являются повышение качества жизни населения Арктической зоны Российской Федерации, в том числе лиц, относящихся к малочисленным народам; ускорение экономического развития территорий Арктической зоны, охрана окружающей среды в Арктике, защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных народов, осуществление взаимовыгодного сотрудничества и мирное разрешение всех споров в Арктике на основе международного права и защита национальных интересов Российской Федерации в Арктике, в том числе в экономической сфере.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Системное формирование надпрофессиональных компетенций таких как критическое, системное и стратегическое мышление будущих квалифицированных сотрудников, имеет целью воспитание мотивационной активности современного поколения учащихся высших учебных заведений, так чтобы их профессиональная деятельность в Арктическом регионе отличалась долгосрочной стабильной мотивацией, обеспечивающей ответственное отношение к своему делу, активное участие в мероприятиях по экономическому развитию и социальной поддержке своего региона.

Список источников и литературы

1. Новые кадры для Арктического региона. Режим доступа: <https://arctic-council-russia.ru/analytic/analiticheskiesk-materialy/novye-kadry-dlya-arkticheskogo-regiona/> (дата обращения 11.05.2023)
2. Россия – страна возможностей. Компетенция: Критическое мышление / Критический анализ. Режим доступа: <https://rsv.ru/other-skills/3/> (дата обращения 25.07.2023)
3. Россия – страна возможностей. Компетенция: Системность мышления. Режим доступа: <https://rsv.ru/other-skills/111/> (дата обращения 25.07.2023)
4. Россия – страна возможностей. Компетенция: Стратегическое мышление. <https://rsv.ru/other-skills/125/> (дата обращения 25.07.2023)
5. Спивак В.А. Универсальная компетенция № 1: системное и критическое мышление специалиста и лидера // Лидерство и менеджмент. – 2021. – Том 8. – № 1. – С. 53-68. – doi: 10.18334/liim.8.1.111524. Режим доступа: <https://iесonomic.ru/lib/111524> (дата обращения 25.07.2023)
6. Указ Президента Российской Федерации от 26.10.2020 г. № 645 О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972/page/1> (дата обращения 25.07.2023)

Смирнова Наталья Сергеевна, кафедра немецкой и французской филологии, Северный Арктический федеральный университет; e-mail: n.smirnova@narfu.ru

CRITICAL, SYSTEMIC AND STRATEGIC THINKING AS THE LEADING SUPRA-PROFESSIONAL SKILLS IN THE ARCTIC REGION OF RUSSIA

Smirnova N.S.¹

¹ M.V. Lomonosov Northern Arctic Federal University, Arkhangelsk

A high level of formation and development of critical, systemic and strategic thinking is becoming a key component of the professional and supra-professional skills of graduates of Arctic specialties, as well as employees of other specialties whose professional activities take place in the Arctic region of Russia.

Key words: supra-professional competencies, critical thinking, system thinking, strategic thinking

Smirnova Natalia Sergeevna, Department of German and French Philology, Northern Arctic Federal University, e-mail n.smirnova@narfu.ru

УДК 323.1

КОНЦЕПЦИЯ «МЕЖДУМОРЬЯ», РОССИЯ И ТУРЦИЯ НА ПЕРЕКРЕСТЬЕ СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ И ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ

Сергунин А.А.¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

В последнее 10-15 лет среди ряда восточно- и центральноевропейских стран большую популярность приобрела идея «Междуморья» («Триморья»). В самом общем плане она заключается в создании промежуточного («буферного») геополитического и геоэкономического пространства между Россией и «ядром» ЕС (прежде всего, Германией и другими «старыми» членами Евросоюза), одновременно соединяющего северные и южные моря Европы – Балтийское, Чёрное и Средиземное (или как более узкий вариант – Адриатическое).

Исторически этот проект восходит своими корнями к идее конфедеративного государства, которое могло бы включать в себя Польшу, Украину, Белоруссию, Литву, Латвию, Эстонию, Молдавию, Венгрию, Румынию, Югославию, Чехословакию, а также, возможно, Финляндию, выдвинутой после первой мировой войны главой польского государства Юзефом Пилсудским. Предполагаемая конфедерация после распада Австро-венгерской и Российской империй должна была возродить традицию некогда могущественной Речи Посполитой и – одновременно – создать «санитарный кордон» вокруг Советской России.

В современных условиях инициатором проекта «Междуморья» опять-таки выступила Польша, которая претендует на роль лидера постсоциалистических стран Европы. Этот проект появился после явного провала программы Евросоюза «Восточное партнёрство» и раскола Европы с началом украинского кризиса в 2014 г. Однако он имеет не только антироссийскую направленность. Варшава также стремится дистанцироваться от Германии, которую она больше не считает эффективным европейским лидером. Надежды Польши на так называемый «Веймарский треугольник» (неформальное сотрудничество Франции, Германии и Польши) также не оправдались. Спецификой «Междуморья» является также опора на США, которые видят в этом неформальном объединении противовес «старой Европе» (прежде всего, Германии и Франции).

Наряду с геополитическими целями, «Междуморье» направлено на реализацию ряда конкретных инфраструктурных проектов – строительство автомагистрали Север-Юг Via Sacra, соединяющей Клайпеду в Литве с Салониками в Греции, и соединительного трубопровода между морскими терминалами по приему сжиженного природного газа в Польше и Хорватии.

В данном докладе будет рассмотрено отношение России и Турции к концепции «Междуморья» как с точки зрения оценки его реалистичности, так и его потенциала как возможного конкурента их собственным геополитическим и геоэкономическим проектам в данном регионе.

THE “INTERMARIUM” CONCEPT, RUSSIA AND TURKEY AT THE CROSSROADS OF THE PRESENT-DAY GEOPOLITICAL AND GEOECONOMIC TRENDS

In the last 10-15 years, the idea of "Intermarium" ("Threemarium") has become very popular among a number of Eastern and Central European countries. In the most general terms, it consists in creating an intermediate ("buffer") geopolitical and geoeconomic space between Russia and the "core" of the EU (first of all, Germany and other "old" EU member states), simultaneously connecting the northern and southern seas of Europe – the Baltic, Black and Mediterranean (or, as a narrower version, the Adriatic one).

Historically, this project has its roots in the idea of a confederate state, which could include Poland, Ukraine, Belarus, Lithuania, Latvia, Estonia, Moldova, Hungary, Romania, Yugoslavia, Czechoslovakia, and possibly Finland, put forward after the First World War by the head of the Polish state Józef Piłsudski. The proposed confederation, after the collapse of the Austro-Hungarian and Russian empires, was supposed to revive the tradition of the once powerful Rzeczpospolita (Polish-Lithuanian Commonwealth) and – at the same time - create a "sanitary cordon" around Soviet Russia.

Nowadays, the initiator of the "Intermarium" project was again Poland, which claims to be the leader of the post-socialist countries of Europe. This project appeared after the apparent failure of the European Union's Eastern Partnership program and the split of Europe with the beginning of the Ukrainian crisis in 2014. However, it has not only an anti-Russian orientation. Warsaw is also seeking to distance itself from Germany, which it no longer considers an effective European leader. Poland's hopes for the so-called "Weimar Triangle" (informal cooperation between France, Germany and Poland) also did not materialize. The specificity of the "Intermarium" concept is that it is based on the US active engagement: Washington sees this informal association as a counterweight to the "old Europe" (primarily Germany and France).

Along with geopolitical goals, "Intermarium" aims at implementing a number of specific infrastructure projects – the construction of the North-South highway Via Carpathia connecting Klaipeda in Lithuania with Thessaloniki in Greece, and a connecting pipeline between sea terminals for receiving liquefied natural gas in Poland and Croatia.

This paper examines the Russian and Turkish perceptions of the "Intermarium" concept in terms of both its feasibility and being a potential competitor to their own geopolitical and geoeconomic projects in this region.

КОНЦЕПЦИЯ SVENSKHET КАК ФАКТОР ПРАВОГО ПОВОРОТА В ПОЛИТИКЕ ШВЕЦИИ

Степаненко А.А.¹, Матвеевская А.С.¹

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Объектом исследования в данной статье выступает концепция *svenskheth* («шведскость»), определяющая крайне правую повестку в политической жизни Швеции. Автор работы предпринимает попытку изучить социально-политические составляющие популярности настоящей концепции в рамках политической системы Швеции и описать особенности ее становления и реализации.

В работе на основе использования общенаучных методов исследования (теоретический анализ научной литературы, сравнение, сопоставление и обобщение информации) выявляются социально-экономические условия появления понятия *svenskheth*; устанавливаются причины актуализации концепции «*svenskheth*» в политической борьбе; определяется понимание шведской национальной идентичности «Шведскими демократами» в период становления партии.

Ключевые слова: Швеция, национальная идентичность, шведскость, политическая система

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня в Швеции наблюдается подъем националистических настроений. По итогам выборов 11 сентября 2022 года второй по популярности в стране (с поддержкой более 20%) оказалась ультраправая популистская сила, представляемая партией «Шведские демократы». Официально эта партия не вошла в ныне правящую правоцентристскую коалицию умеренных, христианских демократов и либералов, однако ей уже удалось добиться принятия правительством действий в фаворите своих приоритетов, наиболее значимые из которых связаны с понятием "*svenskheth*" («шведскость»).

В самом широком смысле, последнее трактуется как набор специфических ценностей, внутренних и внешних качеств, присущих шведам. Глубинные содержательные составляющие данной концепции на сегодняшний день остаются дискуссионными как в обществе и государстве, так и в научных кругах, что и определяет актуальность настоящего исследования.

Несмотря на то, что фактическое зарождение шведской национальной идентичности начинается на самых ранних стадиях формирования государственности, сегодня исследователи

предпочитают в рамках изучения данного феномена обращаться к периоду с XIX века по начало XX века. Именно в это время концепция переосмыслиется: крупное поражение в войне на два фронта против Дании и России приводит к утрате обширной территории Финляндии, а вместе с тем – великодержавного имперского статуса. Эти потрясения проходят на фоне экономического кризиса, спровоцированного неурожаем и голодом 1808 года, и в совокупности приводят к необходимости пересмотреть понимание «шведского» и «шведскости». При этом процесс зарождается во многом «снизу», стихийно – вышеперечисленные факторы обуславливают сплочение народа на государственной, национальной основе, формируют запрос на определение границ «шведского».

Большое влияние на характер формирования национальной идентичности оказывает шведский романтизм: неприглядная современность, полная разочарований и поражений, заставляет деятелей искусства обратиться к прошлому, к дням великодержавной славы. В этот период открываются музеи и выставки, способствующие формированию «национального профиля». Период ренессанса переживают также элементы народной культуры: ремесла, традиции, праздники, фольклор. Отмечается значение мифологии. Кроме того, как отмечает российский политолог и главный редактор журнала «Россия в глобальной политике» Федор Лукьянов, важное значение в формировании шведского национального самосознания сыграло тиражирование статистических данных о социально-экономических показателях жизни страны и ее граждан [1].

Важной отличительной характеристикой является и отсутствие у Швеции центрального исторического или культурного врага, которому можно было бы себя противопоставить. Это обусловило культивирование на всем протяжении 19 века идеи скандинавизма – концепции культурной и исторической общности народов, объединенных в рамках региона, переходящего географическую Скандинавию, и противопоставляемой идеологами «европейскости», католическому единству и империализму [2].

Большую роль в рамках формирования вектора развития концепции и сыграл также длительный период нейтралитета в XX веке.

Однако концепция, сформированная в описанный период, сегодня не отвечает ни запросам населения, ни объективной реальности. Процессы глобализации, европейский миграционный кризис, провал шведской политики мультикультурализма и разочарование в евроинтеграции стали причиной роста нетерпимости в шведском обществе, что в свою очередь дало импульс новому витку академических дебатов и размышлений на счет истинного значения и содержания «шведскости», вылившись со временем в переосмысление концепции.

Современный дискурс в данной связи формируется в том числе под влиянием идеологии правых политических партий. Активизация их деятельности в последние годы, а также вовлечение как никогда широких слоев общества в публичную дискуссию по данной теме задали определенный вектор конструирования нарратива.

Центральной причиной возрождения агрессивного национализма, ксенофобии и исламофобии в шведском обществе считается европейский миграционный кризис середины 2010-х годов. Беспрецедентное увеличение потока беженцев, активизация деятельности террористических группировок и организаций, недостаточная координация действий по кризисному регулированию со стороны властей Европейского Союза – все это привело к предельному накалению социального недовольства, реанимации неонацистских течений, распространению этноконфессиональных предрассудков.

На волне обозначенных общественных процессов в рамках принимающего все больше мигрантов сообщества в риторике шведских политических партий правого толка прочно закрепились критические тезисы по отношению к политике мультикультурализма и европейской интеграции. К этому времени произошла смена характера партийной системы Швеции. По результатам парламентских выборов 2010 года многолетний период монополии СДРПШ нарушила правоцентристская УКП, а националистическая партия «Шведские демократы», впервые получившая места в парламенте выступила в качестве главного дестабилизирующего элемента [3]. В центре партии с момента ее учреждения в 1988 году находилась критика проводимой на тот момент либеральной, открытой и мягкой миграционной политики, одной из главных целей являлось достижение этнической гомогенности. Благодаря столь пристальному вниманию к данной проблеме «Шведских демократов» часто называют партией одного вопроса [4]. Спустя год после образования была опубликована ее первая политическая программа, получившая название «För Sveriges bästa» («Для лучших Швеции»), в тексте которой

подчеркивается роль шведского национального единства в экономическом прогрессе, сознательно минимизируется вклад мигрантов. Увеличение миграционных потоков выделяется в качестве одной из главных угроз культурному наследию и национальной идентичности Швеции. Из положений документа следует, что под «шведами», по представлению партии, следует понимать людей, обладающих подданством Швеции, родившихся на территории королевства или имеющих близкие родственные связи с этническими шведами. При этом принять «шведскость» могут лишь представители узкого круга европейских стран: скандинавских, этнические немцы, австрийцы и итальянцы. Данный тезис объясняется фашистским прошлым большинства основателей партии, симпатиями к идеям итальянского фашизма. Отмечается неприемлемость создания мультикультурного общества, необходимость для мигрантов «этнически и культурно влиться в шведское общество», предлагается имплементация практики переселения иммигрантов, не принадлежащих к европеоидной расе, вне зависимости от их юридического статуса в рамках миграционного законодательства и длительности проживания на территории государства. Концепция «шведскости» основывается, исходя из положений политической программы партии, на демократических ценностях, расовой однородности, национальном сплочении [5].

Последующие модификации партийной программы во многом дублируют основные тезисы данного текста, однако в связи с острой критикой и низкой электоральной поддержкой на фоне радикальности постулируемых ценностей, риторика смягчается. Позже также проводится «чистка рядов» – партию покидают наиболее одиозные политики. А. В. Рябиченко отмечает, что именно в программе 1999 года, благодаря отказу от «требований массовой депортации иммигрантов, введения смертной казни и национализации банковского и страхового секторов экономики» окончательно оформился «современный идеологический профиль партии» [6].

Первый серьезный электоральный подъем партия переживает после 2005 года. Ряд исследователей отмечает, что это связано с избранием в качестве партийного лидера Й. Окссона, который провел оперативное изменение идеологического базиса партии (см., напр.: [7]). Так, уже в 2006 году партия получает места в муниципальных советах, что повышает не только их влияние в политической системе, но и расширяет упоминания в СМИ, что, в свою очередь, косвенно влияет на окончательный разрыв партии с маргинальным образом, долгое время остававшийся за ней прочно закрепленным.

После беспрецедентного успеха на парламентских выборах 2010 года «Шведские демократы» были вынуждены конкретизировать свои тезисы и расширить горизонт рассматриваемых проблем, чтобы повысить конкурентоспособность на шведской арене. Таким образом, наибольшее распространение и уточнение программа получает в 2011 году.

На парламентских выборах 2018 года партия переживает крупный успех – набрав 17,6% голосов и увеличив число мест в риксдаге до 62 «Шведские демократы» становятся третьей партией в Швеции. Способствовало этому обострение социального напряжения в преддверии выборов: в связи с ростом доли иммигрантов в населении страны повысилась криминогенность обстановки, а 13 августа произошел ряд поджогов автомашин в нескольких городах на западе Швеции. На этой почве вновь ярче зазвучали и получили большую поддержку популистские лозунги «Шведских демократов». А. Филипович указывает, что по результатам парламентских выборов партия ««Шведские демократы» из абсолютно маргинальной партии, которая в лучшем случае набирала один-два процента голосов на выборах, стала третьей политической силой в Швеции, ... получив власть влиять на реалии в стране и формировать политический диалог» [8]. Новейшая на сегодняшний день партийная программа опубликована в 2019 году и по всем основным категориям дублирует содержание предыдущих. Таким образом, несмотря на некоторое формальное смягчение тезисов, а также самоидентификации, партия остается националистической – основное внимание политиков приковано к проблеме шведской национальной идентичности и угрозе со стороны мигрантов.

Именно с этой партийной программой «Шведские демократы» приходят к крупнейшему за свою историю успеху – по результатам последних парламентских выборов в Швеции партия занимает второе место в риксдаге, набрав чуть более 20% голосов и получив 73 места в парламенте. При этом реальное влияние партии увеличивается во много раз – избрание в ноябре Ульфа Кристерссона, лидера Умеренной партии, в качестве главы правительства привело к формированию небывалой расстановки сил. Представляя правительство меньшинства, У. Кристерссон и его кабинет во многом полагаются на поддержку «Шведских демократов» –

впервые за всю историю Швеции правая партия получила реальные влияние и власть в риксдаге [9].

Таким образом, рост популярности правых политических партий, в частности партии «Шведские демократы», был обусловлен рядом причин. Европейский миграционный кризис и его последствия, такие как, например, рост криминогенности в обществе, вызвали напряжение в социальной среде и националистический подъем в шведском обществе. Пандемия COVID-19 и спорные действия социал-демократического на тот момент правительства повысили градус возмущения недовольства. Все это привело к тому, что к 2022 году в шведской академической и политической среде сложился обширный дискурс провала политики мультикультурализма, а также кризиса шведской социал-демократии. Во многом благодаря тонкому политическому лавированию и использованию популистской риторики, заручившись поддержкой новых для партии категорий электората – рабочего класса, членов профсоюзов, предпринимателей – «Шведским демократам» удастся заполнить «политический вакуум, образовавшийся вследствие электорального спада социал-демократов», и прийти к значительному влиянию на политику страны. Стоит отметить, что несмотря на то, что партия заняла второе место по числу кресел в риксдаге по результатам выборов 2022 года, при ближайшем рассмотрении успех оказывается поистине ошеломительным: лидер партии занял первое место в своем избирательном округе – Йончёппинге, а также партия набрала наибольшее количество «персональных голосов» – голосов, отданных за определенного кандидата [10]. Новоиспеченный премьер-министр У. Кристерссон, стремясь закрепить победу правоцентристского блока, считал необходимым как можно больше расширить влияние «Шведских демократов» в рамках кабинета министров. Несмотря на противостояние враждебных политических сил и непродлившиеся переговоры, затянувшиеся почти на месяц, партия все же получила места в комитетах риксдага. Принимая в расчет тот факт, что У. Кристерссон представляет парламентское меньшинство и прочно опирается на поддержку «Шведских демократов», а также то, что члены партии назначены председателями комитетов юстиции, экономики, труда, внешней политики, а также заместителями председателей комитетов обороны, налоговой и гражданской политики, можно сделать вывод, что роль «Шведских демократов» в сегодняшней Швеции является колоссальной, и, вероятно, в дальнейшем будет только расти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Успех «Шведских демократов», ставших вторыми после социал-демократов и отодвинувших на третье место «Умеренную коалиционную партию», объясняется партийно-политическими процессами последних лет, когда социал-демократы не предложили избирателям новых идей и решений, не смотря на усложнение социальной ситуации в Швеции. «Шведские демократы» довольно умело воспользовались как неудовлетворенностью населения сложившейся ситуацией, так и недостаточной эффективными действиями правительства: партия получила на последних парламентских выборах самое большое число персональных голосов, а её лидер Й. Окссон оказался на первом месте в своём избирательном округе.

И хотя по оценкам специалистов «для «Шведских демократов» ещё не пришло время, когда они будут прямо претендовать на министерские портфели» [10], сегодня речь идёт об их влиянии в комитетах риксдага, где готовятся важнейшие решения, которым будет следовать правительство, что очень важно, учитывая, что тот факт, что, когда у правительства нет надёжного и твёрдого большинства в главном законодательном органе, роль парламента и его комитетов сильно возрастает.

Вопрос о том, удовлетворятся ли «Шведские демократы» своим местом в политическом пространстве или потребуют чего-то большего остается открытым. Кроме того, в стране нарастают проблемы внешнеполитического характера: не завершен процесс вступления Швеции в НАТО; выполнение условий Турции потребует переосмысления курдского вопроса, что в свою очередь, может усугубить идеологическое и политическое противостояние между «Шведскими демократами» и их оппонентами; существует угроза обострения ряда внутренних проблемы в связи с общей ситуацией в мире и в восточной части постсоветского пространства.

Список источников и литературы

1. Лукьянов Ф. Код государства / Газета.ru. URL: <https://www.gazeta.ru/column/lukyanov/563830.shtml> (дата обращения 15.06.2023).
2. Лебедев А.С. Культурно-исторические особенности шведского национализма / Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки, № 1, с. 204-208, 2012.

3. Рябиченко А. Национальная идентичность как предмет политических дискуссий в современной Швеции / Власть, том. 21, № 7, с. 86-89, 2013.
4. Mirisch J. The Sweden Democrats: How to Deal with a One-Issue Party. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.a6378713-6446d2fd-145a65e3-74722d776562/https://www.huffpost.com/entry/the-sweden-democrats-how_b_8068416 (дата обращения 19.06.2023).
5. Sverigedemokraterna Partiprogram 1989. För Sveriges bästa / Svensk nationell datatjänst. Stockholm: Sverigedemokraterna, p. 1, 1989.
6. Рябиченко А.В. Успех партии «Шведские демократы» как элемент трансформации шведской партийно-политической системы / Вестник САФУ. Серия "Гуманитарные и социальные науки, №1, с. 28-31, 2014.
7. Довгиленко Г. А. Правые партии Швеции в условиях кризиса социал-демократии в странах Северной Европы / Проблемы национальной стратегии, № 4(67), с. 130-145, 2021.
8. Филипович А. Влияние крайне правых в Швеции на процесс евроинтеграции Мировая политика, № 4, с. 46-60, 2019.
9. Синицкая Е. «Шведские демократы» – неонацистская группировка или успешная популистская партия? / Российский совет по международным делам: Блог Научного Студенческого Общества МГИМО. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/NSO_MGIMO/shvedskie-demokraty-neonatsistskaya-gruppirovka-ili-ushpeshnaya-populis/ (дата обращения 14.06.2023).
10. Плевако Н.С. Швеция-2022: эволюция политического пейзажа / Научно-аналитический Вестник ИЕ РАН, № 5(29), с. 47-54, 2022.

Степаненко Арина Артемовна, студент 4 курса, факультет международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Россия, e-mail stepanenkoarina2002@gmail.com

Матвеевская Анна Сергеевна, к. геогр. н., кафедра мировой политики, факультет международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Россия

THE CONCEPT OF SVENSKHET AS A RIGHT TURN FACTOR IN SWEDISH POLITICS

Stepanenko A.A.¹, Matveevskaya A.S.¹

¹Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia,

The object of research in this article is the concept of svenskhet ("Swedishness"), which determines the far-right agenda in the political life of Sweden. The author of the work attempts to study the socio-political components of the popularization of this concept within the political system of Sweden and describe the features of its formation and implementation.

Based on the use of general scientific methods of research (theoretical analysis of scientific literature, comparison, collation and generalization of information), the socio-economic conditions for the emergence of the concept of Swedishness are studied; the reasons for the actualization of the concept of "svenskhhet" in the political struggle are established; the understanding of the Swedish national identity by the "Swedish Democrats" during the formation of the party is defined.

Key words: Sweden, national identity, Swedishness, political system

УДК 911.373(470)

ТИПОЛОГИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ РЕГИОНОВ РОССИИ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Федоров Г.М.

Балтийский федеральный университет им. И. Канта
Калининград, Россия

В последние годы на федеральном уровне все больше внимания уделяется региональной политике. Важными ее компонентами являются стратегии социально-экономического и пространственного развития регионов. Относительно развитие городов и городских агломераций имеются многочисленные разработки, но гораздо меньше теоретически и методически проработаны вопросы, касающиеся сельской местности. При этом общими тенденциями для протекающих в регионах процессов является усиливающаяся поляризация сельского расселения, трудового и экономического потенциала села. Специфика регионов, которые можно объединить в ряд типов, требует дифференцированного подхода к реализации мер регулирования регионального развития. В качестве типологических признаков рассмотрены плотность и динамика численности сельского населения; урбанизированность; миграционный прирост в регионе; доля в структуре ВРП добавленной стоимости, создаваемой в аграрном секторе; производство добавленной стоимости в аграрном секторе на душу населения, на 1 сельского жителя, на 1 занятого в аграрном секторе; доля занятых в аграрном секторе (в том числе в сельском хозяйстве, лесоводстве и лесозаготовках, рыболовстве и рыболовстве), динамика сельскохозяйственного производства. В регионах разных типов социально-экономические проблемы сильно различаются, что должна учитывать политика по совершенствованию систем

расселения. Весьма значительными являются и различия внутри субъектов РФ, на микрорайонном уровне. Приведены примеры по Калининградской области. Для пригородных зон региональных центров и периферии должны использоваться неодинаковые меры регулирования развития муниципальных систем расселения.

Ключевые слова: региональная политика, региональные стратегии, пространственное развитие, село, расселение, типология, регионы, Россия

В Стратегии пространственного развития РФ отмечается «существенное отставание уровня жизни значительной части населения сельских территорий от жителей крупных городов и городских агломераций» [1]. В общем виде сформулированы меры, обеспечивающие социально-экономическое развитие сельских территорий. Однако требуется конкретизация необходимых мер по развитию села, причем с учетом исключительно больших территориальных различий сельской местности восточных и западных, северных и южных, различающихся по уровню освоенности и урбанизированности регионов.

Сельская местность субъектов РФ имеет чрезвычайно большие межрегиональные различия. Плотность сельского населения варьирует от 0,02 человек на кв. км в Чукотском АО до 78 в пределах Москвы, динамика численности в начале 2020 г. по сравнению с 1989 г. от 171% в Чеченской Республике до 32% в Чукотском АО и т.д. При этом общими тенденциями для протекающих в регионах процессов является усиливающаяся поляризация сельского расселения, трудового и экономического потенциала села. Увеличиваются территориальные различия между сельскими местностями регионов. В одних регионах возникают проблемы обезлюживания территории, в других – трудовой потенциал превышает потребности экономики в рабочей силе, сложными остаются проблемы социального обустройства села.

Специфика регионов требует дифференцированного подхода к регулированию регионального развития. Для обоснования мер федерального уровня целесообразно выявить связи между социально-экономической ситуацией в регионе и развитием сельской местности. Попытка установить корреляционные зависимости между динамикой сельского расселения и отдельными социально-экономическими характеристиками субъектов РФ не позволяет определить наличие существенных взаимозависимостей: коэффициенты линейной корреляции оказываются невысокими. Поэтому целесообразно типологизировать регионы по совокупности существенных признаков, характеризующих их экономико-демографическое развитие. В статье делается попытка такой типологизации, результаты которой, на наш взгляд, могут оказаться полезными в решении актуальных проблем пространственного планирования региональных систем сельского расселения. На примере Калининградской области показаны принципиальные особенности процесса поляризации расселения на внутривнутрирегиональном уровне.

Типология субъектов РФ

В качестве типологических признаков выступают (табл. 1):

- плотность и изменение численности сельского населения за 2019 г.;
 - удельный вес сельского населения;
 - доля в 2018 г. ВРП добавленной стоимости, созданной в аграрном секторе;
 - производство в 2018 г. добавленной стоимости в аграрном секторе на душу населения, на 1 сельского жителя, на 1 занятого в аграрном секторе;
 - доля занятых в 2018 г. в аграрном секторе (в том числе в сельском хозяйстве, лесоводстве и лесозаготовках, рыболовстве и рыбобудовстве);
 - объем сельскохозяйственного производства в 2019 г. в % к 2013 г.
- Используя метод комбинированных группировок, автор выделил типы и подтипы двух уровней (табл. 2 – 5). В таблицах типы обозначены цифрами, подтипы высшего уровня – прописными буквами, низшего уровня – строчными буквами: 1Аа, 2Гв и т.д.

Таблица 1

Столичные и наиболее плотно заселенные регионы
Наименования показателей к графам 1 – 6 таблиц 2 – 5.

Графы	Показатели
1	Удельный вес сельского населения, начало 2020: + выше среднего по РФ, - ниже среднего по РФ
2	Прирост сельского населения за 2019 в расчете на 1000 жителей
3	Добавленная стоимость в аграрном секторе на душу населения, 2018 г.: + выше среднего по РФ, - ниже среднего по РФ

- 4 Добавленная стоимость в аграрном секторе на 1 занятого, 2018 г.:
+ выше среднего по РФ, - ниже среднего по РФ
- 5 Превышение доли занятых в экономике по сравнению следующим уровнем:
6% – в сельском хозяйстве, 1% – в лесном секторе, 0,5% – в рыболовстве
- 6 Индекс производства, сельское хозяйство, 2019 в % к 2013:
+ выше среднего по РФ, - ниже среднего по РФ

Тип 1 включает столичные регионы – Московскую и Ленинградскую области. В Московской области плотность сельского населения и доля городского населения существенно выше, чем в Ленинградской, а занятость в сельском, лесном хозяйстве и рыболовстве ниже. Но более важно наличие общих черт экономики и расселения. В обеих областях имеет место интенсивный прирост сельского населения. Их сельское хозяйство обслуживает потребности Москвы и Санкт-Петербурга, имея пригородную специализацию (производство молока, мяса птицы и яиц, овощей и картофеля). Производство продукции на 1 занятого выше среднего по РФ. Значительная часть сельского населения работает в Москве и Санкт-Петербурге, которые являются центрами обслуживания населения «своих» областей.

Второй тип объединяет регионы с наиболее высокой плотностью сельского населения (30 – 65 человек на кв. км) и включает республики Северо-Кавказского и Южного федеральных округов (кроме Калмыкии) и Краснодарский край. Для них (кроме подтипа 2В6 в составе республик Северная Осетия – Алания и Карачаево-Черкесской) характерен рост численности сельского населения. Экономику Краснодарского края и Адыгеи (подтип 2А) характеризуют высокий уровень добавленной стоимости на 1 занятого, но медленный рост сельскохозяйственного производства. Подтип с растущей численностью сельского населения и миграционным приростом, с невысоким уровнем добавленной стоимости на 1 занятого, но быстро растущим производством (2Б) включает Чеченскую и Кабардино-Балкарскую республики, Ингушетию и Дагестан.

Таблица 2
Столичные (1) и наиболее плотно заселенные регионы (2)

ип, подтип	Т	Состав типов, подтипов					
	1	Московская обл.					
	1	Ленинградская обл.				, Л	
А	2	Респ. Адыгея					
А	2	Краснодарский край					
Б	2	Респ. Ингушетия					
Б	2	Чеченская респ.					
Б	2	Респ. Дагестан, Кабардино-Балкарская					
В	2	Карачаево-Черкесская респ.					
В	2	С.Осетия -Алания					
Г	2	Респ. Крым					

Составлено автором на основе данных:[3, 3].

Отдельный подтип составляет республика Крым с растущим населением и высокой занятостью в сельском хозяйстве, но низким уровнем добавленной стоимости на 1 занятого и низкими показателями динамики сельскохозяйственного производства. Крупноселенность сельского расселения в регионах этого типа способствует формированию в каждом из них и/или в «кустах» близко расположенных и кооперирующихся между собой сельских и городских населенных пунктов необходимой социальной инфраструктуры.

К третьему типу отнесены плотно заселенные регионы (с плотностью сельского населения 10 – 20 человек на кв. км), большинство из которых относится к Средней полосе России. Но различия между регионами по другим типологическим признакам очень велики. Наилучшую ситуацию по совокупности демографических и экономических особенностей имеет Белгородская область (3Аа) с растущим сельским населением, миграционным приростом населения, высокими показателями производимой в аграрном секторе добавленной стоимости как на 1 занятого, так и на душу населения, и относительно высокими темпами роста сельскохозяйственного производства. Растет сельское население и в урбанизированных Калининградской области (где повышена доля занятых в рыболовстве) с высокими темпами роста сельхозпроизводства (3Ба).

Самарской области (2Бб), характеризующихся менее высокими темпами. В Татарстане занятость в сельском хозяйстве выше, более высоки и показатели добавленной стоимости на 1 занятого и на душу населения (3Бв). В остальных регионах третьего типа численность сельского населения сокращается.

Таблица 3
Плотно заселенные регионы

ип, подтип	Т	Состав типов, подтипов						
Аа	3	Белгородская обл.						
Аб	3	Брянская, Курская, Липецкая, Орловская, Тамбовская обл.						
Ав	3	Воронежская обл.						
Аг	3	Респ. Мордовия, Ростовская обл.						
Ад	3	Ставропольский край						
Ба	3	Калининградская обл.						
Бб	3	Самарская область						
Бв	3	Респ. Татарстан						
Ва	3	Респ. Башкортостан						
Ва	3	Удмуртская респ.						
Вб	3	Чувашская респ.						
Га	3	Тульская обл.						
Гб	3	Владимирская обл.						

Составлено автором на основе данных: [2, 3].

Четвертый тип включает 29 субъектов РФ с плотностью сельского населения 3 – 10 человек на кв. км; у всех них сельское население в 2019 г. сократилось. Различия между ними также весьма значительны и, чаще всего, менее благоприятны по сравнению со средними по стране. Только у 10 регионов добавленная стоимость в расчете на 1 занятого выше средней по РФ, у 19 – ниже

Высокие темпы роста сельхозпроизводства характерны также для 10 регионов. Наиболее благоприятную ситуацию по совокупности экономических особенностей имеет республика Марий Эл (4Аа). Она относительно менее урбанизирована, имеет высокий уровень занятости в сельском хозяйстве, высокий уровень добавленной стоимости на 1 занятого и на душу населения. Пензенская и Астраханская (4Аб) отличаются от нее пониженной добавленной стоимостью на душу населения (в Астраханской, кроме того, повышена доля занятых в рыболовстве). Повышенные темпы роста сельхозпроизводства имеют также 7 более урбанизированных регионов. Это Калужская, Рязанская и Новгородская области (4Бв) с невысокой занятостью в сельском хозяйстве, но высокой добавленной стоимостью на 1 занятого и на душу населения, а также Псковская (4Га), Тверская, Ярославская (4Гб) и Волгоградская области (4Ба) с высокой занятостью в сельском хозяйстве, но невысокой добавленной стоимостью на 1 занятого.

В 19 регионах темпы роста сельхозпроизводства ниже средних по РФ. Среди них менее урбанизированы Тюменская (4Гд), Оренбургская, Курганская области и Алтайский край (4Ав). В Тюменской области низкая доля занятых в сельском хозяйстве, но сравнительно высок уровень добавленной стоимости и на 1 занятого, и на душу населения. В Оренбургской и Курганской этот уровень понижен в расчете на 1 занятого, а в Курганской – и на душу населения. К более урбанизированным относятся 11 регионов. В Саратовской области (4Вг) и Приморском крае (4Вд) оба относительных показателя добавленной стоимости выше средних по РФ. В Омской области благодаря высокой занятости в сельском хозяйстве, несмотря на низкую добавленную стоимость на 1 занятого, показатель на душу населения выше среднего по РФ. В Пермском крае, Нижегородской, Ульяновской, Новосибирской (4Гг), Смоленской, Костромской, Вологодской, Кировской (4Гв) областях оба показателя ниже среднего уровня. Здесь занятость в сельском хозяйстве невысока, но зато везде (кроме Новосибирской области) выше, чем в среднем по РФ, в лесном секторе. Наиболее урбанизированы Ивановская (4Гг), Свердловская, Челябинская и Кемеровская области (4Гд). В первой из них сельхозпроизводство за 2014 – 2019 гг. сократилось. А занятость в сельском хозяйстве и относительные показатели добавленной стоимости ниже среднероссийских.

Таблица 4

Менее плотно заселенные регионы

ип, подтип	Г	Состав типов, подтипов					5
Аа	4	Респ. Марий Эл					С
Аб	4	Астраханская обл.				, Р	С
Аб	4	Пензенская обл.					С
Ав	4	Оренбургская обл.					С
Ав	4	Алтайский край					С
Ав	4	Курганская обл.				, Л	С
Ба	4	Волгоградская обл.					С
Бб	4	Омская область					С
Бв	4	Калужская обл.					-

Бв	4	Рязанская обл.						-
Бв	4	Новгородская обл.						Л
Вг	4	Саратовская обл.						С
Вд	4	Приморский край						-
Га	4	Псковская обл.					, Л	С
Гб	4	Тверская обл.					, Л	С
Гб	4	Ярославская обл.						С
Гв	4	Вологодская, Кировская, Костромская, Смоленская обл.						Л
Гг	4	Ульяновская обл.						С
Гг	4	Ивановская обл., Пермский край, Нижегородская, Новосибирская обл.						-
Гд	4	Свердловская, Челябинская, Кемеровская обл.						-
Гд	4	Тюменская обл.						-

Составлено автором на основе данных: [2, 3].

Пятый тип (24 региона) представлен наименее плотно заселенными восточными и северными регионами и республикой Калмыкия. Плотность сельского населения здесь составляет всего 0,01 – 2 человека на кв. км, что сильно затрудняет обеспечение жителей социальной инфраструктурой, не позволяет эффективно развивать межселенное обслуживание.

Таблица 5
Слабо заселенные регионы

ип, подтип	Т	Состав типов, подтипов						
Аа	4	Республика Алтай					, Л	С
Аа	4	Республика Тыва						С
Ба	4	Респ. Бурятия, Саха (Якутия), Забайкальский край						С
Ба	4	Респ. Хакасия						-

Ба	4	Еврейская АО						
Бб	4	Амурская обл.						
Бв	4	Республика Калмыкия						
Ва	4	Ненецкий АО						
Вб	4	Камчатский край, Чукотский АО						
Га	4	Республика Карелия, Хабаровский край					, Р	
Гб	4	Мурманская, Магаданская,						
Гв	4	Сахалинская обл.						
Да	4	Архангельская, Иркутская обл.						
Дб	4	Респ. Коми, Красноярский край, Томская обл.						
Дб	4	Ханты-Мансийский АО						
Дб	4	Ямало-Ненецкий АО						

Составлено автором на основе данных: [2, 3].

Только в 5 регионах численность сельского населения возросла, причем в республиках Алтай и Тыва (4А), отличающихся высокой занятостью в сельском и лесном хозяйстве, Ямало-Ненецком АО (4Дб), где повышен удельный вес занятых в рыболовстве) рост обусловлен превышением рождаемости над смертностью. В Калмыкии (4Бв), Бурятии, Якутии (4Ба), Ненецком (4Ва), Ханты-Мансийском (4Дб) и Чукотском АО (4Вб), несмотря на естественный прирост, численность сельского населения вследствие интенсивного миграционного оттока сократилась. Доля занятых в сельском хозяйстве выше среднего по РФ показателя, помимо республик Алтай и Тыва, еще только в Калмыкии (4Бв) и Еврейской АО (4Ба), где и уровень добавленной стоимости как на 1 занятого, так и на душу населения выше среднего по РФ.

Высокие показатели производства добавленной стоимости на 1 занятого имеют регионы с повышенной долей занятых в рыболовстве и лесном секторе. Карелия, Хабаровский край и Архангельская область имеют удельный вес выше среднего по РФ в обоих этих видах деятельности, в 12 регионах он выше в лесном секторе, 8 – в рыболовстве. В результате в половине регионов, отнесенных к типу 4, добавленная стоимость на 1 занятого выше средней по РФ. Во всех них, а также в республике Алтай, в аграрном секторе выше среднего и душевое производство добавленной стоимости. А самые высокие показатели – в регионах с наиболее развитым морским рыболовством: республике Карелия, Хабаровском крае (4Га), Мурманской, Магаданской (4Гб) и Сахалинской (4Гв) областях. Выше среднего они в Красноярском крае и Томской области (4Дб), Архангельской, Иркутской (4Да) областях. Но в республиках Коми (4Дб), Бурятии Хакасия, в Забайкальском (4Ба) и Красноярском (4Дб) краях их уровень уступает среднероссийскому. Ниже среднего он и в Ханты-Мансийском АО (4Дб), где занятость и в сельском, и в лесном хозяйстве, и в рыболовстве невелика.

Поляризация расселения в Калининградской области

Калининградская область является характерным примером поляризации расселения, в том числе сельского. В таблице 6 представлены данные о численности городского и сельского

населения в Калининграде, его ближней и дальней пригородной зоне и на периферии. Характерен активный процесс субурбанизации в ближней пригородной зоне. В 2010 – 2020 гг. возросла численность как городского, так и сельского населения. И в ближней, и в дальней пригородной зоне сельское население увеличивалось быстрее городского, а на периферии сокращалось медленнее. Повышенный прирост городского населения обеспечивают Калининград и его еще более быстро растущая ближняя пригородная зона. В итоге на востоке области число жителей резко сокращается, а на западе, в приморской части, увеличивается.

Можно также заметить, что внутри каждой из выделенных зон расселения между муниципалитетами имеются существенные различия в динамике численности как городского, так и сельского населения. Как и на межрегиональном уровне, на межмуниципальном целесообразна типологизация муниципалитетов для формулирования более соответствующей конкретным условиям стратегии их социально-экономического и пространственного развития.

Для сглаживания возрастающих социально-экономических различий и стимулирования развития периферийных районов в регионе принята специальная программа «Восток». Ее реализация и совершенствование должна способствовать решению проблем развития сельской местности и в целом отстающих муниципалитетов.

Таблица 6

Динамика численности городского и сельского населения муниципальных образований Калининградской области, 2020 г. в процентах к 2010 г.

Наименование муниципального образования	2020 г. в процентах к 2010 г.	
	Город	Село
Городские (муниципальные) округа Калининград	113,3	-
Багратионовский	99,8	102,2
Балтийский	102,7	110,3
Зеленоградский	126,9	112,7
Гурьевский	155,4	125,6
Ладушкин	102,6	95,6
Мамоново	103,3	94,4
Пионерский	110,7	-
Светловский	101,2	111,8
Светлогорский	141,2	109,7
Янтарный	100,6	105,6
Ближняя пригородная зона Калининграда – итого	113,9	114,9
Полесский	90,8	96,5
Гвардейский	95,8	98,9
Правдинский	93,1	96,7
Дальняя пригородная зона Калининграда – итого	93,9	97,5
Гусевский	100,8	101,9
Краснознаменский	87,7	91,1
Неманский	91,2	91,0
Нестеровский	85,6	93,2
Озерский	80,6	89,1
Славский	86,3	111,8
Советск	93,4	-
Черняховский	87,5	94,6
Периферийные муниципалитеты – итого	91,9	95,1
Калининградская область – всего	108,6	105,0

Составлено автором на основе данных: [4, 5].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, происходит усиление концентрации населения и экономического потенциала сельского хозяйства в немногих более освоенных и экономически развитых субъектах РФ, а также регионах, обладающих природными преимуществами. Коэффициент линейной корреляции между динамикой сельского населения в регионе и плотностью населения составляет 0,54, со средней людностью сельских населенных пунктов 0,51, с плотностью городов 0,43, со среднегодовой температурой 0,36. А с душевым ВРП составляет только -0,006, с динамикой сельскохозяйственного производства -0,038.

В регионах разных типов социально-экономические проблемы сильно различаются. Существенными являются и социально-экономические различия сельской местности внутри субъектов РФ, на микрорайонном уровне. Следует выполнить научные обоснования того, какие сельские регионы должны быть приоритетными при определении географических направлений поддержки села и для учета типологических особенностей регионов при установлении видов поддержки и направлений совершенствования региональных систем расселения. В одних случаях речь может идти о формировании опорного каркаса расселения, в других – о реализации активно обсуждавшейся в советский период Единой системы расселения, в третьих – об «автономном» (насколько это возможно) или «кустовом» развитии систем межселенного обслуживания.

Благодарность

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (Проект №20-55-76003 ЭРА_т «Социальные инновации и повышение ценности местности в сельских регионах»).

Список источников и литературы

1. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Распоряжение правительства РФ от 13 февраля 2019 г. №207-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf> (Дата обращения 05.03.2021)
2. Регионы М.: Росстат, 2020. 1242 с.
3. Численность населения РФ по муниципальным образованиям. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (Дата обращения 05.03.2021)
4. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Калининградская область Том 2. Калининград: Калининградстат, 2012.
5. Численность населения городских и сельских населенных пунктов Калининградской области по состоянию на 1 января 2020 г. Калининград: Калининградстат, 2020.

TYPOLOGY OF RURAL AREAS REGION IN RUSSIA FOR THE PURPOSES OF REGIONAL POLICY **Fedorov G.M**

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

In recent years, more and more attention has been paid to regional policy at the federal level. Its important components are strategies for the socio-economic and spatial development of the regions. Regarding the development of cities and urban agglomerations, there are numerous developments, but much less theoretically and methodologically worked out issues related to rural areas. At the same time, the general trends for the processes taking place in the regions are the increasing polarization of rural settlement, labor and economic potential of the village. The specifics of the regions, which can be combined into a number of types, require a differentiated approach to the implementation of measures to regulate regional development. The density and dynamics of the rural population are considered as typological features; urbanization; migration growth in the region; the share in the GRP structure of value added created in the agricultural sector; production of value added in the agricultural sector per capita, per 1 rural resident, per 1 employed in the agricultural sector; the share of those employed in the agricultural sector (including agriculture, forestry and logging, fishing and fish farming), the dynamics of agricultural production. In different types of regions, socio-economic problems vary greatly, which should be taken into account by policies to improve settlement systems.

Keywords: regional policy, regional strategies, spatial development, village, settlement, typology, regions, Russia

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТАХ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Тенчиков А.А.¹

¹ Академия управления городской средой, градостроительства и печати, Санкт-Петербург, Россия

В статье рассматриваются межэтнические конфликты на территории Республики Казахстан в постсоветский период, приводится их краткий анализ. Исследуется влияние этнического и религиозного факторов на развитие конфликтов. Приводится краткий прогноз дальнейшего влияния религиозного фактора в Республике Казахстан.

Ключевые слова: Республика Казахстан, ислам, религия, межэтнические конфликты

В настоящее время религия остаётся очень важным фактором повседневной жизни человечества, причём не только в традиционных обществах, – религия во многом формирует культуру, а та, в свою очередь, – образ жизни и систему поведения. Религиозные отличия продолжают оказывать ощутимое влияние на образ жизни даже в крупных современных городах.

Вместе с тем необходимо отметить, что очень часто различия, связанные с религией или с основанными на ней обрядами и особенностями поведения людей, приводят к серьёзным конфликтам с многочисленными жертвами. Для прогнозирования и предотвращения таких конфликтов в поликонфессиональных обществах необходим анализ распространения различных религий и их влияния, в том числе, на повседневную жизнь.

Одной из самых полиэтничных и, следовательно, поликонфессиональных стран бывшего СССР является Республика Казахстан, что является следствием её крайне сложной этнической истории, особенно в XX веке. В связи со этим представляется актуальным провести исследование религиозных процессов, происходящих в настоящее время в Казахстане и их влияния на потенциальное возникновение и распространение конфликтов на его территории.

Объектом исследования, проводимого в рамках данной статьи, будет структура населения Казахстана, а предметом – конфликты на его территории и различные социальные аспекты. Целью исследования является определение степени влияния религиозного фактора на межэтнические отношения в настоящее время и в среднесрочной перспективе, а задачами – краткий анализ существующей религиозной структуры, произошедших конфликтов и краткий прогноз дальнейшего влияния религиозных факторов на межэтнические отношения в стране.

В настоящее время в Республике Казахстан наблюдается значительное религиозное многообразие. Статья 1 раздела I конституции Республики Казахстан провозглашает его светским государством, а статья 14 раздела II запрещает дискриминацию, в том числе, по религиозному признаку [1].

Крупнейшей религией, представленной в Казахстане, является ислам ханафитского мазхаба: предварительные результаты переписи населения 2021 года фиксируют 13 297 775 мусульман в стране, что составляет более 69% от общего населения страны [2]. Помимо титульной нации – казахов – ислам традиционно исповедуют многие этнические меньшинства, как автохтонные (узбеки, дунгане, уйгуры), так и неавтохтонные (турки, курды, чеченцы, ингуши и мн. др.) [3]. По данным Духовного управления мусульман Казахстана, на территории страны функционирует 2716 мечетей [4].

Также в Казахстане велико влияние христианства: по данным переписи, эту религию исповедует 3 297 550 жителей Казахстана, то есть, более 17% населения [2]. Наиболее многочисленным направлением христианства в Казахстане является православие, широко распространённое среди этнических русских, а также белорусов и украинцев, которые, вместе, составляют около 18,3% населения страны [3]. Однако другие направления христианства: католицизм и протестантизм, – также имеют широкое распространение в Казахстане: их основными последователями являются представители некоторых этносов, которые подверглись сталинским депортациям народов в 1930-х гг.: немцы, поляки, литовцы и др. [5]. Храмы всех христианских конфессий присутствуют в каждом регионе Казахстана.

Иные религиозные течения, такие как: иудаизм, буддизм, кришнаизм, баханзм и мн. др., – также имеют последователей на территории Казахстана.

Такая поликонфессиональность позволяет сделать вывод о высоком конфликтогенном потенциале территории Казахстана. Действительно: с момента распада СССР на территории этой страны произошло не менее 13 серьёзных межэтнических конфликтов.

Таблица 1. Основные межэтнические конфликты на территории Республики Казахстан в постсоветское время

№	Место	Год	Конфликт
1	Усть-Каменогорск	1992	Массовые антиичеченские митинги
2	Атырау	2005	Массовая драка местных жителей с турецкими рабочими
3	Актау	2006	Антикавказские погромы
4	Месторождение «Тенгиз» (Жыльойский район Атырауской области)	2006	Межэтнический конфликт между казахскими и турецкими рабочими
5	Енбекшиказахский район Алматинской области	2006	Конфликт между этническими уйгурами и казахами
6	Енбекшиказахский район Алматинской области	2007	Конфликт между этническими чеченцами и казахами
7	Толембийский район Южно-Казахстанской области	2007	Антикурдские погромы
8	Сайрамский район Южно-Казахстанской области	2014	Антиузбекские погромы
9	Сарыагашский район Южно-Казахстанской области	2015	Антитаджикские погромы
10	Байзакский район Жамбылской области	2016	Массовые столкновения между казахами и турками
11	Город Караганда	2019	Антиармянские митинги
12	Кордайский район Жамбылской области	2020	Конфликт между этническими дунганями и казахами
13	Панфиловский район Алматинской области	2021	Конфликт между этническими уйгурами и казахами

Составлено автором на основе информации в СМИ

Кроме того, широкую известность получили массовые протесты 2011-2012 гг. в городе Жанаозен (Мангистауская область), а также массовые беспорядки в начале 2022 года, также начавшиеся в Жанаозене и быстро распространившиеся по всему Казахстану.

Однако анализ вышеупомянутых конфликтов позволяет сделать вывод, что большинство из них либо не имели (по крайней мере, явной) межрелигиозной подоплёки. Более того, почти во всех межэтнических конфликтах на территории Казахстана обеими сторонами выступали представители этносов, традиционно исповедующие ислам, – несмотря на присутствие в Казахстане большого количества этносов, традиционно исповедующих другие религии. Единственным исключением можно назвать конфликт в Караганде в 2019 году. Массовые беспорядки в Жанаозене в 2011 и 2022 годах имели явное социально-политическое обоснование без выраженной религиозно- или этноконфликтогенной направленности.

Здесь следует привести цитату Завалишина А. Ю.: «По сути, в полиэтническом сообществе <...>, любая общественная проблема (политическая, экономическая, социокультурная и т.д.) может быть опрокинута в этническую плоскость и вызвать этнический конфликт. Для этого достаточно наложения, по меньшей мере, двух факторов: во-первых, идентификации ее участников не как автономных субъектов, а как представителей тех или иных этнических групп; во-вторых, формирования общественного мнения о неравноправном положении данных этносов в социальной структуре региональной общности» [6].

Краткий анализ демографической статистики Казахстана в разрезе регионов также позволяет предположить, что произошедшие межэтнические конфликты отчасти имеют социальное обоснование. Так, в пяти из семи областей, на территории которых в постсоветское время произошли межэтнические конфликты, общий коэффициент естественного прироста населения существенно превышает среднереспубликанское значение [7].

Таблица 2. Общий коэффициент естественного прироста населения регионов Казахстана (Серым цветом выделены области, на территории которых в постсоветское время произошёл хотя бы один межэтнический конфликт)

Область	Общий коэффициент естественного прироста населения, %					
	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2021 г.
Акмолинская	0,99	0,99	5,08	7,10	5,41	4,59
Актюбинская	4,53	9,47	14,55	17,41	16,14	16,05
Алматинская	6,22	7,70	16,43	18,24	18,49	17,54
Атырауская	9,73	14,79	20,61	21,99	20,38	20,24
Восточно-Казахстанская	-1,19	0,41	4,61	5,93	4,41	3,16
Жамбылская	8,20	12,93	19,42	19,16	17,65	17,44
Западно-Казахстанская	2,27	5,22	9,77	11,81	10,66	10,07
Карагандинская	-0,42	1,80	5,76	7,92	5,77	4,61
Костанайская	-0,82	-0,65	2,63	4,00	1,24	-1,14
Кызылординская	13,78	15,01	21,94	20,20	19,52	21,87
Мангистауская	11,88	19,30	23,18	26,68	24,72	25,84
Павлодарская	0,57	2,01	5,44	7,17	4,08	1,78
Северо-Казахстанская	-1,29	-0,71	1,18	2,47	-1,16	-3,57
Туркестанская (Южно-Казахстанская)	15,98	18,96	24,79	23,76	23,83	24,96
РЕСПУБЛИКА КАЗАХСТАН	4,86	8,05	13,58	15,25	14,16	13,89

Всё это позволяет сделать вывод, что в настоящее время фактор межрелигиозных различий не играет серьёзной роли в межэтнических отношениях и, в частности, в возникновении и развитии конфликтов.

Во многом это связано с русской культурой в целом и русским языком в частности, которые до сих пор продолжают оказывать сильное влияние на жителей Казахстана, – в том числе и самих этнических казахов. Так, согласно Переписи населения Республики Казахстан 2021 года, доля казахов, владеющих казахским языком, составляет около 99,6%, но при этом доля тех, кто использует казахский язык в повседневном общении, составляет только 63,4%. Среди городского населения эта доля ещё ниже – 58,6% [2]. Всё вышесказанное способствует существенному ослаблению влияния межрелигиозного и, в частности, исламского фактора на межэтнические отношения в современном Казахстане.

Вместе с тем, уже сейчас можно с уверенностью сказать, что в среднесрочной перспективе это влияние существенно усилится. Из основных факторов, которые будут способствовать этому усилению, следует выделить следующие:

- 1) Сокращение численности представителей старшего поколения, которые получили образование в советское время и, как следствие, более русифицированы и менее религиозны
- 2) Сокращение численности неисламских этносов в Казахстане, – в первую очередь, вследствие эмиграции. Сравнение результатов Переписи населения СССР 1989 года и официальной оценки численности населения Казахстана на начало 2023 года демонстрирует увеличение численности и доли большинства этносов, чьи представители традиционно исповедуют ислам, и сокращение численности большинства неисламских этносов [2, 8]

Таблица 3. Изменение численности и доли некоторых этносов в населении Казахстана (Серым цветом выделены этносы, чьи представители традиционно исповедуют ислам)

Этнос	Перепись 1989 г.		Данные начала 2023 г.	
	Численность, чел.	Доля населения в стране, %	Численность, чел.	Доля в населении страны, %
Белорусы	182 601	1,11	75 637	0,38
Греки	46 746	0,28	11 919	0,06
Дунгане	30 165	0,18	81 738	0,41
Евреи	18 492	0,11	4 064	0,02
Ингуши	19 914	0,12	17 749	0,09
Киргизы	14 112	0,09	36 989	0,19
Корейцы	103 315	0,63	119 822	0,61
Курды	25 425	0,15	49 355	0,25
Немцы	957 518	5,82	225 345	1,14
Поляки	59 956	0,36	34 914	0,18
Русские	6 227 549	37,82	3 000 611	15,18
Таджики	25 514	0,15	53 480	0,27
Татары	327 982	1,99	219 153	1,11
Турки	49 567	0,30	88 505	0,45
Узбеки	332 017	2,02	643 363	3,25
Уйгуры	185 301	1,13	297 138	1,50
Украинцы	896 240	5,44	380 226	1,92
Чеченцы	49 507	0,30	34 330	0,17

Здесь же следует упомянуть проводимую властями Казахстана программу репатриации этнических казахов – кандасов, ранее известных как оралманы.

3) Казахизация, которая включает в себя, помимо прочего, переименование топонимов неказахского происхождения, перевод казахской письменности на латинский алфавит, политику «Рухани жаңғыру», ставящую своей целью «модернизацию общественного сознания», заключающуюся, помимо прочего, в «возрождении духовных ценностей казахстанцев с учетом всех современных рисков и вызовов глобализации» и мн. др.

4) Упомянувшиеся выше высокий естественный прирост населения и связанные с этим социальные проблемы. Значение этого фактора в среднесрочной перспективе может очень сильно вырасти, поскольку, в таком случае, станет возможным массовое распространение радикальных учений, основанных на синтезе ислама и различных левых (в том числе крайних) идеологий

Подводя итоги, следует сказать, что в настоящее время, несмотря на наличие достаточно большого количества предпосылок, фактор религии не оказывает существенного влияния на межэтнические отношения в Республике Казахстан. Однако в среднесрочной перспективе возможно увеличение числа этих предпосылок и, как следствие, существенное усиление влияния

фактора религии. В таком случае вероятность межэтнических и межрелигиозных конфликтов резко возрастает практически на всей территории Республики Казахстан.

Список источников и литературы

1. Конституция Республики Казахстан
2. Итоги Национальной переписи населения 2021 года в Республике Казахстан // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан URL: <https://stat.gov.kz/ru/national/2021/> (дата обращения: 26.08.2023).
3. Численность населения по отдельным этносам на начало 2023 года // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/api/iblock/element/37278/file/ru/> (дата обращения: 26.08.2023).
4. Сколько мечетей действует в Казахстане // ULYSMEDIA. URL: <https://ulysmidia.kz/news/11492-nazvano-kolichestvo-deistvuiushchikh-v-kazakhstane-mechetei/> (дата обращения: 26.08.2023).
5. СТАЛИНСКИЕ ДЕПОРТАЦИИ. 1928–1953 // Фонд Александра Н. Яковлева. URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues/62150> (дата обращения: 26.08.2023).
6. Завалишин А. Ю., «Этническая конфликтность молодежи как предпосылка этнических конфликтов». URL: <http://www.opkhv.ru/files/files/2015/6ab6ca28c89b622065413.docx> (дата обращения: 26.08.2023).
7. Естественный прирост (убыль) населения по годам // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/api/iblock/element/6547/file/ru/> (дата обращения: 26.08.2023).
8. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=5 (дата обращения: 26.08.2023).

Тенчиков Александр Александрович, Преподаватель, Академия управления городской средой, градостроительства и печати, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: iamalexten@gmail.com

RELIGIOUS FACTOR IN ETHNIC CONFLICTS ON THE TERRITORY OF THE REPUBLIC KAZAKHSTAN

Tenchikov A.A.¹

¹ Academy of Urban Environment Management, Urban Planning and Printing, St. Petersburg, Russia

The article discusses interethnic conflicts in the territory of the Republic of Kazakhstan in the post-Soviet period, and provides a brief analysis of them. The influence of ethnic and religious factors on the development of conflicts is investigated. A brief forecast of the further influence of the religious factor in the Republic of Kazakhstan is given.

Key words: Republic of Kazakhstan, Islam, religion, interethnic conflicts

Tenchikov Aleksandr, Lecturer, Saint Petersburg State Budget Professional Educational Institution “Academy of Urban Management, Planning and Printing, e-mail: iamalexten@gmail.com; a.tenchikov@agp.edu.ru

УДК 911.3:339.5 (575.1)

РОССИЯ, КИТАЙ И ТУРЦИЯ В СИСТЕМЕ ВНЕШНЕТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ УЗБЕКИСТАНА

Федорко В.Н.¹

¹Средняя общеобразовательная школа № 233, Ташкент, Узбекистан

В статье рассматривается динамика и структура внешнеторговых связей Узбекистана с Россией, Китаем и Турцией в период 2000–2022 годов. Анализируется значимость каждой из трёх стран в системе внешнеторговых связей современного Узбекистана в сопоставлении друг с другом и на фоне динамики товарной структуры внешней торговли республики в целом. В сравнительном ключе показаны отличительные черты товарного состава торговли Узбекистана с каждой из трёх стран, что позволило сделать вывод о взаимодополняющем характере торговых связей республики с Россией, Китаем и Турцией.

Ключевые слова: внешняя торговля, внешнеторговый оборот, экспорт, импорт, товарная структура.

Введение. В настоящее время к развитию внешнеторговых связей с Узбекистаном большой интерес проявляют разные державы глобального и регионального уровня, в частности,

Россия, которая ныне переживает коренную трансформацию системы своих внешнеэкономических связей. В современных условиях для России определёнno выросла значимость всего комплекса отношений со странами постсоветской Центральной Азии, в частности, с Узбекистаном.

Однако Узбекистан, как и другие страны Центральной Азии, активно развивает внешнеторговое сотрудничество с разными регионами и странами мира, особенно, с Китаем и Турцией. Обе страны имеют многоплановые и серьёзные геэкономические и геополитические интересы в регионе. В этом контексте определённый интерес представляет сравнительный анализ позиций России, Китая и Турции в системе внешнеторговых связей Узбекистана.

Основная часть. Из таблицы 1 явствует, что валовой внешнеторговый оборот Узбекистана в рассматриваемый период рос достаточно интенсивно, достигнув 50 млрд долл. США по итогам 2022 года. При этом внешнеторговый оборот республики с Россией составил почти 9,3 млрд долл. США, с Китаем – более 8,9 млрд долл. США, а с Турцией – более 3,2 млрд долл. США. Следовательно, современные объёмы торговли Узбекистана с Россией и Китаем весьма близки друг другу и ощутимо превышают оборот внешнеторговых связей республики с Турцией. Также из таблицы 1 следует, что внешнеторговый баланс республики был положительным до 2015 г., а затем резко снизился, приобретает устойчиво отрицательные значения. Сальдо внешней торговли республики по итогам 2022 г. составило -8,84 млрд долл. США, при этом баланс торговли республики со всеми тремя рассматриваемыми внешнеэкономическими партнёрами отрицателен. Особенно велик отрицательный баланс торговли с Китаем (почти -3,9 млрд долл. США) и Россией (почти -3,15 млрд долл. США).

Таблица 1 Динамика основных показателей внешней торговли Узбекистана с Россией, Китаем и Турцией (млн долл. США, 2000-2022 г.)

Показатели	Годы							
	2000	2005	2010	2015	2019	2020	2022	
Внешнеторговый оборот Узбекистана	212,1	500,1	2 199,2	4 924,2	1 751,0	6 256,1	0 008,4	
В т.ч. с Россией	010,3	060,5	142,8	455,8	669,6	659,6	279,7	
В т.ч. с Китаем	5,4	85,5	183,8	730,2	637,3	438,2	923,8	
В т.ч. с Турцией	96,5	24,1	67,3	202,7	544,0	106,3	223,9	
Экспорт Узбекистана	264,7	408,8	3 023,4	2 507,6	7 458,7	5 102,3	9 309,1	
В т.ч. в Россию	45,5	026,5	154,8	821,1	531,9	485,8	066,9	
В т.ч. в Китай	2,4	28,3	31,8	472,2	528,7	937,0	519,0	
В т.ч. в Турцию	9,4	46,3	22,5	90,1	217,6	019,0	507,4	
Импорт Узбекистана	947,4	091,3	175,8	2 416,6	4 292,3	1 153,8	0 699,3	
В т.ч. из России	64,8	034,0	988,0	634,7	137,7	173,8	212,8	
В т.ч. из Китая	3,0	57,2	252,0	258,0	108,6	501,2	404,8	
В т.ч. из Турции	7,1	77,8	44,8	12,6	326,4	087,3	716,5	

Внешнеторговый баланс Узбекистана	17,3	317,5	847,6	1,0	6 833,6	6 051,5	8 844,9
В т.ч. с Россией	0,7	7,5	166,8	813,6	1 605,8	2 688,0	3 145,9
В т.ч. с Китаем	50,6	28,9	320,2	14,2	2 579,9	2 564,2	3 885,8
В т.ч. с Турцией	,3	68,5	77,7	77,5	108,8	68,3	209,1

Таблица составлена автором по данным официального сайта Агентства по статистике при Президенте Республики Узбекистан по статистике www.stat.uz [1]

Расчёты показывают, что валовой внешнеторговый оборот Узбекистана за период 2000-2022 гг. вырос в 8,05 раза, тогда как внешнеторговый оборот республики с Россией вырос в 9,2 раза, с Турцией – в 16,4 раза, а с Китаем – в 93,5 раза. Очевидно, что темпы роста объёмов торговли Узбекистана с Россией за рассматриваемый период сильно уступают аналогичным показателям торговых связей республики с Турцией и, особенно, с Китаем. Если сопоставлять показатели внешнеторгового оборота республики в целом и с каждой из трёх рассматриваемых стран в отдельности в период 2010-2022 гг., обнаруживается, что темпы роста торговли Узбекистана с Турцией (в 3,3 р.) и Китаем (4,1 р.) выше, а уровень роста торговли с Россией (в 1,5 р.) ниже, чем темпы роста валового внешнеторгового оборота республики (в 2,25 р.). Таким образом, notable тот факт, что объёмы торговли Узбекистана с Россией в рассматриваемый период росли существенно скромнее по сравнению с внешнеторговым оборотом республики с Китаем и Турцией, что привело к снижению позиций России и укреплению позиций Турции и, особенно, Китая в системе внешнеторговых связей республики (таблица 2).

Таблица 2 Изменение состава ведущих внешнеторговых партнёров Узбекистана за период 2000-2022 гг. (доли стран указаны в % от валового оборота внешней торговли Узбекистана)

2000		2005		2010		2015	
Россия	6,3	Россия	1,7	Россия	7,7	Китай	9,0
Республика Корея	,3	Республика Корея	,9	Китай	,8	Россия	7,9
Украина	,3	Турция	,5	Казахстан	,5	Казахстан	0,8
Казахстан	,1	Казахстан	,4	Республика Корея	,3	Республика Корея	,0
США	,0	Турция	,1	Турция	,4	Турция	,8
2019		2020		2021		2022	
Китай	8,1	Китай	7,7	Россия	7,9	Россия	8,6
Россия	5,7	Россия	5,5	Китай	7,7	Китай	7,8
Казахстан	,0	Казахстан	,3	Казахстан	,3	Казахстан	,2
Республика Корея	,5	Республика Корея	,9	Турция	,1	Турция	,4
Турция	,0	Турция	,8	Республика Корея	,5	Республика Корея	,7

Таблица составлена автором по данным официального сайта Агентства по статистике при Президенте Республики Узбекистан по статистике www.stat.uz [1]

С середины 2000-ых гг. состав первой пятёрки внешнеторговых партнёров Узбекистана не меняется, объединяя такие страны, как Россия, Китай, Казахстан, Турция и Республика Корея (таблица 2). Весьма устойчив и общий удельный вес этих стран в валовом внешнеторговом

обороте республики. Так, если в 2010 г. на их долю пришлось 57,7 % всего объёма внешней торговли Узбекистана, то по итогам 2022 г. соответствующий показатель составил 56,7 %. В течение последнего десятилетия этот индикатор слабо варьировался, демонстрируя общую стабильность географической структуры внешней торговли Узбекистана. Важно уточнить, что в официальной внешнеторговой статистике Узбекистана отсутствуют данные о том, в какие страны направляется основная часть экспорта драгоценных металлов, являющихся крупнейшей статьёй экспорта республики, по импорту же таких «белых металлов» в статистике нет, поэтому приведённые в таблице 2 цифры не являются полными и точными.

Долевые показатели и рейтинговые позиции России, Китая и Турции в рамках ведущих пятерки внешнеторговых партнёров Узбекистана за рассматриваемый период ощутимо изменились. Главным изменением при этом явился резкий рост доли китайского направления при существенном снижении позиций российского вектора. В большой мере это было обусловлено переориентацией магистрального направления газового экспорта Узбекистана на Китай к середине 2010-ых годов, в последние же годы сказалась и резкий рост импорта промышленного оборудования в республику из Китая. Однако по итогам 2021 г. Россия с небольшим преимуществом вновь вышла на первую позицию в рейтинге главных внешнеторговых партнёров республики, закрепив своё лидерство в 2022 г. Долевой показатель Турции во внешнеторговом обороте Узбекистана в этот период демонстрировал волнообразную динамику.

Таблица 3 Основные товарные группы импорта Узбекистана в структуре экспортных связей республики с Россией, Китаем и Турцией (%)

Группы товаров	Всего		в Россию		в Китай		в Турцию	
	2019	2022	2019	2022	2019	2022	2019	2022
Драгоценные металлы (в основном, золото)	38,0	28,2	1,1	1,9	0	0	0	0
Хлопок (волокно и пряжа)	9,0	10,5	11,7	19,8	30,6	14,2	18,3	35,9
Энергоносители	17,6	8,0	44,3	1,8	51,9	48,5	1,3	1,6
Медь и изделия из нее	4,9	7,3	2	4,3	4	19	49	38,8
Предметы одежды и принадлежности к одежде трикотажные машинного или ручного вязания	2,2	5,5	10,9	17,2	0	0	0	0,5
Фрукты и орехи	4,5	4,0	4,8	13,9	1,7	1,1	2	0,9
Овощи и корнеплоды	3,3	3,1	2,8	4,3	1	4,8	1,7	0,8
Минеральные удобрения	1,0	2,7	0	0	0	0,3	0	0,8
Пластмассы и изделия из них	2,8	2,7	7,1	3,4	4,2	2,8	4,3	6,2
Средства наземного транспорта, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава, и их части и принадлежности	1,2	2,3	0,8	0,5	0	0	0,9	0,1
Трикотажные полотна машинного или ручного вязания	0,6	2,0	2,8	5,3	0	0	0	0

Таблица составлена автором по данным сайта www.trademap.com [2]

Примечания: 1) долевые показатели рассчитаны относительно экспорта товаров без учёта экспорта услуг; 2) в таблице учтены только те группы товаров, удельный вес которых в валовом объёме экспорта товаров республики по итогам 2022 г. составил не менее 2 %.

По итогам 2022 г. главными статьями экспорта республики в Россию стали товары хлопковой и текстильной групп (включая трикотажные полотна), а также фрукты и овощи (таблица 3), совокупный вклад которых в валовой объём экспорта Узбекистана в направлении России составил 60,5 %. Структура экспорта в Китай отличается резким доминированием энергоносителей (природный газ), на долю которых приходится почти половина всего объёма. Также сравнительно крупными статьями узбекского экспорта в направлении Китая являются медь и изделия из неё, хлопковое волокно и пряжа. В свою очередь, в товарном составе экспорта республики в направлении Турции резко преобладают медь и изделия из неё и товары хлопковой группы, которые в сумме обеспечивают почти ¾ всего узбекского экспорта в Турцию. В целом,

сопоставление показывает, что товарные структуры экспорта из Узбекистана в Россию, Китай и Турцию мало схожи между собой. Единственной группой товаров, широко представленной в товарной структуре экспорта республики во всех трёх направлениях, является хлопковое волокно и пряжа.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что крупнейшая статья экспорта Узбекистана в целом – драгоценные металлы практически не отражена в статистике экспорта из республики в направлении трёх рассматриваемых стран. Впрочем, направления экспорта драгоценных металлов из Узбекистана практически не указаны в базе сайта www.trademap.uz, как и в официальной внешнеторговой статистике республики, о чём уже говорилось выше. Таким образом, узбекский экспорт в Россию, Китай и Турцию базируется в целом на главных составляющих товарной структуры валового экспорта республики, кроме драгоценных металлов, при этом в структуре каждого из трёх направлений доминирующие компоненты не идентичны, за исключением хлопка (волокна и пряжи).

Сопоставление данных за 2022 г. с цифрами 2019 г. выявляет определённые сдвиги в товарной структуре экспорта из Узбекистана в направлении каждой из трёх рассматриваемых стран. В частности, в составе экспорта в Россию резко сократилась доля энергоносителей и выросли удельные показатели аграрной и текстильной продукции. Примечательно, что в структуре валового экспорта Узбекистана в рассматриваемый период наиболее высокий рост продемонстрировала именно текстильная продукция, в закупках которой из республики всё более значимую роль играет Россия. В структуре экспорта в Китай наиболее заметными сдвигами стали снижение доли хлопка и рост удельного веса меди и изделий из неё. А в товарном составе экспорта в Турцию произошло противоположное изменение: почти двукратное увеличение доли товаров хлопковой группы при заметном снижении долевого показателя меди и изделий из неё.

Таблица 4 Удельный вес России, Китая и Турции в валовом экспорте из Узбекистана некоторых товарных групп (%), по итогам 2022 г.)

Группы товаров	Доля в валовом экспорте товаров республики	Доля России	Доля Китая	Доля Турции
Драгоценные металлы (в основном, золото)	28,2	1	0	0
Хлопок (волокно и пряжа)	10,5	32	15	33
Энергоносители	8,0	4	70	2
Медь и изделия из нее	7,3	10	30	51
Предметы одежды и принадлежности к одежде трикотажные машинного или ручного вязания	5,5	53	0	1
Фрукты и орехи	4,0	58	3	2
Овощи и корнеплоды	3,1	23	18	2
Минеральные удобрения	2,7	13	1	3
Пластмассы и изделия из них	2,7	21	12	22

Таблица составлена автором по данным сайта www.trademap.com [2]

Доля России наиболее высока в экспорте из республики фруктов и орехов, одежды, хлопка, овощей и корнеплодов, пластмасс и изделий из них (таблица 4). Доля Китая наиболее значительна в экспорте энергоносителей и, в меньшей степени, меди и изделий из неё. Значение турецкого направления наиболее высоко по таким статьям экспорта республики, как медь и изделия из неё, хлопок, пластмассы и изделия из них. Удельные показатели России и Китая наиболее сопоставимы в экспорте овощей и корнеплодов, доли России и Турции, в свою очередь, почти равны в структуре экспорта хлопка и пластмасс из республики, а показатели Китая и Турции ни по какой статье не могут быть выделены как в высокой степени близкие. Таким образом, содержание таблиц 3 и 4 показывает в большей мере взаимодополняющий, чем взаимоидентичный (и соответственно, конкурирующий) характер товарной структуры узбекского экспорта в российском, китайском и турецком направлениях.

Проведём похожего рода анализ товарной структуры импорта республики из России, Китая и Турции (таблица 5). В составе импорта товаров в Узбекистан из России доминирующими группами товаров являются чёрные металлы, древесина, энергоносители и изделия из чёрных металлов, тогда как в составе импорта из Китая и Турции преобладает те группы товаров, которые можно объединить под общим наименованием «Машины и оборудование». Именно эта продукция отчётливо преобладает в товарной структуре импорта Узбекистана в целом, поэтому состав импорта из Китая и Турции ощутимо коррелирует с общей структурой импорта товаров в республику.

Таблица 5 Основные товарные группы импорта Узбекистана в структуре импортных связей республики с Россией, Китаем и Турцией (%)

Группы товаров	Всего		из России		из Китая		из Турции	
	2019	2022	2019	2022	2019	2022	2019	2022
Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части	25,7	17,4	9,7	6	39,2	32,3	39,4	35,8
Средства наземного транспорта, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава, и их части и принадлежности	9,8	9,4	4,9	1,3	8,6	10,3	3,9	1,5
Чёрные металлы	6,5	7,1	17,8	18,8	4,7	2,7	0,6	0,7
Энергоносители	4,2	6,3	9,1	11,7	0	0,1	0,6	1
Электрические машины и оборудование, их части; звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура, аппаратура для записи и воспроизведения телевизионного изображения и звука, их части и принадлежности	6,1	6,1	3,5	2,8	10	14,4	8,2	7,2
Фармацевтическая продукция	4,2	5,6	2	3	1	1,4	1,2	5,6
Пластмассы и изделия из них	3,7	4,4	2,6	3	5,6	6,8	5,9	6,4
Изделия из чёрных металлов	3,6	3,2	4,7	7,1	4,3	2,8	5	4,7
Злаки	1,9	3,0	0,1	0,3	0	0	0,1	0,4
Древесина и изделия из нее; древесный уголь	2,8	3,0	13,3	12,1	0,4	0,5	0,9	1
Жиры и масла животного или растительного происхождения и продукты их расщепления; готовые пищевые жиры; воски животного или растительного происхождения	1,4	2,3	5,1	5,9	0	0	0,1	0,2
Сахар и кондитерские изделия из сахара	1,3	2,0	0,9	0,3	0	0,1	0,1	0,2
Инструменты и аппараты оптические, фотографические, кинематографические, измерительные, контрольные, прецизионные, медицинские или хирургические; их части и принадлежности	2,7	2	1	0,5	4,7	2,8	1,3	1

Таблица составлена автором по данным сайта www.trademap.com [2]

Примечания: 1) долевые показатели рассчитаны относительно импорта товаров без учёта импорта услуг; 2) в таблице учтены только те группы товаров, удельный вес которых в валовом объёме импорта товаров в республику по итогам 2022 г. составил не менее 2 %.

В период 2019-2022 гг. в товарной структуре импорта в Узбекистан из России сократились и без того невысокие удельные показатели машиностроительной продукции, а доли чёрных металлов и изделий из них, а также фармацевтической продукции выросли наиболее существенно. В это же время в структуре импорта товаров в республику из Китая произошло снижение удельных показателей промышленного оборудования, оптического оборудования, чёрных металлов и изделий из них, на фоне чего ошутимо выросли доли электротехнической продукции и транспортных средств. В структуре импорта из Турции за рассматриваемый период несколько сократились доли товарных групп, относящихся к машиностроительной продукции при наиболее ошутимом росте удельного показателя фармацевтической продукции.

Таблица 6 Удельный вес России, Китая и Турции в валовом импорте из Узбекистана некоторых товарных групп (% , по итогам 2022 г.)

Группы товаров	Доля в импорте товаров республики	Доля России	Доля Китая	Доля Турции
Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части	17,4	7	41	12
Средства наземного транспорта, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава, и их части и принадлежности	9,4	3	24	1
Электрические машины и оборудование, их части; звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура, аппаратура для записи и воспроизведения телевизионного изображения и звука, их части и принадлежности	7,1	10	53	7
Чёрные металлы	6,3	57	8	1
Энергоносители	6,1	40	0	1
Фармацевтическая продукция	5,6	11	6	6
Пластмассы и изделия из них	4,4	15	35	9
Изделия из чёрных металлов	3,2	48	20	9
Древесина и изделия из неё; древесный уголь	3,0	85	4	2
Злаки	3,0	2	0	1
Жиры и масла животного или растительного происхождения и продукты их расщепления; готовые пищевые жиры; воски животного или растительного происхождения	2,3	55	0	0

Таблица составлена автором по данным сайта www.trademap.com [2]

Таблица 6 отражает вклад России, Китая и Турции в общий объём импорта в Узбекистан тех или иных товарных групп. Из неё следует, что наиболее велики долевые показатели России в импорте в республику таких товаров, как древесина и изделия из неё, чёрные металлы и изделия из них, жиры и масла растительного и животного происхождения, энергоносители. Долевые показатели Китая в валовом импорте Узбекистана наиболее значительны по машиностроительной продукции, а также пластмассам и изделиям из них. Что касается Турции, то её удельные показатели не являются сопоставимыми с показателями Китая и России ни по одной из ведущих товарных групп в составе импорта Узбекистана.

Закключение. В течение последних двух десятилетий внешнеторговые связи Узбекистана обрели довольно устойчивую географическую структуру, в которой российский, китайский и турецкий векторы сохраняют стабильно приоритетные позиции. При этом, если в

начале 2000-ых гг. Россия была крупнейшим внешнеторговым партнёром республики с большим отрывом от прочих стран, то уже с середины 2010-ых гг. в системе внешнеторговых связей республики обозначился небольшой перевес китайского направления в сопоставлении с российским, в силу опережающих темпов роста объёма экспортно-импортных связей республики с Китаем в рассматриваемый период. Однако в постпандемийный период (2021-2022 гг.) установился фактический паритет этих двух направлений с минимальным перевесом в пользу России. Представляется объективным, что на ускоренный рост узбекско-российских торговых связей ощутимо повлияла переориентация внешнеэкономических связей России на Восток (или, точнее, Юго-Восток) в текущих геэкономических и геополитических реалиях. Таким образом, географическая структура внешнеторгового оборота современного Узбекистана отличается преимущественной ориентацией на российское и китайское направления. Вместе с тем, турецкий вектор внешнеэкономических связей Узбекистана продолжает уверенно расти, чему способствует, в частности, активизация геополитического партнёрства Узбекистана и Турции, прежде всего, в рамках Организации тюркских государств.

Товарная структура внешней торговли Узбекистана в направлении России, Китая и Турции значительно различается и имеет взаимодополняющий характер в контексте структуры внешней торговли республики в целом. Так, если говорить об экспорте из республики, то позиции России являются доминирующими в закупках хлопка, одежды, трикотажных полотен, фруктов и овощей, значение Китая наиболее велико в экспорте энергоносителей, а Турция является крупнейшим покупателем меди и изделий из неё. При этом все перечисленные товарные позиции в структуре валового экспорта Узбекистана относятся к числу наиболее значимых. В отношении же импорта расклад следующий: если Китай является крупнейшим поставщиком в республику машин и оборудования, то Россия выделяется как ключевой поставщик чёрных металлов и изделий из них, древесины, энергоносителей, жиров и масел, Турция же не играет явно выраженной доминирующей роли в поставках каких либо ведущих товарных групп импорта республики, но относительно выделяется (в частности, по сравнению с Россией) объёмами поставок машин и оборудования.

Список источников и литературы

1. www.stat.uz [Официальный веб-сайт Агентства по статистике при Президенте Республики Узбекистан]. Дата обращения: 1.07.2023 г.
2. www.trademap.org [Статистическая база International Trade Centre]. Дата обращения: 3.07.2023 г.

Федорко Виктор Николаевич, доктор философии (PhD) по географическим наукам, учитель географии высшей категории средней общеобразовательной школы № 233 г. Ташкента. e-mail: viktor-f-89@mail.ru

RUSSIA, CHINA AND TURKEY IN THE SYSTEM OF FOREIGN TRADE RELATIONS OF UZBEKISTAN

Fedorko V.N.¹

¹Secondary school No. 233, Tashkent, Uzbekistan

The article discusses the dynamics and structure of Uzbekistan's foreign trade relations with Russia, China and Turkey in the period 2000-2022. The significance of each of the three countries in the system of foreign trade relations of modern Uzbekistan is analyzed in comparison with each other and against the background of the dynamics of the commodity structure of the republic's foreign trade as a whole. In a comparative vein, the distinctive features of the commodity composition of Uzbekistan's trade with each of the three countries are shown, which made it possible to conclude that the trade relations of the republic with Russia, China and Turkey are complementary.

Key words: foreign trade, foreign trade turnover, export, import, commodity structure.

Viktor Fedorko, PhD in geographical sciences, geography teacher of the highest category of secondary school No. 233 in Tashkent. E-mail: viktor-f-89@mail.ru

УДК 911.375

РАЗВИТИЕ ГОРОДА КАЗАНЬ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ УРБАНИЗАЦИИ

Федорова В.А.¹, Сафина Г.Р.¹

¹ Казанский (Приволжский) Федеральный Университет, Казань, Россия

Тенденции роста интенсивности урбанизации, увеличение численности населения в городах, высокая нагрузка на инфраструктуру и снижение ее эффективности, увеличение количества автотранспорта обуславливают дефицит территорий, препятствующий развитию городских систем. По мере активизации различной деятельности в крупных городах возникает необходимость размещения новых объектов капитального строительства, зачастую для этого происходит отодвигание городских границ и увеличение площади населенного пункта за счет прилегающих территорий. Расширение города может происходить путем включения в городскую черту земельных участков сельскохозяйственного назначения, лесного фонда и иных категорий земель.

Возможен и другой путь развития, когда город не увеличивает площадь территории, а развивается посредством внутренних резервов, реализуя концепцию «компактного города». Ориентация на принципы «компактного города», заключающиеся в увеличении плотности застройки, сосредоточенной планировочной структуре, отсутствии планировочных разрывов и др., позволит реализовать различные градостроительные решения, приводящие к максимально эффективному использованию внутреннего территориального потенциала города посредством уплотнительной застройки, реновации, редевелопмента, активного использования подземного пространства и неудобных земель, увеличения этажности зданий, создания искусственных земельных участков. Авторы рассматривают процессы включения внутренних резервов в градостроительную практику на примере города Казань. Подобные решения минимизируют негативные последствия, проявляющиеся при территориальном разрастании городов.

Ключевые слова: урбанизация, компактный город, уплотнение, реновация, редевелопмент.

ВВЕДЕНИЕ

Развитие городских территорий в современном мире характеризуется высокой интенсивностью. Увеличение степени урбанизации влечет за собой потребность в эффективном использовании городских пространств, т.к. земельные ресурсы ограничены. Компактное размещение объектов внутри города и использование внутренних резервов способствует более эффективному землепользованию, препятствуя территориальному разрастанию городов. Принципы «компактного города» ориентированы на увеличение плотности застройки, сосредоточенную планировочную структуру, отсутствие разрывов, что позволяет воплотить градостроительные решения, характеризующиеся максимально эффективным использованием внутреннего территориального потенциала города посредством уплотнительной застройки, реновации, редевелопмента, активного использования подземного пространства и неудобных земель, создания искусственных земельных участков, увеличения этажности зданий [1, 2].

В рамках данной статьи рассмотрены такие эффективные способы оптимизации городского пространства как уплотнение, реновация и высотное строительство на примере города Казани. Казань является городом с 1000-летней историей, который активно развивается и в настоящее время, выступая центром притяжения мигрантов из малых городов Республики Татарстан и населенных пунктов других регионов Российской Федерации. Территория города разделяется на 7 административных районов, жилой фонд Казани представлен почти 6 тысячами многоквартирных домов различного типа (индивидуальные проекты и типовые серии), продолжается активное строительство жилых комплексов во всех районах города.

В качестве исходного материала была использована информация онлайн-сервиса Дом.МинЖКХ (dom.mingkh.ru) и портала федерального проекта «РеформаЖКХ» (reformmagkh.ru), в которых содержатся данные о жилом фонде городов РФ. Авторами был создан реестр жилых домов г. Казань, построенных за период 1860 – 2019 гг.

Данные полученного реестра были проанализированы во временном и пространственном аспектах с точки зрения реализации мероприятий по уплотнению застройки, потенциальной реновации, а также высотному и подземному строительству.

Уплотнительная (точечная) застройка характерна для всей территории города Казань. Однако процесс уплотнения городской ткани происходит неравномерно – наиболее интенсивен он в привлекательной, с точки зрения инвесторов, центральной, исторической части города (преимущественно Вахитовский район города), в которой сконцентрировано значительное количество различных культурных, образовательных, научных учреждений и других социально-значимых объектов. Центр города имеет развитую инфраструктуру, хорошую транспортную

доступность, высокое качество городской среды. Свободные территории под застройку здесь практически отсутствуют и единственным возможным вариантом строительства новых объектов в пределах центральной части г. Казань является реализация принципов уплотнительной застройки [3].

Городские территории, приближенные к периферии и границам Казани, характеризуются более низкими потребностями в уплотнении (Авиастроительный, Кировский и Советский и Приволжский районы), что связано с меньшей рентабельностью строительства, незначительным спросом среди горожан, а также наличием свободных территорий [4].

Наибольшая интенсивность точечной застройки фиксируется в период 2001–2019 гг. Так, в этот временной интервал было построено 33,9% от общего количества жилых домов Вахитовского района, причем, значительная их часть «включается» в существующую планировочную структуру и относится к уплотнительной застройке. Значительное количество объектов точечной застройки реализовано на территориях зеленых зон, дворовых пространств и пустырей.

Город Казань имеет значительный реновационный потенциал развития, обусловленный возрастной структурой жилого фонда. В городе, особенно в центральной, исторической части, имеется «старая» часть жилой застройки, которая физически и морально устарела. Именно эти объекты «старого» жилого фонда могут быть рассотрены в качестве потенциального реновационного резерва. Так, жилых зданий, которые в первую очередь могут быть подвергнуты реновации (при соответствующих административных решениях), характеризующихся износом более 65%, насчитывается 441 объект, что соответствует 8% от всего жилого фонда города. Среди этих жилых зданий особо следует выделить жилой фонд дореволюционной постройки (43 объекта или примерно 1% от общего жилого фонда города). Очевидно, что эти объекты в большинстве своем представляют историко-культурную и архитектурную ценность, подлежат охране, реконструкции и восстановлению. Для принятия решения о судьбе этих объектов необходим индивидуальный подход и анализ на предмет историко-культурной ценности.

Жилые дома, возведенные в период 1917–1955 гг., имеющие износ более 65%, составляют 235 объектов (или 4% от общегородского жилого фонда). Как правило, к ним относятся типовые «сталинские» коммунальные дома. На типовые хрущевки с высокой степенью износа, построенные в период 1956–1973 гг., приходится 163 жилых дома (или 3% общего жилого фонда города). Именно жилые дома указанных двух периодов (1917–1955 и 1956–1973 гг.) в первую очередь могут быть подвергнуты реновационным процессам в случае принятия соответствующих административных решений.

Пространственный анализ показал, что наибольшее количество домов со степенью износа более 65% отмечается в Вахитовском районе (133 дома или 14% от общего количества). Данный район является самым старым в городе, именно здесь находятся в значительном количестве ценные историко-культурные и архитектурные объекты, построенные в конце 19 – начале 20 вв., которые имеют высокую степень износа. На территориях Кировского, Авиастроительного и Московского районов на жилые дома с высокой степенью износа в общей структуре застройки приходится 10–12% всех жилых зданий. В Приволжском и Советском районах на сильно изношенные жилые дома приходится по 5% от общего количества жилых зданий. На территории Ново-Савиновского района отсутствуют дома, степень износа которых превышает 65%, что обусловлено молодостью данного территориального образования.

Очевидно, что процессы реновации повлекут за собой огромные финансовые вложения, а также последует множество трудностей в процессе реализации данной программы. Главные вопросы, которые будут решены в результате реновации, - это предотвращение возможного превращения жилых домов с износом более 65%, которые морально и технически устаревают, в непригодные для жилья, аварийные объекты, а также максимально эффективное использование городского пространства с учетом современных технологий.

Увеличение этажности зданий в крупных городах позволяет обеспечить рациональное использование земельных ресурсов, высокую плотность освоения пространства и повышенную вместимость жителей на единицу площади, что можно отнести к положительным последствиям «компактного города», реализуемого в т.ч. и при «вертикальном» векторе развития. В российской типологии жилых зданий по этажности наиболее распространенной является следующая: малозэтажные (1–2 этажа); средней этажности (3–5 этажей); многоэтажные (6–10 этажей); повышенной этажности (11–16 этажей); высотные (17 и более этажей).

Изменение показателя средней этажности многоквартирных домов в г. Казани, построенных за период 1935–2015 гг., представлены на рис. 1.

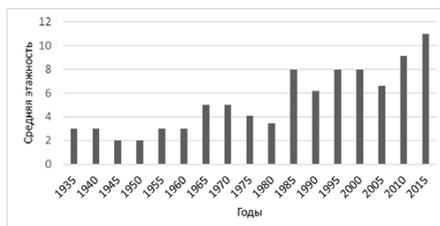

Рис. 1. Динамика средней этажности возводимых жилых многоквартирных домов г. Казани за период 1935–2015 гг.

В период 1935–1955 гг. в пределах г. Казани строились малоэтажные многоквартирные дома. Малоэтажные «сталинки» начали возводиться после Великой Отечественной войны и их строительство продолжилось до 1960-х гг.. Показатель средней этажности в этот период составлял величину в 3 этажа (рис. 1). Следующий период 1955–1985 гг. характеризуется массовым строительством типовых панельных домов – «крушевок» (обычно 5-этажных). Начиная с середины 1980-х гг. отчетливо проявляется тенденция увеличения этажности жилых многоквартирных домов в г. Казани вследствие активного возведения многоэтажных (6–10 этажей) домов и зданий повышенной этажности (11–16 этажей). Очевидно, что существующий тренд сохранится в ближайшем и отдаленном будущем. Так, к 2027 г. в г. Казани планируется закончить строительство комплекса «Седьмое небо», состоящего из 44 домов различного назначения, в т.ч. 3 из них относятся к категории высотных. Одно из них – это 37-этажная башня «Лазурные небеса» (высотой 121,7 м), уже введенная в эксплуатацию в 2013 г., две другие высотные доминанты – 53-этажный пассаж торгово-офисного центра и 47-этажное здание многофункционального назначения.

Пространственные различия этажности жилых зданий в пределах г. Казани имеют, как правило, четко выраженную историческую обусловленность и административное высотное регулирование. Так, периферийные, относительно молодые районы Казани (Ново-Савиновский, Советский, Приволжский) характеризуются показателями средней этажности возводимых зданий в пределах 12–14 этажей, на этих территориях отсутствуют специфические требования к параметрам высотности возводимых объектов. В центральной же части города (Вахитовский район) указанный показатель значительно ниже – 8 этажей, что связано с ограничениями высотности, призванными сохранить уникальный архитектурный облик исторической застройки.

Развитие прогрессивных строительных технологий, возможности использования новых материалов, инновационные решения, привлечение к процессу проектирования искусственного интеллекта будут способствовать дальнейшему развитию высотного строительства в г. Казани, что в свою очередь позволит реализовать сдерживание территориального роста города.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие жилой застройки в условиях дефицита городской территории является актуальной проблемой. Решение вопроса нехватки свободных территорий в пределах городов возможно посредством применения различных методов, позволяющих максимально использовать городские резервы, наиболее важными из которых являются уплотнительная застройка, реновация, увеличение этажности возводимых зданий. Реализацию мероприятий, способствующих компактности города, необходимо проводить при условии сохранения природного каркаса и бережного отношения к экологической ситуации.

Список источников и литературы

1. Safina G.R, Fedorova V.A, Sirotkin V.V, Gasanov I.M. Territorial reserves of major cities: Challenges, experience, solutions. *International Journal of Pharmacy and Technology*, 2016. V.8, Iss.3. P.14864–14871.
2. Medvedeva R.A, Safina G.R, Fedorova V.A. Urban densification: Features, environmental problems, and prospects. *International Journal of Green Pharmacy*, 2017. V.11, Iss.4. P.S868–S871.
3. Федорова В.А., Сафина Г.Р. Уплотнение городской застройки: особенности, экологические проблемы и перспективы. *Землеустройство, кадастр и мониторинг земель*. 2018. № 6 (161). С.67 – 71.

4. Федорова В.А., Сафина Г.Р., Зарипова С.Н. Точечная застройка объектов жилого назначения как способ решения территориальных проблем (на примере города Казань). ИнтерКарто. ИнтерГИС. Геоинформационное обеспечение устойчивого развития территорий: Материалы Междунар. конф. М.: Географический факультет МГУ, 2021. Т. 27. Ч. 4. С. 244–259. DOI: 10.35595/2414-9179-2021-4-27-244-259.

Федорова Виктория Алексеевна, к. геогр.н., доцент, Институт экологии и природопользования, Казанский (Приволжский) федеральный университет, e-mail: fva_14@mail.ru

Сафина Г.Р., Институт экологии и природопользования, Казанский (Приволжский) федеральный университет, e-mail: safina27@mail.ru

DEVELOPMENT OF THE CITY OF KAZAN IN CONDITIONS OF MODERN URBANIZATION

Fedorova V.A.¹, Safina G.R.¹

¹ Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

Trends in the growth of urbanization intensity, an increase in the population in cities, a high load on infrastructure and a decrease in its efficiency, an increase in the number of vehicles cause a shortage of territories that hinder the development of urban systems. The expansion of the city can take place by including agricultural land, forestry and other categories of land within the city limits. Another way of development is also possible, when the city does not increase the area of the territory, but develops through internal reserves, realizing the concept of a "compact city". Focusing on the principles of a "compact city", which consists in increasing the building density, a concentrated planning structure, the absence of planning gaps, etc., will make it possible to implement various urban planning solutions that lead to the most efficient use of the city's internal territorial potential through compacted development, renovation, redevelopment, active use underground space and inconvenient lands, increasing the number of storeys of buildings. The authors consider the processes of including internal reserves in urban planning practice using the example of the city of Kazan. Such decisions minimize the negative consequences that manifest themselves in the territorial expansion of cities.

Key words: urbanization, compact city, compaction, renovation, redevelopment

Fedorova Victoria Alekseevna, PhD in Geogr., Associate Professor, Institute of Ecology and Nature Management, Kazan (Volga Region) Federal University, e-mail: fva_14@mail.ru

Safina G.R., Institute of Ecology and Nature Management, Kazan (Volga Region) Federal University, e-mail: safina27@mail.ru

УДК – 914/919

ЕВРАЗИЙСТВО ВО ВНЕЙШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ТУРЦИИ

Филинцева А. В.¹, Шибков Н. А.¹,
Михеева Н.М.^{1, 2},

– ¹Северо-Западный Институт Управления Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы, Санкт-Петербург, Россия

² Санкт-Петербургский Государственный Университет, Санкт-Петербург, Россия

Статья посвящена евразийскому варианту внешнеполитической стратегии Турции. Выделены предпосылки становления концепции евразийства, особое внимание уделяется идеологиям неосманизма и неопантюркизма. Рассмотрены проявления евразийства во внешней политике Турции: на уровне сотрудничества с регионами РФ, отдельными странами на постсоветском пространстве, в рамках региональных международных организаций.

Ключевые слова: Турция, Евразия, Центральная Азия, внешняя политика Турции, евразийство, евразийское пространство, турецкое евразийство, неосманизм, пантюркизм, неопантюркизм.

Введение. Евразия, как отдельный регион на материке, в политических воззрениях обозначалась в первые десятилетия XX века. Ещё в концепции Х. Маккиндера часть Евразии (а точнее ее Северо-восток) определялась как «сердце» или «серединая земля» - Хартленд, обладать влиянием на которой геостратегически важно для любого амбициозного государства. Географические границы Хартленда не определены точно – они менялись впоследствии как самим Маккиндером, так и его последователями и оппонентами.

Российские основоположники евразийства писали в 1920-е годы практически одновременно с западными, «евразийские» постулаты впервые были изложены в 1920 г. в брошюре «Европа и человечество», а после в сборнике «Исход к Востоку» [4, с. 5] и отражали российские интересы. Политика евразийства традиционно была прерогативой России, но с распадом СССР политическая картина изменилась.

Современные же исследователи евразийства и Евразии как региона в большинстве своем сходятся в том, что Евразия - не столько географическое понятие, сколько геополитическое пространство похожее и непохожее одновременно на европейскую (западную) и азиатскую (восточную) стороны в социокультурном и других аспектах. Уже неоевразийцы, в частности А. Дугин, стали выделять потенциальных стран-лидеров в регионе помимо России, ключевыми из которых стали Китай, Индия и Турция [2, с. 4].

Целью данной статьи является изучить современное турецкое евразийство. Целью предопределяет ряд задач необходимых для полного раскрытия темы:

1. Определить основные интерпретации турецкого евразийства и этапы его формирования.
2. Выявить проявления евразийства во внешней политике Турции в многосторонних и двусторонних взаимодействиях.

Евразийство в Турции: ключевые этапы и основные интерпретации в политическом дискурсе. Зародиться турецкое евразийство стало в начале прошлого века, сам Мустафа Кемаль Ататюрк в 1930-е годы занимал достаточно дальновидную позицию и говорил, что пусть сейчас Советский Союз и является для Турции другом, всякое государство может распасться или претерпеть изменения. Он отмечал: «У нашего друга СССР сегодня находятся исповедующие с нами одну религию, говорящие на одном с нами языке, такие же как мы народы. Мы должны быть готовы к их поддержке, надо создавать нравственные мосты контактов. Язык – это первый мост, история – второй. Подобное мышление должно у нас укорениться, и мы должны с ними воссоединиться. Мы не можем ждать, когда они приблизятся к нам, мы сами должны двигаться по направлению к ним» [5, с. 21].

Однако действительной точкой отсчета евразийского вектора можно считать начало 1990-х годов, когда взгляд турецкой внешней политики обратился к странам Ближнего Востока, бывшим советским республикам и в целом на Евразийский регион. Ослабление влияния СССР, а впоследствии и России в регионе отразилось на возрождении идеологии пантюркизма, а также к нарастающими противоречиями между Турцией и Западом в лице США и Евросоюза, так как, несмотря на долгие годы «евроориентации», положение Турецкой Республики среди стран демократического мира все еще оставалось неопределенным.

Современную евразийскую политику Турции можно разделить на три этапа: 1991-2008 гг., 2008-2016 гг., 2016 г. – настоящее время. В рамках реализации пантюркистской концепции Турция начала активно использовать элементы культурного и образовательного сотрудничества. В начале 1990-х гг. были основаны соответствующие организации "ТЮРКСОЙ" и "ТИКА", а также центры имени Юнуса Эмре и лицеи "Хизмет" (Запрещенная на территории РФ организация), которые были открыты в тюркских регионах РФ: Татарстане и Башкортостане. Однако, позже выяснилось, что турецкие образовательные и культурные центры продвигают экстремистскую и радикальную риторику, что вызвало немедленную реакцию Москвы и закрытие "турецких" центров на территории РФ, Лицеи "Хизмет" запрещены с 2008 г. по решению Верховного суда РФ [7].

Следующая явная попытка распространить свое влияние на тюркскую Евразию была связана с созданием в 2009 году Совета сотрудничества тюркских государств, однако весьма аккуратно и с оглядкой на российскую сторону. О потенциале построения Тюркского мира говорил и сам президент Турции, Реджеп Тайип Эрдоган: «Тюркский мир, благодаря своему историческому опыту, имеющимся сегодня человеческим и экономическим ресурсам, может внести большой

вклад в сотрудничество на Евразийском пространстве. Мы должны хорошо использовать эту возможность, предлагаемую нам 21-ым веком» [16].

Фактически нынешнее турецкое евразийство активно стало проявляться начиная с 2016 года (после Турецкого военного путча) Эрдоган во время своего визита в Узбекистан заявил, что рассматривает вступление страны в ШОС как альтернативу членству в ЕС [17]. Внутри Турции же восприятие евразийства весьма неоднозначно – само понятие имеет две основные интерпретации: Евразийство – как способ обеспечить амбиции и влияние Турции в качестве лидера «тюркского мира», создав крепкую сеть сотрудничества между культурно и религиозно схожими государствами. Евразийство – как привлекательная альтернатива уже давно выбранного курса евроинтеграции, который заменяется так называемым «поворотом на Восток», через развитие сотрудничества с Российской Федерацией и КНР, противопоставляемый блоку во главе с США.

Первый вариант означает пересечение интересов Турции с российскими, так как РФ традиционно рассматривает Евразию как сферу своего влияния и уступать позицию лидера точно не станет. Путь сотрудничества с РФ и КНР же рассматривает вариант «сбрасывания» со страны зависимости от Соединенных Штатов, ведь по мнению председателя партии Ватан – Догу Перинчека: «Анкара – слуга в Атлантике, но равноправный партнер в Евразии» [14]. В целом, евразийство внутри Турецкой республики защищается «определенными группами с разными идеологиями, положениями и подходами в отношении места Турции на постсоветской международной арене» [7, с. 113], как устоявшийся с 1990-х годов запасной вариант ведения внешней политики. Евразийство также прекрасно вписывается в «Гибридную внешнюю политику» Турции, которая периодически чередует антизападную и прозападную риторику.

Идеологии, составляющие турецкое евразийство. Неосманизм. Считается, что термин «неосманизм» ввел Ч.Чандар, советник бывшего президента Турецкой республики Тургута Озала, как попытка охарактеризовать движение, выступавшее за активную и многостороннюю внешнюю политику Турции на основе османского исторического наследия. Мнения российских ученых относительно сущности неосманизма различны. Одни считают, что это стремление Турции вернуть себе статус великой державы и усилить свое влияние в ранее зависимых регионах, таких как Балканы, Кавказский регион, Ближний Восток и Центральная Азия. Другие утверждают, что это неофициальная доктрина Турции, направленная на расширение сферы влияния при помощи «мягкой силы» через экономическое и гуманитарное сотрудничество, а также распространения идей пантюркизма, панисламизма и турецкого евразийства [1, с. 74]. Турецкий исследователь Седат Лачинер отмечал, что неосманизм не является агрессивной внешней политикой и не ограничивается бывшими османскими территориями, и отмечает, что неосманизм хоть и основан на имперском наследии, но представляет собой реакцию на кемалистскую изоляционистскую политику и стремится к сотрудничеству в рамках исламского, тюркского и османского мира [6, с. 132]. Американский профессор турецкого происхождения Омер Таштоинар, утверждает, что дебаты о внешней политике Турции должны учитывать три различных варианта позиции Турции в международных отношениях: неосманизм, кемализм и турецкий голлизм. Он выделил три фактора неосманизма: готовность принять османское наследие, активная региональная и глобальная политика и баланс между западным и исламским миром.

Кемализм, напротив, провозглашает сдержанность и осторожность во внешней политике, а турецкий голлизм сочетает общие элементы этих двух подходов, подчеркивая патриотизм и приверженность турецкому государству. Пресс-секретарь Партии справедливости и развития Омер Челик отмечает, что Турция не имеет имперских планов и не стремится к гегемонии, а ее участие в региональных конфликтах направлено на содействие миру и стабильности в регионе [12]. Неопантюркизм. Неопантюркизм представляет из себя элемент «мягкой силы» современной Турецкой Республики, реализуемой в рамках политики неосманизма. Неопантюркизм, являясь синтезом идей оригинального пантюркизма и исламизма, направлен на идеологическое влияние тюркоязычных государств на постсоветском пространстве. Ещё одним

элементом неопантюркизма является создание «тюркского мира», во главе с Турцией. Неопантюркизм как инструмент начал активно использоваться после распада Советского Союза и появления независимых тюркских государств: Азербайджана на Кавказе; Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Туркменистана в Средней Азии.

В начале Турция признала их независимость и начала развивать отношения на основе общности этноса и культурных связей, но позже поняла, что просто полагаться на "старшинство" недостаточно для эффективного диалога. В результате Турция перешла к неопантюркистской стратегии и использованию "мягкой силы" в тюркских государствах и тюркоязычных регионах России. Это соответствует стратегическим целям Турции по созданию новой концепции, известной как "Тюркский мир" [3, С. 45]. Описывая региональную политику Турции в 1991-1994 годах, П. В. Шлыков отмечал сочетание в ней элементов пантюркизма с его экспансионистским зарядом, а также тюркизма, который сконцентрировался на духовном и культурном единстве тюрков и тюркского мира. Многие исследователи, критикуют пантюркистскую направленность внешней политики Турции, и рассматривают ее как выражение региональных стремлений и амбиций в сферах экономическом, политическом и культурном измерениях [8, С. 61].

Турция поспособствовала созданию различных «интеграционных пространств» в сферах экономики, политики, культуры и др. с целью создания диалога между тюркскими народами и чтобы привлечь их в свою зону влияния: используя различные инструменты взаимодействия с помощью негосударственных организаций, культурных центров, а также акцента на единении на основе общего происхождения и вероисповедания. Бывший премьер-министр Сулейман Демирель говорил о «тюркском мире от Адриатики до Великой китайской стены» [7], и о Турции как новом центре для тюркских государств.

Проявление евразийства посредством взаимодействия в региональных международных организациях. Современное турецкое евразийство в основном включает в себя экономическое и культурное сотрудничество в рамках взаимодействия с региональными международными организациями, такими как: Тюркский совет. В 2009 году был создан Совет сотрудничества тюркоязычных государств, также известный как Тюркский совет, объединивший Турцию, Азербайджан, Казахстан и Киргизию с целью укрепления сотрудничества между тюркскими государствами. В 2019 году к ним присоединился Узбекистан в качестве полноправного члена. В рамках деятельности Совета главы государств-членов проводят ежегодные саммиты для обсуждения различных направлений сотрудничества: торговли, образования, туризма и т.д.

В 2021 году произошло переименование Совета сотрудничества в Организацию тюркских государств, были образованы подструктурные организации охватывающие различные направления: торгово-промышленные отношения, культурное наследие, бизнес-сотрудничество, сферу образования и студенческой мобильности. Например, ТИКА – организация, созданная для выстраивания связей с зарубежными странами, в первую очередь, со странами Центральной Азии: Казахстаном, Кыргызстаном и Узбекистаном. Представительства ТИКА осуществляют различные образовательные мероприятия, посвященные турецкой культуре, финансируют проведение занятий по турецкому языку для начинающих и продолжающих, выдают стипендии для обучения в Турции [26]. Турция сосредоточила свою активность на Ближнем Востоке, а не на Кавказе и в Центральной Азии. ОТГ переориентировала свою деятельность на экономическое, социальное и гуманитарное сотрудничество. Хотя организация продолжает оказывать влияние на внешнюю политику, ее влияние в вопросах безопасности весьма скромно, особенно по сравнению с другими региональными организациями в Евразии, такими как ШОС или Организация Договора о коллективной безопасности. Это также можно рассматривать как основную причину, по которой Москва более не рассматривала деятельность ОТГ как угрозу своим интересам на постсоветском пространстве. Турецкие лидеры тщательно следят за тем, чтобы деятельность ОТГ не бросала вызов геополитической повестке дня России в регионе [25].

Также важную роль играет ТЮРКСОЙ, аффилированную с ОТГ организацию, которую называют ЮНЕСКО тюркского мира, основанная в 1993 году, в результате соглашения

министров культуры Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Туркменистана и Турции. Позднее в ТЮРКСОЙ вошли в качестве государств-наблюдателей: Турецкая Республика Северного Кипра, регионы Российской Федерации – республики Татарстан, Башкортостан, Алтай, Саха (Якутия), Тува, Хакасия, а также Гагаузия в составе Молдовы. Организация видит свою задачу «в содействии духовному сближению и укреплению братского единства тюркских народов, в представлении тюркской культуры в мире и трансляции её традиций последующим поколениям» [27].

По сравнению с Организацией Тюркских Государств, роль Турции в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) является второстепенной. Изначально ШОС была создана в 2001 году как площадка для сотрудничества между ключевыми межрегиональными державами, такими как Россия, Китай, Индия и Иран совместно с другими евразийскими странами в борьбе с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом. Турция была принята в ШОС в качестве "партнера по диалогу" и позже выразила желание стать полноправным членом, чтобы укрепить свои отношения с организацией. Хотя Эрдоган рассуждает от том, что ШОС может стать альтернативой ЕС во внешней политике Турции, ее членство в НАТО затрудняет развитие отношений с евразийской организацией. Стоит подчеркнуть, что вопрос выхода из Альянса не стоит в политической повестке страны. Некоторые группы в Турции, однако, продолжают рассматривать ШОС как альтернативу сотрудничества с Западом. После неудачной попытки государственного переворота в 2016 году, часть политических элит в Турции высказались в пользу укрепления евразийской оси во внешней политике. Это произошло в свете широко распространенного мнения о причастности США к попытке переворота, что повлияло на отношения Турции с Россией, Ираном и Китаем. Попытка переворота также усилила влияние "пророссийского лобби" в турецких государственных учреждениях [24]. Отношения с РФ и КНР. Россия занимает лидирующие позиции среди торговых партнеров Турции и играет ключевую роль в сфере энергетики, что подтверждают крупные энергетические проекты, такие как газопровод "Турецкий поток", и строительство атомной электростанции "Аккую".

После попытки военного путча турецко-российские отношения стали еще более тесными, и обе страны, совместно с Ираном, создали механизм военно-политического диалога в Сирии, что позволило Турции провести масштабные военные операции для обеспечения своей безопасности от ИГИЛ40. В 2017 году Турция приобрела систему противоракетной обороны С-400 российского производства, несмотря на угрозы со стороны США о возможных санкциях.

Что касается взаимоотношений с Китаем, то Турция стремится использовать связь с тюркскими государствам для упрочения своей позиции в рамках китайской инициативы «Один пояс, один путь». В рамках реализации данного проекта Турция является одним из государств-основателей Азиатского банка инфраструктуры и инвестиций.

Стратегически важным для Турции является инициатива Транскаспийского международного транспортного маршрута, поскольку путь станет связующим звеном между Турцией и Китаем с целью закрепления страны на Кавказе и в Центральной Азии.

Современный политический диалог с постсоветскими странами на евразийском пространстве. У Турции отсутствует официальный документ о внешнеполитических стратегиях страны, однако, в предвыборной кампании партии Эрдогана в 2011 году, которая находится у власти по сей день, отражены следующие планы по евразийскому направлению:

Турция – тюркские государства: «отмена визовых режимов, интенсификация политического диалога, развитие торговых связей и поддержка деятельности неправительственных организаций. Особое значение уделяется сферам образования и культуры, показательными проектами сотрудничества в которых являются созданные при помощи Турции Университет Манас в Киргизии и Университет им. Ходжи Ахмеда Ясеви в Казахстане. Кроме того,

⁴⁰ Запрещенная на территории РФ террористическая организация

планируется распространить на тюркские республики новый формат сотрудничества, связанный с созданием Советов стратегического сотрудничества высокого уровня» [9].

В Центральной Азии значительное внимание в первую очередь уделяется Казахстану. Весь спектр турецко-казахстанских отношений по всем трекам проходит в рамках Совета стратегического сотрудничества высокого уровня. Особое внимание уделяется сотрудничеству в сфере образования, так, в Казахстане открыты два совместных университета, сеть казахско-турецких лицеев. Значительное внимание также уделяется военно-политическому сотрудничеству, так, в 2022 году был подписан новый план турецко-казахстанского сотрудничества, а 29 июля 2023 года на выставке IDEF 23 в Стамбуле, завершились переговоры по развитию военно-морской инфраструктуры в Каспийском море [18]. Важность турецко-казахстанских отношений подчеркнул и сам Эрдоган во время визита президента Токаева в Анкару в мае 2022 года: «Энтузиазм и упорство уважаемого Токаева в становлении нового Казахстана вызывают похвалу. Выражаю поддержку масштабным реформам и программам, проводимым в этих рамках. Еще раз подчеркиваю, что мы готовы нести ответственность за стабильность, спокойствие и безопасность наших казахстанских братьев. Думаю, что как в политической, так и в торговой, военно-экономической и культурной сферах мы продолжим наше сотрудничество и вместе сделаем шаг в будущее» [21]. Важное место в евразийской политике Турции занимает и Узбекистан. На данный момент турецко-узбекские отношения в основном сконцентрированы на торгово-экономическом и оборонном треке. Президент Турции во время своего последнего визита в Ташкент подчеркнул, что «Совет стратегического сотрудничества между Турцией и Узбекистаном превратится в постоянно работающий рабочий орган по выполнению поставленных планов экономической интеграции. Более того турецкие компании готовы внести свой вклад в реализацию стратегии развития Узбекистана на 2022-2026 годы» [21].

Согласно статистике министерства иностранных дел, Эрдоган, начиная с 2016 года, посетил Азербайджан 12 раз, что говорит о высоком уровне взаимоотношений между государствами. Обими странами подчеркивается, что Турция первой признала Азербайджан как суверенное государство в 1991 году. Единству братских народов в осуществлении совместных инициатив придется большое значение с обеих сторон. Ильхам Алиев в честь тридцатилетия установление дипломатических отношений между странами заявляет: «С честью и с поднятой головой выйдя из исторических испытаний, наши страны подтвердили и сохранили приверженность духу лозунга “Одна нация - два государства”» [21].

Контакты с тюркскими регионами России. Интерес Турции к южным и тюркоязычным регионам Российской Федерации является традиционным ещё с прошлого века и остается актуальным по сей день. Развивается культурное сотрудничество, турецкие частные компании делают взносы в культурные и религиозные центры российских субъектов.

В 2021 году Р. Эрдоган получил в подарок от Д. Бахчели (главы Партии националистического движения) карту «тюркского мира», в который входят «ожные регионы России, в числе которых Крым, Ростовская область, часть Северного Кавказа и Восточной Сибири» [17]. И хотя российское руководство официально заявило, что не расценивает этот жест как нечто угрожающее, однако, безобидное или нет, внимание Турции к отдельным регионам РФ отрицать нельзя.

Республика Татарстан является, пожалуй, самым ярким примером партнерства по активному сотрудничеству с Турцией из всех регионов России. Товарооборот и культурное взаимодействие находятся на высоком уровне. Например, мечеть «Джамиг» в Набережных Челнах получила финансирование от турецкой компании Nayat Kimya, которая выделила 7,5 млн рублей на ее строительство. Сын Президента Эрдогана – Билал Эрдоган, также являющийся Президентом Всемирной конфедерации этноспорта, посещал Казань в 2022 году в рамках мероприятий форума «Казань – Молодежная столица Организации исламского сотрудничества», где встретился с главой республики. Также Турция проявляет интерес к сотрудничеству с

Республикой Саха (Якутия) и проводит совместные проекты с местным бизнесом в рамках производства и поставки сжиженного природного газа и создания судоверфи в Жатае. В 2021 году с официальным визитом в Якутию прибывал турецкий посол в России Мехмет Сансар, а в 2019 году столицу республики посетил Билал Эрдоган, во время своего визита он использовал свойственную его отцу популистскую «пантюркистскую» риторику и объявил якутов «братьями по крови» [20].

Заключение. Подводя итоги, можно сказать, что усиление Турции на евразийском пространстве полностью отвечает интересам страны: позиционирование себя как лидера «тюркского мира» усилит геополитическую значимость страны, докажет Западу, что с нею нужно считаться, а улучшение отношений с Китаем и РФ укрепит позиции страны в многополярном мире. Однако, сама концепция евразийства хотя и присутствует во внутриполитических кругах Турции, практически никак не оформлена официально и сосредоточена в основном на двусторонних отношениях со странами Евразии.

Если же рассматривать перспективы перелома внешнеполитического вектора Турции с основного – западного, к евразийскому, то это остается маловероятным развитием событий, поскольку Турция уже достаточно глубоко вошла в интеграционные и экономические связи с ЕС, а в области безопасности давно является ключевым членом НАТО. Интересным фактом является то, что по мнению турецкого населения, опрошенного в 2022 году, странами, которые представляют основную угрозу для национальных интересов Турции являются США и Россия (1 и 2 место соответственно), а наиболее предпочтительным международным партнером – ЕС. При этом свою страну жители желают видеть скорее экономически развитой, влиятельной в политической и военной сферах, нежели являющейся «центром мусульманского мира», поскольку большинство населения Турции, в особенности молодежь, выступают за евроинтеграцию [13].

Список источников и литературы

1. Аватков В.А. Неоосманнизм. Базовая идеология и геостратегия Турции // Свободная мысль. 2014. № 3. С.71-78.
2. Дугин А.Г. Евразийский реванш России: Издательство «Алгоритм»; Москва; 2014. - С. 115.
3. Дружинин С.Б. Хуторская В.В. Политика Турции и Ирана в Центральной Азии и Закавказье // Иран и СНГ. Под ред. Мамедовой Н.М. М., 2003. С. 37-72.
4. Дружинин А. Г. Иден классического евразийства и современность: общественно-географический анализ: монография / А. Г. Дружинин; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2021. – 270 с.
5. Ибрагимов А. Евразийская идея в Турции: особенности и тенденции // Южно-Российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2015. № 2 (11). С. 18–27.
6. Левон Сафарян. «Идущий медленно горы одолеет»: о современной внешнеполитической стратегии Турции. //EurAsia Daily, 29.06.2022. [Электронный ресурс] URL: <https://eadaily.com/ru/news/2022/06/29/idushchiy-medlenno-gory-odoleet-o-sovremennoy-vneshnepoliticheskoy-strategii-turcii> (дата обращения: 29.11.2023)
7. Левон Сафарян. «Турецкий мир» не за горами?: о политике Анкары на постсоветском пространстве. //EurAsia Daily, 26.12.2022. [Электронный ресурс] URL: <https://eadaily.com/ru/news/2022/12/26/turekiy-mir-ne-zagorami-o-politike-ankary-na-postsovetskom-prostranstve> (дата обращения: 25.11.2023)
8. Мамедов И.М. К вопросу о внешнеполитической доктрине Турции: между Европой и Азией // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2022. №2. С. 128-139.
9. Свистунова И. А. Предвыборная программа Партии справедливости и развития: внешняя политика Турции до 2023 года, 2011. Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=12516> [Электронный ресурс] (дата обращения: 29.11.2023)
10. Сенгупта А. Перспективы евразийства (казахское и турецкое восприятие Евразии как геополитического пространства) // Идеи и идеалы. 2010. №3. С.104-117.
11. Шлыков П. В. Евразийство и евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции // Сравнительная политика. 2017. № 1. С. 58-76.
12. Celik, O. The Efficiency of Turkish Foreign Policy. Turkish Policy Quarterly. 2010/2011. p.31-35. [Электронный ресурс] URL: https://esiweb.org/pdf/esi_turkey_tpq_vol9_no4_Omer-Celik.pdf (дата обращения: 29.11.2023)
13. Ceylan Akman Canbikler, Kadri Tastan, Ozgur Unluhisarcikli. Turkish Perceptions of the European Union 2022 Data. German Marshall Fund of the United States. [Электронный ресурс] URL: <https://www.gmfuf.org/news/turkish-perceptions-european-union-2022> (дата обращения: 06.02.2024)
14. Selcuk Colakoglu. The Rise of Eurasianism in Turkish Foreign Policy: Can Turkey Change its pro-Western Orientation? Middle East Institute. 19.04.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.mei.edu/publications/rise-eurasianism-turkish-foreign-policy-can-turkey-change-its-pro-western-orientation> (дата обращения: 29.11.2023)

15. Аксенов С. Чем России грозит создаваемый Анкарой «Союз тюркских государств»? // Свободная пресса. 2021. 30 августа [Электронный ресурс]. URL: <https://svpressa.ru/politic/article/308399/> (дата обращения: 06.02.2024)
16. Мы должны использовать возможности тюркского мира в Евразийском пространстве - Р. Эрдоган. // BNews.kz. 22.05.2012. [Электронный ресурс] URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31195198#sub_id=0 (дата обращения: 09.03.2024)
17. В Турции объяснили включение российских регионов в карту «тюркского мира»: Политика: Мир: Lenta.ru 23.11.2021 [Электронный ресурс] URL: https://lenta.ru/news/2021/11/23/turk_region/ (дата обращения: 01.12.2023)
18. Турция и Казахстан заключили соглашение в оборонной сфере — EADaily — Турция. Новости. 29 июля 2023. [Электронный ресурс] URL: <https://easily.com/ru/news/2023/07/29/turciya-i-kazahstan-zaklyuchili-soglashenie-v-oboronoj-sfere> (дата обращения: 01.12.2023)
19. Турция не исключила возможность войти в ШОС вместо вступления в ЕС. Интерфакс. 20.11.2016. [Электронный ресурс] URL: <https://www.interfax.ru/world/537769> (дата обращения: 29.11.2023)
20. Что делал в Якутске сын президента Турции Билал Эрдоган? Информационное агентство Sakha Time. 03.07.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://sakhatime.ru/politics/15822/> (дата обращения: 01.12.2023)
21. Эрдоган: Мы будем рядом с нашими казахстанскими братьями: 11 мая 2022, 00:30 - новости на Tengrinews.kz [Электронный ресурс] URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/erdogan-myi-budem-ryadom-s-nashimi-kazahstanskimi-bratyami-468301/ (дата обращения: 01.12.2023)
22. Эрдоган решил сделать Ташкент главным «собирателем тюркских земель» Полит Навигатор. 31.03.2022. [Электронный ресурс] URL: <https://www.politnavigator.net/ehrdogan-reshil-sdelat-tashkent-glavnym-sobiratelem-tyrkskikh-zemel-v-regione.html> (дата обращения: 01.12.2023)
23. Единство Азербайджана и Турции – стратегическая карта для будущих поколений. Анадолю. 14.01.2022. [Электронный ресурс] URL: <https://www.aa.com.tr/ru/мир/алиев-единство-азербайджана-и-турции-стратегическая-карта-для-будущих-поколений/2473612> (дата обращения: 01.12.2023)
24. European Parliament Votes to Suspend Turkish Membership Talks // Financial Times. November 24, 2016. [Электронный ресурс] URL: <https://www.ft.com/content/afa9ecd8-c324-303a-b203-2073ff1aedab> (дата обращения: 25.11.2023)
25. The Great Turan: Russia's Concerns about Turkey's Growing Reputation in Caucasus and Central Asia // Politics Today. May 20, 2021. [Электронный ресурс] URL: <https://politicstoday.org/the-great-turan-russia-turkey-caucasus-central-asia/> (дата обращения: 25.11.2023)
26. Turk Isbirliği ve Koordinasyon Ajansı Başkanlığı // TİKA web-sitesi. [Электронный ресурс] URL: <http://www.tika.gov.tr/tr/sayfa/hakimizda-14649> (дата обращения: 25.11.2023)
27. TURKSOY Official website. History. [Электронный ресурс] URL: <https://www.turksoy.org/en-US/history> (дата обращения: 06.02.2024)
28. Republic of Türkiye Ministry of Foreign Affairs. [Электронный ресурс] URL: <https://www.mfa.gov.tr/default.en.mfa> (дата обращения: 29.11.2023)

Мишева Наталья Михайловна, кандидат политических наук, доцент кафедры региональной политики и политической географии Санкт-Петербургского государственного Университета, доцент кафедры международных отношений Северо-Западного Института Управления Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы, n.miheeva@spbu.ru

Шибков Никита Алексеевич, студент 4, бакалавр, Северо-Западного Института Управления Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы, nshibkov-20@edu.ranepa.ru

Филинцева Анна Владимировна, студент 4, бакалавр, Северо-Западного Института Управления Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы, afilintseva-20@edu.ranepa.ru

EURASIANISM IN TURKEY'S FOREIGN POLICY

Shibkov N. A.¹, Filintseva A. V.¹ Miheeva N.M.^{1,2}

¹North-West Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russia

²St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

The article is devoted to the Eurasian version of Turkey's foreign policy strategy. The prerequisites for the formation of the concept of Eurasianism are highlighted, special attention is paid to the ideologies of neo-Ottomanism and neo-pan-Turkism. The manifestations of Eurasianism in the foreign policy of Turkey are considered: at the level of cooperation with the regions of the Russian Federation, individual countries in the post-Soviet space, within the framework of regional international organizations.

Keywords: Turkey, Eurasia, Central Asia, Turkey's foreign policy, Eurasianism, Eurasian space, Turkish Eurasianism, neo-Ottomanism, pan-Turkism, neo-pan-Turkism.

Miheeva Natalia Mihailovna, Ph.D. in Political Science, Associate Professor of Regional Policy and Political Geography department of St. Petersburg State University; Associate Professor of International Relations department at the Northwestern Institute of Management of the Russian Academy of People's Economics and the State Service, n.miheeva@spbu.ru

Filintseva Anna Vladimirovna, Student 4, Bachelor, North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, aflintseva-20@edu.ranepa.ru

Shibkov Nikita Alekseevich, Student 4, Bachelor, North-West Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, nshibkov-20@edu.ranepa.ru

УДК – 914/919

КОНФЛИКТОГЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНДИИ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ

Хальчевский Д.Н.¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Индия – крупнейшее по численности государство мира с большими диспропорциями социально-экономического развития, сложной социальной дифференциацией общества, что традиционно способствует зарождению новых конфликтов или развитию старых. Автор ставит целью выявление наиболее проблемных территорий Индии посредством интегрального анализа конфликтогенного потенциала. Основными территориальными единицами для анализа автором выбраны административно-территориальные единицы первого уровня – штаты и союзные территории. Автором разработана собственная методика анализа конфликтогенности территорий. В работе анализируются её индикаторы, базирующиеся на социально-экономических характеристиках территорий.

Ключевые слова: конфликтогенный потенциал, Индия, социальное неравенство, индикаторы социально-экономического развития территорий Индии

ВВЕДЕНИЕ

Республика Индия – государство, охваченное конфликтами разного генезиса на протяжении 75 лет. Данная работа является продолжением разработки методик анализа конфликтогенного потенциала с учетом этно-конфессиональных и социально-экономических факторов. Результаты исследования конфликтогенного потенциала по этнической и конфессиональной группам конфликтов (индикаторы: индекс лингвистической мозаичности, индекс культурного расстояния, индекс межэтнического общения, индекс религиозной мозаичности, индекс конфессионального соседства) представлены в работе автора «Конфликтный потенциал Индии: этноконфессиональные признаки.» [4]. В данном исследовании рассматриваются индикаторы исключительно социальной и экономической групп конфликтов.

Объектом исследования являются АТЕ первого уровня Республики Индия, предметом – конфликтогенный потенциал АТЕ первого уровня Индии в социально-экономическом разрезе. Цель исследования заключается в выявлении географических особенностей конфликтогенного потенциала штатов и союзных территорий Индии.

На данный момент в социально-экономической географии не существует общепринятого определения «конфликтогенный потенциал». А.А. Тенчиков формулирует определение этноконфликтогенного потенциала территории (ЭПТ), как «совокупность различных объективных и субъективных противоречий, приводящих к возникновению межэтнических конфликтов на определенной территории и их дальнейшему развитию не напрямую, а под

воздействием различных факторов, которые не обязательно относятся непосредственно к сфере межэтнического взаимодействия, но способны обострять эти противоречия, приводя, таким образом, к возникновению и дальнейшей эскалации межэтнических конфликтов на этой территории» [2]. Нами же это определение было несколько расширено, будем пользоваться собственной формулировкой: «Конфликтотенный потенциал территории – это совокупность объективных и субъективных противоречий, способных привести к возникновению конфликтов различного характера на определенной территории под воздействием факторов, связанных с разными сферами жизнедеятельности человека».

Индикаторы конфликтотенности территории – это отражение внутренних конфликтов, которые происходят явно или латентно. Для оценки конфликтотенного потенциала территорий Индии был выбран ряд индикаторов: доля исторически угнетенных граждан, многомерный индекс бедности, уровень преступности, уровень образованности, коэффициент Джини, молодежная безработица, ВРП на душу населения и доля населения с доходами ниже национальной границы бедности. Все индикаторы оценены в единой балльной шкале от 0 до 5.

Группа социальных индикаторов

В эту группу входят такие индикаторы как доля исторически угнетенных граждан (ДИУ), многомерный индекс бедности (МИБ), уровень преступности (УП), уровень образованности (УО).

В качестве индикатора конфликтотенности рассмотрим долю представителей зарегистрированных каст (ЗК) и зарегистрированных племен (ЗП). В законодательных органах существует квота для представителей ЗК и ЗП, есть льготы для поступления в университет и прочее. Однако в обществе отношение к ним по-прежнему пренебрежительное, поэтому считаем этот индикатор ключевым.

Таблица 1 Система оценивания ДИУ

Баллы	Доля исторически угнетенных граждан	Особое условие
0	(67%; 100%]	Доля ЗК ниже 1%
1	[0%; 15%]	Отсутствует
2	(15%; 25%]	Одна из долей ЗК или ЗП ниже 6%
3	(15%; 25%]	Доля ЗК и ЗП отдельно выше 6%
4	(25%; 67%]	Одна из долей ЗК или ЗП ниже 12%
5	(25%; 67%]	Доля ЗК и ЗП отдельно выше 12%

Составлено автором по [8, 9]

Вторым индикатором выступает многомерный индекс бедности, разработанный в 2010 г. в Оксфорде при поддержке программы развития ООН. Исследуются три измерения: здоровье, образование и уровень жизни. Индекс учитывает не только сколько «многомерно бедных» в регионе исследования, но и насколько они «многомерно бедны».

Таблица 2 Система оценивания МИБ

Баллы	Многомерный индекс бедности
0	$\leq 0,01$
1	(0,01; 0,03]
2	(0,03; 0,07]
3	(0,07; 0,10]
4	(0,10; 0,16]
5	$> 0,16$

Составлено автором по [12]

Статистику преступлений в Индии ведет Национальное бюро регистрации преступлений. Для унификации АТЕ будем учитывать только нарушение Indian Penal Code. Наиболее отражающими конфликтотенность являются преступления против общественного спокойствия, затрагивающие человека и собственность. В качестве индикатора выбран уровень преступности, определяемый как число преступлений на 100 000 человек.

Таблица 3 Система оценивания УП

Баллы	Уровень преступности
-------	----------------------

0	≤ 50
1	(50; 90]
2	(90; 130]
3	(130; 180]
4	(180; 300]
5	> 300

Составлено автором по TABLE 1A.4 [11]

На основе переписи населения Индии 2011 года составлен индикатор уровень образованности, основанный на данных о грамотности и наличии высшего образования. В соответствии с табл. 4 выставляются баллы за грамотность и высшее образование, индикатор определяется как среднее арифметическое этих баллов, округленное в сторону баллов за грамотность.

Таблица 4 Система оценивания УО

Баллы	Доля грамотных	Доля людей с высшим образованием
0	> 90%	> 15,00%
1	(85%; 90%]	(9,00%; 15,00%]
2	(77%; 85%]	(7,50%; 9,00%]
3	(71%; 77%]	(6,25%; 7,50%]
4	(65%; 71%]	(5,00%; 6,25%]
5	≤ 65%	≤ 5,00%

Составлено автором по [6, 7]

Группа экономических индикаторов

В группу экономических индикаторов входят коэффициент Джини (КДЖ), молодежная безработица (МБ), валовой региональный продукт на душу населения (ВРП) и доля населения с доходами ниже национальной границы бедности (НГБ).

Коэффициент Джини отражает социальное расслоение общества, чем больше отклонение кривой распределения доходов от прямой, тем больше проявление конфликтогенности.

Таблица 5 Система оценивания КДЖ

Баллы	Коэффициент Джини
0	≤ 0,17
1	(0,17; 0,24]
2	(0,24; 0,28]
3	(0,28; 0,32]
4	(0,32; 0,37]
5	> 0,37

Составлено автором по Table 1 [5]

Традиционно молодежь более социально активна и чаще вовлекается в различные политические движения и объединения, довольно часто радикализируется. При отсутствии работы у значимой части населения увеличивается социальная дифференциация, обостряется криминогенная обстановка, поэтому одним из индикаторов выбрана молодежная безработица.

Таблица 6 Система оценивания МБ

Баллы	Доля безработных в возрасте 15-29 лет
0	≤ 7%
1	(7%; 12%]
2	(12%; 17%]
3	(17%; 22%]
4	(22%; 35%]
5	> 35%

Составлено автором по [10]

Следующим индикатором конфликтогенности избран валовой региональный продукт (ВРП) на душу населения, который оценивает материальное благополучие домохозяйств каждого штата, а также позволяет сравнить экономическую дифференциацию между штатами.

Таблица 7 Система оценивания ВРП

Баллы	ВРП на душу населения, в USD по номиналу
0	> 3 200
1	(2 700; 3 200]
2	(2 200; 2 700]
3	(1 500; 2 200]
4	(1 000; 1 500]
5	≤ 1 000

Составлено автором по TABLE 16 [14]

Наконец, последний индикатор – доля населения с доходами ниже национальной границы бедности. Его влияние на конфликтогенный потенциал определяется стремлением беднейших слоев населения к повышению льгот путем социального протеста. Граница бедности в городах 1000 рупий в месяц (12,02 USD), в сельской местности – 816 рупий в месяц (9,81 USD). Курс актуализирован на 01.11.2023.

Таблица 8 Система оценивания НГБ

Баллы	Доля населения с доходами ниже национальной границы бедности
0	≤ 8%
1	(8%; 10%]
2	(10%; 13%]
3	(13%; 23%]
4	(23%; 35%]
5	> 35%

Составлено автором по TABLE 1.1 [13]

Для каждого индикатора был рассчитан множитель в соответствии с экспертной оценкой членов АРГО (был проведен опрос, в котором нужно было расставить индикаторы по влиянию на конфликтогенный потенциал). Итоговые формулы конфликтогенного потенциала по социальной и экономической группам конфликтов получились следующими:

$$\text{КПсоц} = 2 * \text{ДИУ} + 1 * \text{МИБ} + 1,75 * \text{УП} + 1,5 * \text{УО}$$

$$\text{КПэк} = 1,5 * \text{КДж} + 1,75 * \text{МБ} + 0,5 * \text{ВРП} + 1,5 * \text{НГБ}$$

Доля социальных индикаторов от всего конфликтогенного потенциала составила 31,25%, экономических – 26,25%. По мнению экспертов, группа социально-экономических индикаторов составляет больше половины вклада в конфликтогенный потенциал. Автор разделяет позицию сообщества, однако считает, что система оценивания не является идеальной, поэтому результаты могут быть приближенными.

Обсуждение результатов исследования

Наименьшая конфликтогенность по социальным и экономическим индикаторам наблюдается в Ладакхе (СТ) и Сиккиме в горах, Гоа, Керале, на Лакшадвипе (СТ) и Андаманских и Никобарских островах (СТ), также низкий конфликтогенный потенциал наблюдается в городах Дели (СТ) и Чандigarх (СТ). Низкая конфликтогенность – на юге в Телингане, Андхра Прадеше, Тамилнаде и Пондичерри (СТ), на Северо-Востоке – в Мегхалае, а также в Химачал Прадеше, Харьяне и Гуджарате. Конфликтогенность ниже среднего можно проследить в штатах Махараштра и Карнатака Южной Индии, Пенджаб и Уттаракханд – Северной, Мизорам и Нагаленд – Северо-Восточной. Конфликтогенность выше среднего – в штатах Раджастан, Уттар Прадеш, Западная Бенгалия, Трипура и Аруначал Прадеш, а также в союзных территориях Джамму и Кашмир и Дадра и Нагар-Хавели и Даман и Диу. Высокая конфликтогенность наблюдается в Центральной Индии – в Мадхья Прадеше, Чхаттисгархе и Одише, а также в Северо-Восточной – Ассам и Манипур. Наибольший конфликтогенный потенциал в нижнем течении Ганга (Бихар, Джаркханд).

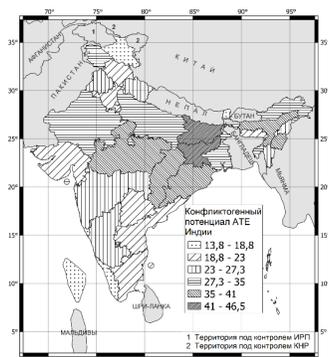

Рисунок 1. Конфликтотенный потенциал Индии по социальной и экономической группам индикаторов (составлено автором)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе данного исследования была предложена методика автора, включающая выявленные индикаторы, предложенную модель экспертной оценки, составление формул, опирающаяся на балльный метод. Такой подход может выявить зарождающие конфликты, однако конфликтотенный потенциал обладает незначительными связями с показателями реальных конфликтов [3]. Что касается результатов исследования, то можно проследить сильную дифференциацию Север – Юг, из которой выбиваются лишь штаты к западу от столицы. Наиболее уязвимым для такого рода конфликтов является ареал расселения арийских этносов, наиболее плотно заселенная территория – долина Ганга.

Список источников и литературы

1. Сдасюк Г.В. Новая Индия. География развития: достижения, проблемы, перспективы: монография. (Серия «География мирового развития») – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация». 2021. 520 с.
2. Тенчиков А.А. Этноконфликтотенный потенциал территории (ЭПТ) и его факторы. Астраханский вестник экологического образования 2019. №2(50). С.103-110.
3. Хальчевский Д.Н. Корреляционный анализ индикаторов конфликтотенности и показателей реальных конфликтов в штатах Индии. // Сборник материалов участников XIX Большого географического фестиваля, посвященного 220-летию со дня начала первой русской кругосветной экспедиции под руководством И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского (1803-1806 гг.). — Санкт-Петербург: Свое издательство, 2023. С.964-968.
4. Хальчевский Д.Н., Михеева Н.М. Конфликтный потенциал Индии: этноконфессиональные признаки. Международная научная конференция (XIV Ассамблея АРГО). 2023. С.184-188.
5. Gautam R., Pandey A. Regional Inequality in India: A State Level Analysis. Patna, M. R. M. College. 2020
6. Census of India 2011: C-08: Educational level by age and sex for population age 7 and above (total) URL: <https://censusindia.gov.in/census.website/data/census-tables> (дата обращения: 09.04.2023)
7. Census of India 2011: C-08 Appendix: Educational level graduate and above by sex for population age 15 and above (total) URL: <https://censusindia.gov.in/census.website/data/census-tables> (дата обращения: 09.04.2023)
8. Census of India 2011: PCA (SC): Primary census abstract data for Scheduled Castes State, District URL: <https://censusindia.gov.in/census.website/data/census-tables> (дата обращения: 09.04.2023)
9. Census of India 2011: PCA (ST): Primary census abstract data for Scheduled Tribes State, District URL: <https://censusindia.gov.in/census.website/data/census-tables> (дата обращения: 09.04.2023)
10. Ministry of Statistics and Programme Implementation, Annual Report Periodic Labour Force Survey (PLFS) (JULY 2020 - JUNE 2021) URL: <https://labour.gov.in/annual-reports> (дата обращения: 09.04.2023)
11. National Crime Records Bureau, Crime in India 2021, Statistics, Volume I URL: <https://ncrb.gov.in/crime-in-india.html> (дата обращения: 09.04.2023)
12. NITI Aayog, India: National multidimensional poverty index, Baseline report. 2021 URL: <https://www.niti.gov.in/annual-reports> (дата обращения: 09.04.2023)
13. NITI Aayog, SDG INDIA INDEX & DASHBOARD 2020-21 URL: <https://www.niti.gov.in/annual-reports> (дата обращения: 09.04.2023)
14. Reserve Bank of India. State Domestic Product Publications. 2021 URL: <https://www.rbi.org.in> (дата обращения: 09.04.2023)

Хальчевский Дмитрий Николаевич, студент IV курса, Институт наук о Земле, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: st087964@student.spbu.ru

India is the largest country in the world with huge socio-economic imbalances and complex social differentiation of society, which traditionally contributes to the emergence of new conflicts or the development of old ones. The author aims to identify the most potentially conflict territories of India by an integral analysis of the conflict potential. The main territorial units for analysis by the author are administrative-territorial units of the first level – states and union territories. The author has developed his own methodology for analyzing the conflict potential of territories. The article analyzes conflict indicators based on the socio-economic characteristics of the territories.

Key words: conflict potential, India, social inequality, indicators of socio-economic development of India

Khalchevskiy Dmitry Nikolaevich, 4th year student, Institute of Earth Sciences, Saint Petersburg State University; e-mail: st087964@student.spbu.ru

УДК 314.9(512.317)

НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА СПЕЦИАЛЬНОГО АДМИНИСТРАТИВНОГО РАЙОНА ГОНКОНГ, КИТАЙ

Цзян К.С.¹

– ¹ Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Специальный административный район (САР) Китая Гонконг характеризуется отличным от остальной части КНР статистическим наблюдением за национальными меньшинствами в структуре населения. В результате того что, в отличие от материкового Китая, в Гонконге ведется открытый учет численности некоренных групп в составе населения, появляется возможность проанализировать, как процессы глобализации повлияли на сложившийся демографический облик территории. Конкретно это выражается в относительно высокой численности представителей народов Юго-Восточной и Южной Азии, а также европейцев. В то же время, в Гонконге отличается и понятие «китайской» национальности. В проведенном исследовании изучена динамика численности групп национальных меньшинств, а также проведен пространственный анализ распределения этих групп по округам специального административного района с использованием картографического метода исследования. Основными материалами послужили результаты переписей населения 2011 и 2021 гг., а также промежуточной переписи 2016 г. Интерес именно к Гонконгу обусловлен его статусом глобального города, а также и особым статусом в рамках проводимой китайским государством политики «одна страна – две системы».

Ключевые слова: Гонконг, демография, этнический состав населения, национальные меньшинства, «одна страна – две системы».

ВВЕДЕНИЕ

Специальный административный район (САР) Китая Гонконг известен как один из глобальных городов мира [1]. Его положение в системе административно-территориального деления Китая характеризуется особым статусом, который кроме Гонконга имеет только Макао [2]. Высокая степень автономии, которая гарантируется этим статусом, позволяет территории, в том числе, самостоятельно проводить демографическую политику, регулировать миграции. Как глобальный город, один из крупнейших транспортных и финансовых центров Азиатско-Тихоокеанского региона, Гонконг интересно рассмотреть с точки зрения этнического состава населения.

Специальные административные районы самостоятельно ведут статистическое наблюдение, проводят переписи населения независимо от материкового Китая. Так, если на всей остальной территории КНР перепись населения прошла в 2020 г., а предыдущая в 2010 г., то в Гонконге и Макао переписи проходили в 2011 и 2021 гг. (промежуточная перепись прошла в 2016 г.). Отличается подход к учёту в рассматриваемом показателе – этническом составе населения.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Понятие этнической принадлежности в материковом Китае совпадает с тем, что принято в российской этнографии, и по их переписи населения известно, сколько в Китае проживает представителей титульного ханьского этноса и таких меньшинств, как хуэй, маньчжуры и так далее. С другой стороны в Гонконге в графе этнической принадлежности (англ. Ethnicity, китайский традиционный 族裔, цзуй) принадлежность к «китайскому» этносу не разделяется на принятые группы, вместо этого всё население традиционных «китайских» групп, а не только хань, относятся к группе китайцы (англ. Chinese, кит. тр. 華人, хуажэнь). Определение «этнической принадлежности» Департамента переписей населения и статистики Гонконга приводится, например, в словаре терминов к публикации основных результатов переписей населения 2021 г. [3, с. 300] Отношение между понятиями хань и хуа носят достаточно сложный характер, но можно считать, что термин хуа охватывает китайский суперэтнос, и является предпочтительным в ряде территорий, где исторически проживает большое количество китайского населения, не связанного с материковым Китаем либо Тайванем. В Гонконге данный термин используется именно в государственном варианте китайского языка, и не является просто переводом термина «хань» на кантонский диалект.

С другой стороны, в материковом Китае по переписям населения публикуются данные только о коренных этносах Китая, численность представителей других национальностей, не входящих в перечень этносов Китая, не указывается. Во время как в Гонконге этот учёт ведётся, что особенно интересно с учётом повышающейся роли Китая в глобальных и региональных процессах.

Этнический состав населения по результатам переписей населения Гонконга за последние десять лет наблюдения выглядит следующим образом (таблица 1). Вновь следует отметить несовпадение понятие «этноса» с принятым в остальной части КНР или, например, в России. Вследствие этого в графе этнической принадлежности переписей населения Гонконга можно наблюдать такие группы, как индийцы, индонезийцы и белые (указаны в таблице как «национальные группы европеоидной расы»). В российской этнографии их нельзя было бы считать «этносами», так, в Индии, на Филиппинах и в Индонезии проживают сотни различных этносов, а понятие «белый» характеризует расовую принадлежность. Подобную группировку Гонконг унаследовал от Великобритании. Тем не менее, другого способа количественной оценки этнического состава населения рассматриваемой территории нет, поэтому примем указанные группы за национальные группы Гонконга. В целом доля групп национальных меньшинств на 2021 г. составляет как минимум 8,36%. (Если учесть, что китайязычные этносы отнесены к укрупненной группе «китайцы», то реальная доля этнических меньшинств должна быть выше).

Таблица 1 – Наиболее многочисленные национальные группы Гонконга, 2016-2021 гг. (составлено автором по данным переписей населения [4,5])

Группа	2011		2016		2021	
	Численность	Доля, %	Численность	Доля, %	Численность	Доля, %
Китайцы	6 620 393	93,62	6 752 202	92,03	6 793 502	91,64
Филиппинцы	133 018	1,88	184 081	2,51	201 291	2,72
Индонезийцы	133 377	1,89	153 299	2,09	142 065	1,92
Национальные группы европеоидной расы	55 236	0,78	58 209	0,79	61 582	0,83
Индийцы	28 616	0,40	36 462	0,50	42 569	0,57
Другие	100 936	1,43	152 332	2,08	172 061	2,32
Всего	7 071 576	100	7 336 585	100	7 413 070	100

Как видно, доля китайской группы постепенно снижается, темпы роста групп меньшинств становятся в целом выше. Общая численность населения территории выросла за десять лет на 341 494 чел. Из них на китайцев приходится рост в 173 109 чел., на меньшинства – 168 385. Подобный рост доли и численности меньшинств, при этом, является постепенным, что подтверждают данные промежуточной переписи 2016 г., то есть рост наблюдается в течение

вого десятилетия. Крупнейшими группами меньшинств являются филиппинцы, индонезийцы, национальные группы европеоидной расы, и индийцы. Так, большинство является выходцами из Юго-Восточной, в меньшей степени Южной Азии. Особенно сильно заметен прирост в группе филиппинцев. Другие меньшинства включают непальцев, пакистанцев, тайцев, японцев и прочие группы. В подобной географической структуре наблюдается отражение роли Гонконга как центра притяжения на юго-восточном побережье Китая, в непосредственной близости к развивающимся странам Юго-Восточной Азии. При этом в целом долю меньшинств на территории нельзя назвать высокой, то есть Гонконг в этом плане уступает западным глобальным городам, где в результате миграций значения намного выше.

Рассмотрим распределение национальных групп по территории специального административного района (рисунок 1). Ещё в 2011 г. во многих округах Гонконга доля приближалась к нулю, особенно в материковой (северной) части. К 2016-2021 г. значения в большинстве округов составляют от 90 до 95% китайского населения. Традиционно национальные меньшинства концентрируются в островных (южных) округах специального административного района. В 2011 г. меньше всего представителей национальных меньшинств проживало в Северном округе (2,93%), больше всего – в округе Ваньчай (19,54%). За десять лет эти два округа так и остались территориями с наименьшим и наибольшим значениями. В 2021 г. в Северном округе на национальные меньшинства приходится 3,78% населения округа, в округе Ваньчай – 24,25%. Таким образом, можно отметить достаточно четкое пространственное распределение китайцев и групп национальных меньшинств внутри Гонконга, по материковой и островной части, которое усилилось во второй половине 2010-х гг. И именно на островной части доля представителей национальных меньшинств выросла за десять лет сильнее всего. Тогда как в 2011 г. не было ни одного округа, где доля меньшинств доходила бы до 20% от общего населения округа, то в 2021 г. таких округов уже три (Айленде, Центральный и Западный, Ваньчай).

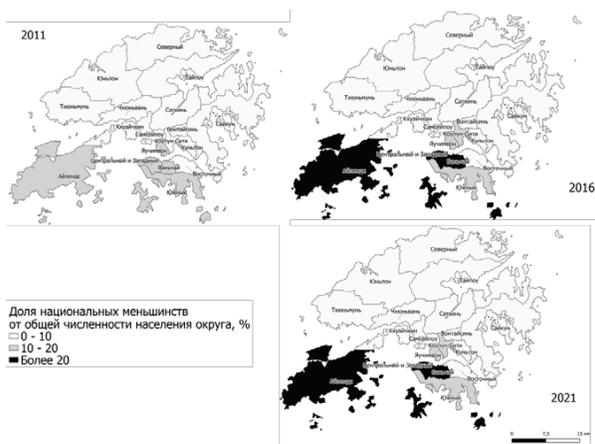

Рисунок 1 – Доля национальных меньшинств по округам Гонконга, 2011-2021 гг. (составлено автором по данным Департамента статистики Гонконга [4,5])

Большинство некитайского населения прибывает в Гонконг в качестве мигрантов. Этот факт находит отражение в возрастно-половой структуре каждой из этих групп. Если рассматривать распределение населения по основным возрастным группам, то для представителей национальных меньшинств у некоторых групп доля детей и населения старше трудоспособного возраста почти полностью отсутствует (рисунок 2).

Несестественным распределением по возрастным группам характеризуются, в первую очередь, филиппинцы и индонезийцы. Это явно трудовые мигранты в первом поколении, которые, судя по всему, не могут в силу местной миграционной политики закрепиться на территории. С другой стороны, у потомков европейцев и выходцев из Индии структура более приближенная к китайцам, заметную долю составляют дети. Эти группы можно считать укоренившимися в Гонконге, в отличие от выходцев из Юго-Восточной Азии. Можно отметить

и высокую долю пожилого населения у самих китайцев. В будущем это может также сказаться на этнической структуре населения, когда часть стареющего китайского населения Гонконга будет замещена представителями национальных меньшинств. Однако, это возможно только при наличии соответствующих регуляций со стороны местных властей в вопросах предоставления паспорта Гонконга.

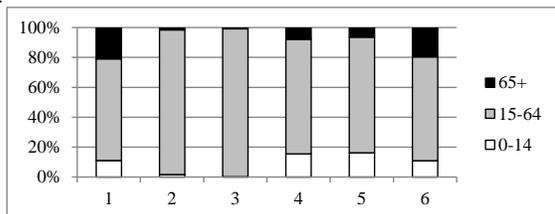

Рисунок 2 – Возрастная структура населения Гонконга, 2021 г. (1 – китайцы; 2 – филиппинцы; 3 – индонезийцы; 4 – индийцы; 5 – национальные группы европеоидной расы; 6 – население в целом; составлено автором по данным Департамента статистики Гонконга [4])

Различия в демографической ситуации для разных групп прослеживаются также в соотношении женщин и мужчин (рисунок 3). Среди населения, происхождение которого связано со странами Юго-Восточной Азии, женщины преобладают значительно. Так, среди индонезийцев на 1000 женщин приходится 14 мужчин, среди филиппинцев – 55 мужчин. Подобная аномалия объясняется миграционными процессами. Большая часть людей филиппинского и индонезийского происхождения заняты в качестве иностранной домашней прислуги, или иностранных домашних домработниц (foreign domestic helpers, кит. тр. 外籍家庭傭工, Вайци зятиньгун). Этот феномен является из всего Китая является уникальным именно для специальных административных районов Гонконг и Макао. Подобная занятость является официальной и регулируется местным правительством [6]. Поскольку данная группа отличается необычными социально-экономическими характеристиками, и как отмечено, вносит аномалии в демографические показатели, Департамент статистики Гонконга выпускает также отдельные статистические материалы, посвященные этой группе.

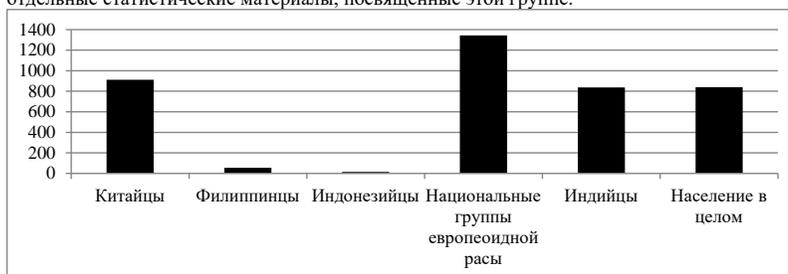

Рисунок 3 – Число мужчин на 1000 женщин по национальным группам, 2021 г. (составлено автором по данным Департамента статистики Гонконга [4])

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате определено, что подход к статистическому наблюдению, отличающийся от остальной территории Китая, позволяет составить особую картину этнического состава населения Гонконга. С одной стороны, это проявляется в использовании иной классификации, которая не позволяет полноценно говорить об этносах, но скорее о национальных группах. Отражается это и на понимании «китайского» этноса, который определяется как «хуа жэнь», а не отдельные группы, такие как хань, хуэй и так далее. Можно говорить о том, что подобный подход является отражением особенностей исторического развития территории, при котором выработалась особая идентичность. Учитывая статус глобального города в настоящее время, необычный подход к статистическому наблюдению такой характеристики, как «этническая принадлежность» сам по себе является важной характеристикой для понимания специфики Гонконга.

Кроме того, в отличие от остальной территории Китая, в Гонконге появляется возможность оценить численность населения иностранного происхождения. Растёт число представителей стран Южной и Юго-Восточной Азии. Темпы роста за последние десять лет для этих групп выше, чем для представителей коренных для территории групп. Демографические характеристики групп национальных меньшинств в значительной степени отражают миграционные процессы, специфика которых в регионе состоит не только в высокой доле трудоспособного населения, но и в высокой доле женщин. Такая ситуация является нетипичной для Китая, но Гонконг, специализирующийся на третичном секторе, сфере услуг, имеет и другую демографическую структуру.

Наконец, следует отметить высокую концентрацию национальных меньшинств в ряде округов Гонконга при близких к нулевым значениям в других округах (конкретно, это выражается в контрасте между островными и материковыми округами). В будущем, такие особенности размещения могут вылиться в образование этнических анклавов, особых районов.

Список источников и литературы

1. Chan C. K., Tang G. Contested citizenship in global city: Global citizenship, national identities and local identity in post-handover Hong Kong // *Social Transformations in Chinese Societies*. Vol. 15, №. 2, P. 129-144, 2019.
2. Трошинский П. В. Правовая система Китайской Народной Республики: становление, развитие и характерные особенности / П. В. Трошинский // *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина*. №5, С. 99-117, 2015.
3. 2021 Population Census: Main Results / Hong Kong: Census and Statistics Department, 2022. – 327 p.
4. Интерактивная база данных переписи населения Гонконга 2021 г. [Электронный ресурс] // Департамент переписей и статистики Гонконга: сайт. – URL: <https://idds.census2021.gov.hk/app/idds.html> (дата обращения 15.07.2023).
5. Интерактивная база данных переписей Гонконга 2011 и 2016 г. [Электронный ресурс] // Департамент переписей и статистики Гонконга: сайт. – URL: https://www.bycensus2016.gov.hk/en/bc-own_tbl.html. (дата обращения 15.07.2023).
6. Cortes P., Pan J. Outsourcing household production: Foreign domestic workers and native labor supply in Hong Kong // *Journal of Labor Economics*. Vol. 31, №. 2, P. 327-371, 2013.

Цзян Константин Сьюевич, магистр, Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия, e-mail: kostyacz@yandex.ru

NATIONAL MINORITIES OF HONG KONG SPECIAL ADMINISTRATIVE REGION, CHINA

Tsiang K.S.¹

¹ Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

Hong Kong Special Administrative Region (SAR) of China is characterized by a different approach to ethnic minorities as a part of population structure statistical observation as opposed to the rest of China. As a result of counting foreign groups in population statistics, which is not the case in Mainland China, it is possible to analyze how have globalization processes affected an existing demographic outlook of the territory. Particularly, it is reflected in a relatively high number of the peoples of South East Asia and South Asia representatives, as well as Europeans. At the same time, the definition of “Chinese” ethnicity is also different in Hong Kong. In the conducted research the dynamics of the size of national minorities groups is studied, as well as spatial analysis of distribution of these groups in Special Administrative Region’s districts with the use of a cartographic research method. Main materials are the results of Hong Kong Population Censuses 2016 and 2021 as well as 2016 Population by-census. The choice of Hong Kong is due to its global city status, and the “One country, two systems” policy of China.

Key words: Hong Kong, demographics, population ethnic composition, national minorities, “One country, two systems”.

Tsiang Konstantin S., Master’s Degree, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia e-mail: kostyacz@yandex.ru

УДК 314.9(512.317)

ИЗРАИЛЬСКОЕ ЛОББИ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ИЗРАИЛЯ В БОРЬБЕ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ

Шилова Э.В.¹

Понимание роли и влияния израильского лобби на политику США в проблеме международного терроризма имеет важное значение для понимания глобальной политической динамики и эффективности международных усилий в области безопасности. Влияние израильского лобби на внешнюю политику США велико, что обеспечивает Израилю определенную поддержку от угроз, исходящих от соседних с ним государств. В данной статье рассматривается роль израильского лобби в обеспечении безопасности Израиля в борьбе с международным терроризмом. Анализируются основные аспекты деятельности израильского лобби, такие как лоббирование законодательства, мобилизация общественной поддержки, внешнеполитические усилия и информационные кампании. Эти аспекты основаны на анализе академической литературы, политических деклараций и международных событий, связанных с деятельностью израильского лобби. В заключении подчеркивается значимость израильского лобби в обеспечении безопасности Израиля и его влияние на принятие мер по борьбе с международным терроризмом.

Ключевые слова: израильское лобби, неоконсерваторы, международный терроризм, американские евреи.

ВВЕДЕНИЕ

Несомненно, израильское лобби стало предметом интереса для многих исследователей. Американские профессора Д. Миршаймер и С. Уолт в труде «Израильское лобби и внешняя политика США» используют термин израильское лобби для обозначения свободной коалиции отдельных благотворительных организаций, которые работают над формированием внешней политики США в произраильском духе. Более того, Д. Миршаймер и С. Уолт отмечают, что лобби не всегда сотрудничают между собой и, бывает, расходятся во мнении по каким-то вопросам. Таким образом, мы видим, что израильское лобби состоит из групп, которые отстаивают интересы правительства США по вопросам, касающимся Израиля.

Израильское лобби разделяется на формальные и неформальные группы. Формальное лобби не скрывает целей лоббистской деятельности и состоит из трех различных лобби: центристское лобби, левое лобби и правое лобби.

Центристское лобби состоит из многих наиболее авторитетных и известных еврейских организаций – АИРАС (Американо-израильский комитет по общественным связям), Американский еврейский конгресс (AJCongress), Антидиффамационная Лига (ADL), Хадасса, Еврейский совет по общественному телевидению (JCPA), и Конференция президентов крупнейших американских еврейских организаций [11].

Левое лобби состоит из произраильских американцев, которые решительно протестуют против оккупации Израилем Западного берега, раздела Иерусалима, создания палестинского государства. J-Street является одной из главных леворадикальных партий и оно не приемлет идею военного вмешательства в Иран, призывая к диалогу двух стран-Израиля и США.

Правое лобби, в которое входят американцы, стремится обеспечить безопасность Израиля, поддерживая применение военной силы и считая, что последняя должна применяться безжалостно и разрушительно, когда это необходимо. К правому крылу лобби можно отнести такие организации, как «Американские друзья за Ликуд», «сионистская организация Америки», «американцы за безопасный Израиль» и «организация христианских сионистов».

К неформальному лобби принято относить журналистов, которые влияют на прессу. Важными элементами давления на политику США являются следующие газеты: Wall Street Journal, Chicago Sun-Times, Washington Times, Washington Post, Commentary, New Republic, Weekly Standard, а также New York Times [6].

Израильское лобби является важным фактором в обеспечении безопасности Израиля в борьбе с международным терроризмом, который исходит от таких организаций, как «ХАМАС» (террористическая организация, запрещенная в РФ), «Палестинский исламский джихад» (террористическая организация, запрещенная в РФ), «Хезболла» (террористическая организация, запрещенная в РФ), «Глобальный Джихад» («Аль-Каида») (террористическая организация, запрещенная в РФ), «Братья мусульмане» (террористическая организация, запрещенная в РФ), «ИГ» (террористическая организация, запрещенная в РФ).

Как пишет Г.П. Георгиев, ссылаясь на статистику «обзора государственных спонсоров терроризма», «Сирия поддерживает ряд террористических организаций», в частности, «Хезболла» (террористическая организация, запрещенная в РФ), а также «ХАМАС» (террористическая организация, запрещенная в РФ) и «Исламский джихад» (террористическая организация, запрещенная в РФ) [3, 18]. Все они угрожают Израилю, но, в отличие от «Аль-Каиды» (террористическая организация, запрещенная в РФ), ни одна из них, включая «Хезболла» (террористическая организация, запрещенная в РФ), напрямую не угрожает Соединенным Штатам. АИРАС (Американо-израильский комитет по общественным связям) критикует

сирийский режим за поддержку терроризма и настаивает на усилении санкций в отношении Сирии [2]. После начала восстания оппозиции в 2011 году АИРАС опубликовал несколько информационных материалов, в которых критиковал сирийский режим за нарушения прав человека и поддержку терроризма. Хотя лобби избегало призывов к прямому военному вмешательству США, оно настаивало на усилении санкций в отношении Сирии [13].

Важной угрозой для Израиля и США является Иран, который славится хорошим промышленным, техническим и научным потенциалом. У Ирана есть космическая программа. Их нынешняя ракета «Шахаб-3» предназначена для того, чтобы нести ядерную боеголовку. США и Израиль выступают против того, чтобы Иран разрабатывал ядерное оружие, а израильское лобби старается убедить конгрессменов принять решение, навязанное ими. По словам С. Поллака – американского еврея – кинорежиссера: «Правые, АИРАС, израильтяне – все кричали о новых санкциях в отношении Ирана», – подчеркивает С. Поллак, американский еврей, кинорежиссер [4]. По мнению Стивена Уолта и Джона Миршаймера, Иран хотел улучшить отношения с США и выбрал Сопос – американскую нефтяную компанию для разработки нефтяных месторождений [6]. Было потрачено более 20 миллионов долларов АИРАС, чтобы организовать рекламу в 30–40 штатах в целях просвещения общественности «об опасностях предлагаемой сделки с Ираном», но этот план Ирана ни к чему не привел, потому что Х. Клинтон сорвала сделку 14 марта 2015 г.

«В марте 2007 года состоялась встреча США и Израиля. Последний настаивал на дипломатических средствах решения проблемы, но ЗРС (Конфигурация сионистских сил) надавила на США развязать войну против Ирака», – отмечает Джеймс Петрас [14].

Как пишет Дж. Миршаймер и С. Уолт произраильская организация ЗРС оказывала влияние на свержение режима Саддама Хусейна, но это только создало основу для новой череды войн с противниками Израиля, включая «Хезболлу» (террористическая организация, запрещенная в РФ), «Аль-Каиду» (террористическая организация, запрещенная в РФ) и другие террористические организации.

Неоконсерваторы предоставили 97 миллионов долларов для финансирования групп, приверженных свержению Саддама. Профессоры С. Уолт и Д. Миршаймер выдвинули такую теорию, что после свержения Саддама Хусейна произраильское лобби играло роль в первую иракскую компанию 1990- гг. [6].

Д. Б. Графов пишет, что важную роль в войне в Ираке сыграл начальник аппарата вице-президента Д. Чейни Л. Либби. Он посетил ЦРУ и дал задание: найти любые доказательства угрозы со стороны Ирака. Потом следовало выступление К. Пауэлла на конференции в ООН, где он показал пробирку, будто в ней находилось иракское бактериальное оружие. Британский министр иностранных дел Дж. Стром отметил: «Трудно сказать, в какой день Л. Либби работает на израильтян, а в какой – на американцев».

О причастности израильского лобби начать войну свидетельствовал конгрессмен Дж. Моран: «Если бы у нас не было сильной поддержки еврейского сообщества начать войну с Ираком, мы бы не сделали этого» [7].

«Лишь спустя время было доказано, что военная кампания вторжения в Ирак была спланирована лобби, чтобы нанести ответные удары терроризму и защитить Израиль», – пишет В. И. Фрадкова [8]. Для этого лобби получило одобрение Конгресса США, путем влияния на СМИ и развернуло кампанию против режима Саддама Хусейна. З. Бжезинский, американский политолог, назвал войну в Ираке «бедствием с точки зрения стратегических действий США» [9]. Специалисты утверждают, что затраты на войну в Ираке превысили расходы Второй мировой войны, 12-летней войны во Вьетнаме. Число погибших американцев в Ираке составило 4000 человек. Самое главное, что цель США ликвидировать терроризм – не была достигнута. После войны в Ираке была создана благоприятная почва для расширения террористических сетей терроризма по всему миру [10].

Если говорить о военно-техническом сотрудничестве США с Израилем в 2014 году, то совсем недавно АИРАС являлся ведущим сторонником финансирования США израильской системы противоракетной обороны «Железный купол», совместного американско-израильского проекта, предположительно предназначенного для защиты Израиля от ракетных обстрелов, запускаемых с палестинских территорий. Хотя многие ставят под сомнение эффективность дорогостоящей программы, АИРАС приписывает ей «спасение бесчисленных жизней гражданского населения [15]». Поскольку Конгресс рассматривал сокращение бюджета на программы обороны и

иностранный помощи в начале 2013 года, АИРАС мобилизовался для защиты позиций Израиля, включая систему «Железный купол».

«Железный купол» – тактическая система ПРО, предназначенная для защиты от неуправляемых ракет на дальности от 4 до 70 км. Данная система была разработана компанией «Рафаэль» (Rafael Advanced Defense Systems). Она успешно показала свое превосходство во время операции «Облачный столп» (ноябрь 2012 г.), когда при ее помощи была перехвачена 421 ракета из сектора Газа [16]. «В период нарастающих угроз американским интересам в регионе и нашему важнейшему союзнику Израилю сейчас не время сокращать жизненно важную помощь, которая приведет только к большим и серьезным издержкам», – сказал представитель АИРАС, которого цитирует «the Jerusalem Post» [17]. В следующем году, во время войны Израиля в Газе в 2014 году, АИРАС активно лоббировав экстренную добавку в размере 225 миллионов долларов США для финансирования «Железного купола».

Во время Ливанской войны (1982–1985) лобби собирало деньги для еврейского государства, размещало рекламу в газетах, внимательно следило за средствами массовой информации и посылало своих представителей на встречи с законодателями и персоналом в Конгресс. Израильский военный и государственный деятель Моше Даян писал: «Наши Американские друзья предлагают нам деньги, оружие и советы. Мы берем деньги, мы берем оружие и отказываемся от советов» [6]. Наконец, лобби подтолкнуло американских лидеров к разоружению «Хезбаллы» (террористическая организация, запрещенная в РФ) и помогло создать Ливан, дружественный Израилю. Но эти цели не могут быть достигнуты без радикального изменения поведения Ирана и Сирии, поскольку эти государства поддерживают и вооружают «Хезбаллу» (террористическая организация, запрещенная в РФ). Как пишет американские профессора Д. Миршаймер и С. Уолт: «Барак Обама однажды признался, что, если бы он родился палестинцем, он присоединился бы к террористическим организациям» [6]. Это – явное оправдание терроризма с его стороны несмотря на то, что Израиль развязал кампанию бомбардировок, разрушил важную инфраструктуру: дороги, мосты, заправок, станции и здания. Более тысячи ливанцев погибли, большинство из них — ни в чем не повинные мирные жители [6]. Но, с другой стороны, если бы ситуация была обратной и израильтяне находились под арабской оккупацией, они почти наверняка использовали бы подобные тактики против своих угнетателей.

Как пишет Хавив Реттиг Гурм, аналитик «The Times of Israel» «Организация лоббистов «Христиане, объединенные за Израиль» в пятницу 16 ноября 2012 г. начала кампанию по написанию писем с требованием, чтобы Twitter запретил «ХАМАС» (террористическая организация, запрещенная в РФ) использовать свою платформу для ведения микроблогов» [10]. Аккаунты в Твиттере, связанные с «ХАМАС» (террористическая организация, запрещенная в РФ), особенно с «Бригадами Аль-Кассам» (террористическая организация, запрещенная в РФ) прославляют ракетные обстрелы израильских мирных жителей и публикуют фотографии мертвых детей, предположительно погибших в результате израильских ударов. Как выяснилось, многие из них были скопированы с сайта сирийской оппозиции, который утверждал, что дети стали жертвами насилия в Сирии. Дэвид Брэг, исполнительный директор CUFI (Американская христианская организация, поддерживающая Израиль), заставил более 12 000 сторонников CUFI отправить письма в Конгресс, прокуратору США, чтобы запретить «ХАМАС» (террористическая организация, запрещенная в РФ) распространять фейковые снимки. Группа также запустила хэштег в Твиттере под названием #VanNamas и призвала сторонников использовать хэштег на сайте, чтобы сделать его «трендовым» или появиться в списке самых популярных тем на главной странице Twitter, но, к сожалению, запросы удалить аккаунты «ХАМАС» (террористическая организация, запрещенная в РФ) в твиттере, высланные в прокуратуру США в Сан-Франциско не были решены. Исходя из этого, можем сделать вывод, что не все решения, выдвинутые лоббистами, поднимаются для рассмотрения в Конгрессе.

В конце марта 2002 г., когда террорист-смертник из «ХАМАС» (террористическая организация, запрещенная в РФ) убил тридцать израильтян на пасхальном севере, подкомитет Палаты представителей по ассигнованиям собрался, чтобы рассмотреть вопрос о выделении Израилю дополнительных 200 миллионов долларов на борьбу с терроризмом [10]. Белый дом был против этого пакета, но А. Шарон и израильское лобби быстро решили этот растущий спор, убедив администрацию Д. Буша и американский народ в том, что Соединенные Штаты и Израиль столкнулись с общей угрозой терроризма. В итоге лобби убедило Д. Буша и последний подписал закон, чтобы выделить Израилю деньги [10].

Масштабы деятельности АИРАС в «противодействии международному терроризму» привели к тому, что США наложили санкции террористические организации: «ХАМАС» (террористическая организация, запрещенная в РФ), «Хезболла» (террористическая организация, запрещенная в РФ), «Исламский джихад» (террористическая организация, запрещенная в РФ) и Израилю была оказана военно-техническая помощь [19].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом, израильское лобби играет важную роль в обеспечении безопасности Израиля в борьбе с международным терроризмом. Оно представляет интересы Израиля на международной арене, мобилизует ресурсы и поддержку США Израилю, использует СМИ и общественные организации для пропаганды своих идей. Это позволяет Израилю эффективно вести борьбу с терроризмом и обеспечивать безопасность своим гражданам.

Благодарность. Выражаю особую благодарность моему научному руководителю, Кумпан Екатерине Николаевне, канд. ист. наук, доценту кафедры всеобщей истории и международных отношений ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» за советы и замечания, высказанные при проведении исследования и написания данной статьи.

Список источников и литературы

- 1 Информационный центр Меира Амига по изучению терроризма. – URL: <http://www.terrorism-info.org.il/ru/index.aspx>. (дата обращения 08.01.2023).
- 2 Сурков, Н. Ю. Пронизраильское и арабское лобби в США // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2007. – №10. – С. 113–127.
- 3 Георгиев, Г. П. Иран и терроризм / Г. П. Георгиев // Уральское востоковедение. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2007. — Вып. 2. – С. 183-197
- 4 Еврейский мемориал. – URL: <http://www.jewish-memorial.narod.ru/Pollak.htm> (дата обращения: 02.02.2023).
- 5 Война и мир Усамы бен Ладена // Nuklearno. Ru. – URL: <http://nuklearno.ru/?id=8151>. – (дата обращения: 01.02.2023).
- 6 Mearscheimer J., Walt S. The Israel Lobby and US Foreign Policy. New York, 2007. P. 123.
- 7 Графов, Д.Б. Работа пронизраильского лобби в США XXI века // Историческая психология и социология истории, 2013. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rabota-proizrail'skogo-lobbi-v-ssha-xxi-veka/viewer> (дата обращения: 16.03.2023).
- 8 Фрадкова, В. И. Ближневосточная стратегия неоконсерваторов США или другая правда о войне в ливии // Вестник МГИМО-Университета, 2011. URL: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2011-2-17-281-286> (дата обращения: 22.01.2023).
- 9 Sniegovski, St. The Transparent Cabal. Virginia. // Enigma Editions. P. 357. – URL: <https://stacy-sniegovski.squarespace.com/home> (дата обращения: 01.02.2023).
- 10 Хавив, Р.Г. Христианские сионисты // The times of Israel, 2012. – URL: <https://blogs.timesofisrael.com/confusing-israel/> (дата обращения: 05.01.2023).
- 11 About the Conference // Conference of Presidents of Major Jewish Organizations. – URL: <http://www.conferenceofpresidents.org/about> (дата обращения: 22.01.2023).
- 12 Guerra contra el «terrorismo» Voltarenet.org. URL: <https://www.voltarenet.org/mot2003.html?lang=es> (дата обращения: 25.03.2023).
- 13 Сурков, Н. Ю. Пронизраильское и арабское лобби в США // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2007. – №10. – С. 113–127.
- 14 Израильское лобби и ближневосточная политика США в 2007 году // Лефт.ру. – URL: <http://left.ru/2007/10/petras162-2.phtml> (дата обращения: 01.02.2023).
- 15 Problem: missile defense // AIPAC. – URL: <http://www.aipac.org/learn/us-and-israel/military-partnership/missile-defense> (дата обращения: 21.01.2023).
- 16 Sharp J. U.S. Foreign Aid to Israel // Congressional Research Service, 2012. URL: https://ozlib.com/812410/sotsium/amerikanskaya_pomosch_izrailyu_2009_2014#aftercont (дата обращения: 26.01.2023).
- 17 Neve Alice. Steinitz: Israel is worried by US sequester // Jerusalem Post. 2013. – URL: <http://www.jpost.com/Business/Business-Features/Steinitz-Israel-is-worried-by-US-sequester> (дата обращения: 26.01.2023).
- 18 Обзор государственных спонсоров терроризма // Archive, 2006. – URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/enru.ru.149ac36d6409e80fe15d4ae674722d776562/https/20012009.state.gov/sct/rls/ct/2005/64337.htm (дата обращения: 16.02.2023).
- 19 What We've Recently Achieved. – URL: <http://www.aipac.org>. (дата обращения: 21.02.2023).

Шилова Элина Вадимовна, студент, Кубанский Государственный Университет, Краснодар, Россия, e-mail: cool.shilova2016@gmail.com

THE ISRAELI LOBBY AS A FACTOR OF ENSURING ISRAEL'S SECURITY IN THE FIGHT AGAINST INTERNATIONAL TERRORISM

Shilova E.V.¹

The influence of the Israeli lobby on US foreign policy is great, which provides Israel with some support from threats emanating from neighboring states. This article explores the role of the Israeli lobby in ensuring Israel's security in the fight against international terrorism. The main aspects of the activity of the Israeli lobby are analyzed, such as lobbying legislation, mobilization of public support, foreign policy efforts and information campaigns. These conclusions are based on an analysis of academic literature, political declarations and international events related to the activities of the Israeli lobby. In conclusion, the importance of the Israeli lobby in ensuring Israel's security and its influence on the adoption of measures to combat international terrorism is emphasized. Understanding the role and influence of the Israeli lobby on U.S. policy on international terrorism is important for understanding the global political dynamics and the effectiveness of international security efforts.

Key words: Israeli lobby, neoconservatives, international terrorism, American Jews.

Shilova Elina Vadimovna, Student, Kuban State University, Krasnodar, Russia, e-mail: cool.shilova2016@gmail.com

УДК 327.57

РОЛЬ РОССИИ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНФИГУРАЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИЦЕНТРИЧНОЙ МИРОВОЙ СИСТЕМЫ

Шумилина М.А.¹, Нефедова К.А.¹, Чирков М.А.², Чистяков М.С.¹

¹ Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования Центросоюза Российской Федерации «Российский университет кооперации», Владимирский Филиал, Владимир, Россия

² Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Рассматривается роль России в становлении новых центров многополярной конфигурации мироустройства в контексте геополитической ответственности государств, участвующих в новой архитектуре мироустройства, с учетом последних тенденций эскалации геополитической напряженности и противодействия санкционным попыткам западной коалиции повлиять на процессы крушения однополярной системы, «основанной на правилах». Приводятся стратегические цели достижения субъектности России в формирующейся мировой архитектуре новых «центров сил» существования глобальной цивилизации.

Ключевые слова: многополярность, однополярность, полицентричность, субъектность, геостратегия, геополитическая напряженность, глобальное мироустройство.

Глобальные геополитические и геоэкономические трансформационные сдвиги формируют новый баланс сил в условиях смены однополярного мироустройства и парадигмы геополитической ответственности государств. Мы являемся свидетелями возрождения полицентричного мироустройства [6, 268]. В подтверждение данного тезиса, в условиях потенциально возможной утраты гегемонии на мировой политической, экономических предпочтений и политического влияния, США предпринимают значительные разноаспектные механизмы восстановления утраченных позиций, обусловленных непомерными амбициями «мирового жандарма». В сложившихся геополитических обстоятельствах особая миссия отводится России в качестве центра противодействия однополярному миропорядку и демонстрации глобальному социуму потенциала отстаивания национальных интересов, часто кардинально противоречащих интересам и замыслам англосаксонского мира во главе с Соединенными Штатами.

Последние события геополитических реалий свидетельствуют об утрате способности однополярного мироустройства к самоупорядочиванию. США, до недавнего времени остававшиеся единственным центром однополярного мира, останутся одним из центров многополярного мироустройства наряду с Европейским союзом и Китаем, что подразумевает процесс поиска объективных компромиссных решений в контексте выработки механизмов взаимоотношений на многовекторной геополитической арене [2].

В становлении многополярного мироустройства участвует и Россия как страна с многовековой историей и центр эволюционного развития. Все более заметно присутствие России в международных финансовых и экономических системах, на политических площадках как

государства, несущего определенную глобальную ответственность в новой архитектуре формирующегося мироустройства. Без России невозможно принятие решений мирового значения. Наша страна является центром влияния на развивающиеся государства. Данная реальность подтверждается потенциалом России по противостоянию внешним угрозам и беспрецедентному санкционному давлению, по отстаиванию национальных стратегических интересов.

Отметим, что без успехов в экономическом развитии невозможен статус «глобальной игрока» в формирующемся многополярном мироустройстве. Развитие современной цивилизации все больше приобретает очертания «Индустрии 4.0», в котором главным драйвером являются высокие технологии. «Уловив» тенденции «надстройки» биотехнологий, нанотехнологий, геномной инженерии, когнитивных и аддитивных технологий над обыденностью традиционной машинной техники [5], Россия сможет стать одним из мировых технологических лидеров. Данные позиции в синергии с политическим влиянием сможет обеспечить России статус одного из центров нового многополярного мироустройства.

Имидж сверхдержавы Россия утратила в конце XX века. При этом западные «кураторы» демократизации России тщательно транслировали для мировой общественности ее статус как страны с политической и экономической неопределенностью, как государства с коррумпированной и криминализованной государственной системой, углеводородозависимой экономикой. При этом бывшие партнеры усиленно искажают исторические, культурные, военно-политические аспекты российской государственности, которые и в настоящей действительно ценятся и очень высоко котируются во всем мире.

Тем не менее трансформационная коррекция восстановления имиджа России в ряду становления новых центров мироустройства происходит под воздействием ряда способствующих данному глобальному стратегическому процессу геополитических факторов [1]:

1. Нерегулируемого характера (географическое положение; площадь занимаемой территории и протяженность границ; расположение относительно других государств, транспортно-логистических узлов, выход к морям и океанам; природно-ресурсный потенциал);
2. Исторические факты, закрепившие статус государства в мировой иерархии свершившихся событий (географические и научные открытия; завоевания и победы; вклад великих россиян, фамилии которых вошли в мировую и национальную историю и т.п.);
3. Корректируемые факторы (социальное и социально-психологическое благополучие населения; морально-нравственные аспекты развития российского общества; общественно-политическая свобода и интеграция россиян в политическую жизнь государства и т.д.).

Учитывая особое место российского государства в глобальном мироустройстве, на которое исторически возложена солидарная ответственность за становление обновленной цивилизации, в которой главенствующими являются гуманистические ценности [3, 237], восстановление и усиление роли России, ее геополитической ответственности в новом формирующемся миропорядке в качестве антитезы попыткам глобалистов усилить свои позиции в ущерб позициям нашего государства представляется в задействовании руководством страны статических и динамических возможностей российского государства: социально-экономического, дипломатического, военного, политического, геостратегического и т.д. Использовать данный потенциал, по нашему мнению, необходимо с коалицией выработки и реализации ключевых решений во внутренней и внешней политике. Перечисленные направления усилятся при наличии политической воли и гражданско-патриотического самосознания как руководства, так и граждан страны.

Глобальный системный кризис сложившегося мироустройства актуализирует предпосылки рассмотрения целесообразности дальнейшей гегемонии «американо-центристой долларовой системы», являющейся единственной доминантой на общемировом финансовом пространстве. Мультиполярность мировой валютной системы могла бы способствовать закреплению и дальнейшему поддержанию полицентричного мира, а также установлению более стабильной мировой финансовой системы [6, 268-269]. В связи с этим необходимы значительные усилия российского руководства по созданию альтернативных финансово-валютного инструмента в противовес глобальной платежной системе во главе с американским долларом, например, единой валюты БРИКС, которая может стать заменой американской валюты в международных расчетах, часто используемого США в качестве инструмента политического манипулирования, санкционного давления и достижения своих интересов. В целях реализации

озвученных перспектив необходимо синергетическое сочетание преодоления технологического разрыва, высокотехнологическая реиндустриализация, поиск альтернативных технологических и товарно-производственных ниш [3,241], способствующих генерации конкурентных преимуществ как России, так и БРИКС в целом.

В то же время Российская Федерация продолжает сталкиваться с многочисленными вызовами, выраженными в попытках коллективного Запада подорвать ее международные позиции, расширить зону эскалации конфликтов вокруг российских границ. Без соответствующего превентивного реагирования потенциально генерируются угрозы национальной безопасности нашему государству на глобальном, региональном и субрегиональном уровнях.

Учитывая успехи дипломатической службы, необходимо повышать уровень субъектности в формирующемся многополярном мироустройстве, например, посредством расширения геополитического и военного сотрудничества с Китайской Народной Республикой, странами Ближнего Востока и Латинской Америки. Необходимо дальнейшее последовательное восстановление утраченных в период постперестроечной эпохи связей – с Монголией, Вьетнамом, Лаосом и т.д., что усилит геополитические позиции России в Юго-Восточной Азии, расширит стратегическое сотрудничество с быстро развивающимися экономиками государств региона.

Значительный прогресс дипломатического корпуса достигнут в контексте расширения сферы влияния на африканском континенте. Списание долговых обязательств стран Африки перед Российской Федерацией принесет политические и экономические дивиденды, выведет на новый, более высокий уровень взаимное сотрудничество с африканскими государствами, богатыми природными ресурсами, необходимыми для экономического развития – как самому африканскому континенту, так и России, которая технологически и экономически способна содействовать в развитии добывающей и перерабатывающей промышленности, что обеспечит окончательную утрату влияния бывших государств-колонизаторов в данном регионе.

Отдельного внимания заслуживают отношения с государствами постсоветского пространства в проекции нивелирования угроз, порождаемых геополитическими интересами и борьбой запада за сферы влияния в бывших союзных республиках. В условиях ускорения турбулентных процессов необходима, по нашему мнению, активизация объединительных процессов с лояльными станами-участниками СНГ, способствующих формированию стратегического потенциала дальнейшего конструктивного сотрудничества и развития, а также как элемент нивелирования прозападных угроз, навязываемых под видом демократических и цивилизационных ценностей. С точки зрения глобального масштаба и российского стратегического вектора представляет интерес «евразийство» в качестве идейно-мировоззренческой концепции с учетом геостратегического положения большей части территории России в азиатском регионе, что позволит зафиксировать приоритетный статус в обновленном, многополярном мироустройстве, коррелирующий интересам российского государства, историческому наследию, цивилизационной роли и значимости как державе, выступающей связующим звеном между Востоком и Западом, и как антиподу «евроатлантизму» [4].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перспективы Российской Федерации в качестве центра многополярного мироустройства напрямую связаны с реализацией концептуальных механизмов национальной геостратегии в XXI веке. Отказ России от «навязанного» прозападного вектора развития способствуют возврату утраченных геополитических позиций, вполне обоснованных многовековой историей российской государственности в качестве мировой державы. Россия сохраняет влияние в русле дипломатических сношений в статусе влиятельного субъекта международных отношений и мирового права. Вместе с тем необходимо констатировать, что дальнейшее наращивание экономического потенциала и геополитического влияния позволит России нивелировать и минимизировать многочисленные геостратегические угрозы «слома» однополярной системы мироустройства и сохранить статус великой мировой державы.

Список источников и литературы

1. Боровков М.И. Трансформация имиджа России в современном мире // сборник материалов Международной научно-практической конференции «Геополитическая картина мира: угрозы и вызовы». – Москва: Московский государственный лингвистический университет, 2022. – С. 21-30.

2. Гончаров И. В. Вопросы международного сотрудничества государств в области прав человека в условиях формирования многополярного мира // Труды Академии управления МВД России. – 2009. – № 3(11). – С. 3-8.
3. Лачинина Т.А., Чистяков М.С. Предпосылки глобальных трансформационных изменений реиндустриализации России // сборник научных трудов участников X Международной Кондратьевской конференции, посвященной 125-летию со дня рождения Н.Д. Кондратьева «Научное наследие Н.Д. Кондратьева и современность». – Москва: Международная общественная организация содействия изучению, пропаганде научного наследия Н.Д. Кондратьева, 2017. – С. 237-241.
4. Леванова К.А. Геополитические проблемы и задачи России в формирующемся многополярном мире в начале XXI в // Система ценностей современного общества. – 2014. – № 38. – С. 71-76.
5. Чирков М.А., Чистяков М.С. Кластерная направленность эволюции NBIC-конвергенции в формировании платформенного подхода высокотехнологического развития России // Менеджмент и бизнес-администрирование. – 2019. – № 2. – С. 145-161.
6. Чистяков М.С. Глобальный системный кризис в формировании процесса реиндустриализации и выбора модели общественного развития // сборник научных трудов участников IV Международной научной конференции «Глобальные процессы и новые форматы многостороннего сотрудничества». – Москва: Международная общественная организация содействия изучению, пропаганде научного наследия Н.Д. Кондратьева, 2016. – С. 268-270.

Шумилина Маргарита Аркадьевна, к. экон. н., доцент, директор Владимирского филиала АНОО ВО ЦС РФ «Российский университет кооперации», e-mail: mshumilina@ruc.su

Нефёдова Ксения Александровна, к. экон. н., доцент, заместитель директора Владимирского филиала АНОО ВО ЦС РФ «Российский университет кооперации», e-mail: k.a.nefedova@ruc.su

Чирков Максим Андреевич, к. экон. н., доцент, доцент кафедры политической экономии экономического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, e-mail: mospil@mail.ru

Чистяков Максим Сергеевич – младший научный сотрудник, Владимирский филиал АНОО ВО ЦС РФ «Российский университет кооперации», e-mail: m.s.chistyakov@ruc.su

RUSSIA'S ROLE IN THE GEOPOLITICAL CONFIGURATION OF THE FORMATION OF A POLYCENTRIC WORLD SYSTEM

Shumilina M.A.¹, Nefedova K.A.¹, Chirkov M.A.², Chistyakov M.S.¹

¹ Autonomous Non-Profit Educational Organization of Higher Education of the Centrosyuz of the Russian Federation "Russian University of Cooperation", Vladimir Branch
² Lomonosov Moscow State University

The role of Russia in the formation of new centers of the multipolar configuration of the world order is considered in the context of the geopolitical responsibility of the states participating in the new architecture of the world order, taking into account the latest trends in the escalation of geopolitical tensions and countering the sanctions attempts of the Western coalition to influence the collapse of the unipolar system "based on rules". The strategic goals of achieving Russia's subjectivity in the emerging world architecture of new "centers of forces" for the existence of global civilization are given.

Key words: multipolarity, unipolarity, polycentricity, subjectivity, geostrategy, geopolitical tension, global world order.

Shumilina Margarita Arkadyevna, Ph.D. Ph.D., Associate Professor, Director of the Vladimir Branch of the Russian University of Cooperation, e-mail: mshumilina@ruc.su

Nefedova Ksenia Aleksandrovna, Ph.D. Ph.D., Associate Professor, Deputy Director of the Vladimir Branch of the Russian University of Cooperation, e-mail: k.a.nefedova@ruc.su

Chirkov Maxim Andreevich, PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Political Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, e-mail: mospil@mail.ru

Chistyakov Maxim Sergeevich, Researcher, Vladimir Branch of the Russian University of Cooperation, e-mail: m.s.chistyakov@ruc.su

UDK (470+571:510) (98)

SINO-RUSSIAN COOPERATION IN THE ARCTIC IN THE AGE OF GEOPOLITICAL TURBULENCE: PROBLEMS AND OPPORTUNITIES

Sergunin A.A.¹

¹ St. Petersburg State University, St. Petersburg, 7-9 Universitetskaya Emb., Russia, e-mail: a.sergunin@spbu.ru

This study examines both the causes of a paradigmatic shift in the Sino-Russian bilateral relations on the Arctic and the main areas of cooperation between Moscow and Beijing in this region in the context of the ongoing Ukrainian crisis. Particularly, the following areas of Sino-Russian cooperation are explored: energy, Arctic shipping, Polar Code implementation and improvement, and Arctic science diplomacy.

Keywords: China, Russia, Arctic, energy, Northern Sea Route, Arctic science diplomacy.

INTRODUCTION

For various reasons, the Arctic is among the important priorities for both Russia and China. Of course, this region is much more important for Moscow in economic, social, political, cultural and military-strategic relations than for Beijing, if only because Russia is part of the Arctic [1]. But for China, the importance of the Arctic is constantly increasing due to its interest in receiving natural resources from there (primarily hydrocarbons), which are so necessary for the dynamic and stable development of the Chinese economy [2]. There is also Beijing's interest in ensuring stable and safe navigation via the Northern Sea Route (NSR), as well as the development of cross-polar air routes running through Russian territory.

After the start of Russia's special military operation (SMO) in Ukraine, on the one hand, and the growing tension in US-Chinese relations, on the other, the rapprochement of Moscow and Beijing's positions on many issues of world politics has intensified even more. As the visit of Chinese President Xi Jinping to Moscow in March 2023 demonstrated, the Arctic has also become one of the areas of intensive Sino-Russian cooperation.

This study's research objective is two-fold: On the one hand, it examines the causes of a paradigmatic shift in the Sino-Russian bilateral relations on the Arctic and, on the other hand, the main areas of cooperation between Moscow and Beijing in this region in the context of the ongoing Ukrainian crisis.

SINO-RUSSIAN COOPERATION IN THE ENERGY SECTOR

Energy, of course, is the highest priority area of cooperation between Russia and China in the Arctic. Chinese financial institutions own almost 30% of the assets of Novatek Yamal LNG. Chinese companies are also taking part in another Novatek Arctic LNG-2 project (20% of assets) [3].

To transport Arctic oil and LNG, China has created a rather large tanker fleet, which continues to grow. Chinese companies are involved in the construction of a terminal in the Bechevinskaya Bay in Kamchatka, where LNG will be reloaded from ice-class tankers to conventional tankers for the delivery of LNG to the countries of East and Southeast Asia.

The possibility of participation of Chinese companies in the Rosneft Vostok Oil project, including the transportation of oil through the port under construction on the Taimyr Peninsula, is being discussed.

NORTHERN SEA ROUTE

Russia expects Chinese companies to participate in the modernization of the NSR port infrastructure, although China has not yet shown concrete initiatives in this area. During the March 2023 meeting between Vladimir Putin and Xi Jinping, it was announced that both sides were ready to create a joint working body on the development of the Northern Sea Route [4].

Sino-Russian cooperation on the implementation of the Polar Code of the International Maritime organization (IMO) is one more issue on the bilateral cooperative agenda. To prevent environmental damage to the NSR water area, both countries pay great attention to equipping vessels navigating the NSR with engines running on "light" fuel, providing them with equipment and hull construction that ensure safe navigation in polar waters. They also try to minimize other emissions of pollutants from ships traveling via the NSR.

To improve navigation safety in polar conditions and prevent maritime incidents, Russian and Chinese relevant services and shipping companies have established cooperation in such areas as the exchange of meteorological and cartographic information, as well as data on the ice dynamics in the Arctic. Establishing joint control mechanisms for assessing vessel and crew's preparedness to navigate icy waters and training Chinese crews in the Russian maritime training centers are advisable.

Both sides (together with other IMO member-states) are also working to improve the Polar Code, including the introduction of a complete ban on the use of "heavy" fuel in the Arctic (similar to

Antarctica), the discharge of ballast water, the introduction of noise-reducing technologies on ships, and so on.

ARCTIC SCIENCE DIPLOMACY

Sino-Russian scientific cooperation in the Arctic (Arctic science diplomacy - ASD) is one more sphere of active interaction between the two countries. The following priorities for ASD can be identified: global climate change; ice dynamics; permafrost; continental shelf exploration; Arctic mineral resources; flora and fauna; conservation of biodiversity; socioeconomic implications of climate change in the region; indigenous peoples of the North, etc.

Sino-Russian cooperation in the ASD field is being exercised via the following venues: 1) the Arctic Council's working and expert groups; 2) international non-governmental scientific organizations (International Arctic Scientific Committee, International Union of Circumpolar Health, International Arctic Social Sciences Association; Association of Polar Early Career Scientists, Arctic Institute, University of the Arctic, European Polar Consortium, etc.); 3) agreement between the Russian and Chinese Academies of Sciences; 4) bilateral projects between scientific and educational institutions of the two countries; 5) joint land and marine polar expeditions [5].

CONCLUSION

To sum up, despite the current geopolitical turbulence Sino-Russian cooperation in the Arctic has rather good prospects in the foreseeable future. It is obvious that the most important priorities of Sino-Russian cooperation will continue to include energy, Arctic shipping, the development of the NSR infrastructure and science diplomacy. At the same time, I would like to hope for a more active participation of the Chinese side in areas such as the modernization of the NSR port infrastructure and the construction of ice-class vessels for their operation on the NSR. Sino-Russian military cooperation in the Arctic will be limited and will boil down mainly to conducting joint maneuvers in the Bering Sea and patrolling the airspace in Alaska's vicinity. Neither Russia nor China is interested in escalating military tensions in the High North.

Acknowledgements: This study was done in the frame of the research project no. 102229431 funded by the St. Petersburg State University.

Literature

7. Конышев В.Н., Сергунин А.А., Хотькова Е.С. Арктика в современной системе международных отношений и национальные интересы России // Проблемы национальной стратегии, 2014, № 5, с. 9-43.
8. Конышев В.Н., Сергунин А.А. Освоение природных ресурсов Арктики: пути сотрудничества России с Китаем в интересах будущего // Национальные интересы: приоритеты и безопасность, 2012, № 39 (180), с. 2-9.
9. Филиппова Л. Новая роль Китая в Арктике: по следам визита Си Цзиньпина в Россию // Сайт клуба «Валдай», 2023, 31 мая. https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/novaya-rol-kitaya-v-arktike/?ysclid=ljbsbd_xiyo249522585
10. Путин: Россия и Китай готовы создать рабочий орган по развитию Северного морского пути // Ведомости, 2023, 21 марта. <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2023/03/21/967507-rossiya-kitai-severnogo-morskogo-puti>
11. Гутенев М.Ю., Сергунин А.А. Арктическая научная дипломатия России: теория и практика // Вестник международных организаций, 2022, т. 17, № 3, с. 155-174.

Научное издание

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ И РЕГИОНАЛИЗАЦИИ:
К НОВОЙ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ОБЩЕСТВА**

**Материалы
Международной научной конференции**

**Под редакцией Н. М. Михеевой,
Д. Н. Хальчевского, Н. В. Каледина**

**Санкт-Петербург, СПбГУ
10–11 ноября 2023 года**

Подписано в печать 07.08.2024. Формат 60×84/16. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 18,02. Тираж 100. Заказ 149.

Выпущено ООО «Медиапапир»
с готового оригинал-макета, предоставленного заказчиком.
194021, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 28, литера А,
помещ. 3-н, ком. 184, 185, 188, 192, 193, 194. Тел.: (812) 987-75-26
mediapapir@gmail.com www.mediapapir.com www.mediapapir.ru